

С. Г. Кляшторный

История Центральной *Азии*

и памятники
рунического письма

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АЗИАТИКА

Первый тюркский каганат

--- Границы государств

- - - - - Границы тюркских каганатов

Серия
«АЗИАТИКА»

С. Г. Кляшторный

ИСТОРИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И ПАМЯТНИКИ
РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2003

Федеральная программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздательства России»)

Кляшторный С. Г.

К 52 История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 560 с. — (Азиатика).

ISBN 5-8465-0106-0

В книге дается анализ памятников древнетюркской рунической эпиграфики, рассматривается политическая и этнокультурная история тюркских каганатов VI–VIII вв., с которой связано формирование евразийской общности в домонгольскую эпоху; определяется роль согдийцев в становлении общекультурных парадигм на территории от Китая до Амударьи, а также рассматривается процесс тюркизации на всем пространстве Внутренней Азии.

Книга содержит иллюстрации из архива С. Г. Кляшторного, значительная часть которых ранее не публиковалась.

ББК 63.3(54)

Ответственный редактор *В. В. Яковлев*
Редактор *О. С. Капполь*
Корректоры *Н. И. Васильева, Д. Е. Стукалин,*
М. К. Одиноква, В. О. Кондратьева
Технический редактор *И. К. Иванова*
Художник *С. В. Лебединский*
Компьютерная обработка текста *О. А. Герасимова,*
И. В. Герасименко, И. К. Иванова

ISBN 5-8465-0106-0

© С. Г. Кляшторный, 2003
© Филологический факультет СПбГУ, 2003
© С. В. Лебединский, оформление, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древняя и раннесредневековая история Средней и Центральной Азии до сих пор остается одним из наименее изученных разделов всемирной истории. Между тем археологические открытия и историко-филологические исследования последних десятилетий дают право утверждать, что роль народов, населяющих глубинные области азиатского материка, в процессе исторического и культурного развития Евразии была большей, чем это представлялось ранее.

Трудность изучения истории Средней и Центральной Азии определяется прежде всего слабостью источниковедческой базы — число источников сравнительно невелико; круг событий, которые они отражают, чрезвычайно узок; большая часть дошедших до нас источников создана за пределами Средней и Центральной Азии, а время их написания не всегда близко ко времени описываемых событий. Поэтому трудно переоценить значение тех, хотя бы и немногочисленных, письменных памятников, которые обладают двумя существенными и неоспоримыми для историка достоинствами — автохтонностью и аутентичностью. К числу таких памятников относятся древнетюркские рунические надписи.

Настоящая работа содержит анализ и систематизацию относящихся к Средней Азии материалов, извлеченных из древнетюркских рунических текстов, сопоставление их с материалами других источников и обобщение достигнутых результатов в историографическом и в источниковедческом аспектах.

Впервые работа была опубликована в 1964 г., после серии статей, подготовлявших ее¹. Однако позднее автор осуществил серию обширных полевых исследований в Хакасии и Туве (1966–1973) и в Монголии (1968–1990), в ходе которых были открыты неизвестные ранее памятники древнетюркской письменности. Вместе с тем осуществлены многосторонние и многоплановые исследования памятников, результаты которых нашли отражение более чем в 200 публикациях. Все это заставило автора,

¹ *Кляшторный*. Древнетюркские памятники. С. 215. В 1993 г. работа без каких-либо дополнений была опубликована на китайском языке в Харбине.

оставаясь в рамках обозначенной темы, несколько расширить привлекаемый материал, дополнить и уточнить сделанные ранее выводы.

Орхонские тексты сохранили сообщения, позволяющие по-новому рассмотреть проблемы согдийской колонизации Семиречья и Центральной Азии, обрисовать взаимоотношения Восточнотюркского каганата, Согда, Китая и Арабского халифата в период арабского завоевания Средней Азии, подойти к определению направленности этнополитических связей, во многом повлиявших на историю развития древних и раннесредневековых племенных союзов Средней Азии, Кавказа и Восточной Европы.

Эти стороны историографической интерпретации памятников связаны со значительным комплексом рассмотренных в представленной монографии и дополняющих ее статей проблем источниковедческого, хронологического, историко-политического и историко-географического характера, включая в какой-то мере проблемы происхождения и ранней истории племени *түрк*, политической истории Восточнотюркского каганата, направления международных транзитных торговых путей, проходивших через Центральную Азию, и некоторые другие вопросы.

Основным источником работы и одновременно основным объектом исследования являются древнетюркские рунические памятники, охарактеризованные в следующих главах. Сведения, содержащиеся в рунических текстах, используются в сопоставлении с материалами китайских источников, переведенных на европейские языки, арабских и персидских географических и исторических сочинений, а также с некоторыми результатами археологических исследований. Другие источники, привлекаемые при рассмотрении отдельных вопросов (например, согдийские тексты), использованы в той мере, в какой они интерпретированы специалистами. Историографические оценки арабских, китайских и согдийских источников в аспектах рассматриваемой темы могут быть сделаны лишь при сопоставлении их с руническими текстами.

Круг арабских и персидских источников и методы их использования в основном намечены цитированными работами В. В. Бартольда и И. Маркварта; подробные сведения относительно состава и характера этих источников содержатся также в монографиях и очерках И. Ю. Крачковского и В. А. Крачковской, Н. В. Пигулевской, В. И. Беляева, А. А. Ромаскевича, А. П. Ковалевского, Х. А. Р. Гибба и В. Ф. Минорского². В 1936 г. в одном

² Крачковский, Крачковская. Древнейший арабский документ. С. 52–90; Крачковский. Арабская географическая литература. С. 91–350; Беляев. Арабские источники. С. 12–40; Ромаскевич. Персидские источники. С. 40–61; Пигулевская. Византия и Иран. С. 7–48, 49–52. В другой работе Пигулевской («Сирийские источники») содержатся также сведения о греческих и сирийских источниках, которые мы ниже цитируем; Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана; Ковалевский. Абу-л-Хасан 'Али ал-Мас'уди. С. 167–182; Gibb. Arab conquests; Minorsky. Hudūd al-'Alam; Minorsky. Sharaf al-Zaman.

из рукописных собраний Стамбула, в библиотеке дворца Топкапы, был открыт еще один источник — арабский оригинал труда Абу Мухаммада Ахмада ибн А'сама ал-Куфи «Китаб ал-футух», ранее известный главным образом в сокращенном персидском переводе Мухаммада ал-Мустауфи ал-Хараби (XII в.)³. Анализ некоторых мест рукописи позволил ее исследователю А. Н. Курату установить, что Ибн А'сам был современником великих историков III в. х. — ат-Табари (839–923), ал-Балазури (ум. в 892 г.) и ал-Йа'куби (ум. в 897 г.) — и написал свой труд в конце IX — начале X в.⁴

Пока еще немногочисленные публикации, посвященные «Китаб ал-футух», показывают, что труд Ибн А'сама является ценнейшим историческим источником, сохранившим важные сведения, которые отсутствуют у других авторов. Часть его труда посвящена истории арабских завоеваний в Средней Азии.

А. Н. Курат издал следующие разделы рукописи: «О походе Кутейбы в Хорезм» (л. 140а–141а); «О походе Кутейбы в Согд после завоевания Хорезма и подчинения его» (л. 141а–141б); «О письме ал-Хаджаджа Кутейбе» (л. 141а); «О нападении Кутейбы на Самарканд и о войне его с жителями (этого города)» (л. 141б–143а); «О мире Кутейбы с Самаркандом и о вступлении его туда с мусульманским войском» (л. 143а–143б); «О договоре, который был написан Гураку, сыну ихшида» (л. 143а–143б)⁵. Наибольшее значение имеют три последних раздела, которые содержат сведения, отсутствующие в других источниках, в частности полный арабский текст договора между Кутейбой ибн Муслимом и Гураком⁶. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно и в историографическом аспекте — неопровержимо доказывается, что ранние арабские историки, сообщения которых использованы в «Китаб ал-футух», опирались при изложении событий не только на устную традицию, но и на письменные документы⁷.

³ Togan. Ibn Fadlan's Reisebericht. S. 295–309; Togan. Völkerschaften des Chazarenreiches. S. 47–48; Massé. La chronique d'Ibn A'tham. P. 85–90; Kurat. Abu Muhammad bin A'sam. S. 255–282; Kurat. Kuteybe bin Müslim. S. 385–430; Dunlop. The history of the Jewish Khazars. P. 58, 77–78, 180. О персидском переводе «Китаб ал-футух» см.: Storey. Persian literature. P. 207–208. Часть арабского оригинала труда Ибн А'сама, охватывающая хронику 11–35 г. х. (632–656 гг. н. э.), была известна ранее (Pertsch. Die arabischen Handschriften. Bd. III. S. 219–220; Brockelmann. Geschichte. Bd. I. S. 150).

⁴ Kurat. Abu Muhammad bin A'sam. S. 255–266.

⁵ Kurat. Kuteybe bin Müslim. S. 419–420.

⁶ Ibid. S. 406–408; Смирнова. К истории Самаркандского договора. С. 69–79. Несколько ранее был опубликован сокращенный персидский перевод договора, содержащийся в труде Бал'ами «Та'рих-и Табари»: Смирнова. Из истории арабских завоеваний. С. 119–134.

⁷ Гибб. Арабская литература. С. 132; Rosenthal. History of the Muslim historiography. P. 105–113.

Вряд ли меньшее значение для истории Средней и Центральной Азии в VI–VIII вв. имеет другая группа источников — китайские исторические сочинения. Тексты, относящиеся к истории тюркских племен, уже более двухсот лет являются предметом изучения многих выдающихся сиологов; в работе использованы наиболее полные собрания переводов⁸.

Интересующие нас сведения содержатся в официальных историях династий Северное Чжоу (556–581; история — «Чжоу шу» — завершена в 629 г.), Северное Ци (550–577; история — «Бэй Ци шу» — завершена в 635 г.), Суй (581–618; история — «Суй шу» — завершена в 656 г.; перечисленные три сочинения, а также «История Северного Вэй» сведены в труде «История северных династий» — «Бэй ши», — оконченном в 656 г.), Тан (618–906; история — «Тан шу», или «Цзю Тан шу», — была окончена в 945 г.; в 1044–1060 гг. был составлен новый вариант истории Танской династии — «Синь Тан шу»)⁹.

В этих трудах имеются специальные главы об иноземных странах и народах. История правления каждой династии составлялась, как правило, после ее падения специальной государственной историографической комиссией, которая возглавлялась высокопоставленным чиновником. Основным материалом для династийной истории служили так называемые *жи ли* (ежедневные хроники), которые, согласно закону, основанному на древней традиции, не подлежали просмотру императора и его министров, хотя трудно, конечно, сказать, насколько точно соблюдался этот закон в действительности. Для этой же цели служили, вероятно, и записи деяний и речей императора, произносимых им на торжественных выходах, приемах и в других случаях придворной жизни¹⁰. Для разделов об иноземных народах источниками являлись также «донесения и отчеты послов, существовавшие в литературе сочинения, списки вещей, привозившихся иностранными посольствами в качестве подарков, расспросы путешественников и торговцев и т. д.»¹¹.

⁸ Кроме цитированных работ Шаванна, Хирта и Пельо, см. также: Бичурин. Собрание сведений. Т. 1–3; Кюнпер. Китайские известия; Julien. Documents. Vol. III. P. 325–367, 490–549; Vol. IV. P. 200–242, 391–430, 463–477; Eberhard. Kultur und Siedlung; Wieger. Textes historiques; Liu Mau-tsai. I–II. Благодаря любезной помощи Л. Н. Меньшикова и К. В. Васильева я имел возможность использовать работы некоторых китайских исследователей истории Центральной Азии.

⁹ Об этих сочинениях см.: Кюнпер. Работа Н. Я. Бичурина над китайскими источниками. С. VI–XXXVI; Кюнпер. Библиография китайской и маньчжурской литературы. С. 183–218; Liu Mau-tsai. I. S. 473–484; об обстоятельствах составления «Новой Танской истории» см.: Rotours. Traité des examens. P. 58–63.

¹⁰ Флуг. История китайской печатной книги. С. 223.

¹¹ Там же.

Указанные обстоятельства позволяют прийти к выводу об аутентичности сведений, содержащихся в китайских исторических сочинениях, которые составлены намного позднее описываемых в них событий.

Вместе с тем, хотя и существовала традиционная схема династийной истории, при отборе фактов, подлежащих включению в хронику, и объяснении отдельных реалий отнюдь не исключался субъективный подход составителя или редактора; все перечисленные выше династийные хроники подверглись в 1056–1063 гг. повторному редактированию.

Из исторических сочинений другого рода следует упомянуть анналы «Цзычжи тунцзян», составленные известным историографом сунской эпохи Сыма Гуаном в 1066–1085 гг. и посвященные истории Китая в период с 403 г. до н. э. по 960 г. н. э., а также «Обозрение Танской династии» («Тан хуй яо»), над составлением которого последовательно трудились в 804–961 гг. Су Мянью, Ян Чжао-фу и Ван Пу¹².

Следует отметить, что материалы о восточных тюрках, извлеченные из китайских источников и переведенные на один из европейских языков, стали доступны лишь после появления двухтомного труда Лю Мао-цзая. Высокая оценка авторитетных ученых — сиолога и тюрколога — делает излишним дальнейшее обсуждение полноты и качества переводов¹³. Лю Мао-цзай использовал 36 китайских исторических, географических и религиозных (буддийских) сочинений, тексты китайских эпиграфических памятников, стихи поэтов танской эпохи — все ныне известное, что было написано о восточных тюрках китайскими авторами с VII по XVIII в., и охватывающее период с середины VII по середину X в.

Наряду с извлечением и переводом известий о тюрках Лю Мао-цзай в большой и обстоятельной сводке «Туцзюэ и Китай» синтезировал сведения, относящиеся к наиболее его интересующему аспекту историографического изучения использованных материалов, — здесь обобщены данные о политических, экономических и культурных связях между тюрками и Китаем. Вполне самостоятельный интерес представляют 1885 примечаний Лю Мао-цзая к тексту перевода, многие из которых являются по существу небольшими, но важными в научном отношении исследованиями, где автор, критически оценив достигнутые результаты, приходит зачастую к совершенно новым и в большинстве случаев убедительным выводам. Вместе с тем, как будет показано ниже, примечания содержат и немало спорных утверждений¹⁴.

¹² Об этих сочинениях подробнее см.: Флуг. История китайской печатной книги. С. 232–236; Зуев. Тамги лошадей. С. 93–97; Rotours. Traité des examens. P. 74–76, 92.

¹³ Pulleyblank. [Рец. на кн.:] Liu Mau-tsai. P. 381–383; Gabain. [Рец. на кн.:] Liu Mau-tsai. S. 460–463.

¹⁴ Klyachtorny. Chinesischen Nachrichten. S. 155–156.

Текст древнетюркских надписей цитируется преимущественно по изданиям С. Е. Малова¹⁵. В работе приняты за основу переводы надписей, опубликованные в названных изданиях. Автор стремился цитировать эти переводы буквально. Однако в ряде случаев они подверглись изменениям и уточнениям терминологического и стилистического характера, которые не отмечены специально, если они не имеют определяющего значения для дальнейшего исследования.

Таковы вкратце основные исторические источники, использованные автором.

Часть I

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

---

¹⁵ Малов. Памятники Монголии и Киргизии; *Он же*. Памятники.

Глава I

ОТКРЫТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Открытие древнетюркской письменности Центральной Азии неразрывно связано с освоением и заселением русскими людьми огромных просторов Сибири, долгое время остававшейся «неведомой землей» не только для европейских космографов, но и для дьяков московских приказов. Изучение Сибири было начато первооткрывателями-землепроходцами, которые сохранили в своих «отписках», «скасках» и челобитных живые впечатления пытливых наблюдателей. Круг их интересов был широк — не только пути, реки, залежи металлических руд, охота, рыболовство, земледелие, но и языки, нравы и обычаи местного населения, а также возможность и выгодность торговли и взаимоотношения между местными «князцами»¹. Донесения первопроходцев и многочисленные «рописи», накопленные в сибирских воеводских канцеляриях, стали основой для сводных карт — «сибирских чертежей», наиболее полными из которых были различные редакции «Чертежной книги Сибири», составленной «тобольским сыном боярским» С. У. Ремезовым в 1696–1703 гг.²

ЗНАКИ НА СКАЛАХ

Ученые-путешественники уже во второй половине XVII в. получили столь значительную письменную и устную информацию, что смогли составить достаточно подробные описания Сибири и некоторой части Даль-

¹ Открытия русских землепроходцев; *Титов*. Сибирь в XVII веке.

² О жизни и трудах С. У. Ремезова см.: *Гольденберг*. Семен Ульянович Ремезов. О предшествовавшей русской картографической традиции см.: *Рыбаков*. Русские карты Московии XV — начала XVI веков.

него Востока³. Показателен пример голландца Николаса-Корнелиссона Витсена (1641–1717), автора первого сводного труда о Сибири и Дальнем Востоке, вышедшего двумя прижизненными изданиями 1692 и 1705 гг. и переизданного в 1785 г.⁴ Еще в молодости по личной просьбе Витсен был причислен к свите нидерландского посла Якова Борееля и вместе с посольством летом 1664 г. отправился в Москву, откуда через год вернулся на родину. В научной литературе распространено мнение, что Витсен пробыл в России несколько лет и много путешествовал по стране, так как иначе было бы невозможно собрать тот огромный материал, который впоследствии составил его книгу о «Северной и Восточной Татарии»⁵. В действительности же почти всеми описаниями Витсен обязан своим корреспондентам, о чем он сам писал, например, 29 ноября 1690 г. президенту Королевского общества в Лондоне Роберту Соутведу: «Почти 28 лет назад я ездил в Россию, и так как я находился там только ради своего любопытства, то вошел в сношения не только с русскими, но и с татарами всех родов. Там я впервые получил сведения о положении Московии и отдаленных стран. И с тех пор я не прекращал добывать сведения разными способами и нашел путь получения и пересылки писем из самых северных и северо-восточных частей света»⁶. В числе корреспондентов Витсена были столь просвещенные и хорошо знакомые с материалами о Сибири люди, как думный дьяк Андрей Андреевич Виниус (1641–1715)⁷ и Станислав Антонович Лопуцкий, придворный живописец царя Алексея Михайловича, переславший Витсену копию первой известной русской карты Сибири — «Чертеж Сибирской земли», изготовленный тобольским воеводой П. И. Годуновым в 1667 г.⁸ В книге Витсена приведены образцы лексики многих народов России, в том числе и тюркских⁹. Ему приписывают и первые сведения о древнетюркских надписях¹⁰. Действительно, среди прочих сведений о Сибири Витсен сообщает, что «недалеко

³ Подробно см.: *Андреев*. Очерки по источниковедению.

⁴ *Witsen*. Noord en oost oost Tartarus. Amsterdam; о труде и картах Н. Витсена см.: *Алексеев*. Сибирь в известиях. С. 59–68; *Андреев*. Очерки. С. 89–95.

⁵ См., например: *Пытин*. История русской этнографии. С. 213; *Катанов*. Голландский путешественник Ник. Витсен. С. 248–249.

⁶ Цит. по: *Андреев*. Очерки. С. 93.

⁷ О географических трудах А. А. Виниуса, касающихся Сибири, и его связях с Витсеном см.: *Андреев*. Очерки. С. 52–54. Там же. С. 90 — о знакомстве и переписке Витсена с царем Петром Алексеевичем.

⁸ *Алексеев*. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. С. 51–60.

⁹ *Кононов*. История изучения. С. 23.

¹⁰ См., например: *Веселовский*. Орхонские открытия. С. 61; *Бернштам*. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. С. 11; *Батманов*. Язык енисейских памятников. С. 11.

от Верхотурья, на утесе, найдено несколько изображений и надписей из неизвестных букв. Об этих надписях, по преданию старейших людей тамошнего населения, полагают, что они находились в том месте до покорения страны москвитями (что случилось более ста лет тому назад), так как нет никаких известий, когда и кем изображения были сделаны». Далее следует описание утеса, который у местных жителей носил название «Писанный камень», и сообщение об обычае «вогулов и других язычников» приносить жертвы¹¹. Однако же это описание свидетельствует не о сибирских надписях, а об уральских петроглифах, ибо Верхотурье (Верхотурский городок, ныне город в Свердловской области), основанное в 1598 г. близ восточных отрогов Среднего Урала, в верховьях р. Туры и ставшее «главными воротами в Сибирь»¹², расположено очень далеко от зоны распространения древнетюркской письменности. Точно так же основано на недоразумении мнение об упоминании «орхонских» памятников на карте С. У. Ремезова¹³. Но за 15 лет до выхода книги Витсена появилось более точное свидетельство о существовании неизвестных письмен на енисейских скалах.

Одним из первых образованных путешественников по Сибири был Николай Гаврилович Спафарий (Милеску), родившийся в знатной молдавской семье (сам он себя называл греком «не только по религии, но также по происхождению»), получивший образование в Константинополе и в Падуе, долго живший в Германии и Швеции, а в 1671 г., по прибытии в Москву, определенный переводчиком «эллинского, латинского и волошского языков» в Посольский приказ¹⁴. В начале 1675 г. Н. Г. Спафарий возглавил русское посольство в Китай. По возвращении (1678) он представил в Посольский приказ несколько географических трудов, в том числе «Книгу, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольского и до самого рубежа Китайского». Этот труд был первым подробным географическим описанием Сибири, написанным очевидцем.

Спафарий приводит здесь не только личные наблюдения, но и всевозможные расспросные сведения. Описывает он и свой двухдневный путь по Енисею, от Енисейска до устья Ангара. О верховьях Енисея ему известны лишь рассказы местных жителей: «А до Большого порогу

¹¹ *Радлов*. Сибирские древности. Прил. С. 5.

¹² *Бахрушин*. Русское продвижение за Урал. С. 147. Один голландский документ того времени (1675 г.) упоминает Верхотурье в столь же точно определенном географическом контексте, см.: *Ловягин*. Посольство Кунрада фан-Кленка. С. 341.

¹³ Насколько неоправданно это последнее утверждение, встречающееся практически во всех работах, затрагивающих историю открытия древнетюркских памятников, показал А. Н. Кононов (История изучения. С. 24).

¹⁴ О Н. Г. Спафарии и его трудах см.: *Лебедев*. География в России XVII века. С. 127–164; *Андреев*. Очерки. С. 74–77.

не доезжая есть место, утес каменной по Енисею. На том утесе есть вырезано на камню неведомо какое письмо и межъ писмом и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны, и в руках у них булавы... а никто не ведает, что писано и от кого»¹⁵.

РУНЫ СИБИРИ

В конце второго десятилетия XVIII в. Сибирь, в том числе и ее археологические сокровища, все более привлекает внимание Петра. В знаменитых указах о запрещении грабительских раскопок и собирании вещей для Кунсткамеры было предписано также собирать и «камни с потписью» (1718)¹⁶. А за год до этого, в 1717 г., в Петербург по приглашению Петра приехал из Данцига тридцатидвухлетний ученый Даниил Готтлиб Мессершмидт (1685–1785), которому и были поручены научные исследования в Сибири¹⁷. Вместе с немногими сотрудниками, к которым присоединился в Тобольске пленный капитан шведской армии Филипп Иоганн Табберт (1676–1747), получивший после пожалования ему дворянства фамилию Страленберг¹⁸, Мессершмидт осуществил небывалую по объему программу научных исследований, размах которых выявляется лишь в последнее время, после первого издания его подневных записей¹⁹. Вероятно, еще до приезда в Сибирь Мессершмидт располагал какими-то сведениями о существовании там древней письменности; во всяком случае, сразу по прибытии в Тобольск он просит сибирского губернатора князя А. М. Черкасского дать указание всем чиновникам доставлять ему среди прочих раритетов «древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письмена»²⁰.

¹⁵ Румынский исследователь биографии Спафария Г. И. Константин отождествляет упоминаемые здесь пороги с Большим порогом в Саянском каньоне Енисея, а надписи — с наскальными древнетюркскими надписями по рекам Ак-Юс и Кара-Юс. Однако более прав Л. Р. Кызласов, отмечающий, что «из сообщения Н. Спафария невозможно заключить, о каких надписях идет речь». См.: *Constantin. The first mention*. P. 151–157; *Кызласов. Начало сибирской археологии*. С. 45.

¹⁶ *Кызласов. Начало сибирской археологии*. С. 47–49; *Формозов. Очерки по истории русской археологии*. С. 25–30.

¹⁷ *Новлянская. Даниил Готтлиб Мессершмидт*.

¹⁸ *Новлянская. Филипп Иоганн Страленберг*.

¹⁹ О выборочных и полных изданиях дневников Мессершмидта и их значении для изучения языков и археологии Сибири, а также о научных заслугах Страленберга см.: *Кононов. История изучения*. С. 47–52, 58–63; *Кызласов. Начало сибирской археологии*. С. 48–52; *Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков*. С. 12–13.

²⁰ *Радлов. Сибирские древности*. Прил. С. 138.

В 1721–1722 гг. были открыты первые древние надписи на каменных стелах, изваянии и на обломке бронзового зеркала, зарисованные Карлом Шультманом, художником экспедиции, а также собраны сведения о местонахождении многих других подобных писем в долине Верхнего Енисея.

В 1722 г., вскоре после окончания Северной войны, Страленберг расстался с Мессершмидтом и покинул Сибирь, а в 1730 г. издал в Стокгольме книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии», где опубликовал рисунки надписей²¹. Страленберг вслед за Мессершмидтом²² назвал их «руническими» из-за близости в типе начертаний к хорошо известному в скандинавских странах письму. Это название не было точным, но в последующее время оказалось удобным и прочно вошло в научную терминологию.

Несколько ранее Страленберга, в 1729 г., об открытых экспедицией Мессершмидта надписях сообщил в небольшой публикации Г. З. Байер, «первый тюрколог в Академии наук», переехавший в Петербург в 1726 г.²³ Байер предпринял также первую попытку идентификации надписей, определив их как кельтское письмо.

Последующие находки каменных стел с руническими надписями в пределах Минусинской котловины, а со второй половины XIX в. и южнее Саян, связаны с именами многих исследователей, путешественников, краеведов. Наиболее велики заслуги Григория Ивановича Спасского (1783–1864), опубликовавшего в 1818 г. первый свод енисейской руники в своих «Древностях Сибири»²⁴. Извлечения из этого труда, касающиеся надписей, были переведены академиком И. Ф. Кругом на латинский язык и изданы под названием «Inscriptiones Sibiricae» (СПб., 1822)²⁵.

Появление латинского перевода сообщений о сибирской рунике привлекло внимание известных востоковедов того времени Абель-Ремюза и Г.-Ю. Клапрота, знакомых с широким кругом исторических источников, относящихся к Центральной Азии. Отмечая, что сходство с северными рунами может быть обманчивым, а сами надписи находятся в землях, где некогда обитали тюрки, Абель-Ремюз в рецензии на книгу Спасского тем не менее отнес надписи к усуням, которых он рассматривал как ветвь

²¹ *Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theil*. Tab. V. XII. Факсимильное переиздание книги: *Studia Uralo-Altaica*. T. VIII. Szeged, 1975.

²² *Радлов. Сибирские древности*. Прил. С. 5–6.

²³ *Кононов. История изучения*. С. 32.

²⁴ О Г. И. Спасском, его научной и издательской деятельности см.: *Шидловский. Григорий Иванович Спасский*. С. 447–448; *Кононов. История изучения*. С. 98.

²⁵ Историю открытия и изучения енисейских рунических памятников, а также их перечни и характеристики см.: *Ядринцев. Древние памятники и письмена в Сибири*. С. 456–476; ДТС. С. XXII–XXVII; *Щербак. Енисейские рунические надписи*. С. 111–134 (там же подробная библиография).

«индо-готов»; язык надписей при такой исходной посылке мог быть только индоевропейским²⁶. Более правильную, как подтвердилось впоследствии, позицию выбрал Клапрот. Сопоставив зону распространения надписей с известиями китайских хроник о расселении енисейских кыргызов и наличии у них письма, он предложил определить надписи как древнекыргызские²⁷. Это была, по существу, первая научная дискуссия, связанная с атрибуцией памятников.

ОРХОНСКАЯ БИЛИНГВА

В последней трети XIX в. русские исследования в Центральной Азии и южных районах Восточной Сибири приобретают широкий размах²⁸. Развитию экспедиционных исследований особенно способствовала деятельность сибирских отделов Географического общества, а также возникновение в Минусинске первоклассного для того времени музея, основанного в 1877 г. Н. М. Мартыяновым²⁹. Деятельность этих местных центров существенно дополняла результаты великих центральноазиатских экспедиций Н. М. Пржевальского, его учеников и продолжателей. Наиболее активной научной силой в сибирских учреждениях Географического общества были политические ссыльные и деятели «сибирского областничества» — Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. И. Клеменц³⁰. С именами двух последних связано одно из крупнейших открытий в тюркологии.

Уроженец Сибири и страстный ее патриот, Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894) был признанным вождем наиболее демократического направления в областничестве³¹. Незаурядный публицист и литератор, он в то же время был виднейшим деятелем Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского отделов Географического общества, занимаясь главным образом социолого-этнографическим изучением населения Сибири, а также историко-археологическими изысканиями³².

²⁶ Рецензия была напечатана в Париже (*Journal des Savants*. 1822. Octobre. P. 595–602) и переведена Г. Спасским для издававшегося им в Петербурге «Азиатского вестника» (1825. Кн. IV. С. 285–303); в примечаниях к переводу рецензии Спасский приписал надписям монгольское происхождение.

²⁷ *Klaproth*. Sur quelques antiquités de la Sibirie. P. 10–11.

²⁸ *Бартольд*. История изучения Востока. С. 238–241; *Мурзаев*. Монгольская Народная Республика. С. 46–54.

²⁹ *Кон*. Исторический очерк; *Яворский*. Н. М. Мартыянов.

³⁰ О сибирском «областничестве» и его роли в истории изучения Сибири см.: *Мирзоев*. Историография Сибири. С. 295–351; *Сесюнина*. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев.

³¹ Оценку общественно-публицистической деятельности Н. М. Ядринцева см.: *Коржавин*, *Мирзоев*, *Яновский*. К характеристике сибирского областничества. С. 138–151.

³² *Лемке*. Ядринцев. Биографический очерк.

Научным триумфом Н. М. Ядринцева стала экспедиция в Северную Монголию летом 1889 г. С четырьмя спутниками он выехал туда на средства и по поручению Восточно-Сибирского отдела Географического общества главным образом с археологическими целями, имея в виду, в частности, точное определение местоположения Каракорума, столицы первых Чингизидов. В долине р. Орхон Ядринцев уделил особое внимание осмотру городища Карабалгасун, стены и центральные («дворцовые») сооружения которого сохранились во внешних обводах достаточно четко. «Наше внимание, — пишет Ядринцев, — обратила особенно группа гранитных обломков, лежавших в 600 шагах от дворца около каких-то валов и возвышений. Это были гранитные камни. Присмотревшись, мы увидели на них высеченные барельефы и вскоре различили китайского лу, или типического дракона; рядом мы нашли его голову. Обломки доказали, что это было изваяние обелиска или монумента, где по закругленной части было сделано три дракона с каждой стороны, т. е. справа и слева они сходились головами вниз. Половина этого щита уцелела, и, взглянув на него, к изумлению мы увидели здесь изображение знакомых рунических знаков, которыми испещрены енисейские могильники. Затем на других обломках мы нашли, кроме тех же знаков, китайские надписи и как бы монгольские, на самом же деле оказавшиеся уйгурскими...»³³ Воображение невольно работало, воскрешая картину прошлой жизни... Мы сознавали, что стоим у разгадки того, что занимало ученых-ориенталистов. Мы не могли не испытывать волнения и приятного трепета, который ощущается накануне открытий, и эти блаженные минуты нравственного удовлетворения заставляют забывать... лишения дальних путешествий»³⁴. А через две недели, узнав от местного монгольского населения о больших камнях с подобными надписями, Ядринцев обнаружил в урочище Кошо-Цайдам, недалеко от монастыря Эрдэни-цзу, два громадных каменных памятника с руническими и китайскими надписями и остатки значительных погребальных сооружений с мраморными статуями людей и животных. Изготовив копии 40 строк рун и части иероглифического текста, экспедиция спешно вернулась в Россию³⁵.

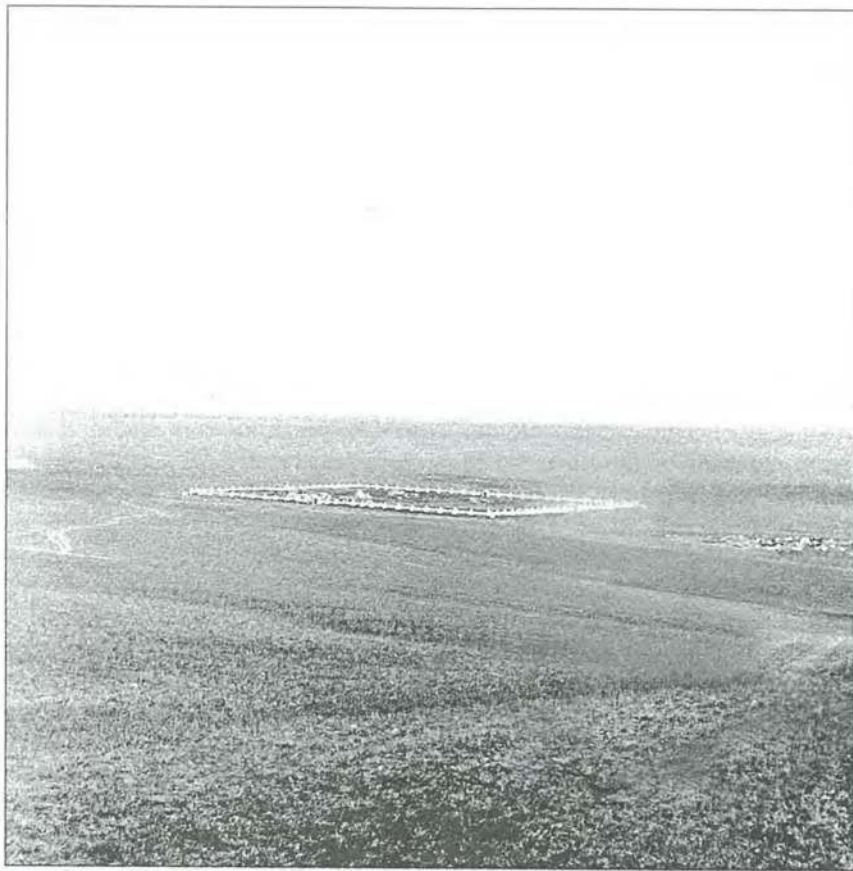
Сообщение Ядринцева и рассылка ряду крупных ученых литографированных копий тех рисунков рунических знаков, которые он сделал, вызвали сенсацию. Незадолго до этого В. Р. Розен писал: «В науке исторической археологии девятнадцатый век останется вечно памятным дешифровкой писем иероглифических и клинописных разных систем.

³³ Впоследствии было установлено, что третья письменность Карабалгасунского памятника — согдийская.

³⁴ *Ядринцев*. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. С. 79–81.

³⁵ Там же. С. 103–107; *Ядринцев*. Путешествие на верховья Орхона. С. 257–272.

Монастырь Эрдэни-цзу, Алтан субурган («Золотая ступа»)

Не хотелось бы верить, что загадочные до сих пор сибирские надписи перейдут неразгаданными в 20-е столетие»³⁶. Находка двуязычной надписи открывала, казалось, столь желанные новые возможности. Но прежде необходимо было получить точные и полные копии иероглифического и рунического текстов, а также осуществить археологическое обследование обнаруженных погребальных комплексов. Началась подготовка орхонской экспедиции Российской Академии наук под руководством академика В. В. Радлова. Ее опередила, однако, небольшая финская экспедиция.

³⁶ Розен. [Рец. на кн.:] *Inscriptions de l'Jenissei*. P. 444; см. также: *Розен*. Suum cuique. С. 323–325.

Мысль М. А. Кастрена об Алтае и Сибири как прародине всех финно-угорских народов³⁷ побудила многих финских ученых искать там следы развитой цивилизации, которую можно было бы определить как прафинскую. Загадочные надписи Сибири в связи с этой гипотезой стали весьма заманчивым объектом исследований и толкований.

В 1883 г. в Хельсинки было основано «Финно-угорское общество» для объединения усилий в области урало-алтаистики. В 1887 г. финские археологи Иоганн-Рейнгольд Аспелин (1842–1915) и Отто-Хельмар Апельгрэн-Кивало (1853–1937) начали работы по изучению надписей на Енисее³⁸. В течение двух сезонов они скопировали 32 надписи, а в 1889 г. крупнейший финский филолог Отто Доннер (1835–1909) издал первый относительно полный корпус енисейских надписей³⁹.

Участвуя в VIII археологическом конгрессе в Москве (январь–февраль 1890), где было сообщено об открытии в Монголии, О. Доннер и И. Р. Аспелин получили подробную информацию от Н. М. Ядринцева. Уже 15 мая 1890 г. сотрудник Аспелина Аксель Олай Гейкель (1851–1924) был в Монголии; к концу августа работа по изготовлению эстампажей и фотографированию памятников была закончена⁴⁰, а в 1892 г. вышел новый финский корпус рунических надписей, на этот раз орхонских⁴¹.

Летом 1891 г. в Монголии начала работу хорошо подготовленная русская экспедиция В. В. Радлова, активным участником которой был Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), ссыльный народоволец, работавший в Минусинском музее, и один из самых замечательных исследователей древностей Сибири конца XIX в.⁴² Участвовали в экспедиции и Н. М. Ядринцев, а также фотограф и художник С. М. Дудин, топограф И. И. Щеголев и натуралист Н. П. Левин. Уже в следующем году, одновременно с финским, вышел подготовленный экспедицией «Атлас древностей Монголии», содержащий как копии надписей (фотографии и эстампажи), так и результаты широких археологических исследований всего комплекса памятников⁴³. Условия для атрибуции и дешифровки памятников были подготовлены.

³⁷ См. подробнее: *Штернберг*. Кастрен. С. 45.

³⁸ *Aalto*. Oriental studies in Finland. P. 93–96.

³⁹ [Aspelin, Donner]. *Inscriptions de l'Jenissei*. В 1889 г. Аспелин и его сотрудники продолжили работы на Енисее и открыли четыре новые надписи; полное описание итогов трех экспедиций опубликовано позднее, см.: *Appelgren-Kivalo*. Altaische Kunstdenkmäler.

⁴⁰ *Aalto*. Oriental studies in Finland. P. 97–98.

⁴¹ [Heikel.] *Inscriptions de l'Orkhon*.

⁴² О Д. А. Клеменце см.: *Попов*. Д. А. Клеменц, его жизнь и деятельность. С. 7–63; *Могиланский*. Памяти Д. А. Клеменца. С. I–VII; *Кляшторный*. Д. А. Клеменц. С. 139–146.

⁴³ *Радлов*. Атлас древностей Монголии. В 1893, 1896 и 1899 гг. вышло еще три выпуска «Атласа». Отчеты сотрудников экспедиции изданы в «Сборниках трудов Орхонской экспедиции». СПб. Вып. I (1892), II (1895), V (1901).

Гобийский пейзаж. Монголия.
Фото С. Г. Кляшторного

Уже в финском атласе были опубликованы первые переводы китайских текстов обоих памятников из Кошо-Цайдама, выполненные Г. Девериа и Г. Габеленцем, которые позволили датировать памятники VIII в. и определить их как погребальные надписи двух видных деятелей Тюркского каганата — кагана, китайская передача имени которого — Могилян, и его брата, имя которого в китайской передаче — Кюе-деле (Кюль-тегин)⁴⁴.

Можно было полагать, что рунические тексты памятников были написаны на одном из тюркских язы-

ков. К поискам путей дешифровки надписей приступили В. В. Радлов и Вильгельм Томсен (1842–1927), известнейший датский филолог⁴⁵. 25 ноября 1893 г., «в самый тревожный день своей мирной жизни», как говорит Брендель, Томсен нашел разгадку енисейско-орхонских письмен; благодаря счастливой идее, основанной, конечно, на долгих предварительных изысканиях, ему удалось установить фонетическое значение почти всех письмен в течение одного часа. 15 декабря открытие было доложено датской Академии наук; еще до этого заседания Томсен в декабре сообщил о своем открытии академику В. В. Радлову, и в январе 1894 г. Радлов представил в Академию наук, конечно, со ссылкой на открытие Томсена, свой опыт перевода надписей⁴⁶. Оба Кошоцайдамских памятника были идентифицированы — они были воздвигнуты в честь Бильга-кагана и его брата Кюль-тегина. Карабалгасунский памятник от-

⁴⁴ О китайском тексте памятников см.: *Попов*. Замечания по поводу нового перевода. С. 1–4; *Васильев*. Китайские надписи на орхонских памятниках. С. 1–36; *Gabelentz*. L'inscription chinoise du I-er monument. P. XXV–XXVI; *Devéria*. Transcription, analyse et traduction. P. XXVII–XXVIII; *Schlegel*. La stèle funéraire du Teghin Giogh. S. 1–57; *Hirth*. Ueber den Verfasser und Abschreiber. S. 151–157; *Parker*. L'inscription chinoise du monument. P. 212–216; *Arendt*. Studien zur chinesischen Inschriften. S. 171–196; *Pelliot*. Neuf notes. P. 229–247.

⁴⁵ О В. Томсене см. сб.: Памяти В. Томсена; *Кононов*. История изучения. С. 236. Прим. 163 (библиография работ о В. Томсене).

⁴⁶ *Бартольд*. Томсен и история Средней Азии. С. 7; см. также в том же сб. статью: *Спайкович*. Вильгельм Томсен и тюркология. С. 17–21. Метод дешифровки, изложенный Томсеном в его статье на пятнадцати страницах, характерен строгостью филологических приемов: *Thomsen*. Dechiffrement. 1893 (отдельный оттиск). Статья опубликована на русском языке в переводе В. Р. Розена (ЗВО. 1894. Т. VIII. С. 327–337).

носился к более поздней эпохе, но тюркский текст надписи практически не сохранился.

СОЗДАНИЕ ТЮРКСКОЙ РУНОЛОГИИ

В 1894–1895 гг. В. В. Радлов публикует вначале предварительный опыт перевода памятника в честь Кюль-тегина⁴⁷, а затем три выпуска «Древнетюркских надписей Монголии»⁴⁸. С этого времени изучение древнетюркских памятников выделилось в особую отрасль тюркологии, признанной «столицей» которой стал в те годы Петербург.

В 1897 г. выходят новые исследования Кошоцайдамских надписей⁴⁹. Годом раньше В. Томсен публикует свою транскрипцию и перевод этих памятников⁵⁰. Между тем сотрудники Орхонской экспедиции, хотя и без непосредственного участия В. В. Радлова, в поездках по Монголии и Туве открывают новые рунические памятники и проводят археологические исследования, давшие ценные результаты. В 1891 г. Н. М. Ядринцев открыл Онгинский и Асхетский памятники⁵¹, а Д. А. Клеменц тщательно обследовал городище Каралбалгасун и некоторые другие городища Северной Монголии и Тувы⁵². В 1893 г. Д. А. Клеменцем были найдены вторая Асхетская надпись и рунические надписи (черной краской) на скале Тайхир-чулу (Хойто-Тамир). В 1897 г. Е. Н. Клеменц в урочище Баин-Цокто обнаружила древнетюркский погребальный комплекс, в составе которого были два гранитных столба, покрытые руническими знаками. Это был памятник Тоньюкука, которому В. В. Радлов посвятил выпуск «Атласа древностей Монголии» и специальный выпуск «Древнетюркских надписей Монголии»⁵³.

С 1897 г. активно включается в изучение древнетюркских памятников талантливый ученик В. В. Радлова П. М. Мелиоранский⁵⁴. Особый ин-

⁴⁷ *Radloff*. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei.

⁴⁸ *Ibid.* 1. Lfg. (1894), 2. Lfg. (1894), 3. Lfg. (1895).

⁴⁹ *Radloff*. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1897; *Радлов*, *Мелиоранский*. Древнетюркские памятники. С. 1–13.

⁵⁰ *Thomsen*. Inscriptions de l'Orkhon. P. 1–224.

⁵¹ *Ядринцев*. Отчет и дневник. С. 43–44, 46–48.

⁵² *Клеменц*. Археологический дневник. С. 1–74.

⁵³ *Радлов*. Атлас древностей Монголии. Вып. IV; *Radloff*. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei.

⁵⁴ *Мелиоранский*. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках. С. 263–292; *Он же*. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 1–144; *Он же*. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. С. 17–22; *Он же*. Небольшая орхонская надпись. С. 34–36. Памяти П. М. Мелиоранского посвящен «Тюркологический сборник» (1972. М., 1973), где в нескольких статьях (см. особенно: *Щербак*. П. М. Мелиоранский и изучение памятников. С. 24–35) рассмотрено значение его научных трудов для тюркской филологии.

интерес представляет его публикация памятника в честь Кюль-тегина, не утратившая своего значения и поныне; она смело может быть названа образцовой публикацией древнетюркского памятника, совмещающей тщательное текстологическое исследование, подробный лингвистический анализ и всесторонний историографический комментарий. Несколько позднее, в 1909–1911 гг., В. В. Радлов издает серию статей, где изложены различные соображения о древнетюркских диалектах и разбираются новые находки из Восточного Туркестана — фрагменты «рун на бумаге» (восемь, опубликованных А. Лекоком, и один, переданный В. В. Радлову С. Ф. Ольденбургем)⁵⁵. Отдельно публикуются надписи, обнаруженные в Яр-хото (1898) Д. А. Клеменцом⁵⁶.

Другим центром изучения древнетюркской рунической эпиграфики остался к началу XX в. Гельсингфорс (Хельсинки). Финно-угорское общество продолжало субсидировать полевые исследования, хотя и в значительно меньших масштабах, издавало важнейшие труды В. Томсена, публикации О. Доннера, А. Гейкеля, Г. И. Рамштедта. В 1896–1897 гг. в Восточном Казахстане и на Алтае работала экспедиция Отто Доннера-младшего (1871–1932), открывшая несколько мелких надписей, к сожалению, не опубликованных⁵⁷. В 1898 г. в долине Таласа, а затем в Восточном Туркестане работала экспедиция Х. И. Гейкеля (1865–1937), некоторые результаты которой были опубликованы в 1918 г.⁵⁸ В 1898 г. О. Доннер отправил в Монголию своего ученика, в то время более монголиста, чем тюрколога, впоследствии ставшего одним из создателей современной алтаистики, Г. И. Рамштедта (1873–1950). В 1900 г. им была открыта Суджинская руническая надпись. В 1909 г., вновь вернувшись в Монголию, Рамштедт повторно исследовал памятник Тоньюкука (материалы были опубликованы его учеником Пенти Аалто в 1958 г.), скопировал открытую ранее Суджинскую надпись, а затем возле оз. Шине-усу обнаружил новый крупный рунический памятник, первоначально названный им «Селенгинским камнем»⁵⁹.

В 1906–1910 гг. три поездки в Туву и Монголию совершил по заданию Финно-угорского общества И. Г. Гранэ (1882–1956), который открыл не-

⁵⁵ Radloff. Alttürkischen Studien. VI. S. 1213–1220. III. S. 1025–1029. IV. S. 304–326. V. S. 427–452.

⁵⁶ Radloff. Altuigurische Sprachproben aus Turfan. S. 55–83.

⁵⁷ Aalto. Oriental studies in Finland. P. 9–100.

⁵⁸ Heikel. Alttertümer aus dem Tale des Talas.

⁵⁹ Aalto. Oriental studies in Finland. P. 101–107; Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften. S. 1–63; Aalto. Ramstedt und die Inschrift von Tonjukuk. S. 19–24; Id. Materialien. S. 3–92; Ramstedt. Как был найден Селенгинский камень. С. 34–49.

⁶⁰ Grand. Über die geographische Verbreitung und Formen. S. 1–55; Aalto. Oriental studies in Finland. P. 119–119.

сколько новых енисейских памятников и исследовал рунические надписи на скале Тайхир-чулу, близ р. Хойто-Тамир⁶⁰.

Первые результаты сопоставления исторических сведений, содержащихся в надписях, с материалами китайских династийных хроник были сообщены в 1894–1896 гг. В. В. Радловым, В. Томсеном и Э. Паркером⁶¹. Общую оценку проделанной ими в этом направлении работы дал В. В. Бартольд: «Было необходимо выяснить, насколько надписями подтверждается и дополняется хронологическая канва, установленная переводчиками китайских летописей, и насколько надписи дают нам новые факты или новое освещение фактов по сравнению с тем, что могли дать китайцы. По вопросу о хронологической канве Томсен пришел к заключению, что среди рассказанных событий, кроме смерти Кюль-тегина и, может быть, его отца, нет ни одного, которое бы можно было с полной уверенностью отождествить с каким-нибудь определенным событием, отнесенным в китайских летописях к определенной дате. Известно, что вышедшая скоро после этого работа Маркварта дала целый ряд таких отождествлений, причем результатом исторического исследования было установление нового лингвистического факта — своеобразной системы счисления некоторых турецких народностей того времени»⁶².

Начало историографической интерпретации надписей было положено опубликованными в 1897–1903 гг. трудами В. В. Бартольда⁶³, И. Маркварта⁶⁴, П. М. Мелиоранского⁶⁵, Ф. Хирта⁶⁶ и Э. Шаванна⁶⁷, в которых начата разработка методики исследования рунической эпиграфики и дана оценка памятников как источника для истории Центральной и Средней Азии.

Можно отметить следующие важнейшие результаты, достигнутые в эти годы: а) была установлена система счисления и хронология памятников Кюль-тегину и Могилянню (В. Банг, И. Маркварт), что дало

⁶¹ Кроме указанных работ см.: Parker. Thousand years of the Tartars.

⁶² Бартольд. Томсен и история Средней Азии. С. 11–12.

⁶³ Barthold. Historische Bedeutung. S. 1–36; Id. Quellen. S. 1–29; Бартольд. Новые исследования. С. 231–260; Он же. Система счисления орхонских надписей. С. 171–173.

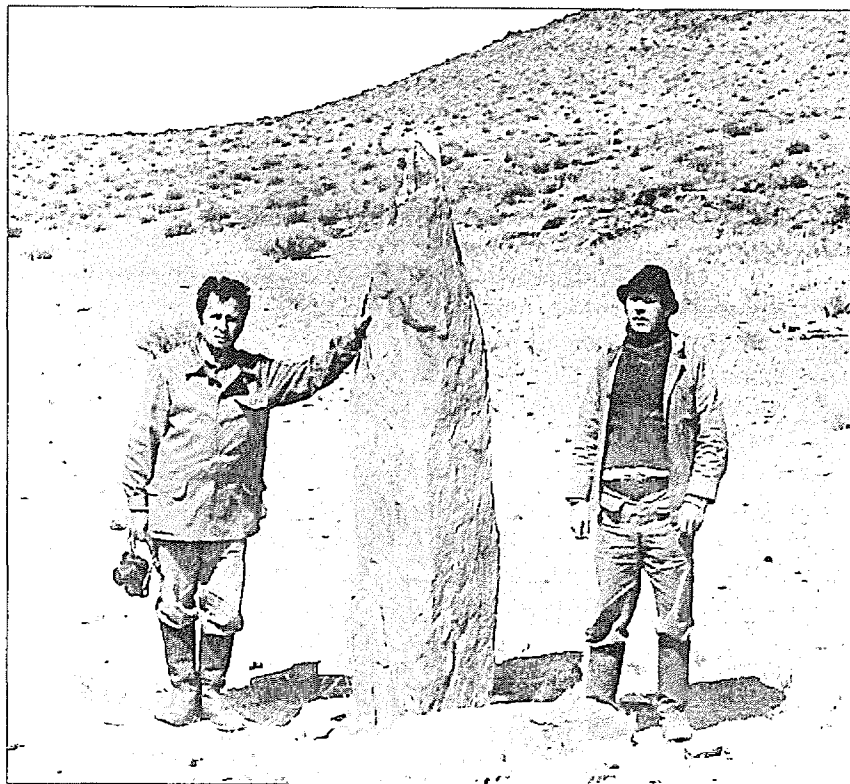
⁶⁴ Marquart. Historische Glossen. S. 167–200; Id. Chronologie. Об И. Маркварте см.: Бартольд. Памяти И. Маркварта. С. 387–402.

⁶⁵ Мелиоранский. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках. С. 263–292; Он же. Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 1–144. Эта последняя работа — блестящий образец глубокого историко-филологического исследования одного из крупнейших рунических памятников, не потерявшая своего значения до настоящего времени. О жизни и трудах П. М. Мелиоранского см.: Самойлович. Памяти П. М. Мелиоранского. С. 1–24.

⁶⁶ См.: Клишторный. Древнетюркские памятники. С. 7, сн. 11.

⁶⁷ См. там же. С. 7, сн. 10.

Стела в Баян-Ульгинском аймаке. С. Г. Кляшторный и шофер К. Шишкин. 1978 г.

возможность идентифицировать сообщения надписей с сообщениями китайских и отчасти арабских источников (И. Маркварт, В. В. Бартольд); хронология памятника Тоньюкука и Онгинской надписи оставалась неясной, а датировка енисейских памятников не была произведена даже приблизительно, хотя особенности палеографии и свидетельствовали как будто о большей архаичности сибирской руники; б) по некоторым важным проблемам, затронутым в надписях, были сравнительно подробно изучены материалы китайских источников, что позволило шире представить исторический фон и взаимные связи событий, упомянутых в надписях (Ф. Хирт, Э. Шаванн); в) были определены в общих чертах основные аспекты историографического изучения памятников: историко-политический, этнологический, культурно-исторический и социальный (последний — только в работах В. В. Бартольда); г) была сделана первая попытка сопоставления сообщений памятников, материалов арабских, персидских, ки-

тайских, византийских и армянских источников для построения общей истории тюркских каганатов VI–VII в.⁶⁸

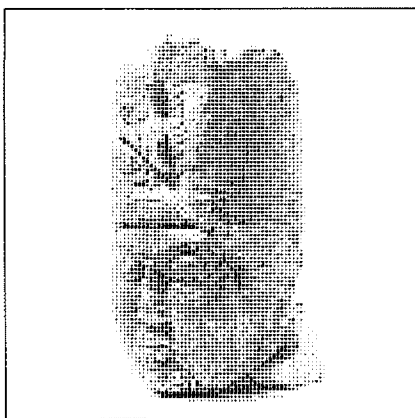
С середины первого десятилетия XX в. интерес к руническим памятникам несколько снижается. А. Н. Самойлович следующим образом характеризует новый период: «П. М. Мелиоранский, самый молодой из трех главных участников разработки памятников турецкой рунообразной письменности, наиболее близкий к В. Томсену по научной точности своих исследовательских приемов, был рано похищен у науки смертью... В. В. Радлов с началом появления из песков Китайского Туркестана обильных памятников уйгурской письменности отошел от надписей Монголии и Сибири, которые он все (не считая позднее открытых Рамstedтом и Котвичем) проработал в предварительном виде, снабдив глоссариями и грамматическим очерком. В. Банг, давший несколько статей по памятникам енисейско-орхонской письменности и открывший особую систему сочетания единиц и десятков в числительных этих надписей, не задержался на этих памятниках, а занялся детальным изучением Codex Cumanicus'a и увлекся подготовительными исследованиями по исторической грамматике турецких языков. Вамбери ограничился не имевшими большого значения заметками по языку турецких рунов. Рамstedт, более монголист, чем турколог, только на время вошел в число исследователей турецких памятников Монголии, чтобы выпустить в свет издание и перевод открытых им самим надписей»⁶⁹. Особое место в дальнейшем изучении древнетюркской руники принадлежало В. Томсену. «С 1893 по 1927 г. в центре научных интересов В. Томсена, вопреки его первоначальным намерениям, оставались вырезанные на камнях и сохранившиеся в Монголии и Сибири памятники турецкой руновидной письменности, в изучение языка которых знаменитый датский ученый продолжал, с некоторыми перерывами, все более и более углубляться по мере расширения своих туркологических познаний и по мере развития туркологии трудами других ученых разных стран, особенно в связи с богатейшими находками памятников древнего турецкого языка при археологических раскопках в Китайском Туркестане»⁷⁰.

Две главные причины обусловили отход большинства исследователей от дальнейшего углубленного изучения орхоно-енисейских памятников — во-первых, появление большого числа новых материалов из Восточного Туркестана, изучение которых привело к ряду открытий сенсационного характера, и, во-вторых, завершение первоначальной обработки орхоно-

⁶⁸ Chavannes. Documents. Pt. IV. Этот раздел работы Э. Шаванна получил, однако, суровую оценку в рецензии В. С. Бартольда (Бартольд. Рецензия. С. 162–185).

⁶⁹ Самойлович. Вильгельм Томсен и туркология. С. 24–25.

⁷⁰ Там же.

Голова статуи Кюль-тегина
из погребального комплекса в Кошо-
Цайдаме. VIII в. Монголия.

Турке-стана)⁷³, Г. И. Рамstedт (Суджинская и Селенгинская надписи), В. Л. Котвич и А. Н. Самойлович (надпись в Ихе Хушоту)⁷⁴.

После открытия В. Л. Котвичем надписи Ихе Хушоту (памятник Кули-чору) в 1912 г. находки, как, впрочем, и специальные поиски новых крупных памятников рунической письменности, надолго прекратились. Основным содержанием тюркской рунологии на несколько десятилетий стали освоение уже опубликованных материалов и пересмотр достигнутых ранее результатов. Этот процесс не изменило открытие новых мелких и весьма трафаретных по содержанию и языку енисейских надписей, как и находки еще более кратких надписей, а иногда и отдельных знаков в других районах распространения древнетюркского рунического письма.

Историографическое изучение надписей проводилось в этот период В. Томсеном, по-новому решившим вопрос о датировке некоторых событий, упомянутых в надписи Тоньюкука; П. Пельо, продолжившим работу по привлечению к интерпретации памятников китайских литературных свидетельств⁷⁵; Г. Е. Грумм-Гржимайло, привлечшим надписи для реше-

енисейских текстов. Для получения новых данных требовалась длительная кропотливая работа, не сулящая, как казалось, значительных результатов. Ошибочность этого представления стала очевидной после публикации В. Томсеном новых работ — «Turcica» (1916)⁷¹ и «Древнетюркские надписи из Монголии» (1922)⁷², которые завершили его более чем тридцатилетний труд над древнетюркскими руническими памятниками.

Вместе с тем были открыты новые памятники, издание и перевод которых осуществили В. Томсен («руны на бумаге» из Восточного

ния некоторых историко-географических и этнографических проблем⁷⁶; В. В. Бартольд, широко использовавшим материалы памятников для культурно-исторических исследований.

Вклад В. В. Бартольда особенно велик; его последней крупной работой были широко известные «Двенадцать лекций по истории тюрков Средней Азии», прочитанные в Стамбульском университете летом 1926 г. В «Лекциях» В. В. Бартольд подвел итоги своих многолетних исследований в области истории тюркоязычных народов⁷⁷. В эти годы В. В. Бартольд окончательно сформулировал отношение к надписям как историческому источнику, отразив в своей оценке состояние историографии Средней Азии и степень филологической изученности древнетюркских рунических текстов: «Помимо своего лингвистического значения, надписи имеют не меньше значения и для историка как рассказ турок VIII в. о себе, во многом дополняющий сведения китайских источников. Необходимо, однако, помнить, что, хотя со времени открытия датским лингвистом Томсеном ключа к чтению надписей прошло уже более 30 лет, дело разбора далеко не закончено и толкование многих мест остается спорным. Попытки без знания языка, на основании существующих переводов, пользоваться надписями как историческим источником могут привести и часто приводили к совершенно ошибочным историческим выводам»⁷⁸.

Новый этап изучения орхоно-енисейской письменности, начавшийся в 1930–1940-х гг., связан с серьезными изменениями в состоянии тюркской филологии. Благодаря вовлечению в круг исследуемых памятников древнеуйгурских текстов, словаря Махмуда Кашгарского и некоторых других материалов, их постепенному освоению область изучения древнетюркских языков значительно расширилась. Были предприняты попытки построения исторической классификации и исторической грамматики тюркских языков, усилился интерес к поискам родственных связей этих языков с другими языками, близкими к ним в материальном и типологическом отношениях (алтаистика). В этих условиях резко возросла роль древнейших тюркских языковых памятников для дальнейшего развития тюркского и «калтайского» языкознания. В то же время новые материалы позволили отчасти пересмотреть как переводы памятников, так и те выводы филологического и исторического порядка, которые были сделаны в конце XIX — начале XX в.

⁷¹ Thomsen. Turcica. P. 1–107; *Id.* Une lettre méconnue. P. 1–9.

⁷² Thomsen. Gammel-tyrkiske Indskrifter fra Mongoliet. S. 121–175.

⁷³ Thomsen. Blatt. S. 296–306; *Id.* Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 181–227; *Id.* Fragment. P. 1082–1083.

⁷⁴ Kotwicz, Samoilowitch. Le monumentsturc. P. 60–107.

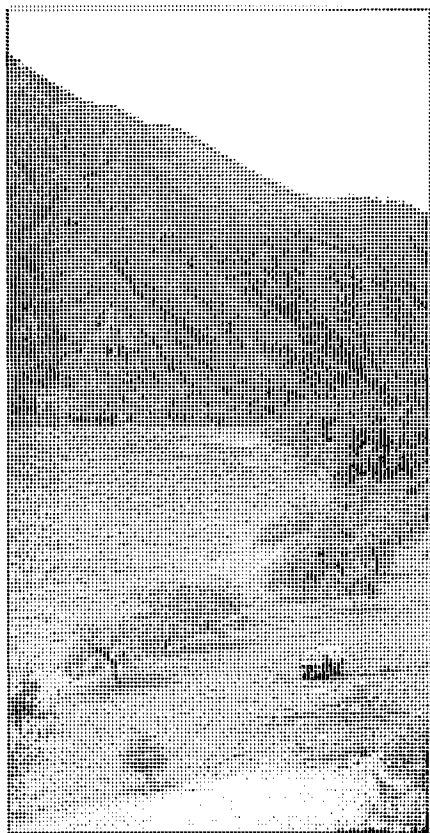
⁷⁵ Кроме цитированной работы см.: Pelliot. Fille de Mo-tch'o qaghan. P. 3–8; *Id.* Origine de T'ou-kiue. P. 687–689; *Id.* L'édition collective. P. 113–182; *Id.* Les systèmes d'écriture. P. 284–289.

⁷⁶ Грумм-Гржимайло. Западная Монголия.

⁷⁷ Турецкое издание этой работы (Стамбул, 1927) неудовлетворительно. Мы использовали немецкое издание, в подготовке которого принимал участие вплоть до своей кончины сам В. В. Бартольд (Barthold. 12 Vorlesungen; *Id.* Histoire des Turcs); см. теперь: Бартольд. Сочинения. Т. V.

⁷⁸ Бартольд. Современное состояние. С. 4.

Экспедиция С. Г. Кляшторного в верховье
р. Селенга. Монголия. 1975 г.

Первая попытка в этом направлении, предпринятая Х. Н. Оркуном, не была признана удовлетворительной, однако опыт составления корпуса рунических надписей сам по себе заслуживает внимания⁷⁹. Впервые после известных работ В. В. Радлова появились достаточно подробные описания языка древнетюркских памятников⁸⁰. Особое значение для изучения древнетюркской письменности имеют обобщающие труды С. Е. Малова (1951–1959)⁸¹, издание которых послужило толчком к резкому расширению работ по сравнительно-историческому изучению тюркских языков.

Весьма важны грамматические очерки языка древнетюркских рунических памятников, опубликованные сопоставительно с грамматическими очерками других древнетюркских и современных тюркских языков⁸², а также сравнительный анализ древнетюркских языковых фактов в системе общего описания фонологии, морфологии и синтаксиса тюркских языков⁸³. Наконец, выход в свет «Древнетюркского словаря», история

создания которого охватывает более сорока лет, и публикация словаря Дж. Клосона имеют фундаментальное значение для развития тюркологиче-

ских и общеалтаистических исследований в мировом масштабе⁸⁴. Направление дальнейших исследований, по новейшей оценке, наиболее настоятельно диктуется необходимостью изучения графической системы руники (эволюция графики, относительная и абсолютная датировка памятников на ее основе, отражение в графике звуковой стороны языка и проблема соотношения: графема — фонема — вариант фонемы), диалектных различий в языке памятников и диалектных отношений орхоно-енисейских памятников к остальным древнетюркским памятникам, системного описания грамматического строя каждого памятника в отдельности и в сопоставлении друг с другом⁸⁵. В этих направлениях плодотворными стали 80-е гг. XX в. Вместе с тем сохраняет значение работа по ревизии и переизданию уже известных текстов, ведущаяся в продолжение последних двух десятилетий⁸⁶.

Новый этап открытий и полевого изучения древнетюркских памятников Центральной Азии, их последующего издания и интерпретации связан с работами двух крупнейших экспедиций — Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством А. Д. Грача и Советско-монгольской историко-культурной экспедиции под руководством А. П. Окладникова и В. В. Волкова. В составе обеих экспедиций функционировал эпиграфический отряд. Работами этих отрядов руководили: в Туве — С. Г. Кляшторный (1968–1973), а затем Д. Д. Васильев, в Монголии — С. Г. Кляшторный (1968–1969, 1974–1989).

Работы на Верхнем Енисее имели своим результатом кроме ряда статей издание сводного корпуса⁸⁷. Работы в Монголии породили целую серию открытий памятников, большая часть которых была опубликована⁸⁸.

⁷⁹ ДТС; Clauson. An etymological dictionary.

⁸⁰ Кононов. Грамматика языка; Кондратьев. Грамматический строй.

⁸¹ Подробную библиографию см.: Трыяски Э. Новые исследования по древнетюркским памятникам в Монголии и методология издания рунических надписей // Олон улсын монголч эрдэмтний I их хурал. Т. II. Улаанбаатар, 1973. С. 170–175; Scharlipp. An introduction.

⁸² Васильев. Корпус тюркских рунических памятников.

⁸³ Предварительные сообщения и оценки эпиграфических исследований были опубликованы С. Г. Кляшторным в издаваемых Институтом археологии АН СССР (ИАИ) ежегодных сборниках «Археологические открытия» (1969–1989). См. также: Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность. С. 254–264; Кляшторный, Лившиц. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских памятников. С. 37–60; Кляшторный. Эпиграфические работы в Монголии. Р. 7–32; Кляшторный. Новые эпиграфические работы. С. 112–133.

⁷⁹ Orkun. Eski türk yazitlari. P. I–IV. Ср. рец. С. Е. Малова (Малов. [Рец. на кн.:] Orkun. Eski türk yazitlari. 1940. С. 186; Он же. [Рец. на кн.:] Orkun. Eski türk yazitlari. 1948. С. 123–124).

⁸⁰ Gabain. Altürkische Grammatik; Clauson. Turkish and Mongolian studies; Tekin. A grammar; Батманов. Язык енисейских памятников; Батманов, Арагачи, Бабушкин. Современная и древняя енисейка; Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников; Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников.; Кондратьев. Очерк грамматики.

⁸¹ Малов. Памятники; Он же. Енисейская письменность; Он же. Памятники Монголии и Киргизии.

⁸² Gabain. Altürkische. S. 21–45; Pritsak. Das Altürkische. S. 27–52.

⁸³ Menges. The Turkic languages and peoples.

В поисках рун в горах Хангая. Экспедиция С. Г. Кляшторного. 1980 г.

СОГДИЙСКАЯ ЭПИГРАФИКА ТЮРКОВ

Многовековые контакты согдийцев с тюрками и другими народами Центральной Азии — одна из наиболее ярких страниц истории мировой культуры. Манихейские рукописи, открытые в Турфане, свидетельствуют о роли согдийцев в уйгурских государствах VIII–IX вв. О согдийско-тюркских связях говорят и древнетюркские (рунические и уйгурские), и согдийские тексты. Тюрки и уйгуры познакомились с манихейством и буддизмом через посредство согдийцев, а курсивное уйгурское письмо прямо продолжает согдийское. По словам В. В. Бартольда, «заслуги согдийцев в деле распространения алфавита семитского происхождения дают им право на место в истории рядом с финикийцами», а значение согдийцев в международной торговле «едва ли уступало торговому значению финикийцев в древности»⁸⁹.

⁸⁹ Бартольд. О языках согдийском и тохарском. С. 467.

Великая центральноазиатская эстафета письменности, начатая согдийцами, была подхвачена тюрками, уйгурами и, позднее, монголами: от уйгурского берет свое начало монгольское письмо, монголы передали письменность маньчжурам. Примечательно, что уже на первом этапе этой эстафеты тюрки выступали не только в роли учеников: согдийский алфавит, заимствованный тюрками, был дополнен буквой *l* (палеографически — согд. *r* с диакритикой), и в таком — модифицированном — виде его применяли (вероятно, уже со второй половины VIII в.) и сами согдийцы. Этот вариант курсивного согдийского письма принято именовать «уйгурско-согдийским», он известен по согдийским рукописям из Дуньхуана и Турфана, а также по Карабалгасунской надписи, открытой Н. М. Ядринцевым в 1889 г. в Северной Монголии, на левом берегу р. Орхон, среди развалин древней столицы уйгуров.

Надпись содержала три версии — китайскую, древнетюркскую руническую и согдийскую. Первоначально согдийская версия была принята за уйгурскую. Н. М. Ядринцев доставил в Петербург один фрагмент этой версии, содержащий 4 строки; еще несколько фрагментов было открыто экспедициями А. Гейкеля (1890) и В. В. Радлова (1891). Лишь в 1909 г., после открытия и идентификации согдийских рукописных текстов из Восточного Туркестана, Ф. В. К. Миллер установил, что эта версия Карабалгасунской надписи составлена на согдийском языке⁹⁰. Фотографии эстампажей большинства дошедших до нас фрагментов согдийской версии опубликованы в «Атласе» В. В. Радлова⁹¹. Издание текста и первый перевод всех согдийских фрагментов принадлежит О. Хансену⁹². Существенные коррективы в чтение согдийской версии внес Ютака Иосида⁹³.

Древнетюркская руническая версия Карабалгасунской надписи уничтожена почти целиком, так что о содержании надписи можно судить главным образом по китайской версии, хорошо сохранившейся; эта версия издавалась несколько раз⁹⁴.

Открытием и атрибуцией согдийской версии Карабалгасунской надписи было положено начало целой серии находок согдийской эпигра-

⁹⁰ Miller. Ein iranisches Sprachdenkmal. S. 726–739; ср. также: Müller. Hofstaat. S. 207–213.

⁹¹ Радлов. Атлас древностей Монголии. С. XXXII–XXXV.

⁹² Hansen. Zur soghdischen Inschrift. S. 3–39.

⁹³ Jutaka Yoshida. Some new readings. P. 117–123.

⁹⁴ [Heikel]. Inscriptions de l'Orkhon. P. XXVIII–XXXVIII; Shelgelin. Die chinesische Inschrift; Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках (ср. также: Radloff. Die alttürkische Inschriften. S. 286–291). Из исследований, в которых использованы данные китайской версии, наиболее важны: Marquart. Historische Glossen. S. 172–200; Chavannes, Pelliot. Une traité manichéen. P. 177–223.

Остатки Карабалгасунского памятника. IX в.
Монголия

на спине каменной черепахи. Три стороны стелы покрывала частично сохранившаяся курсивная надпись, которую Ц. Доржсурэн посчитал за уйгурскую. В 1968 г. Доржсурэн сообщил С. Г. Кляшторному о своей находке, после чего стела, перемещенная в краеведческий музей г. Цэцэрлэг (центр Архангайского аймака), была там обследована и сфотографирована. По фотографиям В. А. Лившиц определил язык стелы как согдийский. Изучение комплекса и стелы было продолжено в 1969 г. (С. Г. Кляшторный), 1970 г. (В. А. Лившиц), а в 1982 и 1984 гг. проведены раскопки комплекса (С. Г. Кляшторный, В. Е. Войтов).

Исследование текста Бугутской стелы показало, что она является эпиграфией четвертого тюркского кагана Таспара (Тобо-кэхань китайских источников), умершего в 581 г.⁹⁵

Историческое значение Бугутской надписи, несмотря на ее фрагментарность, очень велико. Это единственный известный в настоящее время письменный памятник, составленный на территории первого Тюркского каганата и отражающий традицию его официальной историографии. Вместе с тем надпись является самым значительным памятником согдийско-тюркских культурных связей, получивших особое значение в период, когда первое тюркское государство, не имевшее еще своей письменности, пользовалось согдийским языком и письмом в официальных тек-

⁹⁵ Кляшторный, Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. С. 121–146; *Klyachtorny, Livshits. The Sogdian inscription*. P. 69–102; *Klyachtorny, Livshits. Buguttaki Sogdica kitabegi yeni bir bakiş*. S. 201–241.

фики тюрков в Монголии, принесших во многом неожиданные результаты. И главной из таких находок стало открытие Бугутской стелы.

В 1956 г. монгольский археолог Ц. Доржсурэн обнаружил в обширной межгорной котловине Бугут (Оленья падь), примерно в 27 км к северо-востоку от центра Их Тамир-сомона и в 5 км севернее левого берега р. Хойт-Тамир, близ левого берега маленькой речки Баин Цаган, впадающей в Хойт-Тамир, погребальный комплекс тюркского времени. В состав комплекса входила стела, установлен-

стах, как, очевидно, и в канцелярском обиходе каганской ставки. Согдийско-тюркские контакты в эпоху Первого каганата получили новый мощный импульс, особенно после того, как в 60-е гг. VI в. каганат стал политическим гегемоном всей Центральной Азии и вел борьбу за контроль на Шелковом пути.

В 1969 г. С. Г. Кляшторный, используя краткую информацию палеонтолога И. А. Ефремова, обнаружил на юге Гоби, близ горной гряды Сэврэй, небольшую мраморную стелу с плохо сохранившимися рунической и согдийской надписями. Как выяснилось, это была триумфальная надпись уйгурского Бёгю-кагана, возвращавшегося в 763 г. из победоносного похода в Китай⁹⁶.

С южных окраин Гоби нам предстоит теперь вновь вернуться в северо-западную Монголию. В 10 км к востоку от слияния рек Ёлётын-гол и Хойто-Тамир, в степи вблизи дороги возвышается останец — скала Тайхир-чулу. Местоположение скалы, причудливый вид и, главное, значительная удаленность ее от горных хребтов породили много легенд о ее происхождении. Высота скалы достигает 15 м, периметр ее на уровне земли — 62 м. На всех сторонах скалы, примерно до уровня 4 м над поверхностью земли, имеются надписи — выбитые или нанесенные краской. Еще в 1893 г. Клеменц обнаружил на Тайхир-чулу и сделал копии 11 рунических надписей (одна выбита, остальные начертаны черной и

С. Г. Кляшторный. В горах Монгольского Алтая. Октябрь 1969 г. На заднем плане — обо, сооружение в честь духа-покровителя перевала

⁹⁶ Кляшторный, Лившиц. Сэврэйский камень. С. 106–112; *Klyachtorny, Livshits. Une inscription inédite*. P. 11–20.

красной красками). Эти копии были опубликованы В. В. Радловым, ему же принадлежит и попытка чтения этих надписей⁹⁷. В последние годы к руническим надписям Тайхир-чулу обращались А. Габен⁹⁸, Ж.-П. Ру⁹⁹, П. Аалто¹⁰⁰; опубликованы копии нескольких надписей, сделанные еще в 1909 г. финским ученым Гранэ¹⁰¹, в 1969 г. эти надписи детально обследовал С. Г. Кляшторный.

В 1970 г. В. А. Лившиц обнаружил на Тайхир-чулу две уйгурские и одну согдийскую надписи. Все надписи сделаны черной краской, написаны по вертикали. Чтение их сильно затруднено тем, что поверх них нанесены автографы (масляной краской) современных посетителей, однако в согдийской надписи удалось восстановить несколько строк¹⁰².

⁹⁷ Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. S. 260–268. Орхун (II, 102 сл.) воспроизвел факсимиле и почти неизменные транскрипции этих надписей, данные Радловым.

⁹⁸ Gabain. Inhalt.

⁹⁹ Roux. Le nom du chaman. P. 133–142.

¹⁰⁰ Aalto. Materialien. S. 62–65.

¹⁰¹ Ibid. S. 67–76.

¹⁰² Подробнее об открытии и изучении древней эпиграфики Монголии см.: Кляшторный, Лившиц. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских памятников. С. 37–60. О международном резонансе, который получили открытия согдоязычных памятников в Монголии, см.: Bazin. Les Turcs et les Sogdiens. P. 37–45.

Глава II

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

РУНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Первые попытки объяснить происхождение знаков сибирской руники относятся ко времени, предшествовавшему дешифровке орхонских памятников. Уже Г. И. Спасский¹, М. А. Кастрен и Г. Вамбери обратили внимание на сходство письмен приенисейских скал с родовыми знаками сибирских татар. Такого рода догадки были обобщены Н. А. Аристовым, который предположил, что «существовавшие с глубочайшей древности родовые тамги были позднее употреблены в качестве букв в орхон-енисейском алфавите»². Гипотезу Н. А. Аристова поддержал Н. Г. Малицкий³.

При дешифровке рунической письменности В. Томсен отметил близость некоторых рунических знаков буквам «семитско-пехлевийского алфавита»⁴. Позднее он вполне определенно указал на генетическую зависимость 23 из 38 рунических знаков от арамейских букв. Арамейский алфавит, переработанный и приспособленный к звуковому строю тюркского языка, пополнился также несколькими знаками неарамейского происхождения⁵. Та же гипотеза была изложена О. Доннером, выделившим как посредствующее звено между арамейским и руническим алфавитами шрифт легенд аршакидских (парфянских) монет II–III вв. н. э.⁶

¹ Спасский. Восточная библиография. С. 285–303; Vambéry. Türkenvolk. S. 34–36; Шифнер. Об этнографической важности. С. 605.

² Аристов. Опыт. С. 28–29.

³ Малицкий. О связи тюркских тамг. С. 43–47.

⁴ Thomsen. Déchiffrement. P. 299.

⁵ Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. P. 49–50.

⁶ Donner. Origine de l'alphabet turc. P. 21–46.

Гипотеза Аристовой и Малицкого была подвергнута критике и отвергнута П. М. Мелиоранским и Д. Н. Соколовым, поддержавшими выводы Томсена и Доннера. Не исключалось, однако, что тамги могли послужить образцами для рунических знаков, прототипы которых отсутствуют в арамейском алфавите. Более того, сами арамейские буквы приобрели известную геометричность начертаний под влиянием привычных для создателей древнетюркского алфавита форм родовых тамг⁷.

Гипотеза Томсена–Доннера не только фиксировала сходство близких по начертаниям знаков, но и указывала на определенный источник заимствования тюрками самой идеи фонетического письма, не вполне, впрочем, свободного от влияния идеографических и силлабических систем. Если о воздействии силлабических систем свидетельствует консонантный дуализм древнетюркской руники, то идеографическое происхождение нескольких знаков было установлено лишь много позднее Е. Д. Поливановым⁸. Однако слабой стороной гипотезы «арамейского источника» была ее историко-хронологическая необоснованность. Разрыв в четыре–пять столетий между последними аршакидскими монетами и первыми датированными руническими памятниками, усугубленный разрывом территориально-политическим, породил своеобразный *hottog vacui*, обусловивший появление ничем не оправданного исторического построения Е. Блоше. В одной из своих работ этот исследователь пытался доказать, что руника была заимствована тюрками через посредство жужан у гуннов, в свою очередь перенявших один из северосемитских (арамейских) алфавитов⁹. Реальный исторический фон удачной палеографической гипотезы начал проявляться лишь благодаря новым открытиям древних письменностей Центральной Азии.

В 1906 г. А. Стейн обнаружил на крайней западной оконечности Великой китайской стены, в сторожевой башне близ Дуньхуана, огромное скопление документов. Более семисот из них были написаны на китайском, остальные — на неизвестном языке, письмом, арамейское происхождение которого не вызывало сомнений. Археологические данные, так же как и даты самых поздних из найденных в башне китайских документов, изученных Э. Шаванном, казалось, давали достаточные основания отнести весь архив к середине II в. н. э.¹⁰

⁷ Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 46–47; Соколов. О башкирских тамгах. С. 84–86.

⁸ Поливанов. Идеографический мотив. С. 177–181. Попытку идеографического объяснения всех знаков рунического алфавита предпринял Ахмет Джеват Эмре (*Emre, Mensegi*. S. 1–54).

⁹ Blochet. *Inscriptions*. P. 356–382, 352–365.

¹⁰ Stein. *Serindia*. Vol. II. P. 672–673.

В 1911 г. Р. Готье и А. Коули доказали, что неизвестные документы, найденные в комплексе с китайскими, написаны на согдийском языке согдийским письмом — одной из разновидностей арамейского алфавита¹¹. Согдийские документы, представляющие собой частную переписку, получили известность в литературе как «старые согдийские письма». Сразу же после атрибуции согдийского алфавита Готье, консультировавшийся с Томсеном, пришел к выводу, что именно этот алфавит послужил моделью древнетюркского рунического письма¹². В 1922 г. Томсен подтвердил этот вывод, отметив, что между тюркским и согдийским письмом «существуют ясные и неоспоримые соответствия»¹³. Вместе с тем для Томсена оставался необъяснимым хронологический разрыв между обоими системами письменности. Датировка палеографически более архаичных енисейских и семиреченских рунических надписей VI–VII вв. порождала новые гипотезы, но не давала ответа на старые вопросы¹⁴.

В 1948–1959 гг. Ф. Альтгейм, основываясь на своих предположениях относительно происхождения и ранней истории гуннов, в несколько иной форме возродил идеи Блоше¹⁵. Несостоятельность взглядов Альтгейма уже была отмечена в литературе раньше¹⁶. О другом возможном пути проникновения к тюркам согдийского алфавита и переработки его в руническое письмо говорит С. В. Киселев: «Если не подлежит сомнению арамейская основа большинства таласо-енисейских литер, проникшая на восток через Среднюю Азию, через согдийское и хорезмийское письмо, то Семиречье, связанное с Хорезмом, колонизованное в значительной части согдийцами и в то же время в VI–VII вв. занятое западными тугю, становится наиболее вероятным местом первого применения рунической письменности, приспособившей арамейский алфавит к тюркской речи»¹⁷.

Далее С. В. Киселев предполагает, что из Семиречья руническое письмо попало в Восточный Туркестан к племени ягма, которое оставило рунические документы на бумаге; от ягма письменность заимствовали карлуки, а от них — енисейские кыргызы. Орхонские тюрки восприняли руническое письмо непосредственно у западных тюрков, но древнейшие тексты VI–VII вв. на Орхоне еще не выделены.

¹¹ Gauthiot. Note. P. 497–507; Cowley. Unknown language. P. 159–166.

¹² Gauthiot. Essai. P. 5.

¹³ Thomsen. *Inscriptions runiques*. P. 76.

¹⁴ Ранняя датировка енисейской письменности была предложена В. Томсеном и П. М. Мелиоранским. Ту же точку зрения выдвинул и В. В. Радлов (*Radloff*. *Vorislamitischen Schriftarten*. S. 835–856).

¹⁵ Altheim. *Hunnische Runen*. S. 1–31; *Id. Geschichte der Hunnen*. Bd. I. S. 268–289.

¹⁶ Maenchen-Helfen. [Рец. на кн.:] Altheim F. *Geschichte der Hunnen*. S. 295–298.

¹⁷ Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 604–610.

Если гипотеза Киселева о семиреченском центре происхождения древнетюркской руники представляется весьма интересной, то намеченный им путь передачи алфавита на восток не подтверждается приводимыми фактами. Восточнотуркестанские памятники рунического письма никак не могут быть приписаны ягма и отнесены к VI–VIII вв. Они совершенно отличны по своему облику как от семиреченских, так и от енисейских надписей и твердо датируются временем не ранее середины IX в., т. е. временем массового переселения в Восточный Туркестан уйгур, сохранявших традиции рунического письма.

Предположение о семиреченском происхождении руники высказано также А. М. Щербаком, по мнению которого это письмо, «по-видимому, возникло где-то в районе Таласа в результате заимствования или преобразования какого-то другого алфавита и распространялось оттуда в двух противоположных направлениях: на восток (орхонское, енисейское и другие виды письма) и на запад (печенежские руны)»¹⁸.

Таким образом, установлено, что сама идея буквенного письма и его образец, послуживший моделью древнетюркского рунического алфавита, заимствованы тюрками у своих западных соседей — ираноязычных народов Средней Азии, пользовавшихся алфавитами арамейского происхождения. Наиболее вероятным источником заимствования является согдийский алфавит, точнее та разновидность согдийского письма, которой написаны «старые согдийские письма» из Дуньхуана.

В процессе приспособления к тюркскому языку согдийский алфавит претерпел существенные изменения: а) курсивное написание отдельных знаков было заменено раздельным написанием; б) под влиянием форм существовавших у тюрков родовых знаков (тамг) и идеографических символов, а также, возможно, под воздействием фактуры (камень, дерево, металл) плавные закругленные начертания согдийских букв были заменены геометризованными начертаниями; в) поскольку фонетические системы согдийского и тюркского языков различны, не все знаки согдийского алфавита были восприняты, а фонетическая символика рунических знаков не всегда совпадает с фонематической символикой сходных согдийских букв; вместе с тем рунический алфавит был обогащен новыми, отсутствующими в согдийском письме знаками, частью идеографическими, частью буквенного характера.

Вопрос о месте и времени возникновения рунического письма, тесно связанный с проблемой его палеографической периодизации, остается неразрешенным. Согласно существующим представлениям, рунический алфавит пережил по меньшей мере три этапа развития, которым

¹⁸ Щербак. Знаки на керамике. С. 388.

соответствуют три устава письма: а) архаический, широко представленный памятниками Семиречья (VI–VII вв.) и Енисея (VI–X вв.); влияние этого устава особенно заметно в Онгинской надписи; б) классический, которым исполнены многочисленные памятники второго Тюркского каганата (первая половина VIII в.); в) поздний, представленный в памятниках эпохи Уйгурского каганата (вторая половина VIII–IX в.) и в «рунах на бумаге» из Восточного Туркестана (IX в.)¹⁹. Некоторые реминисценции архаического начертания рунических знаков можно отметить в Суджинской надписи (середина IX в.), которая, однако, является памятником енисейского круга.

Как уже доказано, енисейские надписи не могут быть отнесены ко времени ранее VII в., а в большинстве датируются IX–X вв.²⁰ Следовательно, палеографическая архаичность не является достаточным основанием для ранней датировки надписей и может быть охарактеризована как региональный признак. Вопрос о нижней дате рунических памятников Семиречья остается, таким образом, открытым, а гипотеза о семиреченском центре возникновения рунического письма — неподтвержденной²¹. Особое положение среди среднеазиатских рунических памятников занимает надпись на бронзовом перстне из комплекса погребения в «муг-хона» (Северная Фергана). Погребения в «муг-хона» (или «курумах») датируются достаточно широко (II в. до н. э. — VIII в. н. э.)²². Однако семиреченские руники (памятники Таласа) ныне надежно датированы 716–739 гг.²³

Сведения нарративных источников о письменности у тюрков неопределенны. Первое сообщение такого рода принадлежит Менандру Протектору, «История» которого была завершена в 583–584 гг.; рассказывая о приеме тюркского посольства во главе с согдийцем Маниахом византийским императором Юстином II (568), Менандр упоминает послание от кагана, написанное «скифскими письменами» то ὑρρῶν τῶ Σκνθικόν²⁴. Нельзя, однако, утверждать безоговорочно, что эти «скифские письмены» — рунические знаки; скорее, послание было написано по-согдийски. Использование какой-либо третьей системы письма сомнительно. Полулегендарное сообщение, сохраненное арабо-персидской традицией, о

¹⁹ Ср.: Gabain. Alttürkische Schrifttum. S. 12–14.

²⁰ Кызласов. Новая датировка. С. 96–103.

²¹ С. Е. Малов по внешним признакам датировал семиреченскую рунику V–VIII вв. (Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 57).

²² Литвинский. Изучение курумов. С. 109–130.

²³ Кляшторный. Рунические памятники. С. 30–34.

²⁴ Менандр Протектор. История. С. 374; Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 422. Отрывок из письма тюркского кагана императору Маврикию цитирует Феофилакт Симокатта (Феофилакт Симокатта. История. С. 159).

написанном по-китайски послании тюркского кагана Хосрову Ануширвану (531–579)²⁵ опровергается свидетельством китайских источников, отрицающих употребление тюрками иероглифики²⁶.

Более определенно по сравнению со сведениями западных авторов сообщение «Чжоу шу»: «Письмена тюрков напоминают письма народа ху (согдийцев)»²⁷. Из этого сообщения явствует, что уже во второй половине VI в. тюрки обладали самостоятельной письменностью, связь которой с письменностью согдийцев бросалась в глаза. Была ли это руническая письменность или так называемое «уйгурское» курсивное письмо?

Уйгурское письмо едва ли не до монгольского времени почти ничем не отличалось от позднего согдийского курсива, сформировавшегося лишь на рубеже VII–VIII вв.²⁸ Поэтому было бы возможным полагать, что в «Чжоу шу» речь идет именно о руническом письме в его наиболее раннем и наиболее близком к старому согдийскому алфавиту варианте. Близость руники именно к старому согдийскому письму уже была отмечена в литературе²⁹. Нельзя исключить, однако, что в «Чжоу шу».

Можно предположить, что приспособление старого согдийского алфавита к тюркскому языку началось очень рано, возможно, в период обитания племени ашина (түрк) в Гаочане и других оазисах Восточного Туркестана, колонизованных согдийцами (V в.). Как теперь установлено, согдийские письма из Дуньхуана датируются не II в. н. э., а IV³⁰; тем самым смущавший В. Томсена хронологический разрыв между старыми согдийскими и тюркскими руническими памятниками практически исчезает. Не исключено, что процесс формирования рунического алфавита нашел завершение уже после образования каганата и после овладения тюрками Средней Азией. Однако следует оговориться, что высказанная здесь гипотеза о времени и месте возникновения рунического письма может быть доказана только открытием в Восточном Туркестане рунических памятников, ранняя дата которых не будет вызывать сомнений. Ныне проблема происхождения тюркской руники и ее историография подробно обсуждена А. М. Щербаком (Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, граница ее распространения и особенности использования. СПб., 2001).

Terminus ad quem рунической письменности не столь спорен, как *terminus a quo*. Наиболее поздние рунические тексты из Монголии и Восточного

²⁵ Drouin. Mémoires. P. 50–56.

²⁶ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 229.

²⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 10.

²⁸ Henning. Mitteliranisch. S. 55; Le Coq. Kurze Einführung. S. 93–109.

²⁹ Gauthiot. Essai. P. 5; Schaeder. Wilhelm Thomsen. S. 94.

³⁰ Henning. Sogdian «ancient letters». P. 601–615.

Туркестана датируются серединой IX в. Есть основания полагать, что руническое письмо было известно там и в первой половине X в. В хронике династии Ляо («Ляоши») сообщается, что основатель киданьской империи Абаоцзи (Тайцзу) во время посещения древней уйгурской столицы на Орхоне летом 924 г. приказал соскоблить надпись с каменной стелы в честь уйгурского Бильге-кагана и заменить ее надписью о своих деяниях, выполненной «киданьскими, тюркскими (туцзюэ) и китайскими письменами»³¹. «Тюркскими письменами» здесь могли быть названы только древнетюркские руны, так как уйгурский курсив назван «письменами хой-ху» («уйгурские письма»).

И. Маркварт, сомневавшийся в достоверности этого сообщения, полагал, что в X в. употребление рунического алфавита маловероятно³². Отметим, однако, что вплоть до середины X в. тюркские племена — носители традиций рунической письменности — упоминаются в китайских источниках, что позволяет отнести к сообщению «Ляоши» с большим доверием. Никаких достоверных данных о бытовании в Центральной Азии рунического письма позднее X в. нет. Однако есть все основания полагать, что к концу X в. оно было полностью вытеснено уйгурским курсивом³³. Лишь на Енисее, куда не проникло уйгурское письмо, возможно, руника еще была в употреблении и в XII в.³⁴ Опубликованная в 1956 г. древнетюркская руническая надпись с именем Чингис-хана³⁵ является современной подделкой и не может быть использована в качестве аргумента при определении верхней границы существования рунического письма в Центральной Азии³⁶. Своеобразный вариант рунического письма пережиточно сохранился в X–XI вв. у некоторых тюркоязычных племен Восточной Европы, и, возможно, послужил моделью древневенгерского письма (так называемые «древне-

³¹ Wittfogel, Fêng Chia-shêng. History of Chinese society. P. 99, 103; Breischneider. Mediaeval researches. Vol. I. P. 256.

³² Marquart. Guawaini's Bericht. S. 499. Более поздним временем (XI–XII вв.) пытался датировать рунический колофон одной из уйгурских рукописей В. Банг (Bang, Gabain, Rachmat). Türkische Turfan-Texte. S. 971. Однако сам он отметил, что чтение колофона крайне сомнительно. Следовательно, датировку, предлагаемую им по одному фонетическому наблюдению, также нельзя считать обоснованной. Другие попытки чтения этой надписи см. у М. Рясанена и А. М. Бернштама (Räsänen. Zu dem Runenschriftentrag. S. 1–2; Бернштам. Руническая надпись. С. 303–305).

³³ Проникновение уйгурского курсива также и в лапидарную графику засвидетельствовано Уланкомской стелой, открытой монгольскими археологами в 1955 г. (Доржсүрэн. Изучение. Вклейка к с. 13; Щербак. Надпись. С. 23–25; Кляшторный. Уланкомская надпись. С. 26–28).

³⁴ Кызласов. Новая датировка. С. 118.

³⁵ Лувсандэндэв. Шинээр олдсон. С. 1–7.

³⁶ Кляшторный. О подлинности древнетюркской надписи. С. 173–174.

венгерские резы»), памятник которого был впервые найден в Константинополе и описан как *litterae incognitae* немецким путешественником Г. Дерншвамом (1494–1569)³⁷.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

В. В. Радлов, которому принадлежит первая классификация древнетюркских языков Центральной Азии, объединил в одной диалектной группе все тексты, написанные руническим шрифтом. Эту группу он обозначил как «северный диалект» древнетюркского языка, или «язык тюрков-сиров», в отличие от «южного диалекта» — «уйгурского языка». Третьим диалектом В. В. Радлов считал язык манихейских и некоторых буддийских текстов, в котором нашли отражение особенности северного и южного диалектов — «смешанный диалект»³⁸.

Тезис В. В. Радлова о языковом единстве текстов, написанных руническим письмом, воспринят и современными исследователями. «Общим, стандартным, эпитафийно-руническим» языком называл язык древней тюркской письменности С. Е. Малов³⁹. Характерным в этом отношении является мнение И. А. Батманова, который отмечает, что язык енисейских и орхонских памятников «носил межплеменной характер»⁴⁰.

Речь идет, таким образом, о едином литературном древнетюркском языке, распространенном в VII–X вв. на территории Монголии, Южной Сибири и Семиречья (основная территория Тюркского каганата) и связанном с определенной системой письма. Возможно предположить, что в основе этого языка лежал племенной диалект ашина (түрк), превратившийся в государственный язык Тюркского каганата и сохранивший значение своего рода литературного койнэ в течение известного времени после падения государства орхонских тюрков.

В литературном и историографическом отношениях рунические памятники не столь едины, как в отношении языка и шрифта. Наиболее существенной для историографического изучения руники является классификация памятников по их региональной, историко-политической (этнической) и жанровой принадлежности.

³⁷ Babinger. Hans Dernschwams Tagebuch.

³⁸ Radloff. Alttürkische Studien. VI. S. 430.

³⁹ Малов. Енисейская письменность. С. 7.

⁴⁰ Батманов. Язык енисейских памятников. С. 124; ср.: Баскаков. Тюркские языки. С. 189–190; Насилов. Язык орхон-енисейских памятников. С. 7; Gabain. Alttürkische. S. 22–23.

Несмотря на огромную территорию распространения (от Орхона до Дуная, от Якутии до Гоби), известные к настоящему времени памятники группируются в сравнительно ограниченных районах — культурно-политических центрах древнетюркских племенных объединений; по региональному признаку могут быть выделены следующие семь групп памятников:

1. Памятники Северной Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. К этой группе относятся крупнейшие из известных рунических текстов — памятники в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (Кошоайдамские стелы), памятник Тоньюкуку, Онгинская надпись, памятник в честь Кули-чора, Селенгинский камень, Карабалгасунская надпись, Суджинская надпись, а также 10 надписей Хойто-Тамира, две надписи Ихе Асхет, Кентейская надпись, мелкие надписи с Хангая и из Гоби. Обычно эту группу надписей называют «орхонскими памятниками». Ныне установлено, что руническое письмо на территории Монголии распространено повсеместно.

2. Памятники долины Енисея возможно разделить на две подгруппы — *тувинскую* и *минусинскую*, — к которым относится около 150 открытых к настоящему времени надписей на надгробных камнях, скалах, золотых и серебряных сосудах, монетах.

3. Ленско-Прибайкальская группа памятников насчитывает 37 кратких надписей на скалах, чтение которых крайне затруднительно, и несколько надписей на мелких бытовых предметах (пряслица, алычики). Число наскальных надписей может быть увеличено, если считать за руническое письмо руноподобные знаки, зарегистрированные во многих пунктах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены.

4. Алтайские памятники весьма немногочисленны, их несколько десятков на скалах и стелах и несколько надписей на серебряных сосудах, найденных в захоронениях.

5. Памятники Восточного Туркестана включают четыре надписи на стене древней постройки в Турфане и несколько крупных текстов на бумаге из Мирана и Дуньхуана.

6. Среднеазиатская группа памятников может быть разделена на две подгруппы: *семиреченскую*, к которой относятся надписи на надгробных камнях (14 надписей из долины Таласа), монетах, бытовых предметах и деревянной палочке, и *ферганскую*, состоящую из нескольких кратких надписей на керамике и металле. Особое положение в ряду среднеазиатских памятников занимает документ на коже из архива г. Муг. Несмотря на имеющуюся попытку его чтения, тюркская языковая принадлежность текста оспаривается⁴¹.

⁴¹ Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. С. 65–75.

7. Памятники Восточной Европы также возможно разделить на две под-группы: *донецкую*, к которой следует отнести надписи на двух баклажках из Новочеркасска, знаки Маяцкого городища, знаки на кирпичах из Саркела, и *дунайскую*, к которой принадлежат надписи на серебряных сосудах из Надь-Сен-Миклош и некоторые мелкие надписи на металле. Исследованы А. М. Щербаком руноподобные знаки, открытые на Северном Кавказе; свод этих надписей ныне содержится в ряде работ И. Л. Кызласова⁴².

Если согласиться с трактовкой Э. В. Шавкунова, опубликовавшего как памятник рунического письма небольшую надпись на гальке (11 знаков), найденную близ г. Уссурийска, следовало бы выделить новую дальневосточную провинцию рунической письменности⁴³. Однако возможность чтения Уссурийской надписи как памятника рунического письма кажется нам сомнительной.

Региональной группировке памятников соответствует их историко-политическая (этническая) классификация:

1. Памятники Восточнотюркского каганата, к которым относится большая часть надписей Северной Монголии (орхонские тексты) и, возможно, памятники Алтая, могут быть определены как собственно тюркские памятники или, точнее, как памятники тюркского племенного союза. Все датируемые надписи относятся к VIII в., но не исключено, что некоторые малые надписи могут быть отнесены к VII в.

2. Памятники Кыргызского государства представлены надписями долины Енисея и Суджинской стелой. По Л. Р. Кызласову, они датируются VII–XII вв.

3. Памятники племенного союза курыкан (VIII–X вв.) включают Ленско-Прибайкальскую группу надписей.

4. Памятники Западнотюркского каганата включают как семиреchenские, так и ферганские надписи. Дата большинства этих памятников определяется достаточно четко — 716–739 гг.⁴⁴

5. Памятники Уйгурского каганата в Монголии, к которым принадлежат Селенгинский камень и Карабалгасунская надпись, датируются второй половиной VIII — началом IX в.

6. Памятники Уйгурского государства в Восточном Туркестане, датируемые IX–X вв., включают как тексты на бумаге, так и четыре настенные надписи из Турфана.

7. Памятники хазаро-булгарской руники распространены на сравнительно обширной территории. К ним относится восточноевропейская

руника, деревянная палочка из Семиречья и, возможно, северокавказские руноподобные надписи.

Жанровая принадлежность памятников весьма разнообразна и позволяет выделить не менее шести групп надписей:

1. Историко-биографические тексты — как мемориальные, так и прижизненные восхваления деяний виднейших представителей тюркской, уйгурской и кыргызской знати, прежде всего членов каганского рода или близких им лиц, составленные их ближайшими родственниками или ими самими.

Такого рода надписи, к которым относятся Кошоцайдамские стелы, надпись Тоньюкука, надпись в честь Кули-чора, Онгинская надпись, Терхинская надпись, Тэсинская стела, Селенгинский, Карабалгасунский и Суджинский памятники, Сэврэйский памятник, сочетают описание исторических событий, к которым в той или иной степени был причастен герой надписи или его предки, с изложением социальных и политических взглядов автора текста, своего рода декларациями, программное и в какой-то степени агитационное значение которых несомненно.

2. Эпитафийная лирика — надгробные надписи Енисея и Семиречья, охарактеризованные С. Е. Маловым как «кладбищенская поэзия» древнетюркской эпохи. Эти, как правило, недлинные, надписи написаны по определенному стандарту и содержат упоминание имени и титулов героя, его возраста, нескольких важнейших событий его жизни (без описания обстановки, с которой связаны эти события) и жизненных благ, которыми «не наслаждался» покойный.

3. Памятные надписи на скалах, камнях и строениях, отмечающих какое-либо событие в жизни их автора (надписи Хойто-Тамира, Чарышская надпись, Кентейский памятник, надпись на мавзолее Тоньюкука, некоторые другие мелкие надписи). Иногда такого рода надписи содержат лишь несколько слов, называющих предмет или отмечающих отношение к нему автора (надписи на Сулесской писанице).

4. Магические и религиозные тексты, к которым относятся восточнотуркестанские «руны на бумаге» — «Книга гаданий», трактат о магических свойствах камней, фрагменты трактата манихейского содержания.

5. Юридические документы на бумаге из Мирана и Турфана.

6. Метки на бытовых предметах — надписи на металлических сосудах и зеркалах, на керамике, на монетах. Такого рода метки содержат обычно имя владельца или мастера, благопожелания или сведения, связанные с функциональным назначением предмета (указание на вместимость сосуда или курсовое значение монеты).

Эти классификации ясно показывают сюжетную неоднородность и историографическую неравноценность памятников рунической письмен-

⁴² Подробную библиографию см.: Щербак. Тюркская руника. С. 12–31.

⁴³ Шавкунов. О письменности бохайцев. С. 82–84.

⁴⁴ Gabain. Inhalt. S. 539.

ности. Если благодаря сравнительному единству языка рунические тексты допускают унифицированный лингвистический подход к их изучению, то исследование памятников как исторического источника возможно лишь при выделении таких надписей, которые относятся к одной историко-политической группе и по своим сюжетно-жанровым особенностям дают достаточный для анализа материал.

В наибольшей степени этим требованиям отвечают орхонские памятники, которые без колебаний можно охарактеризовать и как главный источник для истории второго Восточнотюркского каганата, и как главный документ для изучения социальной, культурной и религиозной жизни тюрков той эпохи.

ОРХОНСКИЕ ТЕКСТЫ — СТИХИ ИЛИ ПРОЗА

Вопрос о литературной традиции, об особенностях орхонских и енисейских текстов как литературных памятников⁴⁵ неизбежно обособился уже на первом этапе их изучения. Если П. М. Мелиоранский обозначил памятники как образцы эпиграфической прозы⁴⁶, то Ф. Е. Корш, разработавший теорию силлабо-тонического стихосложения как древнейшего в тюркской народной поэзии, выделил ритмические отрывки в разных надписях, в том числе и в надписи в честь Кюль-тегина, возводя силлаботонику тюркского фольклора к древнейшим памятникам письменности⁴⁷.

О стихотворной форме орхонских и особенно енисейских памятников писал А. Н. Бернштам, а вслед за ним и М. И. Богданова⁴⁸. Впрочем, в оценке орхонских памятников А. Н. Бернштам не был последователен. Отмечая стихотворный характер отдельных отрывков, он определяет стиль больших надписей как стандартный стиль официального повествования⁴⁹. М. И. Богданова, а впоследствии М. Ауэзов и М. А. Унгвицкая, касаясь только енисейских и семиреченских памятников, рассматривали их как произведения народной поэзии, сближая с различными традиционными фольклорными жанрами киргизов, казахов, хакасов. «Енисейские и таласские киргизские надписи, — писала М. И. Богданова, — почти все построены в духе устных народных причетов, поминальных песен, а также прижизненных од и других панегирических жанров народного по-

⁴⁵ Насилов, Кормушин. За научное, глубокое изучение. С. 139.

⁴⁶ Мелиоранский. Об орхонских и енисейских памятниках. С. 280.

⁴⁷ Корш. Древнейший народный стих. С. 139–140.

⁴⁸ Бернштам. Истоки киргизской литературы. С. 79–84; *Он же*. Социально-экономический строй. С. 33–34; Богданова. Киргизская литература. С. 7–14.

⁴⁹ Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. С. 37–38.

этического творчества. Эпические и лирические традиции, лежащие в их основе, известная стабилизированность языка и стиля дают основание считать их древнейшими литературными памятниками киргизского народа»⁵⁰.

С близкими к енисейским надписям по теме обрядово-бытовыми жанрами — казахскими и киргизскими кошоками (обрядовыми плачами) и керезами (завещаниями) — сопоставляет эти тексты Мухтар Ауэзов: «Надписи составлены или в стиле керез, от лица умершего, или в виде кошока, от лица ближайшего родственника — отца, матери»⁵¹.

М. А. Унгвицкая, сближая енисейские эпитафии с жанрами хакасского фольклора, в частности с плачами-причитаниями (сытыями) и лирическими песнями (тахпаками), делает следующие выводы: «Эпитафии, будучи жанром древнетюркской лирической поэзии, представляют собой первые образцы древней литературы предков современных хакасов, алтайцев, тувинцев, киргизов. Эти эпитафии органически связаны с песенным фольклором названных народов, образцы которого творчески перерабатывались и переосмысливались безымянными авторами. Отличительной чертой эпитафийной лирики является ее дидактизм. Эти выводы кажутся нам бесспорными»⁵². Далее других авторов утверждений о стихотворной форме енисейских, орхонских и восточнотуркестанских рунических памятников пошла И. В. Стеблева. Она рассматривает все эти тексты как образцы стихотворной речи с характерными для тюркской поэзии особенностями: тонико-темпоральным стихосложением, аллитерационной системой, параллелизмом, наличием постоянных словесных формул, эмфатической интонацией, обилием риторических вопросов, обращений, восклицаний. И. В. Стеблева сближает орхонские надписи с устным героическим эпосом тюркских народов, определяя их как «историко-героические поэмы» (а енисейские — как «эпитафийную лирику»), которые были «созданы в русле единой литературно-поэтической традиции под влиянием или в связи с традицией дружинного эпоса»⁵³.

Позднее, в ходе возникшей полемики, И. В. Стеблева повторила свое утверждение о наличии в орхонских эпитафиях моделей тонико-темпорального логаздического стиха⁵⁴.

⁵⁰ Богданова. Киргизская литература. С. 12.

⁵¹ Ауэзов. Киргизский героический эпос «Манас». С. 58. Элементы эпического повествования находил в памятниках и Е. Э. Бертельс; см.: Бертельс. К вопросу о традиции. С. 73–79.

⁵² Унгвицкая. Памятники енисейской письменности. С. 64.

⁵³ Стеблева. Поэзия тюрков VI–VII веков. С. 61. О сближении некоторых сюжетов орхонских надписей с алтайским героическим эпосом писал, но значительно осторожней, учитывая полную переработку эпоса в ойратское время, Гумилев (Древние тюрки. С. 346–348).

⁵⁴ Стеблева. Еще раз об орхон-енисейских текстах.

Идею о стихотворной форме орхоно-енисейских памятников подверг критике еще Т. Ковальский⁵⁵. Вернувшись к этой же теме, отрицает наличие стихотворной формы в орхоно-енисейских памятниках Т. Ганджен, определяя их как прозу высокого стиля с наличием ритмических элементов⁵⁶. Сходную позицию занял А. М. Щербак⁵⁷. Наиболее последовательному и полному критическому разбору подверг изложенные выше концепции В. М. Жирмунский. Касаясь опытов определения рунических памятников как стихотворных произведений, В. М. Жирмунский писал: «Рассмотрение этих надписей как образцов древнетюркской народной эпической поэзии получило у нас в послевоенное время известный авторитет под влиянием романтического понимания идеи народности в фольклористике и истории литературы»⁵⁸. После подробного разбора стилистических и формальных особенностей памятников В. М. Жирмунский замечает далее: «В отличие от И. В. Стеблевой, я полагаю, что орхонские и другие древнетюркские рунические надписи представляют тексты не стихотворные, а прозаические. Я думаю, что надписи представляют собой особый литературный жанр, письменный, а не устный, и что «пение и речитатив» не имеют к ним никакого отношения»⁵⁹. Столь же решительно возражает В. М. Жирмунский и против сближений орхонских надписей с героическим (дружинным) эпосом⁶⁰.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В отличие от всех других рунических памятников, не исключая и сохранившиеся древнеуйгурские орхонские надписи, древнетюркские орхонские тексты содержат, взаимно дополняя друг друга, связанное изложение истории Восточнотюркского каганата от его создания до начала упадка, рассказанное от имени крупнейших деятелей этого государства. Политическая тенденциозность каждого из таких повествований не только

⁵⁵ Kowalski. Ze studjów nad formą poezji. S. 155–181.

⁵⁶ Candjei. Ueberblick über den vor- und frühislamischen türkischen Verabau. S. 142–156.

⁵⁷ Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы. С. 142–153; Он же. Енисейские рунические надписи. С. 121.

⁵⁸ Жирмунский. О некоторых проблемах. С. 56.

⁵⁹ Там же. С. 61–62; см. также: Hřebíček. Are the old-Turkic inscriptions written in verses? P. 477–482. Согласно выводам автора, осуществившего статистически вероятностную проверку «относительно равносложности» рунических текстов, дистрибуция в надписях ничем не отличается от нормальной для прозы.

⁶⁰ Там же. С. 68. О жанровой принадлежности памятников см. ниже (статья «Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках»).

не снижает, но, напротив, значительно повышает ценность источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет лучше увидеть социальные конфликты и политические противоречия внутри каганата, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием «исторических происшествий» в китайских анналах.

Историографические аспекты анализа орхонских текстов могут быть различны. Памятники как источники для политической и социальной истории Тюркской империи фиксируют внимание на событиях внутренней истории каганата, а также его взаимоотношениях с Китаем и другими центральноазиатскими государствами. Здесь велико значение согдоязычной Бугутской стелы.

В крупнейших памятниках Орхона немалое место занимают упоминания, затрагивающие события среднеазиатской истории, анализ которых позволяет наметить пути исследования целого комплекса историко-географических, историко-политических и этнологических проблем. В этом плане следует выделить памятники, представляющие непосредственный интерес для темы нашего исследования. К ним относятся самые значительные из орхонских надписей — памятник в честь Кюльтегина, памятник в честь Бильге-кагана, памятник Тоньюкука, памятник в честь Кули-чора и в меньшей степени Огинская надпись. Другие древнетюркские тексты, содержащие вспомогательный материал, будут охарактеризованы по мере их привлечения.

Бугутская надпись

В 1956 г. монгольский археолог Ц. Доржсурэн обнаружил к северо-западу от Бугута (Арахангайский аймак) погребальный комплекс древнетюркского времени⁶¹. На невысокой прямоугольной земляной насыпи (35 × 16 × 0,5 м) был сооружен каменный курган (диаметр 10 м, высота 7 м), к юго-востоку от которого стояла стела из бурого песчаника, а далее, за пределами насыпи, тянулась цепочка балбалов, в которой насчитывалось немногим более 270 камней. Стела была установлена на спине каменной черепахи, которая ко времени раскопок оказалась погруженной в землю. Общая длина стелы — 1,98 м, ширина — 0,7 м, толщина — 0,2 м. Верхняя половина стелы частично обломана. Все четыре грани стелы покрывали надписи. При раскопках были обнаружены основания шести деревянных столбов, поддерживающих над стелой черепичную крышу; серая, слабого обжига, черепица найдена тут же. Раскопки кургана

⁶¹ Описание памятника по моим исследованиям в 1982 и 1984 гг. см. выше.

казались малоперспективными ввиду наличия грабительской воронки в его насыпи.

В 1968 г. академик Б. Ринген издал фотографию части нескольких строк надписи на лицевой стороне стелы, причем буквы оказались искаженными ретушью. Сам текст был определен как «уйгурская надпись»⁶². В том же году мне удалось ознакомиться со стелой в музее, сделать ее описание и фотографии. По этим фотографиям В. А. Лившиц установил, что курсивная надпись, вырезанная на одной широкой (лицевой) и двух узких (боковых) гранях стелы, — согдийская. В 1969 г. я вновь обследовал стелу и вместе с новыми фотографиями изготовил эстампажи надписи⁶³. В следующем году стела была обследована В. А. Лившицем⁶⁴.

В дальнейшем изложении стела сокращенно обозначается Б (Бугутская), а ее грани соответственно: Б I — левая боковая, Б II — первая широкая (лицевая), Б III — правая боковая, Б IV — вторая широкая.

Согдийская надпись на Б I–II–III начертана по вертикали (сверху вниз), счет строк — слева направо. При таком расположении надписи начало ее нужно, очевидно, искать на Б I. Действительно, на этой грани обнаружено согдийское слово, обозначающее стелу, — так же как сообщение о ее установлении. Вся надпись содержит 29 строк: 5 строк по Б I, 19 строк по Б II, 5 строк по Б III. Длина каждой строки около 120 см.

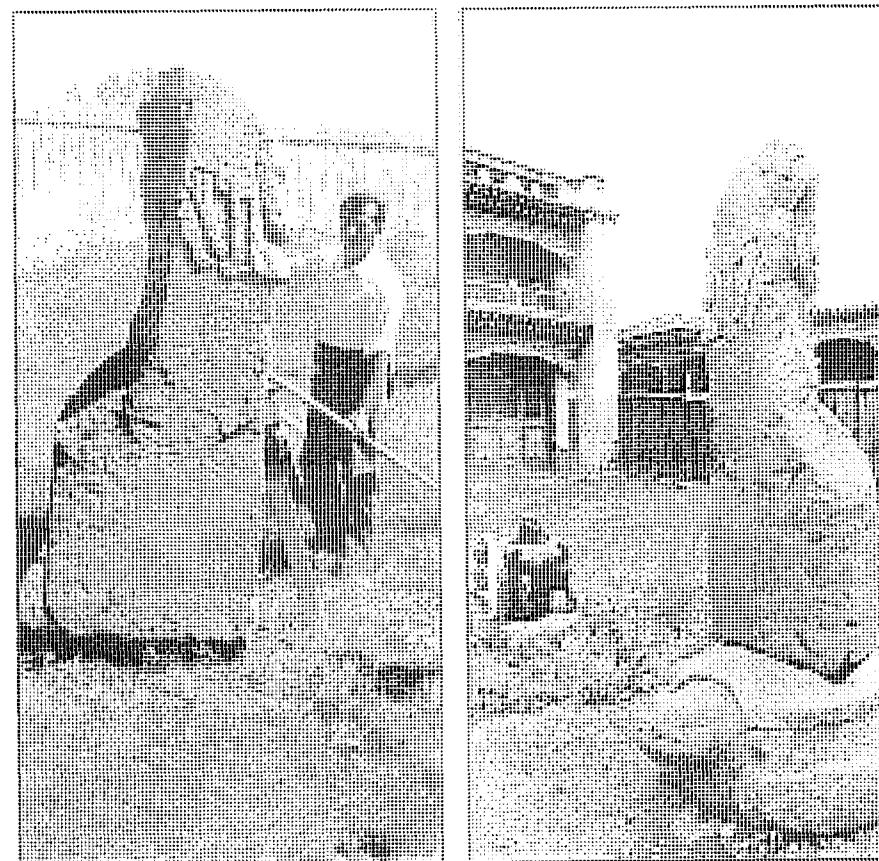
На грани Б I строки 1–4 в начальной, поврежденной в результате эрозии части содержали от 10 до 30 букв (15–40 см длины каждой строки). 5-я строка разрушена еще больше, здесь повреждена и середина строки. На грани Б II уцелели части 19 строк. Зона эрозии и многочисленные выбоины захватывают в строках 1–8 около половины текста; в каждой строке уничтожено или повреждено примерно 35–45 букв. В строках 9–19 начало (до 0,5 строки) уничтожено в результате отлома правой верхней части стелы. Зона эрозии в строках 14–19 захватывает середину строк, так что здесь можно различить лишь отдельные буквы. На грани Б III сохранилась вторая половина строк 1–4, начало отломано. В строке 5-й можно различить лишь следы букв. Таким образом, о содержании согдийской надписи на Б I–II–III в настоящее время приходится судить лишь по сравнительно небольшим фрагментам, сохранившим, как правило, лишь заключительные части строк.

Грань Б IV содержит остатки более чем 20 строк санскритской надписи, написанной вертикальным брахми. Акшары этой надписи невелики и

⁶² Rinchen B. Les dessins. P. 75.

⁶³ По результатам этого обследования была подготовлена первая публикация надписи: Кляшторный, Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. С. 121–146.

⁶⁴ Klyastorny, Livshits. The Sogdian inscription. P. 69–102.

Бугутский памятник. 582 г. Архангайский аймак. Красведческий музей в г. Цэцэрлэг. Монголия

вырезаны не очень глубоко. Надпись настолько разрушена, что возможность ее дешифровки вызывает сомнение.

Согдийский текст надписи вырезан опытной рукой. В размерах букв на протяжении всей надписи соблюден определенный ритм: высота знаков около 1,5 см, ширина — от 1 до 2 см. Форма букв согдийского курсива свидетельствует не только о хорошей профессиональной выучке резчика, но и о сравнительно ранней дате надписи.

Бугутская стела заметно отличается от известных до сих пор намогильных памятников, воздвигнутых в честь тюркских и уйгурских каганов и виднейших политических деятелей VIII–IX вв., хотя сам погребальный комплекс, в состав которого входила стела, укладывается, по

классификации Б. Я. Владимирцова, в тип «ханских погребений»⁶⁵. В частности, как и в других каганских погребальных сооружениях, стела установлена на черепахе, что свидетельствует о принадлежности погребенного к каганскому роду. Между тем на стеле отсутствует родовой знак каганов второй тюркской династии (691–742) — схематическое изображение горного козла⁶⁶.

Барельефное навершие Бугутской стелы сохранилось не полностью, однако ясно, что оно совершенно отлично от наверший ранее известных памятников. Барельефы, выполненные на обеих широких гранях стелы, одинаковы по сюжету и технике исполнения, более того, была сделана попытка (впрочем, незавершенная) соединить барельефы на боковых гранях и таким образом превратить их в единое скульптурное изображение. Главная часть навершия — изображение волка или волчицы, легендарной праматери рода (племени) Ашина, стилизованное под характерное для китайских императорских надгробий изображение дракона.

Бугутская надпись открывается словами (Б I): «(1) Эту стелу установили тюркские цари из племени Ашина...» В дальнейшем повествовании, наполовину разрушенном эрозией, упоминаются имена тюркских государей — Буман-кагана, Муган-кагана, Таспар-кагана и Нивар-кагана. Судя по контексту надписи, стела установлена в честь Таспар-кагана, умершего в 581 г., его соправителем и наследником Нивар-каганом. В 572–581 гг. он носил титул «малого кагана» и именовался в китайских источниках Эрфукэхань, а с восшествием на престол принял тронное имя Ишбара-кагана (Шабوليو-кэхань из китайских источников, 581–587)⁶⁷.

Памятники Кюль-тегину и Бильге-кагану были открыты Н. М. Ядринцевым в 1889 г. в урочище Кошо-Цайдам, на берегу Коклин-Орхона, в 400 км западнее Улан-Батора, в 25 км южнее оз. Угей-нор и в 40 км севернее развалин Карабалгасуна. В 1890 г. памятник был обследован экспедицией Г. Гейкеля, в 1891 г. — экспедицией В. В. Радлова. В 1902 г. памятник осмотрел и описал английский консул в Учжоу К. Кемпбелл, а в 1909 г. — французский путешественник де Лякост⁶⁸. В 1912 г. памятники были освидетельствованы В. Л. Котвичем⁶⁹. В 1960 г. памятники были вновь осмотрены Е. И. Убрятовой и В. М. Наделяевым. В 1968–1969 гг. Кошоцайдамские памятники обследовались С. Г. Кляшторным.

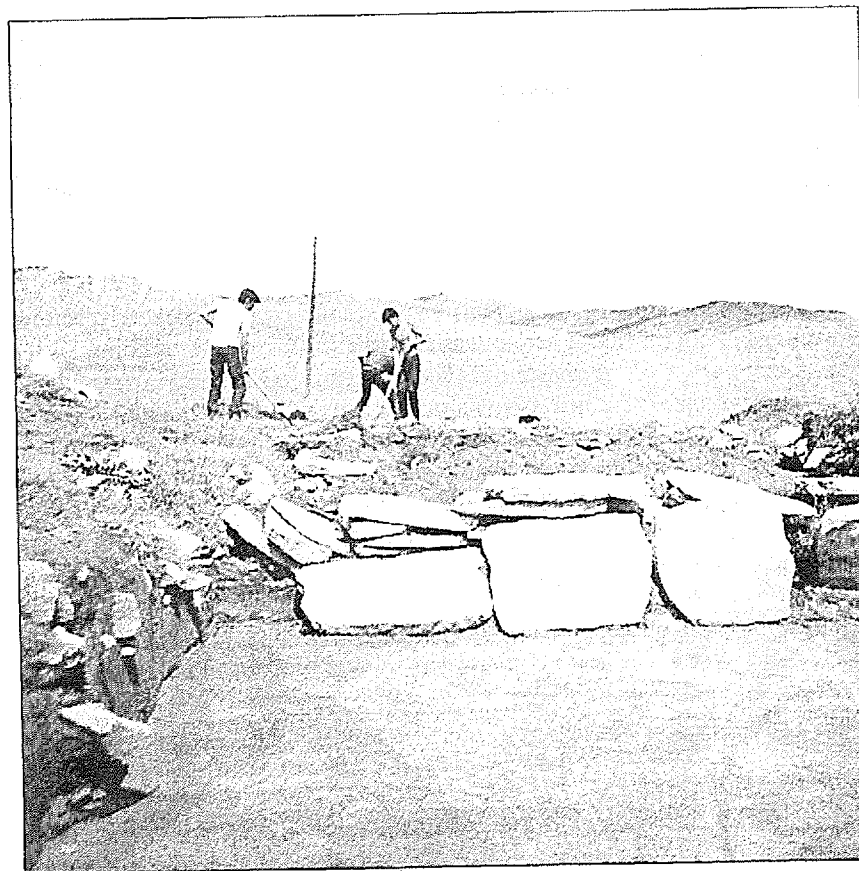
⁶⁵ Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования. С. 42. Ср.: *Gabain. Inhalt*. S. 538–542.

⁶⁶ Ср.: Радлов. Атлас древностей Монголии. Табл. XVII. См. также: Грач. Вопросы датировки и семантики. С. 316–333.

⁶⁷ В чтение 1-й строки надписи внесена поправка, предложенная Ю. Йошида. См.: Provisional report et researches. P. 122–124.

⁶⁸ Campbell. Report; Lacoste. Au pays sacré. P. 78–79.

⁶⁹ Котвич. В Хушо-цайдаме. С. 50–54.

Раскопки Бугутского погребения С. Г. Кляшторным и В. Е. Войтовым

Стелы с надписями находятся на расстоянии около одного километра друг от друга и входят в комплекс других погребальных сооружений. В. В. Радлов произвел небольшие раскопки холма, который был им первоначально принят за могильный курган Бильге-кагана; впоследствии оказалось, что там были обнаружены руины заупокойного храма⁷⁰. Погребальный комплекс, связанный с памятником Кюль-тегину, впервые был подвергнут подробному, хотя и незавершенному, археологическому обследованию лишь в 1958 г. монгольско-чехословацкой экспедицией; раскопками руководил чешский археолог Л. Йисл⁷¹. Результаты работ этой

⁷⁰ Радлов, Мелиоранский. Древнетюркские памятники. С. 4–5.

⁷¹ Jisl. Vyzkum. P. 86–116; Jisl. Vorbericht. S. 65–77.

экспедиции, а также сведения китайских источников и самих надписей позволяют составить некоторое представление о первоначальном виде погребальных сооружений и их истории.

Кюль-тегин умер на 47-м году жизни, 27 февраля 731 г.⁷² В мае этого года Бильге-каган обратился к императору Сюаньцзуну с просьбой пригласить китайских мастеров и художников для строительства храма и изготовления изображения Кюль-тегина⁷³. Сюаньцзун исполнил просьбу: «Император отправил полководца Чжан Цюй-и и сановника Лю Сяна с эдиктом за государственной печатью для выражения соболезнования и принесения жертвы. Император повелел иссечь слова [эпитафии] на каменной плите и предписал также воздвигнуть храм и статую, на четырех стенах храма изобразить виды сражений [Кюль-тегина]. (Кроме того), было указано шести известнейшим художникам отправиться [к тюркам]; они написали картины столь живо и естественно, что (тюрки) единодушно решили, что подобного еще не бывало в их царстве»⁷⁴. В «Цзю Тан шу» отмечено также, что эпитафию Кюль-тегину написал сам император.

О работе китайских мастеров сообщает и памятник в честь Кюль-тегина: «Китайский каган прислал мне своих „внутренних“ мастеров. Им я

⁷² В надписях приняты две системы летосчисления — по годам жизни героя и по годам 12-летнего животного цикла. В надписи на одной из граней памятника в честь Кюль-тегина (КПН) сообщается: «Кюль-Тегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день; в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны. [Надгробное] здание, резные (изображения?) и камень с надписью (в честь) его — мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день. Кюль-Тегин умер сорока семи лет». Следовательно, Кюль-тегин умер 27 февраля 731 г., похороны состоялись 1 ноября 731 г., а освящение храма, на котором присутствовало китайское посольство, — 1 августа 732 г. Календаря, который бы фиксировал не циклическое, а протяженное время, в каганате не употребляли, что свидетельствует об отсутствии длительной историографической традиции; вместе с тем все события истории второго каганата датированы чрезвычайно точно. О времени и путях проникновения 12-летнего цикла к тюркам сведений нет, но в древнеуйгурских текстах он носит согдийское название *anxwizn* (*Le Coq. Türkische Manichäica. S. 19. Z. 2*). В «Суй шу» сообщается, что тюрки определяли время «по зелени травы», но там же приводится письмо кагана Шаболно, датированное «годом Дракона (584), девятым месяцем, десятым днем» (*Liu Mau-tsai. I. S. 463*). Китайским календарем, принятие которого считалось символом подчинения Китаю, тюрки не пользовались, хотя есть сведения, что в 586 г. император «пожаловал» тюркам календарь (*Ibid.*). Первые образцы протяженного летосчисления в древнетюркской письменности дают древнеуйгурские манихейские тексты, где исходным пунктом является год рождения Мани. Подробно система летосчисления в древнетюркских памятниках описана в работе А. Габэн (*Gabain. Altürkische Datierungsformen. S. 191–203*). О 12-летнем цикле существует огромная литература; наиболее удачны сводные работы О. Турана (*Turan. On iki takvimi; см. также: Priisak. Bulgarische Fürstenliste. S. 24–34; Захарова. Двенадцатилетний животный цикл. С. 32–65*) и труд Л. Базена (*Bazin. Les systèmes chronologiques*).

⁷³ Pelliot. Neuf notes. P. 248.

⁷⁴ *Ibid.* P. 245–247; Liu Mau-tsai. I. S. 228–229; Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 276–277.

поручил устроить особое здание, внутри и снаружи я повелел покрыть [стены] особой резьбой и воздвигнуть камень» (КТм, 12). Чжан Цюй-и и Лю Сян (Исьи и Ли-кенг тюркского текста — КТб, 52) выехали из Чанани в декабре 731 г.; 1 августа 732 г. была установлена стела с надписью; постройка храма была завершена лишь к концу 733 г.⁷⁵ Этот, казалось бы, большой срок работ объясняется при знакомстве с сооружениями, открытыми археологическими раскопками.

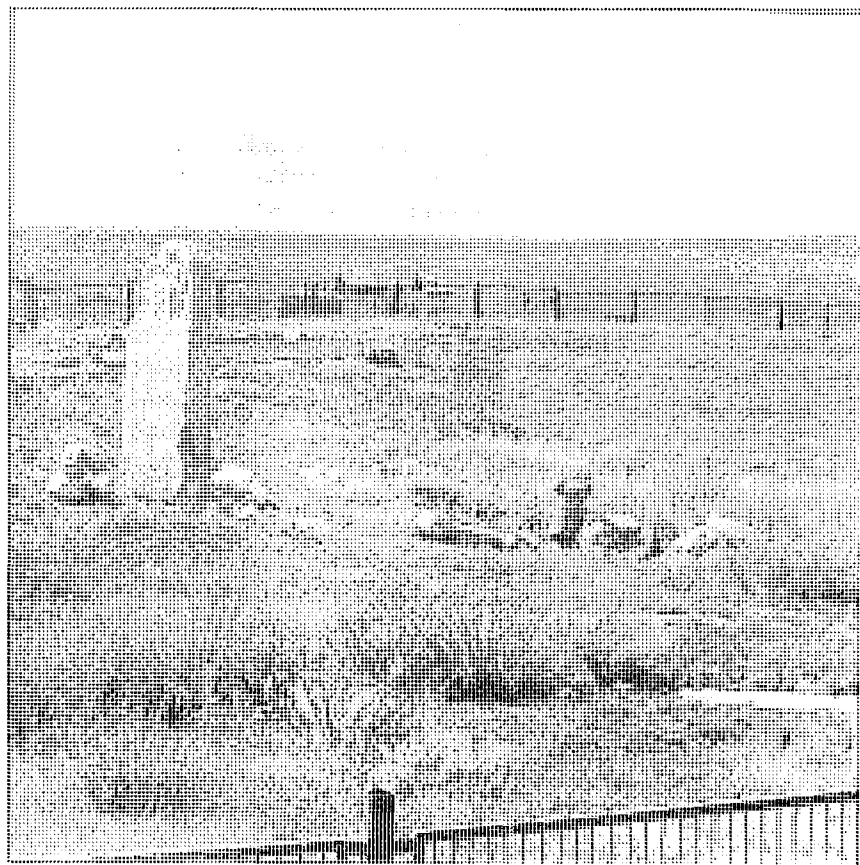
Погребальные памятники расположены на прямоугольной площадке, вытянутой по линии запад–восток. Площадка (67,25 × 28,85 м) вымощена квадратным сырцовым кирпичом (0,33 × 0,33 м) и обнесена рвом глубиной до 2 м, шириной в верхней части около 6 м, по дну — 1,2 м. Сразу за рвом возвышалась стена из сырцового кирпича. Вход на площадку — с востока, где ров не был прокопан. Прямо от входа начинались, вытянувшись на восток, две цепочки камней (балбалов), в начале которых были установлены две грубо высеченные каменные фигуры; всего камней 169 — по числу врагов, убитых Кюль-тегином. По обе стороны от входа — две мраморные фигуры баранов. В 8 м на запад от входа найдена огромная мраморная черепаха (ее длина — 2,25 м), на спине которой первоначально была установлена стела с надписью. При падении стела пострадала мало: откололось лишь два небольших куса с руническими знаками, найденные Л. Йислом при раскопках.

От входа к заупокойному храму вела аллея, вдоль которой были установлены мраморные фигуры людей; сейчас сохранились, хотя и в поврежденном виде, одна стоящая женская фигура с платком в руке, одно изображение стоящего мужчины с мечом, две фигуры коленопреклоненных мужчин (третью такую же статую В. П. Котвич вывез в 1912 г. в Петербург) и мужской торс. Посреди двора на фундаменте из обожженного кирпича (13 × 13 м) возвышался храм (10,25 × 10,25 м), оштукатуренные стены которого были покрыты снаружи узорами, сделанными красной краской. Стены украшали также лепные изображения — маски драконов. Шестнадцать деревянных колонн на каменных основаниях поддерживали черепичную крышу. Внутренние стены храма были украшены несохранившимися фресками, сюжет которых — подвиги Кюль-тегина.

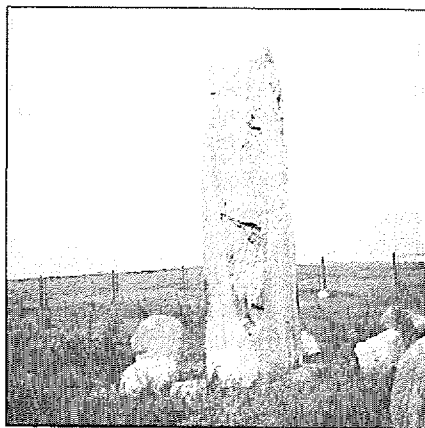
В середине храма находилось святилище (4,4 × 4,4 м), огороженное внутренней стеной. Вход в святилище, как и вход в храм, — с востока. В святилище найдены нижние части двух сидящих фигур — портретные изображения Кюль-тегина и его жены. Голова статуи Кюль-тегина и часть головы второй фигуры найдены тут же, в углублениях перед статуями, где первоначально, по погребальному обряду, стояли горшки с ритуаль-

⁷⁵ Pelliot. Neuf notes. P. 247–248.

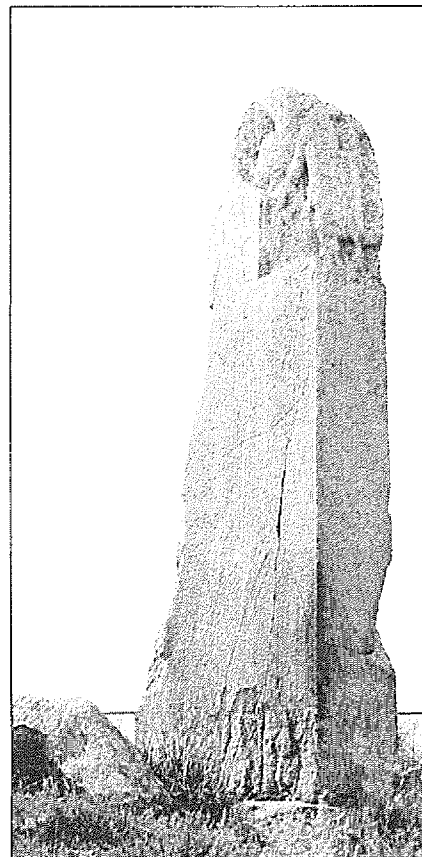

Памятник Кюль-тегину. VIII в.

ной пищей. В углублениях были найдены также обломки керамики. Голова Кюль-тегина в тиаре из пяти щитков с рельефным изображением распластавшего крылья орла — лучшее портретное изображение, когда-либо найденное в Центральной Азии. К западу от храма стоит жертвенник — огромный гранитный куб, в верхней части которого проделано углубление. Каких-либо следов

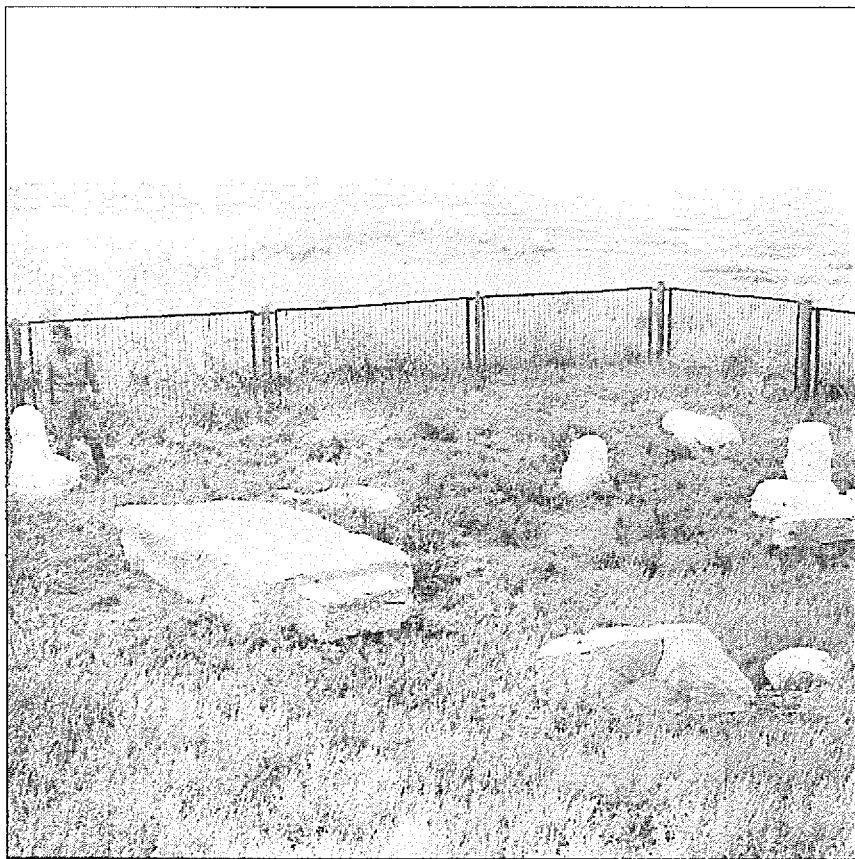
Кошо-Цайдам. Монголия

захоронения не обнаружено, так же как они не были обнаружены на погребальной площадке Бильге-кагана⁷⁶.

Раскопками Л. Йисла установлено, что заупокойный храм и другие сооружения вскоре после того, как они были воздвигнуты, подверглись разрушению. Затем храм был вновь восстановлен. Йисл предположил, что храм разрушили уйгуры (745) или кыргызы (840)⁷⁷. Если верно первое предположение, то оно позволяет выдвинуть гипотезу, объясняющую позднейшую реставрацию храма. После разгрома Уйгурского каганата кыргызами район Карабалгасуна не был центром степных империй Центральной Азии вплоть до монгольской эпохи. Возможно, тюрки после миграции уйгуров в Восточный Туркестан вновь заняли свои прежние территории, хотя бы и на правах вассалов кыргызского хана, и частично восстановили свои старые святилища. В пользу этого предположения говорит как будто и то, что

⁷⁶ О погребальном обряде тюрков и его акеесуарах существует большая литература: Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 509; Грач. Каменные изваяния. С. 401–431; Грач. Древнетюркские изваяния. С. 73–94. Обычным погребальным обрядом для рядовых воинов-кочевников было погребение с конем, отмеченное сверху округлой каменной насыпью (курганом). Однако для тюркской аристократии был характерен другой обряд и трупосожжение с конем (Liu Mau-tsai. I. S. 9–10). Лю Мао-цзай, цитируя слова императора Тайцзуна, сказанные им в 628 г., о том, что тюрки ныне не сжигают, а хоронят умерших под курганом, приходит к выводу об изменении обряда под влиянием китайцев или окружающих кочевых народов (Ibid. S. 464). Однако в 634 г., во время похорон кагана Хели, состоявшихся в Китае, его труп «по их (тюрков) обычаю» был сожжен, а прах погребен под курганом (Ibid. S. 197). Очевидно, обряд захоронения членов каганской фамилии не изменился; не исключено, что Бильге-каган и Кюль-Тегин были погребены по тому же обряду, что и Хели (Грач. Древнетюркские изваяния. С. 73–94).

⁷⁷ Jisl. Vorbericht. S. 73.

Памятник Бильге-кагану и статуя в комплексе

посетивший в 924 г. район Карабалгасуна киданьский император Аба-оцзи приказал высечь свою надпись тюркским руническим письмом. Китайский источник сообщает, что еще во время Хубилая (1260–1294) памятник Кюль-тегину был хорошо известен; по крайней мере, он отмечается как одна из достопримечательностей вблизи построенного Угэдзем (1228–1241) города Хорина⁷⁸.

Стела с надписью имеет форму усеченной пирамиды, высота которой — 3,15 м, ширина в основании — 1,24 м, толщина — 0,41 м. Верхушка плиты высечена в форме пятиугольного щита, обрамленного изображениями драконов. На одной из сторон щита изображена каганская тамга;

⁷⁸ Васильев, Китайские надписи на орхонских памятниках. С. 9.

памятника Бильге-кагану. VIII в. Кошо-Цайдам. Монголия

на другой стороне — китайская надпись, содержащая дату сооружения памятника — 1 августа 732 г. Правее китайской надписи вырезаны две строки рунического письма, каллиграфически значительно уступающие основному тексту. Как предположил В. В. Радлов, эти строки, содержащие апологию Кюль-тегина, были нанесены на камень тушью самим Бильге-каганом, а резчик вырезал их, подражая почерку кагана⁷⁹. Основная поверхность плиты с этой же стороны покрыта китайской надписью. Три другие поверхности, а также подтесанные на ребрах плоскости заполнены руническими текстами. На основной поверхности плиты 40 строк

⁷⁹ Радлов, Мелюганский. Древнетюркские памятники. С. 10. Описание Кошоцайдамских памятников дается по этой работе.

надписи, продолжением которой служат 13 строк на правой боковой поверхности; это так называемая «большая надпись» (КТб). На левой боковой поверхности (Ка) помещена «малая I надпись» (КТм) — 13 строк. Все четыре грани каменной пирамиды стесаны, и на образовавшихся плоскостях помещены четыре маленькие рунические надписи, из которых сохранилось три (К I, К II, К III). Несмотря на отдельные лакуны, общая сохранность текста на памятнике Кюль-тегину значительно лучше, чем на остальных.

Стела в честь Бильге-кагана, найденная в таком же погребальном комплексе, по внешнему виду совершенно аналогична стеле в честь Кюль-тегина⁸⁰. При падении на землю каменная плита разбилась на три части. Ее общие размеры — $3,45 \times 1,74 \times 0,72$ м. Так же как и стелу Кюль-тегина, ее увенчивает пятиугольный щит, окруженный статуарными изображениями лежащих драконов. На одной из сторон щита — плохо сохранившаяся руническая надпись (Хс), под которой на основной поверхности находится китайский текст, также пострадавший в результате эрозии камня. На другой стороне щита — каганская тамга⁸¹; ниже, на основной поверхности — 41 строка рунического текста (Х), продолжением которого служат 15 строк на левой боковой стороне (Ха). «Малая надпись» из 15 строк нанесена на правую боковую поверхность (Хв). Четыре грани памятника также стесаны и покрыты руническими надписями, но сохранились лишь две из них (XI и XII).

Бильге-каган умер «в год Собаки, в десятый месяц, двадцать шестого (дня)» (Ха 10), т. е. 25 ноября 734 г., и был похоронен «в год Свиньи, пятый месяц, в двадцать седьмой (день)» (Ха 10), т. е. 22 июня 735 г. На похоронах присутствовало китайское посольство во главе с Ли Цюанем (Лисюн тюркского текста — Ха 11), которое выехало из Чанани в феврале 735 г.⁸² Китайская надпись, составленная историографом Ли Жуном и каллиграфически переписанная самим императором, ко времени похорон уже была вырезана на стеле, так же как, вероятно, была закончена постройка храма, где китайские послы «установили» погребальные курительные свечи и сожгли благовония (Ха 11).

Композиция обеих надписей совершенно аналогична; более того, значительные части надписей текстуально совпадают: КТм, 1–11 = БКм, 1–7; КТб, 1–30 = БКб, 3–23. Повествование ведется от имени Бильге-кагана;

⁸⁰ Радлов, *Метопанский*. Древнетюркские памятники. С. 2, 8. Мы всюду следуем введенным В. В. Радловым и принятым в русской тюркологической литературе обозначениям (шифрам) текстов на каждом из Кошоцайдамских памятников; В. Томсен и другие западноевропейские тюркологи приняли обозначения, предложенные Г. Гейкелем.

⁸¹ О символике каганской тамги см.: Грач. Петроглифы Тувы. С. 408–411.

⁸² Pelliot. Neuf notes. P. 229–246.

надписи (*bitig*) — это его «слово», его «речь» (*sab*), обращенная к «тюркским бегам и народу», к «бегам и народу токуз-огузов», к покоровшимся племенам.

В «малых надписях», которые являются не только введением, но и резюме «больших», Бильге-каган, кратко упомянув о дальних походах, совершенных им «для блага тюркского народа», предостерегает внимающих ему против «злых людей», польстившихся на богатые дары китайского императора и советующих тюркам переселиться на юг, т. е. подчиниться Китаю. Он напоминает недавнее прошлое, когда «тюркский народ» «совершенно изнемог и изнурился» под властью «кагана народа табгач». Лишь в Отюкенской черни, недоступной для китайских войск, тюрки могут чувствовать себя спокойно и поддерживать с Китаем дружественные отношения, получая оттуда богатые дары. Для того чтобы «тюркский народ» помнил, как он, Бильге-каган, «неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным», чтобы «тюркский народ» знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, «речь» кагана запечатлена на «вечном камне»: «О тюркские беги и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы (беги и народ), собрав тюркский народ, созидали (свое) государство, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал. Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне. Смотри на него, знайте (учитесь) вы, теперешние беги и народ!» (КТм, 10–11).

«Большие надписи» обоих памятников посвящены историческому повествованию, которое Бильге-каган начинает с давних времен: «(1) Когда вверху возникло голубое небо, а внизу — бурая земля, между (ними) обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган, Истеми-каган. Сев (на царство), они создавали и поддерживали государство и установление тюркского народа. (2) Четыре угла света все были им врагами; выступая (в поход) с войском, народы четырех углов света они все покорили... (3) Так они царствовали... устанавливая порядок среди голубых тюрков, не имевших до того ни господина, ни (организации по) „стрелам“. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их буюруки были, надо думать, мудрыми, были, надо думать, мужественными, и их беги и народ были прямы (единодушны). Поэтому-то, надо думать, они и правили столь долго государством и, управляя государством, устанавливали законы. Затем (4) они скончались... После них стали каганами их младшие братья, (5), а потом стали каганами их сыновья. После того так как младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство), надо думать, неразумные каганы, (6) и их буюруки были также неразумны,

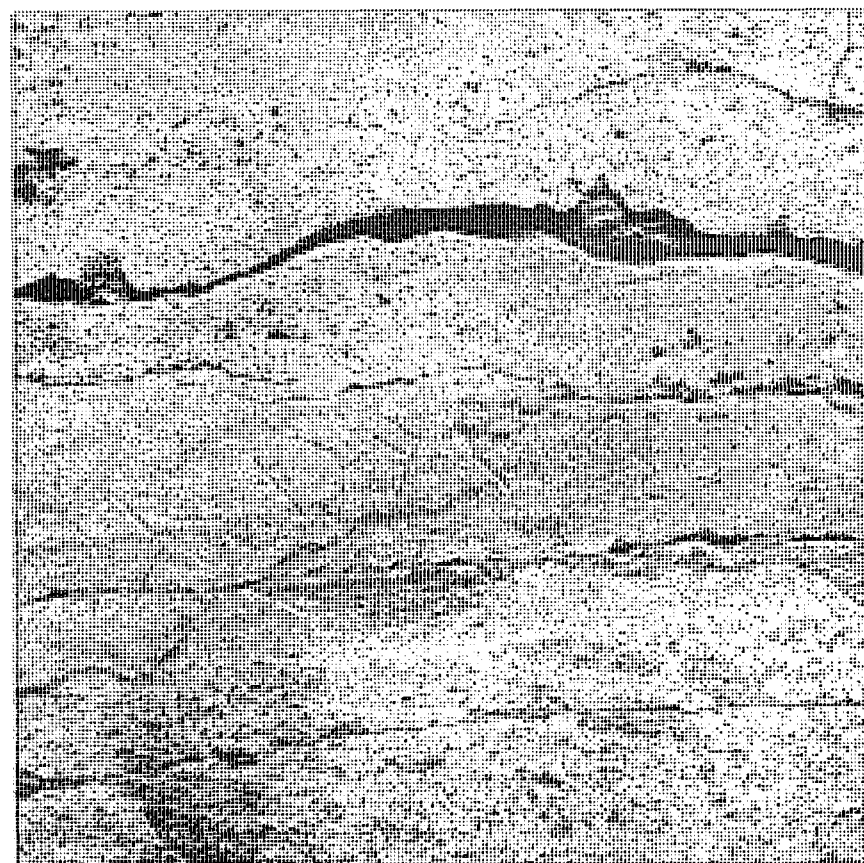

были трусливы. Вследствие непрямоты (неверности кагану) бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательств обманывающих из китайского народа и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ — с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство (7) и навлек гибель на царствовавшего кагана; китайскому императору стали они рабами своими крепкими сыновьями, рабынями — своими чистыми дочерьми» (КТб, 1–7).

Так повествует Бильге-каган о создании и упадке, подъеме и крушении первого тюркского государства, время возникновения которого казалось в VIII в. легендарно далеким. Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размеренном ритме былинного повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали «тюркскому народу» далекие предки царствующего кагана.

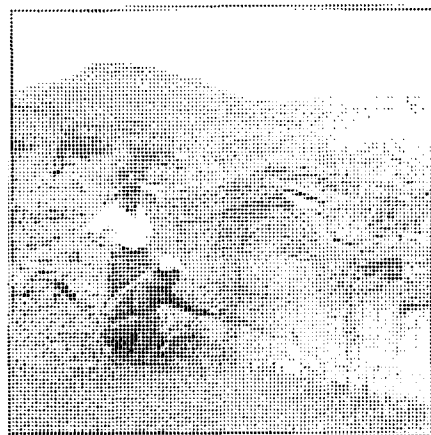
Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам, — таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи, таковы основные условия существования «вечного эля». Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган в другом месте надписи подводит итог сказанному: «Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечно» (БКм, Хв 13–14). В этих строках ясно выражена сущность идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата, в надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам — и вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие «тюркского народа» есть результат подчинения кагану, который вместе с бегами из Отюкенской черни посылает войска в победоносные походы, награждает народ добычей и данью покоренных племен: «...их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, добытые из зерна, их верховых лошадей и жеребцов, их черных соболей и голубых белок я добыл для моего тюркского народа!» (БКм, Хв 11–12).

Семь первых строк «больших надписей» в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана посвящены первому Тюркскому каганату. Династийные распри и борьба народа против бегов привели к гибели последнего кагана, который, как и ближайшие его предшественники, не проявил ни достаточно-

Фрагмент наскальной надписи. VIII в. Урочище Арханен. Монголия

го ума, ни достаточного мужества. Гибель кагана, каков бы он ни был, привела в конце концов «тюркский народ» на грань гибели (КТб, 8–10), но Небо сжалилось и послало ему спасителя — Ильтериш-кагана, отца Бильге-кагана. В жестоких сражениях Ильтериш возродил тюркский эль (КТб, 11–16). Наследовавший его Капаган-каган еще более поднял могущество и благосостояние «тюркского народа». Однако народ не оценил своего счастья — он впал в смуту, допустил гибель кагана, вновь превратился в народ «жалкий и низкий» (КТб, 16–26). Став каганом в такой обстановке, Бильге «не спал ночей и не сидел (без дела) днем». Двенадцать раз он ходил в походы и возродил эль и славу «тюркского народа», «поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочис-

Исследование наскальной надписи
в урочище Арханен

ми в 724 г., когда Кюль-тегин спас ставку и семью кагана. Впрочем, описание успешных сражений, происходивших после 716 г., т. е. после вступления на престол Бильге-кагана, перенесено в основном в надпись самого кагана (БКб, 30–50); своим подвигам до восшествия на престол каган уделяет лишь шесть строк (БКб, 24–29).

В 51-й строке большой надписи в честь Бильге-кагана (Ха 10) «речь» от лица Бильге-кагана прерывается; строки 51–56 (Ха 10–15), так же как и плохо сохранившаяся надпись на щите памятника, написаны от имени сына и наследника Бильге-кагана (вероятно, Тенгри-кагана). Возможно, ему же принадлежат надпись на одной из стесанных граней памятника (Х II) и надпись на щите (Хс). В 51–56-й строках содержатся даты смерти и похорон Бильге-кагана, описание поминальных даров, иерархия бегов, стоявших вокруг каганского трона.

Таковы вкратце содержание и композиции обеих надписей.

В памятниках подчеркивается, что все написанное — «сердечная речь» Бильге-кагана, его подлинные слова, высеченные по его приказу китайскими резчиками на «вечном камне»: «Я вечный камень... от китайского кагана привел мастеров и поручил (им) выполнить резьбу. Они не изломали (не исказили) моей речи!.. Сердечную речь мою... знайте, смотря на него (на памятник)!» (КТм, 11–12). В аналогичных по содержанию строках «малой надписи» Бильге-кагана содержится указание, что памятник был создан еще при жизни Бильге (Хб 14–15), а в другом месте упоминается, что его знали «тюркские беги и народ», «чтившие этот обелиск» (Ха 15). Очевидно, текст, написанный от имени сына Бильге-кагана, был нанесен на уже установленную или под-

ленный народ» (КТб, 26–29). Ближайшим соратником и сподвижником Бильге-кагана был его брат Кюль-тегин.

О битвах и походах, в которых участвовал Кюль-тегин, о его делах и подвигах, о его смерти и похоронах, о скорби Бильге-кагана рассказывается в 30–53-й строках надписи. Эта часть повествования начата описанием первого похода, в котором участвовал 16-летний княжич, — похода против «согдаков» в 701 г., а в 44–50-й строках повествуется о самых славных деяниях витязя — его битвах с токуз-огуза-

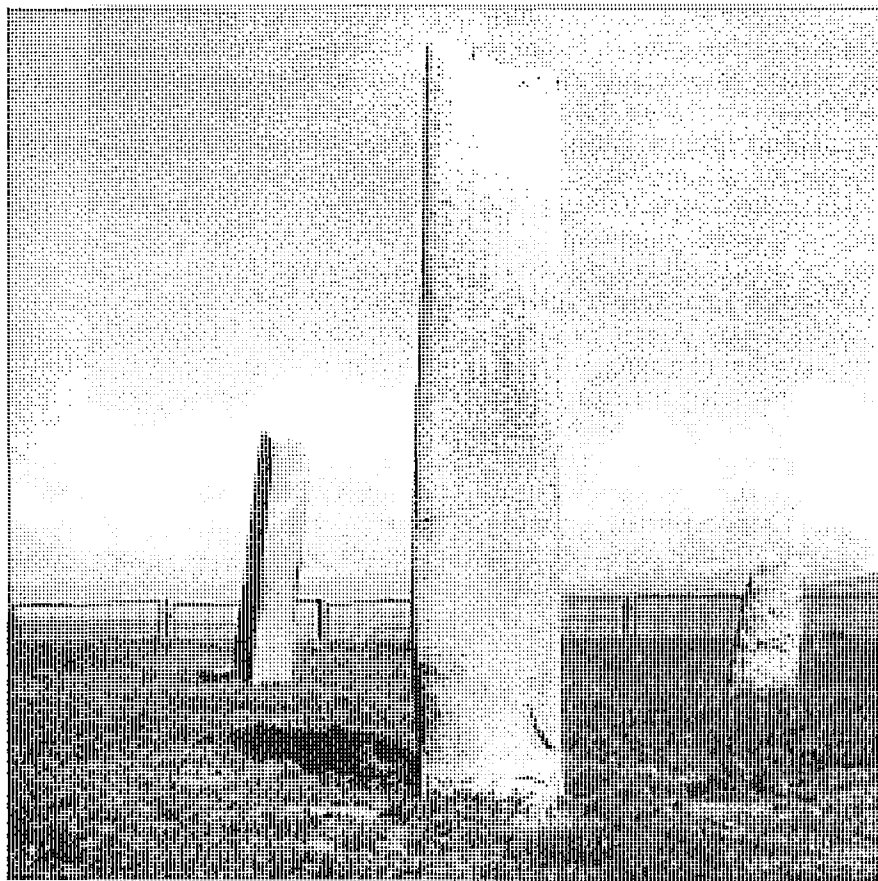
готовленную к установке плиту; это обстоятельство подтверждается также наблюдением В. В. Радлова, отметившего, что последние строки правой боковой надписи стелы написаны явно отдельно от основного текста⁸³. Таким образом, можно считать, что оба памятника написаны по приказу Бильге-кагана, под его наблюдением и контролем, выражают его мысли и, возможно, в какой-то мере запечатлели его собственные слова. Однако каждый памятник — достаточно сложное композиционно литературное произведение и одновременно историческая хроника, с высокой точностью перечисляющая события, которые представляются достойными упоминания ее автору. Текст написан исключительно ясным и четким языком, палитра художественных приемов чрезвычайно разнообразна, а о традиционном характере стиля говорят многочисленные трафаретные выражения и характеристики. Все это свидетельствует о том, что текст надписей — не просто запечатленный на камне устный рассказ, а творение мастера, обладавшего незаурядным литературным дарованием и тонким чувством языка, историографа и панегириста царствующей династии второго Восточнотюркского каганата. Наконец, отработанная орфография и палеографическая безукоризненность текстов указывают, что китайские граверы выполняли лишь последнюю стадию работы — вырезали предварительно нанесенные на камень знаки.

Автор сам назвал свое имя, трижды запечатлев его в надписи Кюль-тегина и один раз — в надписи Бильге-кагана: «Столько надписей написавший я, родственник Кюль-тегина, Йоллыг-тегин, это написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень, на эту стелу (это) все я, Йоллыг-тегин, написал» (К II, ср.: КТм, 13, К I). «Надпись Бильге-кагана я, Йоллыг-тегин, написал. Столь многие здания, украшения и искусства я, родственник тюркского Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, проведя (за работой) месяц и четыре дня, покрыл надписями и украсил» (Х I)⁸⁴.

К сожалению, ни надписи, ни китайские источники не сообщают каких-либо дополнительных сведений о Йоллыг-тегине. Член каганского рода и его герольд, Йоллыг-тегин был, как он сам заявляет, автором многих надписей, пожалуй, первым известным нам по имени писателем, писавшим на тюркском языке. Это он своей рукой нанес на камень (процарапал или написал тушью) текст надписей, высеченный затем китайскими

⁸³ Радлов, Мелиоранский. Древнетюркские памятники. С. 5–6.

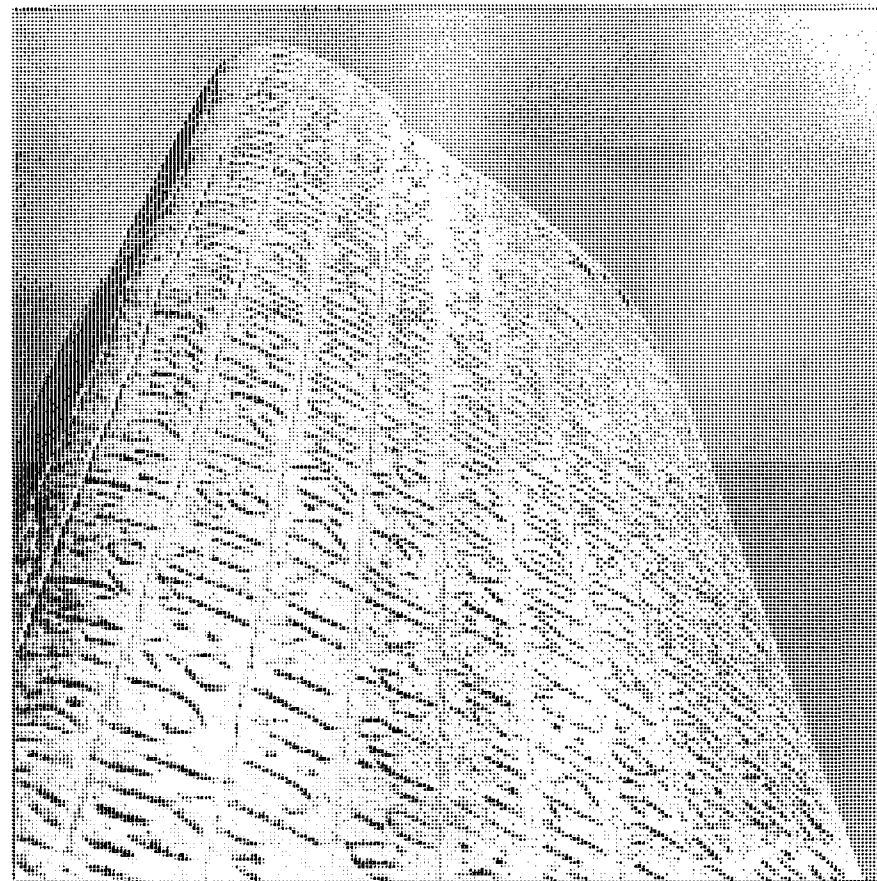
⁸⁴ Йоллыг-тегин называет себя *aly* — «племянник»(?), «внучатый племянник»(?), «внук»(?) — Бильге-кагана и Кюль-тегина. В своем последнем переводе С. Е. Малов предпочел перевести это слово более общим понятием — «родственник» (Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 24, 91).

Памятник Тоньюкука. VIII в.

резчиками. Ему принадлежали также не сохранившиеся надписи на стенах заупокойных храмов. Несомненно, что памятник как литературное произведение и образец древнетюркской историографии был написан им. Однако вряд ли следует преувеличивать самостоятельность политического мышления Йоллыг-тегина и приписывать ему разработку тех политических взглядов, которые отражены в памятниках⁸⁵. Йоллыг-тегин писал то, что соответствовало мыслям, словам и действиям его сюзерена и родича — Бильге-кагана; недаром все политические формулиров-

⁸⁵ Козьмин. Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина. С. 259–277; Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок. С. 35.

Налайха. Монголия

ки изложены от лица Бильге-кагана с указанием, что резчики не исказили его «речи».

Кошоцайдамские надписи являются крупнейшими памятниками древнетюркской рунической письменности. Их значение для древнетюркской филологии и истории невозможно преувеличить. Наблюдения, сделанные при изучении этих двух текстов, давно уже стали нормативными, а сами памятники превратились в своеобразные эталоны, с которыми сравнивают чуть ли не все другие рунические надписи. Несмотря на длительную историю, изучение обоих текстов еще далеко не завершено. Лингвистов и литературоведов, историков и этнографов, обратившихся к этим памятникам, ждет немало неожиданного.

Надпись Тоньюкука

Надпись Тоньюкука открыта Е. Н. Клеменц в 1897 г. В 1898 г. были сделаны эстампажи и фотографии надписи, по которым В. В. Радлов осуществил публикацию памятника и первый перевод текстов. Позднее памятник был обследован Г. Рамstedтом (1909)⁸⁶, Б. Я. Владимирцовым (1925)⁸⁷, П. Аалто (1957)⁸⁸, Е. И. Убрятовой и В. М. Надеяевым (1960), С. Г. Кляшторным (1968, 1969).

Памятник расположен в урочище Баин-Цокто, в 66 км к юго-востоку от Улан-Батора, между населенным пунктом Налайха и правым берегом р. Тола. Как и в Кошо-Цайдаме, надпись является частью погребально-поминального комплекса, к которому относятся также руины заупокойного храма, квадратный саркофаг (2,60×2,60 м, высота — 1,50 м) из наполовину врытых в землю мраморных плит, украшенных орнаментом, малый саркофаг (1,50 × 1,50 м), восемь высеченных из камня человеческих фигур и цепочка камней (балбалов), примыкающих к храму с востока. Небольшие раскопки произвел здесь Б. Я. Владимирцов, обнаруживший, что погребальная площадка была вымощена сырцовым кирпичом. В 1957 г. памятник вновь подвергся археологическому обследованию. Работавшие здесь монгольские археологи не опубликовали отчеты, но, по сообщению Л. Йисла, были найдены золотые украшения конской сбруи и золотые бляхи⁸⁹. Особый интерес представляют найденные тогда же лепные украшения (маски демонов) и фрагменты штукатурки со стен заупокойного храма; на десяти кусках штукатурки сохранилась небрежно процарапанная руническая надпись (16 знаков), рисунок которой опубликовал археолог Сэроджав⁹⁰. Эта надпись не имеет отношения к памятнику Тоньюкука.

Надпись Тоньюкука вырезана на двух врытых в землю каменных столбах, прямоугольных в сечении, расположенных друг против друга параллельно восточной стене храма, в нескольких метрах от нее. Высота южного столба, содержащего начало надписи (строки 1–36), — 1,70 м. Северный столб (строки 37–62) несколько ниже — 1,60 м. Строки расположены вертикально и идут слева направо. Сохранность знаков не везде хороша; особенно велики лакуны в надписи северного обелиска. Оформление памятников, как и всего комплекса, значительно скромнее, чем в Кошо-Цайдаме.

Каких-либо сведений об авторе или исполнителе надписи в тексте нет, но в 58-й строке сообщается, что надпись сделана по приказу Тоньюкука: «Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильге-кагана». Судя по тому, что в надписи отсутствуют какие-либо приписки, указывающие на смерть или похороны Тоньюкука, памятник был изготовлен еще при жизни его героя и позднее включен в комплекс поминальных сооружений.

По сравнению с Кошоцайдамскими текстами надпись Тоньюкука обладает некоторыми графическими и языковыми особенностями. Стиль надписи менее торжествен, чем стиль Кошоцайдамских памятников, автор гораздо шире использует такой литературный прием, как диалог, уснащает рассказ притчами и поговорками, что делает повествование эмоциональным и непринужденным. Последний исследователь надписи Р. Жиро высказал предположение, что две части надписи — преамбула и заключительные строки — написаны стихами, как бы оформляя ритмическую прозу основного рассказа⁹¹. К подобным же выводам пришли и первые исследователи памятников Кюль-тегину и Бильге-кагану⁹².

По своему содержанию надпись — написанная в панегирических тонах автобиография Тоньюкука, рассказанная на фоне исторических событий, активным участником которых он был. Вместе с тем надпись содержит не только описание, но и трактовку этих событий, их политическую оценку.

В 1-й строке Тоньюкук сообщает, что он родился или получил воспитание (qylun-) в Китае, в то время когда весь «тюркский народ» был «в подчинении у китайского государства». Далее рассказывается история великого восстания тюрков, в результате которого возник второй Восточнотюркский каганат (строки 2–19). Строки 20–48 — живое описание войн с кыргызами и тюркешами и похода в Согд. Заключительные строки надписи (48–62) — *apologia pro vita sua*, безудержное восхваление собственных дел и заслуг, без которых, по мнению Тоньюкука, возникновение и существование тюркского государства было бы невозможным.

Существует мнение, что надпись была написана Тоньюкуком в тот период, когда он находился во временной опале, т. е. около 716 г., или сразу же после этого времени, когда Тоньюкук вновь стал советником кагана, но положение его было все еще неустойчиво. Именно этим объясняется неумеренная апологетика надписи, сочетающаяся с изъявлениями преданности новому государю. Во всяком случае, упоминание имени Биль-

⁸⁶ Aalto. G. I. Ramstedt und die Inschrift von Tonjukuk. S. 19–24.

⁸⁷ Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования. С. 41–42.

⁸⁸ Aalto. Materialien. S. 3–8.

⁸⁹ Jisl. Vorbericht. S. 73.

⁹⁰ Сэроджав. Шинэ олдсон. С. 1–4.

⁹¹ Giraud. L'inscription de Bain Tsokto. P. 123–136.

⁹² Копи. Древнейший народный стих. С. 139; Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. С. 33.

ге-кагана делает 716 г. *terminus a quo* надписи. Л. Базен датирует памятник 726 г.

Несмотря на появившиеся в последние годы новые переводы, надпись Тоньюкука является одним из трудных и малоизученных памятников, что отчасти объясняется недостатками существующих воспроизведений текста, а отчасти — серьезными трудностями, с которыми сталкивается исследователь при интерпретации многих мест надписи. В историографическом отношении надпись Тоньюкука неотделима от Кошоцайдамских памятников.

Памятник Кули-чору

Памятник Кули-чору открыт в июле 1912 г. Монгольской экспедицией Русского комитета Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии, возглавляемой В. Л. Котвичем⁹³. В 1962 г. памятник повторно исследовал польский тюрколог Э. Триарский, изготовив при этом новые эстампажи и фотографии⁹⁴. Ныне материалы В. Л. Котвича хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН.

Памятник находится в местности Ихе Хушоту (по-монгольски «место, где имеется большой памятник, стела»; хошоо — «памятник», «стела»), в 200 км к юго-западу от Улан-Батора, в 30 км к северу от поселка Делгирхан-сомон (Центральный аймак), в обширной долине, ограниченной с востока и запада невысокими горными хребтами.

Памятник является составной частью обширного погребального комплекса, подробно описанного В. Л. Котвичем, отметившим сходство этого комплекса с каганскими погребальными сооружениями Кошо-Цайдама⁹⁵. Поминальные сооружения обнесены невысоким (или сглаженным в течение веков) земляным валом площадки по линии восток–запад 40 м, ширина — 30 м. В западной стороне площадки, в 17 м от стелы, находится частично разрушенный саркофаг, образованный четырьмя большими каменными плитами, внешняя поверхность которых покрыта орнаментом; в орнаменте преобладают стилизованные растительные и анималистические мотивы. Центр саркофага разрушен большой грабительской воронкой. Стела с надписью расположена в восточной части площадки, в 8 м от ее восточного борта; стела в отличие от каганских памятников

укреплена не на спине черепахи, а между двумя плоскими плитами, имеющими посередине выемку для крепления штыря стелы. С востока к стеле при ее сооружении примыкала аллея, вдоль которой были расположены каменные фигуры людей и животных, в частности лежащих львов. Сохранились четыре фигуры животных (две фигуры львов), с отбитыми головами и частично разрушенные. Сохранилось также шесть поврежденных человеческих фигур: две крупные (высота 0,74 м, ширина 0,55 м), с отбитыми головами и руками, изображающие людей, сидящих на подогнутых ногах; две — меньших размеров (высота 0,43 м), с отбитыми головами и каким-то предметом (сосудом?) в руках, сложенных на груди; две другие фигуры сохранились лишь в обломках. Тут же — два квадратных в сечении каменных столба высотой более метра, вкопанных в землю. На восток от площадки вытянулась длинная цепочка каменных столбиков-балбалов длиной более 1 км; В. Л. Котвич насчитал в ней

Памятник Кули-чору. VIII в. Монголия

153 камня, но часть камней повалена или выдернута. Саркофаг, стела, фигуры львов и цепочка балбалов расположены по одной оси восток–запад.

Стела с надписью представляет собой блок серого гранита высотой 1,94 м, шириной 0,6 м, толщиной 0,16 м (обмеры Э. Триарского). Стела ориентирована широкими сторонами по линии запад–восток. Начальная строка надписи — на западной стороне, где имеются еще одиннадцать строк; на восточной стороне — строки 13–25; на южной стороне — три строки и короткая поперечная приписка. В. Л. Котвич считал, что первоначально на северной стороне также была надпись, от которой сохранились отдельные выветренные знаки, однако Э. Триарский отмечает, что он не заметил на этой грани стелы следов надписи. Всего сохранилось 28 строк и одна короткая поперечная.

⁹³ Kotwicz, Samoilovitch. Le monument turc. P. 60–64. В числе спутников В. Л. Котвича был известный впоследствии монголист Ц. Жамцарано.

⁹⁴ Tryjarsky. The present state. P. 165–166.

⁹⁵ Kotwicz. Description du monument. P. 66.

Сохранность надписи неудовлетворительная; на вершине стелы, где обычно расположена тамга, отсутствует; повреждены также начальные части почти всех строк, многочисленные лакуны имеются в центральных частях западной и восточной сторон.

Строки отделены друг от друга прямыми линиями. Палеография обычная орхонская, знаки высотой от 2 до 4 см, в среднем в строке по 79 знаков. По замечанию Л. Базена, палеографически знаки надписи отмечают ступень эволюции между знаками Ойгинской надписи и надписи Тоньюкука⁹⁶. Дж. Клоусон и Э. Триярский констатируют наибольшую палеографическую близость знаков памятника к знакам памятника Тоньюкука⁹⁷.

Памятник впервые издан и дешифрован А. Н. Самойловичем⁹⁸. Хотя сам А. Н. Самойлович считал свою работу лишь «попыткой дешифровки»⁹⁹, последующие переводы Х. Оркуна¹⁰⁰, С. Е. Малова¹⁰¹ и Т. Текина¹⁰² мало изменили интерпретацию текста. Лишь выполненные по более совершенным эстампам и фотографиям Э. Триярского, с привлечением и старых эстампов В. Л. Котвича, издание и перевод надписи позволили предложить ее существенно новую интерпретацию¹⁰³.

По замечанию А. Н. Самойловича, стиль надписи прост, а словарь невелик¹⁰⁴. Однако плохая сохранность текста и несовершенство прежних копий весьма затрудняли понимание надписи¹⁰⁵. Имя автора надписи в прежних изданиях не было установлено и зафиксировано лишь по новым эстампам в последнем издании: «(27)... Bāntir (Bintir) bānim (28) bilmāz biligin biltükimin ödükimin bunča bitig bitidim (поперечная строка) / kü/li čor biti/g/ bi/ti/dim»¹⁰⁶, «Я, Бинтир (Бентир?), столь много надписей написал и о том, чего я сам не знал, и о том, что я сам знал и помнил. Надпись Кули-чора я (тоже) написал»¹⁰⁷. Отметим, что автор надписи ссы-

⁹⁶ Bazin. La littérature. P. 202.

⁹⁷ Clauson, Tryjarsky. The Inscription. P. 10–14.

⁹⁸ Kotwicz, Samoilovitch. Le monument turc. P. 92–107. Однако еще в 1914 г. А. Н. Самойловичем была опубликована предварительная заметка о содержании надписи (ЗВО. Т. XXII. 1914. С. VI–VII).

⁹⁹ Samoilovitch. Essai de déchiffrement de l'épithaphe. P. 93.

¹⁰⁰ Orkun. Eski türk yazıtları. S. 135–154.

¹⁰¹ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 25–30.

¹⁰² Tekin. A grammar. P. 257–258, 293–295.

¹⁰³ Clauson, Tryjarsky. The Inscription. P. 7–33.

¹⁰⁴ Samoilovitch. Essai de déchiffrement de l'épithaphe. P. 96.

¹⁰⁵ Clauson, Tryjarsky. The Inscription. P. 12.

¹⁰⁶ Ibid. P. 22 (см. также таблицу); имя собственное bindig зафиксировано также в рукописном документе руническим письмом из Мирана (Восточный Туркестан), см.: Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 223, 225.

¹⁰⁷ Несколько иной перевод у Дж. Клоусона и Э. Триярского: «Я, Бентир, написал всю эту надпись, (содержащую) сведения, неизвестные мне лично, и то, что я знал и помнил. Я написал надпись Кули-чора» (Clauson, Tryjarsky. The Inscription. P. 30).

ляется на какую-то дополнительную информацию, устную или письменную, о событиях, которые он не знал или не помнил. Такого рода констатация пока единственная в древнетюркской литературе, и она несомненно свидетельствует о наличии историографической традиции и о существовании людей, которые эту традицию сохраняли.

Надпись не содержит никаких календарных дат, которые могли бы послужить отправной точкой для ее датировки. Поэтому в качестве основных датирующих признаков использовались а) имена упомянутых в надписи каганов; б) излагаемые события и в) упоминания Кули-чора в других памятниках.

А. Н. Самойлович без достаточных оснований восстанавливает в 3-й строке надписи (западная сторона) имя Эльтерис-кагана¹⁰⁸, чем дает повод для ранней датировки событий, описываемых в памятнике. В последующих изданиях эта необоснованная реконструкция была повторена. Напротив, Л. Базен, отмечая неправомерность гипотезы А. Н. Самойловича, предложил вместо имени Эльтерис-кагана читать имя Бильге-кагана и датировать надпись 720–725 гг.¹⁰⁹ Л. Н. Гумилев датирует смерть Кули-чора 742 г., временем падения Второго Тюркского каганата; восьмидесятилетний герой погиб, по его мнению, в последнем бою: «Здесь, в надписи, источенной временем и обезображенной врагами, сохранилось сообщение о той доблести, которая бросала голубых тюрок на борьбу с жестоким врагом за свою отчизну. Глубокий старик кидается в сечу, теряет коня, но не мужество. Пусть надпись дефектна, но в ее отрывочных словах, как сквозь степное марево, сквозят силуэты, на горизонте появляются отовсюду всадники... и это все враги. Карлуки на севере, на юге и на западе; надо отходить, а сзади дом, хан. Но вот хан убит, его семья в плену, и тогда престарелый богатырь, видя, что больше беречь нечего, бросается в свалку и дает врагам растоптать, раздавить его тело. Он, свидетель рождения Второго каганата, не хочет пережить его конец; именно такие тюрки, как Кули-чор, были страшны соседям, которые потому и пошли на войну, чтобы их больше никогда не тревожили богатыри»¹¹⁰.

Л. Н. Гумилев в своей датировке упускает из виду только одно обстоятельство — описываемые в памятнике похороны его героя, да и само сооружение памятника, могли состояться только до разгрома каганата, а никак не после его падения, когда, по мнению самого Л. Н. Гумилева, памятники в честь тюркской знати не сооружались, а разрушались. Поэтому теряет смысл все приведенное выше рассуждение.

¹⁰⁸ Samoilovitch. Essai de déchiffrement de l'épithaphe. P. 102.

¹⁰⁹ Bazin. La littérature. P. 202.

¹¹⁰ Гумилев. Древние тюрки. С. 365.

Несомненным датирующим признаком является упоминание в надписи Бильге-кагана имени Кули-чора, который во главе тардушских бегов присутствовал при интронизации Бильге-кагана (716)¹¹¹, что является *terminus post quem* надписи Кули-чора.

А. фон Габен на основании своей реконструкции 10-й (по ее нумерации 9-й) надписи Тайхир-чулу (Хойто-Тамира), где говорится о гибели героя «в год Обезьяны» (709, 721, 733), пришла к заключению, что Кули-чор погиб во время похода в Табчиг(?), в 721 г.¹¹²

Между тем при новом издании надписи удалось реконструировать имя кагана в 3-й строке памятника: *qa/pa/γa/n/ qaγan älintä qaryp ädgü bāni körti... ulγü küli čor säkiz on yašar joq bol/ty/*. «Состарившись в эле Капаган-кагана, он видел добрую радость (счастье)... В возрасте восьмидесяти лет Кули-чор умер»¹¹³. Тем самым возможность присутствия Кули-чора при интронизации наследника Капагана Бильге-кагана как будто исключалась.

Согласовать, казалось бы, противоречащие друг другу факты помогло другое открытие обоих издателей — Дж. Клосо́на и Э. Триарского: в надписях излагались биографии не одного лица, а трех, носивших имя или титул Кули-чор и наследственно возглавлявших «бегов тардушей». Оба ученых полагают, что старший (*ulγü*) Кули-чор, носивший также личное имя Тоньюкук, второй Кули-чор и третий Кули-чор были связаны прямыми родственными отношениями: дед — отец — сын (внук). В таком случае надпись Кули-чора не представляет исключение — в трех из четырех больших надписей в памятниках Кюль-тегину, Бильге-кагану и Онгинской надписи в той или иной форме упоминаются предки героев, а об их родителях сообщаются довольно подробные сведения. Лишь надпись Тоньюкука Кули-чора посвящена исключительно ее автору, его жизни и деяниям.

Таким образом, в 1–3-й строках надписи кратко рассказано о деде — Ишваре Чыкан Кули-чоре, который в восемьдесят лет умер в царствование Капаган-кагана, т. е. до 716 г. В 4–17-й строках сообщается о подвигах его сына Чавуш Бильге Кули-чора, упоминаются его битвы с токуз-огузами, поход за Жемчужную реку (Сыр-Дарью) (712–719), татабы (722–723); именно он присутствовал во главе тардушских бегов при восшествии на престол Бильге-кагана, участвовал в четырех сражениях под Бешбалыком — об этом упоминается и в надписях Тайхир-чулу (Хойтом-Тамира): «С Кули-чором тардушским мы пойдем в Бешбалык, так пусть счастлив он будет!»¹¹⁴

¹¹¹ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 18.

¹¹² Gabain. Inhalt. S. 553.

¹¹³ Clauson, Tryjarsky. The Inscription. P. 21, 29.

¹¹⁴ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 47.

В 18–23-й строках — жизнеописание младшего Кули-чора, его первые детские подвиги — в семь лет он убил горного козла, в девять лет — дикого кабана; его сражения с карлуками и его смерть в бою. В 24–27-й строках описываются его похороны; в похоронных обрядах участвовали младший брат Бильге-кагана Эдьчор-тегин, еще четыре тегина и сын Кули-чора Йеген-чор; тут же сообщается о строительстве погребальных сооружений.

Упоминание имени Бильге-кагана дает основание считать *terminus ante quem* надписи 734 г. Очевидно, что памятник был сооружен после 723 г. (война с татабами) и до 725 г., когда окончились войны с токуз-огузами, союзниками которых были карлуки (или вскоре после 725 г.). Эти даты в общем совпадают с хронологическими расчетами Дж. Клосо́на, Э. Триарского и Л. Базэна.

Реконструкция и новый перевод надписи из Ихе Хушоту, несомненно, меняют ее историографическую оценку в ряду других больших орхонских памятников. Если раньше неясность изложения хода событий, которые связывали с биографией одного лица, допускала немало произвольных предположений, то в результате новой интерпретации текста достаточно уверенно определяются хронологические рамки повествования и их связь с событиями, упоминаемыми в Кошоцайдамских стелах, в памятнике Тоньюкуку, в надписях Тайхир-чулу.

Онгинский памятник

Онгинский памятник был открыт Н. М. Ядринцевым в августе 1891 г.¹¹⁵ и повторно обследован Э. Триарским в 1962 г.¹¹⁶ Памятник расположен в 17 км на юго-запад от Уянга-сомона, на открытой равнине, на правом берегу ручья Мантиня-гол, впадающего в р. Дарамалыйн-гол, правый приток р. Онгин (Увэрхангайский аймак МНР). С севера долина ограничена невысокой горной грядой (по Н. М. Ядринцеву — горы Маниту).

Само место памятника местными жителями называется Мантин-хошу (монг. хэшоо «памятник»)¹¹⁷. Онгинский памятник расположен примерно в 180 км к югу от Кошоцайдамских стел, вместе с Чойрэнской надписью является самым южным из собственно «орхонских» памятников, тесно связанных между собой общей эпохой и сюжетом.

Онгинский памятник, так же как и другие орхонские стелы, является частью монументального погребального комплекса. К сожалению, в археологическом отношении этот комплекс первоначально был исследован

¹¹⁵ Ядринцев. Отчет и дневник. С. 42–44.

¹¹⁶ Tryjarsky. The present state. P. 160–161, 166–168.

¹¹⁷ Ibid. P. 62.

Остатки Онгинского памятника. VIII в. Увэрхангайский аймак. Монголия

очень поверхностно, его описание составлено слишком бегло. При повторном обследовании Э. Триарским выявить первоначальные конструкции оказалось затруднительно, так как за прошедшие 70 лет сама стела была разбита и частично перевезена в краеведческий музей в г. Арбайхээр; фигуры, входящие в комплекс, подверглись дальнейшему разрушению, а площадка изрыта огромными ямами; по местной информации, собранной Э. Триарским, ламы близлежащего монастыря организовали здесь в 1920 г. грабительские раскопки (были найдены какие-то серебряные предметы), после чего погребальный комплекс оказался совершенно разрушенным¹¹⁸.

¹¹⁸ Tryjarsky. The present state. P. 467.

Судя по чертежу Э. Триарского, погребальный комплекс располагался на прямоугольной площадке, огороженной невысоким валом, ориентированной длинными сторонами по линии восток–запад; размеры площадки — 64×42 м¹¹⁹. Вот как описывает Н. М. Ядринцев внешний вид памятника в 1891 г.: «Он представлял вид памятника в виде столба или плиты, закругленной сверху, четырехгранной формы с руническими письменами на двух сторонах, передней и боковой; памятник был вделан в пьедестал, подобие плиты, занесенной землею. О форме пьедестала судить поэтому было невозможно, впереди его находились гранитные фигуры львов с отбитыми головами. Львы находились к востоку, на западной стороне в 10 шагах стояли четыре гранитные фигуры без голов, изображающие людей в сидячем положении с подогнутыми ногами. Изображения эти были оригинальны. Одна фигура имела в руках какой-то предмет овальной формы, поднимающийся от земли, другие две фигуры были со сложенными на груди руками и третья, опиравшаяся рукой на бедро. Могильник имел до 50 шагов длины, и ему предшествовал ряд предстоящих камней в виде аллеи на расстоянии более 500 шагов»¹²⁰.

Н. М. Ядринцев ничего не пишет о саркофаге, но о нем упоминает В. В. Радлов¹²¹, его рисунок помещен в «Атласе древностей Монголии» (табл. XIV, I). Саркофаг состоял из четырех огромных плит, образующих своего рода «ящик». Осколок одной из этих плит, покрытый растительным орнаментом, сфотографировал Э. Триарский¹²².

По наблюдениям Э. Триарского, изваяния людей (центральная группа комплекса) были расположены перед каменной плитой, своего рода алтарем. Рядом со статуями помещался столб (примитивная фигура) с каганской тамгой — стилизованным горным козлом. Высота статуй — 0,68 м. В восточной части могильника, в цепи балбалов, Н. М. Ядринцевым был обнаружен еще один каменный столбик с каганской тамгой и короткой рунической надписью, изданной В. В. Радловым вместе с основной стелой в «Атласе древностей Монголии» (табл. XXXIII, 5). Цепочка балбалов, как и в других могильниках, примыкала к ограде с востока.

Сама стела, обнаруженная Н. М. Ядринцевым *in situ*, представляла собой прямоугольный в сечении гранитный столб высотой в 2 м, с закругленным навершием. Надпись нанесена по лицевой стороне (8 строк) и одной из боковых граней (4 строки); по той же боковой грани, сверху, располагалось еще 7 коротких поперечных строк надписи. На навершии, по лицевой стороне, выгравирована каганская тамга (стилизованный гор-

¹¹⁹ Tryjarsky. The present state. Plate, fig. 25.

¹²⁰ Ядринцев. Предварительный отчет. С. 38.

¹²¹ Радлов, Мелиоранский. Древнетюркские памятники. С. 13.

¹²² Tryjarsky. The present state. Plate, fig. 14.

Золотой субурган
в монастыре Эрдени-цзу.
С. Г. Кляшторный и шофер Ю. Шишкин

В. В. Радлова, в палеографии надписи есть элементы, сближающие ее с енисейским вариантом руники¹²⁹.

Неясности в толковании надписи из-за малых возможностей реконструкции текста вызвали немало противоречивых суждений относительно

ный козел) и две дополнительные тамги. Надпись частично разрушена лакунами. Эстампажи надписи были впервые опубликованы в «Атласе древностей Монголии» (табл. XXVI, XXXIII).

Первое издание и перевод надписи осуществил В. В. Радлов¹²³.

Отсутствие иных эстампажей и хороших фотографий сделали затруднительным ревизию этого издания, и В. Томсен, определив надпись как одну из наиболее дефектных и темных, не изменил установленного В. В. Радловым текста в своих попытках анализа ее отдельных мест¹²⁴. Текст и перевод В. В. Радлова были повторены Х. Оркуном¹²⁵ и С. Е. Маловым¹²⁶ с незначительными изменениями. Новый опыт реконструкции, анализа и перевода текста осуществлен Дж. Клоусоном VIII в.¹²⁷. Последняя попытка установить текст и перевод надписи предпринята Т. Текином¹²⁸, который сделал ряд существенных уточнений, важных для понимания надписи.

Палеографически Онгинская надпись несколько отличается от Кошонацдамских текстов, и, по мнению

ее содержания и атрибуции. Наиболее спорными оставались три вопроса: а) в честь кого сооружен памятник? б) кто его автор? в) когда установлен памятник или когда написан текст?

По чтению В. В. Радлова, герой надписи — Ильтериш-каган (Кутлуг), который также именуется Тачам. Упомянутый в надписи год Дракона — это год смерти Ильтериш-кагана (692). Следовательно, памятник поставлен в честь Ильтериш-кагана в следующем, 693 г.¹³⁰ Эта атрибуция очень долго сохранялась в специальной литературе, подвергаясь лишь незначительной корректировке; Онгинский памятник считали самым ранним из орхонских текстов¹³¹. Так, А. Н. Бернш-там, уточняя гипотезу Радлова, считал, что автором надписи был младший брат Кутлуга Мочжо (Капаган-каган), который соорудил памятник в 704 г.¹³²

Критика концепции В. В. Радлова была начата П. Пельо, установившим, что Ильтериш-каган умер не в 692 г. (год Дракона по двенадцатилетнему циклу), а в 691 г. (год Зайца)¹³³.

Особо выделяется мнение японского ученого Хидеми Оногава, переведшего на японский язык Онгинскую надпись; по его мнению, она была воздвигнута после 716 г., в честь Мочжо (Капаган-каган) его сыном Ду-сифу¹³⁴.

Между тем старое предположение В. В. Радлова не было оставлено, и А. фон Габен, а вслед за ней и Лю Мао-цзай сохранили прежнюю атрибуцию Онгинской надписи как поминального памятника Ильтериш-кагану, поставленного после его смерти его младшим братом Мочжо (Капаган-каган)¹³⁵. То, что в надписи содержится указание об авторе надписи — им был не брат, а сын покойного, А. фон Габен отнесла за счет особых «выражений уважения» по отношению к умершему. Непонятное имя кагана тасам А. фон Габен объясняет как уменьшительно-ласкательную форму «мой батюшка» (atašum).

В 1957 г., после нового прочтения надписи, Дж. Клоусон установил: а) памятник воздвигнут в честь одного из соратников Ильтериш-кагана, Элетиша-ябгу, его сыном; б) Элетиш умер не в год Дракона, а в год Овцы. Вслед за тем Дж. Клоусон предположил, что год создания памятника, который, по его мнению, имел образцом надпись в честь Кюль-тегина, следует отнести к 732–734 гг. (год Овцы — 731 г.)¹³⁶.

¹²³ Radloff. Das Denkmal am Ongin. S. 243–256.

¹²⁴ Thomsen. Turcica. P. 38–39.

¹²⁵ Orkun. Eski türk yazitlari. C. I. S. 127–132.

¹²⁶ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 7–11.

¹²⁷ Clauson. The Ongin inscription. P. 177–192.

¹²⁸ Tekin. A grammar. P. 255–256, 291–293.

¹²⁹ Radloff. Das Denkmal am Ongin. S. 245.

¹³⁰ Radloff. Das Denkmal am Ongin. S. 246–247.

¹³¹ Ср., например: Баскаков. Введение в изучение. С. 159.

¹³² Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок. С. 38–40.

¹³³ Pelliot. Neuf notes. P. 206–207.

¹³⁴ Onogawa. Ongin inscription. P. 431–451.

¹³⁵ Gabain. Steppe und Stadt. S. 39–40; Liu Mau-tsai. II. S. 597.

¹³⁶ Clauson. The Ongin inscription. P. 191–192.

По мнению Л. Н. Гумилева, в общем принявшего трактовку Дж. Клосона, памятник поставлен в 728 г. в честь умершего в 719 г. Алп Элетмиша¹³⁷.

Л. Базэн, принимая, с некоторыми поправками, перевод и интерпретацию Дж. Клосона, полагает, что надпись, относящаяся ко времени правления Бильге-кагана и датируемая по времени смерти героя — Элетмиша-ябгу, 719 или 731 г., из-за архаичности графики предпочтительно должна быть отнесена к 719–720 гг.¹³⁸

Т. Текин не предлагает новых датировок, но уточняет чтение 4-й строки, содержащей имени автора и героя надписи: «... /Я/ — Бильге Ишбара Тамган-таркан, сын Элетмиш-ябгу и младший брат Ишбара Тамган-чор-ябгу»¹³⁹. Далее в переводе фиксируется, что памятник поставлен в честь отца героя надписи, умершего в «седьмой месяц года Овцы», но памятник воздвигнут в год Дракона.

Анналы или манифест

Благодаря реконструкциям и новой интерпретации текста, осуществленной в работах Дж. Клосона и Т. Текина, этот «запутанный» и «темный», по мнению многих исследователей, памятник, несмотря на некоторую неопределенность даты его создания (720–732?), становится важным источником для исследования эпохи возникновения второго каганата и первых двух десятилетий его истории.

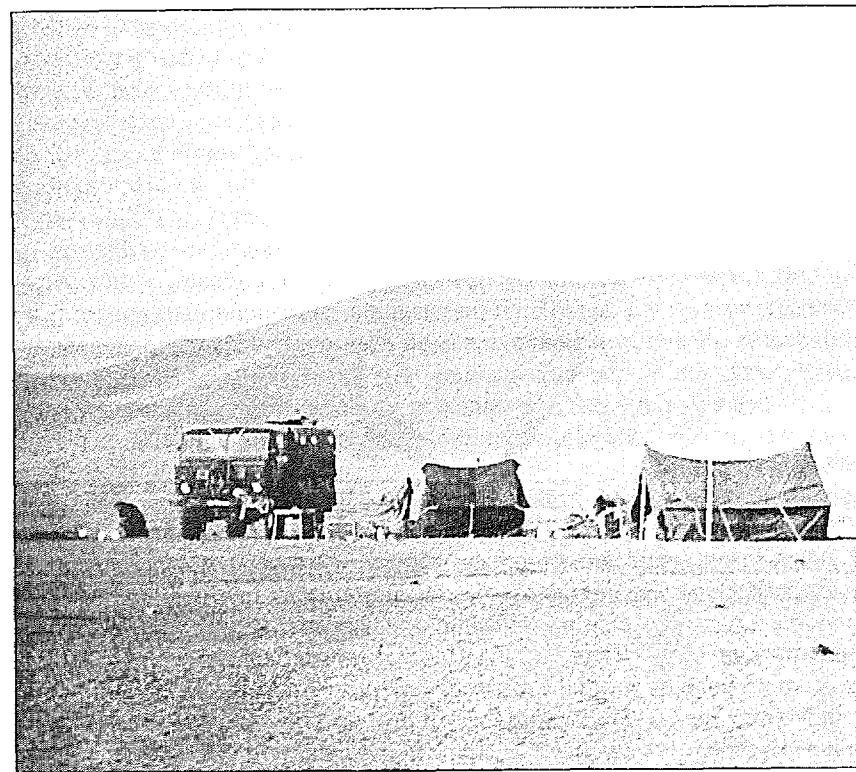
Важнейший методический вопрос при историографическом истолковании любого памятника — вопрос о степени достоверности его как источника. Точность и полнота в учете и отображении важнейших событий — таковы лишь главные из критериев оценки источника, но и точность, и полнота, и само понимание важного, достойного упоминания, и второстепенного зависят от социального и политического мышления автора, определяемого эпохой и средой, от его симпатий и антипатий, от его культуры, ума, таланта.

Как уже отмечалось, Йоллыг-тегин обладал высоким литературным дарованием, а скрупулезность, с которой он описывал события, происходившие несколько десятков лет назад, дает возможность предполагать наличие историографической традиции. Но надписи — не сухой перечень фактов, в них нет и тени беспристрастия. Те строки, которые Йоллыг-тегин «вырезал на вечном камне», преследовали вполне определен-

¹³⁷ Гумилев. Древние тюрки. С. 332.

¹³⁸ Bazin. La littérature. P. 202.

¹³⁹ Tekin. A grammar. P. 291.

Лагерь экспедиции в долине Терхин-гола. 1969 г.

ную цель — так изложить ход истории каганата, чтобы убедить читающего надпись в правильности политической линии царствующего дома, в божественной непогрешимости кагана, в прямой зависимости личного благополучия каждого кочевника-тюрка от крепости эля, возглавляемого каганом, от непоколебимости поддерживаемых каганом «установлений и законов». Все военные и политические неудачи изображены как результат измены, неповиновения кагану «бегов и народа», а все успехи рисуются как проявление мудрости и мужества кагана и близких ему лиц.

Естественно, такая историографическая концепция определенным образом лимитировала и направляла отбор событий, достойных упоминания в мемориальных надписях кагана и его брата. Узок и временной диапазон памятников — он охватывает в основном события, связанные с историей Второго каганата. Однако Кошоцайдамские памятники обладают значительными достоинствами. К их числу относится аутентичность — автор писал о том, что происходило на его глазах или в недав-

нем прошлом, о фактах, которые ему, члену каганского рода, были хорошо известны. Вместе с тем эти факты были известны и его читателям, мнение которых было совсем безразлично и Бильге-кагану, пока он был жив, и Йоллыг-тегину. Этим объясняется стремление тщательно, иногда до мелочей точно, описывать каждое происшествие. Так, исключительно подробно передаются события военной истории, непременно участниками которых были Бильге-каган или Кюль-тегин. Здесь автор очень редко позволяет себе поэтические отступления — в большинстве случаев он информирует, а не воспекает, констатирует факты, а не украшает их. Внутри разделов, посвященных анналистике, события излагаются в ненарушаемой хронологической последовательности, в стройной логической связи.

Все сказанное о слабых и сильных сторонах Кошоцайдамских памятников как исторического источника относится и к надписи Тоньюкука с той только разницей, что целевая установка автобиографического опуса, написанного этим крупнейшим деятелем Второго каганата, была иной. С той же страстью, какая побуждала Бильге-кагана и исполнителя его воли Йоллыг-тегина прославлять подвиги представителей каганского рода, Тоньюкук убеждает читателя, что без его помощи ни один каган не смог бы править государством, а все славное и дельное не обошлось без его участия и руководства. Даже то, что Ильтериш стал каганом, произошло не столько по воле божества, сколько благодаря его, Тоньюкука, желаниям и действиям (Тон., 6–7). Возможно, что строки Кошоцайдамских надписей, описывающие возвышение и интронизацию Ильтериша как результат непосредственного вмешательства Неба, были своего рода ответом на заявление Тоньюкука — полемика между Кошоцайдамскими памятниками и надписью Тоньюкука в каких-то пределах отнюдь не исключена.

Случаи разногласий и полемики между Бильге-каганом и Тоньюкуком отмечены и китайскими источниками; в частности, Тоньюкук резко возражал против намерения Бильге-кагана принять буддизм¹⁴⁰. Вообще надписи дают обильный материал для освещения различных политических течений внутри правящего класса каганата; Бильге-каган неоднократно упрекает бегов в склонности «погрешать» и «отделяться» — очевидно, сепаратистские тенденции были весьма сильны. Существовала и прокитайская группировка знати, нередко апеллировавшая для достижения своих целей к помощи империи; от этой группировки, наиболее ненавистной Бильге-кагану, отмежевывается Тоньюкук: «...на этот (свой) тюркский народ я не направлял вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу» (Тон., 54).

¹⁴⁰ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 274.

Такая разница позиций при описании одних и тех же событий весьма облегчает задачу взаимной проверки Кошоцайдамских памятников и надписи Тоньюкука. В свою очередь высокая точность информации, содержащейся в рунических памятниках, подтверждается перекрестной проверкой ее данными китайских и, как будет видно ниже, арабских источников.

Вместе с тем композиционная стройность надписей, определенная последовательность и строгая выдержанность изложения, лаконичность эпиграфического текста, обусловившая применение трафаретных обозначений и формулировок, нарушение которых означает изменение смысла фразы, единообразие этнической, политической и топонимической номенклатуры, параллелизм в построении описания однородных событий и другие особенности такого рода — все это позволяет широко применять при исследовании памятников и другой метод, основанный на анализе внутренней логики самого текста, на изучении закономерностей построения однотипных характеристик и единообразных описаний. Этот аналитический метод в отличие от широко используемых компаративистских приемов открывает возможность более интенсивного исследования, лишает основы произвольные сравнения и сопоставления, позволяет уточнить и дополнить, а иногда и полностью изменить понимание даже тех мест памятников, которые, казалось бы, уже были достаточно подробно исследованы.

Средняя Азия в орхонских текстах

Изучение орхонских памятников как источников для истории Средней Азии было начато Бартольдом и Марквартом. Оба исследователя ограничили свои задачи сопоставлением сведений руники с некоторыми сообщениями арабских источников. Главная заслуга в этом отношении принадлежит Бартольду. В первой работе Бартольд, опиравшийся на неверную хронологию (с ошибкой на десять лет), первоначально предложенную переводчиками надписей, не сделал, естественно, выводов, которые могли бы сохранить свое значение.

После открытия системы летосчисления памятников, честь которого принадлежит Бангу и Маркварту, Бартольд, критически пересмотрев как свои прежние, так и вновь предложенные Марквартом отождествления и датировки, нашел основные точки соприкосновения данных арабских источников и древнетюркских памятников¹⁴¹. В последующие годы указан-

¹⁴¹ Подробнее см. гл. III.

ный аспект историографического изучения орхоники специально не разрабатывался.

Все сообщения орхонских памятников, относящиеся к истории и исторической географии Средней Азии, можно разделить на три группы.

I. Сообщения о западной границе каганата в разные периоды его истории:

1. Упоминание Железных ворот (*Tämir qaruγ* — крайнего предела расселения тюрков во времена Бумын-кагана и Истеми-кагана (VI в.)) (КТб, 2; БКб, 4).

2. Упоминание Кенгю-Тарбана (*Käñü tarban*) — западной границы второго Восточнотюркского каганата в конце царствования Капаган-кагана — до 716 г. (КТб, 21; БКб, 18).

II. Сообщения о посольствах, прибывших в ставку тюркских каганов из Средней Азии и стран, расположенных к западу от нее:

1. Упоминание народов *apar* и *anurum* (вар.: *нурум*), которые, «придя, стонали и плакали» во время похорон первых тюркских каганов (КТб, 4; БКб, 3).

2. Упоминание послов от народов *sogd bärčäkär buqaraq ulus* Нексенгуна и Огул-тархана (*näk sähün oγul tarqan*), прибывших на похороны Кюль-тегина (КТб, 52).

III. Сообщения о походах на запад, содержащиеся в памятниках. За исключением одного неопределенного упоминания, все они содержат описания походов, предпринятых героями надписей:

1. Упоминание похода на запад до Железных ворот между 630–680 гг. (КТб, 8; БКб, 8).

2. Упоминание похода Бильге-кагана на запад с переправой через Жемчужную реку (*Yänčü ügüz*) и достижением Железных ворот (VIII в.) (КТм, 3–4; БКм, 3).

3. Рассказ о походе Кюль-тегина и Бильге-кагана на *altı üb soydag* (VIII в.) (КТб, 31; БКб, 24–25).

4. Рассказ о походе Кюль-тегина и Бильге-кагана в Согд с переправой через Жемчужную реку и достижением Железных ворот (VIII в.) (КТб, 38–41).

5. Рассказ о походе Тоньюкука в Согд с переправой через Жемчужную реку и достижением Железных ворот (Тон., 43–48).

6. Рассказ о походе Кули-чора на запад с переправой через Жемчужную реку и достижением Железных ворот (КЧ, 16).

Сообщения, касающиеся тюркшей и «народа десяти стрел», особо не выделяются, так как история Западнотюркского каганата рассматривается в связи с общим ходом событий, затрагивающих как Среднюю Азию, так и Восточнотюркский каганат. Неопределенное упоминание в надписи Тонью-

кука (Тон., 14) о курданах (Курдан?), угрожавших государству Ильгериш-кагана с запада в начале 80-х гг. VII в., вряд ли относится к Средней Азии. Не имеет отношения к Средней Азии и упоминание посольств *apar* и *нурум*.

Первый этноним передает самоназвание авар, точнее, судя по сведениям Феофилакта Симокатты, псевдоавар¹⁴². Гипотеза о тождестве авар с жужанами, получившая в последние годы новое обоснование¹⁴³, очевидно, ни в коей мере не может быть применена к псевдоаварам, появившимся в восточноевропейских степях в середине VI в. и разгромленным там тюрками в 60-х гг. этого столетия¹⁴⁴. Не исключено, впрочем, что первое сообщение об аварах в греческих источниках (нападение авар на савир к северу от Кавказа в 461–465 гг.) связано с появлением в Европе собственно авар¹⁴⁵. Возможно, что псевдоавары принадлежали к числу огузских племен — Феофилакт называет их огорами¹⁴⁶. Судя по китайским источникам, сведения которых относятся к VII–VIII вв., племя або (апар) входило в состав огузской конфедерации (теле)¹⁴⁷. Упомянуто имя авар (апар) и в Чарышской рунической надписи (Северный Алтай)¹⁴⁸.

Вопросы, связанные с разъяснением и идентификацией имени *нурум*, подробно рассмотрены в работах П. Пельо, А. фон Габен и Б. Огеля¹⁴⁹. Установлено тождество этого названия с одним из вариантов наименования Римской империи, а позднее — Византии, употреблявшимся в ее восточных провинциях — *Rom* (армянское *Hrom*, среднеперсидское *Hrom*, согдийское *From*, тибетское *Phrom*, китайское Фулинь). Возможно, надписи сохранили воспоминание о посольстве мечника Валентина (576), принявшего участие в поминальных обрядах, устроенных каганом Турк-санфом в честь незадолго до того умершего своего отца, кагана Сильзибула (Истеми-кагана)¹⁵⁰.

Топонимы и этнонимы, встречающиеся в перечисленных сообщениях надписей, могут быть суммированы в следующих таблицах.

¹⁴² Феофилакт Симокатта. История. С. 159–160.

¹⁴³ Henning. Farewell to the khagan. P. 501.

¹⁴⁴ Sinor. Autour d'une migration. P. 34–36; Haussig. Quelle. S. 21–43. О судьбе авар в Европе см. работы Н. В. Пигулевской и А. Коллаутца (Пигулевская. Авары. С. 27–36; Kollautz. Awaren. S. 129–178).

¹⁴⁵ Macartney. On the Greek sources. P. 260–267; Czeglédy. Kaukázusi hunok. P. 121–140.

¹⁴⁶ Феофилакт Симокатта. История. С. 160; о чередовании *z/z* в тюркских языках см. работу Л. Базена (Bazin. Structures. P. 14).

¹⁴⁷ Hamilton. Ouighours. P. 2.

¹⁴⁸ Тенишева. Руническая надпись. С. 63.

¹⁴⁹ Pelliot. Nom de Fou-lin. P. 498–500; Gabain. Fu-lin Frigs. S. 195–197; Ögel. «Fu-lin» problemi. S. 53–87. Ср.: Shiratori. Fu-lin problem. P. 165–829.

¹⁵⁰ Менаандр Протектор. История. С. 421–422; Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 275–276.

Топонимика

Руническое написание	Транскрипция	Перевод	Упоминание	Датировка упоминания в тексте	Значение топонима в памятниках
𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤	bānligäk ta _γ	Гора Бянглияк	Тон., 44	Не определена	Ставка «сына Тинси»
𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍	kānū tarban	Кенгю Тарбан	БКб, 18; КТб, 21	715–716 гг.	Западная граница каганата
𐰽𐰺𐰍	so _γ d	Согад	КТб, 52	732 г.	Страна, откуда прибыл посол на похороны Кюль-тегина
𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍	jāncū ügüz	Жемчужная река	КТм, 3 БКм, 3 Тон., 44 КЧ, 16 КТб, 39	Не определена 712–713 гг.	Восточная граница Согада
𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍	tāmir qaru _γ	Железные ворота	КЧ, 2 БКб, 4	VI в.	Западная граница расселения тюрков в VI в.
			КТм, 4 БКм, 3 КТб, 17 Тон., 44 КЧ, 16	Не определена	Западный предел походов Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука и Кули-чора
	tāmir qaru _γ		КТб, 39	712–713 гг.	Западный предел похода Кюль-тегина и Бильге-кагана

Этнонимика

Руническое написание	Транскрипция	Перевод	Упоминание	Датировка упоминания в тексте	Территория
𐰽𐰺𐰍	kānārās	Кенгересы	КТб, 39	712–713 гг.	Не определена
𐰽𐰺𐰍	tāzik	Арабы	Тон., 45 КЧ, 16	Не определена	Согад
𐰽𐰺𐰍	toqar	Тохары	Тон., 45	Не определена	Согад
𐰽𐰺𐰍	buqaraq	Бухарцы	КТб, 52	732 г.	Не определена
𐰽𐰺𐰍	so _γ daq	Согдийцы	КТб, 39 Тон., 46	712–713 гг. Не определена	Согад Согад
𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍	aly čub so _γ daq	Согдийцы шести чубов (?)	КТб, 31 БКб, 24	701–702 гг.	Не определена

Наиболее часто упоминаются два географических названия, которые встречаются чуть ли не во всех сообщениях надписей, касающихся Средней Азии, — Jāncū ügüz и Tāmir qaru_γ.

Отождествление названий Jāncū ügüz — «Жемчужная река» принадлежит И. Маркварту, который обратил внимание на то, что в китайском тексте Карабалгасунского памятника та же река носит название Чжень-чжу-хэ — «река истинного жемчуга», а оба названия вместе являются переводами местного названия реки, транскрибированного в китайских источниках как *йо-ша* *йок-шат (Яксарт), т. е. современной Сырдарьи¹⁵¹. Название Jaxartes 'Iaξ'ūrtāz 'Iaξ'ūrtat, которое река носит в античных источниках, этимологизируется на древнеиранском языковом материале как *jaxšarta, *jaxša-arta, «истинный жемчуг»¹⁵².

Однако нет оснований полагать, что так обозначалось все течение Сырдарьи. В античных источниках наименование Jaxartes относилось первоначально к отрезку реки, где действовали отряды Александра Македонского, т. е. примерно к району между современными Ходжендом и Ташкентом; это название восходит к местной согдийско-ферганской информации. Распространение названия Яксарт на всю реку — явление позднейшей литературной традиции.

Китайские источники в описании событий VII–VIII вв. прямо указывают, что р. Йоша именно здесь называется Жемчужной рекой¹⁵³. К этому же району относится древнетюркское Jāncū ügüz. Наиболее поздние упоминания имени Яксарт (Йахшарт, Хашарт) как бытующего названия реки встречаются у Ибн Хордадбега (IX в.), ал-Мас'уди (X в.), ал-Бируни (973–1048), а также в «Худūd ал-алам» (X в.), в контексте, подтверждающем изложенные соображения¹⁵⁴.

Плиний (I в. н. э.) впервые отметил другое местное название реки — Silis: «Реку Яксарт, которую скифы называют Силисом (quod Scythae Silim vocant), Александр и его воины приняли за Танаис»¹⁵⁵. Это же сообщение с важным для нас добавлением повторил частично зависимый от Плиния автор III в. н. э. Гай Юлий Солин: «По всей этой земле (име-

¹⁵¹ Marquart. Chronologie. S. 5–6; о китайском названии реки см. работу Ф. Хирта (Hirth. Nachwort. S. 80–81); как установлено, тюркское *yāncū/yinčū* восходит к китайскому *chin-chu* < **t'siēn-t's'iu* (**d'inčū* > *jāncū-yinčū*) (Pritsak. Karluk. S. 276). Первую сводку мнений, посвященную происхождению названий Сырдарьи, составил А. Левшин (Левшин. Описание. С. 215–264); о наименованиях реки в античных источниках см. работу А. Германа (Herrmann. Jaxartes. S. 1, 181–189). Ныне этимология, предложенная И. Марквартом, отвергнута В. А. Лившицем.

¹⁵² Marquart. Chronologie. S. 5; ср., однако: Marquart. Skizzen. S. 16; Id. Provincial capitals of Eranshahr. P. 35–36; ср. замечания В. В. Бартольда (Бартольд. К истории орошения. С. 160).

¹⁵³ Chavannes. Documents. P. 140.

¹⁵⁴ Marquart. Chronologie. S. 5; Minorsky. Hudūd al-'Alam. P. 210–211.

¹⁵⁵ C. Plinius Secundus. Nat. Hist. Lib. VI, § 49 (цит. по изд.: Латышев. Известия древних писателей. Ч. II. С. 185).

ются в виду Бактрия и Согдиана. — С. К.) с той стороны прорезывает границы река Лаксат (lapsus calami! — С. К.), которую называют Лаксатом одни только бактрийцы, ибо прочие скифы зовут ее Силисом (queq̃ laxatem soli vocant Bactri: nam alii Scythae Silim pominant)». Димодамант, вождь Селевка и Антиоха, писатель довольно достоверный, переправившись через эту реку, «открыл... что эта иная река, чем Танаид»¹⁵⁶. Тождество форм *silis* и *šīr* не вызвало сомнений ни у Ф. Юсти, ни у Бартольда¹⁵⁷.

Из сообщений Плиния и Солина явствует, что реку, именуемую местным населением в ее среднем течении Яксарт, скифы (саки) — кочевники, населявшие нижнесырдарьинские и приаральские степи, именовали Силис. Ввиду крайней скудости античных и средневековых источников относительно топонимики Восточного Приаралья вполне естественно отсутствие других упоминаний названия *Сыр*, имевшего узколокальное значение. В средневековой историко-географической литературе господствовал принцип обозначения реки по отдельным ее участкам именем крупнейшего города, расположенного на каждом из них (например, «река Шаша», «река Узгена» и т. п.), в связи с чем местные названия реки, за перечисленными выше исключениями, исчезают в сочинениях арабских и персидских авторов. Однако слово *сыр* как название района нижнего течения этой реки появляется не в XVI в.¹⁵⁸, а в XIII–XIV вв. в наименовании расположенной близ Дженда ставки сыновей и внуков Джучи — Сыр-Орда («Сырская ставка», «ставка на Сыре»)¹⁵⁹. Таким образом, название Яксарт, впервые появляющееся в источниках, описывающих события IV в. до н. э., относится к верхнему и среднему течению Сырдарьи; название *Сыр* — древнее сакское имя реки — относилось первоначально к ее нижнему течению. На протяжении более чем двух тысячелетий это название не только сохранилось, но вместе с завоеванием Среднеазиатского междуречья узбекскими кочевыми племенами приаральских степей (XV–XVI вв.) распространилось на все течение реки.

Темир капыг, Железные ворота памятников локализованы В. Томсеном — это проход Бузгала в горах Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза¹⁶⁰. Впервые под тем же названием, но в китайском переводе Железные во-

¹⁵⁶ C. Julius Solinus. Collect. rerum memorabilium. Lib. 9, § 5 (цит. по: Латышев. Известия древних писателей. Ч. II. С. 385).

¹⁵⁷ Justi. Grundriss. Bd. 2. S. 392; Barthold. Sir-Darja. P. 468–469; ср.: Нидерман. Историческая фонетика. С. 99–102.

¹⁵⁸ Barthold. Sir-Darja. P. 469.

¹⁵⁹ Та'рих-и Вассаф. С. 516. О местоположении ставки см.: Тизенгаузен. Сборник материалов. Т. II. С. 42.

¹⁶⁰ Thomsen. Inscription de l'Orkhon. P. 137.

рота упомянуты Сюань Цзаном как граница между Согдом и Тохари-станом¹⁶¹. Позднее проход неоднократно упоминается в арабской и персидской литературе¹⁶². Одно из первых упоминаний Железных ворот содержится в географическом труде ал-Йакуби (IX в.) «Китаб ал-булдан», где проход носит персидское название *Дар-и аханин*, Железные ворота¹⁶³. Вероятно, тюркское название *Темир капыг* было калькой местного топонима.

Как видно из таблиц, почти все сообщения о Средней Азии относятся к эпохе Второго Восточнотюркского каганата. Лишь упоминание Железных ворот как границы расселения «тюркского народа» в VI в. и неопределенное сообщение о походах тюрков на запад во времена подчинения Китаю (630–680) выходят за рамки этого времени. Оба упоминания носят слишком общий характер и не могут быть предметом исследования по имеющемуся источнику.

¹⁶¹ Julien. Memoires. Vol. 1. P. 23.

¹⁶² Минаев. Сведения. С. 58, 60, 69–70; Barthold. Turkestan. P. 138, 186.

¹⁶³ Ал-Йа'куби. Китаб ал-булдан. С. 290.

Глава III

ЭПОХА РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТЮРКАХ

Руническая письменность получила распространение среди тюркоязычных племен Южной Сибири, Центральной и Средней Азии в тот исторический период, когда эти племена входили в состав крупнейшего центральноазиатского государства раннего средневековья — Тюркского каганата (551–744 гг.). Первые сведения о племени тюрк содержатся в китайских источниках — династийных историях «Чжоу шу», «Бэй Ци шу», «Суй шу» и «Бэй ши». Китайское написание этнонима — туцзюе (*t'uət kiwət*)¹ реконструируется как **türküt*; эта последняя форма этнонима неизвестна в других (некитайских) литературных памятниках VI–X вв.: ср. арабское *تورک* *turk* (VI в.)²; греческое *Τοῦρκοι* (конец VI в.)³; сирийское *turkaie* (конец VI в.)⁴; санскритское *turuṣka*, в пракрите — *turukka* (VI в.)⁵; древнетюркское *türk* (VII–VIII вв.)⁶; среднеперсидское *turk* (середина VIII в.)⁷; согдийское *twrk* (начало IX в.)⁸; тибетское *drug*; *dru-gu* (VIII–IX вв.)⁹; хотанское *ttruki*, *thurki* (VII–X вв.)¹⁰. Поэтому вполне оправдан-

¹ *Karlgren. Grammata Serica*. N 489a. 301c.; *Pelliot. Origine de T'ou-kiue*. P. 687–689; *Pelliot. Tokharien et Koutchéen*. P. 93; ср.: *Поливанов*. Ту-кюэ. С. 691–698; *Liu Mau-tsai*. II. S. 488; *Hamilton. Ouighours*. P. 94. Об этимологии термина см.: *Копонов*. Опыт анализа термина турк. С. 40–47; *Копонов*. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази. С. 81.

² *Kowalski. Die ältesten Erwähnungen der Türken*. S. 38–41.

³ *Moravcsik. Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 320.

⁴ *Пугачевская*. Сирийская легенда. С. 84; *Гуссейнов*. Сирийские источники XII–XIII вв. С. 180.

⁵ *Slusiewicz. V. Indo-aryen Turuska*. P. 295–305; по не вполне достоверным данным, прапратская форма впервые зарегистрирована в первой половине V в. (р. 302).

⁶ *Радлов*. Атлас древностей Монголии. Табл. XVIII. С. 40.

⁷ *Müller. Mahnâmâg*. S. 10. Z. 54.

⁸ *Hansen. Zur sghdischen Inschrift*. S. 15. Z. 2.

⁹ *Thomas. Tibetan literary text*. P. 78; *Hoffmann. Qarluq*. S. 194.

¹⁰ *Bailey. Turks in Khotanese texts*. P. 85–86.

ной представлялась гипотеза П. Пельо и О. Франке, по мнению которых оформление имени тюрк аффиксом множественного числа *-(y)t*, характерным для монгольских языков, — следствие восприятия этнонима китайцами через посредство монгольязычных жуань-жуаней¹¹. Однако после открытия Бугутской надписи стало ясным, что прообразом китайской формы *тюркют* явилось согдийское *twrkwt*, где конечное *-t* — показатель согдийского множественного числа.

Начало непосредственных отношений тюрков, живших на Алтае, с одним из северокитайских государств — Западным Вэй — относится к середине VI в.¹² В 545 г. посол западновэйского императора Тайцзу, согдиец из Цзюцюани (Ганьсу) Аньнопанто, прибыл в ставку князя туцзюэ, а на следующий год ответное посольство «представило местные произведения» императорскому двору¹³.

Одновременно князь тюрков Бумын (кит. Тумынь, древнетюрк. *butun*), принявший титул *или-кахань* (реконструируется М. Мори как **ilig qayag*)¹⁴, вмешался на стороне жужанского кагана — своего сюзерена — в войну с племенным союзом теле и, усилившись за счет разгромленных племен этого союза, «прервал связь с жу-жу (жуань-жуанями)»¹⁵. Формальным предлогом для этого акта послужил оскорбительный отказ жужанского кагана Анахуаня «установить брачное родство» с домом Ашина (правлящим родом тюрков).

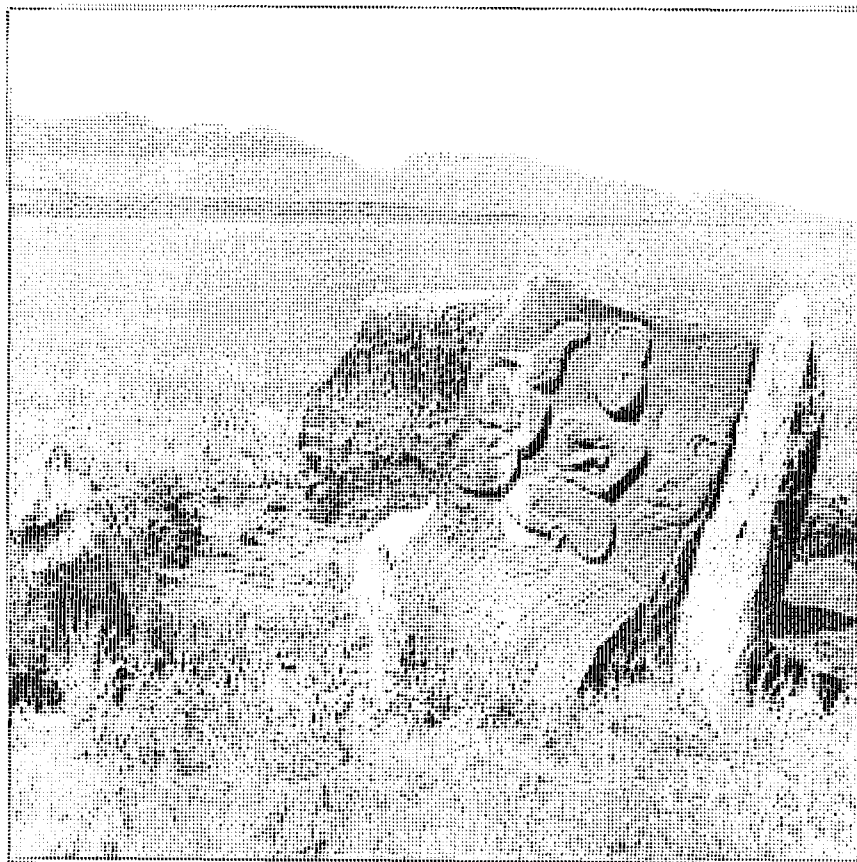
¹¹ *Pelliot. Origine de T'ou-kiue*. P. 687–689; *Franke. Geschichte*. Bd. III. S. 310. Мы употребляем термин *турк* в смысле, который он имеет в рунических надписях, т. е. применяем его только в отношении союза племен, создавших каганат (узкое этническое значение термина), а также для обозначения племен, покоренных собственно тюрками и инкорпированных в созданную ими военно-политическую организацию (широкое политическое значение термина).

¹² *Liu Mau-tsai*. I. S. 6–7. В 534 г. государство табгачской династии Северное Вэй распалось на Восточное Вэй (534–550) и Западное Вэй (535–557). В 550 г. власть в Восточном Вэй перешла в руки полководца Гао Яна, основавшего династию Северное Ци (550–577); в 557 г. окитавшийся сяньбийский аристократ Юйвэнь Цзяо узурпировал западновэйский трон, основав государство Северное Чжоу (557–581); в 577 г. это государство уничтожило Северное Ци и объединило Северный Китай под своей властью (*Franke. Geschichte*. Bd. II. S. 228–250).

¹³ *Liu Mau-tsai*. I. S. 6–7; ср.: *Бичурин*. Собрание сведений. Т. I. С. 228, где дата указана ошибочно (535 г. вместо 545 г.).

¹⁴ [*Glabitz.*] *Japanische Arbeiten*. S. 128.

¹⁵ *Liu Mau-tsai*. I. S. 7. О Жуань-жуаньском каганате см.: *Chavannes. Documents*. P. 221–233; *Franke. Geschichte*. Bd. II. S. 283–285; *Olbricht. Uchida's Prolegomena*. S. 90–100. Характеристике общественных отношений в Жужанском каганате см.: *Толстов*. Древний Хорезм. С. 256–259. Особый круг литературы посвящен выдвинутой Э. Шаванном (вслед за Ж. Дегинем) проблеме отождествления жуань-жуаней с аварами; критику гипотезы Дегиня–Шаванна см.: *Boodberg. Marginalia*. P. 230; *Haussig. Quelle*. S. 21–43; *Samolin. Some notes*. P. 62–65.

Поминальный памятник в урочище Ихе Асхет. VIII в. Монголия

В результате начавшейся войны (551–555) жужане были разгромлены и в значительной части истреблены физически. На их землях в Северной Монголии возникла новая центральноазиатская империя — Тюркский каганат (551–744).

ПЕРВЫЙ КАГАНАТ

Политическая история и социально-экономический строй первого Тюркского каганата исследованы в названных выше работах, что позволяет лишь вкратце упомянуть здесь об основных этапах развития этого государства. После смерти Бумына (552) и недолгого правления его сына (младшего

брата?) Коло¹⁶ (ум. в 553 г.) престол унаследовал один из сыновей Бумына — Мухань Mwū'n Бугутской надписи (553–572)¹⁷. В годы его правления Тюркский каганат превратился в политического гегемона не только Центральной, но и Средней Азии. В 555 г. были окончательно уничтожены жужане, покорены киданьские племена и кыргызы. В 563–567 гг. было разгромлено Эфталитское государство в Средней Азии¹⁸. К 571 г., после похода тюрков в Иран, граница каганата устанавливается по Амударье.

Несколько позднее, в 576 г., тюркский отряд захватывает Боспор Киммерийский. Муган-каган «привел в трепет все владения, лежащие за границей (Великой стеной. — С. К.). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря (Каспийское море. — С. К.) до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи на север до Северного моря (Байкал. — С. К.) от пяти до шести тысяч ли, — все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником „Срединному царству“»¹⁹. Последнее утверждение не вполне точно — каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась эта зависимость при наследнике Мугана — Таспар-кагане: «Он имел намерение разгромить Срединное государство; но двор (Северное Чжоу) поспешил заключить с ним союз мира и родства и ежегодно давал ему 100 000 кусков шелковых тканей... Дом Ци страшился их набегов и грабительств и также истощал свои казнохранилища для платы им. Тобо (Таспар) в счастии очень превозносился и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика (Северное Чжоу и Северное Ци) были покорны нам — тогда не нужно бояться бедности»²⁰.

К концу 60-х гг. VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, сасанидского Ирана, Китайской империи — и ведет борьбу за контроль на торговом пути из Китая в страны Запада²¹.

¹⁶ Ср.: Liu Mau-tsai. II. S. 493–494. О порядке наследования каганской власти в Тюркском каганате см.: Гумилев. Удельно-лестничная система. С. 11–25.

¹⁷ Ср.: Βούχανος — имя тюркского полководца, упомянутое Менаандром, см.: Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 108. По Томсену и Шедеру, древнетюркское Būmyn есть результат контаминации имен двух каганов — Тумьши (*Tumyn) и Муханя (*Buqan) (Thomsen. Turcica. S. 106; Schaeder. Iranica. S. 36–37).

¹⁸ Girschman. Chionites-Hephthalites; Widengren. Xosrau Anōšurvān. P. 69–94; Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты. С. 131–147; Czeplédy. Bahrām Cōbin. P. 21–43; Enoki. On the nationality of the Ephthalites. P. 1–58; Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd. II; Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. С. 271–278, 321–322.

¹⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 229.

²⁰ Там же. С. 233.

²¹ Пигулевская. Византия на путях в Индию. С. 184–211.

В середине VI в. тюркские племена Центральной Азии, составлявшие военно-политическое ядро каганата, приблизились к тому рубежу общественного развития, когда складывается деление общества на классы, ибо «господство над покоренными несовместимо с родовым строем»²². Путь, при котором «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою прогивоположность»²³, был пройден до конца. Внутри каганата шел подготовленный веками предшествующего развития процесс становления раннефеодальных отношений, сочетавшихся с примитивными военно-рабовладельческими методами эксплуатации покоренных народов и социальной структурой, сохранившей формы, характерные для высшей ступени варварства.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку.

В 581–588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581–618); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом междоусобных распр внутри правящей группировки каганата после смерти Таспар-кагана (581) и страшным голодом в степи — «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости»²⁴. Рост богатства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых общинников, вынесших на своих плечах все тяготы войны и лишившихся средств к существованию вследствие джута 581–583 гг., новая политическая обстановка, не дававшая тюркским каганам возможности искать выход в войне против Китая, — все это привело каганат к острейшему социально-политическому кризису и междоусобным войнам. Период 582–603 гг. завершился распадом каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части, установлением протектората Суйской династии над Восточнотюркским каганатом, изнурительной войной между Западнотюркским и Восточнотюркским каганатами, история которых после 603 г. шла разными путями²⁵.

Кризис Суйской империи (613–618) и гражданская война в Китае, окончившаяся свержением старой династии и объединением государ-

²² *Энгельс*. Происхождение семьи. С. 150.

²³ Там же. С. 164.

²⁴ *Бичурин*. Собрание сведений. Т. 1. С. 236.

²⁵ Чэнь Чжун-мянь датирует распад каганата 600 г. (*Чэнь Чжун-мянь*. Дополнение к «Материалам по истории западных тюрков». С. 106–108); мы принимаем, однако, дату, установленную Г. Е. Грумм-Гржимайло, — 603 г. (*Грумм-Гржимайло*. Западная Монголия. С. 236–237).

ства под властью императоров из дома Тан (618–907), позволили Шиби-кагану (609–619) и его наследникам Чуло-кагану (*Чурын-каган? ср. Кара Джурин Турк у Наршахи, которого С. П. Толстов отождествляет с общетюркским каганом Чуло, умершим в 588 г.)²⁶, правившему не более года (619–620), и Хели-кагану (*Ал-қауап)²⁷, младшему брату Шиби (620–630), возобновить успешные войны с Китаем. Однако уже в 630 г. император Тайцзун (626–649) разгромил в нескольких сражениях тюркские войска и взял в плен Хели-кагана (ум. в 634 г.). С 630 по 682 г. Восточнотюркский каганат не существовал как самостоятельное государство.

ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИИ

После разгрома восточнотюркские племена были расселены на севере Ордоса и Шаньси. Следуя проекту, предложенному начальником главной дворцовой канцелярии Вэнь Янь-бо, Тайцзун превратил своих новых подданных в федератов империи²⁸. Родоплеменное и административное устройство, существовавшее ранее, не изменилось; были приняты меры для привлечения тюркской знати на китайскую службу: «Пятьсот наиболее уважаемых старейшин... были назначены цзянькунями (тюрк. *zāñiñ* «военачальник») и офицерами гвардии; сверх того ста лицам была дарована привилегия принимать участие в дворцовых церемониях; несколько тысяч семей поселены в Чанани как постоянные жители»²⁹. Автор надписи в честь Кюль-тегина с осуждением отмечает: «Тюркские беги сложили (с себя) свои тюркские имена (т. е. титулы) и, приняв титулы табгачских бегов, подчинились кагану народа табгач» (КТБ, 7)³⁰.

Верховная власть над племенами была сохранена за представителями рода Ашина, но после попытки «малого кагана» Чеби (Чабыш-кагана) добиться независимости (650) контроль над покорившимися племенами был усилен³¹. В 664 г. имперские власти осуществили новую административную реформу: все земли к северу от Гоби вошли в состав Ханьхайского наместничества, а территории, занятые восточными тюрками, — в Юньчжунское (позднее — Шаньюево) наместничество, которые возглав-

²⁶ *Толстов*. Древний Хорезм. С. 252; ср.: *Frye*. History of Bukhara. P. 7, 107; *Marquart*. Wehrot und Arang. S. 147.

²⁷ *Pelliot*. Neuf notes. P. 210; ср.: *Hamilton*. Ouïghours. P. 97–139.

²⁸ *Liu Mau-tsai*. I. S. 149–151, 199–201.

²⁹ *Ibid*. S. 201; ср.: *Wieger*. Textes historiques. Vol. III. P. 1564.

³⁰ О термине *tabgač* «Китай, китайцы» см. ниже.

³¹ *Грумм-Гржимайло*. Западная Монголия. С. 277.

лялись высшими китайскими чиновниками. Шаньюево наместничество было разделено на три области и 24 округа. Лишь в округах власть осуществляли тюркские старейшины, но и они находились под неусыпным надзором имперских комиссаров³².

Для основной массы тюрков, принудительно поселенных в строго ограниченных районах, условия существования были трудными. В представлении автора текста памятника Кюль-тегину, «народу табгач стали они (тюрки) рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством» (КТб, 7). Наиболее тяжелой повинностью, которую неоднократно отмечают тексты памятников Бильге-кагану и Кюль-тегину, была «дань кровью» — обязанность участвовать в войнах империи. Тюркские отряды по приказу императора сражались в Монголии и Ганьсу, в Западном крае и на Ляодуне. «Пятьдесят лет отдавали они (кагану народа табгач) труды и силы. Вперед (в страну) солнечного восхода они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана³³, назад (т. е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга и отдали кагану народа табгач свой эль³⁴ и власть (над собой)» (КТб, 8). «То ходил ты (тюркский народ) вперед (т. е. на восток), то ты ходил назад (т. е. на запад), и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там) как вода, твои кости лежали (там) как горы; твое крепкое муж-

³² Liu Mau-tsai. I. S. 156, 208.

³³ Bökli рунических текстов — северокорейское государство Когурё (кит. Гаоли, греч. Μουκρί, санскр. Mukuri) (Bagchi. Deux lexiques. P. 348; Henning. Farewell to the khagan. P. 501; Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 193). Само слово bökli является передачей титула (части титула, включающей этническое наименование?) правителя этой страны, транскрибированного в китайских текстах как *молчэжи* (Чэнь Чжун-лянь. Собрание исторических сведений о тюрках. Т. II. С. 892–893). Этот вывод недавно был вновь подтвержден свидетельством тибетского документа конца VIII — начала IX в., изданного Ж. Бако; документ, составленный в начале VIII в. на уйгурском языке, а затем переведенный на тибетский, содержит свособразный обзор этнополитической географии Центральной Азии. На крайнем востоке ойкумены, намеченной авторами документа, упомянута страна, которую на языке *dru-gu* (тюрков) называют *mug-lig*, а по-китайски — *ke'u-li* (Bacot. Reconnaissance. P. 9). Тожество *mug-lig* = bökli сомнений не вызывает; таким образом, текст прямо указывает, что *Mug-lig*, Bökli и *Ke'u-li* (Гаоли) — одна и та же страна (Clauson. A propos du manuscrit Pelliot. P. 19–20. Ср.: Потапов. Новые материалы. С. 1–7, где сформулирована иная точка зрения).

³⁴ Термин *äl* (*il*) переводится С. Е. Маловым вслед за П. М. Мелиоранским как «племенной союз». Перевод *äl* как «государство» был бы, по нашему мнению, более адекватен содержанию этого понятия в «царских» рунических текстах Монголии (ср.: Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. С. 102, 136–143; Толстов. Древний Хорезм. С. 259; Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 503–505). В других древних и средневековых тюркских памятниках этот термин употребляется в значении «племя», «племенной союз», реже — «народ» (Копонов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази. С. 80).

ское потомство стало рабами» (КТб, 23, 24). Вместе с тем невозможность развития скотоводческого хозяйства на сравнительно небольшой территории, в окружении китайских военных поселений и в условиях постоянных войн делала положение тюркских племен трагическим, и предостережение Бильге-кагана — «О тюркский народ, когда ты идешь в ту страну (Северный Китай), ты становишься на краю гибели!» (КТм, 8) — находит историческое оправдание.

Реформа 664 г. усилила зависимость тюркской знати от китайских провинциальных властей. Тюркские беги были совершенно бесправны не только перед наместником — сыном императора, но и перед «правителями дел» в округах³⁵. Младшие представители аристократических родов, направлявшиеся в столицу для службы во дворце, были, по существу, заложниками³⁶.

Всеобщее недовольство существующим положением предопределяло неизбежность восстания тюркских племен, сохранивших свою военную организацию. Цели и лозунги этого восстания запечатлены в рунических памятниках из Кошо-Цайдама: «(8) Весь тюркский народ так (9) сказал: Я был народом, имеющим свое государство, где теперь мое государство? Для кого я добываю (завоевываю) государства? — (так) они говорили: Я был народом, имеющим (своего) кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы? — так они говорили и, так говоря, стали врагами табгачскому кагану» (КТб, 8, 9).

В последние годы правления Гаоцзуна (650–683) все внимание императорского окружения поглощала резко обострившаяся борьба за влияние на государственные дела, которую вели враждовавшие группировки высшей бюрократии и крупных землевладельцев³⁷. Войны в Индии, Непале и Тибете отвлекали на запад и юг основные силы армии³⁸. Особенно тяжелой была возобновившаяся в 676 г. война с тибетцами; в 679 г. в битве у оз. Куку-нор был полностью разгромлен 180-тысячный корпус Ли Цзин-сюаня³⁹. Понадобилось напряжение всех сил, чтобы не дать тибетцам развить успех. По свидетельству тибетской летописи «Светлое зеркало царских родословных», вступивший в тот год на престол Дюсонг (Дудсрон) (679–703) «из прежних царей Тибета, которые когда-либо появлялись, был самым могущественным»⁴⁰.

³⁵ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 265, 267.

³⁶ Кюнер. Китайские известия. С. 188; Liu Mau-tsai. I. S. 308–309.

³⁷ Шан Юэ. Очерки истории Китая. С. 200.

³⁸ Franke. Geschichte. Bd. II. S. 419.

³⁹ Бичурин. История Тибета и Хухунора. Ч. I. С. 142.

⁴⁰ Кузнецов. Тибетская летопись. С. 24.

ВОССТАНИЕ В ШАНЬЮЕВОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ

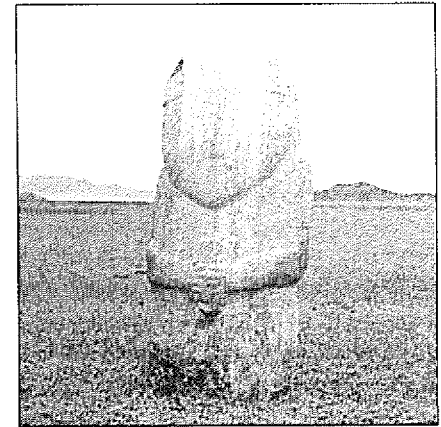
Положение, создавшееся на северной границе, не внушало опасений императорскому правительству: «Тридцать лет в северных странах не слышали военного шума»⁴¹. Поэтому восстание, разразившееся в Шаньюевом наместничестве в тяжелый для империи 679 оказалось неожиданным. Инициатором восстания был глава знатного тюркского рода Ашидэ⁴², но, судя по согласованности действий с 24 тюркскими старейшинами — правителями округов, восстание не было стихийным, а явилось результатом заговора; об этом же свидетельствует и удачно выбранный момент для выступления⁴³. Восставшие провозгласили каганом князя из рода Ашина — Нишуфу. Не предполагая встретить серьезного сопротивления, войска трех пограничных округов двинулись в Юньчжун для подавления бунта. Разгром карательного корпуса был внезапным и полным: «Неприятеля неожиданно напали и нанесли большое поражение. До десяти тысяч потеряно убитыми и взятыми в плен»⁴⁴. Завершение в 679 г. кампании в Семиречье позволило направить в Шофан корпус закаленных в походах войск Пэй Син-цзяня. В 680 г. Нишуфу потерпел поражение у гор Хэйшань и был убит своими приближенными. Эта неудача не была еще полным разгромом — на втором этапе восстание возглавил Ашина Фунянь, провозглашенный каганом. Повстанцы одержали несколько побед, но раздоры в их лагере и явное превосходство китайских войск заставили Фуняня отступить в Гоби, где он был настигнут, схвачен и казнен вместе с другими вождями на одной из площадей Чанани (681)⁴⁵. Казальное поражение было полным и окончательным. Дальнейшая борьба представлялась безнадежной, а подчинение китайской администрации — невыносимым.

Стремясь подчеркнуть опасность создавшегося положения и оттенить последующий успех, связанный с действиями Кутлуга, его сын, Бильге-каган, так освещает события тех лет: «Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (тюркский народ) опять подчинился государству Табгач. При этих обстоятельствах, не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ говорил: лучше погубим (сами себя) и искореним. И они начали идти к гибели» (КТБ, 10). Несколько иначе рассказано об этих событиях в надписи Тонь-

юкука, принадлежавшего к знатному роду Ашидэ. Этот род фактически руководил восстанием. Поэтому Тоньюкук ищет причину поражения в том, что тюркский народ не последовал до конца за каганами, выдвинутыми старейшинами Ашидэ: «(2) Тюркский народ, не будучи со своим каганом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего кагана; оставив своего кагана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я дало (тебе) кагана, (3) ты, оставив своего кагана, подчинился другим. Из-за этого подчинения Небо, — можно думать, — (тебя) поразило (умертило). Тюркский народ ослабел (умер), обессилел, сошел на нет» (Тон., 2–3).

После разгрома повстанческой армии один из ее вождей, дальний родич Хели-кагана тудун Кутлуг-чор (Гудулу тутунь-чжо), «с семнадцатью мужами» (КТБ, 11) бежал в горы Цзун-цай (Чугай йыш, совр. Иньшань) (КТБ, 6)⁴⁶. Вскоре Кутлуг овладел Хэйшаченом («городом Черных песков»), одним из оазисов в степи к северу от Иньшаня, также называвшимся Хэйша («черные пески», Кара-кум древнетюркских текстов). «Мы избрали местожительством Чугай-куз и Кара-кум, мы жили (там), питаясь оленями и питаясь зайцами. Горло народа было сыто. Враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были (для них) падалью» (Тон., 7–8).

Отряд Кутлуга быстро рос, и, чтобы присоединиться к нему, «жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились» (КТБ, 12)⁴⁷. Вероятно, в это время Кутлуг принял титул *шад* (Тон., 5); он располагал уже боеспособным отрядом в 700 воинов (КТБ, 12; Тон., 4). По китайским сведениям, вокруг Кутлуга собралось 5 тыс. человек; возможно, китайские информаторы включили в это число не только воинов, но и их семьи, также бежавшие в «город Черных песков». Следует, впрочем, оговорить возможную условность цифр, приводимых в орхонских надписях. Горстка всадников, сумевших в 681 г. оторваться от преследовавших их

Древнетюркское изваяние в Баян-Ульгийском аймаке. VIII–IX вв. Монголия

⁴¹ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 265.

⁴² Род Ашидэ, согласно сообщениям китайских источников, был боковой ветвью каганского рода и вторым по знатности после рода Ашина (Pulleyblank. Sogdian colony. P. 332).

⁴³ Liu Mau-tsai. I. S. 157, 247.

⁴⁴ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 265.

⁴⁵ Liu Mau-tsai. I. S. 157, 210–212.

⁴⁶ Liu Mau-tsai. I. S. 158, 212; о дате восстания см.: ibid. II. S. 590, Anm. 825; идентификацию гор Цзунцай см.: Hirth. Nachwort. S. 31; Gabain. Steppe und Stadt. S. 33–34.

⁴⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 162, 211–212; II. S. 602; ср.: Бартольд. Новые исследования. С. 235; Czeglédy. Čojay-quzi, Qara-qum, Kök-Öng. P. 55–70.

Древнетюркское изваяние. VIII в.
Их-Тамир-сомон, Архангайский аймак.
Монголия

Вчерашние кочевники готовы были воспользоваться любой возможностью, чтобы вернуться к прежней жизни, но для этого надо было завоевать политическую независимость, добыть достаточное для кочевого хозяйства количество скота⁵⁰, отбить у токуз-огузов (теле) свои прежние кочевья. Столь же бедны были горцы Иньшаня, «спустившиеся» к Кутлугу.

солдат Пэй Син-цзяня, стала ядром новой повстанческой армии. Отряд Кутлуга состоял не только из профессиональных воинов — дружинников степного князя, его гвардии, которая у тюркских каганов носила название *бёри*, «волки» (кит. *фули*)⁴⁸. Вместе с уцелевшими воинами армии Фуняня к нему стекались «жители городов» (*балыкдакы*) — тюркская беднота, «ятуки», потерявшие свой скот в результате войн, эпизоотии, джута и вынужденные селиться, как это предусматривал проект Вэнь Яньбо, в поселках пограничных оазисов, обнесенных глинобитными стенами (тюрк. *балык*, кит. *чэн*). Жители этих тюркских поселений, как и аналогичных им по типу китайских военно-земледельческих колоний вдоль Великой стены, существовали за счет обработки небольших участков земли в засушливой степи; они были обязаны нести пограничную службу и почти бесконтрольно управлялись местной китайской администрацией. Их уделом были изнурительный труд, полуголодное существование и полное бесправие⁴⁹.

⁴⁸ Liu Mau-tsai. I. S. 9.

⁴⁹ Историко-социальную характеристику ятуков (балыкдакы) см.: Толстов. Города гурзов. С. 71–75, 100–101.

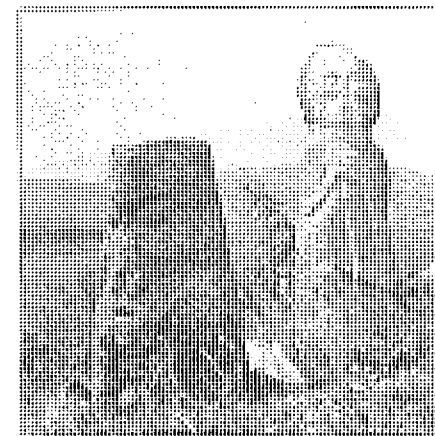
⁵⁰ О количестве скота, необходимого для обеспечения нужд скотоводческой семьи, см.: Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства. С. 5–6.

гу. Не все из них имели коней — одна треть отряда Кутлуга состояла из пехотинцев (Тон., 4). Для степной войны такой отряд был явно непригоден. Выжидать лучших обстоятельств Кутлуг не имел возможности — долго кормиться «коленями и зайцами» могли семнадцать, но не пять тысяч человек. Поэтому первым предприятием Кутлуга был налет на кочевья токуз-огузов: «Он (Кутлуг) напал на девять племен и угнал множество овец и лошадей». Лишь после этого Кутлуг «стал сильным»⁵¹. Начался новый, третий этап всеобщего восстания тюркских племен.

Китайские пограничные власти после разгрома Нишуфу и Фуняня первоначально не были слишком обеспокоены существованием кучки беглецов, обосновавшихся на северных склонах Иньшаня. Правитель дел в Шаньюевом наместничестве Ван Бэньли решил все же принять некоторые меры. Незадолго до того он приказал арестовать одного из влиятельнейших вождей мятежного рода Ашидэ — Юаньчжэня.

Юаньчжэнь принадлежал к младшему поколению тюркской аристократии, которое, приняв вслед за своими отцами китайские имена, получило образование в столице империи. О характере этого образования дают представление сведения, содержащиеся в биографии инспектора Сэ Дэна: «В столице жили в качестве заложников много сыновей варваров всех четырех стран света. Среди прочих были Лунь Цанлин (тибетский военачальник), Ашидэ Юаньчжэнь и Сунь Ваньюн (киданьский военачальник). Во время пребывания при дворе они все изучили китайские законы и установления, а когда они вернулись назад (на свою родину. — С. К.), то нанесли ущерб нашей пограничной области»⁵².

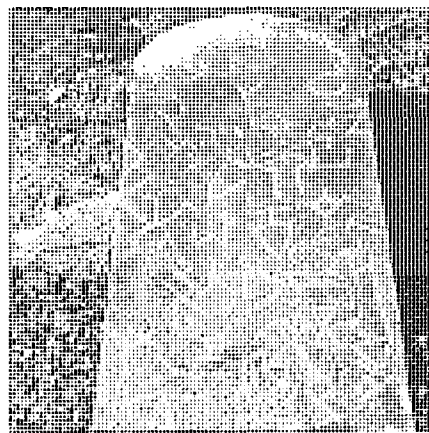
Сэ Дэн, вскоре после того, как он был назначен инспектором (691), выступил против обучения «варваров» в столице, отмечая, что не следует заниматься военной подготовкой будущих врагов: «Тюркн, тибетцы и кидани во время их пребывания в столице (в качестве заложников) до

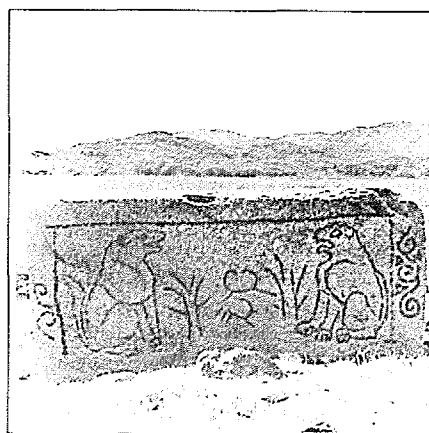
Тюркское изваяние (VIII в.) и каменные головы эпохи бронзы (II тыс. до н. э.) из урочища Нарийнт. Хурумты, Булганский аймак. Монголия

⁵¹ Liu Mau-tsai. I. S. 212–213.

⁵² Ibid. S. 308–309.

Шивет Улан. Плита с тамгами тюркских вождей-участников похорон Ильтерес-кагана. Кон. VII в. Монголия

Тюркский «саркофаг» в урочище Шатар-Чулу. Нач. VIII в. Баянхонгорский аймак. Монголия

сих пор находятся в привилегированном положении. Они занимают военные должности и проходят через врата императорской школы (т. е. получают образование во дворце. — С. К.). Они сбрасывают с себя шерстяные одежды и выучивают китайский язык. Они изучают наши победы и поражения по картам и историческим трудам и узнают о трудно или легко проходимых местах в горах и на реках. Хотя наше государство славится тем, что цивилизует варваров, но сыновья волков неблагодарны, впоследствии они постараются причинить нам вред»⁵³.

Завоевав доверие при дворе, Юаньчжень получил назначение на ответственный пост в Шаньюевом наместничестве, где ему поручили надзор за покорившимися племенами. Неясно, какую роль Юаньчжень сыграл во время восстания Нишуфу и Фуняня, но в 681 г. он сидел в китайской тюрьме. Его авторитетом и решил воспользоваться Ван Бэнь-ли — правитель послал его к повстанцам Иньшаня, чтобы уговорить их «искупить вину». Но, достигнув Хэйшачена, Юаньчжень присоединился к Кутлугу. «Кутлуг был очень обрадован, что он (Юаньчжень) перешел на его сторону, назначил его абадаганем (тюрк. *apatarqan*, «главнокомандующий») и передал в его полное ведение все военные дела»⁵⁴. Руководство, как и на первых этапах восстания, было вновь поделено между Ашина и Ашидэ. Понятна радость Кутлуга — род Ашидэ был наиболее влиятельным в Юньчжуне и за Юаньчженем стояли 24 округа, населен-

⁵³ Liu Mau-tsai. I. S. 309.

⁵⁴ Ibid. S. 159, 213.

Погребальный комплекс Шатар-Чулу. VIII в. Долина р. Туйна-гол, Баян хонгорский аймак. Монголия

ных тюркскими племенами. На родовых землях Ашидэ в нынешнем Баянхонгорском аймаке Монголии обнаружен крупный погребальный комплекс одного из знатных вождей этого рода Шатар-Чулу (монг. «Шахматный камень»).

После присоединения к Кутлугу Юаньчжень принял тюркское имя — Тоньюкук. Гипотеза о тождестве Юаньчжэня и Тоньюкука, основанная на тщательном изучении китайских источников, была выдвинута Ф. Хиртом и принята всеми позднейшими исследователями⁵⁵. С критикой ги-

⁵⁵ Hirth. Nachworte. S. 7–20; Бартольд. Новые исследования. С. 234; Thomsen. Altürkische Inschriften. S. 174; Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 295; Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. С. 41; Gabain. Steppe und Stadt. S. 33–34.

потезы Хирта выступил Лю Мао-цзай, отметивший некоторые ее слабости: а) по Тан шу, Юаньчжень был убит во время похода на тюргешей, около 690 г. Утверждение Хирта об ошибке источника не аргументировано; б) по китайским источникам, Юаньчжень был главнокомандующим армии Кутлуга. Между тем Тоньюкук во времена наследника Кутлуга — Капаган-кагана был одним из многих мелких чиновников, названных в «Тан шу» китайским термином *ягуань*⁵⁶; в) непонятно, почему одно и то же лицо названо в источниках в одних случаях китайским именем Юаньчжень, а в других — тюркским именем Тоньюкук; г) наконец, дополнительная идентификация Ашидэ Юаньчжэня с Ашидэ Дунишу совершенно неоправдана⁵⁷.

Лишь с последним из возражений Лю Мао-цзая можно согласиться, но эта дополнительная идентификация не имеет прямого отношения к гипотезе Хирта. Три остальных довода нельзя признать решающими. Юаньчжень не был убит в 690 г., так как в 698 г. он был участником переговоров Капаган-кагана с китайским посольством Тянь Гуй-дао. Когда, разгневанный неуступчивостью императрицы У, Капаган приказал арестовать и казнить посла, абадагань (апатаркан) Ашидэ Юаньчжень сказал: «Не должно убивать посла столь великой державы». Вмешательство Юаньчжэня спасло послу жизнь⁵⁸. Сведения об участии Юаньчжэня в переговорах 698 г. содержатся в историческом труде Сыма Гуана «Цзычжи тунцзян» (1066–1085). Поскольку наряду с текстами династийных историй Сыма Гуан по особому разрешению императора использовал для своей работы документы из дворцовой библиотеки, его сведения зачастую более полны и точны, чем сведения обеих версий «Тан шу»⁵⁹. Сведения об участниках переговоров 698 г. могли быть извлечены только из протокольного отчета посольства Тянь Гуй-дао и безусловно заслуживают доверия. Тем самым снимается основное возражение против гипотезы Хирта — неточное сообщение «Тан шу» о гибели Юаньчжэня в битве с тюргешами.

Неверно и второе соображение Лю Мао-цзая — при Капагане Тоньюкук был не одним из многих мелких чиновников, а руководителем военных предприятий тюрков во время западных походов. Однако верно, что после смерти Кутлуга Тоньюкук не располагал больше такой властью и

не пользовался таким влиянием, как ранее. Капаган предпочитал сам командовать войсками.

Лишь через некоторое время после смерти Капагана Тоньюкук, пользовавшийся огромным влиянием в среде тюркских племен каганата, был вновь поставлен во главе управления и его тюркское имя впервые появилось на страницах китайских анналов.

Третье возражение Лю Мао-цзая также не может быть принято. Рунические надписи отмечают, что, когда тюркские беги подчинились Китаю, они приняли китайские имена и титулы; когда же каганат возродился, они вновь сменили имена. Авторы «Тан шу» знали лишь китайское имя Юаньчжэня; его тюркское имя, которое он принял после перехода на сторону Кутлуга, долгое время не было им известно. Наверное, сообщение о гибели Юаньчжэня не позволило отождествить его с Тоньюкуком, первые китайские сведения о котором относятся к 716 г. Не надо забывать, что в этом случае китайский историограф не располагал аутентичными документами, и, как бы ни были полны сведения императорской историографической комиссии о политических руководителях каганата, они все же далеко не исчерпывающие; поэтому вряд ли здесь может служить доказательством *argumentum ex silentio*.

Есть и прямое указание на то, что Юаньчжень и Тоньюкук — одно лицо. Турецкий филолог Али Эльве отметил двусоставный характер имени *Tonjuquq*, в котором первая часть — *ton* — хорошо известно в тюркских языках слово со значением «первый, первенец»; ср. у Махмуда Кашгарского: «первый ребенок-мальчик — *ton oyl*, первый ребенок-девочка — *ton kyz*»⁶⁰, алтайская параллель: *тун пала* — «первенец»⁶¹. Вторая часть слова — имя прилагательное от глагола *joq-*. Эльве предположил, что имя *Tonjuquq* означает «первый вельможа»⁶².

Однако возможно более точное определение значения имени. Следует оговорить, что, если бы имя *Тоньюкук* было известно лишь в написании *тойиуик* (Тон., 1), через *й*, гипотеза Эльве была бы ослаблена. Но то же имя зарегистрировано еще в двух памятниках (БК, Ха 14; КЧ, 1) в другом написании: *tonjuquq* — через группу *nj*. Тем самым снижаются палеографические возражения против гипотез Эльве.

Двусоставный характер имени подтверждается материалами древнетюркской и древнеуйгурской ономастики — среди тюркской и уйгурской аристократии VII–IX вв. имена с *ton* были распространены. Так, имя *Тун* (Тон)-*ябгу*, согласно китайским источникам, встречается среди имен за-

⁵⁶ По де Ротуру, *ya-kuan* «assesseur au tribunal» (*Rotours. Traité des examens*. P. 729). Возможно, здесь имеется в виду тюркский титул *tarqan* (кит. *ta-kuan*), который носили большинство должностных лиц у тюрков.

⁵⁷ *Liu Mau-tsai*. II. S. 594–597.

⁵⁸ *Ibid.* I. S. 316–317. Лю Мао-цзай никак не комментирует свой перевод этого сообщения.

⁵⁹ Флуг. История китайской печатной книги. С. 233. Лю Мао-цзай отмечает, что благодаря широкому кругу источников, использованных Сыма Гуаном в главах о тюрках, в его труде содержатся интересные подробности, нигде более не сохранившиеся (*Liu Mau-tsai*. I. S. 481).

⁶⁰ МК, III, 137.

⁶¹ Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. С. 1162.

⁶² *Elève*. *Bir yazi meselesi*. S. 70.

паднотюркских каганов⁶³; это же имя было записано тибетским алфавитным письмом как *Тон уаб-го*⁶⁴. В «Махрнамаг» — пехлевийском тексте IX в. из Восточного Туркестана — содержится список уйгурских князей, один из которых носил имя *Тон тархан*⁶⁵.

Имя *Юаньчжэнь* также двусоставное⁶⁶. Его первая часть — *юань* «первенец, первородный» — имеет то же значение, что и тюркское *ton*. Вторая часть — *чжэнь* «драгоценность, сокровище» — по значению буквально совпадает с тюркским *jogiq* (*jog-* «ценить, хранить, возвышать»)⁶⁷. Таким образом, можно констатировать, что имена *Тоньюкук* и *Юаньчжэнь* семантически эквивалентны. До перехода на сторону Кутлуга Тоньюкук носил китайское имя, как и другие подчинившиеся империи тюркские вожди.

Судьбу восстания Кутлуга мог решить только переход на сторону повстанцев основной массы тюркских племен в Юньчжуне. Присоединение Ашидэ Юаньчжэня к повстанцам было крупным успехом Кутлуга, но успехом, который требовал немедленного развития. По инициативе Тоньюкука Кутлуг провозгласил себя Ильтериш-каганом (Тон., 5–8). Тоньюкук получил титул *бойла бага таркана*⁶⁸, младшие братья Кутлуга Мочжо и Дусифу — титулы *шада* и *ябгу*⁶⁹. Тем самым было провозглашено возрождение «эля тюркского народа»: «Он (Ильтериш-каган) привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль и своего кагана, народ, сделавшийся рабнями и сделавшийся рабами (у табгачей), упразднивший свои тюркские установления, (этот-то народ) он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков; тогда же он дал устройство народам тэлис и тардуш и назначил тогда ябгу и шада» (КТб, 13–14). Тюркские племена, остававшиеся в Китае, были поставлены перед выбором между «своим собственным каганом» и «каганом народа табгач».

⁶³ Chavannes. Documents. P. 3–4, 14, 24–28, 52–55.

⁶⁴ Bacot, Thomas, Toussaint. Documents de Touen-Houang. P. 38–39.

⁶⁵ Müller. Mahmâmag. S. 10. Z. 60.

⁶⁶ Ошанин. Китайско-русский словарь. С. 403, 692. Мы пользовались также консультациями проф. В. С. Колоколова и Л. Н. Меньшикова.

⁶⁷ Малов. Памятники. С. 389.

⁶⁸ О титуле *boila* существует обширная литература (Menges. Problemata etymologica. S. 130–140). Титул *tarqan*, по предположению Э. Пуллибланка, впервые зарегистрирован у гуинов в ханьскую эпоху в китайской транскрипции (*шаньюй*) (Pulleyblank. Consonantal system. Pt. 2. P. 256–257).

⁶⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 213.

ВОЙНА НА ГРАНИЦЕ

В 682 г. отряды Ильтериша и Тоньюкука вторглись в Шаньюево наместничество. Они разгромили центры четырех округов, убили императорских префектов и осадили ставку правителя. В следующие годы (683–687) война в Шаньси достигла еще большего ожесточения. Против Ильтериша выступили значительные контингенты пограничных войск, командование которых стремилось перенести поле сражения к Иньшаньским горам — опоре повстанцев. Однако в 686 г. эта армия потерпела жестокое поражение под Синьчжоу, в самом центре Шаньюева наместничества. Уже одно то, что Ильтериш решил принять открытый бой с регулярными войсками и одержал победу над ними (китайские потери достигли 5 тыс. убитыми), указывает на изменившуюся численность повстанческой армии⁷⁰. Ильтериш-каган получил признание и военную поддержку тюркских племен Юньчжуна.

Положение на северной границе кардинально изменилось. Китайское командование после смерти наиболее опытных танских полководцев, в совершенстве освоивших тактику степной войны, — Пэй Син-цзяня (682) и Сэ Жень-гуя (683)⁷¹, ограничивалось лишь оборонительными мерами, неэффективность которых была очевидна. В апреле 687 г. тюрки достигли Гуйчжоу — к северо-западу от современного Пекина. В столице решились на крайние меры — с западной границы на север были переброшены отборные войска полководца Чан-чжи, незадолго до того одержавшего несколько блистательных побед над тибетской конницей⁷².

Осенью 687 г. в сражении при Хуанхуадуй Чан-чжи нанес серьезное поражение Ильтериш-кагану. Тюркские отряды отступили в Гоби. Их преследовал корпус Цуань Бао-би. Решив, что разбить отступающего врага будет нетрудно, китайский военачальник, выслав вперед разведку, выступил за Великую стену. Тюрки приняли бой: «...неприятель имел время построить войска в боевой порядок. Китайцы отчаянно дрались, но были совершенно разбиты. Бао-би обратно бежал, а корпус весь погиб»⁷³. Несмотря на предшествующее поражение, Ильтериш сохранил силы, способные успешно противостоять крупным соединениям китайских войск.

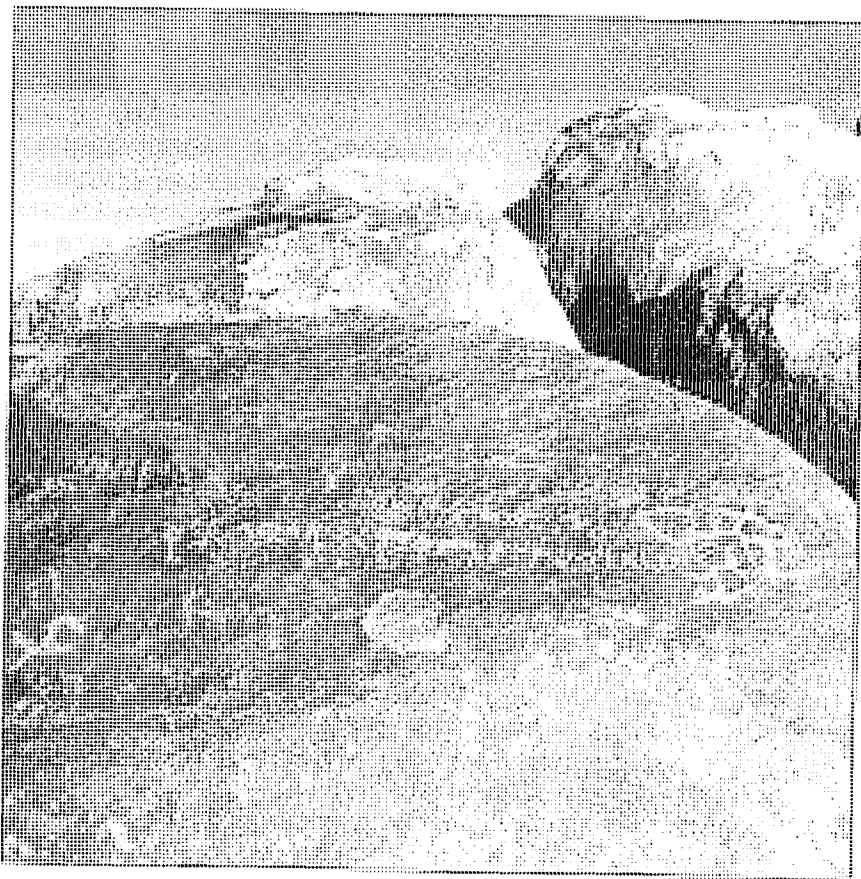
После 687 г. война на границе прекращается почти на шесть лет. Ильтериш-каган достиг своей цели — под его знаменами были не 700 всад-

⁷⁰ Liu Mau-tsai. I. S. 213.С

⁷¹ Биографию обоих полководцев см.: Liu Mau-tsai. I. S. 297–299, 305–307; Cordier. Histoire. Vol. I. P. 439–440.

⁷² Liu Mau-tsai. I. S. 268–269; Бичурин. История Тибета и Хухунора. Ч. I. С. 142, 144, 145.

⁷³ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 267–268; Liu Mau-tsai. I. S. 214.

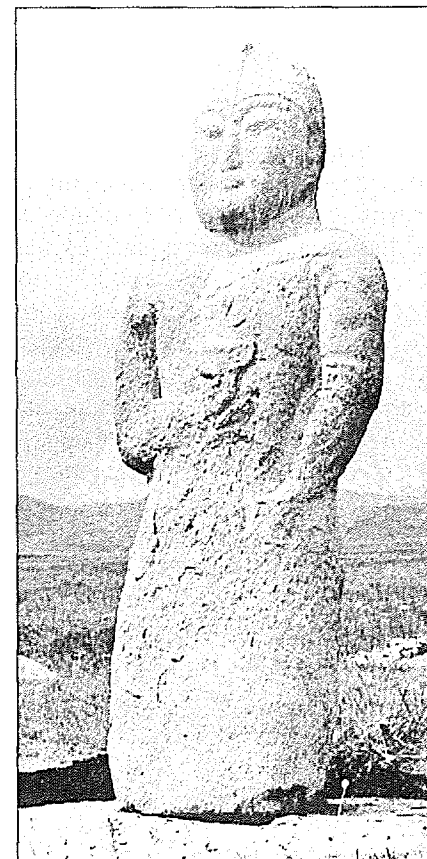
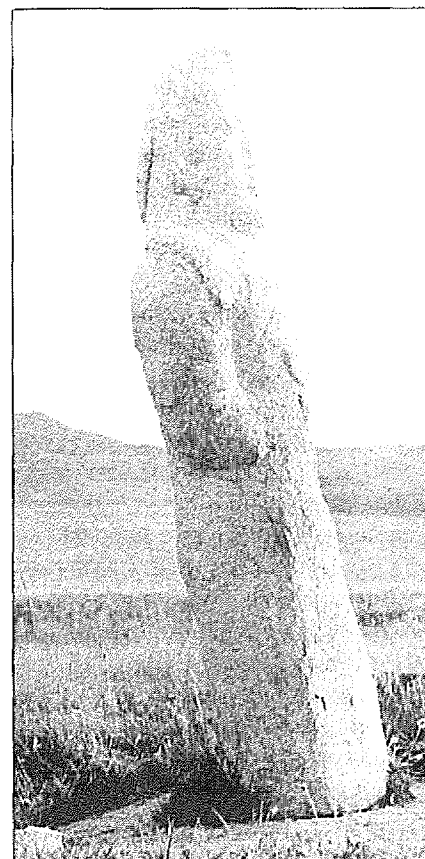

Рунические надписи на скале. VIII в. Кобдоский аймак, Монголия

ников, а боеспособная конная армия, ополчение тюркских племен, покинувших Шаньюево наместничество. Лишь тюркские племена Шофана (Ордос) продолжали оставаться под китайским контролем⁷⁴. Все же военно-политическая обстановка была неблагоприятной.

Дальнейшая война в Юньжуне, разграбленном и разоренном за пять предшествующих лет, не сулила ни выгод, ни успеха, а непосредственная близость армии Чан-чжи к ставке в Хэйшачене становилась угрожающей. Но главной опасностью была антитюркская коалиция центральноазиатских племен, занимавших старые тюркские кочевья.

⁷⁴ Liu Mau-tsai. II. S. 599.

Статуя из погребального княжеского комплекса озера Худу-нур. VIII в. Архангайский аймак, Монголия

ОТЮКЕНСКАЯ ЧЕРНЬ

Дальнейшие события почти не получили отражения в китайских источниках, но ярко изображены в мемориальных надписях сыновей и соратников Ильтериша. «Справа (т. е. на юге) народ табгач был врагом, слева (т. е. на севере) народ токуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был врагом, киргизы, курыканы, отуз-татары, кидани и татабы — все были врагами» (КТБ, 14). Армия тюркских повстанцев на Иньшане оказалась в окружении. Баз-каган, более других опасавшийся возросшей мощи тюрков, направил своих послов Куны-сенгуна и Тонгра Сёма к китайцам и

киданиям для организации совместного наступления с севера, востока и юга против Ильтериша. Однако тайна переговоров не была соблюдена — Ильтериш и Тоньюкук располагали хорошей разведкой (Тон., 9–10).

Узнав о готовящемся военном союзе, Тоньюкук обратился к кагану с предложением напасть первыми, разбить токуз-огузов, а затем и других врагов, прежде чем они успеют согласовать свои действия: «(15) Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу. Он сказал: Ты по своей воле заставь следовать войско. Пройдя реку Кёк Онг, провел (заставил следовать войско) к лесу Отюкен. По реке Тогле (Толе) пришли огузы с рогатым, вычным скотом, (16) войска их было шесть (три?) тысяч, нас было две тысячи. Мы сразились. Небо оказало (нам) милость, и мы рассеяли (их): они упали в реку. На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли. После этого огузы все вместе пришли (т. е. подчинились нам). (17) Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкен и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы» (Тон., 10–17)⁷⁵.

Поскольку последнее сообщение китайских источников о пребывании тюрков на южной стороне Гоби относится к 687 г., а Ильтериш, при жизни которого была занята Отюкенская чернь, умер в ноябре 691 г.⁷⁶, битва с огузами на р. Толе произошла между 687 и 691 гг., скорее всего — в 688 или 689 г. Именно в 689 г. отряд Мочжо, предупреждая возможную помощь китайских войск своим союзникам, нападает на военный округ Цинпин⁷⁷. Вслед за тем в 689–690 гг. Юаньчжень (Тоньюкук) совершает короткий поход на запад, за Монгольский Алтай, против тюрков «десяти стрел», но столкновение с тюргешами было, вероятно, не вполне удачным для него⁷⁸.

Армия тюркских повстанцев, разгромившая и подчинившая господствовавших в Северной Монголии токуз-огузов, превратилась в ядро нового государства, центром которого стала Отюкенская чернь (*Ötüken jyš*,

⁷⁵ Более краткое изложение войны с токуз-огузами содержится в Онгинской надписи (Clauson. The Ongin inscription. P. 188–189).

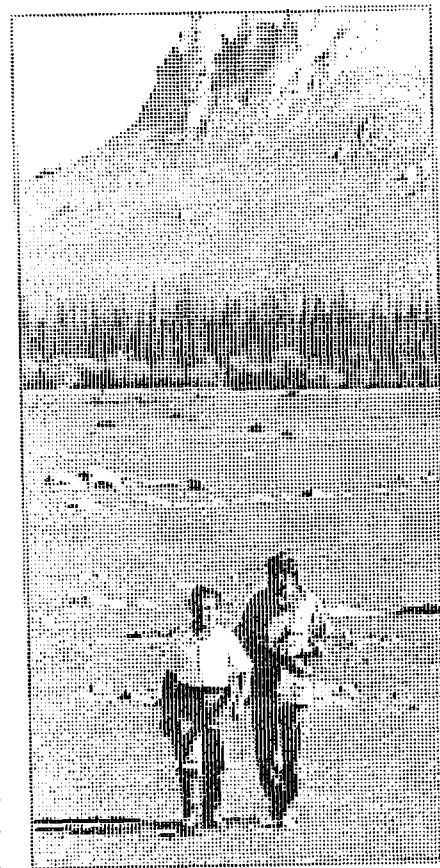
⁷⁶ Эта дата установлена П. Пельо, сверившим показания китайских источников (Pelliot. Neuf notes. P. 206–207). Обычно указывается, что Кутлуг умер в 693 г., а это неверно. Ошибочна также и дата, взятая из Онгинской надписи (год Дракона = 692 г.) (Gabain. Steppe und Stadt. S. 39; Liu Mau-tsai. II. S. 597), так как эта надпись не является мемориальным памятником Ильтериша (Clauson. The Ongin inscription. P. 179, 185).

⁷⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 30.

⁷⁸ Ibid. I. S. 214; ср.: Chavannes. Documents. P. 281. Первое столкновение восточных тюрков с «десятистрельным войском» относится, возможно, к 685 г. (Liu Mau-tsai. I. S. 359).

совр. Хангай)⁷⁹. Стратегическое положение этого района было исключительно выгодным. От линии китайских пограничных укреплений он был отделен пустыней, труднопроходимой для китайской пехоты, но легко преодолеваемой тюркской конницей в осенние и зимние месяцы — обычное время набегов на сельскохозяйственные районы. Непосредственная близость к территориям азов, чиков, кыргызов, киданей, татабы, не обладавших столь же сильным и хорошо организованным войском, как тюрки, ставила под контроль «кагана Отюкенской черни» не только всю Монголию, но и прилегающие области Южной Сибири и Юго-Западной Маньчжурии. «Обильные травой и водой» пастбища Орхона, Толы и Селенги благоприятствовали развитию скотоводческого хозяйства. Поэтому Тоньюкук в числе своих заслуг называет и ту, что именно он, «мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен» (Тон., 17), а Бильге-каган, обращаясь к «народу тюрков», поучает его: «Когда ты, находясь в Отюкенской стране, лишь посылаешь караваны (за подарками, т. е. за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, создавая свой вечный эль, и ты, тюркский народ, сыт» (КТм, 8).

Десятилетнее восстание непокорных федератов Танской империи, в ходе которого тюрки не только добились независимости, но и восстано-

В долине р. Идэр. С. Г. Кляшторный и В. Е. Войтов. 1975 г.

⁷⁹ Сводку мнений о местоположении Отюкенской черни составил Л. П. Потапов (Потапов. Новые данные. С. 106–111). По общепринятому мнению, основанному на сведениях рунических текстов и китайских источников, Отюкенская чернь — это один из лесистых горных узлов Восточного Хангая (Rosthorn. Die Hochburg von Zentralasien. S. 286; Малов. Памятники. С. 408). Иную точку зрения сформулировал Л. П. Потапов, предлагающий локализовать древнетюркский Отюкен в южной части Тувы.

вили свою государственность, завершилось переходом через Гоби и занятием «страны Отюкен». Дальнейшие события относятся уже к истории второго Восточнотюркского каганата.

ВРЕМЯ МОЧЖО

После смерти Кутлуга каганом стал его младший брат, известный по китайским источникам под именем Мочжо (тюркское *Bäg-čor*, в тибетских документах — *Bug-chor*)⁸⁰, в рунических надписях он именуется Капаган-каган⁸¹. Время его правления (691–716) отмечено наивысшим подъемом военно-политического могущества второго Восточнотюркского каганата. В первом десятилетии VIII в. определились территориальные границы государства, завершилось сложение его этно-племенной и политической организации.

Военно-политическая обстановка, сложившаяся к концу VII — началу VIII в. в Центральной Азии, внешняя политика Капаган-кагана будут рассмотрены ниже в иной связи. Здесь отметим, что между 693–706 гг. армия Мочжо шесть раз форсировала Хуанхэ; северные области Китая были разграблены, значительная часть населения уведена в степь или истреблена. Успех китайских кампаний Мочжо, захваченные им огромные материальные ценности, неспособность императорской армии нанести эффективный ответный удар позволили Мочжо собрать под своими знаменами армию, включавшую контингенты покоренных племен, и укрепить свою личную власть. Уже в начале VIII в. авторитет Мочжо признавался далеко за пределами каганата: «Мочжо, упоенный славою побед, низко думал о Срединном государстве и даже гордился пред ним. Войско его было столь же многочисленно, как и в Хелиево время. Земли его содержали вдоль и поперек до 10 000 ли пространства. Все иностранные владения повиновались его повелениям»⁸². Вслед за тем Мочжо предпринял попытку воссоздания государства своих предков — «от Железных ворот до Кадырканской черни», от Тохаристана до Большого Хингана.

⁸⁰ Pelliot. Neuf notes. P. 206; Bacot. Reconnaissance. P. 9, 16; Clauson. A propos du manuscrit Pelliot. P. 12–13.

⁸¹ Мелиоранский. Об орхонских и снисейских надгробных памятниках. С. 265. Имя (титул?) Qarqaṇ зарегистрирован византийскими источниками IX–XI вв. у болгар и авар — *Καρχανος*, *καρχανης* sarcanus (*Moravesik. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 157*); попытки этимологизации имени (*Sinor. Qarqaṇ. P. 174–184*) не встретили признания (*Clauson. A note on Qarqaṇ. P. 73–77*).

⁸² Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 270.

Подчинение киданей (*qytañ*) и союз с хи (*tatabu*) в 696–697 гг. приостановили продвижение китайских армий на северо-восток, в предгорья Хинганских гор, и обеспечили восточный фланг каганата⁸³, северная и западная границы которого проходили в 689–708 гг. по Танну-Ола, Алтаю и Тарбагатаю. В 706–707 гг. у оз. Тюрги-яргун было разбито войско байырку (*bajyrqu*, кит. *баегу*, тибетск. *ba-yar-bgo*, хотано-сакское *bayarkāva*), одного из токуз-огузских племен, кочевавшего от верховий Керулена до Байкала (КТБ, 34)⁸⁴. В 709 г. тюркские войска подчинили племена Центральной и Западной Тувы — чиков (*čik*) и азов (*az*)⁸⁵ — и, перевалив Кёгменскую чернь (Саяны), нанесли тяжелое поражение снисейским кыргызам. В 711–712 гг. эта же армия, перейдя через Алтай, вторглась в Семиречье и в битве при Болучу разгромила войско «десяти стрел»⁸⁶. В 712–713 гг. восточнотюркские отряды дважды форсируют Сырдарью и достигают Железных ворот — границы Тохаристана. Однако столкновения с арабами не были удачными, и тюрки понесли значительные потери. Остатки разгромленного в Согде войска были влиты в новую армию — корпус панцирной конницы, отборный отряд тюркских и тюргешских всадников, брошенный в Джунгарию, к северным воротам Восточного Туркестана — Бэйтину (Бешбалыку — «Пятиградью») рунических текстов). В шести упорных сражениях под стенами города войска наместника Го Цянь-хуаня разгромили экспедиционный корпус Капаган-кагана (714)⁸⁷.

Военные неудачи резко изменили политическую обстановку — они послужили сигналом к восстанию ранее покорных племен. Китайский историограф отмечает, что распад каганата начался «во второе лето Кай Юань (714), когда Мочжо пришел в бессилие»⁸⁸. Первыми вновь признали сюзеренитет императора кидани и хи, еще за два года до того выдававшие Мочжо пленных китайских полководцев. Одновременно восстали карлуки, азы и изгили, несколько позднее — токуз-огузы. Восстание то-

⁸³ Liu Mau-tsai. I. S. 215.

⁸⁴ О локализации байырку и оз. Тюрги-яргун см.: Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 311. В IX в. племя переселилось в Восточный Туркестан (*Bailey. Taugara. P. 918; Henning. Argi and the «Tokharians». P. 553, 558; Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 186, 189*). Возможно, тибетское и сакское написания этнонима указывают на более правильное его прочтение — *bayarqu* (*Pelliot. Horde d'Or. P. 187*).

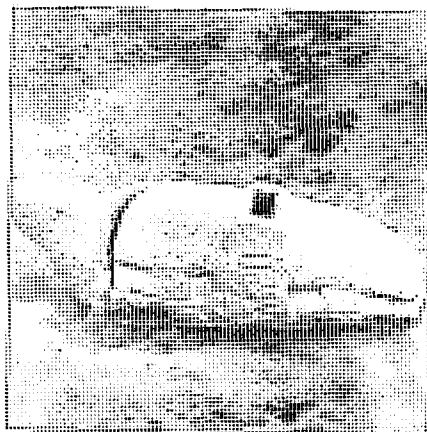
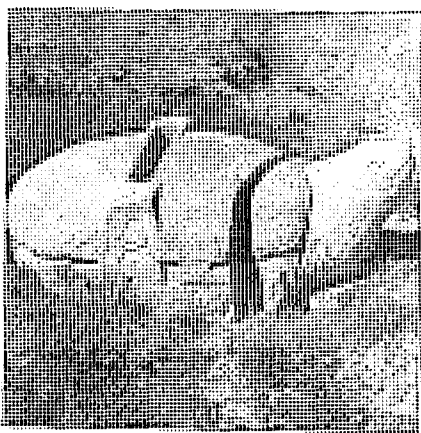
⁸⁵ Кызласов. Тува в период Тюркского каганата. С. 69.

⁸⁶ О локализации р. Болучу см.: Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 313.

⁸⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 220–221. Об осаде Бешбалыка рассказывается в 28-й строке надписи в честь Бильге-кагана, но освещение события там иное (*Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 17, 21*). О местоположении Бешбалыка см.: Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 262–253; *Nagasawa. Traité sur la situation du T'ing-chou. P. 103*.

⁸⁸ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 365.

Черепашки из Мухарского погребально-поминального комплекса на р. Тола (погребение Капаган-кагана). Справа — изображение змеи на шитке указывает на дату сооружения памятника — год Змеи — 717 г. Казаган-каган погиб в 716 г. Слева — изображение геральдического козла на шитке указывает на принадлежность памятника к династии Ильтереш-кагана

куз-огузов было особенно грозным для каганата; в пяти сражениях токуз-огузы были разбиты, но восстание не было подавлено в 715 г. (КТБ, 43–48). За помощью против Мочжо обратились в Чанань «десять племен» Западнотюркского каганата (715). Наконец, начался переход через китайскую границу некоторых собственно тюркских племен, возглавляемых близкими родственниками Мочжо. Беглецы обратились к императору с ходатайством о защите. Армии пограничных провинций империи были усилены и готовились напасть на Мочжо «с двух сторон» — из Ганьсу и Шэньси.

В 716 г. великий иркин байырку вновь поднял восстание и двинулся к каганской ставке. Капаган-каган лично возглавил войско, выступившее против байырку. В сражении на берегах Толы байырку были разбиты, но один из их отрядов напал на Мочжо, возвращавшегося с небольшим конвоем, и убил его. Голову Капаган-кагана доставили китайскому послу, «который препроводил ее в столицу»⁸⁹.

КРИЗИС КАГАНАТА

Во время своего царствования Капаган-каган попытался изменить существующий порядок наследования каганской власти (см. выше) и сохранить престол для своей семьи. Согласно этому порядку, Капагану дол-

⁸⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 222, 223.

жен был наследовать старший сын его брата Ильтериш-кагана Могилян (род. в 684 г.; его собственное имя известно только в китайской транскрипции), а тому — его младший брат Кюль-тегин (род. в 685 г.)⁹⁰. В 698 г. Могилян получил титул «шада тардушей» (БК, Ха 9) и вскоре вместе с Кюль-тегином принял активное участие в военных предприятиях своего дяди: «Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш. С моим дядею-каганом мы ходили войной вперед (т. е. на восток) вплоть до Шантунгской равнины, (орошаемой) Яшиль-угюзом⁹¹, назад (т. е. на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Кёгменскую (чернь), мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений» (КТБ, 17–18). В 699 г. Капаган сделал своего старшего сына Бёгю «малым каганом» (*Bögü qaγan*, Тон., 34; кит. Фугю) и назначил его правителем западной части каганата⁹², т. е. области, номинально управлявшейся Могилянем. Титул кагана получил и второй сын Капагана — Инэль (*Inäl qaγan*, Тон., 46; кит. *Ини кэхань*). Во время походов 715–716 гг., которыми руководил сам Мочжо, Бёгю оставался в ставке как правитель государства. Могилян и Кюль-тегин, в это время уже прославленные полководцы, были полностью отстранены от государственных дел.

Едва в ставке стало известно о гибели Капагана, Бёгю, очевидно, не без поддержки приближенных Мочжо, провозгласил себя «великим каганом»⁹³. Сразу же после этого открытого нарушения «установления тюркского народа» Кюль-тегин, любимый войском герой многих битв, поддержанный всеми влиятельными тюркскими родами, напал на ставку, убил Бёгю-кагана и Инэль-кагана, казнил всех находившихся там советников и приближенных Капагана и провозгласил «великим каганом» своего старшего брата, известного с этого времени (716) под именем Бильге-кагана. Поощадили лишь Тоньюкука, дочь которого Пофу была женой Могиляна; Тоньюкука выслали из ставки в «его поколение»⁹⁴. Часть родичей и приближенных Мочжо, спасшиеся от резни, в том числе его дочь и сын, Мотегин (*Бег-тегин), бежали в Китай⁹⁵.

⁹⁰ Marquart. Chronologie. S. 52.

⁹¹ Долнна Хуанхэ (Желтой реки). В. М. Наделяев установил, что *jašyıl ügüz* — точная калька китайского названия, так как слово *jašyıl* обозначает в тюркских языках Сибири не только зеленый, но и светло-желтый цвет (доклад В. М. Наделяева в Институте языкознания АН СССР, 19.01.1960). Ср.: *Laude-Cirtautas. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen*. S. 137.

⁹² Liu Mau-tsai. I. S. 163.

⁹³ Прямых указаний на этот акт Бёгю в источниках нет; однако в строках 50–51 надписи Тоньюкука Бёгю упомянут среди царствовавших каганов, которым отдавал «свои труды и силы» этот крупнейший деятель Второго каганата (Малов. Памятники. С. 64).

⁹⁴ Liu Mau-tsai. I. S. 171; *Бичурин*. Собрание сведений. Т. 1. С. 273.

⁹⁵ Pelliot. Fille de Mo-tch'o qaghan. P. 3–8.

Действия Кюль-тегина отнюдь не были следствием какой-либо враждебности к Мочжо — его сыновья и приближенные были убиты именно из-за нарушения ими легитимного принципа наследования. Что это так, доказываются похоронами Капаган-кагана со всеми подобающими почестями — «во главе (вереницы, могильных камней) я (Бильге-каган) поставил балбал киргизского кагана» (КТБ, 25).

Бильге-каган вступил на престол, когда каганат находился на грани гибели. Западные владения отпали окончательно — сразу после смерти Мочжо Сулу объявил себя каганом⁹⁶. Отказались от уплаты дани и признали себя вассалами танского императора татабы и кидани. Продолжалось восстание огузов. Смута охватила и собственно тюркские племена. Бильге-каган, не чувствуя себя в силах овладеть положением, предложил престол Кюль-тегину, который, однако, отказался нарушить законный порядок наследования. Тогда, наконец, Бильге решился на энергичные действия. Кюль-тегин был поставлен во главе войск, а 70-летний Тоньюкук, пользовавшийся огромным авторитетом в каганате, возвращен в ставку и сделан ближайшим советником кагана⁹⁷.

Вслед за тем Бильге-каган и Кюль-тегин напали на уйгуров, одно из токуз-огузских племен: «Спустившись вниз по Селенге и сильно тесня их (огузов), я там разорил их дома... Они поднялись в чернь. Уйгурский эльтебер убежал с сотней воинов на восток... Тюркский народ был голоден, тогда я забрал те табуны и поднял (его благосостояние)» (БКБ, 37–38). Это нападение вызвало новую миграцию огузских племен на юг, за китайскую границу. Тюркское войско, преследуя беглецов, захватило много пленников. Летом 718 г. Бильге-каган выступил против татабы к Кадырканской черни (Хинган), а отряд его полководца Тудун Ямтара напал на карлуков (БКБ, 40). Захваченная добыча, прежде всего табуны коней, была поделена между тюркскими племенами. Авторитет Бильге-кагана сразу поднялся: «Весь народ сказал: “Мой каган пришел”, и хвалил... лошадей я дал» (БКБ, 41).

Обстановка на юге благоприятствовала Бильге-кагану. При императоре Сюаньцзуне (712–755) династия Тан достигла вершины могущества⁹⁸. Однако в 712–718 гг. положение империи, ослабленной неурядицами двух предыдущих десятилетий, было нелегким. В 714 г. возобновилась ожесточенная война с тибетцами. Военные действия в Ганьсу и Восточном Туркестане развивались не всегда благоприятно для китайских войск⁹⁹. В 714 г. на западной границе империи появляется новый враг — арабы,

⁹⁶ Chavannes. Documents. P. 285.

⁹⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 171.

⁹⁸ Шан Юэ. Очерки истории Китая. С. 201.

⁹⁹ Bushell. The early history of Tibet. P. 458–460.

заклучившие союз с тибетцами. В 715 г. наместник Западного края Чан Сяо-сун с трудом ликвидирует их ставленника в Фергане, а в 717 г. арабы оказывают поддержку тибетцам, напавшим на «Четыре инспекции»¹⁰⁰.

Особенно неприятным для императорского правительства было новое восстание тюркских племен в Шаньюевом наместничестве, сразу обострившее обстановку на северной границе. К 716 г. там скопились все, кто бежал из каганата, охваченного междоусобной войной. Наместник Чжан Чжи-юнь, опасаясь беспорядков, приказал «подчинившимся племенам» сдать оружие. Приказ был исполнен, но «варвары пришли в ярость» — во время бегства они потеряли большую часть скота, отсутствие луков и стрел лишило их возможности охотиться. Обследовавший границу цензор Цзян Хой получил многочисленные жалобы и приказал вернуть оружие. Едва оружие вновь оказалось в руках тюрков, как они, не получая продовольственной помощи от пограничных властей, начали грабить китайские поселения. Вялые военные действия против каганата сменились ожесточенными сражениями в Шофане и на севере Шаньси. Вытесненные в конце концов китайскими пограничными армиями за Желтую реку, «покорившиеся племена» вернулись в Отукенскую чернь (718)¹⁰¹.

Неожиданно для себя Бильге-каган оказался во главе столь значительного войска, что решился предпринять набег за Великую стену. Но против этого замысла решительно выступил Тоньюкук: «Не должно! Сын Неба воинствен, народ в согласии, годы урожайны; еще нет удобства. Сверх сего наши войска вновь собраны; нельзя еще тронуть их»¹⁰². Судя по этим возражениям, если их точно передает китайский историограф, Тоньюкук был отлично осведомлен о положении в империи. Бильге-каган последовал его советам и отправил в Чанань посольство с предложением мира (718). Но Сюаньцзун, заключивший мир с Тибетом, твердо решил покончить с северной угрозой¹⁰³. Он отверг мирные предложения и отдал приказ о создании большой экспедиционной армии, пригодной для наступательных операций против тюрков. Судя по перечню командиров отдельных частей этой армии, ее главной ударной силой была кавалерия федератов, прежде всего басмылов (*basmyl*, БКБ, 25, кит. *басили*), киданей и татабы, а также тюркские отряды под командованием сына Капаган-кагана Бег-тегина и его родственника Ашина Бильге-тегина. Армию, общая численность

¹⁰⁰ Chavannes. Documents. P. 284–285; Cordier. Histoire. Vol. I. P. 460.

¹⁰¹ Liu Mau-tsai. I. S. 171–172, 224.

¹⁰² Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 274; ср.: Liu Mau-tsai. I. S. 224.

¹⁰³ Cordier. Histoire. Vol. I. P. 454.

которой достигала 300 тыс. человек, возглавил командующий военным округом Шофан — Ван Цзунь¹⁰⁴.

Осенью 720 г. Ван Цзунь, реализуя разработанный план, двинул к северу конницу басмылов, базировавшуюся на Бэйтин. С востока намечалось выступление киданей и татабы. Эти войска должны были одновременно подойти к Отюкенской черни и захватить врасплох Бильге-кагана. Вслед за басмылами должны были выступить основные силы Ван Цзуня и довершить разгром неприятеля.

Однако Бильге-каган и Тоньюкук были своевременно осведомлены о плане Ван Цзуня и успели подготовиться. Тюркское войско выступило навстречу басмылам, не получившим обещанной поддержки главных сил китайской армии. Их 17-тысячный отряд, достигший Отюкенской черни, после первых же столкновений с тюрками повернул назад¹⁰⁵. Тюркское войско разделилось; отряд под командованием Тоньюкука двинулся вслед за басмылами, обошел их, внезапно взял Бешбалык и встретил отступавшего противника там, где тот рассчитывал найти убежище. Победа была полной. Зима 720/21 г. оказалась роковой для китайской армии. После победы под Бешбалыком отряд Тоньюкука вторгся в Ганьсу, разгромил выставленные против него заслоны и разграбил область Лянчжоу¹⁰⁶. Отряд Бильге-кагана, вернувшийся в ставку, этой же зимой выступил против киданей, а весной следующего года — против татабы (БК, Ха 2–4). Оба похода превратились в жестокие карательные экспедиции (БК, Ха 4). «После сего тукюесцы сделались страшными и покорили весь народ, бывший под державою Мочжо»¹⁰⁷. Новые мирные предложения Бильге-кагана Сюаньцзун сразу же принял (721).

ТОКУЗ-ОГУЗЫ

Война 720–721 гг. была последней тюрко-китайской войной. Император не решился более нарушить мирные отношения, а Бильге-каган категорически отказался от политической линии Капагана. Он «связал свою жизнь с народом табгач» (КТм, 4), добиваясь расширения торгов-

¹⁰⁴ *Liu Mau-t'ai*. I. S. 225.

¹⁰⁵ Надпись Бильге-кагана говорит о сражении с «17-тысячным конным войском табгачей», к которому на второй день присоединилась пехота (БК, Ха 1); скорее всего, это определение относится к басмылам, выступившим как часть китайской армии, но возможно, что в их отряде были и китайские подразделения.

¹⁰⁶ *Liu Mau-t'ai*. I. S. 226.

¹⁰⁷ *Бичурин*. Собрание сведений. Т. 1. С. 225; *Liu Mau-t'ai*. I. S. 226.

ли с Китаем и установления родственных связей с императорской фамилией Ли при сохранении территориального status quo и взаимном невмешательстве во внутренние дела. Следует отметить, что Сюаньцзун щедро платил за мир на северной границе — он «без ограничения» слал Бильге-кагану «золото, серебро, зерно (спирт?), шелк» (КТм, 5; ср. КТм, 8). Так, в 727 г. император послал «в дар» Бильге-кагану 100 тыс. кип шелка в ответ на символическую дань — 30 лошадей¹⁰⁸. Лишь в 734 г., когда китайские войска вмешались в войну между киданями и татабы на стороне последних, Бильге-каган, опасаясь за свою восточную границу, выступил против татабы и нанес им поражение (БК, Ха 7–8); впрочем, непосредственных столкновений между китайскими и тюркскими войсками не было¹⁰⁹.

Зима 723/24 г. была тяжелой для тюрков — из-за гололедицы они потеряли скот. Весной возобновилась война с огузами, поставившая под угрозу все достижения предшествующих лет. Кошоцайдамские памятники подробно рассказывают об этих событиях: «(31) Во время моей (Бильге-кагана. — С. К.) зимовки в Магы кургане (в крепости Магы), на сороковом году моей жизни (723–724) случился падеж скота. К весне (того года) (32) я двинулся против огузов. Одно войско выступило в поход, другое было дома» (БКб, 31–32). Параллельное изложение событий в памятнике Кюль-тегина (КТб, 47) позволяет установить, что, в то время как полевое войско возглавил сам Бильге-каган, войском, охранявшим ставку, командовал Кюль-тегин. Бильге-каган столкнулся с войском трех огузских племен: «(32) Войско уч-огузов пришло, чтобы нас поразить, думая, что мы пешие (без лошадей) слабы в бою. Одно их войско пошло, чтобы разграбить наши жилища, другое войско пришло, чтобы сразиться с нами; нас было мало, и мы были слабы (плохо вооружены)... (Так как Небо) даровало (нам) силу, я разбил (их) там и (33) рассеял (их)... (34) их дома и имущество я разорил» (БКб, 32–34).

В это время другой огузский отряд напал на ставку: «(48) Враждебные (нам) огузы напали на орду (т. е. на наше становище). Кюль-тегин, (49) сев на белого Огсиза, заколол десять мужей (и) не отдал орды! Моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности) мои невестки (младшие родственницы), мои княжны, сколько (вас) ни было, все вы были в опасности (или), оставшись в живых, попасть в рабство (или), будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге! (50). Если бы не было Кюльтегина, все бы вы погибли» (КТб, 48–50).

¹⁰⁸ *Liu Mau-t'ai*. I. S. 226.

¹⁰⁹ *Бичурин*. Собрание сведений. Т. 1. С. 367–368.

После первых неудач огузы находят новых союзников: «Тогда народ огузов, объединившись с токуз-татарами»¹¹⁰, подступил (к нам). При Агу я дал два больших сражения. Их войско я победил и покорил их народ» (БК6, 34)¹¹¹.

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Победа над огузами стабилизировала внутреннее положение каганата. Бильге-каган твердо проводил политику умиротворения как внутри государства, так и в отношениях с соседями, решительно отвергая даже выгодные с военной точки зрения предложения своих потенциальных союзников: в 727 г. «Туфань (тибетцы) прислали ему грамоту, предлагая совместно напасть на (китайские) пограничные области, но Могильянь не дерзнул согласиться. Он переслал грамоту императору. Сын Неба похвалил его»¹¹². Этот акт заставил императорское правительство пойти на известные льготы для тюрок — в одном из пограничных городков Шофана была разрешена свободная, не монополизированная правительством торговля кочевников с китайскими купцами, а огромные дары шелком тюркскому кагану — замаскированная плата за мир — стали ежегодными¹¹³.

В 732 г. Бильге-каган подвел итоги шестнадцати годам своего правления: «(26) Я отнюдь не сел (на царство) над народом богатым, я сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды, (над народом) жалким и низким. Мы переговорили (о делах) с моим младшим братом Кюль-тегином, и, чтобы не пропали имя и слава народа, добытые нашим отцом и дядею, (27) я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел (без дела) днем. С моим братом Кюль-тегином и с

¹¹⁰ Этноним татар впервые упомянут в орхонских надписях. Первое упоминание татар (дада, дадань) в китайских источниках относится к 842 г. (Pelliot. L'édition collective. P. 125). Небезынтересна тесная политическая связь токуз-татар с токуз-огузами. В 40-х гг. VIII в. они вместе с другими огузскими племенами участвуют в гражданской войне внутри Уйгурского каганата (МЧ, В 15), а после краха уйгурского государства вместе с токуз-огузами мигрируют в Восточный Туркестан (Bailey. A Khotanese text. P. 49; см. также: Clauson. Turk. P. 122).

¹¹¹ Эта война с огузами обычно неправильно датируется 716 г.; ср.: Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 320–321.

¹¹² Liu Mau-tsai. I. S. 228. В этом же году тибетцы, заключив союз с тюркским каганом Сулу, осадили Кучу, но были разбиты под стенами города (Chavannes. Documents. P. 81–82).

¹¹³ Liu Mau-tsai. I. S. 228.

двумя шадами я приобретал (т. е. предпринимал завоевания) до полного изнеможения (букв.: слабея — погибая).

Столь много приобретаю (т. е. завоевав), я не делал огнем и водой присоединившиеся (к нам) народы (т. е. старался ладить с ними мирно), и... по всем странам (28) бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришел (к нам) обратно. Чтобы поднять (свой) народ, (я предпринял) с большим войском двенадцать (походов): налево (т. е. на север) против народа огузов, вперед (т. е. на восток) против народов кытай и татабы, направо (т. е. на юг) против табгачей... сразился. После (29) того, — да будет ко мне Небо благосклонно, — так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял (т. е. призвал) к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро (т. е. действовал справедливо и милостиво). Живущие по четырем углам (т. е. странам света) (30) народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными (себе), все они мне подчинились» (КТ6, 26–30).

В 731 г. умер Кюль-тегин. Бильге-каган ненадолго пережил брата — в 734 г. он был отравлен одним из своих приближенных. В урочище, называемом ныне Кошо-Цайдам, «на месте дорожной остановки» (КТм, 13), в честь обоих братьев были воздвигнуты памятники с надписями — летописью бурной истории второго Тюркского каганата.

Наследовавшие Бильге-кагану его сыновья Ижань-каган (734–739) и Тенгри-каган (740–741) не изменили политической линии отца. В 741 г. начался распад каганата — удельные владетели из рода Ашина все меньше считались с центральной властью¹¹⁴. Малолетний Тенгри-каган был убит своим дядей — Кутлугом-ябгу, захватившим каганский престол¹¹⁵. Началась война с союзом басмылов, уйгуров и карлуков, в которой пали Кутлуг-ябгу и его наследники — Озмыш и Хулуфу¹¹⁶. Тюркский каганат окончил свое существование. Тюркские племена, сохранившие часть своих земель, не играли уже сколько-нибудь заметной роли в событиях последующих лет, хотя и сохранили известную автономию; последнее известие о них в китайских источниках относится к 941 г.¹¹⁷ На месте государства «голубых тюрок» возник могущественный Уйгурский каганат, целое столетие (745–840) господствовавший в Центральной Азии.

¹¹⁴ Ibid. S. 229.

¹¹⁵ Сложная история борьбы за власть внутри каганского рода после смерти Бильге-кагана исследована П. Пельо и Лю Мао-цаем (см.: Pelliot. Neuf notes. P. 229–248; Liu Mau-tsai. II. S. 621–629).

¹¹⁶ Liu Mau-tsai. I. S. 229–231.

¹¹⁷ Ibid. S. 391; Hamilton. Ouighours. P. 94–100.

Глава IV

СОГДИЙЦЫ И ТЮРКИ

СОГДИЙЦЫ

Alty ĉub soɣdaq

В 31-й строке надписи Кюль-тегину и в 24–25-й строках надписи Бильге-кагану содержатся сообщения, породившие немало гипотез. В них рассказывается о первых походах и первых сражениях обоих царевичей, младшему из которых было 16 лет, а старшему — 18.

Большая надпись в честь Кюль-тегина: «(31) *alty jägirmi jaşuŋa äčim qaŋan ilin törüsin anča qazıantı alty ĉub soɣdaq tapa sülädimiz buzdımyz tabıaç oŋ tutuq baş t[ümän sü kälti süñüšdimiz]* (32) *kül tägin jadaŋyn oplaju tägdi oŋ tutuq joryčyn jaraqlyy äligin tutdy jaraqlyydy qaŋanqa ančulady (inč ulady?) ol süg anta joqquš-dımyz*».

«(31) Шестнадцати лет (от роду) он вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана: мы пошли с войском на согдийцев шести чубов и победили их. Пришло 50-тысячное войско китайского Онг-тутука, мы сразились. (32) Кюль-тегин пеший напал, схватил Йорчына (Йорыча?) Онг-тутука вооруженной рукой и с оружием представил [его] кагану. То войско мы там уничтожили».

Большая надпись в честь Бильге-кагана: «(24) *jäti jägirmi jaşyma taŋut tapa sülädim taŋut buduny buzdımyz... säkiz jägirmi jaşyma alty ĉub soɣdaq* (25) *tapa sülädim buduny anta buzdımyz tabıaç oŋ tutuq baş t[ümän sü kälti yduq başda sönüšdim ol süg anta joqqušdım*».

«(24) В мои семнадцать лет я пошел с войском на тангутов, народ тангутов победил... В мои восемнадцать лет я пошел с войском на согдийцев шести чубов, (25) [их] народ там победил. Пришло 50-тысячное войско

китайского Онг-тутука. При Ыдук-баше я с ним сразился, это войско там уничтожил»¹.

Первая попытка объяснить слова *alty ĉub soɣdaq* принадлежит В. В. Радлову, условно переводившему их как «шесть родов (?) согдийцев»². В. Томсен, отметив необоснованность перевода Радлова, предложил свой вариант — *Алты Чуб и Согдак*. Согдак он отождествил с названием Согда, а относительно слов *Алты Чуб* высказал предположение, что они могли бы быть названием местности в долине р. Чу, которую должны были пересечь тюрки по пути в Согд³. Впоследствии перевод и интерпретация Томсена были приняты А. фон Габэн⁴. С оговоркой, что имя *Алты Чуб* означает скорее название «отдела народа», перевод Томсена приняли Х. Оркун и С. Е. Малов⁵. Однако в словаре к своей последней работе о древнетюркских памятниках Малов переводил *Алты Чуб Согдак* как «шесть владений народа согдийцев»⁶. К этому времени было уже установлено, что *soɣdaq* — не название страны, а самоназвание согдийцев (*swyð'k*)⁷.

Наибольшее признание получила гипотеза И. Маркварта, по которой слово *чуб* — тюркская передача родового имени владетельных династий шести согдийских городов-государств; в китайских источниках то же имя транскрибируется как *Чжаову*. Маркварт приводит рассказ ат-Табари о нападении в районе Несефа (Нахшеба) в 701 г. небольшого тюркского отряда на сына наместника Хорасана Мухаллаба ибн Абу Суфра — Йазида, полагая, что в этом рассказе нашли отражение действия восточных тюрков в Согде⁸. Гипотеза Маркварта была принята Э. Шаванном, Г. Гиббом, К. Сиратори, С. П. Толстовым, Р. Фраем, Г. Хауссигом, Р. Жиро⁹. В. В. Бартольд и П. М. Мелиоранский, подвергнув сомнению как отождествление орхонского *чуб* с *чжаову*, так и связь рассказа ат-Табари с сообщением надписей, приняли

¹ Радлов. Атлас древностей Монголии. Табл. XVIII, XXIII; Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 72; Thomsen. Alttürkische Inschriften. S. 150, 151; Малов. Памятники. С. 31, 40; Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 16, 20.

² Radloff. Denkmäler. S. 132; ср.: Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. С. 2184.

³ Thomsen. Inscription de l'Orkhon. P. 123, 154.

⁴ Gabain. Alttürkische Grammatik. S. 308.

⁵ Orkun. Eski türk yazıtları. С. I. S. 44; С. IV. S. 151; Малов. Памятники. С. 40, 376.

⁶ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 90.

⁷ Reichelt. Die sogdischen Handschriftenreste. Bd. II. S. 54; Bailey. Iranian studies. P. 948–949; Клычущий. Название Согдианы. С. 12; ср.: Henning. Sogdica. P. 9.

⁸ Marquart. Chronologie. S. 5, 56–72.

⁹ Chavannes. Documents. P. 288; Gibb. Arab conquests. P. 5; Shiratory. Study on Su-t'ê. P. 100–107; Толстов. Тирания Абура. С. 13; Frye. Tarxün. P. 123; Haussig. Beschreibung. S. 114; Giraud. L'empire des Turcs. P. 49, 188.

все же выводы Маркварта относительно даты и направления похода на *Алты Чуб Согдак*¹⁰.

Таким образом, существующие мнения сводятся к следующему: а) в 701 г. восточные тюрки вторглись в Согд, где, по представлению одних исследователей (Маркварт, Бартольд, Гибб), они оказали поддержку согдийцам в борьбе с арабами, а по представлению других (Фрай, Жиро) — наряду с арабами угрожали независимости Согда; б) слова *altu čub* могли бы обозначать какую-либо местность (владение), какой-либо народ, племенное подразделение или династийное имя согдийских владетелей. Поскольку, однако, нет аргументов в пользу того или иного предположения, сохраняет значение замечание Бартольда: «Слова “алты чуб”, стоящие перед словом “согдак”, и теперь остаются загадочными»¹¹.

Загадка *altu čub soydaq* не может быть раскрыта случайными сопоставлениями или произвольными этимологиями. Лишь реконструкция исторической обстановки, хода событий в первое десятилетие царствования Капаган-кагана позволяет установить, куда и против кого был направлен поход 701 г., а вслед затем — предложить решение всей проблемы.

Набег на Линчжоу

В 693 г. тюрки завершили подчинение Северной Монголии¹², но возрожденное государство оказалось в состоянии экономической изоляции. Отрезанные от китайских рынков тюрки после 688–689 гг. не имели возможности получать отсюда остро необходимые им продукты и изделия — зерно, железо, ткани. Прорыв этой своеобразной блокады стал для Капаган-кагана ближайшей, не терпящей отлагательств задачей, и он располагал средством, при помощи которого надеялся решить ее, — боеспособная и подвижная конная армия была создана в течение нескольких предшествовавших лет.

В декабре 693 г. отряды Капагана, преодолев укрепления Великой стены, вторглись в Линчжоу. Китайские пограничные части были разбиты, и тюрки захватили один из крупнейших и плодороднейших округов в долине Желтой реки¹³. Судя по ответным мерам, вторжение осуществлялось большими силами и с большим размахом.

В феврале 694 г. главнокомандующим армией Шофана (Ордос) был назначен фаворит императрицы У, настоятель монастыря Белой лошади

Се Хуай-и¹⁴. Под его командование было передано 18 армейских соединений, возглавленных известными военачальниками. Но когда огромная армия Хуай-и достигла Линчжоу, она не нашла неприятеля. Капаган-каган ушел в степь.

Результатом этого первого большого похода Капагана в Китай был не только захват огромной добычи в Линчжоу, но и овладение теми позициями на границе империи, которые могли обеспечить успех дальнейших операций. В 687–688 гг. Ильтериш-каган под давлением китайской армии покинул стратегически важную область к северу от Ордоса — горы Иньшань, «господствующую высоту» над долиной Хуанхэ, обладание которой позволяло ему совершать молниеносные набеги на Ордос и Шэньси. Эта обширная горная страна, по замечанию Н. М. Пржевальского, «носит один и тот же дикий альпийский характер и резко отличается от других гор юго-восточной Монголии обилием леса и воды»¹⁵. В течение многих веков Иньшань был главным опорным пунктом кочевников монгольских степей в их набегах на Среднюю империю.

Стратегическое значение Иньшаня китайцы оценили еще во время непрерывных войн с гуннами. В 33 г. до н. э. чиновник Хоу Ин, «основательно знавший пограничные дела», писал в докладной записке императору: «Известно, что по северной границе до Ляодуна лежит хребет под названием Иньшань, простирающийся от востока к западу на 1000 с лишком ли. Сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицей и зверем. Модэ шаньюй, утвердившись в сих горах, заготавливал луки и стрелы и отсюда производил набеги... Уже при Хяо Ву-ди (140–87 гг. до н. э. — С. К.) выступили войска за границу, отразили хуннов от сих мест и прогнали их за Шамо (Гоби. — С. К.) на север... После сего уже увидели на границе некоторое спокойствие. От Шамо на север (т. е. от южной окраины Песчаной степи. — С. К.) земли ровные, лесов и травы мало, но более глубокие пески. Когда хунны предпринимают произвести набеги, то мало имеют скрытных мест убежища... Пограничные старики говорят, что хунны после потери хребта Иньшань не могут без слез пройти его»¹⁶.

Капаган-каган понимал: для того, чтобы постоянно держать под угрозой северные провинции Китая, нет более выгодной позиции, чем Иньшань; альпийские луга были прекрасными летовками, а осенью армия, не теряя времени и сил на преодоление Гоби, могла форсировать Хуанхэ и захватить зерно, уже свезенное в амбары. Теплая бесснежная зима,

¹⁰ Barthold. Quellen. S. 17; Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 119; Бартольд. Туркестан. Т. II. С. 190.

¹¹ Бартольд. Новые исследования. С. 242.

¹² Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 298–299.

¹³ Liu Mau-tsai. I. S. 160, 214–215.

¹⁴ Liu Mau-tsai. S. 304–305 (биография Се Хуай-и, «Цзю Тан шу», изд. 183).

¹⁵ Пржевальский. Монголия и страна тангутов. С. 116.

¹⁶ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 94.

характерная для Ордоса¹⁷, способствовала зимним походам. Хотя известие о том, что летняя ставка Капагана находится в Хэйшачене («город Черных песков» близ северных склонов Иныпани), относится к 698 г.¹⁸, почти не приходится сомневаться, что возвращение на эту превосходную позицию Капаган осуществил еще в 694 г. Поэтому императорское правительство, несмотря на мирную инициативу Капагана, приславшего в Лоян посольство, приняло новые меры, чтобы «для отражения тюрков» усилить пограничную армию в Ордосе. Вместе с тем посольство Капагана было хорошо встречено при дворе, каган получил в дар 5 тыс. кусков шелка. На следующий год Капаган прислал новое посольство для переговоров. В источниках не говорится, чего добивался Капаган, но, очевидно, переговоры были небезуспешны для него, так как в 696 г. в тюркскую ставку прибыло ответное посольство с богатыми дарами и инвестиурой — кагану жаловался почетный титул¹⁹. Однако не успело посольство покинуть ставку, как новые события изменили обстановку и позволили Капагану раскрыть свои планы.

Восстание киданей

Еще во времена Тайцзуна киданьские племена Маньчжурии вошли в состав империи и были подчинены протектору Инчжоу, правление которого находилось в Лючене (Жэхэ)²⁰. Но отношения между киданьскими вождями и протектором всегда были достаточно натянутыми — стремление китайского правителя обратить вождей племен в послушных исполнителей его воли встречало активное сопротивление. Наиболее влиятельными среди киданьских вождей в конце VII в. были Ли Цзиньчжун и Сунь Вань-юн. Вань-юн, получивший одновременно с Тоньюкуком образование в Китае и хорошо знакомый с внутренним положением в империи²¹, как и Ли Цзиньчжун, считал момент подходящим для провозглашения независимости и образования государства по примеру тюрков. Обоих вождей связывали с руководителями Тюркского каганата личные связи, не исключены и союзнические отношения²².

В 696 г. кидани восстали. Лючен был взят, а протектор Инчжоу убит. Ли Цзиньчжун провозгласил себя каганом, а Вань-юна сделал главнокомандующим.

ман্দующим. Киданьская армия насчитывала несколько десятков тысяч воинов. В короткий срок все области Маньчжурии к северу от Великой стены оказались под контролем киданей. Двинутые против киданей две пограничные армии были разбиты, а их командиры попали в плен²³. Империя оказалась в критическом положении — над Хэбэем и Шаньси нависла угроза вторжения, в Хэйшачене тянулись переговоры с Капаганом, неопределенный результат которых не позволял перебросить шофанскую армию; в Ганьсу тибетцы, оправившиеся от неудач 692–695 гг., одержали при Лянчжоу полную победу над китайскими войсками (696). Тибетский главнокомандующий, фактический правитель Тибета Циньлинь (тиб. Khri'bring) требовал вывода китайских гарнизонов из области «Четырех инспекций»²⁴.

Об отчаянном положении империи свидетельствуют и меры, принятые новым «великим главнокомандующим» У Юи, — чтобы собрать армию, он приказал «набрать храбрых людей из невольников с платой цены владетелям»²⁵. В этот момент внезапно умер Ли Цзиньчжун. Вань-юн, обойдя сына Ли Цзиньчжуна, провозгласил себя каганом. Сын Ли Цзиньчжуна бежал в ставку Капаган-кагана и обратился к нему за поддержкой²⁶. Новая ситуация была исключительно выгодной для Капагана — его участие было решающим для победы или поражения любой из сторон. И Капаган-каган поспешил воспользоваться создавшейся обстановкой. Он отправил в Лоян послов с требованием передать ему шесть округов в Ордосе и Шэньси, где еще оставалась часть «подчинившихся родов» тюрков. Взамен Капаган обещал разгромить киданей. Императрица немедленно дала согласие²⁷.

В 696–697 гг. Капаган-каган вместе со своими союзниками татабы (хи) нанес тяжелейшие поражения войскам Вань-юна, погибшего во время бегства от руки собственного телохранителя, овладел громадной добычей и принудил киданей признать его своим государем²⁸. Та часть киданей, которая ушла от разгрома, была подчинена через два года китайскими войсками. Но уже в 697 г. восстание было подавлено. «Великий главнокомандующий» У Юи с триумфом вернулся в столицу, обрадованная императрица издала указ об амнистии преступникам, но Капаган-ка-

¹⁷ Cressey. Ordos desert. P. 201.

¹⁸ Liu Mau-tsai. I. S. 162; Franke. Geschichte. Bd. III. S. 383.

¹⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 160, 215, 252.

²⁰ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 362–364; Т. 3. С. 37; Кюнер. Китайские известия. С. 296–298. Подробнее о киданях см.: Wittfogel, Fêng Chia-shêng. History of Chinese society. P. 85–86, 470–473.

²¹ Liu Mau-tsai. I. S. 308–309; Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 364.

²² Cordier. Histoire. Vol. I. P. 445.

²³ Кюнер. Китайские известия. С. 297.

²⁴ Бичурин. История Тибета и Хухунора. Ч. I. С. 149–150.

²⁵ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 364. О последовательности событий, связанных с восстанием киданей, см. также работу Э. Пуллиблэнка (Pulleyblank. Background. P. 157–158).

²⁶ Cordier. Histoire. Vol. I. P. 445.

²⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 160–161.

²⁸ Кюнер. Китайские известия. С. 298.

ган взамен обещанных шести округов получил только новый почетный титул²⁹.

Дело о шести округах

Вероломство императрицы привело Капагана в неистовство. Не успело еще китайское посольство прибыть в его ставку, как два тюркских отряда перешли границу на юго-западе и северо-востоке Ордоса, разграбили Линчжоу и Шэнчжоу, но, встретив отпор шофанской армии, отступили. Особенно успешно действовали в Шэнчжоу войска полководца Ань Дао-мая³⁰. Однако успех пограничных войск был невелик, а в Хэйшачен возвратилась из похода на киданей победоносная тюркская армия. Поэтому Капаган счел демонстрацию силы достаточной и решил добиться исполнения обещаний дипломатическими средствами. Весной 698 г. послы Капагана прибыли с новыми предложениями в столицу империи. Каган соглашался признать себя «сыном императрицы», т. е. признать ее номинальный сюзеренитет над собой, но взамен требовал ряд уступок: 1) дочери Капагана должны быть выданы за принцев императорского дома; 2) тюркам должно быть передано 100 тыс. ху проса на посев, 3 тыс. сельскохозяйственных орудий и несколько десятков тысяч цзиней железа³¹. В 670–673 гг. в Ордосе и Шэньси были учреждены шесть округов, где поселили «подчинившиеся роды» тюрков. Эти округа управлялись до восстания 679 г. ханами из рода Ашина. Поскольку Капаган соглашался признать сюзеренитет императрицы, то потребовал возвращения ему власти над «шестью округами». Императрица отвергла все требования. Лишь вмешательство Тоньюкука спасло жизнь Тянь Гуй-дао, привезшему отказ, но ответ Капагана императрице У был составлен в самых резких выражениях³². Начинаясь осень — обычное время тюркских набегов. И в Лояне не выдержали напряжения — императрица решилась на частичные уступки. Специальное посольство доставило Капагану зерно и сельскохозяйственные орудия, а принцы из дома императрицы Хуай-ян и У Янь-сю отправились в ставку тюркского кагана, чтобы просить руки его дочерей. Но вместо передачи кагану «шести округов Речной излучины» императрица предприняла ловкий, с ее точки зрения, шаг — она приказала выселить из «шести округов» всех «покорившихся» тюрков и на-

²⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 268, 365.

³⁰ Liu Mau-tsai. I. S. 215, 252.

³¹ Китайские меры объема и веса (ху и цзинь) были неодинаковы в разные эпохи. По И. М. Ошанину, 1 ху = 52 л, 1 цзинь = 597 г (Ошанин. Китайско-русский словарь. С. 889–890).

³² Liu Mau-tsai. I. S. 161.

править их Капагану. Осенью 698 г. «несколько тысяч шатров покорившихся тюрков» перешли на северный берег Желтой реки³³.

То, что представлялось императрице верхом дипломатической мудрости, не вызвало восторга в ставке кагана. Вместо большого земельного района он получил изгнанников, вытесненных с удобных пастбищ Ордоса; они увеличили армию Капагана, но вместе с тем возросла и нужда в тех продуктах, которые раньше эти тюрки получали, занимаясь земледелием и обменивая на зерно и ткани продукты скотоводства.

Продолжать переговоры на предложенных условиях Капаган счел бесполезным. Необходим был лишь повод для разрыва мирных отношений и лозунг для большой войны, который мог бы привлечь союзников из вражеского стана. Обстановка в Китае благоприятствовала Капагану — предлог для вмешательства во внутренние дела империи не надо было искать. После смерти Гаоцзуна (683) наследовавший ему принц Ли Сянь (Чжунцзун) был вскоре лишен трона вдовой Гаоцзуна, императрицей У Цзэ-тянь (684). Возведенный на престол другой сын Гаоцзуна, принц Ли Дан (Жуйцзун), стал марионеткой в руках императрицы У, но готовилось и его устранение. Опиравшаяся на могущественную Шаньдунскую группировку чиновной бюрократии и помещиков, У Цзэ-тянь постепенно устранила наиболее сильных соперников. В декабре 689 г. Ли Дан был свергнут и сослан, а У Цзэ-тянь провозгласила себя «императором». Название династии Тан было изменено на Чжоу, резиденция императрицы окончательно перенесена в «восточную столицу» — Лоян, где У Цзэ-тянь приказала выстроить новый «храм предков» императорской фамилии («храм предков» фамилии Ли находился в Чанани)³⁴. Переворот сопровождался репрессиями в отношении тех групп знати и чиновников, которые были связаны с прежним правящим домом. Вскоре императрица объявила себя «дочерью Будды», ей воздавались небывалые почести, централизация власти достигла апогея. Жестокость императрицы породила оппозицию даже внутри поддерживавшей ее группировки. Не пользовались популярностью в близких к императрице кругах и ее племянники, одного из которых она прочила в наследники³⁵.

Все эти обстоятельства прекрасно учел Капаган-каган. Прибывшие в ставку принцы из дома императрицы получили оскорбительный отказ — Капаган заявил, что своих дочерей он согласен выдать только за принцев династии Тан, а не за «худородных» князей из дома У³⁶. Вслед за тем он

³³ Liu Mau-tsai. I. S. 216.

³⁴ Franke. Geschichte. Bd. II. S. 413, 415.

³⁵ Ibid. S. 414–418; Cordier. Histoire. Vol. I. P. 441–443; Шан Юэ. Очерки истории Китая. С. 200.

³⁶ Liu Mau-tsai. I. S. 217; Franke. Geschichte. Bd. II. S. 422.

арестовал обоих принцев, а сопровождавшего их гвардейского генерала Янь Чжи-вэя заставил перейти на свою сторону, наградив его титулом «южный каган»³⁷. Капаган объявил, что, служа дому Тан, он считает своим долгом вернуть престол законным наследникам — Чжунцзуну и Жуйцзуну³⁸.

Война в Китае

О событиях осени 698 г. с выразительным лаконизмом повествует надпись Тоньюкука: «(18) āki biñ ārtimiz biz āki sū bolty türk bodun oluryaly türk qaγan oluryaly santuñ balyqa taluñ ügüzkä tägmis joq ārmis qaγanyma ötünüp sülātdim (19) santuñ balyqa taluñ ügüzkä tagürtüm üc otuz balyq sydy».

«Нас было две тысячи³⁹. Мы были двумя (отрядами) войск. С тех пор как обитает (на земле) тюркский народ, с тех пор как сидят (на престоле) тюркские каганы, никто не дошел до городов Шантунга и до Морской реки (до моря). Упросив своего кагана, я двинул войска в поход. Я довел войска до городов Шантунга и до Морской реки (до моря). Они разрушили двадцать три города»⁴⁰.

Сведения Кошоцайдамыских надписей об этом походе несколько отличаются от рассказа Тоньюкука. Так, мы узнаем, что войсками командовал сам каган, а 15-летний Бильге находился в его походной ставке: «ilgärü šantuñ jazyqa tägi sülādim taluñqā kičig tägmādim (КТм, 3)». «Вперед (т. е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря». «Äčim qaγan birlä ilgärü jašyl ügüz šantuñ jazyqa tägi sülādimiz (КТб, 17)». «С моим дядею-каганом мы ходили в поход вперед (т. е. на восток) вплоть до Шантунгской равнины и Желтой реки». Однако здесь нет противоречия. Как видно из китайских источников, вторжение осуществлялось несколькими (по надписи Тоньюкука — двумя) колоннами, и судя по заявлению Тоньюкука о достижении им моря (Чжилийского залива?), он командовал восточной группой войск. Войска, которыми командовал каган, «немного не дошли до моря».

³⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 162, 346–347; II. S. 602, 715.

³⁸ Ibid. I. S. 216.

³⁹ Это место надписи читается не вполне отчетливо. По китайским сведениям, армия Капагана насчитывала 100 тыс. человек (ibid.), но это явное преувеличение; данные о численности войск той или иной враждующей стороны, содержащиеся в китайских источниках, в какой-то мере условны.

⁴⁰ Ср.: *Малов*. Памятники. С. 57, 58, 62 (текст); ср.: с. 66 (прим.). О функциях дееспричастия на -γaly см.: *Щербак*. Грамматический очерк. С. 161–162; *Gabain*. Altürkische Grammatik. S. 123–124.

Тоньюкук был прав и в другом утверждении — похода, равного по масштабу и глубине проникновения в заповедные для кочевников районы империи, тюрки еще не предпринимали. Долина Желтой реки в Шаньдуне — одна из самых плодородных и богатых областей Китая; шаньдунские помещики были главной опорой императрицы У. Поэтому удар оказался особенно чувствительным. Происшествия трех последних месяцев 698 г. в китайских источниках описываются как лавина бедствий и поражений⁴¹. По совету канцлера Ди Жэнь-цзе императрица решилась на крайнее для нее средство — Чжунцзун был возвращен из ссылки, объявлен наследником престола и назначен главнокомандующим войсками в Хэбэе. Его помощником стал Ди Жэнь-цзе⁴².

Капаган оказался в ложном положении — он должен был сражаться с тем, кому клялся служить. Но еще до подхода армии Чжунцзуна отягощенное добычей тюркское войско медленно двинулось в степь, истребляя всех и все, что нельзя было увезти с собой. Военачальники Чжунцзуна лишь издали смотрели на производимые опустошения, не решаясь дать бой. Так закончился этот крупнейший за всю историю Второго Восточнотюркского каганата поход тюрков в Китай, оказавший значительное влияние на развитие событий в степи и в империи.

Для императрицы У это было началом конца — в 705 г. канцлер Чжан Цзень-чжи принудил ее отказаться от престола в пользу Чжунцзуна. Танская династия была реставрирована⁴³. Капаган-каган почти на два года был умиротворен захваченной добычей, в числе которой находились десятки тысяч пленников. Как об одном из результатов похода Тоньюкук рассказывает о поселении тюрков в земле Усын (Ушын)-бундату (Тон., 19). Название Ушын до последнего времени сохранялось в топонимике северо-западной части Ордоса (к северу от Великой стены)⁴⁴. Захват пограничной территории в Ордосе тюрками вряд ли был долговременным; по крайней мере китайские источники ничего не сообщают об этом событии.

Успех 698 г. привел к изменению политики Капагана. Опыт оказался удачным. До 698 г. Капаган, соглашаясь на признание сюзеренитета империи, хотел добиться передачи ему крупного земельного района и стремился наладить мирные отношения с Китаем, как это было после набега

⁴¹ Liu Mau-tsai. I. S. 217–218, 253–254.

⁴² Franke. Geschichte. Bd. II. S. 422; Cordier. Histoire. Vol. I. P. 447.

⁴³ Шан Юэ. Очерки истории Китая. С. 201; ср.: Cordier. Histoire. Vol. I. P. 448–449.

⁴⁴ Mostaert. Ordosica. P. 3, 18, 30; Herrmann. Atlas. P. 70. Ср.: имя ушын г'ла у Рашид-ад-Дина (*Рашид-ад-Дин*. Т. I. Кн. 1. С. 78); см. также: Pelliot, Hambis. Histoire des campagnes. Vol. I. P. 72–73. Бернштам (*Бернштам*. Древнейшие тюркские элементы. С. 157) и Зуев (*Зуев*. К этнической истории усуней. С. 157) пытаются связать топоним Усын (Ушын) рунического текста с этнонимом усунь.

693 г. Последующие девять лет, исключая короткий период безрезультатных переговоров о браке дочери кагана с наследником престола (703), Капаган не ищет мира, не посылает и не принимает посольств. Каждые несколько лет крупные силы тюрков нападают на богатейшие районы Китая, громят китайские пограничные войска, в течение многих месяцев безнаказанно хозяйничают на захваченной территории, опустошают ее и возвращаются с огромной добычей, обеспечивающей на известный срок их нужды в продуктах земледелия и ремесла. Обладая сильной армией и непререкаемым авторитетом во всей Центральной Азии, Капаган, «упоенный славой побед, низко думал о Срединном государстве»⁴⁵.

Капаган понимал, что, захватив плодородные земли собственно Китая, он вынужден будет перейти к обороне, к защите захваченного. Для этого нужна была армия совершенно иного типа, чем та, которой располагал Капаган. Поэтому регулярные походы в Китай представлялись ему лучшим выходом, до тех пор пока он не встретил упорного сопротивления.

Нападение на Лун-ю

Вторжение 698 г. заставило императрицу усилить оборону северо-восточных провинций; в Ордосе был создан особый кавалерийский корпус, в Хэбэе учреждены военные поселения и образованы новые армии, которые «заяли позиции и ждали (тюрков)»⁴⁶. Минули осень и зима 699 г., но граница оставалась спокойной. Новое вторжение началось неожиданно и не там, где готовили отпор.

Одной из самых богатых провинций Китая была Лун-ю (восточная часть Ганьсу). Альпийские луга окружающих гор и плодородные лессы долины, орошаемые водами Хуанхэ и ее притоков, определили сочетание двух типов хозяйства — поливного земледелия и отгонного скотоводства. Города Лун-ю богатели за счет транзитной торговли с Западом, иноземные купцы основали здесь большие колонии. Государственные конные заводы, поставлявшие лошадей императорской армии, размещались в Лун-ю⁴⁷.

В первой половине VII в., а вслед за тем в 660 г. в одном из округов провинции Цинчжоу (близ совр. г. Цинъяна) китайское правительство поселило теснимые тибетцами тангутские племена⁴⁸.

⁴⁵ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 270.

⁴⁶ Liu Mau-tsai. I. S. 21; Pulleyblank. Background. P. 79–80.

⁴⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 123, 454.

⁴⁸ Stein. Mi-ñag et Si-hia. P. 231; Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 302; Кычанов. К вопросу о происхождении тангутов. С. 156.

Вместе с тем стратегически Лун-ю — одна из самых уязвимых областей; растянутая юго-западная граница с Тибетом почти не имела укреплений. Великая стена на севере также не гарантировала от нападений степняков. Поэтому в военном округе Лун-ю дислоцировалось наибольшее по сравнению с другими округами количество войск⁴⁹.

В 699 г. в связи с событиями в Тибете усилилась напряженность на тибетско-китайской границе. Цэнпо Дю-сонг сверг власть военно-аристократической группировки, возглавлявшейся правителем Цинлином и его братьями. Цинлин кончил жизнь самоубийством, двое его братьев бежали в Китай. В удачной войне с империей цэнпо видел вернейший путь к укреплению своего авторитета⁵⁰.

Командование армией в Лун-ю У Цзэ-тянь поручила опытному полководцу Вэй Юань-чжуну, а его помощником был назначен один из участников войны с тюрками в 679–683 гг. 73-летний военачальник Тан Сю-цзин. Из Лояна на границу прибыли части конной гвардии⁵¹. В десятом месяце первого года Цзю-ши (15 ноября — 14 декабря 700 г.) Вэй Юань-чжун, «чтобы предотвратить нападение тюрков», был переведен в округ Сяо-гуань (Шэньси), прикрывавший Лун-ю с северо-востока от нападений через Ордос⁵². Очевидно, уже в то время китайское командование имело основание опасаться нападения тюрков на этот район. Вскоре тибетская армия вторглась в Лянчжоу. Тан Сю-цзин решился на генеральное сражение. Он выступил навстречу тибетцам и одержал победу⁵³. А в двенадцатом месяце первого года Цзю-ши (14 января — 12 февраля 701 г.), когда основные силы китайской армии сражались в Лянчжоу, в Лун-ю прорвались войска Капаган-кагана. Согласованность действий тибетцев и тюрков в 700 г., а след за тем и в 702 г. позволяет предположить существование военного союза между цэнпо и Капаган-каганом, что во многом объясняет успех действий тюркского войска в Лун-ю и Шэньси.

Не встретив серьезного отпора, Капаган напал на конные заводы и угнал 10 тыс. коней, предназначенных для ремонта китайской кавалерии. Лишь тангуты Цинчжоу пытались оказать сопротивление, но были разбиты и ограблены (БКБ, 24). Только к июню 701 г. армия Лин-ву (Линчжоу), которой командовал Вэй Юань-чжун, и армия Бинчжоу (Шаньси)

⁴⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 446.

⁵⁰ Бичурин. История Тибета и Хухунора. Ч. I. С. 153–154; Bushell. The early history of Tibet. P. 454–455; Hoffmann. Tibets Eintritt. S. 265–266; Богословский. Очерк истории. С. 51–52.

⁵¹ Бичурин. История Тибета и Хухунора. Ч. I. С. 153–154; биографию Тан Сю-цзина см.: Liu Mau-tsai. I. S. 311–312.

⁵² Liu Mau-tsai. I. S. 255.

⁵³ Бичурин. История Тибета и Хухунора. Ч. I. С. 135.

выступили против тюрков, но, избегая сражений, Капаган-каган поспешил уйти за границу⁵⁴.

Первый поход Кюль-тегина

Во время похода в Лун-ю Бильге, родившемуся в конце 683 г., было 17 лет. Ко времени следующего похода — против *altu čub soɣdaq* — Бильге исполнилось 18 лет; следовательно, поход состоялся не ранее конца 701 г. Так как другому участнику этого похода, Кюль-тегину, родившемуся в начале 685 г., было тогда еще 16 лет, то поход начался не позднее зимы 701–702 г.⁵⁵ Сразу после победы над согдийцами произошло столкновение с китайскими войсками Онг-тутука. В обеих Кошоцайдамских надписях битва с Онг-тутуком описана как продолжение похода против согдийцев, на вырубку которым «пришло» китайское войско. Не тюрки напали на Онг-тутука, а сам Онг-тутук «пришел», чтобы сразиться. Не указано в связи с этим событием и изменение возраста кого-либо из героев надписей — обычная система датировки их подвигов. Такое опущение встречается только в тех случаях, когда возраст героя не меняется или описываемое событие является непосредственным следствием предшествующего. Еще одно замечание — во время битвы при Ыдук-баше Кюль-тегин схватил йорыча⁵⁶ (?) Онг-тутука в полном вооружении и представил его кагану. Следовательно, в битве с Онг-тутуком тюркским войском командовал сам Капаган-каган⁵⁷.

В надписях же в одном случае Бильге говорит о победе как о своей заслуге; в другом подобном случае Бильге рассказывает о своей победе над китайским полководцем Чача-сенгуном (БКБ, 26), хотя в этом сражении тюркским войском также командовал Капаган-каган⁵⁸. Таким образом, надписи изображают победу над согдийцами и сражение с Онг-тутуком как события, следовавшие одно за другим в течение одного похода, начавшегося зимой 701/02 г. под командованием Капаган-кагана.

Но о походе Капагана за Великую стену, начавшемся в феврале 702 г. (первый месяц второго года Чанъань), рассказывают и китайские источники. Перейдя Хуанхэ (вероятно, близ известной переправы в Шэнч-

⁵⁴ Liu Mau-tsai. I. S. 218, 255.

⁵⁵ О времени рождения Бильге и Кюль-тегина см.: Метопанский. Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 140.

⁵⁶ Р. Жиро и В. Эберхард видят в слове *joryč* (*joryčün*?) искаженную передачу имени китайского полководца Вэй Юань-чжуна (*Giraud. L'empire des Turcs. P. 81–82*). Однако Вэй Юань-чжун, командовавший военным округом Лин-ву, не участвовал в кампании 702 г. (*Liu Mau-tsai. I. S. 218, 255*).

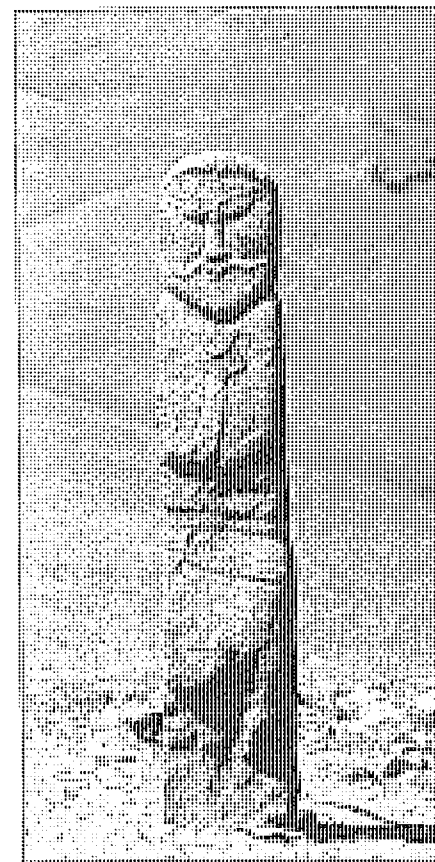
⁵⁷ Ср.: Грозин-Грозимайло. Западная Монголия. С. 306, прим. 8.

⁵⁸ Ср.: *Giraud. L'empire des Turcs. P. 172–173*.

жоу)⁵⁹, тюрки, направляясь через Ордос на юг, ограбили Сячжоу и Яньчжоу, где захватили до 100 тыс. голов овец и лошадей. Наступление тибетской конницы на Сячжоу, начавшееся в это же время, обеспечило безопасность правого фланга и тыла тюркского войска — китайские армии западных провинций были скованы в Ганьсу, где шли ожесточенные сражения⁶⁰. Преодолев Шилинский проход, тюрки провалились в Шаньси и осадили окружной город Бинчжоу (совр. Тайюань).

Армия Бинчжоу предназначалась для защиты столицы и Шантунгской равнины с северо-запада. Появление здесь «варваров», казалось, возрождало обстановку 698 г.; предпринимались меры для мобилизации против тюрков всех сил в Шаньси и Хэбэе⁶¹. В апреле 702 г. главнокомандующим был назначен губернатор Аньбэя (область излучины Хуанхэ) принц Ли Дан (в 685–689 и 710–712 гг. — император Жуйцзун), носивший также титул «Сянский князь» (Сян-ван)⁶². Под именем Онг-тутука он фигурирует в Кошоцайдамских надписях⁶³.

Ли Дан не отважился на предписанные ему решительные действия. Вялые передвижения его войск позволили тюркам уйти на север от Бинчжоу, который, впрочем, так и не был взят⁶⁴. Очевидно, именно в этот

Тюркская статуя из урочища Яруу.
Дзавханский аймак. Монголия

⁵⁹ Попов. Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 316.

⁶⁰ Бичурин. История Тибета и Хухунора. Ч. I. С. 155; *Bushell. The early history of Tibet. P. 455*.

⁶¹ Liu Mau-tsai. I. S. 218–219, 255.

⁶² Ibid.

⁶³ *oy* < кит. *wang* «князь»; *tutug* < кит. *tu-tu* «губернатор, правитель» (*Gabain. Altürkische Grammatik. S. 321, 345*). отождествление Онг-тутука с Сян-ваном впервые обосновал И. Маркварт (*Marquart. Chronologie. S. 53*).

⁶⁴ Liu Mau-tsai. I. S. 219, 255.

период произошли какие-то столкновения тюркского войска с авангардом «Сянского князя»⁶⁵. Надписи сообщают о выигранном сражении, но молчание китайских источников заставляет отнестись с осторожностью к определению масштабов и значения происшедшего столкновения. То обстоятельство, что тюрки сняли осаду с Бинчжоу и повернули на север, к границе, свидетельствует, что бой при Ыдук-баше не имел решающего характера и Капаган, несмотря на первый успех, не решился встретиться с основными силами китайской армии. Китайский историограф обвиняет Ли Дана в бездейственности, но Ли Дан, зная силу неприятеля, предпочел не навязывать бой отступающему противнику. Отказавшись от генерального сражения, Ли Дан ставил под удар северные пограничные округа, через которые отступал Капаган, но, проиграв битву, он открыл бы путь на столицу и в Шантунгскую равнину. Бой при Ыдук-баше, происшедший, вероятно, где-то в районе Бинчжоу, можно датировать апрелем-июлем 702 г. В августе Капаган, медленно отступая на север, разграбил Дайчжоу, а в начале октября — Синьчжоу; оба округа примыкают к Великой стене⁶⁶. Судя по отсутствию сообщений о новых нападениях, тюркское войско покинуло пределы империи. Приведенные сообщения могут быть синхронизованы в следующей таблице:

Китайские источники	БКБ	КТБ	Даты китайских источников	Даты надписей
Набег Мочжо на Луи-ю	поход на тангутов		12-й месяц 1-го года Цзю-ши (январь 701 г.)	конец 700 — начало 701 г.
Назначение Сян-вана командующим пограничной армией			3-й месяц 2-го года Чаньань (апрель 702 г.)	
Набег Мочжо на Ордос и Шэньси	поход на «согдийцев шести чубов»	поход на «согдийцев шести чубов»	1-й месяц 2-го года Чаньань (февраль 702 г.)	конец 701 — начало 702 г.
Посланы войска для предотвращения продвижения тюрков	битва с Онг-тутуком	битва с Онг-тутуком	3-7-й месяцы 2-го года Чаньань (апрель — июль 702 г.)	702 г.
Отступление Мочжо через Шэньси			7-9-й месяцы 2-го года Чаньань (август — октябрь 702 г.)	

Участие Бильге и Кюль-тегина в столкновении с войсками Сян-вана (весна — лето 702 г.) исключает возможность похода обоих племянников Капагана в направлении, противоположном движению главных сил тюрк-

⁶⁵ С. Е. Малов переводит фразу *oy tutuq jorčyn jaraqlyg äligin tady* (КТБ, 32) «схватил Онг-тутука с вожжами вооруженной рукой» (Малов. Памятники. С. 40). Но будущий император Жуицзун никогда не был в плену у тюрков; поэтому предпочтительнее перевод Томсена и Мелиоранского, принятый и нами.

⁶⁶ *Lin Mau-tsai*. I. S. 219.

ской армии, и предопределяет локализацию упомянутых надписями согдийцев в Ордосе — Шэньси.

Г. Е. Грумм-Гржимайло, основываясь на приближенных датировках, допускавших годовой разрыв между походом на *alty ėub soýdaq* и сражением с Онг-тутуком, отмечал, что «для прохода походным порядком 8000 верст с верховий Орхона до Шахриябза и обратно в Китай годовой срок недостаточен даже в том случае, если бы туркам не встретилось никаких задержек в пути»⁶⁷. Грумм-Гржимайло справедливо указал, что политическая конъюнктура на Тянь-Шане в 701–703 гг. исключала возможность появления там восточных тюрков и продвижения через земли Тюргешского каганата отряда Бильге и Кюль-тегина. Исходя из этих предпосылок Грумм-Гржимайло пришел к заключению, что сообщение орхонских надписей о походе на *alty ėub soýdaq* является ложным. «Вся совокупность внешних условий исключала возможность турецкого похода 701 года на Согдиану, и орхонские надписи, помимо воли их авторов (разрядка моя. — С. К.), дают тому подтверждение»⁶⁸.

Однако высокая точность известий Кошоцайдамских памятников о событиях, относящихся ко времени второго Восточнотюркского каганата, не подлежит сомнению. Выводы Грумм-Гржимайло не получили признания в специальной литературе, так как их рациональная часть — критика концепции Маркварта о походе в Согд в 701 г. восточнотюркского отряда — свелась к общему негативному выводу о недостоверности надписей как исторического источника.

Между тем достаточных оснований для такого вывода не существует. Надписи сообщают не о походе в Согд, из чего исходили и Маркварт, и Грумм-Гржимайло, а о нападении на согдийцев, живших в Ордосе — Шэньси.

Согдийцы шести округов

Проблема согдийской колонизации Ордоса впервые была рассмотрена Э. Пуллиблэнком⁶⁹. Развивая гипотезу Э. Шаванна и П. Пельо о применении в танскую эпоху термина *ху* почти исключительно к согдийцам, Э. Пуллиблэнк предположил, что существовавшая между 679–786 гг. в Южном Ордосе — Северном Шэньси — область *лю ху чжоу*, «шесть округов ху», была населена согдийцами.

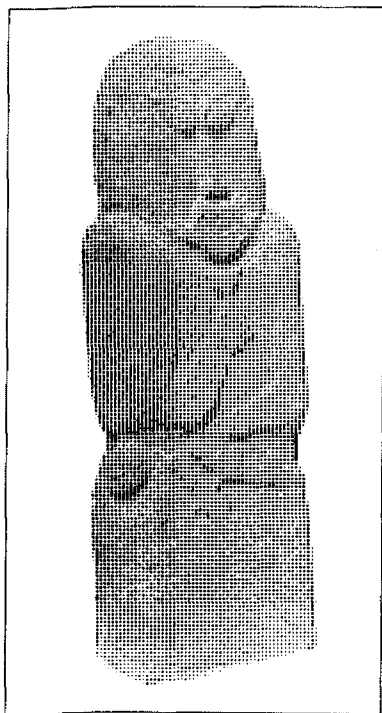
Вместе с тем словом *ху* называли и местное население Восточного Туркестана, говорившее на иранских и «тохарских» языках и диалек-

⁶⁷ Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 307.

⁶⁸ Там же. С. 307–308.

⁶⁹ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 317–356.

Тюркские статуи из урочища Суминден.
VIII в. Гоби-Алтайский аймак, Монголия

тах. Для выделения согдийцев из этой среды Пуллиблэнк указал еще на один критерий — в китайских источниках перед именами уроженцев согдийских городов ставился иероглиф, принятый для обозначения этого города. Таких прозвищ по числу городов-государств Согда было девять, семь из которых были особенно распространены: Кан (Самарканд), Ань (Бухара), Ши (Чач), Ши (Кеш — употреблен иной иероглиф, чем в предыдущем названии), Ми (Маймург), Цао (Кабу-дан), Хэ (Кушания)⁷⁰. С шестью из этих владений Согда Маркварт и

⁷⁰ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 320–323; ср.: Chavannes, Pelliot. Un traité manichéen. P. 190, 231; Халун (ср.: Henning. Sogdian «ancient letters». P. 603, п. 2) указывает, что в танскую эпоху такие китайские дополнения впереди имени должны были пониматься как «человек из Бухары (Ань)» или «человек из Самарканда (Кан)». Но подобные имена согдийцев, живших в Китае, настолько вошли в обиход среди самих согдийцев, что в VIII в. они уже писались согдийцами в документах на согдийском языке. Так, в согдийском письме 738 г. упомянут некий «Чатфаратсаран из рода Ань», а в колофоне согдийской рукописи из собрания П. Пельо, также датированной VIII в., назван «Чурак, сын Нафтира, из рода Хан». Оба этих родовых имени соответствуют китайским Ань и Кан (Henning. Sogdian texts. P. 736; Henning. Sogdian «ancient letters». P. 603).

отождествлял *alty ĉub soγdaq*⁷¹. В китайских источниках согдийцев иногда называют «ху девяти фамилий». В одном случае упомянуты «девять ху шести округов»⁷².

Выводы Пуллиблэнка вызвали известные сомнения, и были предложены иные возможные толкования анализируемых им и аналогичных сообщений⁷³. Не исключалось, что «ху шести округов» могли быть потомками местного юечжийского населения или поселенцев из Кучи и других городов Восточного Туркестана, основавших свои колонии в северо-восточной части Шэньси еще во II в. н. э.⁷⁴

Рунические надписи позволяют решить всю проблему достаточно определенно. Слово *ĉub*, интерпретация которого встретила наибольшие трудности, передает китайское *чжоу* (танское *tšiaŋ) «округ»⁷⁵. Выражение *alty ĉub soγdaq* «согдийцы шести округов» является калькой китайского административного термина «шесть округов ху», обозначавшего область согдийских колоний в Южном Ордосе — Северном Шэньси.

Согдийские колонии в Ордосе

«Шесть округов ху» — Лучжоу, Личжоу, Ханьчжоу, Сайчжоу, Ичжоу и Цичжоу — были учреждены в 679 г. Их точная локализация затруднительна. Пуллиблэнк предположительно помещает эти округа вдоль границы Ордоса, между Линчжоу (Линву) и Сячжоу (Шэньси)⁷⁶. Важные сведения, касающиеся локализации согдийских колоний Ордоса, содержатся в разделе «Синь Тан шу», посвященном административной географии империи и ежегодным податям из различных областей Китая. Из Ордоса в столицу доставляли лакричный корень, необъезженных лошадей, шкуры и кожи, воск, молочные продукты, соль, перья орлов для стрел,

⁷¹ Marquart. Chronologie. S. 56–72; Пуллиблэнк разделяет гипотезу Маркварта о походе 701 г. и локализации *alty ĉub soγdaq* (Pulleyblank. Sogdian colony. P. 321; Pulleyblank. Background. P. 112).

⁷² Pulleyblank. Sogdian colony. P. 320–322.

⁷³ Eberhard. The origin of the commonners. P. 154.

⁷⁴ Ср.: Boodberg. Two notes. P. 283–291.

⁷⁵ Возможны два пути фонетического изменения этого слова по нормам древнетюркской фонетики: а) *tš jəu > ĉiu > ĉi* (Csongor. Chinese in the Uighur script. P. 116); б) *tš jəu > ĉub/ĉiv*. Предпочтительнее чтение с конечным билабиальным -w, передающим конечный губной гласный с необычным для языка древнетюркских рунических надписей дифтонгом -əw (-ou); на закономерность передачи финального -w через руническое -b указал нам Дж. Клосон (частное письмо). Чтение *ĉiu* принято Жиро (Giraud. L'empire des Turcs. P. 188). Ср. хотанско-сакское *čū* < кит. *чжоу* (Hamilton. Autour du manuscrit Sael-Holstein. P. 124, 129). Синологической консультацией мы обязаны С. Е. Яхонтову.

⁷⁶ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 326; Попов. Мэн-гу-ю-му-цзи. С. 320.

войлок, кошмы и «полотна, которые изготовлены женщинами ху». Округа, поставившие эти полотна, располагались вдоль восточного рукава Хуанхэ в излучине реки, к югу от переправы в Шэнчжоу⁷⁷.

В 681 г., после восстания Кутлуга и ухода тюрков за Желтую реку, роль согдийцев в Ордосе значительно возросла. Их боевые отряды играли немалую роль в защите границы. В 696 г. они участвуют в отражении киданей, а в 697 г. командующий согдийским отрядом Ань Дао-май отбил тюркский набег на Шэнчжоу. Дальнейшую историю согдийцев в Ордосе Пуллиблэнк излагает следующим образом: в 698 г. по требованию Мочжо «несколько тысяч шатров» согдийцев переселились в степь за Хуанхэ. Оставшиеся в Ордосе в 703 г. были объединены в двух округах, преобразованных в 708 г. (точнее — в 707 г.)⁷⁸ в округ Ланьчи, разделенный на шесть уездов. Однако название «шесть округов ху» не исчезло; в 714 г. оно было упомянуто вновь.

В 721 г. вспыхнуло восстание ордосских согдийцев, подавленное китайскими войсками. Согдийцев расселили по другим провинциям, но в 738 г. «простили» и вернули в Ордос. В 786 г. согдийцы из Ордоса начали переселяться в Шэнси и вскоре были инкорпорированы в состав тюркского племени шато. В 830 и 874 гг. среди шато еще упоминаются «девять родов ху из шести округов», а согдийские имена бытуют до конца X в.⁷⁹

Иначе освещен начальный этап истории «шести округов» Лю Мао-цзай. Он отмечает, что шесть округов, потребованных Мочжо в 696–698 гг., не «округа ху», а шесть округов, учрежденных в 670–673 гг. «из подчинившихся тюрков», как на это показывает текст «Тан шу». Четыре из этих округов (Фэнчжоу, Шэнчжоу, Линчжоу, Сячжоу) находятся в излучине Желтой реки, два (Сочжоу и Дайчжоу) — в Шэнси. Предположение Пуллиблэнка об ошибке составителей текста «Тан шу» необоснованно. Таким образом, шесть округов, учрежденных в 670 гг., и «шесть округов ху» — две разные административно-территориальные группы; Лю Мао-цзай отвергает предположение Пуллиблэнка о переселении в 698 г. согдийцев из Ордоса в каганат⁸⁰. Однако ни Пуллиблэнк, ни Лю Мао-цзай не приводят важного для решения затронутого вопроса свидетельства, содержащегося в биографии Тянь Жэнь-хуэя и основанного

⁷⁷ Schafer, Wallacker. Local tribute products. P. 213–248, maps I–XX.

⁷⁸ Liu Mau-tsai. II. S. 600.

⁷⁹ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 326–347. В статье Пуллиблэнка реферированы недоступные нам работы японских и китайских ученых — Т. Ханеда, Кувабара, Сянь Да, Чэнь Инь-ко, — посвященные проблеме проникновения согдийцев в Центральную Азию.

⁸⁰ Liu Mau-tsai. II. S. 599–600. Ранее ту же точку зрения, что и Лю Мао-цзай, высказал японский ученый Оногава (см.: Pulleyblank. Sogdian colony. P. 354–355).

на отчете посольства Тянь Гуй-дао (698): «Мочжо еще просил в докладе государыне шесть округов ху и земли Шаньюева наместничества, но государыня не согласилась, почему Мочжо был глубоко обижен»⁸¹. Здесь ясно определен объем запроса Мочжо — он требовал передачи ему и Шаньюева наместничества, и «шести округов ху»⁸². Тем самым снимается противоречие между точками зрения Пуллиблэнка и Лю Мао-цзая: исчезает необходимость искать ошибку в источнике, определяется четкое разграничение между шестью округами Шаньюева наместничества и «шестью округами ху» (на этом настаивал Лю Мао-цзай), но сами «шесть округов ху» включаются в сферу требований Мочжо (мнение Пуллиблэнка); гипотеза о переселении согдийцев в каганат в 698 г., естественно, отпадает.

Способность «согдийцев шести округов» формировать свои военные отряды для защиты границы говорит об их значительном количестве. Интересные данные о численности согдийцев в Ордосе содержатся в биографии командующего китайской армией, подавившей восстание согдийцев в 721–722 гг., Чжан Юе. Последний вождь восставших Кан Юань-цзе был схвачен вместе со своими сородичами, мужчинами и женщинами, число которых превышало 3 тыс. человек. «После этого около 50 тыс. оставшихся ху шести округов были выселены из района излучины реки... так что область в Шофане на тысячу ли к югу от Желтой реки была опустошена»⁸³. Даже если учесть возможные преувеличения, содержащиеся в победной реляции командующего шофанской армией, нельзя отрицать многочисленность согдийского населения Ордоса в начале VIII в.

Весьма спорен вопрос об экономической природе согдийских поселений. Пуллиблэнк на основании сообщения, что в 714 г. китайский двор закупил лошадей в «шести округах ху», пришел к выводу о превращении ордосских согдийцев в степняков-скотоводов⁸⁴. Такой процесс имел место после ассимиляции согдийцев среди шато⁸⁵, но пока согдийцы сохраняли свою обособленность (тюркский текст называет их *bodun* «народ» — БКБ, 25), гипотеза Пуллиблэнка не кажется оправданной.

Пуллиблэнк не приводит контекст цитируемого сообщения. В 713–714 гг. указом Сюаньцзуна были открыты рынки для торговли с тюрками

⁸¹ Этот отрывок из «Цзю Тан шу» (цз. 185 А. Сыбуэзияо, т. 74. Шанхай, 1946. С. 1498) любезно перевел по нашей просьбе Л. Н. Меньшиков. У Лю Мао-цзая это сообщение переведено, но не прокомментировано (Liu Mau-tsai. I. S. 316).

⁸² О местоположении Шаньюева наместничества см. работу: Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 278.

⁸³ Liu Mau-tsai. I. S. 329.

⁸⁴ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 331.

⁸⁵ О шато в VIII–X вв. см. у В. Эберхарда (Eberhard. Šato. S. 15–26).

в «шести округах ху», Хэдуне (Шаньси), Шофане (Ордос) и Лун-ю. Особенно выросли закупки лошадей; между 713–726 гг. их поголовье возросло в Китае с 240 тыс. до 430 тыс. голов. Крупнейшим конным рынком стал Ордос, где с середины VII в. существовало восемь больших государственных конных заводов, занимавших территорию в 1230 цинов⁸⁶.

«Шесть округов ху», ставшие одним из главных центров торговли с тюрками, естественно, широко использовали свое посредническое положение. Главы согдийцев за успешно проведенную в 714 г. операцию поставки лошадей по китайскому правительственному заказу были награждены почетными титулами⁸⁷. Как посредники в торговле с тюрками согдийцы выступали и позднее; будущие вожди восстания 755 г. Ань Лушань и Шы Сы-мин, оба согдийцы по отцу и тюрки по матери, благодаря хорошему знанию языка пограничных «варваров» начинали свою карьеру в качестве правительственных маклеров в торговых пунктах на тюркской границе⁸⁸.

Следует, впрочем, отметить, что коневодство не обязательно связано с кочевым образом жизни. Лучшие кони, выше других ценившиеся в Китае, выращивались как раз в оседлоземледельческих районах Средней Азии — Фергане, Согде, Тохаристане, Нисе⁸⁹. В 104 и 99 гг. до н. э. ради овладения несколькими десятками «небесных аргамаков» ханьский император У-ди, не считаясь с огромными затратами, дважды посылал войска в Давань (Фергану)⁹⁰. Лошади Согда, по сообщению «Танхуйяо», были из породы даваньских лошадей и ростом «чрезвычайно велики»⁹¹. В 622 г. самаркандский владетель прислал в дар китайскому двору 4 тыс. согдийских лошадей, в связи с чем источник замечает: «Теперь служебные лошади (в Китае), кажется, и есть их разновидность»⁹².

Все это говорит против предположения Пуллиблэнка о превращении «согдийцев шести округов» в кочевых скотоводов; факты скорее свидетельствуют о важной роли торговли для согдийских колоний в Ордосе. Вместе с тем отнюдь не исключено, что согдийцы занимались земледелием и скотоводством и, возможно, не только для собственного пропитания. Археологическая разведка Ордоса и прилегающих территорий, которая могла бы определить здесь область распространения согдийской

культуры и ее характер, еще не начата. Проводившиеся работы почти целиком ограничивались изучением памятников каменного века, бронзы и раннего железа (от палеолита до эпохи Хань)⁹³. Однако результаты географического и археологического изучения Ордоса уже сейчас позволяют утверждать, что ко времени прихода согдийцев там жили отнюдь не одни кочевники⁹⁴. Освоение излучины Хуанхэ китайцами началось еще в эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н. э.)⁹⁵; по всей территории Ордоса, особенно в долине Желтой реки, открыты многочисленные городища ханьской эпохи (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) — военно-административные центры и земледельческие поселения китайских колонистов. Более того, в 1956 г. был найден памятник, свидетельствующий, что гунны Ордоса вели и оседлый образ жизни, — археолог Ли И-ю исследовал близ Эрланьхугоу (в 100 км к северу от г. Цзинина) большое гуннское городище (500 × 200 м), обнесенное земляным валом. Городище делится рекой на две половины — северную и южную. Северная половина покрыта холмами, скрывающими остатки древних построек, среди которых собрано большое количество фрагментов серой ханьской керамики. Южная половина лишена следов застройки и служила, очевидно, загонем для скота. Отдельные намеки в китайских источниках позволяют предположить, что подобного рода оседлость была характерна и для тюркского населения Ордоса. Ли И-ю установил также, что значительная часть городищ ханьской эпохи не была заброшена; вскрыты позднейшие наслоения, в том числе слои танского времени⁹⁶. В VII–IX вв. были основаны новые поселения; к их числу следует отнести согдийские колонии⁹⁷.

⁹³ Egami, Mizuno. Inner Mongolia; Maringer. Mongolia; Id. Gräber und Steindenkmäler. S. 303–339; Maringer. Vorposten. S. 5–20. О новейших исследованиях китайских археологов см.: Васильев. Археологические исследования. С. 163–171.

⁹⁴ Подробная история географического изучения Ордоса и критический анализ его результатов содержится в работах: Обручев. Ордос. С. 223–310; Он же. Центральная Азия. Т. I. С. 188–266; Carles. Ordos. P. 668–679. Особенно интересны работы Г. Н. Потанина, локализовавшего некоторые области распространения древней земледельческой культуры и собравшего народные предания о древних памятниках (Потанин. Тангуты-Тибетская окраина. Т. I. С. 107–111; см. также: Lattimore. Inner Asian frontiers).

⁹⁵ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. С. 211.

⁹⁶ Васильев. Археологические исследования. С. 169–170.

⁹⁷ Этноним одного из монгольских племен, давший имя значительному району Внутренней Монголии, — Чахар (ц'ахар, ч'ахар), по мнению Б. Я. Владимирцова, восходит к согдийскому слову *čakir* «слуга, телохранитель, воин» (араб. *шакир*, перс. *чакар*, кит. *чжэ-э*); в монгольском это слово получило значение: «слуги и простолодины, живущие близ княжеского двора», «военный лагерь, укрепленный стеной» (Владимирцов. Mongolica. С. 326–327). О чакирах в Согде см. работу Мандельштама (Мандельштам. О значении термина «чакир». С. 103–108).

⁸⁶ Зуев. Тамги лошадей. С. 95. 1 цин = 6,5 га.

⁸⁷ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 331.

⁸⁸ Liu Mau-tsai. I. S. 454.

⁸⁹ Витт. Лошади Пазарыкских курганов. С. 191–201; Yelts. The horse. P. 231–255.

⁹⁰ Бернитам. Араванские наскальные изображения. С. 151–161; Waley. The heavenly horses. P. 95–102.

⁹¹ Зуев. Тамги лошадей. С. 98.

⁹² Там же.

Перизгеса Сериндии

История согдийского проникновения в Центральную Азию показывает, что колонизация шла вдоль трасс вековых торговых путей, связывавших Китай со странами Запада. Путь на запад вел от Чанани к переправе через Хуанхэ у Ланьчжоу, по Лун-ю и Хэси, вдоль северных отрогов Наньшаня, через оазисы Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу, к западной окраине Великой стены в Юймыньгуане — «Заставе Яшмовых ворот»⁹⁸. В Гуачжоу единая артерия разветвлялась; окаймляя с севера и с юга пустыню Такла-Макан, через тяжелые барханные пески пролегали три главные караванные тропы: а) северная — через Иву (Хами), Гаочан (Турфан), Бэйтин (Бешбалык), Шихо — долину р. Или; б) средняя — от Гаочана к Агни (Карашар), Аньси (Куча), Гумо (Аксу), откуда, через перевал Бедель, к южному берегу Иссык-Куля; в) южная — через Дуньхуан, Шаньшань, Юйтянь (Хоган), Согюй (Яркент) — в Алайскую долину и Тохаристан. Существовал и другой вариант двух последних путей — с выходом в Сулэ (Кашгар) и далее в Фергану⁹⁹.

По мнению В. Хеннинга и Г. Халуна, путь в Китай начал осваиваться согдийцами в IV–III вв. до н. э., задолго до путешествия Чжан-цзяна в Западный край (138–126 гг. до н. э.) и первых караванов, посланных императором У-ди на Запад¹⁰⁰. На всем протяжении пути постепенно возникали процветающие согдийские колонии, существовавшие по крайней мере до IX–X вв.¹⁰¹ В собственно китайских городах и административных центрах (например, Чанани, Лянчжоу, Дуньхуане), как и в «тохарских» городах Восточного Туркестана, согдийцы селились большими общинами. Много купцов из Согды жило в Лянчжоу (Гудзан, согд. Кс'п). При взятии города императором Тай У-ди (439 г.) они были задержаны и лишь в 50-х гг. выкуплены послами царя Согды¹⁰². Согдий-

⁹⁸ Еще в X в. Гуачжоу был, по сведениям «Худуд ал-'Алам», «местом пребывания купцов» и его население исповедовало манихейство (*Minorsky. Hudud al-'Alam. P. 85*). Таким же центром пограничной и транзитной торговли был в IX–X вв. оазис Сучжоу, в рунических текстах из Восточного Туркестана — *Suğu-balyq (Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 186)*.

⁹⁹ *Chavannes. Documents. P. 5–13; Yule. Cathay; Herrmann. Die alten Seidenstrassen; Id. Atlas. P. 24; Id. Das Land der Seide.*

¹⁰⁰ *Henning. Sogdian «ancient letters». P. 608; Id. Mitteliranisch. S. 54–55; ср. также: Maspero. Etudes historiques. P. 35–51; Id. Chine antique. P. 504–515.*

¹⁰¹ «Худуд 'Ал-'алам» (X в.) упоминает близ Турфана пять селений, «принадлежащих согдийцам. В них живут христиане, зороастрийцы и сабни (буддисты?)» (*Minorsky. Hudud al-'Alam. P. 95*).

¹⁰² *Hirth. Hunnenforschungen. S. 87–90; Maenchen-Helfen. Huns. P. 266; Enoki. Sogdiana. P. 44.*

ская община в Дуньхуане насчитывала в начале IV в. н. э. около тысячи человек¹⁰³. Большая согдийская община существовала во второй половине VIII в. в Чанани; им покровительствовал их могущественный единовладелец — перешедший в манихейство уйгурский каган¹⁰⁴. «Старые письма» показывают, что связь этих общин с метрополией не прерывалась¹⁰⁵.

Кроме согдийских кварталов в китайских городах существовали колонии другого типа — поселения, основанные и управляемые согдийцами. Китайские источники сохранили рассказ об одной из таких колоний — группе согдийских поселений, основанных в 627–649 гг. вокруг Лоб-нора¹⁰⁶.

Особенно ценные сведения о лобнорской колонии содержатся в географическом справочнике IX в., найденном в Дуньхуане. При Суйской династии близ Лоб-нора, в области Шаньшань (Лоулань), был основан китайский город, покинутый после 618 г. «Кан Янь-тянь, великий вождь из царства Кан (Самарканд), пришел на восток и поселился в этом городе. Его сопровождали многие ху, так что тут стало населенное место: оно также называлось город Тянь-хэ (значение названия — «связанные вместе [Кан Янь]-тянем»). Город со всех сторон окружала песчаная пустыня»¹⁰⁷. Вскоре Кан Янь-тянь основал близ Тянь-хэ еще три укрепленных селения, одно из которых называлось Путоачэн — «Город винограда»¹⁰⁸. Уже одно это название говорит о том, что поселения согдийцев быстро обрастали пашнями и виноградниками. Очевидно, колонию, основанную на караванном пути одной из аристократических семей Самарканда, населяли в основном земледельцы и ремесленники.

Несколько ранее описанных событий «торговые» согдийцы, частично смешанные с местным населением, овладели Иву (Хами). Располагая тысячей «превосходных воинов», они были достаточно самостоятельны и в зависимости от обстоятельств признавали сюзеренитет то Китая, то турков, то теле¹⁰⁹.

¹⁰³ *Henning. Sogdian «ancient letters». P. 606.*

¹⁰⁴ *Pulleyblank. Background. P. 104.*

¹⁰⁵ *Розенберг. Согдийские «старые письма». С. 455.* Не прерывалась эта связь и позднее (*Бартольд. История культурной жизни Туркестана. С. 19*). В. Хеннинг отмечает одновременность распространения персидского (таджикского) языка в Согде и согдийских колониях Восточного Туркестана (*Henning. Älteste persische Gedichthandschrift. S. 305–307*).

¹⁰⁶ *Pelliot. Colonie sogdienne. P. 111–123.*

¹⁰⁷ *Giles. Chinese geographical text. P. 827.*

¹⁰⁸ *Ibid. P. 829–830.*

¹⁰⁹ *Pulleyblank. Sogdian colony. P. 350.*

Дорога ветров

Топография согдийских поселений в Центральной Азии позволяет выдвинуть гипотезу, которая, как нам представляется, могла бы раскрыть одну из причин жизнестойкости согдийских колоний в Ордосе. Путь от Дуньхуана до переправы через Желтую реку пролегал вдоль тибетской границы, в районе, который во второй половине VII в. из-за непрерывных тибетско-китайских войн перестал быть безопасным для караванов. Гарнизоны Великой стены прикрывали этот путь с севера, но именно на севере с 630 по 681 г. влияние империи было определяющим политическим фактором. В связи с этим возможно предположить, что наряду с маршрутом через Лянчжоу существовал еще один караванный путь, который в новой европейской и американской географической литературе получил название «Дорога ветров».

Подробное описание «Дороги ветров» содержится в отчетах экспедиций Р. Эндрьюса и О. Лэттимора; часть этого маршрута прошел в 1878–1879 гг. русский путешественник М. В. Певцов. Дорога пролежала по южной окраине Гоби, вдоль склонов Гобийского Алтая и Восточного Тянь-Шаня. В XIX в. этот путь, начинавшийся близ северо-восточной границы Ордоса, в Куку-хото (Гуйхуачэн), являлся «прямым коммерческим трактом»¹¹⁰. По измерению Лэттимора, путь от Куку-хото до Гучена в Восточном Туркестане (в 30 км к востоку от древнего Бешбалыка) равен 1587 милям, т. е. почти не превышает по длине пути вдоль Наньшаня; караван Лэттимора затратил на дорогу около четырех месяцев¹¹¹. В то же время, по характеристике Эндрьюса, «дорога ветров — естественный путь в Туркестан, так как позволяет использовать подземные воды и прекрасные пастбища Алтая и обходит с севера Великое песчаное море»¹¹².

Караванная дорога по этому маршруту обозначена на тангутской карте XI в., изданной и интерпретированной Е. И. Кычановым¹¹³. В северо-западной части излучины Желтой реки дорога сворачивала в Ордос и вела в Центральный Китай. Путь через Ордос был самым удобным — до Юаньской династии крупнейшие центры империи и обе ее столицы локализовались в провинциях, расположенных к югу и юго-востоку от Ордоса. Другое сообщение о пути через Ордос, относящееся к X в., содержится в письме семи буддийских наставников (ачарья) из Индии, направлявшихся в Китай через Шачжоу — Шофан. По дороге пилигримы были ограб-

¹¹⁰ Певцов. Очерки путешествия по Монголии. С. 67.

¹¹¹ Lattimore. Desert road. P. 303–326.

¹¹² Andrews. The new conquest of Central Asia. P. 369.

¹¹³ Кычанов. Китайский рукописный атлас. С. 210 и карта.

лены уйгурами и написали жалобу, доставленную китайскому наместнику в Шачжоу¹¹⁴.

Наконец, использование этого маршрута согдийцами в более позднее время отмечено в сообщении Джувеини (XIII в.) о г. Самарканде, расположенном в семи днях пути к северу от Бешбалыка. По мнению Бартольда, «это известие указывает на существование согдийской колонии в Западной Монголии»¹¹⁵. Учитывая приведенные выше соображения, не исключено, что северный путь в Китай существовал уже во второй половине VII в. Однако не «Дорога ветров», а иные причины оказали решающее влияние на возникновение и судьбу согдийских колоний в северных районах Центральной Азии.

ТЮРКИ

Торговля шелком

Принято считать, что первые контакты между согдийцами и тюрками начались со времени завоевания последними Средней Азии, в 60-х гг. VI в. Общность интересов в транзитной торговле шелком способствовала прочности завязавшихся связей — тюркские ханы нашли покупателя для награбленного в Китае шелка, а согдийские купцы при содействии каганов вывозили драгоценный товар в Иран и Византию.

Действительно, торговля шелком приносила огромные доходы согдийским купцам; свою долю в виде налогов получали и их тюркские сюзерены. Однако новые открытия ставят под сомнение безоговорочное определение этой торговли как «транзитной» — согдийцы вывозили в страны Запада не только китайские шелка, но и шелковые ткани среднеазиатского производства¹¹⁶; более того, согдийские ткани были распространены и высоко ценились в Восточном Туркестане и Китае¹¹⁷.

¹¹⁴ Bailey. Seven princes. P. 624.

¹¹⁵ Бартольд. О языках согдийском и тохарском. С. 35; ср.: Barthold. Historische Bedeutung. S. 4.

¹¹⁶ Кусок такой ткани с согдийской надписью VII–VIII вв., хранящийся в соборе г. Юн (Бельгия), недавно определен Д. Шеферд и В. Хеннингом (Shepherd, Henning. Zandaniji identified? S. 15–40; см. также: Белецкий, Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. С. 68–78).

¹¹⁷ Laufer. Sino-Iranica. P. 488–502; Stein. Innermost Asia. Vol. I. P. 79–80; Stein. On ancient Central-Asian tracks. P. 269; Шникин. К вопросу о древних культурных связях. С. 25. Ср. также термин *gr'ynk* (разновидность шелковой ткани) в документах из Нин (I–III в. н. э.) (Henning. Two Central Asian words. P. 150–157).

Тюркские статуи из Хиргис-сомона. VIII в. Убсунурский аймак. Монголия

Шелкоткацкое производство появилось в странах Западной Азии (Иран, Сирия) и в Египте еще в первые века нашей эры, но его основой долгое время были импортируемые из Китая шелк-сырец и шелковая пряжа¹¹⁸. Прокопий Кесарийский пишет: «Платья из шелка-сырца в Бейруте (Бейруте) и Тире, городах Финикии, выделялись издревле. Там издавна жили торговцы, хозяева мастерских и ремесленники, и отсюда товар распространялся по всей земле»¹¹⁹. Искусство разведения шелковичного червя (шелкопряда) было заимствовано в Средней Азии из Хотана не ранее начала V в.¹²⁰, однако еще до начала VI в. оно распространилось не только в Фергане и Согде, но и в Мервском оазисе и Гургане у юго-восточного побережья Каспийского моря¹²¹. В VI в. в Иране и Византии уже появляется свой шелк-сырец. По мнению иранского исследователя Таки Бахрами, Иран является родиной одного из видов шелковичного червя¹²²; на возможность аборигенного происхождения шелковичного червя в Иране и Средней Азии указывал и Б. Лауфер¹²³. Однако точных сведений о разведении там шелкопряда для получения грены и шелка-сырца до V в. нет.

В VI в. шелкоткацкое производство Согда, развившееся в конце IV в.¹²⁴, обеспечивалось местным сырьем. В VII–VIII вв. техника изго-

товления узорных шелковых тканей достигла там значительных успехов¹²⁵, но уже в VI в. производство шелка настолько выросло, что сбыт превратился для согдийцев в острейшую проблему. Это обстоятельство в значительной мере объясняет настойчивость, с которой глава тюрко-согдийского посольства Маниах добивался торгового соглашения в Ктезифоне и Константинополе¹²⁶. В одной из своих неопубликованных работ Бартольд отмечает, что Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов¹²⁷. Именно этот аспект внешней политики константинопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения. Связи с согдийцами после распада Тюркской империи в 603 г. сохранил не только Западнотюркский каганат, контролировавший большинство государств Средней Азии. Начало VII в. отмечено ростом влияния согдийцев в Восточнотюркском каганате. Более того, есть основание полагать, что контакты между согдийцами и тюрками установились задолго до образования каганата. Однако, чтобы наметить первые этапы тюрко-согдийских связей, необходимо пересмотреть сложившиеся представления о происхождении племени тюрк и его ранней истории.

Тюркские легенды

Наряду с собственно историческими свидетельствами о ранней истории племени тюрк, основанными на повседневных официальных записях («ежедневных хрониках») и текстах документов, в «Чжоу шу», «Бэй ши» и «Суй шу» воспроизведены две племенные генеалогические легенды, записанные со слов тюркских информаторов; наиболее полно текст легенд сохранил в «Чжоу шу», где отмечается, что легенды рассказаны разными лицами, очевидно, в разное время. Анализ сообщений обеих легенд показал имеющуюся в них реалистическую основу, историографическая ценность которой в настоящее время представляется несомненной¹²⁸.

¹²⁵ Винокурова. Ткани из замка на горе Муг. С. 32. Весьма развиты были в Согде и другие виды текстильного производства; в изготовлении хлопчатобумажных тканей, пользовавшихся большим спросом среди кочевников, Средняя Азия долгое время занимала монопольное положение, и лишь в IX–X вв. хлопок был перенесен отсюда в Китай (Бартольд. Хлопководство в Средней Азии. С. 15).

¹²⁶ Doblhofer. Byzantinische Diplomaten. S. 132–135; Хенниг. Неведомые земли. С. 90–91. Об усилении торговых связей с Византией после посольства Маниаха см.: Ставиский. О международных связях Средней Азии. С. 112.

¹²⁷ Бартольд. Очерк истории Туркестана. С. 33.

¹²⁸ Аристов. Заметки. С. 4–6; Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 494; Кызласов. Тува в период Тюркского каганата. С. 70.

¹¹⁸ Sarasin. Die Seidenstrassen. S. 96; Пигулевская. Города Ирана. С. 225–228.

¹¹⁹ Цит. по пер. Н. В. Пигулевской (Пигулевская. Города Ирана. С. 227).

¹²⁰ Laufer. Sino-Iranica. P. 537.

¹²¹ Массон. Из истории распространения шелкопряда. С. 47–51.

¹²² Петрушевский. Земледелие в Иране. С. 166.

¹²³ Laufer. Sino-Iranica. P. 537–539.

¹²⁴ Пигулевская. Византия на путях в Индию. С. 201.

Согласно первой легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота (по «Бэй ши» и «Суй шу» — на правом берегу Си хай — «Западного моря») ¹²⁹, были истреблены воинами соседнего племени (по переводу Б. Огеля — «воинами государства Линь», которых он отождествляет с одним из сяньбийских племен) ¹³⁰.

В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого спасла от голодной смерти волчица, ставшая его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших и мальчика — последнего из истребленного племени, — волчица бежит в горы севернее Гаочана (Турфанский оазис).

Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана и создают свои роды; один из сыновей носит имя Ашина, и его имя становится именем его рода. Ашина, который оказался способнее своих братьев, стал вождем нового племени. Впоследствии число родов увеличилось до нескольких сот. Вождь племени, один из наследников Ашина, Асянь-шад ¹³¹ вывел потомков волчицы из гор Гаочана и поселил их на Алтае (Циньшань), где они становятся подданными жуань-жуаней, добывая и обрабатывая для них железо. На Алтае племя принимает наименование *түрк*, которое, согласно легенде, связано с местным названием Алтайских гор ¹³².

¹²⁹ *Liu Mau-tsai*. I. S. 40; II. S. 488. В сравнительно позднее время (VI–VIII вв.) название Си хай — «Западное море» использовалось для обозначения Аральского и Каспийского морей (*Franke. Geschichte*. Bd. II. S. 235; *Liu Mau-tsai*. II. S. 488, 495). В первой половине I тысячелетия н. э. это же название применялось к оз. Куку-нор и области на границе Западного Цинхя (Ся Най. Сасанидские серебряные монеты. С. 109). Однако благодаря исследованиям Р. Матера возможно сравнительно уверенно локализовать район Си хай применительно к IV–V вв. — это район в обширной дельте р. Эдзин-гол, протоки которой впадают в озера Гашун-нор и Согонор, окруженные множеством озер и солончаковыми болотами; в указанное время округ Си хай был частью провинции Лян, включавшей большую часть Ганьсу, Турфанскую депрессию на северо-западе, Синин — на юге (*Mather. Biography of Lü Kuang*. P. 75, 88; *Herrmann. Atlas*. P. 22, 30–31). О датировке описываемых событий см. выше. Описание низовой р. Эдзин-гол см. в работах Козлова и Обручева (*Козлов. Монголия и Амдо*. С. 71–73; *Обручев. Центральная Азия*. С. 398–399).

¹³⁰ *Ögel. Doğu göktürk*. S. 84–88, 103–104.

¹³¹ *Liu Mau-tsai*. I. S. 40. («Суй шу», цз. 84); Б. Огель, рассматривая начальное *а-* в слове *асянь* как сокращение родового имени ашина, определяет *сянь* как китайскую кальку тюркского *bilge* «мудрый» (*Ögel. Doğu göktürk*. S. 112).

¹³² *Liu Mau-tsai*. I. S. 5 (версия «Чжоу шу», цз. 50); ср.: *Бичурин. Собрание сведений*. Т. I. С. 220–221 (версия «Синь Тан шу», цз. 215). И. Маркварт без каких-либо аргументов относит эту легенду только к западным тюркам; по его мнению, в ней отражен процесс преобразования одного из булгарских племен в западнотюркский племенной союз, происходивший на Северном Кавказе в позднегуннскую эпоху; сближая тюркскую и усуньскую генеалогические легенды, Маркварт относит усуней к гуннским племенам (*Markwart. Analekten*. S. 94–95). Подробнее об этимологии этнонима *түрк* см.: *Кононов. Опыт анализа термина түрк*. С. 40–47.

По второй легенде, предки племени түрк происходят из владения Со, которое локализуется Н. А. Аристовым в районе впадения р. Лебеди в р. Бию, на северных склонах Алтая ¹³³. Глава племени Абанбу имел семнадцать братьев, один из которых, Ичжинишиду, назван «сыном волчицы». Владение Со было уничтожено врагами, а спасшиеся роды рассеялись. Благодаря сверхъестественным способностям «сына волчицы» Ичжинишиду его род оказался в наиболее благоприятном положении. Один из его сыновей стал «белым лебедем», что, по толкованию Н. А. Аристова, должно означать р. Лебедь ¹³⁴. Другой сын основал владение Цигу ¹³⁵, расположенное между реками Афу и Гянь (Абакан и Кем, т. е. Енисей) ¹³⁶. Третий сын правил на р. Чжучже, а старший сын, Нодулу-шад, поселился в Цаянсы Чжучжеши (Басычусиши) ¹³⁷. К роду Нодулу-шада присоединился и собственный род Абанбу. Нодулу-шад имел десять жен, сыновья которых носили родовые имена матерей ¹³⁸. Сыном его младшей жены был Ашина. После смерти Нодулу-шада его сыновья решили, что вождем племени станет тот из них, кто окажется более сильным и ловким, чем другие. Победил в состязании Ашина, который, став вождем, принял имя Асянь-шад ¹³⁹. Ему наследовал его сын или племянник Туу. Сын Туу — Тумынь, Бумын рунических текстов, стал основателем каганата ¹⁴⁰.

Автор раздела о тюрках в «Чжоу шу» отмечает, сравнивая обе легенды: «Хотя это сообщение отличается от другого (т. е. от первой леген-

¹³³ *Аристов. Заметки*. С. 279; также см.: *Киселев. Древняя история Южной Сибири*. С. 494. Лю Мао-цзай и Б. Огель идентифицируют владение Со с таким же именем одного из сяньбийских племен (*Liu Mau-tsai*. II. S. 489; *Ögel. Doğu göktürk*. S. 103–104).

¹³⁴ *Аристов. Заметки*. С. 279–280. Население этого района еще в XIX в. называло себя *кукижи* «лебедины, люди (реки) Лебеди» (*Radloff. Aus Sibirien*. Bd. I. S. 2.12).

¹³⁵ Один из вариантов этнонима *кыргыз* (*Wittfogel, Fêng Chia-shêng. History of Chinese society*. P. 105). Отождествление *цигу* с народом *чик*, упомянутым в надписи Бильге-кагана (БКБ, 26), предложили Грумм-Гржимайло (*Грумм-Гржимайло. Западная Монголия*. С. 311) и Кызласов (*Кызласов. Тува в период тюркского каганата*. С. 70).

¹³⁶ *Hirth. Nachworte*. S. 42–43; *Hambis. Notes sur Kâm*. P. 281–300.

¹³⁷ *Бичурин. Собрание сведений*. Т. I. С. 222. Локализация обоих топонимов крайне затруднительна. По Аристову, это р. Чуя и прилегающий горный район (*Аристов. Заметки*. С. 280). Лю Мао-цзай условно отождествляет упомянутые горы с Западным Саяном (*Liu Mau-tsai*. II. S. 489–490).

¹³⁸ С. В. Киселев отмечает, что свидетельство о сохранении у тюрков счета родства по материнской линии «особенно убеждает в том, что в основе разбираемых легенд лежат некогда бывшие реальными события и представления» (*Киселев. Древняя история Южной Сибири*. С. 494). Этнографический аспект обеих легенд подробно рассмотрен Б. Огелем (*Ögel. Doğu göktürk*. S. 105–109); ср.: *Потанов. Очерки по истории алтайцев*. С. 137–138).

¹³⁹ *Liu Mau-tsai*. I. S. 5–6.

¹⁴⁰ По «Тан шу», цз. 215: «Прародителем западных тюрков был Туу, внук Нодулу. Он прозывался великий ябгу. Тумынь был старшим сыном Туу» (*Liu Mau-tsai*. II. S. 490). Следовательно, Асянь-шад, сын Нодулу, мог быть отцом или дядей Туу.

ды. — С. К.), они совпадают в том, что тюрки происходят от волчицы»¹⁴¹. Однако этим не ограничивается сходство обоих вариантов генеалогического мифа тюрков. И в той и в другой легенде говорится о гибели племени (владения), к которому принадлежали отдаленные предки тюрков, о бегстве (расселении) того (тех), кто спасся, о первоначальном десятиродовом составе племени (в одном случае — по числу сыновей волчицы, в другом — по числу жен внука волчицы, сыновья которых носили родовые имена матерей), о выдающейся роли Асянь-шада в истории племени, о сравнительно позднем возникновении этнонима тюрк, который принимает род ашина и подвластные ему роды. В остальном обе легенды фиксируют внимание на частных моментах этой эпопеи, различно освещенных в каждой из них. Возможно предположить, что здесь скорее следует видеть два варианта одной легенды, воспроизведенных разными хронистами, чем две самостоятельные по своему происхождению легенды.

Последние гунны

Исторические сведения, относящиеся к «доалтайскому» периоду существования племени тюрк, наиболее полно переданы в «Суй шу»: «Предками туцзюэ были смешанные ху Пинляна. Их родовое прозвание было ашина. Когда северовэйский император Тай У-ди уничтожил Цзюйцюй (439), Ашина (вождь племени) с пятьюстами семей бежал к жу-жу (жуань-жуаням). Они (племя ашина) жили из рода в род у гор Циньшань (Алтай) и занимались обработкой железа» («Суй шу», цз. 84)¹⁴². Сообщение «Суй шу» тесно связывает раннюю историю племени тюрк (ашина) с историей позднегуннских государств, существовавших на территории Китая в 308–460 гг.¹⁴³

После распада Ханьской империи (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) во внутренние районы Китая началось массовое переселение варварских

¹⁴¹ Liu Mau-tsai. I. S. 6.

¹⁴² Ibid. S. 40; «Цзычжи тунцзянь», цз. 159; «Предки тюркского дома Ашина произошли от смешанных ху'ских родов, прежде кочевавших в Пинляне» (по переводу: Зуев. К этнической истории усуней. С. 14). В других династийных хрониках подчеркивается генеалогическое родство туцзюэ (тюрков) с сюнну (гуннами). Словом ху в ханьскую эпоху называли прежде всего гуннов. Однако в IV–V вв. под ху понималось преимущественно местное население Восточного Туркестана и прилегающей части Ганьсу. По объяснению Лю Мао-цзяя, «смешанные ху» — «варвары, смешанные в этническом отношении с другими варварами» (Liu Mau-tsai. II. S. 519). По контексту приведенного сообщения, речь идет о гуннах, смешанных с местным населением названной части Ганьсу.

¹⁴³ Cordier. Histoire. Vol. I. P. 340–384; Franke. Geschichte. Bd. II. S. 117–250; McGovern. Early empires. P. 311–355.

племен — гуннов (преимущественно тюркоязычные племена)¹⁴⁴, сяньби (конгломерат тюркоязычных и монголоязычных племен)¹⁴⁵, ди и цянов (тангуты-тибетские племена)¹⁴⁶, цзе (одно из ираноязычных юечжийских племен)¹⁴⁷.

Только между 276 и 289 гг. в провинции Хэбэй, Шаньси и Шаньси переселилось более 400 тыс. гуннов и сяньби; в Гуаньчжуне поселилось более 500 тыс. ди и цянов, что составило половину населения этого района¹⁴⁸. Переселившиеся в Китай племена сохранили свою военную и племенную организацию, свой образ жизни, язык и обычаи, хотя сильнейшее китайское влияние на их общественный строй и культуру несомненно; они активно участвовали в политической борьбе, происходившей в Китае, а в начале IV в. выступили как самостоятельная сила.

В 308 г. шаньюй гуннских племен Шаньси Лю Юань, носивший до 304 г. титул князя Хань, провозгласил себя императором¹⁴⁹. В 311 г. его сын Лю Цун осадил столицу Цзиньской империи — Лоян. Драматиче-

¹⁴⁴ О языке позднегуннских племен Центральной Азии см.: Ramstedt. Stellung des Tschuwassischen. S. 30–31; Bazin. Texte prototurc. P. 208–219. Дискуссия: Gabain. Steppe und Stadt. S. 244–246; Benzing. Das Hunnische. S. 685–687. Ср. также: Németh. Hunlariu dili. S. 106–144; Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie. P. 141–188; Constantin. Were the «Hsiung-nu». P. 317–323. О происхождении этнонима см.: Pritsak. Hun. S. 27–34; Maenchen-Helfen. Ethnic name Hun. P. 233–238; Maenchen-Helfen. Archaistic names. P. 249–261.

¹⁴⁵ Eberhard. Çin' in şimal komşuları. S. 45–46; Bazin. Appartenances linguistiques. P. 129–138. Существуют и крайние точки зрения; так, Г. Шрейбер полагает, что сяньби были в целом тюркоязычны (Schreiber. Das Volk der Hsien-pi. S. 145–203). Напротив, по мнению Л. Лигети, сяньби принадлежали к группе монголоязычных племен (Сравнительная грамматика монгольских языков; ср.: Clauson. Turk. P. 105–123).

¹⁴⁶ Morse, Yen. Ancient ethnic groups. P. 107–130; Thomas. Nam. P. 52, 57.

¹⁴⁷ Яо Вэй-юань. Исследование о фамилиях ху при Северных династиях. С. 355–358. Это племя, часто ошибочно отождествляемое с гуннами (Грум-Гржимайло. Западная Монголия. С. 15; Maenchen-Helfen. Huns. P. 222–243), было в значительной степени уничтожено в 349 г. по приказу князя династии Чжао (Северная Хань) Ши Миня, причем «воины цзе опознавались по высоким носам и густым бородам». Перенесение отмеченных соматических признаков на центральноазиатских гуннов послужило одним из оснований шаткой гипотезы о «европеоидности» азиатских гуннов в отличие от «монголоидных» гуннов, появившихся на Западе в IV–V вв.; антропологические исследования, осуществленные Л. Бартучем, З. Такачем (Takacs. On the Hsiung-nu figure. P. 274–276) и Г. Ф. Дебецом (Дебеч. Палеоантропология СССР. С. 120–123; там же — о результатах работ Л. Бартуча), показали единство иконографического типа и палеоантропологического материала из гуннских погребений Венгрии, Забайкалья и Монголии, принадлежность которого к палеосибирскому типу азиатского расового ствола, по мнению специалистов, не вызывает сомнений.

¹⁴⁸ Шан Юэ. Очерки по истории Китая. С. 134.

¹⁴⁹ Eberhard. Liu Yüan ve Liu Ts'ung. S. 3–72; Franke. Geschichte. Bd. II. S. 40–53.

ские события, последовавшие за взятием города, нашли отражение в одном из интереснейших документов, написанном очевидцем, — письме согдийского купца Нанайвандака¹⁵⁰.

Вскоре Цзиньская империя (280–316) перестала существовать, и лишь на юге страны, в бассейне Янцзы, полководец Сыма Жуй удержал власть и основал династию Восточная Цзинь (317–420). Созданная Лю Юанем династия Раннее Чжао (316–329) была уничтожена юечжийским племенем цзе (династия Позднее Чжао, 319–350). На территории Северного Китая возникло несколько эфемерных варварских государств, находившихся в состоянии постоянной войны друг с другом. Время с 304 по 439 г. в традиционной китайской историографии получило название периода «шестнадцати варварских государств пяти северных племен»¹⁵¹.

Племя ашина

В конце IV в. усилилось одно из сяньбийских племен на северо-востоке Китая — тюркоязычные табгачи (китайское тоба, древнетюркское *tabgač*, греческое Ταυγῆστ, арабское تغلج (тамгадж))¹⁵². В 386 г. их вождь Тоба Гуй основал династию Северное Вэй (386–532), объединившую под своей властью весь Северный Китай (439)¹⁵³. К концу V в. династия и племя табгач почти полностью ассимилировались в китайской этнической среде. В рунических надписях этим именем называлось коренное население Китая. В 431–439 гг. вэйский император Тай У-ди (424–

¹⁵⁰ Henning. Sogdian «ancient letters». P. 601–615. В этом документе племена, захватившие Лоян, названы *-xün-hün*; поскольку тождество этих племен с сюнну (hsüung-nu) китайских источников несомненно, согдийские «старые письма» впервые воспроизвели имя центральноазиатских гуннов, записанное не иероглифическим, а алфавитным письмом. В согдийских текстах с горы Муг этноним *γυν* обозначает восточных тюрков (Лившиц. Согдийский посол. С. 103). Маловероятно, что здесь имеет место сохранение «традиции китайских источников». Такая традиция действительно существовала в официальной китайской историографии, где в некоторых случаях этноним *сюнну* фигурировал как синоним имени *мугское* (Liu Mau-tai. II. S. 778). Однако неясно, как эта литературная китайская традиция могла повлиять на сугубо частную переписку мелких согдийских аладетелей начала VIII в. Если отождествление *γυν* мугского документа B-17 с восточными тюрками оправданно, не будет ли более правильным предположить существование местной согдийской традиции (литературной и изустной), основанной на давнем (IV в.) знакомстве с одним из гуннских племен Хэси-Гаочана, впоследствии получившим известность под именем *тюрк*. О термине *γυν* в мугских документах см. также: Боголюбов, Смирнова. Согдийский документ Б-1. С. 127.

¹⁵¹ Шан Юэ. Очерки по истории Китая. С. 34.

¹⁵² Pelliot. Nom de Chine. P. 731; Bazin. T'o-pa. P. 228–329; Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. II. S. 302–303; Minorsky. Sharaf al-Zaman. P. 18, 63, 96; Pritsak. Karachaniden. S. 20.

¹⁵³ Eberhard. Das Toba-Reich.

452) овладел двумя последними гуннскими государствами на территории Китая — царством Ся (407–431) в Шэньси и Пиньляне и царством Лян (401–439) в Хэси¹⁵⁴. С этими двумя царствами и связано первое упоминание племени ашина в китайской историографической литературе¹⁵⁵.

Проникновение гуннов в Пиньлян и Хэси началось в первой половине II в. до н. э. Оттеснив на запад, в Семиречье и Среднюю Азию, автохтонное население — юечжей и усуней, — гунны, однако, не удержались на захваченной территории — начавшаяся в годы правления У-ди (140–87 гг. до н. э.) китайская колонизация Хэси и бассейна Тарима вынудила их отступить на север¹⁵⁶.

Миграция юечжийских и усуньских племен не была полной — еще в V в. н. э. некоторые из них упоминаются в пределах древней племенной территории¹⁵⁷. В 25–55 гг. н. э. в Хэси под защиту Великой стены бегут многие роды разгромленных гуннами динлинов, ухуань и сяньби¹⁵⁸. Массовое переселение гуннских племен в этот район началось в 265 г., когда «на границе за Великой стеной (роды) Дашуй, Сайни, Хэнаньские и другие 20 000 с лишком семейств приняли (китайское) подданство. Император, приняв их, отправил на местожительство в Хэси под древний город Иян, и затем снова (они) смешались с цзиньскими людьми. Затем в Пи-

¹⁵⁴ Franke. Geschichte. Bd. II. S. 180–200.

¹⁵⁵ Gabain. Beziehungen. S. 14–18; Ögel. Doğu göktürk. S. 92–93. Несколько обособлена гипотеза Мустафы Кёймена, связывающего происхождение племени *түрк* с одним из наиболее известных гуннских племен — *мугэ* (t'uko); самоназвание этого племени М. Кёймен рассматривает как вариант этнонима *түрк* (Köymen. T'u-ko kabilesi. S. 51–59). Это племя, переселившееся в Северный Китай в IV в., вскоре было причислено, как и некоторые табгачские племена (роды?), к числу китайских аристократических фамилий; в VII в. вожди племени находились в родственных отношениях с Танским императорским домом (618–907); отдельные роды *мугэ* упоминаются в источниках эпохи Сун (960–1279). По мнению Прицака, этноним *мугэ* тождествен *доуло* болгарского княжества именника (Pritsak. Bulgarische Fürstenliste. S. 64).

¹⁵⁶ Franke. Geschichte. Bd. I. S. 329–357; о первоначальных племенных территориях юечжей и усуней см.: Haloun. Zur Üe-tsi-Frage. S. 290–297. Отождествление юечжи-тохары, выдвинутое еще Дегином (Deguines. Histoire générale des Huns. Vol. I. P. 97), в настоящее время можно считать общепринятым (Умняков. Тохарская проблема. С. 181–193; Он же. Тохары. С. 15–22; Maenchen-Helfen. Jüch-chih problem. P. 77; Бернштам. Новые работы. С. 134–138). Проблема атрибуции тохарского языка чрезвычайно сложна и не может считаться решенной (ср.: Фрейман. Тохарский вопрос. С. 123–135; Иванов. Тохарские языки; ср.: Henning. «Tocharian» language. P. 158–162). По мнению Х. Бейли, юечжи (yüschü) — транскрипция иранского *garčik* «горец» (Bailey. Ariaca. P. 533–536). О юечжах см. теперь: Кляшторный, Сашинов. Пазаракская узда. С. 167–177.

¹⁵⁷ Haloun. Zur Üe-tsi-Frage. S. 280, 284–285, 293–297; Haloun. Liang-chou rebellion. P. 119–132; Chavannes. Les pays d'Occident. P. 527–528. Бэйли отмечает участие юечжийских племен в событиях IX в., происходивших в Ганьсу (Bailey. Anapa. P. 535–536).

¹⁵⁸ Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Wei-liao. P. 525.

нян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандин, Лопин, во всех округах не было (округа), где не было бы гуннов»¹⁵⁹.

После распада Цзиньской империи в Хэси и Гаочане утвердилась китайская династия Раннее Лян. В 376 г. Северный Китай на несколько лет был объединен династией Раннее Цинь, но уже в 385 г. полководец этой династии Люй Гуан создал в Хэси независимое царство Позднее Лян (385–403), протекторат которого распространялся на Гаочан и некоторые другие оазисы Таримского бассейна¹⁶⁰. К началу V в. гунны Ордоса, возглавленные племенем хэлян, захватили северную часть Шэньси и Пиньляна. Их вождь Хэлянбобо создал здесь царство Ся (407–431), последний государь которого погиб в борьбе с сяньбийским племенем тугухунь, а земли были захвачены вэйским императором Тай У-ди. Племя хэлян и примыкавшие к нему гуннские племена частью подчинились табгачам, частью бежали на запад, в Хэси, где в 397–401 гг. гуннским князем Цзюйцюй Мэнсюнем была основана династия Северное Лян (территория Хэси и Гаочан). В 439 г. Тай У-ди захватил Хэси, но двое из сыновей Мэнсюна — Ухой и Аньчжоу — с 10 тыс. семейств бежали в Шаньшань (район Лоб-нора), а затем в Гаочан, где, опираясь на союз с жуань-жуанями, продержались до 460 г. В 460 г. этот союз был нарушен; по сообщению «Цзычжи тунцзянь», «жуань-жуани напали на Гаочан, убили Цзюйцюй Аньчжоу и уничтожили род Цзюйцюев»¹⁶¹.

Сведения о связях племени ашина с гуннскими племенами Пиньляна и Хэси в сопоставлении с тюркскими генеалогическими легендами делают весьма вероятным предположение, что это племя иммигрировало в Ганьсу после 265 г., в период массового переселения за Великую стену гуннских и зависимых от гуннов племен Центральной Азии и Южной Сибири. Возможно, что до переселения в Пиньлян и Хэси племя населяло район Си хай (низовья р. Эдзин-гол), как об этом свидетельствует одна из тюркских генеалогических легенд. За время обитания в Пиньляне и Хэси племя ашина восприняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного некуитайского и негуннского населения страны («смешанные ху»; ср. мотив женитьбы на турфанских женщинах в первой ле-

¹⁵⁹ «Цзянь шу», цз. 97. Перевод А. Н. Бернштама (*Бернштам. Очерк истории гуинов*. С. 220).

¹⁶⁰ Mather. Biography of Lu Kuang. P. 1–141.

¹⁶¹ Franke. Geschichte. Bd. III. S. 298–299; Miller. Accounts of Western nations. P. 5, 17–19. Наиболее детально история турфанских Цзюйцюев рассмотрена в работе В. Фухса (*Fuchs. Turfangebiet*. S. 138–142). Имя Цзюйцюй восходит к гуннскому титулу, наследственному в роду Мэнсюна (*McGovern. Early empires*. P. 353–354). Опыт этимологии и реконструкции титула см. в работах Хирта и Миллера (*Hirth. Hunnenforschungen*. S. 88; *Miller. Addenda*. P. 281). О племени ашина см. ниже (статья «Царский род “голубых тюрков”»).

генде). После разгрома государства Цзюйцюев в Хэси ашина вместе с Ухоем и Аньчжоу бежали в Гаочан, где вскоре (после 460 г.) попали под власть жуань-жуаней и были переселены к южным отрогам Алтая. Согласно обеим легендам, только после переселения на Алтай племя приняло наименование *түрк*, а старое название племени стало династийным именем правящего рода.

Турфанское наследство

Предложенная реконструкция ранней истории племени ашина (түрк) позволяет наметить новый подход к решению проблемы начальных контактов этого племени с индоевропейским населением Восточного Туркестана и Западного Китая. В течение первого периода своей истории — ганьсуйско-гаочанского (III в. н. э. — 460 г.) — предки ашина обитали на территории, где преобладали иранские и «тохарские» языки. Именно здесь возникает само племя ашина, этническое смешение которого с автохтонным населением района отмечено и китайской историографией, и тюркскими генеалогическими легендами. В этой связи интересны лексические реликты в языке ашина, точно датируемые временем до образования каганата. К их числу относятся название тотема ашина — волка, два титула, которые носили предки основателя каганата Бумыня, и сам этноним ашина.

Китайские источники сохранили одно слово из языка гуннского племени хэлян — предков ашина: *фули*, тюрк. *böri* «волк»¹⁶². Еще В. Банг заметил, что «слово *böri* не может быть разъяснено с помощью тюркологических средств»¹⁶³. Но уже к этому времени были известны индоиранские прототипы древнетюрк. *böri*: согд. *wyrk*, авест. *vahrka*, древнеперс. *vrkāna*, хотанско-сакское *birgga*, осетинское (resp. аланское?) *biräγ*, *beräγ*¹⁶⁴.

Первый вождь ашина, с именем которого связано, по одной традиции, само образование племени, а по другой — переселение племени из Восточного Туркестана на Алтай, Асянь носил титул *šad*; титул его сына Туу, также верховного вождя ашина, был *jabyu*. К настоящему времени иранские этимологические связи обоих титулов достаточно разъяснены; известны также их юечжийские (кушанские) и эфталитские прототипы: согд.

¹⁶² Gabain. Beziehungen. S. 21; ср.: Bazin. T'o-pa. P. 247, 248, 317.

¹⁶³ Bang. Über die türkischen Namen. S. 129.

¹⁶⁴ Korsch. Türkische Etymologien. S. 199–200; Pritsak. Bulgarische Fürstenliste. S. 93–94; Абаев. Историко-этимологический словарь. С. 262–263; Щербак. Грамматический очерк. С. 72.

'xsyd в первом случае, кушанское (сакское) *yauiga* (< *yam-* «предводительствовать, возглавлять») — во втором¹⁶⁵.

Что касается самого имени *ашина*, то П. Будберг хотел видеть здесь монгольское *ar čino (*činga*) «десять волков», однако его реконструкция филологически неоправдана¹⁶⁶. Необоснованно и сближение этнонима ашина с этнонимом усунь¹⁶⁷. Вероятной формой этнонима нам представляется имя одного из тюркских полководцев халифа Мутасима, Ашнас ат-Турки¹⁶⁸. Однако для объяснения этимологии слова *ашина* это сближение вряд ли имеет значение; оно лишь подтверждает уже установленную близость китайской транскрипции слова к его возможному произношению в древнетюркском языке¹⁶⁹.

Особый интерес вызывают обстоятельства, при которых возникло имя *ашина*. Тюркская генеалогическая традиция свидетельствует, что *ашина* было родовым именем матери основателя племени. В то же время другой вариант этой традиции указывает на местное, восточнотуркестанское происхождение вождя племени ашина по материнской линии. Как уже отметил С. В. Киселев, указание на наследование имени по роду матери заслуживает «особого доверия»¹⁷⁰. Но именно это указание заставляет искать исходную форму имени ашина не в тюркских языках, а в иранских и «тохарских» диалектах Восточного Туркестана. (См. ниже статью «Царский род “голубых” тюрков».)

Круг иранских, тохарских и индийских заимствований даже в языке рунических надписей с их сравнительно небольшим словарем отнюдь не ограничивается приведенными примерами, но другие заимствования не могут быть датированы столь же точно доалтайским периодом жизни племени ашина. Следует все же упомянуть, что, как установил Г. Шедер, наименование китайцев в древнетюркских надписях — *tabyač*, несомненно восходящее ко времени ранее VI в., заимствовано тюрками через посредство согдийцев и в согдийском языковом оформлении¹⁷¹.

Иной путь проделало название Восточной Римской империи в китайском языке — Фулинь, известное китайцам уже в 550 г. Оно восходит к парфянскому и согдийскому *Frōm, но заимствовано через тюркское

¹⁶⁵ Gabain. *Altürkische Grammatik*. S. 336; Bailey. *Languages of the Saka*. P. 136; Смирнова. Заметки. С. 65.

¹⁶⁶ Boodberg. T'o-ра Wei. P. 182.

¹⁶⁷ Зуев. Тамги лошадей. С. 131–124; ср., однако, реконструкцию этнонима усунь В. Хеннингом и Г. Халуном (*Haloun*. Zur Üe-tsi-Frage. S. 252, 314; Henning. *Argi and the «Tocharians»*. P. 563).

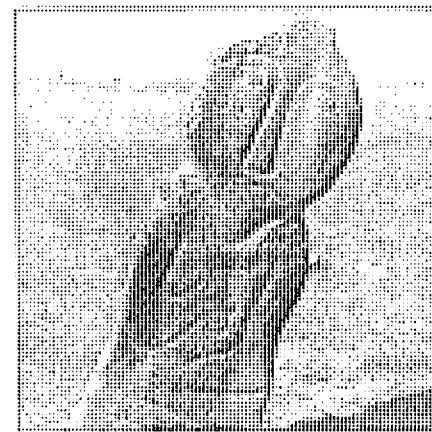
¹⁶⁸ Ам-Табари. III. 1236; ал-Мас'уди. VII. 122, 133, 135.

¹⁶⁹ Синологической консультацией мы обязаны С. Е. Яхонтову.

¹⁷⁰ Киселев. Древняя история Южной Сибири.

¹⁷¹ Schauder. *Iranien*. S. 45.

Pugum, ср. манихейско-согдийское *Brwm 'yk*¹⁷². Приведенные факты позволяют утверждать, что задолго до завоевания Средней Азии тюрками существовали тесные контакты между ними и индоевропейским населением Восточного Туркестана, в том числе и согдийцами, контакты, более непосредственные в тот период, чем тюрко-китайские связи. Недаром первым послом китайского двора, прибывшим в 545 г. в ставку Бумыня, был согдиец из Ганьсу Аньнопанто¹⁷³, и хотя тюркское название письма — *bitig* — имеет китайскую этимологию¹⁷⁴, само письмо было заимствовано у согдийцев.

Тюркская статуя из Хиргис-сомона. VIII в. Убсунурский аймак. Монголия

Если в эпоху, предшествующую концу I тысячелетия до н. э. — началу I тысячелетия н. э., Восточный Туркестан и северо-западная часть Ганьсу (Хэси), судя по имеющимся сейчас материалам, были областью индоевропейского этногенеза, то в первой половине I тысячелетия н. э. эта область становится также одним из центров тюркского этногенеза. Этнокультурное влияние Китая осуществлялось лишь в русле военно-колониционной деятельности, с учетом постоянно меняющейся политической структуры края, и не оказало значительного воздействия на ход индо-

¹⁷² Schaefer. *Iranica*. S. 43; Henning. *Sogdica*. P. 8–9. Вероятно, к V–VI вв. относится заимствование в язык племени тюрк обыденной «тохарской» лексики, как, например, *tūmen* «десять тысяч» < кучан. *tumane* (Clauson. *Turkish elements*. P. 307, 310). Не позднее VI в. вошли в обиход среди тюрков и титулы: а) *bayatur*, иранская этимология предложена Кирсте и Бангом и заново обоснована В. Хеннингсом (см.: Menges. *Altaic elements*. P. 94; ср.: Altheim. *Geschichte der Hunnen*. Bd. I. S. 47–48); б) *yšbara*, кит. *шаболю* (шаболю) (Pelliot. *Neuf notes*. P. 211), среднеперс. *špārā* (Mahnāmag, 14, 39) *'ašpārā* (Müller. *Hofstaat*. S. 210–213). В энциклопедии Тундянь (810) это слово передано иероглифом со значением «геройский» (Pelliot. *Neuf notes*. P. 211; Gabain. *Altürkische Grammatik*. Nachtrag zum Glossar). Критику взглядов Ф. Хирта и И. А. Ключкина, предложивших рассматривать *yšbara* как этноним, см. в работе М. Кепрелю (*Köprülü*. *Altürkischen Titulatur*. S. 341–342). Иранская этимология, предложенная Г. Юнкером (*Junker*. *Iranien*. S. 878), получила известное признание, но предпочтительнее указание П. Аалто на происхождение древнетюркского *yšbara* < санскр. *isvara* «князь, господин», зарегистрированное также в обоих «тохарских» диалектах Восточного Туркестана (Aalto. *Zu den Pferdnamen der Orchon-Inschriften*. S. 129).

¹⁷³ Liu Mau-tsai. I. S. 6; II. S. 490–491.

¹⁷⁴ Gabain. *Altürkische Grammatik*. S. 303; Çagatay. *Zur Wörtgeschichte*. S. 79.

европейского (иранского) и тюркского этногенеза. Масштабы и характер происходивших здесь явлений в течение значительного исторического периода определялись в основном общим ходом исторического процесса в Средней и Центральной Азии.

Таким образом, в настоящее время возможно выделить два основных этапа ранней истории племени тюрк (ашина): ганьсуйско-гаочанский и алтайский. Представляется достаточно оправданным отказ от традиционной реконструкции ранней истории племени, согласно которой все события, имевшие место до образования Тюркского каганата, связаны только с территорией Алтая и Южной Сибири, а специфические особенности социальной организации и культурные традиции тюркского общества не выходили за пределы норм и представлений, носивших строгорегиональный характер. Эта гипотеза построена на вероятном толковании лишь одного из вариантов тюркской легенды и вследствие этого имеет недостаточное обоснование. Не отрицая возможности связи племени ашина с Алтаем и Сибирью до момента миграции в район к югу от Великой стены, мы должны отметить, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племен, возглавленная вождями ашина — Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем (460–553), — которая в 551–555 гг. нанесла сокрушительный удар Жуань-жуаньскому каганату.

Согдийцы в каганате

Первые известия о согдийцах при дворе тюркских каганов в Монголии относятся ко времени правления Дулань-кагана (588–599)¹⁷⁵. В год вступления кагана на престол в Китае была уничтожена династия Чэнь и страна окончательно объединена под властью дома Суй. Уцелевшие члены свергнутой династии и их приближенные еще пытались взять реванш. Один из чэньских вельмож, Ян Цинь, бежал в тюркскую ставку (593), где вместе с другими китайскими эмигрантами рассчитывал воспользоваться покровительством жены кагана, чэньской принцессы Да-и и добиться осуществления своих планов. Расчеты Ян Циня оправдались — принцесса приняла участие в его деле, но склонить кагана к активной помощи заговорщикам она поручила своему фавориту, согдийцу Ань Суй-цзя, одному из приближенных Дуланя. Суйский посол Чжан-сунь Шэн сумел предотвратить неблагоприятное для новой династии развитие событий. Он потребовал выдачи Ян Циня. Каган ответил, что не знает такого человека. Подкупив охрану Ян Циня, Чжан-сунь Шэн схватил главу заговора

и представил его кагану; одновременно он обвинил китайскую жену Дуланя в неверности. Ань Суй-цзя и чэньские вельможи были выданы послу и отправлены в Китай, а принцесса Да-и вскоре убита¹⁷⁶.

Последующие события, относящиеся ко времени правления Шиби-кагана (609–619), показали, что высокое положение согдийца в каганской ставке и занятая им политическая позиция не случайны. При Шиби намечался подъем политического могущества Восточнотюркского каганата. Пытаясь предотвратить усиление опасного северного соседа, суйский двор прибег к хорошо проверенной в предшествующие годы тактике подкупа и противопоставления друг другу членов каганского рода. Младший брат Шиби Чжиги-шад неожиданно для себя получил из Чанани почетный титул «южного кагана» и предложение стать зятем императора. Чжиги отказался и сообщил обо всем брату. Шиби-каган по достоинству оценил китайский план и ждал лишь удобного случая, чтобы отомстить¹⁷⁷. Но, прежде чем такой случай представился, китайская дипломатия нанесла Шиби еще один удар.

Центральной фигурой во внешней политике Китая стал в 607 г. Пэй Цзюй, осуществивший в 593 г. план окончательного устранения принцессы Да-и¹⁷⁸. Пэй Цзюй, тогда наместник Западного края, спровоцировал войну между теле и тугухунями и распространил китайский протекторат на весь Восточный Туркестан. Здесь он делал все от него зависящее для поощрения согдийской торговли, но именно согдийцы оказались его опаснейшими политическими противниками в Монголии¹⁷⁹. После неудачи с Чжиги-шадом Пэй Цзюй обратился к императору со следующим доносением: «Тюрки сами по себе простодушны и недальновидны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много ху (согдийцев), которые хитры и коварны; они научают и направляют (тюрков). Как я слышал, особенно много коварных планов у (согдийца) Шишухуси и он пользуется расположением Шиби-кагана. Я прошу дозволения погубить его хитростью»¹⁸⁰. Император одобрил замысел Пэй Цзюя. К Шишухуси был послан лазутчик, сообщивший ему о готовящейся в крепости Ма-и (Шаньси) распродаже ценных вещей из императорской казны: «Кто первый придет, тому достанутся лучшие товары!» Пэй Цзюй не ошибся — бросив все дела, даже не испросив разрешения кагана, Шишухуси со всеми своими многочисленными сородичами кинулся в Ма-и. Там его ждали засада и казнь. Пэй Цзюй сообщил кагану о мнимой изме-

¹⁷⁶ Liu Mau-tsai. I. S. 102–103.

¹⁷⁷ Ibid. S. 85–87.

¹⁷⁸ Franke. Geschichte. Bd. II. S. 332; Liu Mau-tsai. I. S. 85.

¹⁷⁹ Jäger. Leben und Werk des P'ei Kü. S. 81–115, 216–231.

¹⁸⁰ Liu Mau-tsai. I. S. 87–88.

¹⁷⁵ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 318.

не Шишухуси, но Шиби хорошо знал своего советника и хорошо знал Пэй Цзюя¹⁸¹.

Возможность отомстить представилась летом 615 г., когда император Ян-ди совершал инспекционную поездку по северным провинциям. Шиби с большим конным отрядом перешел границу и занялся увлекательной охотой на суйского государя. Лишь измена в тюркской ставке спасла Ян-ди; он успел укрыться в крепости Яймынь. Шиби осадил крепость, и отчаявшийся император уже ждал конца, когда подошедшие войска и угроза нападения теле вынудили кагана покинуть империю¹⁸².

Если во времена Шиби отмечается многочисленность и влиятельное положение согдийцев среди восточных тюрок, то при последнем кагане первого Восточнотюркского каганата Хели (620–630) их влияние еще более возросло. Внешнеполитическая обстановка была исключительно благоприятна для Хели в начале его царствования. В 618 г., после опустошивших страну внутренних войн, в Китае воцарилась династия Тан. Новые правители империи прилагали все силы для укрепления своей власти в государстве и восстановления разрушенного хозяйства. Хели-каган, «полагаясь на стяжание, собранное отцом и старшим его братом, имея многочисленную и отличную конницу... возносился гордостью. Стоя на ступень выше всех кочевых народов, он с презрением смотрел на Срединное государство, дерзко изъяснялся и на письме, и на словах; производил большие требования. Император в то время занят был восстановлением порядка в империи, почему должен был унижаться пред ханом и делать большие пожертвования; но несмотря на большие дары и награды, хан еще был недоволен и предъявил неограниченные требования»¹⁸³.

В течение 620–629 гг. Хели и его военачальники организовали 67 нападений на различные районы Северного Китая¹⁸⁴. В сентябре 626 г. каган во главе 100-тысячной армии появился под стенами Чанани. Лишь мужество и находчивость императора Тайцзуна¹⁸⁵ — крупнейшего политического деятеля и полководца средневекового Китая — спасли столицу. Хели заключил мир и покинул империю¹⁸⁶. Но уже в следующем году наступил перелом в соотношении сил. Подъем хозяйства страны и реорганизованная армия позволили Тайцзуну начать подготовку к войне с тюрками на их собственной территории. В то же время каганат испытывал серьезные лишения — джуты 627–629 гг. привели к падежу скота и

¹⁸¹ Franke. Geschichte. Bd. II. S. 337.

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 247.

¹⁸⁴ Liu Mau-tsai. I. S. 134–437.

¹⁸⁵ Fitzgerald. Son of Heaven. A biography of Li Shih-min.

¹⁸⁶ Liu Mau-tsai. I. S. 190–192.

голоду¹⁸⁷. Хозяйственные трудности дали толчок к обострению социальных и внутрисполитических противоречий. Начались восстания и переход на сторону империи подчиненных кагану племен, прежде всего телеских (огузских). Но самым страшным для Хели оказалась потеря поддержки собственного народа.

Давно минули времена, когда все племя тюрк видело в грабительских походах нормальный и доходный промысел. Восьмидесятилетний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Абсолютная власть военного вождя племени переросла в деспотическую власть кагана — правителя государства. Каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война стала выгодной только для правящего класса каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства, часть продукции которого обменивалась на продукты земледелия и ремесла. Иногда Хели, считаясь с насущными нуждами своих подданных, прекращал на время грабеж и обращался к императору с просьбой разрешить меновой торг¹⁸⁸. Однако такие события были исключением, постоянной была лишь война. Между тем рядовые кочевники были заинтересованы не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле.

Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии кагана, постоянного ремонта конного состава и многих других затрат. В результате Хели, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственного народа. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута¹⁸⁹. Противоречие между народными массами и правящей верхушкой каганата ярко выразилось в изменении управления. Хели, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным социально более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, представители которых были в какой-то степени связаны родоплеменными традициями, Хели заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты гражданского управления, китайцами и согдийцами. Наибольшим доверием пользовались согдийцы, так как лояльность китайцев в условиях войны с империей не всегда могла быть гарантирована.

¹⁸⁷ Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 246.

¹⁸⁸ Liu Mau-tsai. I. S. 194, 188–189.

¹⁸⁹ Повинности, исполняемые тюрками в пользу государства, отмечены уже «Чжоу шу», сведения относятся к первому тридцатилетию существования каганата (Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 229; ср.: Liu Mau-tsai. I. S. 9).

В глазах народа обострение социального неравенства было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки согдийцев. Недовольство угнетенных и обездоленных проявлялось в ненависти к чужеземцам, на которых опирался каган. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников. Так, в докладе трону, датированном 629 г., правитель Дайчжоу Чжан Гун-цзинь в числе важнейших причин неизбежного поражения Хели отмечает следующие: «Хели отделился от своих тюрков и доверился ху (согдийцам); однако эти согдийцы ненадежны. Когда мы пошлем большую армию, они предадут его... Очень много китайцев бежало на север (к тюркам). Теперь, как я слышал, они собрались и укрепились в естественных укрытиях в горах. Когда императорская армия перейдет границу, она получит поддержку (этих китайцев)»¹⁹⁰.

Материал, содержащийся в подобных мемориалах, был резюмирован в «Тун дзянь», законченном в 801 г., а затем — в обоих «Тан шу». Ввиду исключительной важности сообщаемых сведений как для понимания социальной и политической обстановки в каганате, так и для оценки роли согдийцев в происходивших событиях приведем обе версии.

Версия «Тун дзянь» (цз. 197) совпадает с версией «Цзю Тан шу»: «Хели постоянно действовал так, как это было выгодно ху (согдийцам), и пренебрегал людьми своего собственного племени. Ху были корыстолюбивы, надменны и ненадежны. Вследствие этого число законов и предписаний умножилось, войны стали ежегодными, а потому люди его страны терпели трудности и лишения. Многие племена отказали в повиновении. К тому же годы оказались столь неблагоприятными, что число скота сократилось и в стране наступил великий голод. Так как Хели не смог покрыть своих расходов, он обложил племена высокими налогами. Из-за этого жизнь его подданных стала невыносимой, и вскоре они взбунтовались» (цз. 194 А)¹⁹¹.

Версия «Синь Тан шу» (цз. 215 А): «Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели имел при себе одного китайского ученого, Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради его талантов и питал к нему полное доверие, так что Чжао Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (согдийцам), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход и нападал на китайские области, так что его народ не смог более переносить эти тяготы. Ху (согдийцы) были ко-

¹⁹⁰ Liu Mau-tsai. I. S. 324–325 (биография Чжан Гун-цзиня, «Цзю Тан шу», цз. 68).

¹⁹¹ Ibid. S. 142–143; ср.: Pulleyblank. Sogdian colony. P. 323.

рыстолюбивы и беспощадны, но часто изменчивы и ненадежны, так что предписания и приказы постоянно изменялись. Год за годом (в стране) был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отвращались от (Хели)»¹⁹².

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. императорская армия, которой командовал президент Военной палаты Ли Цзин, разгромила Хели в Шаньси. Все девять огузских племен перешли на сторону империи. Племянник Хели — Тули и несколько его ближайших родственников и военачальников бежали в Китай¹⁹³. Ли Цзин продолжал преследование Хели. В начале 630 г. он подослал к главе согдийцев в каганате, «великому вождю» Кан Су-ми, своего лазутчика, чтобы побудить того сдаться¹⁹⁴. Предвидение Чжан Гун-цзиня оправдалось — в тяжелый момент Кан Су-ми предал Хели и, захватив, чтобы выдать Ли Цзину, членов императорского дома Суй, нашедших убежище в каганате, прибыл со всеми своими соплеменниками в лагерь императорской армии¹⁹⁵. Вместе с самаркандцем Кан Су-ми пришел сдаваться и другой фаворит Хели — бухарец Ань Ту-хань, который привел с собой 5 тыс. соплеменников; его семья переселилась в каганат из Кучи задолго до описываемых событий — еще отец Ань Ту-ханя Ань У-хуань служил тюркским каганам и носил титул «сылифа» (эльтебер)¹⁹⁶. Зимой 630 г. Ли Цзин покончил с Хели. Схваченный во время бегства каган был доставлен в императорский дворец. Тайцзун, упрекая поверженного врага в свершенных им преступлениях против Китая, не забыл поставить ему на вид и преступления против собственного племени: «Надеясь на свою силу, ты не прекращал войны и тем возбудил ропот в своем народе!»¹⁹⁷ Пожалованный чином генерала императорской гвардии Хели не мог забыть прошлое — «он долго был задумчив и печален; пел со своими домашними заунывные песни и проливал слезы». В 634 г. каган умер;

¹⁹² Liu Mau-tsai. I. S. 194.

¹⁹³ Ibid.

¹⁹⁴ Ibid. I. S. 285 (биография Ли Цзиня, «Цзю Тан шу», цз. 67), 397–398. В. Хеннинг (см.: Pulleyblank. Sogdian colony. P. 324) восстанавливает имя Су-ми как *Sumit < среднеиндийск. Sumitta, санскр. Sumitra. Титул «великий вождь» (в переводе Н. Я. Бичурина — «главный старейшина», в переводе Л. Джайлса — «великий нотабль») хорошо известен по истории Самарканда; так, в конце VII в. «главный старейшина Дусоботи получил титул «владельца»» (Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 311). В число функций старейшин входили выборы или утверждение владельца Согда (там же): очевидно, старейшины были членами своего рода сената — высшего аристократического совета Самарканда. Титул «великий вождь» носил и выходец из Самарканда, основатель согдийских колоний Лобнора Кан Янь-тянь.

¹⁹⁵ Liu Mau-tsai. I. S. 143, 196.

¹⁹⁶ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 324.

¹⁹⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 143–144, 195–196.

труп его, по тюркскому обычаю, сожгли, а над могилой на берегу р. Ба насыпали курган¹⁹⁸. Так завершилась история первого Тюркского каганата.

Начало ордосских колоний

Число согдийцев, сдавшихся Ли Цзину в 530 г., оказалось очень значительным. Китайский историограф рассматривает их как одно из племен каганата («племя ху»). Вероятно, Хели или его предшественники закрепили за ними определенную территорию в Монголии, где были созданы поселения; по крайней мере среди племен, земли которых входили в удел племянника Хели, Тули-кагана, упомянуты и согдийцы¹⁹⁹.

После 630 г. согдийцы были поселены в Ордосе²⁰⁰. Кан Суми, за которым Ли Цзин признал право главенства над сдавшимися ху, стал правителем области Бэй-ань, Ань Ту-хань — префектом округа Вейчжоу; впоследствии внук Ань Ту-ханя Ань Сы-гун сохранил должность префекта одного из «шести округов ху». Поначалу китайские власти рассматривали сдавшихся согдийцев и тюрков как части одного народа. Когда в 639 г. Тайцзун сделал попытку восстановить вассальное тюркское государство между Гоби и Желтой рекой под главенством Ашина Симо, он пожаловал тому титул кагана над «туцзюе и ху». Однако попытка оказалась неудачной, и в 644 г. Симо, покинув своих разбегавшихся подданных, вернулся в Чанань²⁰¹.

Постепенно согдийцы настолько освоили новые земли, что в 679 г. бывшие подданные и приближенные Хели-кагана отказались присоединиться к его восставшим наследникам. Китайская администрация высоко оценила поведение согдийцев в трудный момент, и в том же году районы их поселения были преобразованы в «шесть округов ху». В опасные для империи годы, когда Капаган опустошал северные провинции Китая, лояльность согдийцев стала важным фактором в обороне границы. Дважды — в 697 и в 702 гг. — они приняли на себя удары тюркской армии. Если в первом случае Ань Дао-май успешно отразил нападение, то разгром 702 г. был пережит чрезвычайно тяжело. Потери в людях оказались

¹⁹⁸ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 255–256.

¹⁹⁹ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 323–324.

²⁰⁰ Сведения о первом поселении согдийцев в Линчжоу, на границе с Ордосом, содержатся в танской географии «Юань хэ цзюнь сянь тучжи» (Шанхай, 1935, изд. 4, с. 94), составленной Ли Цзи-фу в начале IX в.: «(Уезд Лин-у) ведет начало от территории ханьского уезда Фу нн. Когда при Хоу-Вэй разбили Хэлянь-чана (439 г.), то захватили семьи ху и поселили их здесь. Поэтому дали наименование (этому поселению) Худичэн («город земли ху»)). Указанием на это сообщение и его переводом мы обязаны Е. И. Кычанову.

²⁰¹ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 324–325.

столь велики, что в 703 г. оставшихся в живых едва хватило для создания двух округов. Часть согдийцев, и среди них — старший сын Ань Дао-май Ань Сяо-цзи, были уведены в степь²⁰². Оставшиеся в Ордосе пользовались полным доверием танского двора. Многие согдийцы заняли командные посты в китайской армии.

К сожалению, чрезвычайно трудно проследить судьбу согдийцев в возрожденном каганате. Китайские источники сохранили отрывочные и не всегда ясные сведения лишь о семьях Ань Лу-шаня, поставившего в 755 г. Танскую империю на край гибели, и Кан А-и Кюль-таркана, видного тюркского вельможи, согдийца по происхождению.

Дед Ань Лу-шаня Ань И-янь со своими сыновьями Ань Янь-янем²⁰³ и Ань Бо-цзюем переселился или был насильно переселен в каганат в конце VII в. из Лючена (Инчжоу)²⁰⁴; возможно, его появление в каганате связано с киданьским походом Капагана. Не исключено, что в Инчжоу, на границе с киданями, существовала в это время согдийская колония; в 717 г., когда там ликвидировались последствия разгрома, учиненного Ли Цзинь-чжунном, согдийским купцам выделили место для поселения²⁰⁵. Сын Ань И-яня Ань Янь-янь стал одним из военачальников тюркской армии и женился на девушке из аристократического рода Ашидэ; в 703 г. у них родился мальчик, названный согдийским именем Рохшан; китайские летописцы писали это имя Лу-шань²⁰⁶. В начале лет Кай-юань (после 713 г.) Ань Лу-шань вместе со своим дядей Ань Бо-цзюем, двумя его сыновьями и сыном Ань Дао-май Ань Сяо-цзи бежит в Китай. Весьма вероятно, что это бегство было следствием репрессий, которые обрушил в 716 г. Кюль-тегин на приближенных Капаган-кагана. По предположению Пуллиблэнка, тогда погиб и отец Ань Лу-шаня. В Китае беглецов радушно встретил второй сын Ань Дао-май — Ань Чэнь-цзи, вице-префект Ланьчжоу²⁰⁷. В дальнейшем Ань Бо-цзюй, его сыновья и Ань Лу-шань, быстро продвигаясь по служебной лестнице, достигли высокого положения в империи.

В 742 г., накануне полной ликвидации Восточнотюркского каганата, среди сдавшихся китайской армии тюркских вождей назван Кан А-и Кюль-таркан, согдиец из рода, служившего еще Хели-кагану. Дед Кан А-и Кан Янь был зятем одного из тюркских каганов, а отец служил Капагану и

²⁰² Pulleyblank. Sogdian colony. P. 331.

²⁰³ В. Хеннинг восстанавливает согдийские основы имен, транскрибированных как И-янь и Янь-янь: первое соответствует имени Йазден, второе — Йанен (см.: Pulleyblank. Sogdian colony. P. 333).

²⁰⁴ Pulleyblank. Background. P. 7, 105.

²⁰⁵ Ibid. P. 80, 134.

²⁰⁶ Согдийское *roḫšan* — (*roḫšn* — «свет», «ясность», «сияние») восстановлено В. Хеннингом (см.: Pulleyblank. Background. P. 15).

²⁰⁷ Pulleyblank. Sogdian colony. P. 19; ср. также: Levy. Biography of An Lushan. P. 31–32.

носил титул эльтебера; возможно, с этим титулом, который носили обычно племенные вожди, здесь связано главенство над согдийской колонией в каганате²⁰⁸. Сам Кан А-и, родившийся в 690 г., уже в 712 г. занимал пост советника Капаган-кагана, что, скорее всего, следует отнести за счет положения его отца. Жена Кан А-и, согдианка из фамилии Ши, принадлежала к семье, переселившейся в конце VII в. во Внутренний Китай из согдийской колонии под Турфаном; ее дед и отец занимали командные посты в императорской армии. Как полагает Пуллиблэнк, в 716 г. Кан А-и бежал в империю, но потом вновь вернулся в Отюкен²⁰⁹.

Эти немногие известные сейчас факты подтверждают, что при Капаган-кагане и его преемниках согдийцы занимали видное положение в каганате, хотя вряд ли пользовались тем влиянием, какое имели при Хели. Тогда, в начале VII в., согдийцев неудержимо влекла в каганат исключительно благоприятная обстановка. Они успешно сбывали там свои товары, скупали обычные продукты скотоводческого хозяйства и охоты — шкуры, кожи, меха, которые после обработки в западных областях Китая издавна экспортировались в города Средней Азии²¹⁰. Но не меньше, чем шкуры и меха, согдийцев привлекала возможность дешево скупать ценности, награбленные в Китае. Этим объясняется охарактеризованная Пэй Цзюем позиция влиятельных согдийских советников из окружения каганов.

После стабилизации обстановки во втором Восточнотюркском каганате, не ранее конца VII в., какая-то часть согдийцев вновь появилась в Отюкенской черни. Кан А-и покинул Отюкен, когда каганат был в агонии, но согдийская колония там уцелела. При уйгурах положение согдийцев было едва ли хуже, чем при Хели. Через двадцать лет после бегства Кан А-и новые властелины центральноазиатских степей — уйгурские каганы — приняли манихейство; на их стелах высекались согдийские надписи, а на берегах Селенги согдийцы основали свой новый город — Байбалык.

СТРАНА АРГУ

Таты тюргешей

Обращаясь к бегам и народу, Бильге-каган называет тех, для кого запечатлены на «вечном камне» его слова: «*köñültäki sabumun on oq oyluna taturx tägi bunu köri bilin*» («сердечную речь мою вы (все) до сыновей

²⁰⁸ О титуле *ältäbir* (*iltäbir*) см.: Hamilton. *Ouighours*. P. 97–98.

²⁰⁹ Pulleyblank. *Sogdian colony*. P. 339–340.

²¹⁰ Васильев. Связи ханьского Китая. С. 47.

десяти стрел и их татов, глядя на этот (памятник), ведайте!») (КТм, 12; БК, Х15). Лишь в 1916 г. В. Томсен впервые разъяснил слова *on oq* и *tat* «десятистрельный народ» (*on oq bodun* — КТм, 19; Тон., 19, 30) — «тюрки Западного каганата», а таты — их «подданные иностранного происхождения», «метеки». Основываясь на косвенных данных, Томсен отметил не только социальную, но и этническую семантику слова *tat*²¹¹.

Окончательное подтверждение предположение Томсена находит в материалах древнейшего свода тюркской лексики — словаря Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк» (XI в.). Махмуд Кашгарский четко определяет значение слова *tat* в известных ему тюркских языках: «Тат — у всех тюрков это каждый, кто говорит на иранском языке»²¹². Далее Махмуд Кашгарский отмечает, что этим словом стали называть уйгуров и китайцев (*tat-tavgađj*), «подобно тому, как его употребляют в отношении иранцев. Такое употребление этого слова неверно»²¹³. Превращение слова *tat* в термин, обозначающий все оседлое население Средней Азии и Восточного Туркестана, — явление, как очевидно, новое во времена Махмуда Кашгарского. Этническое содержание термина для него еще вполне определено. Вместе с тем Махмуд Кашгарский цитирует тюркские пословицы, указывающие на зависимое положение татов, на их подчинение тюркским сюзеренам²¹⁴.

Кошоайдамские памятники прямо указывают на зависимость татов от «сыновей десяти стрел». В начале VIII в. западные тюрки (тюргешы) владели территорией от долины Таласа до Алтая — Семиречьем и Джунгарией. «Татами» здесь могли быть названы только ираноязычные поселенцы-согдийцы.

Города Семиречья

В 1893–1926 гг. Бартольд, опираясь на отрывочные сообщения Сюань Цзана, «Худуд ал-'алам» и словаря Махмуда Кашгарского, сформулировал гипотезу о согдийской колонизации Семиречья²¹⁵. В 1936–1941 гг. работами Семиреченской археологической экспедиции, руко-

²¹¹ Thomsen. *Turcica*. P. 103–104, Сводная работа об этом слове: Minorsky. *Tat*. P. 733–736. О социальной семантике термина см.: Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. С. 125; Толстов. Древний Хорезм. С. 265. О значении слова в позднесредневековых тюркских памятниках см.: Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Газн. С. 96–97.

²¹² Махмуд Кашгарский. I. 454.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Бартольд. О христианстве в Туркестане. С. 16–18; Бартольд. Очерк истории Семиречья. С. 17–25; Бартольд. О языках согдийском и тохарском. С. 33–39.

водимой А. Н. Бернштамом, в долинах Таласа, Чу и Или были открыты древние поселения и города, созданные согдийцами²¹⁶. Археологические исследования послевоенных лет позволили определить время существования согдийских поселений, наметить основные периоды их развития²¹⁷.

По уточненной периодизации, начальный этап согдийской колонизации Семиречья может быть отнесен к V–VI вв. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в Чуйскую долину, приходится на VII–VIII вв.²¹⁸; поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам другим раннесредневековым городам Средней Азии²¹⁹. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного шахристана. К шахристану примыкали рабад и обнесенная стенами территория усадебной застройки; укрепленные усадьбы — кёшки, окруженные садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50–100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами²²⁰.

О величине согдийских поселений говорят размеры Краснореченского городища, расположенного в 34 км на восток от г. Бишкека. Центральные развалины городища простираются с востока на запад на 1500 м, с севера на юг — на 800 м²²¹. Среди находок, обнаруженных при раскопках городища, — плоская ручка большого глиняного сосуда с согдийской надписью IX–X вв.²²² Не менее значительно Ак-Бешимское городище площадью около 95 га.

Раскопки 1953–1954 гг. заставили отказаться от выдвинутого Бартольд и Бернштамом отождествления Ак-Бешимского городища с Баласагуном²²³. По удачному предположению Дж. Клосона, городище соответ-

²¹⁶ Бернштам. Согдийская колонизация. С. 34–42; *Он же*. Памятники старины. С. 25–42; *Он же*. Археологический очерк. С. 55–86; *Он же*. Чуйская долина. С. 5–83.

²¹⁷ Кызласов. Работы Чуйского отряда. С. 88–96; *Он же*. Остатки замка. С. 152–181; Кожемяко. Раннесредневековые города; Яблин. Второй буддийский храм.

²¹⁸ Распопова. Гончарные изделия согдийцев. С. 138–163. В этой статье дана полная библиография по истории изучения согдийских поселений Семиречья.

²¹⁹ Якубовский. Развитие городов Средней Азии. С. 3–16; Воронина. Раннесредневековый город. С. 84–104.

²²⁰ Кожемяко. Раннесредневековые города. С. 65–130. Об аграрном характере раннесредневекового города в Средней Азии и Иране см.: Заходер. Хорасан. С. 124; Пигулевская. О городах Ирана. С. 72; Сухарева. К истории городов. С. 28–29.

²²¹ Кожемяко. Раннесредневековые города. С. 65.

²²² Бернштам. Археологический очерк. С. 56. Первая публикация надписи была сделана Фрейманом (Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. С. 135–136). Новое чтение и датировка даны Хеннинггом (Henning. *Mitteliranisch*. S. 54).

²²³ Кызласов. Работы Чуйского отряда. С. 95–96.

ствует столице западнотюркских каганов — Суябу²²⁴, основанному согдийцами в V–VI вв. и дожившему до X в.²²⁵ При раскопках на городище найдено 57 монет, литых от имени тюркешских каганов (VIII в.). Все монетные легенды выполнены на согдийском языке; по предположению О. И. Смирновой, монеты отливались в согдийских мастерских²²⁶.

Только в Чуйской долине в VII–X вв. существовало 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных и населенных согдийцами. В городах жили также китайцы²²⁷, сирийцы²²⁸, персы²²⁹, из века в век росло тюркское население, но, по крайней мере до IX–X вв., согдийцы оставались преобладающей частью населения семиреченских городов.

Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзану, посетившему этот район в 630 г.: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль. — С. К.), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6–7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Леса здесь редки, а климат ветреный и холодный. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находится несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам». Теми же словами характеризует Сюань Цзан другой крупный город Семиречья — Талас. Сюань Цзан резюмирует свои наблюдения: «Страна от города Суй-е до княжества Гэшуана (Кушания) называется Сули (Согд), ее население также носит это имя»²³⁰. Как очевидно, Сюань Цзан, показавший себя весьма тонким наблюдателем, не находил этнического различия между населением семиреченских городов и населением собственно Согда.

Описав одежду, внешний вид и письменность согдийцев, Сюань Цзан не слишком лестно отзываясь об их обычаях — торговая предприимчивость, погоня за наживой претили буддийскому монаху, проповедовавшему отрешенность от мирской суеты. Однако автор «Записок о Западе»

²²⁴ Clauson. Akbeshim-Suyab. P. 1–13.

²²⁵ Кызласов. Работы Чуйского отряда. С. 95.

²²⁶ Первые публикации тюркешских монет сделаны Бернштамом (Бернштам. Тюркешские монеты. С. 105–112; *Он же*. Новый тип. С. 68–72). Новая публикация и чтение даны Кызласовым, Смирновой, Шербаком (Кызласов, Смирнова, Шербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим. С. 514–563).

²²⁷ Зуев. Китайские известия о Суябе. С. 91.

²²⁸ Борисов. Сирийская надпись. С. 105–108.

²²⁹ Ал-Мукаддаси. С. 275.

²³⁰ Julien. *Memoires*. P. 12 (Si-yu-ki. P. 27); Зуев. Китайские известия о Суябе. С. 90–91.

ном крае» не преминул отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, сразу же вводящее читателя в круг повседневной жизни согдийских колонистов: «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (купцов и ремесленников. — С. К.), поровну»²³¹. Это свидетельство ясно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими наблюдениями.

Социальный и политический статус согдийских колоний в Семиречье, их взаимоотношения с тюркским населением страны, равно как история их возникновения, расцвета и угасания, остаются почти совершенно неизученными. Ограниченность и гипотетичность тех немногих заключений, которые уже сделаны, предопределены крайней недостаточностью источников. Поэтому даже лапидарные сообщения древнетюркской руники, которые можно связать с отрывочными сведениями согдийских, китайских, арабских, персидских и тибетских источников о согдийцах за пределами Согда, представляют несомненный интерес. Если термин *там*, так же как сообщение Сюань Цзана, указывает на зависимость согдийцев Семиречья от западнотюркских каганов, то сам факт их упоминания в речи, обращенной к «бегам и народу тюрков», к той части населения, из которой, судя по тексту, исключались элементы, стоявшие на низших ступенях социальной лестницы, заставляет искать другие аспекты тюрко-согдийских отношений в Западном каганате.

Послы согдийцев

В 51–53-й строках большой надписи в честь Кюль-тегина содержится перечень посольств согдийцев, прибывших в 732 г. в орхонскую ставку восточнотюркских каганов для участия в похоронах Кюль-тегина:

«(51) *jučy syūtčy qytañ tataby bodun başlaju* (52) *udar sāñjün kälti tabyač qayanta isji likän kälti bir tümän aγu altun kümüş kargaksiz kälürti tüpüt qayanta bōlön kälti quryja kün batsyqdaqy soyd bärčäkär (bärčälär?) buqaraq ulus (ulyš) budunda näñ sāñjün oγul tarqan kälti* (53) *on oq oγlym türgiš qayanta maqrač (~maqarač) tamyačy oγuz bilgä tamyačy kälti qyrgyz qayanta tarduš ynanču čur kälti barq itgüci bädiz jaratyγma bitig taš itgüci tabyač qayan čyqany čan sāñjün kälti»*.

«(51) (В качестве) плачущих и стонущих (т. е. для выражения соболезнования) пришли кидани и татабыйцы во главе с (52) Удар-сенгуном. От китайского кагана пришли Исьи и Ликен и принесли множество (букв.: десять тысяч) даров и бесчисленное (количество) золота и серебра. От

тибетского кагана пришел бөлөн²³². Сзади (т. е. с запада), от народов, живущих в странах солнечного заката — Согд берчекер (берчелер?) букарак улус (улыс?), — пришли (послами) Нек-сенгун²³³ и Огул-таркан. (53) От моих десятистрельных сыновей²³⁴, от тюркешского кагана пришли Макарач²³⁵, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге. От кыргызского кагана пришел Тардуш Ынанчу-чур. (В качестве) соорудителя здания и камня с надписью, украшенного резьбой, пришли чыканы²³⁶ (или: пришел чыкан) китайского кагана и Чанг-сенгун²³⁷.

Наиболее загадочной в приведенном отрывке остается фраза «*soyd bärčäkär (bärčälär?) buqaraq ulus budunda näñ sāñjün oγul tarqan kälti*». В. В. Радлов, которому принадлежит заслуга первого прочтения и первого перевода надписи в честь Кюль-тегина, правильно понял грамматическую структуру этого предложения, прочел имена послов и слова *ulus* и *budun*; лишь слово *buqaraq* осталось непрочтенным. Два начальных слова фразы уверенно читались им как *soyd bärčälär*, но попытка обосновать тюркскую этимологию обоих слов (*soyd? bärčälär* «носители даров»?) оказалась неудачной и впоследствии не была поддержана ни самим В. В. Радловым, ни соавтором последнего варианта его перевода П. М. Мелиоранским²³⁸.

Вся фраза была правильно прочтена В. Томсеном, отождествившим, однако, понятия *soyd* и *soydaq*. Одновременно Томсен предположил, что находящееся между *soyd* и *buqaraq* слово *bärčälär* также должно означать этническое имя какого-либо народа, возможно персов, и в связи с этой гипотезой принял чтение *bärčäkär*²³⁹. Такое чтение позволяла предположить плохая сохранность рунических знаков; начертания *l* и *k* весьма сходны²⁴⁰. Другим доводом против чтения *bärčälär*, где *lär* — несо-

²³² Тюрк. *bōlön* < тиб. *blon* «вельможа, высшее должностное лицо» (*Lalou. Grand Tibet au VIIIe siècle*. P. 5), ср. хотанско-сакск. *buluna* (*Bailey. Stael-Holstein miscellany*. P. 8).

²³³ Обоснование чтения *näk (nik)* см. в работе Маркварта (*Marquart. Chronologie*. S. 32).

²³⁴ По переводу С. Е. Малова (*Малов. Памятники*. С. 43): «от народа десяти стрел и от сына моего, кагана тюркешского». Однако текст не дает оснований для разделения композита *on oq oγlym*; ср. выражение *on oq oγlyna* (КТМ, 12), переводимое С. Е. Маловым «до сыновей десяти стрел». Слово *oγul* в обоих случаях употреблено как политический термин, указывающий на вассальную зависимость, реальную или номинальную, западнотюркских владетелей от орхонских каганов.

²³⁵ Тюрк. *maqarač* < др.-инд. *māhārāja* (*Stael-Holstein. Brahmaglossen*. S. 128).

²³⁶ Тюрк. *čyqan* < кит. *čī(k)-kuan*, титул должностного лица (*Thomsen. Alttürkische Inschriften*. S. 173).

²³⁷ Об обстоятельствах и дате описываемых событий см. гл. II данной работы.

²³⁸ *Radloff. Denkmäler*. S. 28–29, 133, 139; *Id. Inschriften von Koscho-Zaidam*. S. 149, 179; *Радлов, Мелиоранский. Древнетюркские памятники*. С. 36.

²³⁹ *Thomsen. Inscription de l'Orkhon*. P. 114.

²⁴⁰ [*Heikel*]. *Inscriptions de l'Orkhon*. T. 12; в «Атласе» Радлова (табл. XIX) эта часть строки не сохранилась.

²³¹ *Julien. Memoires*. P. 12.

мненний показатель множественного числа, Томсен считал отсутствие этого аффикса при этнических именах в той же надписи²⁴¹.

Развернутое объяснение цитированного отрывка предложил И. Маркварт, впервые обративший внимание на параллелизм выражений *soyɖ?* *bärčäkär* и *buqaraq ulus (ulus)*. Каждый из этих двух этнополитических комплексов — по мнению Маркварта, Согд и Бухара — был представлен своим посланцем, в первом случае — Нек-сенгуном, а во втором — Огул-тарканом. Объяснив слово *bärčäkär* как тюркское название «согдийских зороастрийцев» (*pārsik āg), а слово *ulus* — как «люди», Маркварт предложил следующий перевод: «от народа иранских мужей Согда и бухарских людей пришли Нек-сенгун и Огул-таркан»²⁴².

Этот перевод вызвал возражения В. В. Бартольда, П. М. Мелиоранского и К. Г. Залемана, отметивших филологическую и историческую слабость толкований Маркварта²⁴³. Мелиоранский, в частности, писал: «Выражения “от народа персидских людей Согда” и “от народа бухарских людей”, как их хочет понимать Маркварт, кажутся мне, как туркологу, весьма необычными, чтобы не сказать невозможными. По моему мнению, слова “Согд барчакар” и “Букарак улыс”, как бы мы их ни разделяли и ни вокализовали, должны быть собственные имена (или собственные имена с определениями) каких-нибудь стран, народов или государей, но само слово “народ” или “люди” не должно в них заключаться»²⁴⁴. В. В. Бартольд, тщательно исследовавший политическую обстановку в Согде и Бухаре, сложившуюся к 731 г., пришел к выводу о полной невозможности отправления посольства на Орхон в указанное время²⁴⁵.

С. Е. Малов условно принял перевод Томсена²⁴⁶. В последние годы приведенный отрывок вновь стал предметом дискуссии. Ф. Альтхейм, этимологизируя имя «Бухара», попытался свести его к орхонскому *buqaraq*, составленному, по мнению Альтхейма, из *buqa* «бык» и усилительной частицы *-raq*; *buqaraq ulus* Альтхейм переводит как «царство быков», а *bärčäkär* объясняет как *barčūq är* — «народ (области) Барчук», расположенной в северной части бассейна Тарима²⁴⁷. Фантастические толкования Альтхейма подвергнуты критике Р. Фраем. Фрай отмечает, что

²⁴¹ Thomsen. Inscription de l'Orkhon; Thomsen. Alttürkische Inschriften. S. 156.

²⁴² Marquart. Chronologie. S. 32–33.

²⁴³ Barthold. Quellen. S. 26 (там же — мнение К. Г. Залемана); Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 134–135.

²⁴⁴ Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 135.

²⁴⁵ Barthold. Quellen. S. 26; Id. 12 Vorlesungen. S. 39.

²⁴⁶ Малов. Памятники. С. 43.

²⁴⁷ Altheim. Aus Spätantike. S. 111–112; Id. Ein asiatischer Staat. S. 277.

buqaraq может быть только этнонимом иранского происхождения, аналогичным этнониму *soydaq*²⁴⁸. Однако сам Фрай выдвигает совершенно бездоказательную гипотезу о происхождении слова *bärčäkär*, предлагая читать его как [a] b [a]rčäkär «аварские воины»²⁴⁹. Но этноним «авар», содержащийся в той же надписи, пишется совершенно иначе — *apaṛ*²⁵⁰; произвольно изменена вокализация термина. Само предположение о существовании в Согде в VIII в. какой-то политически самостоятельной «аварской гвардии», посылающей посольство в Монголию, ни на чем не основано.

Такова история вопроса. В ходе дискуссии непоколебленным осталось прочтение В. Томсеном цитированного отрывка и предложенное И. Марквартом его членение. Остановимся на значении отдельных компонентов фразы.

Soyɖ (ср. араб. الصغد, السغد). Выше отмечено, что в качестве этнонима в надписях всюду употреблена правильная форма *soydaq*, следовательно, форма *soyɖ* может означать только топоним²⁵¹. Однако поскольку посольства в памятниках всегда именуются по имени государя или народа, представленного ими, а не по имени страны, слово *soyɖ* должно рассматриваться как определение к следующему за ним понятию.

Bärčälär (*bärčäkär?*). Первый вариант чтения более предпочтителен, как это и было отмечено В. В. Радловым. Вероятной основой этого, явно чуждого языку надписей, слова является согдийское *pr'č'k = p(a)r(a)če =* причастие, обозначающее имя деятеля, от глагола *pr'č* «оставлять, покидать, удаляться»²⁵²; в древнетюркском *p(a)r(a)če* закономерно дает форму *bärčel/bärčä*. Значение термина — «те, кто ушел», «те, кто покинул (родину)», «выходцы», «эмигранты». Вполне объяснима и форма множественного числа, необычная при этнониме, но употребительная в терминологических обозначениях²⁵³. Термин может восходить лишь к самообозначению тех согдийцев, которые, покинув родину, поселились в колониях, разбросанных в IV–X вв. на пространствах от Сырдарьи до Хуанхэ.

²⁴⁸ Frye. Notes. P. 110–111. Ср. ответ Альтхейма: Altheim, Stuhl. Finanzgeschichte. S. 366–372.

²⁴⁹ Frye. Notes. P. 110–111. Неудачную корреляцию упомянутого термина с аварами см. также у Хауссига: Haussig. Quelle. P. 24–25.

²⁵⁰ Малов. Памятники. С. 29.

²⁵¹ Ср.: Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 135.

²⁵² Benveniste. Vessantara Jataka. P. 18, 1. 252. О переходе конечного *-k > -e* см.: Henning. Sogdian loan-words. P. 98; Gershevitch. Grammar. P. 144. Пользуюсь случаем выразить признательность за консультацию В. А. Лившицу.

²⁵³ Об употреблении формы множественного числа в памятнике Кюль-тегину см.: Малов. Памятники. С. 50.

Buqaraq. Р. Фрай показал, что это слово означает только имя народа, но не название страны²⁵⁴.

Ulus. Еще П. М. Мелиоранский отметил, что в сочетании *buqaraq ulus bodun* слово *ulus* не может иметь значения «народ», «страна». Однако если рассматривать сочетание *ulus bodun* как парное слово²⁵⁵, такого рода семантика не исключена; по крайней мере в древнеуйгурских манихейских и буддийских текстах VIII–X вв., где слово *ulus* употребляется в значении «народ, страна», встречается и парное сочетание *ulus bodun*²⁵⁶.

Тем не менее нельзя игнорировать тот факт, что в рунических надписях слово *ulus* отмечено лишь в приведенном сочетании и совершенно необычно для строго фиксированной и очень единообразной системы территориальной и этнологической терминологии памятников. Поэтому необходимо согласиться с мнениями И. Маркварта и В. Банга, выделивших сочетание *buqaraq ulus* как определительную группу, параллельную другой определительной конструкции — *soyd bärčäl(k?)är*, а следовательно, и принять возражения П. М. Мелиоранского против приведенных значений слова *ulus*.

Другое значение этого слова дает словарь Махмуда Кашгарского: «Улуш — селение на языке чигилей, а у жителей Баласагуна и того, что около него из страны Аргу, оно означает город. И поэтому город Баласагун назван Куз-улуш»²⁵⁷. Какое-либо другое значение или другой район распространения слова *ulus* (*uluš*) автором «Диван лугат ат-турк» не зарегистрировано. Поскольку сочетание *buqaraq ulus* необходимо рассматривать как привнесенное в язык надписей извне, из области, где жили бухарцы, где в местном тюркском языке было распространено слово *ulus* и где это слово не имело значения «народ, страна», то наиболее вероятным будет видеть здесь страну Аргу.

Махмуд Кашгарский локализует страну Аргу и ее города в одном случае между Баласагуном и Таразом, в другом — между Баласагуном и Исфиджабом, т. е. в западной части Семиречья. Вместе с тем Махмуд Кашгарский свидетельствует о древнем заселении этой области согдийцами, в том числе самаркандцами и бухарцами, ныне, в его время, уже

²⁵⁴ Frye. Notes. P. 119; ср.: Владимирцов. Географические имена орхонских надписей. С. 169–174; об имени «Бухара» см.: Лившиц, Кауфман, Дьяконов. О древней согдийской письменности. С. 150–163; Henning. Mitteliranisch. S. 53.

²⁵⁵ О парных словах в памятниках см.: Малов. Памятники. С. 49; более широко вопрос о семантике парных слов рассмотрен в работе Муратова (Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках).

²⁵⁶ КР. XXX. 8; Bang, Gabain. Analytischer Index. S. 51.

²⁵⁷ Махмуд Кашгарский. I. 62.

тюркизованными: «Согдаки — это народ, пришедший в Баласагун и поселившийся (там). Они из Согда, что между Бухарой и Самаркандом. Они приняли тюркские нравы и обычаи»²⁵⁸. По свидетельству автора XIII в. Джамалы Карши, «страна Аргу» ايل ارغو составила главную часть улуса Чагатая, а ее столицей был Алмалык (Al-balyq?), в долине р. Или²⁵⁹. В понятие «страна Аргу» здесь включено все Семиречье. Проехавший через долину Или в 1253 г. Гильом Рубрук называет всю область «Органум»: «Земля эта прежде называлась Органум, и жители ее имели собственный язык и собственные письмены. Но теперь она вся была занята туркменами. Этими письменами и на этом языке несториане из тех стран прежде даже справляли службу и писали книги»²⁶⁰. По мнению Г. Юля и В. В. Бартольда, Рубрук превратил в название страны имя царицы Органы (по Рашид-ад-дину, II, 90 — Ургана-хатун), вдовы Кара-Хулагу, внука Чагатая²⁶¹. Однако Ургана-хатун была современницей Рубрука, в то время как путешественник рассказывает о прежнем названии и прежнем населении страны.

По нашему мнению, предпочтительнее видеть здесь искаженное название страны Аргу, что подтверждается и сообщением Джамалы Карши.

Первые сведения о городах страны Аргу содержатся в тексте, исключительное значение которого среди других древнетюркских памятников еще далеко не оценено. Среди вывезенных А. фон Лекоком в 1904–1907 гг. из Ходжо (Турфанский оазис) древнеуйгурских рукописей были обнаружены фрагменты манихейского сочинения «İki jylytz pom» — «Священная книга двух основ»²⁶². Ее верхняя дата — первая половина VIII в. — определяется, в частности, и упоминанием цели написания книги — «чтобы пробудить (веру) в стране десяти стрел» (recto I, 8–10). Завершенная «в день, предвещающий удачу, в благословенном месяце, в счастливый год», книга писалась в городе «славных и благословенных тюрков-чаруков»²⁶³ «Аргу-Таласе» (варианты: Алтун Аргу-Талас-улуш, Аргу-Талас-улуш, Талас-улуш) (recto, f I, 21–28). Далее следует перечень других го-

²⁵⁸ Там же. 471.

²⁵⁹ Бартольд. Туркестан. Т. I, тексты. С. 138: о значении слова *argu* см.: Gabain, Winter. Türkische Turfantexte IX. S. 22.

²⁶⁰ Рубрук. Путешествие. С. 126.

²⁶¹ Там же. С. 232.

²⁶² Le Coq. Türkische Manichäica. I. S. 26–27; Radloff. Altürkische Studien. S. 744–745; Le Coq. Manichäische Buchfragment. S. 150; Chavannes, Pelliot. Un traité manichéen. P. 140–142; Bang. Manichäische Hymnen. S. 24–26; Henning. Argi and the «Tokharians». P. 551–552; Gabain. Steppe und Stadt. S. 50–51.

²⁶³ Махмуд Кашгарский (I, 381) пишет о чаруках как о населении г. Барчука (Восточный Туркестан). Ср. также название одного из огузских племен — джаруклуг (Махмуд Кашгарский. I. 58. 497; Карнав. Туркмены-огузы. С. 7).

родов Семиречья, где были манихейские обители: Йаканкент²⁶⁴, Орду-кент (Баласагун?), Чигильбалык²⁶⁵, Кашу²⁶⁶. Лишь Талас — крупнейший торгово-ремесленный центр западной части Семиречья, один из древнейших согдийских городов на этой территории, посещенный еще Земархом Киликийцем (568)²⁶⁷, назван *ulus*. По свидетельству Нершахи, именно округа Таласа в VI в. заселялась бухарцами²⁶⁸. Не будет слишком невероятным предположение, что именно Талас-улуш назван в памятнике Кюльтегина «городом бухарцев»²⁶⁹.

Oγul tarqan. Тюркское имя и титул согдийского посла еще не свидетельствуют о его тюркском происхождении. В Семиречье, как и в Китае и Восточном Туркестане, согдийские дихканы охотно принимали тюркские имена и титулы, стремясь определить свое социальное положение как в отношении местной аристократии, так и в отношении беднейших слоев местного населения²⁷⁰.

Nāk sāñjūn. *Nāk* < иранск. *nēk/nīk* «хороший, добрый» — имя обычное в иранской ономастике²⁷¹; *sāñjūn* (кит. *сянзун*) — военно-административный титул, распространенный как среди тюркской знати, так и у других народов Центральной и Средней Азии (ср., например, имя киданьского посла — *Udar sāñjūn*)²⁷². Один из важнейших источников для изучения тюркских племен Средней Азии — сочинение Гардизи «Зайн ал-ахбар» (окончено в 1050–1052 гг.) рассказывает о большом селении в стране тюркшей, дихкан которого носил титул *بادان سانگو* *бадан санку*, Бадан-сенгун²⁷³; имя *Бадан* в VII–VIII вв. было весьма распространено в среде персидской и согдийской аристократии; ср., например, имя марзбана Мерверуда — *Badān* (ат-Табари, I, 2898)²⁷⁴. Впрочем, возможно и чтение *نيدان* Нидан, ср. согд. *Nīdan* ~ *Nīdan* (ат-Табари, II, 1442, 1554; согд. документ Мугской коллекции Nov. 3)²⁷⁵.

²⁶⁴ Ср.: ал-Мукаддаси. III, 274.

²⁶⁵ Махмуд Кашгарский. I, 87, 124.

²⁶⁶ Согласно «Абдулла-наме» (рукопись ЛО ИНА, д. 88, л. 32.86), город Кушу-улуш, расположенный близ Йаканкента, существовал еще в XVI в.

²⁶⁷ Менандр Протектор. История. С. 380.

²⁶⁸ Толстов. Древний Хорезм. С. 248–250.

²⁶⁹ Перевод *ulus* как «город» в данном контексте был предложен одновременно А. Элве (*Elève*. *Bir yazi myselesi*. S. 75) и мной (*Klyachturny*. A propos des mots. P. 247–248). См. теперь: *Klyachturny*. *Manichaen monasteries*. P. 374–379.

²⁷⁰ *Benveniste*. *Nom sogdiens*. P. 291; *Лившиц*. Согдийский брачный контракт. С. 83–85.

²⁷¹ *Justi*. *Iranisches Namensbuch*. S. 228.

²⁷² *Wittfogel*, *Fêng Chia-shêng*. *History of Chinese society*. P. 454.

²⁷³ Первое издание и русский перевод главы о тюрках из сочинения Гардизи осуществлены Бартольдом (*Бартольд*. Отчет о поездке в Среднюю Азию. С. 103, 126).

²⁷⁴ *Justi*. *Iranisches Namensbuch*. S. 56.

²⁷⁵ *Лившиц*. Согдийский брачный контракт. С. 84.

Об этом дихкане рассказывается, что он располагал отрядом в 7 тыс. человек, между тем как дихкан соседнего селения Биклиг, носившего также согдийское название Семакна, брат джабгуйа (ябгу), «выступал с тремя тысячами всадников». С текстом Гардизи корреспондирует сообщение «Худūd ал-'Алам», где селение названо Биклилиг, а его дехкан — Йинал-бег-тегин²⁷⁶. Оба сообщения восходят к источникам, которые использовали информацию не позднее середины VIII в. (< ал-Джайхани < Ибн Хордадбех?)²⁷⁷. Об этом, в частности, свидетельствует, с одной стороны, подробное описание государства тюркшей, уничтоженного карлуками в 766 г., с другой — упоминание карлукского титула джабгуйа²⁷⁸. Не исключено, что согдийским послом на Орхон был дихкан селения в Семиречье, один из предшественников Бадан (Нидан)-сенгуна.

Все приведенные наблюдения свидетельствуют, что посольство согдийцев и бухарцев в 731 г. на похороны Кюльтегина было направлено в Отюкен не из Самарканда и Бухары, а из согдийских колоний в Семиречье. Возможно предложить следующий перевод цитированного места из надписи в честь Кюльтегина: «(52)... сзади (с запада), от народов, живущих в стране солнечного захода, — от выходцев из Согда и народа города (городов?) бухарцев, — пришли (послами) Нек-сенгун и Огул-таркан».

Амфиктиония

В Западном каганате второй половины VII — первой половины VIII в. власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках сосредоточивалась реальная военная сила, часто делала высших носителей власти подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране. В этих условиях положение больших и богатых согдийских городов-колоний, обладавших мощными укреплениями, сильными военными отрядами и огромными торгово-дипломатическими связями, было исключительно выгодным; они имели неизменную возможность выступать как «третья сила» во всяком крупном внутреннем или внешнем конфликте. Есть все основания полагать, что характер тюрко-согдийских отношений в Семиречье определялся не тюркскими каганатами, а согдийскими дихканами. Под контролем согдийцев находилась вся экономическая жизнь Западного каганата, включая денежную эмиссию. Колонии создавались в Се-

²⁷⁶ *Minorsky*. *Hudūd al-'Alam*. P. 99, 303–304.

²⁷⁷ О ранних источниках Гардизи см.: *Minorsky*. *Gardizi on India*. P. 625–626; *Крачковский*. Арабская географическая литература. С. 219–224.

²⁷⁸ Ср.: *Щербак*. О чтении легсанд. С. 559–561.

мирежье не только Самаркандом и Бухарой, но и более мелкими городами-государствами Согдианы. Так, в 40 ли к западу от Суяба китайские источники упоминают «город государства Ми (Маймург)»²⁷⁹. Как социальное, так и административное устройство колоний в главных чертах копирует метрополии. Об этом, в частности, свидетельствуют два недавно опубликованных согдийских документа²⁸⁰, где упомянут владелец одной из крупнейших семиреченских колоний Навеката (арабск. نوكت, согд. *nuykt*, кит. Синьчэн, букв. «Новый город», ныне Краснореченское городище) Чер (*čar* «сильный, смелый, победоносный»), сын Вахзанак (*w'γzn'kk* «обладающий хорошим родом»)»²⁸¹. Он носит тот же титул (*γwβw*), что и главы согдийских княжеств, в его окружении — жрецы, светская знать, согдийская и тюркская. В обычной юридической практике Чер руководствуется теми же нормами, которые существуют и в метрополии. Нет ни разрыва связей, ни разрыва традиций.

Но согдийские колонии неизбежно унаследовали и политическую автаркию метрополий, что нашло отражение в характеристике Сюань Цзана — «владельцы городов независимы друг от друга». Таково было положение в 630 г., когда Западный каганат находился на вершине могущества. Но уже скоро обстановка изменилась — десятилетие за десятилетием внутренние войны ослабляли и разоряли страну. В долине Чу «земледельцы не снимали доспехов»²⁸². Сохранить независимость и приобрести влияние согдийские колонии могли, лишь поддерживая друг друга. Сообщения, где нашло отражение единство действий всех или большинства согдийских городов Семиречья, начали появляться в источниках с конца VII в.

694 год. Тибетская хроника, найденная А. Стейном в Дуньхуане, отмечает: «Mgar sta gu был схвачен сог'ами»²⁸³. Как показал Фан-гуи Ли, речь идет о согдийцах, захвативших одного из командующих тибетской армией в Восточном Туркестане²⁸⁴.

Эти события имеют почти четвертьвековую предысторию. В 670 г. тибетцы одержали наиболее блистательные победы над китайскими войсками. Их панцирная конница вторглась в пределы Западного края, и «Четыре инспекции» (Куча, Хотан, Карашар, Кашгар) оказались под контролем тибетского военачальника. Надежными союзниками тибетцев стали западные тюрки. В 679 г. Пэй Сии-цзянь вернул Семиречье под

эгиду Танской династии. Новый протектор Западного края Ван Фан-и, сделавший своей резиденцией Суяб, обнес город стенами и превратил его в опорную базу империи на западе. В 690 г. член каганского рода Ашина Дуйцзы, пользуясь поддержкой многих западнотюркских племен и опираясь на помощь тибетцев, попытался захватить власть в Семиречье. Однако в 692 г. тибетцы в «Четырех инспекциях» были разгромлены армией Ван Сяо-чжи. Решающая победа одержана в 694 г., когда Ван Сяо-чжи нанес удар тибетцам и тюркам с юга, а китайский комендант Суяба Хань Си-чжун — с севера. Союзниками китайцев были согдийцы. С большой долей вероятности можно полагать, что участвовавшие в войне согдийские отряды пришли не из Мавераннахра, а состояли из колонистов, которым события, разыгравшиеся в 690–694 гг. в Семиречье и на севере Восточного Туркестана, были далеко не безразличны.

732 год. Двое согдийских послов независимо от послов своего сюзерена представляют в Отюкене согдийские города Семиречья.

739 год. В Семиречье «несколько десятков тысяч выходцев из западных владений вместе с баханнынским (ферганским) государем и другими владельцами покорились Китаю»²⁸⁵. Этой акции предшествовал разгром тюркешского войска арабами в Тохаристане и ставшая в следующем году реальностью угроза арабского вторжения в Фергану и другие области к востоку от Сырдарьи²⁸⁶.

В древнетюркском памятнике и в китайской хронике согдийские города Семиречья выступают как политическое целое, проводящее самостоятельную внешнюю политику и рассматриваемое обоими источниками наравне с прочими государствами. Таким образом, есть основание сделать вывод, что в первой половине VIII в. в Семиречье существовала территориальная федерация (амфиктиония) согдийских городов, осуществлявших согласованную внешнюю политику. Номинальная зависимость федерации от западнотюркских каганов скрывала ее подлинную роль в политической жизни Средней Азии.

²⁷⁹ Chavannes. Documents. P. 10.

²⁸⁰ Nov. 3, Nov. 4.

²⁸¹ Лившиц. Согдийский брачный контракт. С. 80–84.

²⁸² Chavannes. Documents. P. 144.

²⁸³ Bacot, Thomas, Toussaint. Documents de Touen-Houang. P. 38.

²⁸⁴ Fang-kuei Li. Notes on Tibetan sog. P. 139–142.

²⁸⁵ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 299; Chavannes. Documents. P. 84.

²⁸⁶ Ам-Табари. II. 1689–1691.

Глава V

ВОСТОЧНОТЮРКСКИЙ КАГАНАТ
И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

ЗАПАДНЫЙ ПОХОД

Сражение при Минша

Добыча, захваченная тюрками во время походов 700–702 гг., была столь велика, что в течение нескольких лет Капаган-каган скорее стремился предотвратить возможность ответных действий императорских войск, чем готовил новый набег. В 703 г. два тюркских посольства прибыли в Лоян, чтобы предложить наследнику трона руку дочери кагана¹. С одним из посольств в столицу вернулся освобожденный из плена прежний жених дочери Капагана У Янь-сю, племянник императрицы².

В 705 г. в результате дворцового переворота императрица У была отстранена от власти. Трон занял Чжунцзун. Внутренние распри поглощали силы, и об укреплении границы никто не думал; притворное миролюбие Капагана успокоило двор. В 706 г. тюркское войско форсировало Желтую реку. Капаган шел старым маршрутом 694 и 700 гг. — на Лун-ю.

Генеральное сражение произошло под Линчжоу, в округе Минша. Армия Шача Чжун-и (в рунических текстах — Чача-сенгун) сражалась с неожиданным для тюрков ожесточением. Трижды тюркское войско, в рядах которого были Бильге и Кюль-тегин, возобновляло бой, пока, наконец, китайцы, понесшие большие потери, не отступили (КТб, 32–34;

БКб, 26). Область Лун-ю вновь оказалась во власти Капагана³. Император сместил Шача Чжун-и и назначил главнокомандующим Шофанской армией Чжан Жень-юаня (Чжан Жень-даня), проявившего незаурядную храбрость и находчивость в войне 698 г. К началу 707 г., когда Чжан Жень-юань прибыл к армии, Капаган, вновь ограбивший конные заводы и богатые округа Лун-ю, ушел за границу⁴.

Чжунцзун твердо решил не жалеть средств для ликвидации северной угрозы. По его приказу все высшие чиновники империи приняли участие в разработке плана «обуздания варваров»⁵. Одобренные меры сводились к поощрению враждебных тюркам племен, созданию новых военных поселений, организации рейдов за Желтую реку. Реализацию плана император поручил Чжан Жень-юаню. В 707 г. в Северной Монголии появился императорский эмиссар, президент палаты по делам вассальных государств Цзан Сы-янь⁶. Сразу вслед за этим там началось восстание огузского племени байырку. Капаган не сомневался в причинах восстания — Цзан Сы-янь был схвачен и казнен, но основные силы тюркской армии оказались втянутыми в войну далеко от китайской границы (КТб, 34).

Тем временем Чжан Жень-юань перешел Желтую реку и за 60 дней выстроил на ее северном берегу три крепости, блокировав таким образом переправы через Хуанхэ. Севернее в горах было построено 1800 башен для огневой сигнализации. Начальник кавалерии шофанской армии тибетец Лунь-гун-жень, сын трагически погибшего Цинлина, получил приказ углубиться на территорию противника и патрулировать подступы к Желтой реке⁷.

Отныне тюрки при вторжении были бы вынуждены или принять бой на переправах, где все преимущества оставались на стороне китайцев, или обходить Ордос с востока (на западе путь преграждали тяжелые Алашаньские пески), оставляя на фланге и в тылу сильную шофанскую армию. К 709 г. на границе создалась обстановка, когда тюркский каган уже не мог рассчитывать на легкие победы и безнаказанный грабеж. И Капаган предпочел изменить политику.

³ Liu Mau-tsai. I. S. 164, 219. Р. Жиро (*Giraud. L'empire des Turcs*, P. 50) вслед за А. Кордье (*Cordier. Histoire. Vol. I. P. 450*) без всяких оснований помещает Минша вблизи Дуньхуана, хотя в тексте «Цзю Таншу» прямо указано, что Минша — уезд в округе Линчжоу (Liu Mau-tsai. I. S. 164; II. S. 606).

⁴ Liu Mau-tsai. I. S. 319–320 (биография Чжан Жень-юаня).

⁵ Ibid. S. 165.

⁶ Ibid. S. 168.

⁷ Ibid. S. 320–321, 295–296 (биография Лунь-гун-жэня).

¹ Liu Mau-tsai. I. S. 164.

² Franke. Geschichte. Bd. II. S. 423; Cordier. Histoire. Vol. I. P. 448.

Кыргызы

Главной опасностью для каганата были не укрепления на Желтой реке, а антитюркская коалиция, которую сумели сколотить в тылу у Капагана императорские эмиссары. Вот как оценивает Тоньюкук, этот ближайший сподвижник каганов из рода Кутлуга, создавшееся положение: «(19) Китайский каган был нашим врагом, каган “десяти стрел” был нашим врагом (20), но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: да пойдем мы (походом) на Алтунскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана... (21) Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали они».

Надпись в честь Бильге-кагана точно указывает время создания коалиции: «Когда мне было двадцать шесть лет, народ чик с кыргызами стали врагами» (БКб, 26); следовательно, кыргызы, а также зависимое от них население долины Верхнего Енисея (Тувы)⁸ открыто выступили против тюрков в 709 г. (и не позднее начала 710 г.). Летом или осенью 710 г. мелкие племена Тувы — чики и азы — были разгромлены отрядом Могилян (БКб, 26).

Судя по сведениям, которыми располагал Тоньюкук, совместное выступление союзников намечалось на следующее лето, т. е. на 711 г. Наиболее непосредственную угрозу представляли, естественно, ближайшие соседи — империя и кыргызы, но Тоньюкук не очень верил в наступательный порыв танских генералов. В 710 г. имперский престол занял Жуйцзун, бывший принц Ли Дан, хорошо знакомый тюркам (в орхонских текстах — *Oŋ tutuq*). У Тоньюкука были все основания полагать, что Жуйцзун воспользуется любым поводом, чтобы отказаться от решительных действий. И такой повод императору поспешили предложить — в первом месяце 711 г. в Чанань прибыло посольство Капагана. Тюркский каган вновь предлагал мир, союз и брачное родство. Обрадованный император благосклонно принял тюркских послов. А пока в столице империи тянулись переговоры, в степи происходили совершенно неожиданные для союзников события.

Еще в 699 г. Капаган учредил новую структуру верховного командования армии. Левое крыло, толесы (20 тыс. воинов), было передано младшему брату кагана Дусифу; правое крыло, тардуши (также 20 тыс. воинов), составило корпус сына Кутлуга Могиляня (будущего Бильге-кагана). Соответственно Дусифу и Могилянью были подчинены восточный и за-

⁸ О локализации чиков и азов см.: Кыласов. Тува в период Тюркского каганата. С. 69–71.

падный военно-административные округа каганата. Но над обоими шадами Капаган поставил своего старшего сына Бёгю, дав ему титул кагана и 40 тыс. воинов. Армия Бёгю была ядром тюркского войска. Уже тогда Капаган предназначал ее для дальних походов — недаром к титулу своего сына он добавил слова «открывающий Запад»⁹. Теперь войска Бёгю и Могилян было решено использовать для чрезвычайно тяжелого зимнего перехода через Западный Саян в страну кыргызов. Тоньюкук убедил Капагана напасть первым, не считаясь ни с какими трудностями, и сам взял на себя фактическое руководство походом.

В обход обычного пути тюркское войско по глубокому снегу поднялось на вершину хребта. Десять суток воины пробивали путь вниз, в долину р. Аны¹⁰, сквозь снежные завалы «глубиной с копье». Тоньюкук замечает, что, пока «испытывались лишения», главнокомандующий Бёгю-каган лишь торопил его, а все дела делал он сам, Тоньюкук.

Успех стоил перенесенных лишений — тюрки напали на кыргызское войско, когда то спало, разгромили его и убили хана. С северной опасностью было покончено¹¹.

Тюргеши

В том же году Тоньюкук перебазировал армию в район Алтая. Один за другим лазутчики приносили тревожные вести из Семиречья — тюргешское войско, в составе которого были и китайские контингенты, готовилось к наступлению на Алтунскую чернь (Алтай).

Тюргеши лишь в конце VII в. получили преобладание в Западном каганате, а их вожди, вынудив бежать каганов из рода Ашина под защиту китайского наместника в Аньси, сами приняли этот титул. В 706 г. власть в Западном каганате перешла к Согэ (Сакал?) — сыну основателя тюргешской династии¹². После стычек с имперскими пограничными войсками, поддержавшими одного из восставших тюргешских вождей, в 709 г. Согэ добился полного признания чананьского двора. Младший брат Согэ Чжену, мечтавший о разделе государства, обратился за помощью к Капа-

⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 163, 218; Chavannes. Documents. P. 282–283.

¹⁰ Река Аны и сейчас носит то же название, на что впервые обратил внимание Томсен (Thomsen. Turcica. P. 178). Это же обстоятельство отмечено хакасским ученым М. И. Боргояковым, восстановившим возможный маршрут армии Тоньюкука — через западные районы Тувы, по долине р. Аны в южную часть Хакасии (Боргояков. О некоторых терминах. С. 136).

¹¹ Более подробно об этих событиях и гибели кыргызского кагана Баре-бета см.: Кляшторный. Стелы Золотого озера. С. 258–267.

¹² Chavannes. Notes additionnelles. P. 27.

гану, который не отказал ему в поддержке¹³. Действия Капагана побудили Согэ примкнуть к антитюркской коалиции и проявить особую решимость в выступлении против восточных тюрков.

Бёлю-каган не рискнул первым напасть на противника. Оставив войска в Алтунской черни, где он приказал ждать нападения тюргешей, Бёлю вернулся в свою ставку. Хотя апатарканом (главнокомандующим) стал другой сын Капагана, Инэль-каган, а следующее по старшинству место занимал шад тардушей Могилянь, войсками по-прежнему руководил Тоньюкук. Тоньюкук видел лишь один способ выиграть войну — напасть первым и по возможности внезапно: «(35) Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш и, не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болучу... (39) На второй день (враги) пришли; (40) они пришли, пламеня, как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По милости неба, мы (41) не боялись, говоря, что их (врагов) много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, а их ябгу и шада (42) там умертвили» (Тон., 35–42).

В битве при Болучу Тюргешский каганат был разгромлен и на несколько лет перестал существовать. Капаган казнил Согэ и его брата. Вожди западнотюркских племен поспешили выразить покорность новому сюзеру: «В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу. Услышав эти слова, беги и народ “десяти стрел” все пришли и подчинились» (Тон., 42–43). Но победой над тюргешами только начался западный поход восточнотюркского войска.

К хронологии надписей

Орхонские надписи содержат два рассказа о походе тюрков на запад — в надписи Кюль-тегина и в надписи Тоньюкука. Лишь первый из этих рассказов пытались использовать как исторический источник. Использование текста Тоньюкука затрудняла неразработанность хронологии памятника. Между тем строки надписи, посвященные западному походу, представляют значительный интерес для изучения конкретной исторической обстановки арабского завоевания Мавераннахра и сложившихся к этому времени взаимоотношений между крупнейшими государствами Средней и Центральной Азии.

Вопросы хронологии и исторической интерпретации надписи Тоньюкука впервые были поставлены Ф. Хиртом. Суммировав сведения ки-

тайских источников относительно эпохи и личности Тоньюкука, Хирт пришел к выводу о датировке всех указанных в надписи событий временем правления Кутлуга. В частности, поход на запад был отнесен к 689 г.¹⁴, что приняли В. В. Радлов и В. В. Бартольд¹⁵. Через семнадцать лет В. Томсен на основании тщательного анализа памятников показал несостоятельность датировки Хирта и идентичность кыргызского и тюргешского походов, описанных Кошцайдамскими текстами (710–711), с кыргызским и тюргешским походами памятника Тоньюкука. Оставалась невыясненной дата происходящего вслед за тем согдийского похода, описание которого совершенно противоположно в текстах обеих групп¹⁶.

Предпринятая в последнее время попытка Р. Жиро пересмотреть выводы Томсена неудачна и противоречит известным фактам¹⁷.

Согдийский поход Могиляня и Кюль-тегина начался осенью 712 г.¹⁸, между тем как генеральное сражение с тюргешами произошло не позднее лета 711 г. О периоде между обоими событиями в надписи Кюль-тегина рассказывается: «Их (тюргешей) кагана мы там убили, его эль покорили. Масса тюргешского народа вся откочевала в глубь [страны] (т. е. подчинилась). Тот народ при Табаре (?) мы поселили. Вернувшись с целью устроить согдийский народ, мы переправились через реку Жемчужную» (КТб, 38–39). Таким образом, после разгрома тюргешей и переселения их в глубь страны Могилянь и Кюль-тегин не менее года занимались подготовкой окончательного подчинения Тюргешского каганата. Между тем в соответствующих строках надписи Тоньюкука подчеркивается стремительность развития военных событий: «(43)... Небольшое число народа (тюргешей) убежало. Я повел в поход войско “десяти стрел”. (44) Мы еще воевали и гнали их. Переправясь через реку Жемчужную...» Из текста очевидно, что сам Тоньюкук и главнокомандующий (апатаркан) Инэль-каган сразу вслед за одержанной победой предприняли преследование части непокорившихся тюргешских племен и вступили на территорию Согда.

Учитывая хронологическую выдержанность памятника и отмеченные факты, можно утверждать следующее: 1) дата согдийского похода Тоньюкука и Инэль-кагана падает на 711 — начало 712 г.; 2) поход Тоньюкука и Инэль-кагана непосредственно предшествовал походу Могиляня и Кюль-тегина.

¹⁴ Hirth. Nachworte. S. 1–140, 67–90, 100.

¹⁵ Radloff. Inschrift des Toniukuk. S. 119–120; Бартольд. Туркестан. Т. II. С. 189.

¹⁶ Thomsen. Turcica. P. 182–184.

¹⁷ Giraud. L'empire des Turcs. P. 32–43.

¹⁸ Бартольд. Новые исследования. С. 244.

¹³ Chavannes. Documents. P. 43–44, 79–80. О дате нападения войск Капагана на Согэ см.: Liu Mau-tsai. I. S. 169; II. S. 611.

Арабы и тохары

Описание похода Тоньюкука в Согд крайне лаконично; текст не везде сохранился достаточно хорошо. Все это затрудняет интерпретацию, но не делает ее безнадежной. В последние годы появилось три различных чтения 44–48-й строк памятника: Томсена–Малова, Рамстедта–Аалто, Жиро. Мною принято за основу чтение Томсена–Малова, наиболее обоснованное, но ниже мы остановимся и на других возможных вариантах.

«(44) biz jāmā sülādimiz any irtimiz jānčū ügüzüg kääčä tinäsi oγly jatγγma bāṇligāk taγγ... (45) tämir qaγγqa tägi irtimiz anta janturtymyz ināl qaγanqa... (...γqa) täzik toqrysγn (46) anta jārūki (?) suq baslyγ soγdaq bodun qop kälti ol küntä tägti türk bodun tämir qaγγqa tinäsi oγly (47) tinäsi oγly (*error lapicidae!* — C. K.) jatγγma taγqa tägmis idi joq ärmis ol jārkä bān bilgä ton jukuk tägürtük üčün (48) saryγ altyn örün kümüs qyz quduz ägritābi aγy bunsyz kälürti»¹⁹.

Перевод С. Е. Малова: «(44) Мы еще воевали и гнали их. Переправясь через реку Жемчужную, гору Бянглияк — местожительство сына Тинэси... (45) Мы преследовали (врагов) до Темир-капыг (до Железных ворот). Мы заставили (их) оттуда возвратиться. Инэль-кагану арабов и тохаров... (46) Тогда пришел весь согдийский народ во главе с Суком... (?). В те дни тюркский народ достиг Железных ворот (47) и достиг горы — местопребывания сына Тинэси, (где) не было предводителя. Так как я, мудрый Тоньюкук, дошел (с войском) до этого народа (*букв.: до этой земли*), (48) то он (народ) принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве (*букв. без границ*)»²⁰.

В этом рассказе можно выделить описание нескольких эпизодов, следующих друг за другом: 1) преследование тюркшей, бежавших после поражения при Болучу; 2) поход за Жемчужную реку до Железных ворот и возвращение обратно; 3) неясное из-за плохой сохранности текста предположение Инэль-кагана, в ходе которого он вступил в какие-то отношения с арабами и тохарами; 4) прибытие согдийцев с дарами в тюркскую ставку. Рассмотрим возможный исторический контекст каждого из упомянутых событий.

По чтению и переводу Томсена–Малова, армия Тоньюкука именно в погоне за тюркшами форсирует Жемчужную реку (Сырдарью) и вступает на территорию Согда. Переводы Рамстедта–Аалто и Жиро допускают иное толкование: Тоньюкук нагнал тюркшей до переправы через

Жемчужную реку (any irtiniz переводится «мы нагнали их», а не «мы гнали их»), но ничего не рассказывает о судьбе беглецов. В таком случае фраза anta janturtymyz (Тон., 45) переводится не «мы заставили их оттуда возвратиться» (Томсен–Малов), а «тогда мы повернули (вернулись) назад» (Рамстедт–Аалто, Жиро)²¹. Последний перевод менее удачен, так как плохо увязывается с понудительной формой глагола (jantur-). Независимо от принятого перевода общий ход событий намечается в рассказе достаточно ясно: армия Тоньюкука и Инэль-кагана переправилась через Сырдарью, прошла до ставки «сына Тинси (Тинэси)» на горе Бянглияк и далее, до Железных ворот (проход Бузгала); оттуда тюрки поворачивают назад.

Более точный перевод Томсена–Малова позволяет лучше понять происшедшее. Движение отступающих тюркшей к Железным воротам, т. е. в Тохаристан, вызывающее на первый взгляд недоумение, получает свое объяснение при учете всей суммы тохаристано-семиреченских отношений VII–VIII вв. В 20-х гг. VII в. западнотюркский каган Тон-ябгу (618–630) включил Тохаристан в число своих владений и передал управление страной своему сыну Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе²². В состав Тохаристана входила большая группа автономных владений (Термез, Чаганиан, Ахарун, Шуман, Кобадиян, Вахш, Хуттал, Кумед, Шугнан и некоторые области Северного Афганистана), вся зависимость которых от правителя страны выражалась, вероятно, лишь в уплате ему дани местными правителями²³. По Сюань Цзану, таких «малых государств» было двадцать семь²⁴. Тюркские правители Тохаристана носили титул «ябгу», и, как это видно из их писем китайскому императору, написанных в 718 и 727 гг., их династия не прерывалась по крайней мере в течение последних десятилетий VII — начала VIII в.²⁵ Рассказывая о событиях 119 г. х. (737), ат-Табари называет владельца Тохаристана (джабгуйа ат-тухари) также «ябгу карлуков» (джабгуйа ал-харлухи)²⁶. Было бы не вполне правомерно рассматривать это сообщение как безусловное свидетельство о смене династии Ашина карлук-

²¹ Aalto. G. I. Ramstedt und die Inschrift von Tonjukuk. S. 23; Aalto. Materialien. S. 41–45; Giraud. L'inscription de Bain Tsokto. P. 57, 63–64.

²² Chavannes. Documents. P. 24.

²³ Marquart. Erānsāhr. S. 190; Bagchi. India and Central Asia. P. 25–28.

²⁴ Si-yu-ki. P. 37.

²⁵ Chavannes. Documents. P. 200–202, 206–207. Последнее прямое указание, что владелец Тохаристана принадлежит к роду Ашина, относится к 656–660 гг. (Chavannes. Documents. P. 157).

²⁶ Ат-Табари. II. 1604, 1612. По предположению И. Маркварта, это отождествление ат-Табари ошибочно (Marquart. Historische Glossen. S. 184; Marquart. Erānsāhr. S. 70).

¹⁹ Малов. Памятники. С. 64.

²⁰ Там же. С. 69; ср.: Thomsen. Alttürkische Inschriften. S. 169.

ской династией; скорее здесь следует видеть указание на весьма раннюю (до начала VIII в.) инфильтрацию карлуков в Припамирье²⁷.

Вплоть до окончательного подчинения Тохаристана арабами (в 40-х гг. VIII в.)²⁸ не прерывались тесные политические связи тохаристанских тюрок с Западным каганатом. До конца 30-х гг. VIII в. тохаристанские ябгу продолжают рассматривать Семиречье как свой военно-политический хинтерланд²⁹. В свою очередь тюркешские правители Западного каганата сохраняли и поддерживали преемственность хотя бы и номинального сюзеренитета над Тохаристаном, установленного в 20-х гг. VII в. По рассказу ат-Табари, хакан тюркешей в 737 г. обратился через посредника к арабскому наместнику Хорасана — Асаду ибн Абдаллаху, нападшему на Хутталъ — одну из областей Тохаристана, — со следующими словами:

«[Не достаточно ли] было у тебя места для походов за рекой? (Амударьей. — С. К.). Но тебя жадность одолела, необходимости тебе в Хуттале не было. Эта страна [досталась мне] от моих отцов и дедов (разрядка моя. — С. К.)»³⁰.

В Семиречье росло и культурно-идеологическое влияние Тохаристана, связанное, в частности, с распространением манихейства среди западных тюрок³¹. Духовный глава манихеев Семиречья еще в первой половине VIII в. имел резиденцию в Тохаристане³². Движение в 711 г. разбитых тюркешских отрядов в Тохаристан могло бы быть оценено как естественное звено в цепи тохаро-тюркешских взаимоотношений VIII в.

Походом «до Железных ворот» и возвращением бежавших племен в Семиречье закончилось пребывание сколько-нибудь значительного тюркского отряда в Мавераннахре. Вслед за тем происходит событие, не совсем понятное из-за плохой сохранности памятника. Можно лишь отметить, что, во-первых, главным действующим лицом здесь является Инэль-ка-

ган, упомянутый в связи с арабами (*tāzik*)³³ и тохарами (*toqru*)³⁴; во-вторых, имя Инэль-кагана и следующее за ним, но не сохранившееся полностью слово противопоставлены дательно-направительным падежом арабам и тохарам, упомянутым вместе.

Совершенно произвольно пытается читать поврежденную часть строки П. Аалто, который нашел здесь этнические имена маньси (мн. ч. *manšud*), саков, индусов, пришедших с кочевыми (?) согдийцами, которых возглавлял Ашока, почтить Инэль-кагана (!)³⁵. Как подтвердил В. М. Наделяев, осмотревший памятник в 1961 г., чтение поврежденной части строк 45–46 невозможно и выводы П. Аалто гадательны, что, впрочем, отмечено им самим. Р. Жиро хочет видеть в имени *Инэль-каган* название горного хребта, который преодолели тюрки, но такое предположение не разрешает возникающих сомнений³⁶.

Однако имеющиеся эстампажи позволяют реконструировать какую-то часть интересующей нас фразы. По чтению В. В. Радлова, сохранились следующие знаки: *inäl... qayānqa... qa tāzik toqrysūn...*³⁷ Но показатель винительного или инструментального падежа (с аффиксом 3-го л. ед. ч.) *-sūn* при слове *toqru* ввиду наличия дательно-направительного падежа объекта явно не может иметь место. Обратившись к неретушированному эстампажу надписи, можно отметить следующее:

I. Последняя буква в слове, читаемом В. В. Радловым как *toqrysūn*, почти целиком выветрилась, и схематически какие-либо следы соедини-

тельной линии между двумя начертаниями на эстампаже отсутствуют .

Более того, в то время как в букве правая верхняя черта всегда расположена по отношению к средней черте под значительным углом, здесь могущая быть подобной черта направлена перпендикулярно к общему основанию строки и не является сплошной. Таким образом, эта черта может рассматриваться только как самостоятельный знак — двоеточие-словоразделитель.

²⁷ *Мандельштам*. Материалы. С. 159. О тохаристанских карлуках см.: *Barthold*. *Karluk*. P. 812–813; *Minorsky*. *Hudūd al-'Alam*. P. 287–288. Этнический состав населения Тохаристана в раннем Средневековье рассмотрен в работе А. М. Мандельштама (*Мандельштам*. Сложение таджикской народности. С. 57–99).

²⁸ *Barthold*. *Tokhāristān*. P. 849–850.

²⁹ *Ат-Табари*. I. С. 1593–1594, 1596; *Ибн ал-Асир*. V. С. 344; *Бартольд*. Туркестан. Т. II. С. 194–195.

³⁰ Цит. по пер. А. М. Беленицкого (*Беленицкий*. Историко-географический очерк Хутталъ. С. 114).

³¹ *Marquart*. *Historische Glossen*. S. 161–162; *Radloff*. *Chuastuanit*. S. V; *Chavannes*, *Pelliot*. *Un traité manichéen*. P. 191–197.

³² *Radloff*. *Altürkische Studien*. VI. S. 775; *Le Coq*. *Türkische Manichaica*. Bd. I. S. 27. Более подробно о манихействе среди тюрок и уйгуров см.: *Pestalozza*. *Il manicheismo*. P. 417–497.

³³ О значении слова *tāzik* в рунических текстах см.: *Kotwich*, *Samoilovitch*. *Le monument turc*. P. 101–102; *Малов*. Памятники. С. 429. Об истории слова см.: *Hess*. *Miscellanea*. S. 391–392; *Bailey*. *Turks in Khotanese texts*. S. 90 (араб. *taiji*’, пехл. *tažī*, армян. *tačik*, кит. *ta-chi*, хотан. *tašiki*, тибет. *stag-gsig*).

³⁴ В древнетюркских манихейских и буддийских текстах — *twryr*, *twryr*, *twqry*; сводку написаний этого этнонима в различных источниках см.: *Bailey*. *Taugarā*. P. 888; ср.: *Henning*. *Argi and the «Tocharians»*. P. 545–564; *Bussagli*. *Note*. P. 77–81; *Bailey*. *Recent work*. P. 162–163.

³⁵ *Aalto*. *Materialien*. S. 45, 59.

³⁶ *Giraud*. *L'inscription de Bain Tsokto*. P. 63.

³⁷ *Радлов*. Атлас. Т. C XIV, 1, 2; ср.: *Radloff*. *Inscription des Tonjukuk*. S. 20–21. Z. 46. На неправильность чтения Радлова «*Inil qaryūqa... (ta)γqa...*» указал уже Томсен (*Thomsen*. *Altürkische Inschriften*. S. 169).

2. После восстанавливаемого нами словоразделителя до конца строки наличествуют контуры четырех знаков. Первый из них, судя по общему очертанию, **h** (t²) или **h** (q), что и заставило Радлова, ошибочно соединившего его с предшествующим начертанием, прочесть **h**. Три последующих знака по имеющемуся эстампажу реставрации не поддаются.

Учитывая наличие дательного-направительного падежа объекта, заключать предложение может только сказуемое-глагол, а так как последующая строка начинается с нового предложения, семантически не связанного с предыдущим, конечную фразу 46-й строки завершает законченная глагольная форма (*verba finita*). Сочетание указанных посылок, весь контекст фразы, а также наличие прямых аналогий проведенной конструкции в других памятниках³⁸ заставляют нас считать, что искомым сказуемым в форме *verba finita* является глагол *täg-* в значении «нападать», оформленный аффиксом прошедшего времени, в котором ведется все повествование, *-mis* или *-di*.

3. Знаки второго слова фразы прослеживаются слишком слабо, чтобы быть уверенным в правильности чтения. Отметим только, что слово состоит из шести-семи знаков (исключая надежный показатель), пятый (шестой?) из которых — отчетливо читаемое *t*.

Исходя из сказанного, фраза должна быть восстановлена следующим образом: «На Инэль-кагана, на... арабы и [союзные] им тохары (букв.: их тохары) напали».

Это событие происходит после благополучного завершения преследования и возвращения тюргов — операции, в которой Инэль-каган принимал несомненное участие, так как в тексте всюду фигурирует местоимение «мы», что не может быть сказано просто о войске: памятники в таких случаях всегда имеют в виду конкретное лицо — известного читателю представителя высшего командования войска. Имя самого Тоньюкука в разобранной фразе не упоминается, что вместе со «страдательной» формой построения предложения безусловно свидетельствует о понесенном поражении, от возможности обвинения в котором Тоньюкук тщательно отгораживает себя указанием на Инэль-кагана. Отметим, что ни одно из известных названий тюркских вождей не соответствует лакуне, следующей за словами *inäl qayanqa...*

Это, а также подчеркнуто полное поименование противников Инэль-кагана (арабы и их местные союзники, тохары) является косвенным указанием, что лицо (лица?), подвергшееся нападению вместе с Инэль-каганом, — скорее всего, его местный союзник, в тюркское войско органически не входящий.

³⁸ Ср., например, КТ6, 40: «alp är biziña tägmış».

Появление в составе арабского отряда тохарских союзников не вызывает удивления. Наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим (705–715) охотно использовал военные контингенты одних среднеазиатских владетелей в войне с другими. Не менее одной шестой его войска составляли хорасанцы, согдийцы, хорезмийцы и другие жители Средней Азии³⁹. Подчинение Тохаристана Кутейбой в 705–710 гг. было осуществлено не столько военной силой, сколько умелым использованием вражды между тохаристанскими владетелями.

В 705 г. Кутейба, по просьбе и при помощи владетеля Чаганиана⁴⁰ Тиша Одноглазого, перешедшего на сторону арабов, нападает на Ахарун и Шуман⁴¹. В 709–710 гг., подавив сопротивление группы восставших тохаристанских владетелей, во главе которых стоял Низак-тархан, Кутейба арестовал ябгу Тохаристана⁴², именуемого в китайских источниках Надунли⁴³, послал пленника в Дамаск, где тот находился еще в момент смерти халифа ал-Валида (715)⁴⁴. Об аресте ябгу Надунли арабами упоминает в письме к китайскому императору (727) сын ябгу⁴⁵, дата восшествия которого на тохаристанский престол неизвестна. В 718–719 гг. китайский источник называет тохаристанским ябгу Тиша Чаганианского (Дидже из Чжеханьна)⁴⁶. Следует отметить, что «царь Чаганиана» был единственным крупным тохаристанским владетелем, сохранившим верность арабам в 709–710 гг. Возможно, что после ареста ябгу Надунли Кутейба содействовал переходу царской власти в руки Тиша Одноглазого; не исключено, что именно Тиш и его воины названы в тюркском памятнике тохарами — союзниками арабов⁴⁷.

³⁹ Gibb. Arab conquests. P. 40.

⁴⁰ Область в долине Сурхан-Дарьн, в северо-западной части Тохаристана; Железные ворота (Байсунский проход) и были границей между Согдом (район Кеша и Несефа в долине Кашка-Дарьн) и Чаганианом. Подробнее см.: Barthold. Čaghaniyān. P. 831; Minorsky. Hudūd al-'Alam. P. 353.

⁴¹ Ам-Табари. II. С. 1180; ал-Балазури. С. 419.

⁴² Ам-Табари. II. С. 1221.

⁴³ Chavannes. Documents. P. 200. В другом источнике этот ябгу именуется также Паньдунли (ibid.).

⁴⁴ Ам-Табари. II. С. 1225.

⁴⁵ Chavannes. Documents. P. 206.

⁴⁶ Chavannes. Notes additionelles. P. 41; Chavannes, Pelliot. Un traité manichéen. P. 152–153; Pestalozza. Il manicheismo. P. 448–450. В согдийском документе Nov. I (Мусский архив) упомянут MLK' tū' r' k «царь тохаров», но имя его не названо; см.: Фрейман. Три согдийских документа. С. 86.

⁴⁷ Поскольку нет оснований отождествлять Тиша Одноглазого с сыном ябгу Надунли, правившим в Тохаристане по меньшей мере с 727 г., вряд ли справедливо относить к Тишу действия ябгу Тохаристана, выступившего в 731 и в 737 гг. на стороне кагана тюргов против арабов (Marquart. Historische Glossen. S. 172; Id. Ērānšahr. S. 70). Не просил о помощи против арабов Тиш и в 719 г., когда по его поручению в Чанань, к импе-

Описание боевых действий, заканчивающееся в 45-й строке, сменяется в 46–48-й строках изложением результатов похода, важнейшим из которых автор считает достижение Железных ворот и горы Бянглияк — местожительства «сына Тинси». Достижение Железных ворот для авторов рунических надписей VIII в. — это показатель высшего военно-политического могущества и наибольшего благосостояния тюркской империи, возврат к полулегендарным временам, когда, по словам Бильге-кагана, «над сынами человеческими восседали мои славные предки Бумын-каган и Истеми-каган», расселившие «тюркский народ» от Кадырканской черни до Железных ворот. В числе своих крупнейших «заслуг» перед «тюркским народом» Бильге-каган называет и то, что он, «переправясь через реку Жемчужную, дошел с войском до Железных ворот». Поэтому понятно заявление надписи о достижении Железных ворот в походе, руководимом Тоньюкуком. Наравне с Железными воротами называется «местопребывание сына Тинси» как пункт, заслуживающий не меньшего внимания. Совершенно ясно, что речь может идти только о месте, связанном с пребыванием в нем важнейшего лица государства. Естественно полагать, что это лицо — владетель Согда, а упомянутая местность является его обычной резиденцией.

В. В. Радлов, а вслед за ним В. Томсен, Х. Оркун и С. Е. Малов читают имя *tinsi* как *tin(ä)si*, не обосновывая, однако, этого чтения⁴⁸. Г. И. Рамстедт видел в словах о горе, где находится «сын Тинси», отголосок среднеазиатского варианта мифа о Прометее, занесенного сюда воинами Александра Македонского⁴⁹; это интересное соображение не подтверждается вполне конкретным содержанием памятника, описывающего события 711–712 гг. Имя *tinsi oγly* упомянуто в контексте, почти не оставляющем сомнений, что речь идет о правителе Согда.

Однако значение этого слова становится ясным только после привлечения другого рунического памятника — уйгурской «Книги гаданий» (VIII–IX вв.). В тексте первой строки этого памятника содержится то же имя: «Я — Тинси (*t(i)n:si* или *t(ä)n:si*). Утром и вечером сидя на золотом престоле, я радуюсь»⁵⁰. Как установлено В. Томсеном и Ф. В. Мюллером,

раторскому двору, прибывает посланный им манихейский епископ, «сведущий в астрономии»; характерно, что послы Тиша прибывают в Китай вместе с арабскими посланцами (*Chavannes, Pelliot. Un traité manichéen. P. 152*). Возможно, Тиш был тем самым «царем Чаганиана», который в 737 г. выступил на стороне арабского наместника против коалиции тюркешей и согдийцев и был убит в битве с хаханом (*Am-Tabari. II. C. 1600–1601*).

⁴⁸ Radloff. *Inscript des Tonjukuk. S. 20–21; Thomsen. Alttürkische Inschriften. S. 169; Orkun. Eski türk yazitları. C. 1. S. 116–117.*

⁴⁹ Aalto. G. I. Ramstedt und die Inschrift von Tonjukuk. S. 23; *Id. Materialien. P. 58.*

⁵⁰ Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscript. P. 190–196. Ср.: Малов. Памятники. С. 80, 85. О некоторых уточнениях к чтению этой рукописи см.: Clauson. Notes on the «Irk Bitig». P. 218–225.

Древнетюркский воин. VIII–IX вв. Реконструкция Г. В. Кубарева и В. В. Кубарева по находкам в погребении Курбана 11 и могильника Балык-Соок. Центральный Алтай

слово *tin-si* (*tän-si*) в тексте «Книги гаданий» представляет точную уйгурскую транскрипцию китайского императорского титула *t'ien-tsi* — «Сын Неба»⁵¹. В «Книге гаданий» слова *tin* и *si* написаны через знак-словоразделитель; очевидно, уйгурский писец знал иероглифическое написание титула и передал его по-тюркски двумя словами. Это облегчило раскрытие смысла термина в уйгурском памятнике.

В тексте Тоньюкука написание обоих китайских слов слитное, что скрыло от В. Томсена и других исследователей его несомненную идентичность титулу *tin-si* из «Книги гаданий»; *tipisi* памятника Тоньюкука строго соответствует китайскому *t'ien-tsi* (танское **t'ien-tsi*)⁵².

Словосочетание *tinsi oyly*, обозначающее здесь правителей Согда, следует переводить «сын Сына Неба»⁵³. Согласно представлению тюркской аристократии, подобное выражение означало признание верховного сюзеренитета китайского императора⁵⁴. Это обозначение показывало здесь не реальную обстановку в Согде, который никогда не был под властью Китая, а лишь притязания танского двора, включавшего в число своих вассалов даже Иран и Арабский халифат. Тоньюкук, знакомый с этой официальной концепцией китайского сюзеренитета над государствами Средней Азии, именует царя Согда «сыном Сына Неба». Однако Согд, как и другие государства Средней Азии, при всей заинтересованности в политической поддержке империи всегда сохранял полную независимость от Китая во внешней и внутренней политике.

Остается неясным, какое место названо в памятнике «горой Бянглия», где было «местопребывание сына Тинси»⁵⁵. Речь идет об одной из резиденций владетеля Согда, возможно, об одном из горных замков в долине Зеравшана⁵⁶. Известны две резиденции ихшида Согда вне Самарканда — Ривдад (в 7–8 км к югу от Самарканда)⁵⁷ и Иштихан (около

50 км от Самарканда по дороге на Бухару)⁵⁸, но оба селения расположены на открытой равнине⁵⁹.

Падение Самарканда

Момент, когда Тоньюкук вступил на территорию Согда, был переломным в решении судьбы этой страны. В 711 г. самаркандская знать свергла с согдийского престола Тархуна, заключившего мир с арабами и выплатившего им дань⁶⁰. «Ихшидом Согда, афшином Самарканда» стал Гурак. В 93 г. х. (октябрь 711 — октябрь 712 г.), вслед за подчинением Хорезма, Кутейба ибн Муслим объявил себя мстителем за кровь вассала и двинул арабские войска на Самарканд. Трагизм неравной борьбы «людей Согда» с численно превосходящим противником ярко запечатлен в письме Гурака китайскому императору: «Шесть лет назад (письмо написано в 718 г. — С. К.) главнокомандующий даши (арабами) И-ми Кю-ти-бо (эмир Кутейба) во главе многочисленной армии пришел сюда; он сражался с нами, и мы нанесли нашим врагам большое поражение. Но много наших воинов погибло и было ранено, пехота и кавалерия даши (арабов) были настолько многочисленны, что мы не могли им сопротивляться. Я отступил под защиту крепостных стен, чтобы там обороняться. Тогда арабы осадили город. Они установили против стен триста метательных орудий, с трех сторон они прорыли большие траншеи. Они хотели разрушить наш город и наше государство»⁶¹. Более полное описание этих событий у ат-Табари⁶², сохранившего записанную ал-Мадаини арабскую военно-племенную традицию, сличил с сообщениями цитированного письма В. В. Бартольд⁶³. Проанализировав оба источника, В. В. Бартольд не ставил, однако, своей задачей предложить синтезирующую картину происходивших событий, оставив, в частности, нерешенным вопрос в ходе борьбы между арабами и согдийцами до непосредственной осады города.

Обратимся к рассказу ат-Табари:

⁵⁸ Ал-Балазури. С. 422; о местоположении Иштихана см.: Бартольд. К истории орошения. С. 117.

⁵⁹ По другому сообщению (Несефи), последняя резиденция находилась не в Иштихане, а вблизи него, в 4 фарсах на северо-запад от Самарканда, где был построен город Фаринкат (Barthold. Quellen. S. 21–22; Minorsky. Hudud al-'Alam. P. 352).

⁶⁰ Новая датировка свержения и смерти Тархуна (не 91 г. х., а 92 г. х., т. е. ноябрь 710 — октябрь 711 г.) принадлежит О. Г. Большакову (Большаков. Средняя Азия в VII–IX вв. С. 422–423).

⁶¹ Chavannes. Documents. P. 204–205.

⁶² Ат-Табари. II. С. 1241–1250.

⁶³ Бартольд. К истории арабских завоеваний. С. 141–147.

⁵¹ Thomsen. Dr. M. A. Stein's MSS. P. 209; Csongor. Chinese in the Uighur script. P. 110, 113.

⁵² Karlgren. Grammata Serica. P. 217, 381; Thomas, Clauson. Chinese Buddhist text. P. 526.

⁵³ Это чтение и перевод были предложены нами (Кляшторный. Титул согдийского владетеля. С. 133–135), в следующем году то же чтение было принято Р. Жиро (Giraud. L'inscription de Bain Tsokto. P. 108).

⁵⁴ Ср. также: *on oq oylym türgis qayan* (КТБ, 53) «мой десятистрельный сын, тюркешский каган»; возможно, здесь отразилось влияние китайской канцелярии — письма императора тюркским каганам VIII в. адресовались: «Моему сыну, кагану тюрков» (Lin Ma-tsai. I. S. 377–380).

⁵⁵ Название горы читается Рамstedтом и Аалто *bäijilig äk tay* «freudigen (?) Grenz-Berg» (Aalto. Materialien. S. 44–45, 59). Жиро читает: *bäijilig äk tay* «l'Eltag tachtetè» (Giraud. L'inscription de Bain Tsokto. P. 108).

⁵⁶ Об исторической географии этого района см.: Волин. К вопросу о замке на горе Муг; Смирнова. Карта верховьев Зеравшана. С. 220–230.

⁵⁷ Сведения о Ривдаде собраны Б. Я. Ставским (Ставский. Исторические сведения. С. 91–93).

Сводный рассказ: «И пошел (Кутейба) в Согд; его опередил Абдурахман ибн Муслим с 20 тысячами (войска), направляясь к Согду. И присоединился к нему Кутейба с войсками Хорезма и Бухары... и осаждал он их целый месяц». В следующем далее описании происходивших в течение месяца событий рассказывается о разгроме идущего на помощь согдийцам отряда соседних владетелей: «...и это событие привело в смятение жителей Согда. Кутейба поместил против них метательные машины и обстрелял их»⁶⁴.

Версия Бахили называет место событий, происходивших до осады Самарканда. После выступления из Бухары Кутейба «пошел дальше, пока не дошел до города Арбинджана... И встретил их (арабов) Гурак, владетель Согда, со множеством тюрок, с жителями Шаша и Ферганы»⁶⁵. Упоминание союзников Гурака представляет здесь некоторый анахронизм, так как они появляются значительно позднее, что ясно видно из сводного рассказа, а также из версии Бахили, содержащей наиболее полный рассказ о союзниках согдийцев: «После того как увидел Гурак настойчивость Кутейбы по отношению к ним, он написал царю Шаша, ихшиду Ферганы и хакану... И они выбрали всадников из сыновей царей и храбрейших из молодых царских воинов... и поставили над ними начальником сына хакана. Они отправились и решили напасть на войско (Кутейбы)». Далее следует описание ночной засады арабов и разгрома союзного отряда: «И это привело в смятение жителей Согда»⁶⁶.

Основываясь на проделанном В. В. Бартольдом анализе, а также на цитированных и вновь открытых источниках, можно предложить следующую реконструкцию событий. В 93 г. войска Кутейбы ибн Муслима, усиленные многочисленными контингентами местных союзников, выступили из Бухары по направлению к Самарканду. Встретив арабов у Арбинджана⁶⁷, Гурак, не надеясь на собственные силы, обратился за помощью к владетелям Шаша, Ферганы и хакану тюрок, которые отправили к нему отряд, состоявший из личных дружин дихканской знати под предводительством сына тюркского хакана. Узнав через лазутчиков о движении этого отряда, Кутейба выслал ему навстречу лучшую часть войска под командованием своего брата Салиха ибн Муслима. Внезапным ночным нападением арабы разгромили союзный отряд, после чего согдийцы отступили к Самарканду и под его стенами дали сражение. Несмотря на

⁶⁴ *Ат-Табари*. II. С. 1242. Обозначение версий по Бартольду.

⁶⁵ Там же. С. 1249–1250.

⁶⁶ Там же. С. 1247–1249.

⁶⁷ О местоположении Арбинджана см.: Бартольд. К истории орошения. С. 117. Город был расположен в 12 фарсах от Самарканда, на пути в Бухару.

некоторый успех, согдийцы понесли большие потери и должны были укрыться за стены города. Арабы применили метательные машины, проделали брешь в стене и принудили Гурака к капитуляции.

Условия капитуляции и текст договора о мире между Кутейбой и Гураком сохранились в труде Ибн ал-А'сама ал-Куфи, отрывки из которого, по уникальной рукописи арабского оригинала, хранящейся в Стамбуле, опубликовал А. Н. Курат⁶⁸. Подробно описывается вступление арабских войск в город и события, сопутствовавшие заключению договора: «Рассказывают: и когда наступил следующий день, Кутейба подошел к городской стене, и был заключен мир между [ним и] этим народом. Кутейба заключил с ними мир за 2 тыс. дирхемов единовременно и 200 тыс. дирхемов ежегодно и за 3 тыс. голов рабов, среди которых нет ни детей, ни стариков; а также за те сокровища идолов, которые находятся в домах огня; и на том [условии], что они построят Кутейбе мечеть в этом городе; и на том [условии], что они (согдийцы) оставят город, чтобы не было в нем ни одного бойца. И вошел в город Кутейба со своими сотоварищами, и молился там, и прочитал хутбу, и пообедал [в городе]. Потом он вышел. Условился с ним Гурак, сын ихшида, в том, что он войдет через ворота Кеша и Несефа, а выйдет через Китайские ворота.

Рассказывают: и приказал Гурак принести угощение для Кутейбы и знатнейших из сотоварищей его. Потом он приказал открыть ворота Самарканда, и они были открыты, и вошли в этот город мусульмане в большом количестве, восклицая „Аллах велик!“... Рассказывают: потом [Кутейба] призвал к трапезе, и приказал Гурак, сын ихшида, принести обеденные столы... и ели Кутейба, и его братья, и его племянники, и его военачальники, пока не окончили эти люди трапезу и не омыли руки свои. Встал Кутейба и совершил два рак'ата; потом призвал своего писца и приказал ему написать Гураку, сыну ихшида, договор, на котором он заключил с ним мир»⁶⁹.

Далее следует текст договора, где упомянута и дата его заключения — 94 г. х. (октябрь 712 — сентябрь 713 г.).

«Затем призвал Кутейба Абдаррахмана ибн Муслима и оставил его в городе Самарканде, дабы [жители Самарканда] не расторгли договор и не нарушили. Потом он (Кутейба) направился к городу Мерву и стал там лагерем»⁷⁰.

Текст Ибн ал-А'сама вносит существенное уточнение в хронологию событий — и у ат-Табари, и у ал-Балазури заключение договора датиро-

⁶⁸ *Kurat*. Kuteybe bin Müslim. S. 419–420 (арабский текст).

⁶⁹ *Ibid.* S. 420.

⁷⁰ *Ibid.*

вано 93 г. х.⁷¹ Лишь ал-Йа'куби приводит точную дату — 94 г. х.⁷² Между тем, пока не был известен труд Ибн ал-А'сама, именно расхождение в датах дало основание Х. А. Р. Гиббу упрекнуть ал-Йа'куби в неточности и счесть его информацию не заслуживающей доверия⁷³. Как уже отметил А. Н. Курат, текст ал-Йа'куби в описании самаркандского похода Кутейбы очень близок к тексту Ибн ал-А'сама, хотя и значительно короче⁷⁴. Это обстоятельство имеет большое значение для восстановления доверия к труду ал-Йа'куби, так как только ал-Йа'куби сохранил сведения о событиях, последовавших сразу вслед за заключением Самаркандского договора.

На путях в Согд

Попытка идентификации рассказа ат-Табари с описанием в памятнике Кюль-тегина согдийского похода 712–713 гг., сделанная И. Марквартом⁷⁵, была справедливо отвергнута В. В. Бартольдом, указавшим как хронологические, так и фактические несовпадения обоих источников⁷⁶. Произведенный анализ надписи Тоньюкука позволяет нам утверждать, что рассказ ат-Табари, не имеющий ничего общего с содержанием 39–40-й строк памятника Кюль-тегина, отражает некоторые события, изложенные в памятнике Тоньюкука. Разгромленный арабами летом или в начале осени 712 г. сын тюркского хакана, спешивший во главе отряда шашских, ферганских и тюркских воинов на выручку согдийцам, — не кто иной, как Инэль-каган, младший сын Капагана, главнокомандующий тюркскими войсками на западе. Становится понятным и обращение Гурака к тюркскому кагану, точнее, к его представителям: тюркские войска были на границах Согда и могли оказать немедленную помощь.

В этой связи обращает на себя внимание фраза из 47-й строки памятника Тоньюкука — *idi joq ärmis* «господина (там) не было», — характеризующая положение летом 712 г. на территории между Железными воротами и ставкой «сына Тинси», т. е. в Согде. Ее можно объяснить только как свидетельство об отсутствии в стране общепризнанного государя, это будет понятным, если принять гипотезу о датировке согдийских документов с горы Муг первого и второго годов правления Дева-

штича как «царя Согда, господина Самарканда» 711–713 гг. Впервые близкую дату (710–712) предложил Р. Н. Фрай⁷⁷. Несколько раз возвращалась к этой проблеме О. И. Смирнова⁷⁸. В. А. Лившиц, опубликовавший и исследовавший целую серию документов Мугского архива, первоначально считал, что время, когда Деваштич именовался «согдийским царем, самаркандским государем», может быть отнесено к любым двум годам между 710–723 гг.⁷⁹ Позднее, однако, он остановился на 712–714 гг.⁸⁰

Выступление Кутейбы в 712 г. против Гурака под предлогом мести за Тархуна⁸¹ ясно показывает, что арабы не считали Гурака законным государем и не признавали за ним царского титула. После смерти Тархуна «арабофильскую» группировку согдийской знати возглавил Деваштич — опекун детей Тархуна, принявший на себя, вероятно, не без согласия Кутейбы, роль регента и титул «царя Согда, государя Самарканда»⁸². Следует отметить, однако, что действительного содержания этот титул не имел — Самарканд был в руках Гурака. После взятия Самарканда Кутейба ибн Муслим предпочел заключить договор с Гураком, пользовавшимся в Согде реальной властью; специальная статья договора гласила: «И клянется Кутейба ибн Муслим, что подлинно я делаю тебя, о Гурак, сын ихшида, царем Самарканда, и его земель, и его пределов, и Кеша и Несефа, и его городов и крепостей. И я вверяю тебе управление ими и принимаю печать твоего перстня над ними. И не будет противодействовать тебе никто. И поистине царство после тебя принадлежит твоим детям, и это на все то время, пока я управляю Хорасаном»⁸³.

Прекращение поддержки со стороны арабов и упрочение власти Гурака положили конец открытым притязаниям Деваштича на царский титул (713). Возможно, тогда начался отход Деваштича от проарабской политики, который окончился в 722–723 гг. его пленением и гибелью.

В 47–48-й строках памятника Тоньюкука рассказано о событии, последовавшем за возвращением войск Тоньюкука и Инэль-кагана из Ма-

⁷¹ Frye. Tarhun. P. 123.

⁷⁸ Смирнова. Согдийские монеты. С. 365; Она же. Материалы. С. 9–10; Она же. К истории Самаркандского договора. С. 79; Боголюбов, Смирнова. Согдийский документ. Б-1. С. 1221; ср.: Кляшторный. Титул согдийского владетеля. С. 134–135.

⁷⁹ Лившиц. Согдийский документ В-4. С. 133.

⁸⁰ Лившиц. Три письма. С. 117.

⁸¹ Ат-Табари. II. 1249.

⁸² О взаимоотношениях Тархуна с арабами и «арабофильской» группировкой в Согде а также о роли Деваштича как опекуна детей Тархуна см.: Крачковский, Крачковская. Древнейший арабский документ. С. 71–73.

⁸³ Kurat. Kutaybe bin Müslim. S. 420; Смирнова. К истории Самаркандского договора. С. 79.

⁷¹ Ат-Табари. II. С. 1241; ал-Балазури. С. 421.

⁷² Ал-Йа'куби. С. 344.

⁷³ Gibb. Arab conquests. P. 46–47.

⁷⁴ Kurat. Kutaybe bin Müslim. S. 411.

⁷⁵ Marquart. Chronologie. S. 8.

⁷⁶ Barthold. Quellen. S. 8–12.

вераннахра, — прибытии в тюркскую ставку согдийского посольства во главе с Суком⁸⁴. Появление согдийского посольства у Тоньюкука после сдачи Самарканда Кутейбе и перед антиарабским восстанием согдийцев свидетельствует о попытке договориться о дальнейших совместных действиях. Правильность этого предположения может быть подтверждена последующими событиями — уже в конце 712 г. в Согде появились отряды Могиляня и Кюль-тегина, пытавшиеся оказать помощь самаркандцам против арабов.

В свете этих событий становится возможной постановка вопроса о взаимоотношениях Восточнотюркского каганата с государствами Средней Азии. Период, когда восточнотюркские войска дошли до границ Средней Азии, ознаменовался созданием антиарабского блока четырех значительнейших на востоке этой страны государств — каганата, Согда, Шаша и Ферганы. Возникшая тогда коалиция в 712–713 гг. превращается в главного противника арабов, в равной мере угрожавшего независимости одних и политико-экономическим интересам других союзников.

В 713 г., после подавления восстания согдийцев, Кутейба с многочисленными войсками вторгается в Фергану и Шаш, опустошая и сжигая захваченные города⁸⁵. Поход в Шаш повторяется в 714 г. Карательный характер действий Кутейбы в Шаше и Фергане позволяет утверждать, что в походах 713–714 гг. надо видеть не завоевательную инерцию арабов, как полагал Гибб, но стремление ликвидировать возможность дальнейшей поддержки этими государствами антиарабских движений в Согде. Кутейба был достаточно дальновидным политиком, чтобы понять, какую угрозу арабскому владычеству в Мавераннахре представляет блок каганата со среднеазиатскими государствами: вся его деятельность в последние годы жизни была направлена к предотвращению этой угрозы. И если Кутейба и его преемник частично достигли своей цели, то все же единство этнически различных групп населения в борьбе с захватчиками не было полностью нарушено; можно утверждать, что Средняя Сырдарья, Фергана и Семиречье фактически не входили в состав халифата, несмотря на неоднократные попытки их завоевания арабскими наместниками на Востоке.

Таков вероятный исторический контекст лапидарного свидетельства древнетюркского памятника.

⁸⁴ Имя *suq* находит близкую аналогию в согдийском имени *suqan*; ср. *suqan* — собственное имя Шн Сы-мина (*Liu Mau-tsai*. I. 302). То же имя носил бухар-худат Сукан ибн Тухшада (750–757?) (*Frye. History of Bukhara*. P. 8). Ср. также хотанское *suqa* ара (*Bailey. Turkish proper names*. P. 201).

⁸⁵ *Am-Tabari*. II. С. 1256, 1267; *Gibb. Arab conquests*. P. 48–49.

КÄНГУ ТАРБАН

Западная граница Восточнотюркского каганата

В период победоносных войн первых пятнадцати лет VIII в. границы Восточнотюркского каганата, пределы власти тюркских каганов, пределы их далеких походов оказались в новой связи между собой. 18-я строка большой надписи в честь Бильге-кагана и параллельно 21-я строка большой надписи в честь Кюль-тегина (тексты адекватны) называют в качестве западной границы каганата в период его наибольшего могущества оставшуюся не отождествленной в специальной литературе местность *käñü tarban* (БКб, 18), *käñütarmān* (КТб, 21), по общепринятому чтению Томсена — *Käñü Tarban*⁸⁶. Это название упомянуто в определенном контексте, который мы приведем весь ввиду его важности для понимания нужного нам места.

«Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам (Бильге-каган. — С. К.) был шадом над народом тардуш. С моим дядей-каганом мы ходили вперед (т. е. на восток) вплоть до Шантунгской равнины, [орошаемой] Желтой рекой, назад (т. е. на запад) мы ходили войной вплоть до Железных ворот. Перейдя через Кёгмен, мы ходили войной вплоть до страны кыргызов. Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений, отняли эли у имевших [свои] эли, отняли каганов у имевших [своих] каганов, имевших колени заставили преклонить колени, имевших головы заставили склонить головы». Далее следует упоминание о походах против тюркешей и кыргызов и победах над ними, а затем — интересующая нас фраза: «*ilgärü qadyrqañ jyšyū aša budunpū anča qonturtymyz anča itdimiz quryūaru käñü tarbanqa tägi türk budunpū anča qontyrtymyz anča itdimiz*» «Вперед (т. е. на восток) за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели (в нем) порядок; назад (т. е. на запад) вплоть до Кянгү Тарбана мы поселили таким образом тюркский народ и завели (в нем) порядок» (БКб, 14–18; КТб, 17–21).

Первая попытка локализации Кянгү Тарбана принадлежит Э. Паркеру, поставившему это название в связь с Тянь-мань китайских источников — хребтом, ограничивающим с юга страну кыргызов⁸⁷. Уже Ф. Хирт указал на несостоятельность этой точки зрения как в лингвистическом, так и в историко-географическом отношении⁸⁸. Однако предположение

⁸⁶ *Thomsen. Inscription de l'Orkhon*. P. 105.

⁸⁷ *Parker*. [Рец. на кн.:] *V. Thomsen. Inscription de l'Orkhon*. P. 21.

⁸⁸ *Hirth. Nachworte*. S. 84–90.

Хирта о том, что Тарбан есть лишь второе название Железных ворот (Tāmīr qarū), сделанное без учета контекста, не может быть принято, на что указывал в свое время П. М. Мелиоранский⁸⁹. К возражениям Мелиоранского надо добавить, что в то время как Железные ворота трактуются в надписях для времени второго каганата как граница отдаленных походов Бильге-кагана и Кюль-тегина, Кāngǔ Тарбан — это граница расселения тюркских племен, входивших в политическую организацию Восточнотюркского каганата. Кāngǔ Тарбан так же не может быть другим названием Железных ворот, как Кадырканская чернь (Большой Хинган) не может быть другим названием Шантунгской равнины (долина Желтой реки). Таким образом, обе попытки локализации Кāngǔ Тарбана нельзя признать удовлетворительными.

Надписи прямо противопоставляют Кāngǔ Тарбан как западную границу каганата его восточной границе — Кадырканской черни. Отмечая высокую точность передачи надписями тех исторических, хронологических и географических данных, с которыми связана деятельность Бильге-кагана и Кюль-тегина, мы вправе сделать вывод, что Кāngǔ Тарбан не мог быть расположен западнее Сырдарьи, так как для указанного периода область между Жемчужной рекой и Железными воротами, населенная «согдийским народом» (*soydaq bodun*), представляла для автора надписи единое территориально-этническое целое, не входившее в пределы каганата. В то же время нельзя предполагать, что автор текста поместил границу каганата восточнее ее действительного местоположения. Каковы были в тот период пределы каганатов, показывает контекст — предыдущие строки обоих памятников рассказывают о тех событиях, результатом которых явилось распространение пределов расселения «тюркского народа» вплоть до Кāngǔ Тарбана: речь идет о завоевании и включении в состав владений Восточнотюркского каганата территории Семиречья, страны «народа десяти стрел». Таким образом, Кāngǔ Тарбан локализуется западнее бассейна рек Чу и Талас (страна «народа десяти стрел») и восточнее Сырдарьи (граница Согда).

Прямых указаний на содержание термина Кāngǔ Тарбан в памятниках нет. Маловероятно, что под этим названием выступает обозначение какого-либо естественно-географического пункта, так как названия таких пунктов сопровождаются в надписях соответствующим географическим термином: *ügüz* «река», *juš* «чернь», *qaruū* «горный проход», *jazy* «равнина», *köl* «озеро», *baš* «вершина»; ср., например, *jāncū ügüz*, *ötükān juš*, *šantur jazy*, *türgi jargun köl*, *čuš bašy*. Обозначение именем *kāñūt arban* западной

границы каганата в тексте, предназначенном для всего «тюркского народа», показывает, что этот топоним известен «слушателям».

Все это заставляет полагать, что речь идет о названии области (ср.: *tüpit* «Тибет», *tabγač* «Китай») или города, известном прежде всего в связи с окончательным подчинением Тюркешского каганата и походом в Согд. В тексте памятников граница, установленная или достигнутая в результате похода, всегда связана с направлением похода, и естественно полагать, что Кāngǔ Тарбан — последний пункт, до которого тюркские отряды в походах 712–713 гг. доходили по территории, включенной в пределы каганата, и за которым они вступали на чужую землю. Вслед за тем происходила переправа через Жемчужную реку, означавшая вступление в Согд. Местоположение Кāngǔ Тарбана между восточной границей Согда (Сырдарья) и западными областями каганата указывает, что территория, обозначенная в памятниках именем Кāngǔ Тарбан, рассматривалась Бильге-каганом, от имени которого ведется повествование, как самостоятельное территориальное и политическое образование.

Столица Шаша

В кратком рассказе ал-Балазури о битве за Самарканд в 712 г. упомянуто и обращение Гурака к соседним владельцам: «И окружил Кутейба людей Самарканда, и несколько раз встречались они и сражались. И написал царь Согда царю Шаша ملك الشاش, а тот жил в Тарбанде طربند. И пришел он во главе множества воинов. Встретили их мусульмане и сразились в жестокой битве. Затем Кутейба напал на них и обратил их в бегство»⁹⁰. В этом рассказе особый интерес представляет упоминание города Тарбанд — резиденции владельца Шаша в 712 г. В аналогичном контексте Тарбанд назван и ат-Табари⁹¹. Тожество его с Тарбаном надписей представляется несомненным ввиду совпадения места (район Средней Сырдарьи, соседний с Согдом), времени (712) и содержания обоих понятий. Отпадение неслогового *d* в двусогласном исходе (Tarband~Tarban) — явление, вполне закономерное для тюркских языков. Слово *kāñū* в унитарно оформленной дательном-направительным падежом конструкции *kāñūt arbanqa tägi* имеет атрибутивное значение.

Прямых указаний на локализацию города и области Тарбанд в трудах ал-Балазури и ат-Табари не имеется. По мнению В. В. Бартольда,

⁸⁹ Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 113.

⁹⁰ Ал-Балазури. С. 421.

⁹¹ Ат-Табари. II. С. 1518, 1521.

«часто встречающееся у историков название древней столицы Шаша Тарбанд у географов не упоминается»⁹². Это, однако, не совсем точно. Двое из ранних географов, Мухаммед ибн Муса ал-Хоризми, труд которого «Китаб сураат ал-ард» написан между 836–847 гг.⁹³, и Сухраб (первая половина X в.) в сочинении «Китаб 'аджа'иб ал-акалим ас-саб 'а»⁹⁴, полностью зависимом от книги ал-Хоризми, упоминают и локализуют Тарбанд الطارند. Сухраб называет «область Шаша и Тарбанда» с северной границей 42°55', т. е. включает в эту область Исфиджаб и Фараб⁹⁶. Труд ал-Хоризми позволяет окончательно отождествить Тарбанд с часто упоминаемым у географов другим названием той же области — Турарбанд (ср., например, ал-Фаргани, ал-Баттани)⁹⁷, являющимся одной из форм наименования хорошо известного города и области Отрар⁹⁸. Наиболее полную сводку названий Отрара, отражающую постоянные орфоэпические колебания, дает географический труд Йакута (XIII в.): «Турарбанд طارند ... город за Сейхуном (Сырдарьей. — С. К.), из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят Турар طارار и Отрар «طار»⁹⁹. Интересное сообщение об этой же области содержится в труде Абу-л-Валида Мухаммеда ал-Азраки «Хроники города Мекки»¹⁰⁰. Автор воспроизводит надпись на плите, хранящейся в сокровищнице Ка'бы вместе с тронном шахов Кабула, доставленным в Мекку в 200 г. х. (816) как военная добыча. Надпись, представляющая своего рода «пояснительную записку» к трофею, составлена Хасаном ибн Сахлем, братом знаменитого сподвижника халифа ал-Ма'муна, Фадла ибн Сахля Зу-р-рийасатайна, и является кратким рассказом о военно-административной деятельности последнего. После сообщения о завоевании Кабула и о посылке «зеленых знамен руками Зу-р-рийасатайна в Кашмир и в область Тибета» следует прославление деяний полководца на северо-вос-

⁹² Бартольд. Туркестан. Т. II. С. 171, прим. 10.

⁹³ О дате написания труда см.: Бартольд. Худуд ал-'Алем. С. 8; ср.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 93.

⁹⁴ О Сухрабе и его труде см.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 97–99.

⁹⁵ Широтные определения в трудах ал-Хоризми и Сухраба не совпадают с определениями, известными из других арабских географических трудов (см.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 95).

⁹⁶ Mālik. Kitāb 'Ağāib. S. 48.

⁹⁷ Nallino. Al-Hūwarizmī. P. 36; Golius. Muhammedis Fil. P. 38; Nallino. Al-Battani. Vol. I. P. 238–241.

⁹⁸ О локализации Исфиджаба, Шавгара и Отрара, а также о тождестве Фараба и Отрара см.: Бартольд. К истории орошения. С. 145–147.

⁹⁹ Йакут. III. С. 524; см. также: ал-Ма'уду. III. С. 61.

¹⁰⁰ Wüstenfeld. Geschichte der Stadt Mekka. Bd. I. S. 168–169.

точных рубежах халифата: «Также и из области Тарбад الترد [послал] то, что он потребовал с Фараба и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу»¹⁰¹. Этот отрывок ясно показывает, что, во-первых, Фараб и Шавгар, образующие, как известно, один оазис, в совокупности составляли область Тарбад; во-вторых, так как Фараб есть лишь другое название города и области Отрар¹⁰², то область Тарбад тождественна здесь области Отрар, что видно и из контекста. В самом имени Тарбад явственно выступает Тарбанд ал-Балазури и ат-Табари, Тарбан рунических текстов¹⁰³.

Оценка политического значения Тарбанда в начале VIII в., проистекающая из рассказа ал-Балазури, нашла неожиданное подтверждение в недавно прочтенном согдийском документе А-14 (Мугский архив)¹⁰⁴. Документ представляет собой донесение Деваштичу от его агента Фатуфарна, посланного в Чач (Шаш). В донесении сообщается, что задолго до прибытия в Чач Фатуфарна¹⁰⁵ тудун, к которому прибыл Фатуфарн, заключил соглашение с Тарбандом (t'rβnt), согласно которому тудун «получил (там) все земли»¹⁰⁶.

Кто такой тудун? Об этом прямо говорят арабоязычные источники. Ат-Табари сообщает, что тудун и есть царь Шаша¹⁰⁷; по ал-Бируни, титул царя Шаша — тудун. На монетах с согдийской надписью, относимых О. И. Смирновой к чекану правителей Чача, читается титул t'dwn (тудун)¹⁰⁸. Как правильно предположил Лившиц, тудун документа А-14 может быть отождествлен с упоминаемым в китайских источниках государем Чача Мохэду-тутунем (Багатур-тудуном), правившим с 713 до 739(?) г. Тем не менее В. А. Лившиц не считает тудуна и государя Шаша одним лицом, а полагает, что в Шаше существовало двоевластие — с одной стороны, там был наместник китайского императорского правительства или восточнотюркского кагана — тудун с резиденцией в Тарбанде, с другой — местный династ с резиденцией в самом Шаше (Ташкент)¹⁰⁹. Основанием для

¹⁰¹ Цит. по пер. А. И. Михайловой (Михайлова. Новые эпиграфические данные. С. 17).

¹⁰² Отрарбанд — Ат-Табари. III. С. 815–816.

¹⁰³ По предположению Д. Х. Мюллера, развитому Марквартом, исходной формой является согдийское *Trarband* «место переправы» (Marquart. Komapen. S. 92). В другой работе Маркварт предположил, что слово *band* имеет здесь специальное значение «пограничное укрепление» (Markwart. Sogdiana. S. 295–296).

¹⁰⁴ Лившиц. Согдийский посол. С. 92–109.

¹⁰⁵ По мнению Лившица, документ датируется 712–715 гг. (Лившиц. Согдийский посол. С. 108).

¹⁰⁶ Там же. С. 96.

¹⁰⁷ Ат-Табари. II. 1694; Salemann. Zur Handschriftenkunde. S. 867.

¹⁰⁸ Смирнова. Монетные находки. С. 170.

¹⁰⁹ Лившиц. Согдийский посол. С. 100–101.

такого предположения послужил следующей отрывок из документа А-14: «(5) И, господин, я прибыл сюда к чачскому государю (с'су-пк γwB). И, господин, (6) я и письма передал, и то, что следовало устно сообщить, (7) я полностью, без остатка изложил (8) и тудуну, и "помощнику"»¹¹⁰. Далее везде упоминается тудун. Поскольку существует два обозначения лица, к которому прибыл Фатифарн («помощника» здесь можно элиминировать), то, по мнению В. А. Лившица, речь идет о двух лицах. Контекст письма, однако, не позволяет сделать такого вывода; скорее, наоборот, подтверждается предположение, что речь идет об одном лице, которого Фатифарн называет сначала по положению («государь Чача»), а затем — по титулу («тудун»); ср. ат-Табари, который также называет того же владельца «царь Шаша» и «тудун».

Так или иначе, определенно подтверждается, что резиденцией правителя Шаша во втором десятилетии VIII в. был Тарбанд, а сам Шаш не был ограничен Ташкентским оазисом; в пределы этого владения входили также Исфиджаб и Отрар, т. е. вся область по среднему течению Сырдарьи.

Отрар (Тарбанд), городище которого расположено в 7 км к северо-востоку от станции Тимур, как поселение городского типа возник в последние века до нашей эры и существовал, вероятно, еще в XVI в.¹¹¹ В V–XIII вв. Отрар был крупнейшим городским центром на востоке Средней Азии; его площадь составляла 10 кв. км, высота его стен и сейчас, когда они разрушились и оплыли, достигает 20 м. В Отрарском оазисе на площади 300 кв. км расположено более 50 древних и средневековых городищ — развалин городов и поселений¹¹². К Отрарскому городищу примыкает десять мелких городищ. Отрар был крупнейшим центром торговли с кочевниками, куда сходились далекие торговые трассы, ведущие в кочевую степь и по левому берегу Сырдарьи — в Самаркандский Согд¹¹³. Поэтому вполне естественно движение отрядов Могилян и Кюль-тегина по хорошо известному кочевникам и используемому ими пути через

¹¹⁰ Лившиц. Согдийский посол. С. 95.

¹¹¹ Археологическое обследование Отрарского городища, впрочем, весьма поверхностное, было начато деятелями Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА, 1897, 1898, 1900, 1903, 1904 гг.). В 1947–1948 гг. здесь работала Южноказахстанская археологическая экспедиция АН СССР (*Бернштам*. Археологические работы. С. 131–133; *Он же*. Древний Отрар. С. 81–97; см. также: *Пацевич*. Из истории оседлых поселений. С. 3–215).

¹¹² *Акишев*. Археологическая наука. С. 593; *Он же*. Археологическая карта. Л. 35, респ. С. 233. Попытка отождествить Тарбанд с городищем Минг-Урюк в Ташкенте сделана без какого-либо учета письменных источников (*Буриков*, *Зильпер*. Археологические наблюдения в 1957 г. С. 128–146).

¹¹³ *Якут*. IV. С. 334.

Отрарский оазис. Много позднее этот маршрут полностью повторил Чингисхан, а еще почти через два столетия Тимур превратил Отрар в базу готовящегося похода в Могулистан и Китай. Для арабских географов X–XIII вв. Отрар (Фараб) — форпост мусульманского мира на границе с тюрками; арабские историки, повествуя о событиях VIII–IX вв., описывают Фараб и Шаш как наиболее беспокойные для арабов владения, готовые поддержать любое антихалифатское движение¹¹⁴. Военно-политической и экономической основой подобных действий являлся блок владельцев городов Сырдарьи с присырдарьинскими тюрками и верховный сюзеренитет последних над земледельческой полосой¹¹⁵.

КЕНГЕРЕСЫ

Путь Кюль-тегина

Осенью 712 г. возмущенные вероломством Кутейбы, который в нарушение договора оставил в Самарканде арабский гарнизон, жители города восстали: «Назначил Кутейба правителем Самарканда брата своего 'Абдаррахмана ибн Муслима. А люди Самарканда восстали против него, и на него напал хакан, царь тюрков. И написал ('Абдаррахман) Кутейбе, но тот оставался на месте (в Мерве. — С. К.), пока не кончилась зима, и [только] тогда пошел к нему (на помощь). И он рассеял тюркское войско»¹¹⁶. Этот рассказ ал-Йа'куби о событиях осени 712 — зимы и весны 713 г. В. В. Бартольд убедительно сопоставил с содержанием 39–41-й строк большой надписи в честь Кюль-тегина¹¹⁷.

На помощь восставшим согдийцам пришли отряды Могилян и Кюль-тегина: «(39) soγdaq bodun itäjin tijin jincü ügüzig kăčä tämir qapuyqa tägi sülâdimiz anta kisrâ qara türgiš bodun jaγu bolmyš kănjäräs tapa bardy biziñ sü aty turuq azuqy joq ärti jablaq kiši är... (40) alp är biziña tägmis ärti anta ödäq ökünip Kül tiginig az ärin irtürü ytymyz uluy süñüş süñüşmis alp šälčy aq atyn binip tägmis qara türgiš boduny anta ölärmis almyš jana joryp... (41)... birlä qušu tutuq süñüşmis ärin kop ölärmis äbin barymyn qalysyz kop kälürti (KT6)».

«(39) Для того чтобы устроить народ согдийцев, мы, переправясь через Жемчужную реку, прошли с войском вплоть до Железных ворот.

¹¹⁴ Ср.: *Якубовский*. Об одном раннесаманидском фельсе. С. 106.

¹¹⁵ *Бартольд*. Очерк истории туркменского народа. С. 17.

¹¹⁶ *Ал-Йа'куби*. II. С. 344.

¹¹⁷ *Barthold*. Quelle. S. 12.

После этого весь тюргешский народ пошел на ставших (ему) врагами кенгересов. Кони нашего войска были тощи, провианта не было. Плюхие люди... (40) Мужественные люди (воины-герои) на нас напали. В такое время (т. е. при таких обстоятельствах) мы, раскаявшись (в своем предприятии?), ото-слали Кюль-тегина с немногими воинами. (Как мы после узнали) он дал большое сражение. Сев на белого коня Алп Шалчы, он напал (на врага), всю массу народа тюргешей там перебил и покорил. Снова (или: назад?) двинувшись... (41) он сразился с... и с Кушу-тутуком, его воинов он всех перебил, его дома и имущество все без остатка привез (себе)»¹¹⁸.

Сопоставление сведений ал-Йа'куби и древнетюркского памятника позволяет достаточно полно представить ход событий. Могилян и Кюль-тегин перешли Жемчужную реку и вступили в Согд по соглашению с восставшими осенью 712 г. самаркандцами. Однако арабский гарнизон Самарканда смог продержаться до весны 713 г., когда ему на помощь пришел Кутейба. Одновременно последовали события, заставившие Могиляна «раскаться» в том, что им было предпринято, и первым из этих событий он называет нападение незадолго до того подчиненных, а теперь восставших тюргешей на «ставших им врагами кенгересов». Тюркское войско, лишенное необходимых запасов фуража и продовольствия, оказалось в тяжелом положении. В Согде ему угрожала армия Кутейбы, а в тылу растянутые коммуникации Могиляна были поставлены под удар восстанием тюргешей¹¹⁹. Прежде всего Могиляна поспешил обеспечить пути отступления. Это должен был сделать Кюль-тегин, но лишь небольшое число воинов рискнул выделить ему его старший брат, ожидавший столкновения с арабами. Тем не менее Кюль-тегин справился с тяжелой задачей — он пришел на помощь кенгересам, разгромил тюргешей, а затем «сразился» с Кушу-тутуком — мелким князьком одного из двух племен кушу, входивших в «пятистрельную» конфедерацию нушиби¹²⁰. Дальнейшее движение на восток отряда Кюль-тегина, а вслед за ним и войска Могиляна не встретило препятствий.

¹¹⁸ Малов. Памятники. С. 32 (текст), 41 (пер.); ср.: Меллоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 73–74; Thomsen. Alttürkische Inschriften. S. 153.

¹¹⁹ Ср.: Barthold. Quelle. S. 12.

¹²⁰ Chavannes. Documents. P. 34–35, 68. Как установил Шаванн, племена кушу входили в группу тюргешских племен. В замечаниях к переводу В. Томсена (Thomsen. Inscription de l'Orkhon. P. 197) Э. Паркер предположил, что *qošu* — тюркская передача названия китайского города Хучжоу (близ Турфана). Несколько позднее П. Пельо отождествил *qošu* с одним из названий Турфана (*Qo...o*) (Pelliot. Kao-tch'ang. P. 583–584). Уже В. В. Бартольд, имея в виду замечание Паркера, отметил безосновательность такого рода сближений. Позднее сам Пельо не возвращался к первоначально высказанной гипотезе (Pelliot. Notes on Marco Polo. Vol. I. P. 152–165). Жиро произвольно помещает племя кушу в районе Бешбалыка (Giraud. L'empire des Turcs. P. 187).

Наиболее загадочными в изложенной реконструкции событий остаются те из них, которые связаны с кенгересами. Из текста надписи очевидно, что кенгересы были союзниками тюрков; более того, только союз с ними обеспечивал Могиляну надежный тыл. Движение тюргешей, поставившее под угрозу коммуникации тюркского войска и вынудившее Могиляна отступать, имея в качестве авангардного прикрытия отряд Кюль-тегина, не могло быть направлено к Аральскому морю, за 700 км на северо-запад от путей отступления тюрков¹²¹. Район обитания кенгересов, куда двинулись тюргешы, столкнувшиеся с Кюль-тегином, мог лежать только на путях движения тюркских отрядов, непосредственно примыкая к Согду — району действий Могиляна. Последовавшее вслед за битвой с тюргешами движение Кюль-тегина в междуречье Таласа и Чу (места обитания племен конфедерации нушиби) позволяет локализовать кенгересов в районе среднего течения Сырдарьи, т. е. там же, где расположен Кянгү Тарбан.

Кангары-печенеги

Четвертый император Македонской династии Константин Багрянородный (905–959) прославился более как историограф, чем правитель¹²². Сыну и наследнику Роману он завещал престол и политический трактат «Об управлении империей» — своего рода обобщение громадного военно-дипломатического опыта константинопольского двора в делах, касающихся беспокойных соседей Византии¹²³. В 53 главах трактата обстоятельно описываются страны славян и херсонитов, мадьяр, которых Константин называет «турками», и болгар, хазар и далматинцев, сербов и франков, ивер и армян, но, пожалуй, лишь арабы да русы — главные враги, а иногда и союзники империи — удостоились столь же пристального внимания, как печенеги, господствовавшие в X в. в южнорусских степях¹²⁴. Блестящая историко-этнографическая характеристика печенегов, содержащаяся в 1–7, 37 и 38-й главах трактата, особенно в двух последних, осталась не-

¹²¹ Marquart. Chronologic. S. 10; Id. Komnenen. S. 35. Ошибка Маркварта в определении расстояния между Фарабом и Янгикентом (Marquart. Komnenen. S. 202) вызвала резкую критику Бартольда (Бартольд. Новый труд о половцах. С. 151–152).

¹²² Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 356–367.

¹²³ Bury. Treatise. P. 517–577. Переводы: Константин Багрянородный. Об управлении государством. С. 1–71 (перевод 23 глав, содержащих известия о Северном Причерноморье); Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio.

¹²⁴ О печенегах в X–XI вв., обитавших в южнорусских степях, существует значительная литература, указанная в работах: Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I. S. 89–90; Плетнева. Печенеги, торки и половцы. С. 151–226.

превзойденной и послужила основой всех специальных исследований, посвященных этому народу¹²⁵.

Среди прочих известий Константин Багрянородный упоминает и о древнем имени печенегов, которое они носили до переселения в южно-русские степи, — *kāḡar*, отмечая, что ныне (т.е. в 948–952 гг.)¹²⁶ «печенеги также называются *кангар*, но не все, а только народ трех округов: Иабдирти, Куарцикур и Хабуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это обозначает прозвание кангар»¹²⁷.

И. Маркварт первым сопоставил имя загадочного народа орхонских надписей — *кенгерес* — с этнонимом *кангар*¹²⁸. Развивая свою гипотезу, Маркварт обратил внимание на два аспекта, которые открывали заманчивые перспективы для дальнейших исследований: а) возможность поисков первоначальных мест обитания печенегов; сам Маркварт, основываясь на рассказе ал-Мас'уди о жестокой борьбе четырех племен — баджнук, баджна, баджагард и нукарда — с гузами, карлуками и кимаками близ Джурджанийского озера (Аральского моря)¹²⁹, локализовал печенегов-кенгересов в Приаралье и низовьях Сыр-Дарьи¹³⁰. Как мы показали выше, такая локализация кенгересов неверна; б) возможность этимологизации имени «кангар», которое Маркварт сопоставил с названием Сыр-дарьи, у Ибн Хордадбека — «река Кангар». По мнению Маркварта, *kangar-kāngār(ās)* разъясняется как название реки (*Kang*) и тюркское *ār* «мужи, люди»: «люди с Канга»¹³¹.

В. В. Бартольд, обсуждая гипотезу Маркварта, принял предложенное им отождествление кангаров с кенгересами, а также локализацию древней родины печенегов, хотя и отметил вслед за П. М. Мелиоранским необъяснимость конечного -s в слове *kāḡārās*¹³². Однако предложенную Марквартом этимологию имени «кангар» — «люди с Канга» — Бартольд поставил под сомнение, отмечая, что, во-первых, Маркварт не учитывает объяснение этого имени источником (Константином Багрянородным) и, во-вторых, произвольно меняет название реки «Кангар» на «Канг»¹³³. Это последнее возражение поддержал К. Менгес, также признавший тождество имен «кан-

гар» и «кенгерес»¹³⁴. Выводы Маркварта целиком принял С. П. Толстов, не заметив, однако, что «Канг» у Маркварта — не название страны, которую С. П. Толстов отождествляет с Хорезмом, а название нижнего течения Сырдарьи («Leute vom Kang», vom unteren Jaxartes)¹³⁵. Предположения Маркварта поддержаны А. М. Щербаком¹³⁶.

Остановимся подробнее на возражениях Бартольда-Менгеса. Одно из них разъяснено позднее самим Менгесом при анализе языкового материала протобугарских надписей: окончание *-aras ārās (-ar/ār)* весьма распространено в древнетюркской этнонимике и восходит к архаичному дуплицированному *numerus collectivus*¹³⁷. Нельзя также ссылаться на объяснение имени Константином Багрянородным — вероятно, что семантическая нагрузка этнонима правильно зафиксирована греческим автором, но это указывает лишь на особое положение кангарских племен в системе печенежской конфедерации, связанное, возможно, и с генеалогической традицией. Последнее возражение наиболее существенно, так как оно указывает на прямое и необъяснимое искажение источника — в тексте Ибн Хордадбека названа «река Кангар», а не «река Канг». Несомненно, что здесь само название реки восходит к этнониму (ср., например, название Волги у того же Ибн Хордадбека и некоторых других арабских авторов — «река славян»¹³⁸), а не этноним — к названию реки, как это пытался доказать Маркварт. Вместе с тем имеется другое свидетельство в пользу прямой связи этнонима «кангар» с топонимом «Канг» и их локализации на Средней Сырдарье.

В своде эпических сказов и исторических повествований, послуживших основой величайшего стихотворного памятника средневековой таджикско-персидской литературы — «Шахнаме», тесно сплелись две историко-географические традиции, особенно ярко проявившиеся во второй, былинно-героической части поэмы¹³⁹. На общий фон полуле-

¹³⁴ Menges. Etymological notes. P. 269.

¹³⁵ Толстов. Древний Хорезм. С. 23–24; Он же. О происхождении каракалпакского народа. С. 72.

¹³⁶ Щербак. Знаки на керамике. С. 370.

¹³⁷ Menges. Altaic elements. P. 104–104, ср.: Pelliot. Quelques noms turcs. P. 174–233.

¹³⁸ BGA. T. VI. P. 154; Togan. Nordvölker bei Birüni. S. 43; Id. Ibn Fadlan's Reisebericht, S. 305–3016; Lewicki. Zrydla arabskie. T. I. P. 76, 133–134. У Ибн ал-Факиха (BGA. T. V. P. 271), использовавшего труд Ибн Хордадбека (ср.: Крачковский. Арабская географическая литература. С. 158–159), «рекой славян» названа река, впадающая в Хорасанское (Каспийское) море, т.е. Волга. Подробнее см.: Кляшторный. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье.

¹³⁹ Анализ и обобщение результатов длительного изучения «Шахнаме» и характеристика поэмы как историко-литературного памятника см. в работах: Стариков. Фирдоуси. С. 459–592; Бертельс. История персидско-таджикской литературы. Т. I. С. 169–238.

¹²⁵ Czebe. Miszellen. I. S. 209–219; Macarthey. Magyars; Deer. Chapitre 38. P. 93–121.

¹²⁶ О времени написания трактата см.: Bury. Treatise. P. 522–523.

¹²⁷ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. P. 171.

¹²⁸ Marquart. Chronologie. S. 10.

¹²⁹ Ал-Мас'уди. Книга ат-танбих ва-л-нишаф. С. 180.

¹³⁰ Marquart. Streifzüge. S. 60–71; Id. Komanen. S. 26.

¹³¹ Marquart. Chronologie. S. 5, 10; Id. Komanen. S. 26.

¹³² Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 126; Бартольд. Новые исследования. С. 245–246.

¹³³ Бартольд. Новый труд о половцах. С. 152.

гендарной эпопеи вековой борьбы Ирана и Турана Фирдоуси наложил свою географическую и этнографическую «систему координат»; военные сцены эпоса разворачиваются на территории, хорошо известной тем, для кого писал Фирдоуси, — дехканской знати Хорасана и Мавераннахра — в странах, которым посвятили многие страницы своих трудов арабские и персидские историки и географы, предшественники и современники автора «Шахнаме». Архаичная топонимическая и этнонимическая номенклатура древнего эпоса Восточного Ирана как бы вкраплена в текст и надежно определена в привычных сочетаниях названий стран и городов, племен и народов. «География в «Шахнаме», во всяком случае, в пределах того среднеазиатского и восточноиранского комплекса, к которому принадлежал Фирдоуси, не фантастическая, а вполне реальная. Если то или иное название, встречающееся в поэме, пока не может быть приурочено к какому-то конкретному месту, то это в большинстве случаев обусловлено или искажениями переписчиков, или недостаточностью проделанной в этом направлении исследовательской работы»¹⁴⁰, — заключает автор лучшего исследования названной проблемы Г. В. Птицын.

В самой трагической части «Шахнаме» — сказании о Сиавуше — Фирдоуси запечатлел сохраненное среднеазиатско-хорасанской ранне-средневековой географической традицией представление о Канге. Посланный своим отцом, царем Ирана Кай-Кавусом, против туранского царя Афрасиаба, победоносный Сиавуш принуждает туранца, нарушившего границу Ирана на Джейхуне (Амударье), повернуть назад:

Чач, Согд, Самарканд, Бухару, Сепиджаб¹⁴¹,
И земли и трон — бросил все Афрасьяб;
Предлогов и хитростей он не искал,
Не медля, с дружинами в Канг ускакал¹⁴².

Но вот, вынужденный покинуть родную землю, Сиавуш направляется в Туран. У границы его встречает Пиран — старший советник Афрасиаба. Вместе едут они в ставку царя:

Поднявшись, они продолжали поход,
Не ведая устали, мчались вперед.

И вскоре достигли, веселья полны,
Цветущего Канга — столицы страны¹⁴³.

Итак, Канг — столица Турана, а коренные земли Турана, в представлении Фирдоуси, — за Сырдарьей, на северо-восток от реки¹⁴⁴.

В следующих эпизодах (поход Рустама в Туран и его победа над шахом Исфиджаба — Вараздом) положение Канга — города и области — определяется совершенно четко: к северу от Исфиджаба, на его границах¹⁴⁵; «река Канга» — Сырдарья, носящая в поэме и другое название — Гульзаррийун¹⁴⁶. Само имя «река Канга» образовано по типу названий «река Шаша», «река Ходжента»¹⁴⁷.

Таким образом, локализация Канга Фирдоуси и его источниками совпадает с локализацией Кангү Тарбана орхонскими памятниками — это область Отрара. «Река Канг» у Фирдоуси — та же самая часть Сырдарьи, которая у Ибн Хордадбека носит название «реки кангар» и на берегах которой были расположены земли кенгересов рунических текстов.

Кангха

В «Шахнаме» имеется рассказ о возникновении Канга, который никак не вяжется с предыдущими строками. Вот его сюжет: Афрасиаб предлагает Сиавушу выбрать в правление любую область Турана; Сиавуш находит землю по сердцу и строит там город, который называет Канг¹⁴⁸.

Фирдоуси не пытается сопоставить Канг Афрасиаба, столицу Турана, вполне реальный для него город на северной границе Исфиджаба, и Канг Сиавуша, сказочный замок на горной круче в неведомой стране «между синим морем и высокими горами». Здесь ясно сказывается двойственность, свойственная историко-географической концепции «Шахнаме», — реальная среднеазиатско-хорасанская ранне-средневековая географическая традиция сталкивается с мифологической интерпретацией западно-иранской сасанидской вульгаты, впитавшей и переосмыслившей древний эпос Восточного Ирана.

Эта зороастрийская литература на среднеперсидском языке, относящаяся в основном к VIII–XI вв., но восходящая к текстам эпохи Сасани-

¹⁴³ Фирдоуси. Шах-наме. Т. II. С. 179; Mohl. Le Livre de Rois. P. 308.

¹⁴⁴ Бертельс. История персидско-таджикской литературы. Т. 1. С. 205.

¹⁴⁵ Птицын. О географии «Шахнаме». С. 307.

¹⁴⁶ Justi. Grundriss. Bd. II. S. 445; Barthold. Sîr-Darja. P. 468; Птицын. О географии «Шахнаме». С. 303.

¹⁴⁷ См. гл. II.

¹⁴⁸ Фирдоуси. Шах-наме. С. 200–203.

¹⁴⁰ Птицын. О географии «Шахнаме». С. 309.

¹⁴¹ В тексте سنجاب одна из форм топонима Исфиджаб; ср.: Птицын. О географии «Шахнаме». С. 307.

¹⁴² Фирдоуси. Шах-наме. Т. II. С. 153; персидский текст см.: Mohl. Le Livre de Rois.

дов¹⁴⁹, так же как и официальные придворные хроники Сасанидов, собранные незадолго до падения династии в «Книге царей», оказала громадное влияние на мусульманскую историографию во всем, что относится к древней истории Ирана¹⁵⁰. В Бундахишне, Денкарде, Меноке Храд, Бахман Яште, Дадестане Деник неоднократно упоминается построенная Сиавушем (Сиавашем) на отдаленном востоке крепость Канг-дез¹⁵¹. Здесь, в Канг-дезе, за его семью стенами, где правит бессмертный Пишь-отан (по другой версии — Хваршедчихр, один из сыновей Заратуштры), живет праведный народ Ираншахра, который вернется в свою страну, когда в последнем бою победоносные воины света одолеют войско тьмы¹⁵².

Эсхатологический миф Бундахишна и Денкарда недоступен историографической интерпретации и может быть понят лишь как отголосок очень древних легенд, утративших реальное содержание в пехлевийской переделке. В арабской и персидской средневековой исторической литературе можно выделить несколько тенденций, по-разному интерпретирующих миф о Канг-дезе. Ал-Мас'уди и аш-Шахрастани в перечнях «храмов огня» рассказывают о Канг-дезе (کندج (канджих)), построенном Сиавашем, сыном Кауса, как о месте, существующем и в их время (X–XII вв.) где-то на востоке Китая¹⁵³. Ат-Табари и ал-Бируни относят время постройки и существования Канг-деза к легендарным временам Йимы и Кай Кауса¹⁵⁴. И лишь у хорасанца ас-Са'алиби (ум. в 1038 г.) сохранен отголосок той же традиции, что и у Фирдоуси, — Канг-дез назван им крепостью Афрасиаба, тогда как о Сиавуше рассказывается как об основателе другого города, Сиавушабада¹⁵⁵. Впрочем, легенда о Сиавуше — строителе городов и основателе династий — была распространена в Средней Азии в первые века ислама: ему приписывается основание Самарканда¹⁵⁶ и Бухары¹⁵⁷, он же считается родоначальником первой династии хорезм-шахов¹⁵⁸ и династии парфянских Аршакидов (Ашканидов)¹⁵⁹.

¹⁴⁹ West. Pahlavi literature. S. 75–129; Tavadia. Literatur der Zarathustrier. S. 45–101.

¹⁵⁰ Розен. Об арабских переводах «Худай-наме». С. 153–191; Иностранцев. Сасанидские этюды. С. 10; Nöldeke. Iranische Nationalepos. S. 141; Christensen. L'Iran. P. 59–74; Грязневич, Болдырев. О двух редакциях. С. 58–159.

¹⁵¹ Сообщения о Канг-дезе в пехлевийской литературе специально рассмотрены А. Кристенсеном (Christensen. Les Kayanides. P. 82–85).

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб. IV. С. 74; Аш-Шахр-астани. Китаб-ал-милал ва-л-нихал. С. 198.

¹⁵⁴ Ат-Табари. I. С. 602; ал-Бируни. Индия. С. 304.

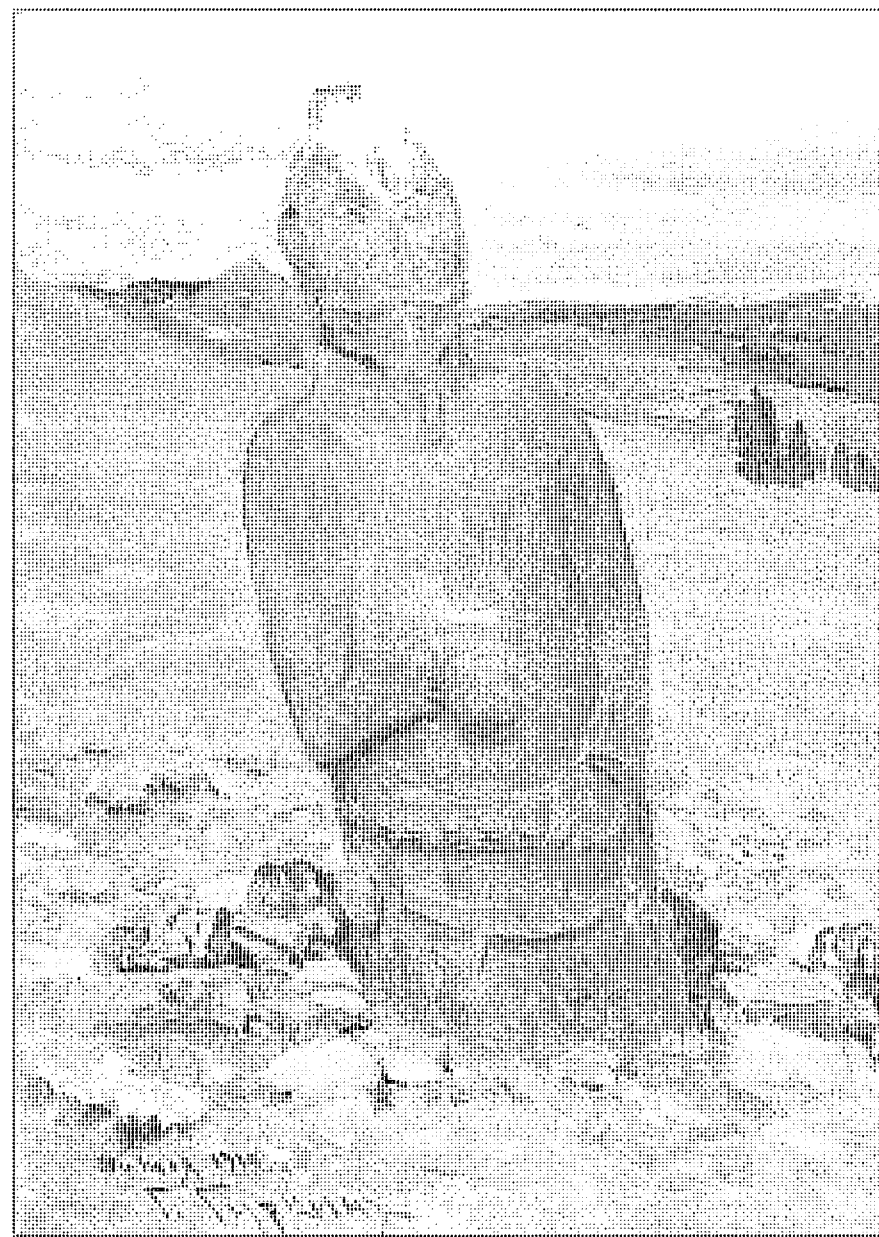
¹⁵⁵ Ас-Са'алиби. С. 207, 229.

¹⁵⁶ Markwart. Provincial capitals of Eranshahr. P. 26.

¹⁵⁷ Frye. History of Bukhara. P. 22–23.

¹⁵⁸ Ал-Бируни. Памятники. С. 47.

¹⁵⁹ Ат-Табари. I. С. 710; ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб. II. С. 120. Легенда о Сиавуше неоднократно была предметом изучения; см.: Дьяконов. Образ Сиавуша. С. 34–44.

Тюркское каменное изваяние на Алтае. Картина алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина (1870–1937), названная им *Кезер Таш* (1912) («Богатырь-камень»)

Фирдоуси кроме Канга Афрасиаба и Канга Сиавуша упоминает и название, являющееся прямой модификацией пехлевийского Кангдеса: в повествовании о Феридуне, отдаленном предке Сиавуша, назван город Кангдиж-и худидж, который поэт отождествляет с Иерусалимом¹⁶⁰. Как очевидно, сам Фирдоуси не связывал Кангдиж с Кангом.

Общим первоисточником историографической и религиозной традиции, которую в какой-то мере сохранили и эпическая поэма Фирдоуси, и пехлевийская литература сасанидской диаспоры, была Авеста — цикл различных по происхождению и содержанию мифов, сказаний и религиозных предписаний ираноязычных племен Средней Азии и Восточного Ирана II—I тысячелетий до н. э., в течение многих веков отлившийся в громоздкий и не всегда согласованный в частях зороастрийский канон, в котором самому Заратуштре приписывается лишь малая доля — Гаты, стихотворные проповеди от лица пророка¹⁶¹. Более ранней по истокам частью Авесты признаны Яшты, гимны, каждый из которых посвящен божествам древнеиранского пантеона¹⁶². Именно Яшты сохранили древнейшие исторические легенды иранских племен. Мифы о царях-змееборцах сменяются здесь сказаниями о князьях, носивших титул *кави*, — кайанидах. Начало эпохи кайанидов А. Кристенсен относит ко времени между X — началом VIII в. до н. э., конец — ко времени Заратуштры¹⁶³.

Пятый яшт, посвященный Ардвисуре Анахите, содержит хронологически первое и единственное в сохранившихся частях Авесты упоминание Канга (Кангхи)¹⁶⁴. Один из кайанидских героев, «могучий воитель Туса, восседающий на крупе коня», обращается с мольбой к богине-покровительнице: «(XIV, 54) Дай мне (свою благосклонность), о святая и благодетельная Ардвисура Анахита, чтобы я победил быстрых сыновей Вайсака у врат Хшатросука (букв.: «Свет царства»), выше всего расположенных (или: наивысших) в Кангхе, высокой и священной, чтобы я сокрушил людей Турана... (55) Даровала ему эту удачу Ардвисура Анахита»¹⁶⁵. Одновременно

сыновья Вай-сака, прародителя туранских героев, приносят жертву Ардвисуре Анахите «у врат Хшатросука, наивысших в Кангхе, высокой и священной», просят помочь им сокрушить «могучего воителя Тусу» и истребить людей страны Арьянем, но богиня отвергает их просьбу (XV, 57–59)¹⁶⁶.

Попытка историографической интерпретации упоминания Кангхи в V яште (XIV, 54) принадлежит С. П. Толстову. Без ссылки на источник он приводит следующий перевод этого места: «Дай мне, о святая и благодетельная Ардвисура Анахита, победить Урва Хунава Весхаки у ворот Кшатрасаока, ближайших к Кангхе, высокой и священной, чтобы я разгромил страны Турана»¹⁶⁷. Слово *hunavo* < *hunav* «сын»¹⁶⁸ переводится С. П. Толстовым как «хунны», на основании чего окончательная редакция текста отнесена ко II–I вв. до н. э. Решающим для истолкования является, по мнению С. П. Толстова, упоминание страны Урва, которую он вслед за Э. Захау отождествляет с Ургенчем. Однако в тексте не *Urva* (ср. первый фаргард Видэвдата, где единственный раз в Авесте упомянуто это имя), а *aurlva* «быстрый, мужественный»¹⁶⁹. Слово *xšadrō.suka* («свет царства», возможно, как указал нам С. Н. Соколов, «царские блистательные»¹⁷⁰) переведено как «царские скифы», а «ворота царских скифов» отождествлены с «могучими обрывами Устюрта». На основании этих переводов и отождествлений С. П. Толстов сделал вывод о тождестве авестийской Кангхи с Хорезмом. Как очевидно, никаких поводов для такого отождествления нет.

Текст яшта в честь Ардвисуры Анахиты (XIV, 53–55, 57–59) воспроизводит один из эпизодов межплеменных войн «туров» и «иранцев», причем и те и другие почитают одних богов и говорят на одном иранском языке (или на языках одной группы — ср. топонимические и ономастические имена). Контекст ясно указывает на относительное местоположение Кангхи — резиденции туранских вождей, но никаких данных для ее абсолютной локализации в Авесте нет. Во всех случаях Кангха — политический и, вероятно, религиозный центр туранских племен — не может быть помещена в Хорезме, который отождествляется С. П. Толстовым вслед за И. Марквартом, В. В. Бартольдом, Ф. Андреасом, Э. Бенвенистом, А. Кристенсеном с полулегендарной «прародиной» иранцев и родины Заратуштры — Арьянем Вэйджо¹⁷¹. Следует отметить, что, назы-

¹⁶⁰ Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. I. С. 68. В тексте Канг-дес назван *байт ал-мукаддас* «Священный дом», одно из названий Иерусалима в ранней мусульманской литературе.

¹⁶¹ Аббас. Скифский быт. С. 23–56.

¹⁶² Соколов. Авестийский язык. С. 13; 21.

¹⁶³ Christensen. Les Kayanides. P. 33–34.

¹⁶⁴ Первая зороастрийская редакция V яшта относится, возможно, к IV в.; не исключены, однако, и позднейшие изменения, но цитированные ниже разделы яшта восходят к дозороастрийскому оригиналу (Christensen. Études. P. 5–6; Id. Les Kayanides. P. 14).

¹⁶⁵ Darmesteter. Zend-Avesta. P. 380; Lömmel. Yašt. S. 36; ср.: Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. S. 75, 547. Перевод откорректирован С. Н. Соколовым и В. А. Лившицем; авестийский текст по: Reichelt. Avesta reader. P. 7. Как указал нам С. Н. Соколов, эпитеты Кангхи — «высокая и священная» — являются, судя по грамматической конструкции, позднейшей интерполяцией.

¹⁶⁶ Lömmel. Yašt. S. 37.

¹⁶⁷ Толстов. Древний Хорезм. С. 22.

¹⁶⁸ Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Kol. 1831.

¹⁶⁹ Ibid. S. 199.

¹⁷⁰ Ibid. S. 547.

¹⁷¹ Толстов. Древний Хорезм. С. 19–20. Подробнее см.: Benveniste. L'Eran-Vež. P. 265–274; Henning. P. 43.

вая Канг столицей Турана, Фирдоуси, так же как и ас-Са'алиби, сохранил подлинную авестийскую традицию, но, естественно, на основании лишь этого наблюдения нельзя делать прямого вывода о локализации авестийской Кангхи там, где Фирдоуси помещает Канг, — на северо-восточном берегу Средней Сырдарьи. Независимо от определения местоположения Кангхи, по широко распространенному мнению, обобщенному и развитому В. И. Абаевым, границей между авестийскими «иранцами» и «туранцами» (саками) была Сырдарья¹⁷².

Кангюй

В 138 г. до н. э. из ханьской столицы вышел посольский караван; сто человек сопровождало в неведомые страны Запада посла императора У-ди князя Чжан Цяня. Через 13 лет обратно вернулись двое — Чжан Цянь и его раб. Прошло еще десятилетие, и по тропе великого путешественника пошли на Запад караваны с шелком¹⁷³.

Докладная записка Чжан Цяня открыла для Китая целый мир городских цивилизаций и кочевых государств Средней Азии. В 128 г. Чжан Цянь, бежавший из гуннского плена, достиг столицы государства Давань (Фергана), г. Эрши¹⁷⁴. Там он получил первые сведения о дороге на запад. Неудивительно поэтому, что Давань, а точнее ее столица Эрши, превратилась для Чжан Цяня в опорный репер маршрутно-географического описания незнакомой страны. В 2 тыс. ли (800–900 км) на северо-восток от Эрши Чжан Цянь помещает ставку усуньского гуньмо (на южном берегу оз. Иссык-Куль), а в 2 тыс. ли на северо-запад — ставку владельца государства Кангюй, пограничного с Даванью¹⁷⁵. И территорию усуней, и земли Кангюя Чжан Цянь, лично посетивший оба владения, помещает в одном широтном поясе. Страна усуней (II в. до н. э. — IV–V в. н. э.) сейчас определена достаточно точно — это Семиречье и Тянь-Шань¹⁷⁶. Следовательно, восточные или юго-восточные земли Кангюя, граничившего с усунями, были расположены к западу от Семиречья, т. е. в области Средней Сырдарьи. Эта локализация Кангюя стала основой весьма распространенной в исследовательской литературе гипотезы о совпадении основной территории кангюйских племен с районами между Таласом и низовьями

Чу — на востоке, Ташкентским оазисом — на юге, низовьями Сырдарьи — на севере¹⁷⁷. Археологические наблюдения последних лет еще более укрепили эту точку зрения¹⁷⁸. Все исследователи кангюйской проблемы исходят также из положения, незыблемость которого не подвергалась сомнению, — о тождестве Кангюя Чжан Цяня с Кангхой Авесты¹⁷⁹.

Китайские авторы ханьской эпохи пишут о Кангюе как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющем и города; хотя оно уступало бактрийским юечжам и хуннам по силе, все же власть кангюйского владетеля простиралась до северных берегов Каспия, где от него зависело владение Яньцай — союз сармато-аланских племен, господствовавших между Приаралем и низовьем Волги. На севере племена лесного Приуралья — янь — платили Кангюю дань пушниной¹⁸⁰. В Средней Азии кроме основной территории Кангюя, страны Лоюень, «великому владетелю» государства были подчинены страны пяти «малых владетелей»: Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юегань. С. П. Толстов, следуя китайской историко-географической традиции танского времени, отождествляет их соответственно с Кешем на Кашка-Дарье, Кушанией на Зеравшане, Шапем, Бухарой и Хорезмом (Ургенчем)¹⁸¹. В то же время А. Н. Бернштам, опираясь на результаты своих археологических исследований в Южном Казахстане и Северной Киргизии, предложил иную локализацию пяти «малых владений» Кангюя: Юени — Ташкентский оазис; Сусе — среднее течение Сырдарьи, Арыси и северные предгорья Каратау; Фуму — район к северо-западу от Яны-Кургана до Казалинска; Ги — низовье Сырдарьи; Юегань — Хорезм¹⁸². Ни ту ни другую локализацию нельзя признать вполне обоснованной, однако общие контуры Кангюйской империи, охватывающей север Среднеазиатского междуречья, очевидно, могут быть намечены¹⁸³.

Широкое распространение в специальной литературе получила другая гипотеза С. П. Толстова, согласно которой географическим и полити-

¹⁷⁷ Бартольд. История культурной жизни Туркестана. С. 5; Markwart. Wehrot and Arang. S. 188; McGovern. Early empires. P. 134–135; Tarn. Greeks in Bactria. P. 291; Бернштам. Очерки Памиро-Алая. С. 211.

¹⁷⁸ Азеева, Пацевич. Из истории оседлых поселений. С. 202.

¹⁷⁹ Об этом и об истории вопроса см.: Толстов. К истории хорезмийских Сиявушидов. С. 281–284; Массон. Ахангеран. С. 106–110. О Каике индийских источников см.: Trivedi. Agni-Purana. P. 470–478.

¹⁸⁰ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 150, 184–186, 229; McGovern. Early empires. P. 247. Об отождествлении Яньцай с аорсами Птолемея, предложенном еще Ф. Хиртом, см.: Tarn. Greeks in Bactria. P. 281; Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 146–147.

¹⁸¹ Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 144.

¹⁸² Бернштам. Очерки Памиро-Алая. С. 216.

¹⁸³ Этот вывод косвенно подтверждает кангюйская топонимика окраин Хорезма и Средней Сырдарьи. См.: Толстов. Работа Хорезмийской экспедиции в 1954–1956 гг. С. 27–28.

¹⁷² Абаев. Скифский быт. С. 41–45.

¹⁷³ Текст отчета Чжан Цяня сохранился лишь в экспедициях в «Шинци» Сыма Цяня, которому принадлежат и другие сведения о Чжан Цяне (см.: Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 147–168; Hirth. Story of Chang K'ien. P. 89–152).

¹⁷⁴ Бернштам. Араванские наскальные изображения. С. 155–161.

¹⁷⁵ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 150.

¹⁷⁶ Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 83–101.

ческим центром Кангюя был Хорезм¹⁸⁴. В своей последней работе, посвященной этому вопросу, С. П. Толстов несколько развивает намеченные ранее положения и относит к первоначальной территории Кангхи-Кангюя «обширную культурную область двух смыкающихся дельт Амударьи и Сырдарьи. Хорезм был только частью этой обширной области, правда, частью, двинувшейся в своем развитии далеко вперед, ставшей политическим гегемоном всей Кангхи и оказавшей в период расцвета своей классической культуры мощное воздействие на ее степные племена»¹⁸⁵.

Как мы стремились показать выше, нет аргументов, позволяющих локализовать в Хорезме авестийскую Кангху. Нет также достаточных доказательств того, что в период превращения Кангхи в Кангюйскую империю (вероятно, II в. до н. э.)¹⁸⁶ ее политический центр переместился в Хорезм. Сведения китайских источников не подтверждают эту точку зрения. К числу доказательств гипотезы о политическом преобладании Хорезма в составе Кангюйской империи не может быть причислен и тот довод, что античные авторы, не зная Кангхи, упоминают Хорезм, в то время как синхронные китайские источники знают Кангюй, но не упоминают Хорезма¹⁸⁷. Осведомленность тех и других авторов относительно местной этнотопонимической и политической номенклатуры никогда не была достаточной. Страбон и Птолемей почти ничего не говорят о государствах у кочевых и полукочевых племен севера Средней Азии, сообщая в то же время длинные перечни этих племен. Чжан Цзянь и другие китайские информаторы, напротив, почти не упоминая о многочисленности племен этой области, называют несколько образований скорее политического, чем этнического характера, в том числе и Кангюй. Поэтому у античных авторов упоминание о Кангюе было бы логично искать в списках «варварских» племен Средней Азии. В этой связи обращает на себя внимание названный у Птолемея (VI, 14, 10) этноним одного из племен заяксартских «скифов» — *Kāxaxai*, который, как отмечает И. Маркварт, «оказывается долго искомым эквивалентом китайского написания Кан-

¹⁸⁴ Толстов. Древний Хорезм. С. 20–21; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 145; Он же. Работа Хорезмийской экспедиции в 1949–1953 гг. С. 72–73.

¹⁸⁵ Толстов. Приаральские скифы. С. 143–144.

¹⁸⁶ Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 144.

¹⁸⁷ Толстов. Древний Хорезм. С. 21. Используя тот же довод, Гутшмидт, а вслед за ним Тарн отождествляли кангюйские племена с сакарауками: *Gutschmidt. Geschichte Irans. S. 71; Tarn. Seleucid Parthian studies. P. 112.*

¹⁸⁸ Markwart. Sogdiana. S. 318. Маркварт отмечает, что те же племена обозначены и этнографическим термином — яксарты. Название государства Кангха — Кангюй Маркварт и Гроот определяют как политический термин, не имевший прямых этнонимических связей; см.: *Marquart, De Groot. Das Reich Zābul. S. 256.*

гюй»¹⁸⁸. Совпадает и географическая локализация этнополитических терминов Чжан Цзяня и Птолемея.

Политическая история Кангюя почти неизвестна; лишь немногие события нашли отражение в китайских источниках. В 101 г. до н. э., когда войска Ли Гуан-ли во второй раз вторглись в Давань, Кангюй поддержал ферганцев. В 46–36 гг. до н. э. Кангюй вновь занял враждебную позицию в отношении Ханьской империи, оказав помощь шанью северных хуннов Чжичжи. В 78 г. н. э., во время покорения полководцем Бань Чао восточнотуркестанских городов, Кангюй вначале выступает как союзник императорского наместника, но вскоре меняет позицию и в 85 г. посылает войско восставшему против Бань Чао владетелю Суле (Кашгара). Лишь дипломатическая поддержка, оказанная тогда Бань Чао кушанским царем, заставила Кангюй, чей правящий дом «породнился посредством брака» с кушанским, вывести свои войска из Восточного Туркестана¹⁸⁹.

К общим тенденциям восточной политики Кангюя следует отнести стремление во что бы то ни стало сохранить влияние на южном торговом пути через Давань в Восточный Туркестан. Возможно, этим обусловлены частые войны с усунями и сложные военно-дипломатические маневры между хуннами и Китаем. Последние сведения о Кангюйской империи, переживавшей период распада, относятся к 270 г., когда в Китай прибыл посол кангюйского царя¹⁹⁰. В середине V в. о Кангюе сообщается уже как о мелком владении среди нескольких десятков других подчинившихся эфталитам¹⁹¹.

Еще более ограничены сведения о политике Кангюя на севере и западе. Ханьские историографы отмечают зависимость от Кангюя сармато-аланских племен Приаралья — Прикаспия. В первые века нашей эры аланские племена приобрели господствующее положение в сарматской конфедерации, что нашло отражение и в китайских источниках — по сообщению Хоу Хань-шу, «владение Яньцай переименовалось в Аланья»¹⁹². Китайские наблюдатели постоянно подчеркивают, что и по обычаям, и по одежде кангюйцы не отличаются от сармат и алан¹⁹³. Как и во времена сложения авестийских сказаний, племена Кангхи — Кангюя еще ничем не выделялись из круга североиранских скотоводческих племен.

¹⁸⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. II. С. 165–166; Васильев. Бань Чао. С. 118–119; Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 107–109; Зуев. О взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами. С. 62–72; McGovern. Early empires. P. 190, 276–277, 442.

¹⁹⁰ McGovern. Early empires. P. 400.

¹⁹¹ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 269.

¹⁹² Там же. С. 229; Chavannes. Les pays d'Occident. P. 195; Pelliot. Notes on Marco Polo. P. 16.

¹⁹³ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2.

Лишь под влиянием все усиливавшейся инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока, не ранее середины I тысячелетия н. э., раздробленные и разделенные к тому времени племена, входившие в Кангюйскую конфедерацию, начали менять свой этнический облик¹⁹⁴. Последние сведения о еще не завершенном процессе вытеснения тюркским печенежским языком иранского у алано-асских племен Средней Азии относятся к XI в.: по сообщению ал-Бируни, аланы и асы, жившие между Хорезмом и Джурджаном, говорили на языке, «смешанном из хорезмийского и печенежского»¹⁹⁵. Совершенно неожиданную параллель это сообщение находит у современника ал-Бируни — русского переводчика «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (написана в 90-х гг. н. э.), близкого к военно-дружинной среде одного из княжеств юга Руси. Фраза из греческого текста «Истории» (VII, 7, 4), трактуемая об аланах («...племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаида и Меотийского озера»)¹⁹⁶, в древнерусском переводе заменена другой: «язык же яеский ведомо есть, яко от печенежска рода родися, живуще подле Тана и Меотского моря»¹⁹⁷.

Кангары в Закавказье

В первые века нашей эры аланские племена все более укрепляются на Кавказе и в причерноморских степях¹⁹⁸. По словам Аммиана Марцеллина, «истощая постоянными победами соседние племена, они мало-помалу распространили и на них свое племенное название» (31, II, 13). Усиливающееся продвижение аланских племен за Волгу не без основания связывается исследователями с северо-западной экспансией Кангюйской империи¹⁹⁹. Одновременно в широкой полосе евразийских степей двигались на запад гуннские племена. Особый интерес в этой связи представляют сведения армянских и сирийских источников о кангарах в Закавказье.

Летом 482 г. армянская армия спарাপета Ваана Мамиконяна и грузинское войско царя Вахтанга Горгасала готовились к решающей битве с

вторгшимися в Закавказье персидскими войсками полководца Михрана. Союзники дислоцировались на границе Армении и Грузии, над долиной Куры, в «земле кангаров» (*gavarn kangarač, nom. kangark*) на Кангарских горах²⁰⁰. Лазарь Парбский (V в.), в чьем рассказе впервые упомянуты закавказские кангары, не сообщает никаких подробностей об этом народе. Более поздние сведения «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому, позволили точнее локализовать область кангаров: на север от Севана, на границе с Албанией и Иберией²⁰¹.

Примерно через 50 лет сообщения о кангарах появились в другой группе источников — сирийской агиологической литературе. В мартирологе Мар Григора — видного деятеля христианской церкви Ирана — рассказывается, что за год до его казни (542) царь Хосров Ануширван предпринял поход на север, где на границе Армении и Грузии персы воевали с народом *kanğarāyē*²⁰². То же сообщение повторено в «Житии» Мар Абы (ум. в 552 г.)²⁰³, но противники Хосрова именуются там *kanğarāyē*. Оба сообщения подробно изучены К. Цегледи, отметившим несомненное соответствие *kanğarāyē* сирийских агиографий и *κᾱγγαρ* Константина Порфирогенета²⁰⁴. То, что у Прокопия Кесарийского враги Хосрова в Армении названы гуннами, позволяет, по мнению Цегледи, отнести кангаров к хуннскому кругу племен. Впрочем, тут же Цегледи замечает, что ни происхождение, ни первоначальный язык кангаров не могут быть установлены, а в другой работе венгерский ученый прямо ставит под сомнение возможность отнесения кангаров к гуннам²⁰⁵.

Возможность сопоставить эти сообщения с рассказом средневекового грузинского историка Джуаншера о походе Вахтанга Горгасала (вторая половина V в.) в страну печенегов, живших по течению Осской реки (Терек), по соседству с аланами²⁰⁶, все же не может быть реализована. В тексте «Картлис цховреба», автором одной из частей которой был Джуаншер, модернизирована большая часть этнической номенклатуры, относящейся к раннему периоду истории Грузии и Передней Азии: так, в числе противников Александра Македонского упомянуты турки, хазары и кыпчаки, а печенеги названы и в описании событий I в. н. э.²⁰⁷ Неза-

¹⁹⁴ А. Н. Бернштам склонен относить начало этого процесса к III–II вв. до н. э. (*Бернштам. Очерки Памиро-Алая*. С. 215).

¹⁹⁵ *Валин. К истории древнего Хорезма*. С. 193–194.

¹⁹⁶ *Латышев. Известия древних писателей*. Т. I. С. 484.

¹⁹⁷ *Мецгерский. История Иудейской войны*. С. 454.

¹⁹⁸ Сообщение античных авторов об аланах см.: *Tomasek. Alani*. P. 1282–1285; *Кулаковский. Аланы; Markwart. Iberer und Hyrkānier*. S. 78–113. Известия об аланах у мусульманских авторов рассмотрены В. В. Бартольд (Barthold. *Alān*). Об аланах по археологическим материалам см.: *Кузнецов. Аланские племена*.

¹⁹⁹ *McGovern. Early empires*. P. 247; *Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации*. С. 147.

²⁰⁰ *Langlois. Collection*. T. II. P. 336; *Hübschmann. Armeniaca*. S. 354; *Grousset. Histoire de l'Arménie*. P. 221.

²⁰¹ *Патканов. Армянская география; Еремян. Армения (карта)*.

²⁰² *Hoffmann. Auszüge*. S. 78–86; *Czeglédy. Monographs*. P. 65–66.

²⁰³ *Пузулевская. Мар Аба*. Т. I. С. 77; *Czeglédy. Monographs*. P. 66.

²⁰⁴ *Czeglédy. Steppen*. P. 12–45.

²⁰⁵ *Czeglédy. Kaukázusi hunok*. P. 121–123.

²⁰⁶ *Brosset. Histoire de la Géorgie*. P. 159; *Какабадзе. О передвижениях печенегов*. С. 7–8.

²⁰⁷ *Brosset. Histoire de la Géorgie*. P. 33–34; *Абуладзе. Древнеармянский перевод*. С. 49 (груз. яз.).

висимо от различия в определении дат жизни Джуаншера²⁰⁸ речь идет о явных интерполяциях, относящихся ко времени не ранее XI–XII вв.²⁰⁹

Интереснейшие наблюдения над топонимикой древней Армении приводятся Г. Капанцяном²¹⁰. В том же районе, где древние армянские авторы помещали «землю кангаров», находилась крепость Thuxarisi (<thuxar>). Оба топонима Капанцян возводит к этнонимам «кангар» и «гухар» («тохар»), отмечая, что в народных армянских легендах сохранились и другие следы обоих племенных названий.

Легендарность сведений о кангарах в армянской и сирийской литературе ограничивает возможность их сколько-нибудь широкой интерпретации. Однако сам по себе факт регистрации этого этнонима в источниках V–VI вв. создает преемственность в цепи сведений о племенах Кангхи и закономерно подводит, устраняя элемент неожиданности, к утверждению о сохранении кангюйской этнонимической традиции в раннем средневековье.

Кангюйская традиция

Постепенно старое имя — кангар — уступает место новому — печенег. С. П. Толстов склонен возводить этот новый этноним к названию одного из сакских (массагетских?) племен — пасикам-пасаианам (апасиак-кам?), упомянутым Страбоном в числе кочевников, сокрушивших около 130 г. до н. э. Греко-Бактрийское царство²¹¹.

Отметим в связи с этим любопытную форму этнонима в одной из надписей Матуры, где упомянуты сакские князья «из прачаников и сарукамов» (prācinīkana sarukamāna putra), удачно отождествленных Дебом с пасаианами и сакарауками античных авторов²¹².

Все же с большей уверенностью имя печенегов регистрируется в тексте «Суй шу» (цз. 84), где в перечне племен, живущих восточнее Фулинь (Во-

²⁰⁸ По мнению Какабадзе, Джуаншер жил в VIII в. (Какабадзе. О передвижениях печенегов), однако другие историки грузинской литературы считают его автором XI в. Сводку мнений см.: Меликсет-бек. Публикация письменных источников. Т. I. С. 56–60 (на груз. яз.). Знакомству с работами на грузинском языке и многими фактическими справками о грузинских источниках я обязан любезности Р. Р. Орбели и С. С. Какабадзе.

²⁰⁹ Жордания. Хроника. С. 25 (на груз. яз.).

²¹⁰ Капанцян. Историко-лингвистические работы. С. 441, 452.

²¹¹ Толстов. Огузы, печенеги и море Даукара. С. 49–52; Он же. Приаральские скифы. С. 144–145. Другие точки зрения на происхождение этнонима «печенеги» см.: Gomboz. Volksnamen besenyö. S. 209–215; Bang. Volksnamen be-seny. S. 436–437; Barthold. 12 Vorlesungen. S. 103; Prijsak. Stammesnamen. S. 62, 79; Щербак. Знаки на керамике. С. 368–369.

²¹² Deb. Scythian tribal names. P. 802. Подробнее о надписях Матуры и связанных с ними проблемах см.: Lohuizen de Leeuw. «Scythian» period.

сточная Римская империя), упомянуты рядом с аланами бэй-жу (*pək-ŋz^wok), отождествленные П. Пельо с печенегами²¹³. К VIII в. относится упоминание печенегов (be-ča-pag) в тибетском переводе отчета уйгурских послов, где упомянуты и их войны с хор'ами (токуз-огузами)²¹⁴. Последнее замечание было бы непонятно, если только не предположить, что хор'ами здесь названы сырдарьинские огузы.

Прочно утвердившееся в историографии представление о междуречье Эмба–Яик–Волга как о древнейшей прародине печенегов²¹⁵ повисает в воздухе при попытке объяснить факты ранней истории этого народа. Рассказ ал-Мас'уди о войне печенегов с гузами, кимаками и карлуками у Аральского моря уже был поставлен под сомнение А. Ю. Якубовским, указавшим на отсутствие в этом районе в IX в. кимаков и карлуков²¹⁶, однако он вполне объясним, если учесть, что места обитания печенегов (кенгересов) в VIII–IX вв. вплотную примыкали к территориям всех трех племен. Проникновение карлуков в район Средней Сырдарьи в VIII–IX вв.²¹⁷, стремление кимакских племен к богатым сырдарьинским оазисам, вызвавшее весьма раннее их появление здесь²¹⁸, консолидация огузских племен, сопровождавшаяся быстрой экспансией их варварского государства²¹⁹, объясняют тяжелое положение печенегов, часть которых после неудачных для них войн откочевала на запад²²⁰.

Однако огромная связывающая сила столь характерного для печенегов примитивного полукочевничьего хозяйства, сочетавшего скотоводство, земледелие и рыболовство и связанного с постоянными поселениями у воды, объясняет сравнительно малую подвижность значительных масс печенежских «ятуков», оставшихся на прежних местах обитания²²¹. Процесс ассимиляции этой части печенегов в системе огузского племенного союза, повсеместно заверченный в XI–XII вв. (русская летопись последний раз упоминает печенегов под 1143 г.)²²², вероятно, произошел на Сырдарье значительно ранее, судя по отсутствию упоминаний в источниках

²¹³ Liu Mau-tsai. I. S. 128; Pelliot. Horde d'Or. P. 226.

²¹⁴ Bacot. Reconnaissance. P. 147; Clauson. A propos du manuscrit Pelliot. P. 16.

²¹⁵ Barthold. 12 Vorlesungen. S. 102–103; Németh. Inschriften des Schatzes. S. 45–46; Kurat. Peçeneg tarih. S. 28–32.

²¹⁶ Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен. С. 51, прим. 24.

²¹⁷ Бартольд. О христианстве в Туркестане. С. 7.

²¹⁸ Minorsky. Hudūd al-'Alam. P. 306.

²¹⁹ Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе. С. 109; Толстой. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 247.

²²⁰ Marquart. Streifzüge. S. 60–78; Якубовский. О русско-хазарских отношениях. С. 462.

²²¹ Толстов. Города гузов. С. 87–90.

²²² Ср.: там же. С. 84–85; Жданко. Очерки. С. 108–109.

сырдарьинских печенегов с конца IX в., в то время как печенеги, живущие в бассейне Эмбы–Яика, еще в X в. не смешиваются с огузами²²³.

Исключительный интерес для характеристики печенегов представляет сообщение ал-Идриси, до сих пор в литературе не использованное: «Это очень большое озеро (оз. Горгуз. — С. К.)... в нем много рыбы — главной пищи того народа... на нем много пастбищ и плодородных мест, принадлежащих хангакишам (الخنگاش). Это вид гузов, которые постоянно носят оружие, у них чрезмерные осторожность и мужество по отношению к соседним с ними видам тюрок»²²⁴.

Совпадение характеристики хангакишей (букв. «люди Ханга», учитывая обычную в арабской литературе передачу начального *к* в тюркских этнонимах через *х* — «люди Канга») с описанием печенегов у Ибн Фадлана, Абу Дулафа и Константина Порфирогенета²²⁵ позволяет утверждать, что кенгересы орхонских надписей, кангары византийского автора и хангакиши ал-Идриси — разные варианты одного племенного названия, сохраняющего кангюйскую этнонимическую традицию.

Резюмируя сказанное, можно прийти к следующим выводам: 1) в начале VIII в. оазисы Средней Сырдарьи, именовавшейся тогда «рекой Канга», входили в единую политическую конфедерацию, объединенную общим сюзеренитетом полукочевых печенежских племен. Политический центр конфедерации находился в Отраре, именуемом руническими текстами «Кӑнгӱ Тарбан»; 2) печенежские племена Средней Сырдарьи (кенгересы–кангары) характеризуются надписями как самостоятельное этническое целое, противопоставленное их соседям — согдийцам и западно-тюркским племенам; 3) военно-политический блок печенежского союза племен с оседлым населением оазисов Средней Сырдарьи в значительной мере объясняет успех более чем столетней борьбы Шаша, Исфиджаба и Фараба с арабскими завоевателями; 4) находит новое подтверждение локализация по Средней Сырдарье основной территории авестийской Кангхи — Кангюя, самого крупного и могущественного после Кушанской империи государства античной Средней Азии. Тем самым в новом свете предстает роль восточных областей Средней Азии в общей истории этой страны. Ранняя экспансия кангарских племен в сторону Кавказа и Восточной Европы (I–IV вв.) связывает кангюйскую проблему с общей проблематикой комплекса исследований, посвященных «эпохе великого переселения народов».

²²³ Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. С. 130; Гардизи. Украшения известий. С. 95, 119.

²²⁴ Ал-Идриси. Китаб-Руджер. 106а; ср. пер. С. Л. Волина (Волин. Извлечения. С. 222).

²²⁵ О печенегах у Ибн Фадлана и Константина Порфирогенета см. выше; также: Rohr-Sauer. Abu Dulaf Bericht. S. 18–19.

Часть II

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИКИ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПИСЬМА* (к столетию дешифровки)

В 1721–1722 гг. в долине Верхнего Енисея были обнаружены предметы из древних курганов и каменные стелы с надписями неизвестным письмом. Его первооткрыватели, немецкий натуралист Д. Г. Мессершмидт, приглашенный для исследования Сибири Петром Великим, и пленный шведский офицер Ф. И. Табберт (Страленберг), назвали открытое ими письмо «руническим» за сходство в типе начертаний с хорошо им известным скандинавским письмом.

Дешифровка загадочной письменности стала возможной лишь после открытия в Северной Монголии, на р. Орхон, Н. М. Ядринцевым обширных камнеписных текстов, начертанных «сибирскими» рунами (1889). 25 ноября 1893 г. датский лингвист В. Томсен нашел ключ к чтению надписей, а уже в январе 1894 г. в Санкт-Петербурге акад. В. В. Радлов опубликовал их полный перевод. С тех пор в ходе изучения орхон-енисейской письменности, т. е. памятников древнетюркского рунического письма (ДТРП), немалое место уделялось проблеме его происхождения¹.

Уже в работах В. Томсена о ДТРП отчетливо проявляется противоречие, которое наблюдается и у ряда последующих авторов. С одной стороны, налицо желание найти иностранный источник тюркской руники («Источник, откуда берет начало тюркской алфавит, если не непосредственно, то по меньшей мере через посредника, — это та разновидность семитского алфавита, которую называют арамейской. Именно это доказывает количество специфических сходств букв по форме и по значению, не говоря уже о том, что с этим вполне согласуется направление письма справа налево»²), с другой — убежденность в рисуночном происхождении некоторых консонантных знаков³. Что касается некоторого

* Статья написана совместно с В. Г. Гузевым.

¹ Об истории открытия и изучения ДТРП см.: *Кляшторный, Лившиц*. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских памятников. С. 37–60; *Sinor*. Introduction. P. 86–96.

² *Thomsen*. Inscriptions runiques. S. 73, 74.

³ Номер таблицы, в которой собраны аллографы приводимой графемы, указывается далее по кн.: *Васильев*. Графический фонд.

количества этих знаков, не вызывает сомнений, что в конечном счете они являются идеографическими, представляя определенный объект, тюркское наименование которого отражается в фонетическом значении знака, как об этом пишет В. Томсен. Так, например, весьма вероятно, что (11), (j^1 , j^2) — не что иное, как изображение месяца, по-тюркски *aq*; (13), *oq*, *uq* — изображение стрелы, по-тюркски *oq*; (6), (b^2 , b^3) воспроизводит тюркскую юрту (*äb*) с ее характерной решеткой (*kärägü*) внизу и войлочной кровлей.

Эти сходства, которые являются неоспоримыми, побуждают подозревать, что есть и другие знаки, происхождение которых необходимо объяснять таким же образом, даже если они менее наглядны и к тому же вызывают большие сомнения⁴. В качестве гипотезы В. Томсен приводит еще несколько примеров, высказывая при этом опасение, что их могут считать более или менее фантастическими: (24), (r^2 , *är* «человек»); (17), (P , *äl* «рука»); (27), (t^1 , *at* «конь»); (21), (n^2 , *än*-глагольная основа *en*- «сходить, спускаться»); (9), (*ay*, возможно, = *ay* «сеть, сачок для рыбной ловли»); (26), (*s=äsik* «дверь, вход в юрту»)⁵.

Позже Е. Д. Поливанов, повторив идею об идеографическом происхождении знаков 13 и 11, указал на важный отличительный признак идеограмм — способность функционировать «в изоляции, без гласной буквы» для обозначения соответствующего слова: *aj* «луна», *ok* «стрела».

Он обратил внимание и на другой путь возникновения тюркских рунических знаков — обозначение словом-знаком начальной фонемы того же слова: палка, символизирующая копье (по-тюркски *sünü*), как знак для палатализованного аллофона фонемы *s*⁶. Заметим, что речь идет о хорошо известном в грамматиологии так называемом акрофоническом приеме, который использовали при создании древнесемитского алфавита. В случае со знаком, о котором идет речь, следует полагать, что в изначальном силлабаре он в соответствии с условиями системы репрезентировал слог *as*. Естественно считать, что и другие знаки ДТРП могли возникнуть акрофоническим путем: например, знак 26 для слога *as* мог некогда быть изображением волос, что по-тюркски *saç*.

В течение последних двух десятилетий наблюдается новый всплеск интереса к проблеме происхождения ДТРП. Появляются работы Дж. Клосона (поиск прототипов рунических знаков в согдийском, пехлевийском и бактрийском алфавитах), И. В. Кормушина (по его мнению, в основе ДТРП лежит семитское письмо), А. С. Аманжолова (поиск генетических предшественников тюркских рун среди древнейших семитских и малоазий-

⁴ Thomsen. Inscriptions runiques. S. 78, 79.

⁵ Ibid. S. 79.

⁶ Поливанов. Идеографический мотив. С. 178, 179.

ских алфавитов), В. А. Лившица (дальнейшая разработка путем графических сопоставлений идущей от Р. Готье согдийской версии происхождения руники), О. Прицака (тезисы о происхождении руники от неизвестного древнесемитского слогового письма), А. Рона-Таша (происхождение руники от одной из разновидностей арамейского алфавита, этапы формирования руники), В. В. Иванова (воздействие тохарской фонологии и письма брахми на формирование ДТРП)⁷. Возрождается идущая от А. Шифнера и разрабатывавшаяся Н. А. Аристовым, Н. Г. Малицким, Д. Н. Соколовым гипотеза о тамговом происхождении тюркских рун⁸.

Примечательно, что ни один из упомянутых путей тамгового возникновения тюркских рун не увлек серьезных ученых и не сделал их твердыми приверженцами идеи автохтонного возникновения этого письма. В. Томсен завершает обсуждение случаев пиктографического происхождения знаков словами: «Само собой разумеется, что об окончательной верификации этих сопоставлений не может быть и речи»⁹. Е. Д. Поливанов тоже не решает развить дальше «идеографический мотив», «так как тут приходится вступать на заведомо скользкий, лишенный критерия достоверности путь»¹⁰.

Те же исследователи¹¹, которые попытались разрабатывать идею о пиктографическом возникновении рунических знаков, не потрудившись составить себе представления о принципах организации ДТРП и не воспользовавшись опытом, накопленным теорией письменностей, смогли предложить лишь поверхностные умозаключения, легковесную аргументацию и бессистемность в интерпретации материала.

Тем не менее сформулированное выше существующее с момента дешифровки тюркской руники противоречие (наличие признаков ее автохтонности и твердая убежденность специалистов в ее иноязычном происхождении) продолжает оставаться неразрешенным.

Представляется, что для его решения может оказаться полезным следующее наблюдение грамматологов, относящееся, правда, к новому и

⁷ Clauson. The origin of the Turkish. P. 51–76; Кормушин. К основным понятиям тюркской палеографии. С. 25–47; Аманжолов. Проблема происхождения. С. 59–71; Он же. К генезису тюркских рун. С. 76–87; Лившиц. О происхождении. С. 84–98; Pritsak. Turkology; Rona. On the development. С. 7–14; Иванов. Тохары. С. 28–29.

⁸ Махмутов. Как возник древнетюркский алфавит.

Все сказанное свидетельствует лишь о том, что пути возникновения руноподобных знаков на собственно тюркской почве могли быть различными, но неравномерность их эволюции, воздействие разных факторов и не в последнюю очередь писчего материала (дерева, камня) могли иметь следствием сложную картину — одни из них до сих пор легко поддаются интерпретации, другие изменились до полной неузнаваемости.

⁹ Thomsen. Inscriptions runiques. S. 79.

¹⁰ Поливанов. Идеографический мотив. С. 178.

¹¹ Emre. Sur l'origine; Махмутов. Как возник древнетюркский алфавит.

новейшему времени: системам письменностей, изобретаемым в условиях интенсивного культурного обмена, при контактах с языками со сложившейся письменностью характерна ускоренная эволюция: они проходят те же стадии — рисуночную, словесную, слоговую¹². И. Фридрих считает, что такого рода письменности можно называть «созданными подражательно»¹³.

Очевидным фоном изобретения ДТРП является именно резко возросшая в претюркскую и древнетюркскую эпохи (первая половина и середина I тыс. н. э.) интенсивность культурного обмена в контактной зоне двух суперцивилизаций — дальневосточной (китайской) и переднеазиатской (семито-иранской). Другим фактором, способствовавшим возникновению тюркской руники, была острая потребность складывавшихся тогда тюркских государств в совершенных (по тем временам) средствах коммуникации для административно-политических и идеологических нужд.

Пути решения этих проблем были весьма ограничены:

1. Использование для внутренних нужд тюркской империи чужих языков и письменностей. Такой путь был реализован в первом Тюркском каганате, где в качестве языка каганской канцелярии функционировали согдийский язык и согдийское письмо (Бугутская надпись 582 г.)¹⁴.

2. Заимствование курсивного согдийского письма и его приспособление к тюркскому языку с последующим использованием его как для деловых, так и для религиозных текстов (серия согдо-тюркских документов)¹⁵. Этот путь в дальнейшем (VIII–IX вв.) привел к созданию так называемого древнеуйгурского письма.

3. Изобретение «национального»¹⁶ письма на основе имевшегося фонда рисуночных средств. Этот путь был реализован в условиях жесткого пресинга хорошо известных тюркам и использовавшихся ими письменных систем — иероглифической (китайской) и буквенной (согдийской)¹⁷. Судя по замечанию китайских династийных хроник о существовании у тюрков в VI в. двух разновидностей письма, одно из которых похоже на письмо народа ху (т. е. согдийцев), а другое — на знаки на деревянных палочках (дощечках), употреблявшихся для фискальных целей, уже в Первом каганате наряду с согдийским существовало ограниченное по функциям

некурсивное письмо (резы)¹⁸. Позволительно предположить, что такого рода письмо было одним из ранних прообразов ДТРП. О существовании подобных прообразов, возможно, свидетельствуют неканонические рунические надписи, обнаруженные на Алтае, в долине Верхнего Енисея, в Восточном Туркестане и Семиречье. Дальнейшее развитие этих вариантов руники нашло отражение в восточноевропейском (хазарско-болгарском) руническом письме, представленном несколькими вариантами на пространстве Евразийской степи между Волгой и Дунаем¹⁹.

Трудно сказать что-либо определенное о нижней (древней) границе появления у тюркских племен вариантов собственной письменности. Судя по надписям на серебряной чашечке из кургана Иссык (близ Алма-Аты), относящейся к IV в. до н. э., и руноподобному варианту надписи на трехязычной стеле из Дашт-е Навура (Афганистан, р-н Газни), относящейся к рубежу н. э., руноподобные системы письма использовались уже историческими предшественниками тюрков — ираноязычными кочевниками Центральной Азии²⁰. Очевидно, на протяжении длительного исторического периода в условиях первоначально ограниченного поля для функционирования письменности неразвитое рисуночное и руноподобное письмо могло использоваться с определенными целями уже на самом раннем этапе сложения тюркоязычных племенных союзов.

Таким образом, рисуночный фонд, который в последующем был использован тюрками для создания собственной письменной системы (если удастся установить преемственность между знаками сако-юэчжийского письма, отраженного обоими названными памятниками, и донормативными вариантами тюркской руники), может оказаться достаточно древним (порядка тысячелетия или несколько более).

Следует согласиться с теми исследователями, которые предполагают изобретение тюркской руники в VI или VII в. (Дж. Клосон, Л. Базен), с той, однако, существенной оговоркой, что термином «изобретение» здесь обозначена реформа уже существовавших разновидностей рунического письма, сущностью которой была систематизация, унификация алфавита и иное, возможно, фонетическое насыщение использовавшихся ранее знаков. Этим объясняется удивительное единообразие орхоно-енисейской руники, мало нарушаемое локальными вариантами некоторых знаков.

Главное содержание реформы ДТРП заключалось в создании ее причудливой, хотя и находящейся в полном соответствии с законами естествен-

¹² Фридрих. История письма. С. 194–206; Касевич. Фонологические проблемы. С. 152.

¹³ Фридрих. История письма. С. 194.

¹⁴ Klyachtny, Livshic. The Sogdian inscription.

¹⁵ Gabain. Altürkische Texte.

¹⁶ Bazin. Tures et Sogdiens. P. 43.

¹⁷ О политических, культурных и иных контактах тюрков см.: Кляшторный. Древнетюркские памятники (см. выше).

¹⁸ Liu Mau-tsai. I. S. 9, 10.

¹⁹ Кляшторный. Древнетюркская цивилизация.

²⁰ Лившиц. О происхождении. С. 84, 85.

ного развития письменностей внутренней формы — амальгамы, в которой сохранены все предшествующие этапы: 1) по меньшей мере часть знаков явно способна функционировать как логограммы или идеограммы (*eb* «юрта», *ed* «собственность, домашний скот», *aj* «месяц», *ai* «рука», *ok* «стрела» и т. п.) и представляет дописменные, рисуночные этапы; 2) по-видимому, все знаки (в первую очередь, разумеется, вокалические) способны выступать как силлабограммы с допускаемым правилами письменности отклонением от преобладающей и потому предположительно исконной (для письменности) структуры слога — ГС (С) — путем перевертывания слога (*äb/bä*, *ok/ko*, *yk/ky*, *äd/dä* и т. п.); 3) почти все знаки приобрели способность репрезентировать фонемы (хотя большинство консонантных знаков способно передавать лишь веларизованные или палатализованные аллофоны согласных фонем) и в этом смысле функционировать как фонемограммы («лигатуры» допускают истолкование их в качестве рудиментов слогового этапа эволюции руники).

Пользуясь терминологией А. М. Певнова²¹, можно сказать, что ДТРП представляла собой сигнофонографическую систему, если этим термином позволительно обозначать не только словесно-слоговые, но и еще более смешанные словесно-слово-буквенные системы: в орхон-енисейской письменности графемы были способны функционировать и как сигнограммы, т. е. знаки знаков (А. М. Певнов), и как две разновидности фонограмм — силлабограммы и фонемограммы.

Необходимо отметить, что все вышеизложенное представляет собой сознательную попытку выявления условий и путей формирования ДТРП в сфере эволюции содержания ее внутренней формы как более скрытой от наблюдения, более консервативной и, наконец, как более важной в плане познания особенностей культуры и истории ее обладателей. Поиск этих путей в сфере внешней (графической) формы письменных знаков, которая более подвержена воздействию разного рода факторов (начиная от письменных средств и кончая контактами с инородными культурами) и потому более изменчива, представляется менее перспективным и может привлекаться лишь как вспомогательное средство²².

Последнее особенно важно подчеркнуть, поскольку бесплодные попытки решить проблему происхождения тюркской руники, оставаясь в пределах внешней формы письма, начались задолго до дешифровки ее В. Томсеном 25 ноября 1893 г. и продолжают по сей день²³.

²¹ Певнов. Проблемы дешифровки.

²² Фридрих. История письма. С. 47.

²³ Гузев. К вопросу о слоговом характере. С. 67–72; Он же. К вопросу об увлечении внешней формой. С. 30–38; Он же. Основные положения.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Первые сведения об образе жизни тюрков, исходящие из иноземного источника и относящиеся к VI в. («Чжоу шу»), характеризуют кочевников северных степей как вполне примитивное общество. В частности, отмечается отсутствие у тюрков астрономического календаря и сообщается, что тюрки определяют время «по зелени травы». Народный сезонный календарь, связанный со сменой хозяйственных циклов, хорошо известен у кочевников Центральной и Средней Азии и по поздним этнографическим наблюдениям. Однако памятники письменности древних тюрков свидетельствуют о наличии у них и других систем исчисления времени.

По единственному памятнику первого Тюркского каганата (551–630 гг.), согдоязычной Бугутской надписи (начало 80-х гг. VI в.), регистрируется использование тюрками двенадцатилетнего циклического календаря (календаря «двенадцати животных»). Упомянутый в надписи «год Зайца» приходится, по всей видимости, на 571 г. и является первой указанной в памятнике датой. Этот случай не является изолированным; в переписке с императорским двором Ышбара-каган датирует свои письма по тому же календарю (584).

В древнетюркских рунических памятниках, написанных через полтора столетия после Бугутской надписи (20–30-е гг. VIII в.), двенадцатилетний календарь не только сохранен, но и применен, в ряде случаев более полно, с указанием месяца, а иногда и дня события. Как и в VI в., двенадцатилетний «животный цикл» оставался государственным календарем Тюркского каганата. Единицей календарного исчисления был солнечный год (*juł*), подразделявшийся на 12 лунных месяцев (*aj*).

Система исчисления возраста человека фиксировалась иным термином (*jaš*), который не был непосредственно связан с календарным временем. По возрасту героя памятника датированы в ряде текстов происходящие события. Этот способ датировки преобладает в больших орхонских памятниках (кроме памятников Тоньюкука, Кули-чору, а также Онгинской стелы) и является единственным в более архаичных енисейских надписях. Использование датировок по возрасту героя создает замкнутое

время текста и, если параллельно не используется иная хронология, обособляет текст в ряду подобных.

Наряду с народной, календарной и личностной хронологиями в орхонских памятниках, а также в более древней Бугутской надписи наличествует еще одна система датировки событий. В памятниках Кюль-тегину и Бильге-кагану упомянуты эпохи правления предков-каганов. Хронология, основанная на фиксации событий по времени правления государей, является единственной для памятников Тюньюкука и Кули-чору, где имя кагана, в правление которого происходили события, является своего рода системой периодизации повествования. По точности фиксации времени эта система, применяемая без дополнительных количественных характеристик, уступает циклической и личностной хронологиям, но в отличие от них является разомкнутой системой и может рассматриваться как первичная форма линейной хронологии.

О наличии непрерывного (линейного) исчисления времени в пределах сроков существования древнетюркских государств свидетельствуют эпизодически выделенные в текстах определенные политически окрашенные периоды, снабженные количественными характеристиками. Так, точно указан срок (пятьдесят лет), в течение которого тюрки после разгрома первого Тюркского каганата находились в подчинении Танской империи. Пятьдесят лет указаны как срок подчинения уйгуров (тогуз-огузов) второму Тюркскому каганату. В Терхинском памятнике правильно указан срок (двести лет) существования династии тюркских каганов (династии Ашина) и срок правления уйгурских князей из рода Яглар ко времени составления надписи (восемьдесят лет). Достаточно точное указание на сроки различных по характеру и весьма протяженных во времени (десятки и сотни лет) периодов представляется немаловажным свидетельством существования фиксированной линейной хронологии и связанной с ней историографической традиции.

Таким образом, при общем преобладании циклической и личностной хронологий, скорее актуальных, чем диахронических, в рунических памятниках нашла отражение прогрессивная линейная система исчисления времени. Дробность хронологий указывает на относительно быстрый прогресс в осознании тюрками феномена исторического времени и в то же время на относительную неразвитость этих представлений, оказавшихся сравнительно изолированными в системе древнетюркской культуры.

За пределами хронологии и летосчисления следует рассмотреть иные проблемы, связанные с представлением о времени в древнетюркских памятниках. Таких проблем по крайней мере три, а именно:

а) обожествление времени, или время как судьба, рок;

б) темпоральная оценка мира, или соотношение между вечностью и актуальностью;

в) космогоническое (мифологическое) время, или проблема начала.

Остается спорным, имеется ли в памятниках упоминание божества времени. Концепция о существовании в пантеоне этого божества зиждется на одной фразе из памятника Кюль-тегину (КТб, 50): *öd ternri jasar*. Эту фразу толкуют двояко:

а) время (т. е. судьбу, сроки) распределяет Небо (т. е. бог);

б) бог времени [так] установил (сыны человеческие являются на свет с тем, чтобы умереть).

Если последняя интерпретация верна, то божество времени естественно включается в древнетюркский пантеон, где представлены: бог верхнего мира, т. е. *Ternri*; боги среднего мира — *Umaj* и *Jer Sub*; бог нижнего мира — *Erklig*.

Понятие судьбы (рока) связано не с термином *öd* «время», а скорее с понятием *ülüg*, зафиксированном в древнетюркском руническом тексте на бумаге из Дуньхуана «Ырк битиг» (X в.) в сентенции *ančur alqu kentü ülügi erklig ol*. Существуют весьма различные переводы этой сентенции, но наиболее адекватным мне представляется следующий: «А участь (судьба) всех и каждого [в руках] Эркига!» (букв.: есть Эркиг, т. е. загробный мир). Подобные нотки звучат и в строках эпитафии Кули-чору, заключающих повествование о его гибели: *ülüg anča ermis ärinč* «судьба его, надо думать, была такова!». Иной эмоциональный аспект имеет употребление этого термина в автоапологии Бильге-кагана: *ternri jarlyqazu qutym bar üčün ülügüm bar üčün ölteči bodunuy tirigrü igidtim* «по соизволению Неба, так как я обладал благодатью и [предначертанной] судьбой, я возродил к жизни готовый погибнуть народ!»

Иной аспект видения мира во времени предлагает непрямая темпоральная оценка собственной истории, построенная на контрастных толкованиях «вечного», «первоначального» и «теперешнего». В описании теперешнего (*amty*) всюду скрываются и выявляются лишь в контексте негативные оценки актуального: *ol amty aŋu joq türk qaŋan* «тюркский каган, у которого нет теперешней порчи» у (КТм, 3); *türk amty bodun begler* «теперешние тюркские боги и народ» (КТм, 11). Напротив того, термин *beŋgü* покрывает семантическое поле идеальной старины и ее возрождения деяниями прославляемых в эпитафии героев. Сам памятник именуется *beŋgü* «вечный» и предназначен символизировать неразрывность прошлого с устраиваемым идеальным каганом настоящим и будущим.

Представление о космогоническом времени, о времени начала соединяет временной континуум с пространственным мироустроительным континуумом. Это время начала и начало времен, это сотворение простран-

ства и его структуризация, это время рождения «сынов человеческих» и одновременно «вечного Тюркского эля», т. е. каганата.

Миф о сотворении мира изложен в начальных строках надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (КТб, 1; БК, 2–3) не как самостоятельный сюжет, а только как напоминание общезвестного в древнетюркской среде текста: «Когда было сотворено вверху Голубое небо, а внизу Бурая земля, между [ними] обоими были сотворены сыны человеческие». Акт сотворения лишен здесь каких-либо каузальных связей и не содержит намеков на демиурга и предшествующее состояние (хаос?). Косвенным указанием на существование у тюрков представления о творце является сообщение Феофилакта Симокатты (VII в.), что тюрки «поклоняются тому, кто создал небо и землю». Однако, по мнению Ж.-П. Ру, это свидетельство является скорее всего «эхом» собственных убеждений Феофилакта Симокатты; сама же идея о сотворении мира верховным существом начинает утверждаться среди «алтайских» народов лишь в монгольскую эпоху.

Устройство мира представлялось создателям рунических памятников предельно простым: голубой свод неба прикрывает обитаемый мир, т. е. «бурую землю», как «крыша». Именно это сравнение употребляют авторы двух наскальных надписей на береговых утесах по р. Тубе (приток Енисея). Одна из них, так называемый «второй памятник с р. Тубы»¹, может быть прочтена с некоторыми уточнениями в последних двух строках:

(2) *tergrim öcük bizke [bol]*

(3) *Idil jerim a bengü bol*

(2) О мое Небо, да будь крышей над нами!

(3) О моя страна Идил, вечно существуй!

Обязательными атрибутами неба — «крыши» — были каждодневно рождающиеся солнце и луна, так или иначе связанные с земной жизнью. В эпитафийной формуле енисейских памятников часто содержатся слова: «на голубом небе солнце и луну я утратил!»². О культе «рождающегося солнца» свидетельствует и солярная система ориентации орхонских тюрков, для которых основным, передним направлением было направление «вперед, в сторону, где рождается солнце» (КТм, 2). Двери каганского шатра были открыты на восток «из благоговения к стороне солнечного восхождения». Немаловажным свидетельством о древнетюркской картине мира являются строки их письма Ышбара-кагана (Шаболлю) суйскому императору, написанные в 584 г. и воспроизведенные в хронике: людей, «укрывает небо, носит земля, освещает семь планет». Совершенно аналогичное упоминание, «небо, которое всех укрывает,

земля, которая всех носит», содержится и в письме Киминь (Кижинь)-кагана (600).

Небо как часть космоса, именуемое в рунических текстах *kök tenri*, имеет в синхронных древнетюркских памятниках иных систем письменности названия *kök* (МК, 1, 421: *kök çuγuγu* «небесная сфера»), *kök qalyq*, *qalyq* «воздух», «небесный свод», «ближнее небо» (от глагольной основы *qaly-* «подниматься, взлетать»; поэтому основное значение термина связано с ближним небом, куда взлетают птицы; ср. *qalyq qışlary* «птицы небесные» у Ахмеда Югнеки, XIII в.). Известный разброс значений позволяет предположить, что уже в древнетюркское время сложилось представление о нескольких небесных сферах или по крайней мере о двух — «высоком небе» и «ближнем небе».

Земля представлялась создателям текстов четырехугольным (квадратным) пространством, населенным по краям народами, враждебными тюркам. Для обозначения границ мира в рунике последовательно употреблялся термин *buluγ* «угол»: *tört buluγ qor jayy ermiš* «[все народы, жившие по] четырем углам [света], были [им, т. е. тюркским каганам], врагами» (КТб, 2, ср. БК, 24). В памятниках уйгурского письма наряду с термином *buluγ* для обозначения стран света употреблялось слово *jyγaq* «сторона», «направление»: *buluγ jyγaq barča büttürü qarardy* (Suv., 617) «углы и страны света все стали совершенно мрачными»³. Ышбара-каган упоминает в письме «четыре моря», лежащих за пределами обитаемой суши, т. е. окружающий землю абсолютный предел мира. Возможно, именно таким пределом мыслилось море, упоминаемое как крайний предел тюркских походов на восток (юго-восток) (Тон., 19, КТм, 3). Центром мира была «священная Отиукенская чернь», населенная тюрками, резиденция тюркских каганов, откуда они ходили походами «вперед», «назад», «направо» и «налево» для покорения «четырех углов света».

Горизонтальная космологическая модель мира, представленного в виде четырехугольного плоского пространства, окруженного морями, вряд ли имманентна в собственно тюркской мифологии, как, впрочем, и описанный памятниками космогенез. Эта модель, известная в Центральной Азии и Сибири, имела самое широкое распространение в примитивных и развитых обществах древности и исторически недавнего прошлого. Ее отражение в надписях — одно из свидетельств многообразия культурных связей древнетюркского общества.

Вместе с описанием макрокосма в надписях существует иная горизонтальная картина мира, излагающая ситуационное (маршрутное) описание ландшафта с его орографией, без указания границ ойкумены.

¹ Малов. Енисейская письменность. № 36.

² Там же. № 10, 11, 44, 45.

³ Малов. Памятники. С. 183.

Универсальным обозначением в схеме описания является сочетание *jer sub* «земля — вода» (или *jer* «земля»), выступающее в памятниках как общее (оппозиция «голубому небу»), сакрализованное и терминологическое понятия. В пределах ландшафтной схемы *jer sub* воспринимается как плоскость, обязательно атрибутируемая вертикалью — сакрализованной горной вершиной (*yduq baš*) или целой горной системой (*ыдук Отюкен йыш* «священная Отюкенская чернь»; *Кёгмен йер суб* «Кёгменская страна»).

С ландшафтным описанием непосредственно соотнесена третья, этнополитическая картина мира, маркированная этно- и, изредка, антропонимией («страна Капаган-кагана и народа тюрков-сиров», «Уйгурская земля», «страна народа аз»). Эта картина отражает наразрывную предметно-чувственную связь людских сообществ, организованных по генетическому принципу, с их «собственной землей». В этнополитической схеме пространство надделено эмоционально активными свойствами: оно может быть враждебным или спасительным в зависимости от того, «свое» оно или «чужое»; оно является единственно пригодным или совершенно непригодным для того или иного племени; оно не только сакрализуется, но и определяется как племенное божество («священная Земля — Вода тюрков», КТ6, 10, 11) и тем самым вводится в мифологию.

Слияние в древнейших тюркских памятниках мифопоэтического мировоззрения с реальной исторической традицией и конкретной географической и этнополитической картой мира фиксирует в масштабах эпохи рождение новой культурной схемы, которая характеризует древнетюркскую цивилизацию как сложную систему, включающую в себя наряду с архаичными и консервативными также прогрессирующие, подвижные структуры, определявшие сравнительно высокий динамизм ее развития.

ОБРАЗ КАГАНА В ОРХОНСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Среди древнетюркских рунических памятников Центральной Азии главное место по праву занимают эпитафии Бильге-кагану (735), Кюльтегину (732) и надпись Тоньюкука (около 725), открытые в бассейне реки Орхон. Источниковедческий анализ этих сравнительно крупных текстов, начатый В. В. Бартольд, И. Марквартом, П. М. Мелиоранским, П. Пельо и продолженный многими другими исследователями, осуществлялся: а) методом сопоставления орхонских надписей с не зависящими от них группами источников (византийскими, арабскими, персидскими, согдийскими, китайскими, тибетскими, хотано-сакскими, тохарскими); б) методом выявления повествовательных закономерностей самого древнетюркского текста. Новые возможности для историографической интерпретации надписей открывает еще мало освоенный прием — функциональный анализ типических образов надписей, первым из которых является образ кагана.

Орхонским памятникам, как и другим произведениям средневековой историографии, в немалой степени была свойственна политическая тенденциозность, определяемая прежде всего общим социальным идеалом аристократической верхушки тюркского племенного союза. Таким социальным идеалом выступает в надписях «вечный эль народа тюрков», т. е. созданная тюрками империя. Гарантом благополучия «вечного эля» был избранный Небом каган, а основным условием существования эля провозглашены верность кагану бегов и «всего народа».

Имя кагана выступает как эпоним («в эле Ильтериш-кагана», «в эле Бильге-кагана») и синоним названия государства («земля Капаган-кагана»). Ради «тюркского эля» каган должен «приобретать (т. е. предпринимать завоевания) до полного изнеможения», ради «народа тюрков» он должен «не спать ночей и не сидеть (без дела) днем». Война и мир, битва и союз — все решается по воле кагана для благоденствия «тюркского эля». Военные и дипломатические прерогативы кагана абсолютны, но ими не исчерпываются его функции. Надписи постоянно фиксируют конкретные действия кагана и тем определяют его место в системе управления. Так, каган а) поселяет и переселяет побежденные племена, т. е. заново определяет их территорию; б) расселяет тюрков на завоеванной территории,

распределяя земли между племенами; в) собирает, расселяет и «устраивает» тюрок в «стране Отюкен», т. е. на коренной территории народа тюрок; г) передает на определенных условиях часть племенных земель в своей собственной стране каким-либо группам иммигрантов (например, согдийцам). Главным преступлением «народа» против кагана и «вечного эля» была откочевка на другие земли, т. е. выход из-под каганской власти. Поэтому памятники полны предостережений и угроз против тех, кто замыслил отделение — откочевку, а к числу главных функций кагана отнесено «собрание» и «устройство» народа на подвластной кагану земле, т. е. создание политической организации, системы подчинения.

Более детальный анализ действий кагана в орхонских надписях, несомненно, добавит к образу тюркского правителя многие другие черты, определяющие его положение в общественной и государственной системах. Однако важно установить, подчинялся ли образ кагана в тексте какому-либо заранее определенному идеалу, например идеалу мудрого и смелого правителя, который полностью или по большей части снимал реалистичность изображаемого лица, или же для трактовки образа имела иная установка.

В орхонских памятниках упоминаются две плеяды каганов: древние каганы и каганы — современники создателей памятников. Из древних каганов двое, Бумын и Истеми, родоначальники династии и создатели империи, изображаются как великие завоеватели, добывшие тюркскому элю земли и богатства. Таким же образом изображают этих каганов византийские, арабские и китайские исторические сочинения. Относительно других древних каганов в надписях говорится нечто совершенно противоположное: «После них (т. е. после Бумына и Истеми. — С. К.) стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели на царство трусливые каганы» (Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, стк. 4, 5). Противопоставление «мудрых» и «неразумных», «смелых и трусливых» каганов, сделанное через 150 лет после описываемых событий, полностью соответствует историческим результатам правления наследников Бумына и Истеми (длительная кровавая междоусобица, развал и гибель тюркского эля) и свидетельствует о причастности автора надписи к наличествующей в государстве историографической традиции.

Из «новой» плеяды каганов упомянуты трое: Ильтериш, его младший брат Капаган, сын Ильтериша Бильге. Деятельность Ильтериша, основателя новой династии и второго каганата, в двух текстах из трех оценивается в панегирических тонах. А в надписи Тоньюкука его образ совсем

иной — это деятельный, но отнюдь не мудрый каган, обязанный всеми успехами своему советнику; более того, и каганом он стал по выбору Тоньюкука. Образ следующего кагана, Капагана, еще более противоречив. Наряду с выражениями, вполне пристойными для характеристики царствующей особы и близкого родственника, орхонские надписи прямо намекают на политическую неполноценность предшественника Бильге-кагана. Он единственный из «новых» каганов, который не был избран Небом, а сам «сел на царство», без божественной санкции. О времени его правления прямо сказано: «Тогда в Отюкенской черни не было хорошего (т. е. настоящего) владыки» (Памятник в честь Кюльтегина, малая надпись, стк. 4). «Стеснения», которые пережил тюркский эль в последние годы правления Капагана, отнесены не только за счет «неразумного» поведения и «измен» подданных, но и за счет «теперешней порчи» самого кагана. Еще более уничижительно рисуется Капаган в надписи Тоньюкука. Иначе говоря, в более завуалированной форме (речь идет о недавней междоусобице!) повторено противопоставление между «мудрыми» и «неразумными» правителями.

Очевидно, что образ того или иного кагана характеризовался надписью по результатам его деятельности на пользу аристократического и иерархического тюркского эля в соответствии с социальной сверхзадачей эпитафийного текста и политической тенденциозностью его автора. Вступая в противоречия друг с другом, споря в оценках и выводах, авторы орхонских надписей соперничают друг с другом в точности и убедительности описания событий, представляющихся им главными в недавней истории тюркского эля. Именно поэтому надписи подлинно историчны. Их лапидарность огорчительна, а селективность неизбежна. Их политическая тенденциозность не только не умаляет, а, напротив, повышает значение надписей как исторического источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений позволяет ясно обозначить социальные конфликты и политические противоречия в государстве древних тюрок.

ЦАРСКИЙ РОД «ГОЛУБЫХ ТЮРКОВ»

«Туззюе есть особое племя сюнну. Их родовое имя Ашина», — так повествует историческая хроника «Чжоу-шу» о появлении в середине VI в. нового и опасного соседа северокитайского царства. По тюркской генеалогической легенде, прародительницей Ашина была волчица. Одного из ее потомков во втором поколении звали Ашина. «Его дети и дети его детей размножились и мало-помалу образовали несколько сот семей». Все это происходило в «горах севернее Гаочана», т. е. на Восточном Тянь-Шане, севернее Таримского бассейна. Мать Ашина была из «местных женщин», фамильные имена которых приняли дети, рожденные от первых десяти сыновей волчицы. Все версии тюркских генеалогических легенд и иных китайских сообщений о родословии тюрков выделяют мотив смешения «потомков волчицы», т. е. сюнну-Ашина, с местным населением Восточного Туркестана и принятия ими родовых имен тех, кого китайцы тогда называли ху. Этим термином в Восточном Туркестане обозначали оседлое население, говорившее на иранских и тохарском языках¹.

В V в. после насильственного переселения в предгорья и долины Монгольского Алтая Ашина возглавили союз местных племен, получивший наименование *тюрк*. А в середине VI в. имя Ашина стало родовым именем всех правящих династий Восточного и Западного каганатов, а также их многочисленных наследников. Известное в китайской иероглифической передаче, оно обычно предшествует личным именам каганов и их родичей. По реконструкции С. Е. Яхонтова (личная консультация), иероглифы, составляющие китайскую транскрипцию имени, читались в интересующее нас время как *âsinâ ~ âşanâ*, т. е. так же, как в настоящее время.

В отличие от китайских источников памятники на тюркском языке нигде не называют имя Ашина в подобной или близкой по звучанию форме. Даже в тех разделах надписей, где содержатся имена первых каганов, их родовое имя не упомянуто. Напротив того, в древнеуйгурских рунических памятниках родовое имя уйгурской династии, Яглакар, упомянуто несколько раз.

¹ Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. С. 103–106; *Sinor*. The legendary origin. P. 223–230.

Ситуация представляется несколько необычной и заставляет искать объяснения, одним из которых может быть иное обозначение в надписях правящего рода тюрков, чем то, которое фигурирует в китайских источниках. В таком случае подсказать решение могла бы этимология имени Ашина.

Тюркские этимологии этого имени обычно возводятся к глаголам *аъ* «переваливать гору» (П. Будберг) или *еъ* «скакать, прыгать» (К. Сиратори)². Случайность обоснований делает эти попытки неубедительными. Остановимся на трех сравнительно новых гипотезах.

1. Гипотеза С. Г. Кляшторного (1964). Поскольку и тюркские легенды, и собственно китайская информация связывают происхождение имени Ашина с родовой ономастикой автохтонного населения Восточного Туркестана, исходную форму имени следует искать в местных иранских или тохарских диалектах. В качестве одного из возможных гипотетических прототипов предложено хотанско-сакское *âşāna* «достойный, благородный»³. Пример, однако, неудачный, так как китайская передача второго гласного предполагает лишь *i-ə*.

2. Гипотеза Х. В. Хауссига (1979). В историческом труде византийца Феофиakta Симокатты, завершеном около 602 г., упоминается война в Тавгасте, т. е. в Китае, которую вели между собой «красноодежные» и «черноодежные». Хауссиг переносит место военных действий на южный берег Амударьи, идентифицирует «красноодежных» с кермимионами-эфталитами, а «черноодежных» — с тюрками, весь эпизод он рассматривает как сообщение о тюрко-эфталитской войне. По мнению Хауссига, тюрки названы «черноодежными» по своему царскому роду Ашина, имя которых он сближает с древнеперсидским *ахшаена* «темноцветный»⁴.

3. Гипотеза К. Беквиса (1987). В сохранившихся фрагментах труда византийского историка конца VI в. Менандра Протектора содержится следующая фраза: «Старейший единодержавец турков прозывается Арсила (*Ἀρσίλας*)». Обычно это имя трактуется как искажение тюркского *arslan*. Беквис же полагает, что Арсила — родовое имя тюркских каганов, транскрибируемое в китайских источниках как Ашина⁵. Эта историографическая гипотеза предполагает, однако, две фонетические натяжки, каждая из которых маловероятна: пропуск *-r-* и передача *-n-* через *-l-*.

В каждой из этих трех гипотез содержится рациональное зерно и есть, как очевидно, слабые стороны. Наиболее общим для двух первых

² Обе этимологии см.: *Boodberg*. Selected Works. P. 77–78.

³ Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. С. 112.

⁴ *Haussig*. Byzantinische Quellen. S. 55–56.

⁵ *Beckwith*. The Tibetan empire. P. 206–208.

предположений является вывод, что тюркская этимология имени Ашина маловероятна, а иранская или тохарская, в особенности связанная с Восточным Туркестаном, напротив того, предпочтительна. Если обратиться к древней царской ономастике Восточного Туркестана, то следует отметить присутствие там цветowych обозначений. Так, царский род Кучи именовался «белым» (тохарское *A kutsi*, санскр. *arjuna*, китайская калька *бо*)⁶.

В таком контексте историографически неоправданная гипотеза Хауссига в той части, где он предполагает связь между именем рода Ашина и древнеперсидским *axšaina*, может получить вполне удовлетворительную этимологическую разработку. Если даже ограничиться восточнотуркестанской сюжетикой, то искомая форма представлена в согдийском *'xs 'yn 'k* (-*axšēnē*) «синий, темный»; в хотано-сакском (письмом брахми) *āṣṣeina* (-*āṣṣeṇa*) «синий», где долгое *ā*- появилось как развитие *axš->āṣṣ-*; в тохарском *A āṣna*- «синий, темный» (из хотано-сакского или согдийского)⁷. Именно сакская этимология ашина (<*āṣṣeina* ~ *āṣṣeṇa*) со значением «синий» является фонетически и семантически безупречной. Последнее утверждение нуждается, впрочем, в текстологическом подтверждении.

В больших орхонских надписях в повествовании о первых каганах народ, населявший вновь созданную империю, назван *kök türk* — в обычном переводе «голубые (синие) тюрки». Не касаясь многочисленных интерпретаций слова *kök* в этом сочетании, отметим его идеальное семантическое совпадение с реконструированным здесь значением имени Ашина. Явное калькирование имени предполагает неутраченное знание его первоначального смысла и чужеродного происхождения, вполне совместимого с полиэтническими слагаемыми культуры первого Тюркского каганата, утратившими, однако, популярность в «национализированной», по выражению Л. Базена, политической и культурной среде Огузской ставки эпохи Бильге-кагана.

Итак, упоминание в орхонских памятниках сочетания *kök türk*, переводимого мною как «кёки и тюрки», «ашина и тюрки», позволяет констатировать присутствие в текстах имени царского рода тюрков и возможное осознание ими, во всяком случае для почти легендарного времени первых каганов, двусоставного характера тюркского племенного союза.

ВЕРСИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЫ У АЛ-БИРУНИ

Древнетюркские генеалогические легенды относятся к числу немногих фольклорно-этнографических реликтов, возводимых к эпохе формирования прототюркской этнической общности. Раньше других записаны две из них, повествующие о происхождении Ашина — правящего рода Тюркского каганата (VI–VIII вв.). В середине VI в. обе легенды были кратко зафиксированы китайскими историографами со слов самих тюрков. Анализ показал, что обе они являются двумя вариантами одного и того же повествования¹.

Согласно основному сюжету, предки Ашина были истреблены врагами. В живых остался только десятилетний мальчик, которому отсекли руки и ноги. Его спасает от смерти волчица, ставшая впоследствии женой юноши. В конце концов юноша гибнет от рук врагов, а волчица скрывается от преследователей в горной пещере севернее Турфанского оазиса (Восточный Тянь-Шань). Там она рождает десятерых сыновей, которые, повзрослев, берут в жены девушек из Турфана и создают свои роды. Вождем нового племени становится самый ловкий из сыновей волчицы по имени Ашина. Его потомки вывели племя из пещеры и переселились на Алтай.

Культ пещеры предков существовал в государстве древних тюрков именно как культ каганского рода². Существовало и особое почитание волка, выраженное в разнообразной, по преимуществу военной, символике³. Пережитки культа волка неоднократно фиксировались у тюркоязычных народов, но преобладающие в них зоолатрические мотивы не позволяют непременно связывать их с генетическим мифом⁴.

Первым иконографическим подтверждением связи легендарной генеалогии тюркских каганов с праматерью-волчицей и прародителем-

⁶ Bailey. Taugara. P. 900; Liu Mau-tsai. Kutscha und seine Beziehungen. S. 228.

⁷ Bailey. Dictionary. P. 26. (Я признателен Л. Г. Герценбергу и В. А. Лившицу за ценные консультации относительно иранских этимологий, приводимых выше.)

¹ Кляшторный. Проблемы ранней истории. С. 278–281.

² Pelliot. Neuf notes. P. 213, 214.

³ Esin. Tös and Moncuk. S. 17–31.

⁴ Гордлевский. Что такое «босый волк»?; Потапов. Волк в старинных поверьях. С. 135–142.

человеком стал недавно открытый древнейший исторический памятник тюрков — согдоязычная Бугутская стела (580–587), где впервые упомянуто имя царского рода тюрков — Ашина⁵. В самой надписи какие-либо вербальные отголоски легенды не сохранились.

Другая возможность перекрестной проверки китайской версии древнетюркской легенды содержится в сообщении ал-Бируни о тюркском происхождении царской династии Кабула. Этническая принадлежность раннесредневековых династий Тохаристана, Каписы, Забулистана и соседних областей остается предметом дискуссии. Утверждение здесь верховного сюзеренитета западнотюркских каганов произошло при Тон ябгу-кагане (612?–630), передавшем власть над вновь завоеванными землями своему сыну Тарду-шаду, ставка которого была в Кундузе⁶. Тем не менее, по мнению И. Маркварта, аргументированному сейчас Р. Гёблем, местные юечжийские (кушанские) и эфталитские (по терминологии Р. Гёбля, «хунно-иранские») династии сохранили власть в своих прежних владениях⁷. Вместе с тем произошли примечательные изменения в титулатуре этих владетелей и их приближенных: к VIII в. среди них появились тегины, эльтеберы, тарканы, шады, тудуны. Р. Гёбль, полемизируя с Р. Гиршманом, предположившим появление в Тохаристане и Каписе тюркских династий, полагает, что само по себе употребление тюркских титулов свидетельствует не о смене династий, а лишь об известной «дани моде», возникшей под влиянием верховных тюркских сюзеренов⁸. Однако вопрос не столь прост. Прежде всего очевидно изменение этнического состава местного населения: заметной его частью тюрки становятся не только в Тохаристане (там расселились преимущественно карлуки), но и в Забулистане⁹. Наследницей Тарду-шада стала династия ябгу Тохаристана из дома Ашина¹⁰. На протяжении по меньшей мере двух веков она сохраняла тюркские имена и титулы, присоединив к ним титулы прежних владетелей; так, ябгу Тохаристана Кутлуг (728) именовался одновременно и «царем эфталитов»¹¹. В это же время царь Каписы именовался «тегин-шад»¹², что как будто указывает на его родственные связи с тюркской династией (титул «тегин» в тюркское время носили только лица, принадлежавшие к царскому роду). Каписа была самой южной областью кагана-

та, которую Сюань-цзан, побывавший здесь в 630 и 644 гг., называет пограничной, отмечая при этом, что в зависимости от Каписы находились десять более мелких княжеств¹³. В их числе был, очевидно, и Кабул¹⁴. Именно Кабул и Забулистан названы Ибн Хордадбехом пограничными районами «большого» Тохаристана¹⁵.

Обратимся непосредственно к тексту ал-Бируни: «У индийцев были в Кабуле цари из тюрков, происходивших, как говорили, из Тибета. Первым из них пришел Бархатакин. Он вошел в пещеру в Кабуле, в которую нельзя было войти иначе как боком и ползком; там была вода, и он положил туда еду на несколько дней. Пещера эта известна до сих пор и называется Вар. Люди, ищущие в этом доброе знамение, посещают ее и приносят оттуда, с большими трудностями, немного воды. Толпы крестьян работали у входа в пещеру... Через несколько дней после того, как Бархатакин вошел в пещеру, вдруг выходит кто-то из нее, когда люди были в сборе и видели, что он как бы рождается из чрева матери. Он был в тюркской одежде, состоявшей из каба, высокой шапки, башмаков и оружия. Народ воздал ему почести как чудесному существу, предназначенному на царство, и он воцарился над теми краями с титулом Кабульского шаха. Царство оставалось за его сыновьями в течение поколений, число которых около шестидесяти»¹⁶.

Краткий вариант той же легенды содержится в другом труде ал-Бируни, его «Минералогии»: «Жители Кабула в дни невежества (т. е. до принятия мусульманства. — С. К.) верили в то, что Барахмакин, первый из тюркских царей, был сотворен в некоей тамошней пещере, называемой сейчас Бугра, и вышел оттуда в [царской] шапке (калансува)»¹⁷.

Корреляции между древнетюркским генеалогическим сказанием и легендой, приводимой ал-Бируни, достаточно очевидны. Однако только изложение ал-Бируни явно обнаруживает связь «пещерного» рождения с правом на царскую власть, не столь четко выраженную в китайской записи легенды. Ж.-П. Ру связывает этот мотив с древним культом пещеры-матери, порождающей предка-зверя (небесного зверя)¹⁸. Однако мотив зверя как будто отсутствует в тексте ал-Бируни. В этой связи привлекает внимание имя героя легенды *Бархатакин*, достаточно ясно передающее тюркское *Барх-тегин*. Слово *барх/барак* имеет совершенно ясное

⁵ Klyachtny, Livshch. The Sogdian inscriptions. P. 69–102.

⁶ Chavannes. Documents. P. 52, 130, 196.

⁷ Marquart. Eränšahr. P. 291; Göbl. Dokumente zur Geschichte. S. 7, 8, 256–258.

⁸ Göbl. Dokumente zur Geschichte. S. 256–258.

⁹ Chavannes. Documents. P. 160–161.

¹⁰ Chavannes. Notes additionnelles. P. 20.

¹¹ Ibid. P. 49.

¹² Ibid. P. 59.

¹³ Chavannes. Documents. P. 197.

¹⁴ Массон, Ромодин. История Афганистана. С. 210, 211.

¹⁵ Бартольд. Тохаристан. С. 515. Более подробно о Тохаристане в эту эпоху см.: Гафуров. Таджики. С. 225–246. Специально о Кабуле см.: Stein. A Contribution. P. 13–20.

¹⁶ Ал-Бируни. Индия. С. 359, 360. Арабский текст см.: Alberuni's India. P. 257.

¹⁷ Ал-Бируни. Собрание сведений. С. 27.

¹⁸ Roux. Faune et flore. P. 284–287.

значение в тюркских языках: «лохматая собака», «лохматый», «косматый» (Махмуд Кашгарский)¹⁹. Альтернатива «волк/собака» часто отмечается в генеалогических сказаниях тюркских и монгольских народов²⁰, но в данном случае не исключено синонимическое обозначение волка («косматый»), поскольку табуированные имена предков обычны в тюркской ономастике²¹. Связь зверя-предка и «пещерного» рождения, ко времени ал-Бируни уже переосмысленная и антропоморфизованная, все же проявляется в сказании достаточно отчетливо. Таким образом, в раннесредневековом Кабулистане сохранялись реминисценции древнетюркского каганского культа пещеры предков, неотделимого от генеалогического династийного (resp. родового) культа зверя-прародителя. Вместе с тем сравнительно поздняя фиксация архаического центральноазиатского сказания у ал-Бируни яснее, чем более древние китайские записи, свидетельствует о социальной переориентации родо-племенной мифологии на заре становления классового общества, впитавшей в себя идею сакральной легитимизации царской власти (resp. власти военных вождей племени).

ХРАМ, ИЗВАЯНИЕ И СТЕЛА В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТЕКСТАХ (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИХЕ-ХАНЫН-НОРСКОЙ НАДПИСИ)

Маршрут Дмитрия Клеменца

Зимой 1893 г. бывший воспитанник физико-математического факультета Петербургского университета, бывший народоволец, политический ссыльный, консерватор музея Восточно-Сибирского отдела Географического общества Дмитрий Александрович Клеменц прислал своему начальнику по Орхонской экспедиции академику В. В. Радлову отчет о рекогносцировочном археологическом маршруте по Центральной и Северо-Западной Монголии и по Урянхайскому краю (Тува), совершенном летом 1891 г. «Считаю долгом и здесь предупредить, — пишет он в преамбуле к отчету, — что я ставлю себе здесь правилом тщательно воздерживаться от каких бы то ни было исторических соображений, так как я пишу отчет, а не монографию о развалинах Монголии; и, кроме того, я считаю более целесообразным предоставить комментарии к моим описаниям ориенталистам-историкам, к которым не имею чести принадлежать; работая в провинции, я лишен источников, справка с которыми необходима для подобной работы»¹.

Самооценка была чересчур скромной: археологический дневник Д. А. Клеменца оказался образцовой научной работой, и впоследствии, в 1898 г., Академия наук вновь поручила ему археологическое обследование, на этот раз Восточного Туркестана.

А памятным летом 1891 г. Д. А. Клеменц стал ближайшим сотрудником В. В. Радлова и исполнителем самых трудных его заданий. Уже осенью, в Минусинске, Клеменц пишет свое первое отчетное письмо В. В. Радлову: «Окончив возложенное на меня поручение, считаю своим долгом ознакомить Вас с результатами моих работ, на первый раз в самой краткой форме, впредь до представления отчета. По предположению, я должен

¹⁹ ДТС. С. 83; *Clauson. An etymological dictionary*. P. 360.

²⁰ *Roux. Faune et flore*. С. 329–335.

²¹ *Потанов. Волк в старинных поверьях*. С. 142.

¹ *Клеменц. Археологический дневник*. С. 4. О Д. А. Клеменце и его путешествиях см.: *Могилевский. Памяти Д. А. Клеменца*. С. 1–7; Сборник памяти Д. А. Клеменца; *Попов. Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность*. С. 7–63.

был от Хара-Балгасуна на Орхоне пройти в Урянхайскую землю, на Верхний Енисей, и собрать данные для решения вопроса — существует ли непрерывная связь между памятниками Орхона и давно известными остатками древней культуры на Верхнем и Среднем Енисее. Я должен был заметить и описать памятники, которые встретятся мне на пути, снять надписи, если таковые будут, и в то же время собирать сведения о топографии местности»².

Те задачи, которые были поставлены перед Д. А. Клеменцем, — установить степень связанности древнетюркской культуры Центральной Азии и Южной Сибири и найти археологическую границу между двумя регионами — не решены окончательно и поныне³. Но первый вариант их решения был предложен В. В. Радловым в немалой степени благодаря наблюдением Клеменца⁴.

Среди памятников, исследованных тогда Клеменцем, оказалась и группа курганов, о которых путешественник сообщает особенно подробно: «Хуни-гол мы только пересекли и по левому притоку его, Талаин-Булык, через перевал того же имени спустились к озеру Ихе-Ханын-нор, лежащему около речки Ханын-гол, или Хануй. Верстах в четырех от озера и в полуверсте от р. Хануй мы нашли громадные развалины, к которым не стыдно приурочить и город драгоценностей. Из всех виденных мною в Монголии эти развалины самым ясным образом доказывают, что здесь был некогда город. Верстах в пяти от развалин, недалеко от северного конца Ихе-Ханын-нора, две каменные могилы, два орона, как говорили монголы. Могила огорожена сплошными плитами из метаморфического сланца, внутри изгороди каменные бабы без голов, очень грубо выделанные. На наружных сторонах плит высечен орнамент в виде составленных рядами вытянутых шестиугольников, подобных встреченным в Кошо-Цайдаме. На одной из плит на этих могилах находится небольшая руническая надпись, которую я, разумеется, тотчас же снял посредством эстампажа. За рекой Ханын-голом, по речке Дзун-Модо, нашел я еще два подобных же кургана, но без надписей. Больше подобных курганов в Монголии и в Урянхайской земле, хорошо известных и часто встречающихся в Минусинском округе, я нигде не видал»⁵.

² Клеменц. Письмо. С. 13.

³ Северо-Западная Монголия была долгое время ближе в этнокультурном отношении к Туве и Алтаю, нежели к Центральной Монголии, что археологически фиксируется уже для эпохи бронзы и раннего железа. См., например: Волков. Основные проблемы изучения. С. 91–94.

⁴ Radloff. Die alttürkischen Inschriften. S. 301.

⁵ Клеменц. Письмо. С. 16, 17.

Соседство обширного городища, остатков каменных гробниц, богато украшенных орнаментом, и рунической надписи привлекло внимание Клеменца и побудило его дать первую атрибуцию всего комплекса памятников, основанную на вполне логичном сопоставлении с подобным же комплексом, хотя и большим по объему, — древнеуйгурским городищем Карабалгасун, близ которого Н. М. Ядринцевым был обнаружен замечательный трехязычный памятник⁶. «Могилы, которые находятся не вдали от этих развалин, могилы с разнообразными письменами, с каменными бабами заставляют нас, — писал Клеменц в своем дневнике, — признать эти развалины одновременными с древними Орхонскими (т. е. с Карабалгасуном. — С. К.) впредь, пока не будет доказано противного»⁷.

Наиболее подробно пишет Клеменц о своей находке в «Объяснительной записке» ко второму выпуску «Атласа древностей Монголии»: «В версте выше впадения в Хануй левого притока его Цзун-цзур находятся развалины неизвестного города, называемого местными жителями Ханынбалгасун... Невдалеке, к востоку от развалин, проходит невысокий кряж... к востоку от него, не более как в полуверсте, находится солончатое озеро Ихе-Ханын-нор (другое название озера Айрик-нор)⁸. На западном берегу этого озера, в расстоянии от него около двухсот сажен и приблизительно в верстах в трех к северу развалин находятся две каменные могилы в расстоянии пяти футов одна от другой... Западная, первая могила имеет в длину, с запада на восток, 8 футов и в ширину, с юга на север, 5 футов. Она огорожена четырьмя плотно сомкнутыми плитами, из которых сохранились более или менее западная и южная плиты; северная и восточная выдаются из земли всего на несколько дюймов. Высота сохранившихся плит два с половиной фута, длина южной пять, а западной — четыре фута... На наружных сторонах плит выбиты украшения в виде горизонтально идущих рядов шестиугольников. На западном конце южной плиты сохранился остаток бордюра в виде вертикально идущих с закрученными концами изобразжений»⁹.

В 1927 г. Бальджи Бамбаев, сотрудник этнолого-лингвистического отряда Комиссии по изучению Монголии и Танну-Тувы, вновь обнаружил могильник и надпись, а также огромное городище близ них: «В трех верстах от развалин города видел тюркское погребение с орхонской надписью,

⁶ Ядринцев. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. С. 79, 81.

⁷ Клеменц. Археологический дневник. С. 68.

⁸ Современное название озера — Их-нор.

⁹ Радлов. Атлас древностей Монголии. См. объяснительную записку Д. А. Клеменца и табл. LXXI–LXXIX.

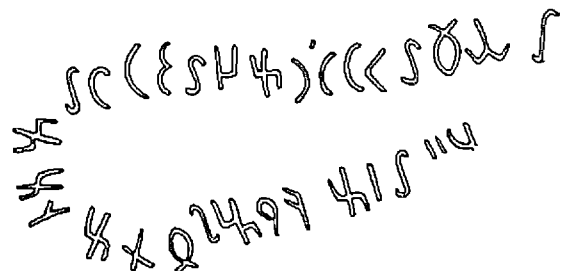
что в прошлом году было раскопано местными монголами с целью найти клад»¹⁰. Погребальное сооружение, таким образом, было уничтожено, а надпись Б. Бамбаев сфотографировал, сделал эстампаж и прорисовку; вместе с его отчетом сохранилась лишь последняя¹¹.

Мне ничего не известно о каких-либо исследованиях городища или могильника в последующие годы, так же как о судьбе надписи. Д. Майдар в своем труде поместил городище под названием Хануйн-балгас в списке тех городищ и селищ, время существования которых не установлено¹².

Связь самого могильника с древнетюркскими погребальными сооружениями сомнений не вызывает: он вполне аналогичен поминальным сооружениям Баин-Даване-аман¹³ и Ихе Асхета¹⁴ и так же, как они, может быть отнесен к VIII в.

Надпись

Сохранившийся фрагмент Ихе-Ханын-норской надписи насчитывает 28 рунических знаков, по большей части хорошо сохранившихся. Палеографически надпись идентична надписям Ихе Асхета, что было отмечено В. В. Радловым¹⁵. Ее особенностью является использование в качестве словоразделителя вместо двоеточия знака для *a/e*¹⁶, что более свойственно енисейскому варианту рунического письма.

Прорисовка Ихе-Ханын-норской надписи. Первый фрагмент (по Б. Бамбаеву)

¹⁰ Бамбаев. Предварительный отчет. Л. 26.

¹¹ Там же. Л. 9а–9б.

¹² Майдар. Архитектура и градостроительство Монголии. С. 230. В конце 1970-х–1980-х гг. я несколько раз обследовал памятник и прилегающую местность и убедился в правильности наблюдений Д. А. Клеменца и Б. Бамбаева.

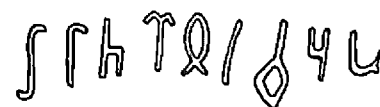
¹³ Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования. С. 38–41.

¹⁴ Радлов. Атлас древностей Монголии. Табл. XV, № 2; Кыласов. История Тувы. С. 41.

¹⁵ Radloff. Die Inschrift. S. 259.

¹⁶ Там же. Не лишено вероятности, что словоразделительное *a* имеет здесь дополнительное экскламативное значение; ср., например: *Bazin*. L'inscription. P. 1–7.

Эстампаж Д. А. Клеменца оказался, к сожалению, не вполне удовлетворительным. Попытки его ретушировки привели к ошибочному воссозданию некоторых знаков¹⁷. Поэтому чтение и перевод В. В. Радлова, которому принадлежит первый опыт дешифровки надписи¹⁸, оказались недостаточно полными. Столь же неполно и чтение Х. Н. Оркуна¹⁹. Последний опыт переиздания с надписи по той же копии Д. А. Клеменца принадлежит Т. Текину²⁰.

Прорисовка Ихе-Ханын-норской надписи. Второй фрагмент (по Б. Бамбаеву)

В 1968 г. я ознакомился с материалами Б. Бамбаева в Институте истории АН МНР (Улан-Батор) и установил, что сделанная им копия надписи более полна и надежна, чем копия Д. А. Клеменца. Теперь возможно предложить несколько уточненный текст, основанный как на копии Д. А. Клеменца, так и на копии Б. Бамбаева.

...Siz kejin bedizinjizin bunča qazyanu ber[tiniz]... barty berti... (вариант: bart berti)...

Комментарий

1. Началу читаемой части надписи предшествуют следы еще двух знаков и знак-словоразделитель; после конечного *i* в слове *berti* обозначен знак-словоразделитель, показывающий, что текст имеет продолжение.

2. Первые пять знаков (*szkjin*) Радлов читал как *sezikejin* < *sez* + *k+(e)jin* и переводил «ich will betrauen»²¹ — «я хочу оплакивать»²². Однако ни в каком другом тексте или разговорном языке глагол *sezik-* в этом значении ни самим Радловым, ни другими исследователями зарегистрирован не был; ср. *sezik-* «предполагать», «сомневаться», «подозревать»²³. Х. Оркун,

¹⁷ Радлов. Атлас древностей Монголии. Табл. XXIII. № 2а и 2б.

¹⁸ Radloff. Die Inschrift. S. 259.

¹⁹ Orkun. Eski türk yazıtları. P. 101.

²⁰ Tekin. On a Misinterpreted Word. P. 139.

²¹ Radloff. Die Inschrift. S. 259.

²² Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Стлб. 491. Реконструированный в тексте глагол дан в словаре без других аналогов и возводится к *cas-* «чувствовать», «чутья», «узнавать» (стлб. 489).

²³ ДТС. С. 499.

приняв чтение двух первых знаков как *siz* «вы», последующие три читал как *ekejin*, оставляя, впрочем, прочтенное слово без перевода и толкования²⁴. Т. Текин читает здесь: *äsiz! käyin!* «How sad! What a pity!» («Какая печаль! Какое горе!»)²⁵. Однако чтение первого слова как *siz*, предложенное Оркуном, предпочтительнее, что подтверждается наличием аффикса принадлежности 2-го лица множественного числа при следующем слове и восстанавливаемой Радловым, Оркуном и Текином формой 2-го лица множественного числа прошедшего времени в глаголе-сказуемом. Обращение к покойному в эпитафии хотя и не слишком часто встречается в эпитафийной рунике, однако не лишено аналогий в памятниках енисейского круга²⁶. Предложенное Текином чтение *kejin* единственно возможное, однако значение слова «жалость», «горе» ничем им не обосновано. Наиболее вероятное и, во всяком случае, наиболее оправданное грамматическое значение слова — «затем», «после (этого)»²⁷.

3. Чтение последующей части предложения — *bedizijizin bunča, qazyanu ber[tiniz]* — одинаково во всех трех упомянутых публикациях и сомнений не вызывает. Переводы, однако, во всех трех случаях различны из-за разной интерпретации слова *bediz*. Так, по Радлову: «Durch eure Arbeit so viel habt ihr erworben...» («Вы столь много приобрели благодаря Вашим делам...»); по Оркуну: «bu kadar tezyinatınfizi kazani verdiniz» («Вы столь много Ваших украшений приобрели»); по Текину: «You achieved so much with your might!» («Вы столь многого достигли благодаря Вашему могуществу!»).

4. Последняя сохранившаяся часть надписи читается только по копии Б. Бамбаева. Слово *bart* «сосуд», «кубок» в рунической письменности до сих пор не фиксировалось и отмечено впервые Махмудом Кашгарским для языка караханидских тюрок (хакани) и для языка огузов²⁸.

Очевидно, что главное различие трех имеющихся переводов надписи, различие, наиболее существенное для понимания и интерпретации текста, — в разном осмыслении слова *bediz*. Оставим пока это слово без толкования. Тогда возможно предложить следующий, еще предварительный, перевод Ихе-Ханын-норской надписи:

«После этого Ваши *bediz* Вы в столь большом числе приобрели... свой кубок он даровал (вариант: кубок он даровал)».

²⁴ Orkun. Eski türk yazıtları. P. 101.

²⁵ Tekin. On a Misinterpreted Word. P. 139.

²⁶ Gabain. Inhalt. S. 543; Roux. La mort chez les peuples. P. 162.

²⁷ Ср.: ДТС. С. 295; подробно о фонетических вариантах слова, его этимологическом развитии и употреблении в памятниках см.: Clauson. An etymological dictionary. P. 704.

²⁸ ДТС. С. 85; Clauson. An etymological dictionary. P. 358.

Толкования слова *bediz*

Слово *bediz*, как кажется, не составляло загадки для переводчиков древнетюркских текстов. Его обычные переводы — «украшение», «скульптурное украшение», «скульптура», «резьба» — были предложены уже первыми исследователями древнетюркских текстов²⁹. С. Е. Малов еще более расширил семантический диапазон слова в древнетюркских рунических надписях и древнеуйгурских текстах: «украшения», «резьба», «орнамент», «красный», «хороший», «скульптурное украшение», «украшенное здание». Глагол *bediz-* означает «устраивать здание с украшениями», «украшать», «художественно устроить»; *bedizçi* — «мастер», «строитель», «художник»³⁰. В «Древнетюркском словаре» приведены следующие значения со ссылкой на древнетюркские рунические памятники: «резьба», «орнамент», «украшение», «памятное здание»; со ссылкой на древнеуйгурские тексты: «изображение», «образ». Выражение *bediz bediz-* означает «сооружать здание» (по надписи Кули-чора); глагол *bediz-* — «украсить» (со ссылкой на памятник в честь Кюль-тегина), *bedizçi* — «резчик по дереву, камню»³¹. Выше мы приводили толкования термина *bediz* в Ихе-Ханын-норской надписи: «дело» (Радлов), «украшение» (Оркун), «мощь» (Текин). В «Словаре» Дж. Клосона дано одно основное значение слова — «украшение» («ornamentation») ³².

Отметим прежде всего наличие позднейших (XI–XIV вв.) переводов термина *bediz* через арабские *сурат* «образ» и *ал-наки* «изображение», «рисунки»³³. В переводах на древнеуйгурский язык китайских буддийских текстов в двух случаях выражение «пусть он нарисует мой образ» передается глагольной формой *bedizetüzün*³⁴.

Особое значение имеет случай употребления этого термина в согдийском тексте РЗ (Парижское собрание рукописей из Дуньхуана), посвященном волшебным свойствам камней, своего рода «Магической минералогии»³⁵. В. Б. Хеннинг полагал, что этот текст тождествен упоминаемой Бируни в его «Минералогии» книге «магов Согда» о свойствах камней³⁶,

²⁹ Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Стлб. 1622–1623; Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 77–79 (отд. отт.); Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. P. 119–121.

³⁰ Малов. Памятники. С. 369; Он же. Памятники Монголии и Киргизии. С. 92.

³¹ ДТС. С. 90.

³² Clauson. An etymological dictionary. P. 310.

³³ Ibid.

³⁴ Müller. Uigurica. S. 29; Su-varnaprabhasa, 544, 7 (ДТС. С. 90); Bang, Gabain. Türkische. S. 338. Сверка с китайским текстом осуществлена благодаря любезной помощи Л. Н. Меньшикова.

³⁵ Benveniste. Textes. P. 67.

³⁶ Henning. Mittelliranisch. S. 85.

хотя дошедшая до нас версия, судя по упоминаниям древнетюркских заклиний, была записана скорее в Центральной Азии, нежели в самом Согде.

Приведем отрывок, содержащий интересующий нас термин, в переводе В. А. Лившица: «На бруске белого сандала надо сделать изображение ($\beta\delta u z'k$), такое же, как изображение ($\rho\dot{u}\dot{s}tk$) на деревянных табличках (или: «чашах»?), и как там, на этих табличках (чашах?), так [и на бруске] нужно вырезать: верблюд борется с верблюдом, конь борется с конем, осел — с ослом, бык — с быком, баран — с бараном, собака — с собакой, птица — с птицей, человек — с человеком. Такую резьбу нужно приказать целиком вырезать на табличках (чашах?) искусному мастеру». Оставленный непереуверенным Э. Бенвенистом в согдийском тексте тюркский термин *bediz* соответствует, очевидно, согдийскому термину со значением «изображение».

Для рунических текстов нет иноязычных калькирующих переводов слова *bediz*, и его значение может быть установлено только путем сопоставлений внутри самих текстов и сравнением с реалиями комплекса погребальных сооружений. Предложено три основных толкования термина в контекстах памятников в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Кули-чора: «памятное (украшенное) здание», «украшения» или «резные украшения», «скульптурные украшения». Возможны ли все эти значения применительно к одному слову?

Во всех случаях, когда речь определенно идет о сооружении памятного здания при погребении (т. е. заупокойного храма), в упомянутых текстах употреблен термин *barq* (КТм 12, КТб 53, БК Хв 14, БК X 1). Значение этого термина сомнений не вызывает — «здание», «архитектурное сооружение» (ср.: ДТС. С. 84). В парных сочетаниях, зарегистрированных в рунических (БК 32, Б 4, 14), древнеуйгурских и более поздних текстах, *barq* объяснено через *eb* (*ev*) со значением «жилище», «дом», «усадеб-ба» (ДТС. С. 162, 189)³⁷. Везде, где *barq* и *bediz* соседствуют в тексте,

³⁷ По мнению В. А. Лившица, иранская этимология термина *barq* весьма вероятна, однако при установлении этимона следует считаться по крайней мере с тремя возможностями: 1) древнеперс. **varaka-* > авест. *vara-* «ограда», «укрепление», «укрепленное поселение» (от корня *war* «окружать», «защищать»), ср. совр. перс. *bare* «стена», рус. *вар*, *вор*. При таком толковании тюрк. *barq* является заимствованием из ранненовоперсидского *bar(a)g* (с переходом *w->b-*, характерным для новоперсидского, ср. среднеперс. *var* как эквивалент авестийского *vara-*, но с сохранением консонантного элемента в суффиксе *-ag*); 2) заимствование из сакского диалекта, ср. хотаносакское *vara* «ограда», «двор», «крепость», но также *bārmana* «ограда», «резервуар для воды» (с переходом *v->b-*, обычным в хотаносакском); 3) парфян. *bāraq* «стена», «укрепление», засвидетельствованное в манихейских парфянских текстах, вероятно, от древнеиранского корня **bar-* «усиливать», «укреплять(ся)»; древнетюркское слово могло быть, скорее всего, заимство-

последний термин переводится как «украшение», но в одном случае, когда термин *barq* отсутствует, выражение *bedizin bedizti olurtty* (КЧ, 24) переводят, вопреки логике, как «кустроили красивое здание»³⁸. Поэтому, очевидно, решающее значение для толкования *bediz* как «памятное здание» имеет отрывок из надписи в Ихе-Хушоту (памятник в честь Кули-чора Тардушского).

Памятник в Ихе-Хушоту, открытый в июле 1912 г. В. Л. Котвичем в 200 км к юго-западу от Урги (ныне Улан-Батор), является составной частью обширного погребального комплекса, обнесенного невысоким земляным валом прямоугольной формы с закругленными углами. Длина огражденной площадки по линии восток–запад 40 м, ширина 30 м. В западной стороне площадки находится частично разрушенный саркофаг, образованный четырьмя большими каменными плитами, внешняя поверхность которых покрыта орнаментом. Стела с надписью расположена в восточной части площадки и в отличие от царских памятников укреплена не на спине черепахи, а между двумя плитами. С востока к стеле примыкала аллея, вдоль которой были расположены фигуры людей и животных. Сохранились четыре фигуры животных (две — фигуры львов) и шесть фигур людей, две из которых в обломках. Все человеческие фигуры (разного размера) изображают людей, сидящих на подогнутых ногах. На восток от площадки вытянулась цепочка каменных столбиков длиной более 1 км; В. Л. Котвич насчитал в ней 153 камня, но часть камней повалена или выдернута. Саркофаг, стела, фигуры львов и людей, цепочка балбалов расположены по оси восток–запад³⁹. В 1962 г. памятник был вновь обследован Э. Триярским, который издал его новый перевод совместно с Дж. Клосоном⁴⁰. Ими было установлено, что в надписи изложена биография не одного лица, а трех, носивших имя или титул Кули-чор, наследственно возглавлявших «бегов тардушей» и связанных прямыми родственными отношениями: дед–отец–сын (внук). В 24–27-й строках описываются похороны последнего Кули-чора; в похоронных обрядах участвовал младший брат Бильге-кагана — Эльчор-тегин и другие знатные лица:

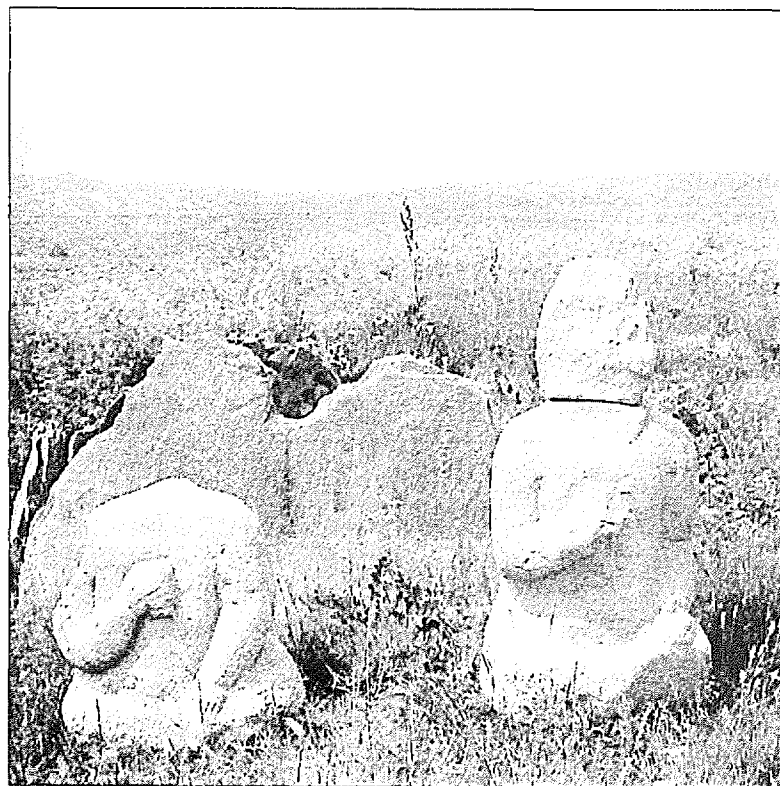
«(24) ...*qayan inisi el čor tegin kelip ulayu tört tegin kelip yšvara bilge küli čoryy yoylat(t)y bedizin bedzet(t)i olurt(t)y*».

вано из ранне-согдийского, в котором оно звучало как **vārak β'rk*, позднее *βry-*, для освоения согд. *v-* в древнетюркском как *b-* имеются убедительные примеры. Ср.: *Horn. Grundriss. S. 37; Nyberg. Hilfsbuch des Pehlevi. S. 32, 33; Mayrhofer. Kurzgefasstes. S. 417; Bailey. Analecta Indoscythica. P. 26–28.*

³⁸ *Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 29; ДТС. С. 90.*

³⁹ *Kotwicz, Samoilovitch. Le monument turc. P. 60–64.*

⁴⁰ *Clauson, Tryjarsky. The Inscription. P. 7–33.*

Ихе-Ханын-норский «саркофаг» с надписью и статуей. VIII в. Монголия.
Фото С. Г. Кияшторного

«(24) ...Пришел младший брат кагана, Эльчор-тегин, следом пришли четыре тегина. Они устроили похороны Ышвара Бильге Кули-чора, они также приказали изготовить *bediz* и их усадить (сделать восседающими)»⁴¹.

Благодаря глаголу *olurt-* значение *bediz* здесь проявляется: сидящими изображены в комплексе изваяния людей, вероятно, покойного и кого-то из его близких (два крупных изваяния) и его слуг (участников похоронной церемонии?)⁴². Следовательно, выражение *bediz bediz-* переводится не «устраивать красивое здание», а «изваять скульптуры (скульптурные изображения)».

⁴¹ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 28, 29; Clauson, Tryjarsky. The Inscription. P. 22. 30.

⁴² В переводе Малова *olurtty* передано словами «поставили (надписи?)»; Клосон и Триарский оставляли *olurtty* без перевода. Наиболее точно перевел Т. Текин: «Они изваяли скульптуры и установили их» (Tekin. A grammar. С. 295). Однако глагол *olur-* имеет достаточно определенное значение — «сидеть», «садиться», «восседать» (ДТС. С. 366, 367).

Царские погребения на Орхоне

Установленное значение термина *bediz* можно проверить при подстановке выявленного эквивалента во все другие контексты, где этот термин встречается, заменив им неопределенное «украшение», «орнамент». Тогда обнаруживается, что термин *bediz* является частью перечня древнетюркского царского погребального комплекса. Вот «протокольное» дополнение (приписка) к тексту надписи в честь Кюль-тегина: *barqyn bedizin bitig taşyn bičin jylqa jetinč aj otuzqa qor alqadytuz* «Храм, изваяния, стелу с надписью — все это мы освятили (благословили) в год Обезьяны, в седьмой месяц, на тридцатый день»⁴³. Тут ясно указан подлежащий освящению состав погребального комплекса: храм, изваяния, стела с надписью. Все это обнаружено и зафиксировано археологически⁴⁴. А вот еще более полный «инвентарный» список к надписи в честь Бильге-кагана в аналогичном дополнении Йоллыг-тегина, автора Кошодайдамских текстов, ведавшего также сооружением погребений: *tas barq* «каменный храм» (по Т. Текину — «мавзолей») ⁴⁵, *bediz* «изваяния», *bāñū taş* «вечный камень», т. е. стела с надписью, *iz* «художества», «украшения»⁴⁶.

Еще два перечня из надписи в честь Кюль-тегина. Бильге-каган рассказывает, как он похоронил любимого брата: *añar adynčyū barq jaraturtum ičin taşyn adynčyū bediz urturtum taş toqytdym* «Я приказал им (мастерам) построить особое здание (храм). Внутри и снаружи здания я приказал поместить необыкновенные изваяния. Я приказал воздвигнуть стелу»⁴⁷. Именно внутри храма при раскопках погребальных сооружений были обнаружены остатки изваяний Кюль-тегина и его жены, выполненные с большим искусством; снаружи тянулись два ряда изваяний⁴⁸.

В другом отрывке сообщается о прибытии на похороны Кюль-тегина китайского посла с придворными мастерами; здесь упомянуты строители храма, ваятели скульптур и резчики надписи на стеле (КТ6, 53)⁴⁹.

⁴³ Ср.: Малов. Памятники древнетюркской письменности. С. 33, 43.

⁴⁴ Jisl. Vorbericht. S. 65–77.

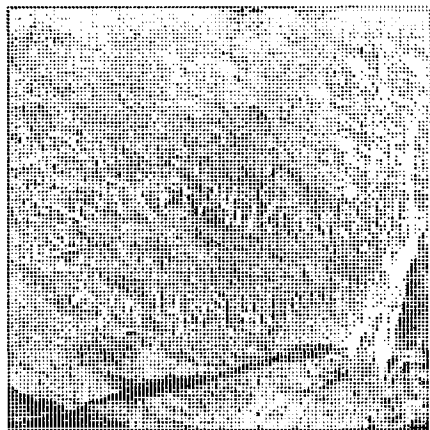
⁴⁵ Tekin. A grammar. P. 263–272.

⁴⁶ Ср.: Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 19, 24. Термин *iz* в значении «искусная, художественная работа», «художество» см.: Clauson. An etymological dictionary. P. 277; Tekin. A grammar. P. 391; Doerfer. Türkische und mongolische Elemente. S. 144, 145. Именно этот термин употреблен в текстах для передачи понятия всякого рода художественной работы, а не *bediz*.

⁴⁷ Ср.: Малов. Памятники древнетюркской письменности. С. 28, 35.

⁴⁸ Jisl. Vorbericht. S. 70–77.

⁴⁹ Подробный анализ китайских сведений о похоронах Кюль-тегина и Бильге-кагана, где упомянуто сооружение заупокойных храмов, стел с надписью и статуй, в том числе и изваяний умерших, см.: Pelliot. Neuf notes. P. 229–248; см. также: Кыласов. История Тувы. С. 38–41.

Ихе-Ханын-норские надписи.

VIII в. Монголия

Фото С. Г. Кляшторного

ные — статуарные или барельефные — изображения людей, которым посвящен погребальный обряд или как-то иначе связанных с погребальным обрядом.

Теперь первую фразу надписи Ихе-Ханын-нора можно перевести точнее: «...После этого Ваши изваяния Вы в столь большом числе приобрели...» Почему, однако, отмечается большое число изваяний? Ведь если исключить два царских комплекса, несравнимых с другими по масштабу, число изваяний обычно ограничивается одним — изображением самого покойного⁵², которое устанавливается обычно с восточной стороны «саркофага», каменной ограды или каменной насыпи. Следует отметить, что фигура покойного всегда изображается в сидячем положении⁵³. Это видно и по упомянутым остаткам статуарных изображений в царских комплексах Орхона, где стоящие фигуры изображают только участников похоронной процессии, и по барельефу Ихе-Асхета, где все три фигуры — сидящие, и по скульптуре Ихе-Даване-аман. Наконец, практически все древнетюркские изваяния Монголии, Южной Сибири, Тувы и Семиречья, если даже они не изображены с подогнутыми ногами или на сиденьях, показаны как сидящие — немного ниже

И наконец, еще одно свидетельство — барельеф на каменной плите из Ихе-Асхета с изображением трех сидящих фигур — князя и двух его сыновей — и посвященной им погребальной надписью. Как отметил Л. Р. Кызласов, плита с барельефом стояла с восточной стороны «саркофага» ограды, т. е. на обычном месте каменной фигуры, и заменяла ее⁵⁰. Изготовление этих барельефных изображений обозначено при помощи глагола *bediz*⁵¹.

Теперь можно сделать первый вывод: в рунических текстах термин *bediz* обозначает скульптур-

пояса скульптура завершается и остается лишь необработанная часть камня, погружаемая в землю⁵⁴. На поверхности земли, таким образом, изваяние фиксировалось в позе восседающего, хотя изображение подогнутых ног, не всегда легко исполнимое технически, опускалось.

Именно только эти сидящие фигуры, изображающие покойного, и должны быть как будто обозначены термином *bediz* в тех случаях, когда нет других изваяний, изображающих участников траурной процессии. Следовательно, напрашивается предположение, что в погребальном комплексе Ихе-Ханын-нора были какие-то другие изваяния, и в большом числе, археологически, однако, не засвидетельствованные. Возможно вместе с тем и другое предположение. В древнетюркские погребальные комплексы входят длинные вереницы балбалов — грубых антропоморфных стел или каменных столбиков, символизовавших убитых врагов погребенного воина, души которых были обязаны ему заупокойной службой⁵⁵. Но относится ли понятие *bediz* к этим грубым изображениям или слегка подтесанным каменным столбикам?

Третий памятник с р. Уйбат

Весной 1721 г. Д.-Г. Мессершмидт, осуществлявший в Сибири по поручению Петра Великого научные исследования самого широкого диапазона, осмотрел и описал указанный ему местными жителями на р. Уйбат древний памятник с неизвестными письменами⁵⁶. Письмена впоследствии стали называть «руническими», а открытие Мессершмидта забылось. В 1886 г. этот памятник, получивший название «третьего памятника с Уйбата», был вновь открыт Д. А. Клеменцем, доставлен в Минусинск и издан И. Аспелином и В. В. Радловым⁵⁷. К сожалению, поверхность этой трехметровой стелы изъедена эрозией и надпись сохранилась не полностью — не все сохранившиеся знаки (более 400) читаются уверенно. До сих пор надпись переводилась неудачно; надежно не установлен и порядок строк. Не останавливаясь сейчас на критическом разборе существующих переводов, предложим иное понимание лишь одного места, связанного с интересующей нас темой:

⁵⁴ См., например, издания, посвященные древнетюркским изваяниям: Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии; Грач. Древнетюркские изваяния.

⁵⁵ Roux. La mort chez les peuples. P. 186–188; Кызласов. О значении термина балбал. С. 206–208. О возможной этимологии термина «балбал» см.: Казакевич. Намогильные статуи в Дариганге. С. 23.

⁵⁶ Messerschmidt. Forschungsreise. S. 171.

⁵⁷ [Aspelin, Donner]. Inscriptions de l'Jenissei; Радлов. Атлас древностей Монголии. Табл. 93, 94.

⁵⁰ Кызласов. История Тувы. С. 41.

⁵¹ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 45.

⁵² По поводу семантики изваяния в течение нескольких десятилетий шла оживленная дискуссия. См. теперь: Kotwicz. Quelques remarques. P. 159–189; Кызласов. История Тувы. С. 35–44.

⁵³ Ср.: Шер. Каменные изваяния. С. 26, прим. 11.

«bedizin üçün türk qan balbaly el ara toquz erig udyş er oçlyn ügürüp ödür alty erdem begime er erdemi üçün eçime jyta joqlady quly as tutsar...» «Я собрал-выбрал в качестве изваяний балбал тюркского хана, [балбалы] девяти героев-воинов из эля и, следом, [балбалы] сыновей героев-воинов. О шесть моих доблестных бегов! Из-за [своей] рыцарской храбрости мой старший брат — о! увь! — вознесся (умер). Поэтому [теперь] его рабы предлагают [поминальную] трапезу...»⁵⁸

Из текста следует, что балбалы, т. е. изображения или каменные символы убитых врагов погребенного, являлись частью более обширного класса предметов погребального культа, обозначавшегося термином *bediz*. Теперь возможно дать более широкое определение этого термина в рунических текстах. Термин *bediz* обозначал: а) каменные изваяния, статуарные или барельефные, изображавшие в погребальном комплексе самого покойного, а при царских погребениях — близких и сподвижников покойного, участников похоронного обряда; б) грубые антропоморфные стелы или каменные столбики, расположенные цепочкой, примыкавшей к погребальной площадке (кургану, «саркофагу», могильной оградке) с востока или юго-востока, и символизировавшие врагов, убитых погребенным, души которых были обязаны ему загробной службой. При этом следует оговорить, что термин *балбал* обозначал только символы убитых врагов и по отношению к более широкому термину *bediz* был более частным (видовым) понятием.

Погребальный дар

Согласно сведениям иноземных наблюдателей, попавшим в нарративные источники, тюрки ставили каменные столбики-балбалы у погребений своих героев по числу врагов, убитых самим погребенным: «Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»⁵⁹. Длинные цепочки балбалов, насчитывающие десятки и сотни камней, являются характерной чертой древнетюркских погребальных сооружений. В. Л. Кот-

⁵⁸ Ср.: Radloff. Die Inschriften vom Ujbat. S. 339–340; Малов. Енисейская письменность. С. 62–63. Наш перевод существенно отличается от предшествующих. Так, С. Е. Малов переводит *bediz* как «красивое памятное здание», а идущую за последней строкой левой стороны первую строку передней стороны выносит в начало памятника, которое, однако, ничем им не определено. Сам С. Е. Малов назвал свой перевод «довольно сложным» (с. 63). Окончание *-dum* при глаголе *ödür* опущено, как и во многих других случаях, когда время и лицо обозначены контекстом; ср., например, первый памятник с Алтын-кёля, стк. 1 (там же. С. 53).

⁵⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 42; II. S. 500.

вич, производивший специальный подсчет, отмечает погребение, где сохранилось до 500 столбиков-балбалов⁶⁰. Столь значительное число балбалов практически при всех погребениях (поминальных сооружениях) тюркской аристократии вызывает естественное недоумение. Действительно ли все тюркские беги убивали сотни вражеских воинов или это эпическая гипербола в символической характеристике подвигов героя? В этой связи не меньшее недоумение вызывает то обстоятельство, что герой Ихе-Ханын-норской надписи «приобрел» (*qazyan-*) «столь много» *bediz*, т. е. собственное изваяние и балбалов, именно после смерти, при погребении.

Рассмотрим те эпизоды в древнетюркских надписях, когда известно, кто убил врага и кому он «поставлен балбалом». В 26–27-й строках своей надписи, текст которой готовился еще при жизни ее героя, Бильге-каган описывает кыргызский поход 711 г.: *qayanyn birle soña jyşda süñüdüim qayanyn ölürtüm, ilin anta altym* «...с их каганом я сразился в черни Сонга. Я убил их кагана и овладел их элем» (БКб, 27). А в 24–25-й строках надписи в честь Кюль-тегина Бильге-каган, от имени которого ведется повествование, сообщает: *eçim qayan uça bardy başlaju qyrqyz qayany balbal tikdim* «мой дядя-каган умер; первым я поставил ему балбал кыргызского кагана» (КТб, 25). Дядя Бильге-кагана Капаган-каган, погибший в 716 г., в походе на кыргызов не участвовал, кыргызского кагана убил сам Бильге-каган, тогда еще наследный принц и шад тардушей. И вот через шесть лет после события он дарит душу убитого им врага-кагана своему погибшему дяде, что и символизировала первая фигура-балбал в цепочке других балбалов при погребальном сооружении Капагана.

Другой случай. В сражении с киданями убит их полководец Ку-сенгун. Бильге-каган приписывает этот подвиг себе⁶¹. Но когда умер старший сын Бильге-кагана, тот «поставил ему балбалом Ку-сенгуна» (БК, Ха, 9).

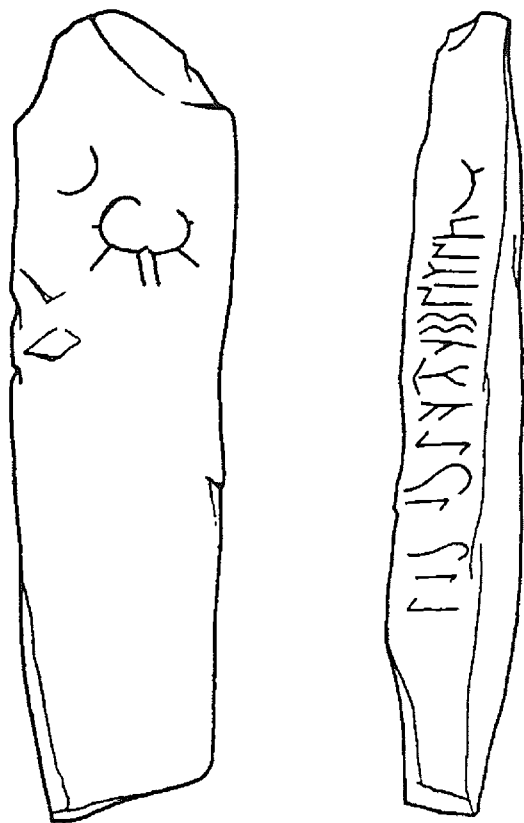
Из этих эпизодов следует, что «своих» балбалов, которые, по выражению А. фон Габен, были «личной собственностью победителя»⁶², можно было дарить другому лицу, естественно, во время его похорон. В этом магическом действии и заключается объяснение не только чрезмерно длинных цепочек балбалов в погребениях тюркской знати, но и многих

⁶⁰ Kotwicz, Samailowitch. Le monument turc. P. 87.

⁶¹ В. В. Бартольд вслед за Ф. Хиртом отождествляет Ку-сенгуна с китайским вице-губернатором области Юйчжоу Го Инь-цзянем и относит битву к 733 г. (Бартольд. Новые исследования. С. 327; Hirth. Nachwort. S. 92). Однако это отождествление сомнительно, так как в китайских известиях о событиях 733 г. речь идет о нападении киданьского вождя Кэтуганя на пограничные провинции империи (в набеге принял участие тюркский вспомогательный отряд), между тем как в надписи Бильге-кагана сообщается о войне с киданями и татарами и разгроме их войска, что относится к 721–722 гг. (см.: Liu Mau-tsai. I. S. 354). Об исправлении чтения имени Ку (прежнее чтение Куг) см.: Tekin. A grammar. P. 279.

⁶² Gabain. Steppe und Stadt. S. 37.

Стела с надписью из погребального комплекса Бильге-кагана
(прорисовка по фотографиям автора)

несообразностей в текстах. В уже цитированной Уйбатской надписи упомянут «балбал тюркского хана». Но ни один из тюркских каганов не был убит кыргызами, на чьей территории воздвигнут памятник. Очевидно, следует переводить «балбал, пожалованный тюркским ханом», причем изготовить балбал могли, конечно, и на месте. Точно так же и остальные балбалы, которые «собрал-выбрал» устроитель погребального сооружения, были подарены погребенному наиболее заслуженными воинами его же эля. Не исключено, что третий Уйбатский памятник, самый крупный из известных в Хакасии, принадлежал не кыргызу, а знатному тюрку (наместнику?), так как погребения с изваяниями и балбалами не были свойственны древнекыргызскому погребальному обря-

Общий вид надписи на стеле из погребального комплекса Бильге-кагана.
Фото С. Г. Кляшторного

ду⁶³. Ситуация, когда в государстве кыргызов мог быть постоянный уполномоченный кагана, относится к периоду после 711 г. (разгром кыргызов тюркским войском), т. е. ко второму-третьему десятилетиям VIII в.⁶⁴

В погребальном комплексе Бильге-кагана обнаружена антропоморфная стела с надписью: *tölis šadyñ taš balbaly* «каменный балбал шада төлисов»⁶⁵. Шад төлисов, одно из высших лиц империи, отнюдь не враг, а кто-либо из князей каганского дома, сын или брат Бильге-кагана (в надписи он носит титул *ara tarqan* «главнокомандующий войском», БК, Ха, 13). Поэтому балбал шада төлисов свидетельствует не об убийстве Бильге-каганом сына или брата, а о поминальном подарке. Этот балбал и помечен родовой каганской тамгой, дополненной личным знаком. Очевидно, даром был и балбал в Онгинском погребальном комплексе с надписью: «балбал Ишбара-таргана»⁶⁶. В надписи Кюль-тегина упомянут наиболее сильный в 80-х гг. VII в. враг его отца Ильтерес-кагана глава токуз-огузов Баз-каган (КТб, 14). Походом против огузов, их разгромом и подчинением руководил Тоньюкук, командующий войском при Ильтересе (Тон. 15–16)⁶⁷. Однако балбал,

⁶³ О погребальном обряде у кыргызов см.: Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 565–567; Кызласов. История Тувы. С. 97–99.

⁶⁴ Датировка надписи концом VII в. по упоминаемому в ней слову *tašat*, которое В. В. Радлов и С. Е. Малов рассматривали как личное имя Ильтерес-кагана, встречающееся в Онгинской надписи, неверна, так как правильное чтение этого слова — *atašut* «мой батюшка»; см.: Кляшторный. Древнетюркские памятники. С. 68.

⁶⁵ Радлов. Атлас древностей Монголии. Табл. XXVI. С. 6, 7.

⁶⁶ Tekin. A grammar. P. 293.

⁶⁷ См. также: Кляшторный. Руническая надпись. С. 249–258.

олицетворявший душу Баз-кагана, был установлен в погребальном комплексе Ильтерес-кагана (КТБ, 16).

В енисейских рунических надписях слово *balbal* предположительно отмечается еще в двух надписях — пятом памятнике с Уйбата и второй надписи с р. Туба⁶⁸. Однако чтение этого слова в обеих надписях сомнительно. Так, 3-ю строку в наскальной надписи с Тубы предпочтительнее читать: *idil jerime beŋgü bol* «О страна моя Идиль! Вечно существуй!»

Этим исчерпываются возможности установить семантику и взаимную связь некоторых основных терминов из рунических текстов Монголии и Енисея, имеющих отношение к древнетюркскому погребальному обряду. Очевидно, что в дискуссии относительно значения тех или иных элементов этого обряда и их места в древнетюркской культуре, начатой еще в конце прошлого века и продолжающейся в археологической литературе и в настоящее время, использование сведений руники может оказаться немаловажным, так как позволяет более точно соотнести разноречивые итоги современного обследования памятников с культовой терминологией их создателей.

НАСКАЛЬНЫЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ МОНГОЛИИ

Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыта-хан, Хэнтэй

Наскальные рунические надписи были открыты в Монголии одновременно с надписями на стелах, но еще до недавнего времени едва ли не единственным памятником этого вида древнетюркской эпиграфики Монголии считались надписи на скале Тайхир-чулу (или, по названию реки, Хойто-Тамирские надписи)¹. В последние два десятилетия были опубликованы еще несколько наскальных надписей², что позволило, пока предварительно, отнести их к двум сюжетным группам: поминальной и посетительской эпиграфике. Значительное число наскальных рунических надписей было открыто или вновь обследовано нами во время рекогносцировок 1968–1969 и 1974–1975 гг. Теперь можно утверждать, что, за исключением степей Восточной Монголии, наскальная руническая эпиграфика распространена в Монголии повсеместно. В отличие от надписей на стелах этот вид надписей не профессионален по исполнению, что указывает на значительный круг людей, владевших письмом³.

Тем самым расширяется репертуар источников разнообразной историко-культурной информации, хотя бы за счет очень кратких и обрывочных сведений, а в отдельных случаях оказывается возможной взаимная перепроверка текстов. Мы публикуем в этом сообщении главным образом те надписи, которые были обследованы нами повторно, а до того либо не были изданы, либо были изданы в ошибочных и неудовлетворительных копиях.

К сожалению, специфика наскальных надписей (нанесение их на неровную скальную поверхность, нитевидный характер черт, сильное воздействие процессов эрозии) делает не всегда возможным эстампирование

¹ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 46–54; Пэрлээ. Тайхир чулуу.

² Tryjarsky. L'inscription turque. P. 423–428; Tryjarsky, Hamilton. L'inscription turque runiforme. P. 171–182; Наделяев. Древнетюркская надпись. С. 163–166; Тенишев, Новгородова. Новые рунические надписи.

³ Кляшторный. Древнетюркская письменность. С. 261–263.

⁶⁸ Малов. Енисейская письменность. № 34, 36. С. 65, 66.

и фотофиксацию; главным видом фиксации остается тщательное и осторожное копирование знаков, зачастую разрушенных, рисунком или прописью.

Надпись на р. Тэс

Летом 1915 г., во время поездки по Северо-Западной Монголии, Б. Я. Владимирцов посетил долину р. Тэс. Здесь, по указанию местного жителя, им была найдена на скальная руническая надпись. О своей находке Б. Я. Владимирцов писал А. В. Бурдукову: «Орхонскую надпись на Тэс эстампировать не удалось, потому что она выбита на необделанной скале; пришлось удовлетвориться фотографированием и списыванием. Надпись хотя и маленькая, но чрезвычайно интересная, я разобрал уже почти всю. Кроме этой надписи, других найти не удалось, несмотря на самые тщательные поиски»⁴.

Через несколько лет Б. Я. Владимирцов подготовил надпись к изданию, однако по неизвестным причинам после напечатания корректуры статья Б. Я. Владимирцова опубликована не была. Ученый не возвращался к этой подготовленной публикации и в последующие годы. Корректурная статья ныне хранится в библиотеке ЛО ИВАН (шифр 48.В 3432)⁵. Вот как описывает Б. Я. Владимирцов местоположение надписи: «Надпись высечена на небольшой необделанной гранитной скале красноватого цвета, лежащей на маленьком холмике. Холмик этот, имеющий вид опрокинутой лодки, идет с востока на запад и лежит на довольно большой равнине между р. Тэсом и горой Хундуйун, прямо против красного массива Дзур... находящегося на правом берегу Тэса. Южная сторона холмика камениста, северная более или менее полого. Приблизительно в центре холма устроено довольно большое обо... Небольшая скала с надписью лежит на северо-восточном углу холмика; надпись высечена на полукруглом фронте скалы, прямо обращенном на юг. Скала своей верхней частью вроде кронштейна нависает над тем местом, где выбита надпись, и как бы полуприкрывает ее или служит навесом. Холмик с красной скалой лежит от р. Тэса верстах в двух и известен под названием Овогин толгой («холмик с обо»)» (с. 413, 414).

Далее следует описание надписи, которая «состоит из одной строки и двух тамг, высеченных очень ясно. Какие-то знаки высечены на скале

Надпись на скале. Р. Тэс

рядом с надписью, на восточной ее оконечности, вслед за естественной трещиной. Внизу под надписью высечена фигура в 55 см высоты и 30 см ширины, имеющая вид креста на круге с четырьмя лучами. Надпись разбивается на две части тамгами. Первая часть надписи и тамги длиной в 71 см, остальная часть надписи длиной в 160 см, буквы же достигают 20–22 см высоты» (с. 415). Б. Я. Владимирцов предлагает следующее чтение:

ʼlp ʼšun türk ʼlp ʼšun bʼtʼdʼm yʼzʼn bʼrʼm «Геройский Шун (Шон, Ашун, Ашун); (тамги) турецкий геройский Шун (Шон, Ашун, Ашун) написал я; весной ходил я» (с. 415).

Во время полевых работ 1969 и 1975 гг. мне дважды удалось осмотреть надпись и заново сфотографировать ее. Тщательное обследование показало, что идентификация Б. Я. Владимирцовым некоторых знаков была ошибочной, что сказалось на интерпретации. Теперь возможно предложить уточненное чтение:

⁴ Бурдуков. В старой и новой Монголии. С. 344.

⁵ Владимирцов. Небольшая турецко-сибирская надпись. С. 410–416. Фотографии и другие иллюстрации отсутствуют; видимо, они утрачены вместе с архивом Б. Я. Владимирцова.

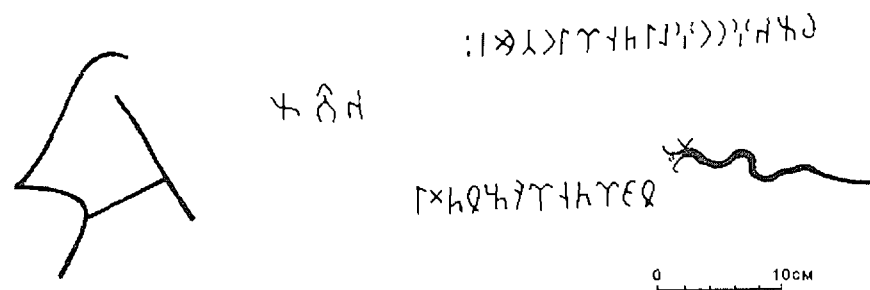
Надпись из Гурвалжин-ула

alp sol [тамги] *töpek alp sol bitidim äsän olurtym* «[Я], Алп Сол [из рода с этими тамгами]. Я, Тёпек Алп Сол, [это] написал. Я пребывал [тогда] здоровым (невредимым) (вариант: я сидел тогда эсеном)».

Замечания к чтению: надпись выбита необычно, вверх основаниями знаков («вниз головой»). По содержанию и типу надпись мало отличается от других подобных надписей⁶. По некоторым палеографическим особенностям (например, *t* в слове *olurtym*) заметно влияние енисейского варианта рунического письма. Слово *äsän* «здоровый», «целый», «невредимый» очень часто входит в состав имен и титулов; титулы такого рода у тюрков приведены в китайском историческом сочинении начала IX в. «Тун дзянь»⁷. Палеографическая датировка надписи довольно широка и возможна в пределах конца VIII–IX в. Тамга, расположенная ниже надписи, входит в круг знаков енисейских кыргызов⁸. Таким образом, наиболее вероятная датировка надписи возможна в пределах IX в.; возможна ее связь с завоевательным походом кыргызов в 840 г.

Надпись из Гурвалжин-ула

В полевой сезон 1975 г. я обследовал горный массив Гурвалжин-ула, по восточному берегу р. Тарана-гол (в пределах Булганского аймака),

Надпись на скале Хангыта-хат

южнее Гурван-Булака. Среди камнепада у южных склонов горы, на огромном валуне, была обнаружена выбитая руническая надпись в одну строку (70 см) и две тамги над ней. Ближайшими археологическими объектами являются большие курганы скифского времени с квадратными и круглыми оградками.

Надпись из 15 знаков высотой в 8 см выбита очень четко и ровно. Очертания знаков правильны, орфография безукоризненна (по полноте гласных), палеографически датируется VIII в.

Текст надписи: *täyri quly bitidim*

Перевод: «Я, раб божий, написал».

Выражение «раб божий» совершенно не свойственно древнетюркской религии, но возможно в силу влияния на тюркское общество великих религий, проявившегося весьма рано⁹.

Надпись на скале Хангыта-хат

Надпись впервые зарегистрирована в атласе Б. Ринчина¹⁰.

Однако текст, воспроизведенный там, неточен и не может быть интерпретирован. В 1974–1975 гг. я дважды осмотрел надпись на южной стороне скалы Хангыта-хат (примерно в 27 км к юго-западу от Дашинчилен-сомона). Сохранившиеся знаки являются лишь частью почти не сохранившихся мелких надписей, слабо процарапанных по камню, иногда находящихся одна на другую; высота знаков 1–2 см. Воспроизводим наиболее сохранившиеся строки (рис. 3).

Текст надписи: *baz qayan oyly teyri uçmys... qotuz... bæg er täyrikün... bitidi...*

⁶ См., например: Кляшторный. Руническая эпиграфика. С. 66–70.

⁷ Liu Mau-tsai. II. S. 498–499.

⁸ Кызласов. О датировке памятников. С. 40. Рис. 1.

⁹ Ср., например: Кляшторный. Монеты с рунической надписью из Монголии. С. 337–338.

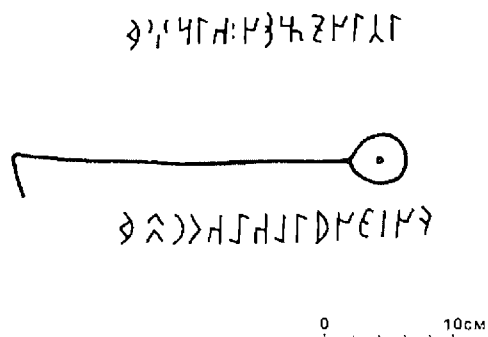
¹⁰ Rintchen. Les dessins. P. 37.

Перевод: «Сын Баз-кагана [на] небо улетел (т. е. умер)... марал... беги и мужи, божественный... он написал».

Замечания к тексту. О Баз-кагане, вожде токуз-огузов и враге Ильтерес-кагана в 687–691 гг., известно из надписи в честь Кюль-тегина (стк. 14, 16). Возможно, плохо сохранившиеся надписи Хангыта-хат восходят к концу VII — началу VIII в. Поминальный характер надписи сближает ее с надписью из Арханена.

Хэнтэйская надпись

В мае 1895 г. Д. А. Клеменц, получив сведения о «писаном камне» в бассейне р. Керулен, предпринял поездку в Хэнтэйскую горную страну для поисков надписи. Двигаясь по долине р. Сенкир-гол, Д. А. Клеменц нашел древнетюркские погребальные саркофаги и изваяния и вышел к долине небольшой речки Бургасын-булак. Здесь и была обнаружена скала с надписью (Хунхейн-бичикте-чоло). «Утес состоит из целого ряда громадных гранитных плит и блоков. На восточной стороне его, в половине высоты утеса, на изрытой и выветренной плите находится чрезвычайно плохо сохранившаяся руническая надпись. На камне начерчен крюк, оканчивающийся внизу кольцом с точкой в центре. По обеим сторонам крюка находится по вертикальной строке. С каждой стороны было вычерчено по 14 букв, но по правой стороне один из знаков стерт до неузнаваемости»¹¹.

Хэнтэйская надпись

¹¹ Клеменц. Отдельная экскурсия. С. 49, 50. Копии, изготовленные Д. А. Клеменцем, не сохранились.

В 1949 г. К. В. Вяткина, не зная об открытии Д. А. Клеменца, осмотрела надпись и в 1958 г. издала свой рисунок¹². На основании этого рисунка совершенно произвольную интерпретацию текста предложил проф. Фэн Цзя-шэн. По его переводу надпись гласила: «Сачи сам утром услышал лебедя, желающего [найти] гнездо, желают, [чтобы были] бык, конь, баран, верблюд»¹³. Следует отметить, что рисунок К. В. Вяткиной весьма неточен и это отчасти объясняет неудачные попытки интерпретации.

В 1975 г. я обследовал надпись, которая, несмотря на неполную сохранность нескольких знаков, читается достаточно уверенно (рис. 4). Длина обеих строк 43–44 см; высота знаков 4–5 см.

Текст надписи: *ici özüncü qurqum küsgü jylqa qontum*.

Перевод: «Я, старший брат, Öz Инчю Кыргы [из рода с такой тамгой] имел [здесь] стоянку в год Мыши».

Слово *öz* «сам», «самый», «настоящий» обычно в древнетюркской антропонимике; *üd'čü-ünzü* «жемчуг» (ср. *jenčü*); *qurqu-qurqu* «румяный», «рыжий (?)»; *küsgü-küskü* «мышь», а также название циклического года.

Датировка по палеографии возможна в весьма широких границах, предпочтительно вторая половина VIII — начало IX в. Хэнтэйская надпись является самой восточной из всех до сих пор найденных древнетюркских надписей Монголии.

Не вызывает сомнений, что Хэнтэйская надпись, как и другие аналогичные ей посетительские надписи древних тюрков, является своего рода памятником обычного права кочевников. Согласно принятым среди тюркских и монгольских племен нормам, право на постоянное или преимущественное пользование зимниками или летовками свидетельствовалось какими-либо следами или знаками прежнего пребывания на тех же землях¹⁴. Очевидно, что наиболее убедительным свидетельством был своего рода камнеписный юридический «документ», превращавшийся в часть местного ландшафта и указывавший, кто и когда пользовался здешними угодьями. К памятникам-документам такого рода относится и публикуемая выше надпись с р. Тэс.

¹² Вяткина. Хэнтэйская руническая надпись. С. 217–218.

¹³ Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из Восточной Монголии. С. 3–6.

¹⁴ Ср., например, подобные обычаи у казахов: Румянцев. Киргизский народ. С. 52; Марков. Кочевники Азии. С. 176.

К ВОПРОСУ О ПОДЛИННОСТИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ НАДПИСИ С ИМЕНЕМ ЧИНГИЗ-ХАНА

В 1956 г. А. Лубсандендыб издал древнетюркскую руническую надпись с именем Чингиз-хана (см. фото)¹. Одновременно академиком Б. Ринченем был подготовлен доклад об этой надписи для XXIV Международного конгресса востоковедов в Мюнхене². Надпись сделана на небольшой гальке, прикрепленной шнурком к монгольской рукописи XVII в. Каких-либо сведений об обстоятельствах находки рукописи и ее прежних владельцах не сообщается.

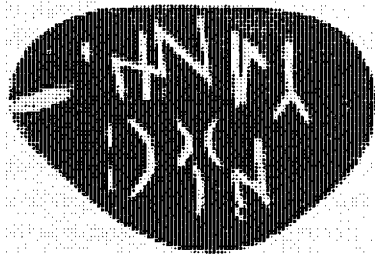

Фото № 1

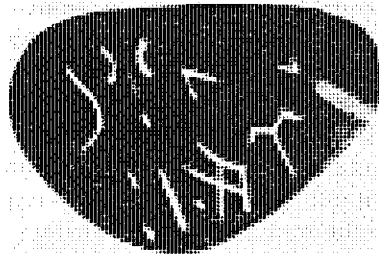

Фото № 2

Привожу описание и разбор надписи из заметки А. Лубсандендыба: «Камень овальной формы, черный, имеет длину 3,3 см, ширину 2,2 см, толщину 0,4 см. С правой стороны он имеет отверстие для продержки шнурка. Края отверстия гладкие... На первой строчке лицевой стороны (фото № 1) написано: *чиниз*, на второй: *каган*; на первой строчке тыльной стороны (фото № 2): *алп каган*, на второй: *эрмис*. Весь текст состоит из одного предложения: *чиниз каган алп каган эрмис*. — “Чингиз каган был мужественный каган”. Чингиз каган, о котором идет речь, является не кем иным, как монгольским императором Чингизом.

¹ Лувсандэндэв. Шинээр олдсон; Лубсандендыб. Об одной вновь найденной тюркской надписи. С. 1–5 (монгольский текст), 6–7 (русский текст).

² См.: Rinchen. La mention. P. 42.

Судя по тому, что в енисейских надписях “сангун” пишется “санун”, можно заключить, что слово Чингиз по-древнетюркски д о л ж н о писаться “чиниз” (так! разрядка наша. — С. К.). Сказуемым в предложении служит причастие прошедшего времени “эрмис”. Отсюда можно сделать вывод, что надпись сделана после смерти Чингиз-хана, и это дает основание думать, что в то время, по крайней мере в XIII в., древнетюркское письмо не было окончательно забыто и употреблялось, хотя, может быть, весьма редко³.

Публикация древнетюркской рунической надписи XIII в. из Центральной Азии не может не вызвать большого интереса. Наиболее поздние рунические тексты из Монголии⁴ и Восточного Туркестана⁵ датируются серединой IX в. Есть основания полагать, что руническое письмо было известно и в первой половине X в. В хронике династии Ляо («Ляоши») сообщается, что основатель киданьской империи Абаоцзи (Тайцзу) во время посещения древней уйгурской столицы на Орхоне летом 924 г. приказал соскоблить надпись с каменной стелы в честь уйгурского Бильге-кагана и заменить ее надписью о своих деяниях, выполненной «киданьскими, тюркскими (туцзюэ) и китайскими письменами»⁶. «Тюркскими письменами» могли быть здесь названы только древнетюркские руны, так как уйгурский курсив назван «письменами хой-ху» («уйгурские письмена»)⁷. Это сообщение было подвергнуто сомнению И. Марквартом, полагавшим, что в X в. употребление рунического алфавита маловероятно⁸. Отметим, однако, что вплоть до середины X в. тюркские (огузские) племена — носители традиций рунической письменности — упоминаются в китайских источниках⁹. Это позволяет отнести к сообщению «Ляоши» с большим доверием. Никаких достоверных данных о бытовании руники позднее X в. не имеется¹⁰. Есть все основания полагать, что к концу X в. она в Монголии не

³ Лувсандэндэв. Об одной вновь найденной тюркской надписи. С. 6–7.

⁴ См.: Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. С. 162–169.

⁵ См.: Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 185.

⁶ Wittfogel, Fêng Chia-shêng. History of Chinese society. P. 99, 103, 243, 576; ср. Bretschneider. Mediaeval researches. Vol. 1. P. 256.

⁷ Wittfogel, Fêng Chia-shêng. History of Chinese society. P. 670.

⁸ Marquart. Guwaini's Bericht. S. 499. Ср.: Wittfogel, Fêng Chia-shêng. History of Chinese society. P. 243.

⁹ Hamilton. Ouighours. P. 94–100; Liu Mau-tsai. II. S. 390–391 (Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. X).

¹⁰ Более поздним временем (XI в.) пытался датировать рунический колофон одной из уйгурских рукописей В. Банг (Bang, Gabain, Rachmati. Türkische Turfan-Texte. S. 97). Однако сам он отметил, что чтение колофона крайне сомнительно. Следовательно, датировку, предлагаемую им по одному фонетическому наблюдению, также нельзя считать обоснованной. Другая попытка чтения этой надписи: Бернштам. Руническая надпись. С. 303–305.

употреблялась, а в иных местах обитания древнетюркских племен была полностью вытеснена уйгурским курсивом¹¹.

Специальную статью этой надписи посвятил Г. И. Константин, который показал, что ряд филологических несообразностей противоречит датировке надписи XIII веком¹². Стремясь как-то объяснить надпись, Г. И. Константин предложил рассматривать второй знак верхней строки лицевой стороны (фото № 1) как лигатуру и вместо *čiñiz qaγan* читать *čisiin qaγan*¹³. Предполагаемое чтение нельзя признать оправданным, так как руническое письмо не знало лигатур подобного типа.

Интересные результаты дает палеографический анализ надписи. Рунический алфавит Центральной Азии пережил по меньшей мере три этапа развития, которым соответствуют три устава рунического письма: а) архаический, широко представленный ранними памятниками Средней Азии и Енисея (VII — начало VIII в.)¹⁴; влияние этого устава заметно еще в Онгинской надписи¹⁵; б) классический, которым исполнены многочисленные памятники эпохи второго Тюркского каганата (конец VII — первая половина VIII в.); в) поздний, представленный в памятниках эпохи Уйгурского каганата (вторая половина VIII–IX вв.) и в «рунах на бумаге» (IX в.)¹⁶. Некоторые реминисценции архаического начертания рунических знаков можно отметить в Суджинской надписи (середина IX в.), которая, однако, является памятником енисейского круга.

Надпись с именем Чингиз-кагана исполнена уставом, которым выполнялись древнетюркские тексты начала VIII в. Особенно показательны начертания букв *z*, *q*, *γ*, *m*. Никаких следов начертаний более поздней эпохи в надписи проследить нельзя¹⁷. Чрезвычайно странным кажется наличие знака-словоразделителя в конце текста.

Отмеченные Г. И. Константином филологические несообразности, странная для столь поздней эпохи палеография надписи и необычное

¹¹ Открытая в 1955 г. монгольскими археологами близ Уланкома каменная плита с уйгурской курсивной надписью свидетельствует, что руника уступила место уйгурскому курсиву также и в лапидарной графике. См.: Доржсурэн. Изучение. Вклейка к с. 13, 17; публикация Ц. Доржсурэна повторена Ринченем, см.: Rinčen. Les inscriptions inconnues. P. 290–292.

¹² Constantin. A late Kök-Turkish. P. 424–437.

¹³ Ibid. P. 434–435.

¹⁴ Палеографически наиболее архаичной из известных нам надписей можно считать надпись на бронзовом перстне из северной Ферганы. См.: Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись. С. 167, 168.

¹⁵ О ее датировке см.: Clauson. The Ongin inscription. P. 177–192.

¹⁶ Ср.: Gabain. Altürkische Schrifttum. S. 12–14.

¹⁷ Ср. с начертаниями Карабалгасунской надписи: Радлов. Атлас древностей Монголии. Табл. 35.

употребление знака-словоразделителя заставляют полагать, что руническая надпись с именем Чингиз-кагана является современной подделкой. В качестве прототипа для подделки была использована фраза, содержащаяся в третьей строке большой надписи в честь Кюль-тегина (732 г.): *bil(g)e qaγan ārmis alp qaγan ārmis* «мудрый каган был, мужественный каган был» (буквальный перевод; по контексту всю фразу следует переводить во множественном числе)¹⁸. Факсимильный текст этой строки опубликован С. Е. Маловым¹⁹. Начертания знаков в публикации С. Е. Малова и на камне с именем Чингиз-хана полностью совпадают. Совпадают во второй части и тексты, добавлено лишь имя Чингиза. Более того, следуя избранному им прототипу, автор подделки воспроизвел после слова *ārmis* знак-словоразделитель, который естествен в неоконченной строке текста в честь Кюль-тегина, но совершенно не на месте в конце интересующей нас надписи.

В заключение отметим, что надпись с именем Чингиз-кагана — второй зарегистрированный случай подделки рунических надписей в Монголии²⁰.

¹⁸ Малов. Памятники. С. 29 (транскрипция), 36 (перевод).

¹⁹ Там же, вклейка между с. 24 и 25.

²⁰ Самойлович. Новые тюркские руны из Монголии. С. 631–634. Подделка надписи установлена С. Е. Маловым (см.: Малов. [Рец. на кн.:] *Orkun. Eski türk yazıtları*. 1948. P. 124).

К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ УЛАНКОМСКОЙ НАДПИСИ

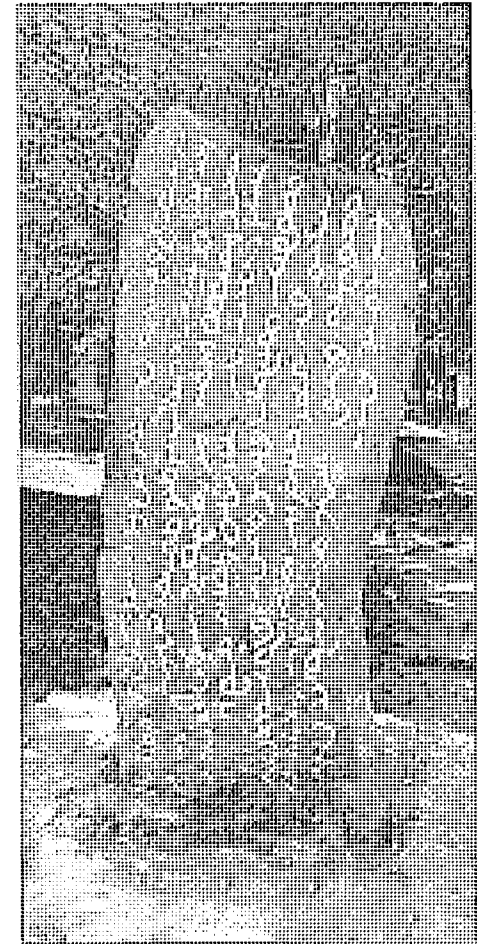
Древнеуйгурская надпись, публикуемая А. М. Щербак¹, историографически примыкает к группе «больших» рунических памятников Монголии. Упомянутое в ней сражение с тюргешами при р. Болучу произошло в 711 г. и подробно описано в памятниках Кюль-тегина (37–38), Бильга-кагана (28) и Тоньюкука (35–42)². О другом сражении при Болучу в начале 750-х гг. сообщает надпись уйгурского кагана Моюн-чура (Элетмиш Бильге-кагана), но его противниками были не тюргешы, а карлуки (25–26)³. В Уланкомской надписи сражение при Болучу датировано «полным годом». Такого рода датировки чужды летосчислению древнетюркских памятников с их двенадцатилетним животным циклом и связаны с китайским летосчислением⁴. Согласно китайскому лунному календарю, каждый четвертый год имеет дополнительный месяц и является високосным, «полным». К числу «полных» лет относится и 711 г.⁵

Герой уйгурской надписи Богаз-тегин в конце 711 г.⁶ принимал участие в походе тюркского войска против тюргешей и, следовательно, был союзником (вассалом?) восточнотюркского Капаган-кагана. В предшествующие месяцы 711 г., когда отряды Тоньюкука и Могилян сражались с кыргызами в долине Енисея, Богаз-тегин совершил поход в Тибет и Тюнлюг. Это последнее название отождествимо с упомянутой Марко Поло «страной Тендюк» (в старофранцузской версии *Tanduc*, также *plain de Tanduc* «равнина Тандюк»; в латинской версии *Tenduc*), локализуемой в северной части Ордоса⁷. Чередование *l/d* в данной позиции с точки зре-

ния фонетики тюркских языков сомнения не вызывает. В конце VII — начале VIII в. северо-восточная граница Тибета находилась в непосредственной близости от Ордоса⁸, упомянутый в надписи поход в Тибет был, по всей вероятности, не более чем набегом на пограничный район. Отметим, что и предпринятый позднее Бильге-каганом поход в сторону Тибета не завершился проникновением на Тибетское плато. Поход Богаз-тегина возможно рассматривать в связи с готовившимся тогда походом против тюргешей — в этот период Тибет был наиболее сильным союзником Западно-тюркского каганата⁹.

Интересно упоминание об овладении Ярмаганом (строка 4: *ярмау[а]н*). Этот топоним может быть сопоставлен с названием двух тибетских городов на юге Восточного Туркестана и большого и малого Джармангана, зарегистрированного в персидском географическом сочинении X в. «Худуд ал-'Алам»; «джекающий» анлаут свидетельствует в данном случае о карлукском информаторе автора этого труда¹⁰.

Определение даты сражения при Болучу позволяет предположить следующую хронологию упомянутых в надписи событий:

Стела с надписью Богаз (Барс?)-тегина.
VIII в. Монголия

¹ Щербак. Надпись.

² Малов. Памятники. С. 32, 63; Он же. Памятники Киргизии и Монголии. С. 17. Номерами в скобках обозначены строки памятника.

³ Малов. Памятники Киргизии и Монголии. С. 36.

⁴ Marquart. Chronologie. S. 29–30; Pelliot. Neuf notes. P. 204–211; Pritsak. Bulgarische Fürstenliste. S. 26–27, 92–93.

⁵ Chen Yuan. A comparative daily calendar. P. 3.

⁶ О дате тюргешского похода см.: Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. С. 140; Thomsen. Turcica. S. 92–93.

⁷ Pauthier. Le livre de Marco Polo. P. 179, 208 (старофранцузская версия); Moule. Pelliot. Marco Polo. P. 181–181 (латинская версия); Yule. The Book. P. 284–286. Ср. также упомянутую в тексте памятника Кюль-тегина «Тян цзы» «равнину Тюн» (ПКТм, 6, 7).

⁸ Hoffmann. Tibets Eintritt. S. 269–272.

⁹ Chavannes. Documents. P. 179–192.

¹⁰ Бартольд. Худуд ал-'Алем. Л. 1 об.; о локализации Джармангана: Minorsky. Hudud al-'Alam. P. 93, 259. В. Ф. Минорский локализует Джарманган юго-восточной части Хотанского оазиса, где на одном из древних поселений А. Стейном найдены китайские монеты 713–783 гг. (Stein. Ancient Khotan. P. 233).

Событие	Хронология надписи	Дата
Поход в Бур-Улуг	Возраст Богаз-тегина — 17 лет	708 г.
Поход в Оги-Сунуту-Тытам и Чон	Возраст Богаз-тегина — 17 лет	710 г.
Овладение Ярмаганом	То же	710 г.
Поход в Тибет и Туилуг	«Полный год»	711 г.
Сражение с тюргешами при Болучу	«Полный год»	711 г.
Поход в Омус	Возраст Богаз-тегина — 21 лет	712 г.

Употребление в Уланкомской надписи уйгурского курсива и китайской системы летосчисления свидетельствует о связи Богаз-тегина и его соплеменников с восточно-туркестанскими городами. Возможно, они принадлежали к племени шато, которое в начале периода сянь-тянь (вторая половина 711 г.), «уклоняясь от тибетцев», переселилось из района Баркуля в округ Бешбалыка¹¹. Палеография Уланкомской надписи показывает также, что уже в начале VIII в. — эпоху расцвета рунического письма — уйгурский курсив начинает соперничать с руникой и в лапидарной графике¹².

ПО ПОВОДУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЛАНКОМСКОЙ НАДПИСИ

Журнал «Советская археология» (1963, № 1) опубликовал статью Л. Н. Гумилева, посвященную критике моего опыта интерпретации Уланкомской надписи. Критические замечания Л. Н. Гумилева не аргументированы, что делает дискуссию с ним малопродуктивной. Однако в интересах научной истины я считаю необходимым дать читателям журнала «Советская археология» некоторые разъяснения.

Л. Н. Гумилев не понял, что расхождение в определениях «уйгурская надпись» и «надпись, относящаяся к тюркскому времени» — мнимое. А. М. Щербак, переводчик надписи, назвал ее «уйгурской», имея в виду графическую систему — согдийское курсивное письмо. Как уже было отмечено, наименование «уйгурская» для этой системы письма неправильно, но традиционно в тюркологических работах¹. Только на основании алфавита назван и язык памятника, хотя по лексике и другим особенностям «данная надпись примыкает к орхоно-енисейской эпиграфике». В то же время А. М. Щербак определил надпись как «древнейший образец согдо-уйгурской письменности у тюрков», а несколькими строками выше назвал этих тюрков «восточными». Л. Н. Гумилев напрасно ищет подтверждение своим взглядам в «расхождениях» первых исследователей памятника.

По мнению Л. Н. Гумилева, «в интерпретации С. Г. Кляшторного основное место занимает собственное впечатление, опирающееся на солидную библиографию», которое «родилось как ассоциация, вызванная привычным звучанием тех или иных тюркских слов». В моей статье отождествлено три из семи упомянутых в надписи топонимов. Поскольку иных «звучаний тюркских слов» и связанных с ними ассоциаций там нет, остается предположить, что суждение Л. Н. Гумилева о методической стороне моей работы основано на этих отождествлениях.

Одно из них (Ярмаган–Джармаган), по заявлению Л. Н. Гумилева, «безусловно правильно». Между тем это отождествление — не более чем гипотеза, из которой я не делаю никаких дальнейших выводов.

¹¹ Chavannes. Documents. P. 98, 99.

¹² Ср.: Кляшторный. К вопросу о подлинности. С. 174.

¹ Henning. Mitteltiranisch.

Второе отождествление — реки Болучу надписи с рекой Болчу орхонских памятников (в орхонской письменности гласная в анлауте обычно не обозначалась) — также не подвергается сомнению Л. Н. Гумилевым. Более того, он приводит мнение Г. Е. Грумм-Гржимайло, локализовавшего на основании одного из орхонских памятников р. Болчу (Болучу) в северо-восточной Джунгарии.

Решительные возражения Л. Н. Гумилева вызвало третье отождествление — Тюнлюка надписи с Тендюком Марко Поло. Л. Н. Гумилев не ставит, естественно, под сомнение тождество обоих названий с точки зрения исторической фонетики тюркских языков. Его возражения вызвали разделяемые мною выводы Г. Юля, П. Пельо и других специалистов, локализовавших Тендюк в северной части Ордоса и прилегающей к Ордосу с севера части провинции Суйюань. Л. Н. Гумилев локализует Тендюк на берегах Селенги, Шилки и Аргуни, т. е. в Восточной Сибири. Этому можно было бы поверить, если бы Л. Н. Гумилев не упустил из виду, что Марко Поло («Книга», I, гл. 74) посетил Тендюк на пути из Синьцзяна в Ханбалык (Пекин). Хорошо установленный на основании собственных записей путешественника маршрут Марко Поло пролегал через Тендюк приблизительно в полутора тысяче километров южнее того места, где Л. Н. Гумилев поместил эту страну.

Позволительно спросить, какую силу имеют критические суждения Л. Н. Гумилева о моем методе, совершенно безапелляционные по тону, если из трех отождествлений, сделанных на основе этого метода, два принято им безоговорочно, а третье отвергнуто лишь по неосведомленности?

Далее Л. Н. Гумилев искажает мой текст, уверяя читателя, что по моей интерпретации маршрут Ярмаган–Тюнлюк–Болучу герой надписи Богаз-тегин проделал за один год. «Какие лошади могли бы выдержать такой маршрут по пустыням и горам?!» — восклицает Л. Н. Гумилев. Между тем в тексте моей статьи говорится о походах двух лет (710 и 711 гг.)³.

Критику Л. Н. Гумилева вызвала предложенная мною дата упомянутого в надписи сражения с тюркешами — 711 г. Л. Н. Гумилев полагает, что «полный год», когда, согласно надписи, произошло сражение (по лунному календарю — 711 г.), сопоставим с совершеннолетием Богаз-тегина, которому исполнилось 20 лет, а потому дата по лунному календарю не имеет значения для датировки. Однако из древнетюркских памятни-

³ Путь от Куку-Хото до Гучена, почти совпадающий с маршрутом Богаз-тегина в 711 г. (Тюнлюк-Болучу), караван О. Лэттимора прошел за 4 месяца (Lattimore. Desert road) — Конные отряды, следующие этим издавна известным торговым трактом, пролегающим в обход тяжелых песков, проходят маршрут значительно быстрее.

ков известно, что совершеннолетие, отмечаемое наречением «мужского (геройского) имени», наступало у тюрков до 16 лет (памятник в честь Кюль-тегина, строки 30, 31). Уланкомский памятник начинается упоминанием, что его герой уже носил «мужское имя», прежде чем ему исполнилось 17 лет.

Другой аргумент, опровергающий, по мнению Л. Н. Гумилева, мою датировку, связан с толкованием титула «тегин». Рассуждение Л. Н. Гумилева таково: титул *тегин* означает только «наследник престола»; в государстве может быть лишь один наследник — *тегин*; поскольку в 711 г. наследником был Могилян, а не Богаз-тегин, дата неприемлема. От внимания Л. Н. Гумилева ускользнуло описание похорон сподвижника Могиляна, Кули-чора, на которые явились сразу пять «тегинов» (памятник в честь Кули-чора, строка 24). Очевидно, что титул *тегин* никогда не означал «наследник престола», а лишь фиксировал принадлежность к ханскому роду.

Наконец, Л. Н. Гумилев утверждает, что замена рунического алфавита курсивом произошла в 763–765 гг., «когда Уйгурия обратилась в манихейство». Однако тюркские племена Центральной Азии использовали согдийский («уйгурский») курсив задолго до упомянутой Л. Н. Гумилевым даты³. Сами же уйгуры до переселения в Восточный Туркестан (840–845) пользовались руническим письмом.

Несколько слов по поводу собственного вклада Л. Н. Гумилева в интерпретацию Уланкомской надписи. Мне не удалось идентифицировать четыре топонима, упомянутых в надписи, и я ограничился лишь датировкой связанных с этими пунктами событий. Л. Н. Гумилев решает всю проблему в нескольких словах: Бур — это Бугур, Тытам — Циктам, Чон — Чанги, Омус — Хэмо. Аргументы Л. Н. Гумилева? Их два: а) «эти топонимы вскрываются очень легко»; б) «все эти пункты лежат близко друг к другу». И далее, опираясь на эту «идентификацию», Л. Н. Гумилев «естественно предполагает», «что военные операции происходили в Южной Джунгарии, где в 795–805 гг. уйгурский хан Кутлуг вел успешную войну с тибетцами», что «уйгуры воевали с тибетцами и подавляли тюркешей в Джунгарии». Из сохранившихся частей Карабалгасунской надписи известно, что Кутлуг воевал с тибетцами за Бешбалык и Кучу, но союзниками тибетцев были не тюркешы, а карлуки. Еще в 50-х гг. VIII в. карлуки вытеснили тюркешей из северо-восточной Джунгарии, и уйгурский каган Моюн-чор уже тогда сражался на берегах Болучу не с тюркешами, а с карлуками. Для оправдания своего построения Л. Н. Гумилев делает «поправку» к переводу А. М. Щербака: «Тибет — название не места, а народа

³ Малов. Памятники.

(тибетцев)». Превращение хорошо известного топонима в этноним невероятно для древнетюркской письменности (ср.: «Табгач» «Китай», но «китайцы», «китайский народ» — только «табгач бодун»).

Как можно видеть, ни одно из утверждений Л. Н. Гумилева не выдерживает проверки фактами, и я предоставляю самому читателю судить о «научном методе» моего критика.

РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТАЛАСА: ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ И ТОПОГРАФИИ

В 1987 г. К. М. Байпаков передал мне фотоснимки и рисунок фрагмента каменной зернотерки с выбитой на верхней плоскости рунической надписью. Этот осколок был обнаружен на городище Джуван-тобе, расположенном в 15 км к западу от городища древнего Тараза, на берегу р. Талас. В конце 1930-х гг. Джуван-тобе было обследовано А. Н. Бернштамом, который и отождествил это городище с раннесредневековым городом Атлахом, впервые упоминаемым арабскими источниками в связи с событиями середины VIII в.¹ В XI в. Атлах упоминается Махмудом Кашгарским как город близ Тараза². Единственное краткое описание Атлаха содержится в сочинении ал-Макдиси (X в.): «Атлах — большой город, приближается по площади к главному городу, вокруг него стена. Большая часть его — сады, а в рустье его преобладают виноградники. Соборная мечеть в медине, а рынки в рабаде»³.

Отождествление, предложенное А. Н. Бернштамом, оспорил Л. И. Ремпель⁴, что создало отмечаемую исследователями неопределенность в решении проблем исторической топографии Таласской долины⁵. Между тем городская культура этого района была весьма интенсивна: в X в., по сведениям арабских географов, здесь насчитывалось 12 городов⁶, и корреляции между современной археологической картой и историко-топографическими сведениями аутентичных письменных источников весьма важны для исторических реконструкций. Счастлившую возможность проверки обеих предложенных гипотез дала находка рунической надписи на городище Джуван-тобе. Эта надпись, состоящая из пяти знаков, выполненных в обычной для таласских рунических памятников палеографической манере, хотя и более тщательно, читается без труда и содержит

¹ Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. С. 175–176; *Он же*. Обзор.

² Волин. Сведения. С. 83.

³ Там же. С. 80.

⁴ Ремпель. Археологические памятники. С. 71–72.

⁵ Беленицкий, Бентович, Большаков. Средневековый город Средней Азии. С. 206.

⁶ Бартольд. Отчет о поездке. С. 34–35.

одно слово — *atlay* (Атлах), букв. «место переправы, перевала» (из тюрк. *атла*- «перешагивать», «переступить»).

Это подтверждает как чтение самого названия города, до того известного только в написании арабской графикой, так и, что особенно важно, правильность историко-топографических отождествлений, предложенных для долины р. Талас А. Н. Бернштамом. Джуван-тобинская надпись — первая из найденных здесь непосредственно на территории древнего города, и это обстоятельство указывает на более широкую сферу применения тюркского рунического письма в городах Таласской долины и прилегающем регионе⁷.

Другая группа рунических граффити, выбитых на скальных поверхностях в Таласском Ала-тоо, зафиксирована в ущельях рек Терек-сай (четыре надписи из нескольких знаков каждая) и Куру-Бакайыр (две надписи)⁸. Одна из Куру-Бакайырских надписей передает тюркским руническим письмом слово *šarğa* (из согдийского *šrwn*, *srwn* «лев»), с закономерной утратой при адаптации в тюркском конечного билабиального *w*. Здесь этим словом, еще раз знаменующим плотность тюрко-согдийских связей в Семиречье, обозначено имя (часть имени?), и оно точно калькирует распространенное в карлукско-караханидской среде имя-титул *арслан*. Не только выбор алфавита, но и форма языковой адаптации слова свидетельствуют о том, что исполнителем граффити был тюрк, а сама надпись вряд ли может быть датирована временем ранее IX–X вв. Вторая надпись, несколько отличная по духу, содержит имя-титул *кут-чор*. Именно титул *чор* связывает эту случайную посетительскую надпись с самой большой группой рунической эпиграфики Таласа — сравнительно крупными тюркскими текстами на камнях-валунах.

В 1896 и 1898 гг. известный туркестанский краевед В. А. Каллаур с помощью нескольких местных жителей обнаружил в урочище Айртам-Ой, что в предгорьях Таласского Ала-тоо, в восьми верстах от села Дмитриевского (ныне г. Талас), три камня-валуна с тюркскими руническими надписями. В 1898 г. еще два таких же камня обнаружила археологическая экспедиция Финно-Угорского общества во главе с Г. Гейкелем. Шестой валун с надписью в том же урочище Айртам-Ой был найден лишь в 1961 г. П. Н. Кожемяко. После тщательного археологического обследования местности в последние два десятилетия были обнаружены еще шесть камней с надписями. Таким образом, по подсчетам Ч. Джумангулова, в урочище Айртам-Ой или поблизости от него было обнаружено двенадцать камней-валунов с руническими надписями⁹.

⁷ Бартольд. Обзор.

⁸ Джумангулов, Кляшторный. Наскальная эпиграфика. С. 78–81.

⁹ Массон. К истории открытия. С. 3–17; Джумангулов. Эпиграфика Киргизии. С. 8–20.

Археологическое изучение местности, впервые после работ финских археологов, было проведено П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винником. Все найденные в Айртам-Ой валуны с надписями, а также два обнаруженных там же древнетюркских каменных изваяния оказались привязаны к частично уничтоженному позднейшими строительными работами курганному могильнику, который по конструктивным особенностям датируется Д. Ф. Винником VI–VIII вв. В X в. часть территории могильника использовалась для застройки — там было сооружено небольшое караханидское укрепление (ныне городище Кескен-тобе), определяющее верхнюю дату погребальных сооружений и связанных с ними надписей. При шурфовке мест находки восьмого и девятого камней установлено, что они находились под культурным слоем караханидского времени, а один из камней был заложен в фундамент постройки той эпохи. Все это свидетельствует о достаточно большом разрыве во времени между периодом создания памятников письма и периодом сооружения караханидского укрепления (X в.)¹⁰.

Вся группа эпитафийных рунических памятников Таласа палеографически совершенно единообразна. Самый значительный по объему текст (по принятой нумерации — второй памятник) насчитывает около 140–150 знаков, часть из которых разрушены. Другие надписи значительно короче и зачастую трудны для чтения из-за плохой сохранности. Типологически таласские письменные памятники близки к эпитафийной енисейской рунике, но значительно уступают ей в стилистическом и литературном отношении. Их письмо менее выработано и заметно отличается от письма енисейских памятников. Содержание и терминология таласских памятников зачастую не вполне понятны без знания утраченных реалий. Все эти обстоятельства делают датировку таласских надписей по палеографическим и текстологическим основаниям весьма трудной, что отразилось в специальной литературе. Так, С. Е. Малов, по традиции, идущей от финских археологов, датирует памятники V в. Таково мнение и многих других тюркологов. Впрочем, сам С. Е. Малов оговаривает, что «все эти памятники не новее VIII в.»¹¹. Напротив, Л. Р. Кызласов датирует надписи на таласских валунах IX–X вв.¹² А И. В. Кормушин относит таласские памятники, «по всей видимости, к караханидскому времени», т. е. к X–XII вв.¹³ Таким образом, предложенные в литературе датировки

¹⁰ Винник. Новые эпиграфические памятники. С. 94–99; Кожемяко. Оседлые поселения. С. 184–186.

¹¹ Малов. Енисейская письменность. С. 63.

¹² Кызласов. История Тувы. С. 186.

¹³ Кормушин. К основным понятиям тюркской палеографии. С. 47.

расходятся на 500–700 лет, от V до XII в. Однако две последние оценки находятся в явном противоречии со стратиграфическими наблюдениями П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винника.

Между тем анализ употребляемой в памятниках титулатуры на фоне истории западнотюркских государств, коррелятивной связи енисейских и таласских текстов, учет практически полной однородности таласских памятников — все это позволяет предположить достаточно обоснованную датировку группы таласских надписей¹⁴.

Высшим титулом, который носили покойные князья, чьи эпитафии воздвигнуты вместе с изваяниями на погребальных курганах в урочище Айртам-Ой, был, судя по надписям, титул *чор*. Этот титул, вероятно, наследовался по прямой линии. Так, согласно второй и четвертой надписям, именно сын наследовал от отца титул *чор*. Наиболее характерным атрибутом этого титула было слово *кара* («черный»).

В эпоху Западнотюркского каганата областью Таласа, как и всей западной частью государства, владели племена из союза нушиби¹⁵. Вожди этих племен носили титул *иркин*, а титул *чор*, более высокий в иерархии, носили вожди из союза дулу, владевшие восточной частью каганата. С приходом к власти тюркешской династии (самый конец VII в.), которая вышла из племенного союза дулу, титул *чор* стал употребителен на всей территории нового государства. Со времен Чабыш-чора Сулука (716–738) слово *чор* вошло в царскую титулатуру. Союз тюркешских племен подразделялся на две фратрии — «черных» и «желтых» тюркешей. Первые тюркешские князья Уч-элиг (699–706) и Сакал (706–711) были из «желтых» племен; Чабыш-чор Сулук стал первым князем из «черных» тюркешей, он ввел слово *кара* в свою титулатуру. Именно при Сулуке в Таразе утвердился кара-тюркешская династия, боковая ветвь ханского рода, высшие представители которой именовались титулом *чор* (*кара-чор*). С согласия сына Сулука, Тахварсен Кут-чора (738–739), местная династия сохранила за собой прежние владения. Однако в 740 г. князья из «черных» тюркешей погибли в борьбе с танскими войсками. Неясно, сумели ли их потомки восстановить власть прежней династии в период 741–766 гг. В 766 г. Тараз был захвачен карлуками и остатки тюркешей покинули Таласскую долину.

Таким образом, наиболее вероятный отрезок времени, к которому могут быть отнесены таласские эпитафии, приходится на период правления

Сулука и его сына Тахварсена, т. е. на 716–739 гг., хотя нельзя полностью исключить несколько последующих десятилетий (до 766 г.). Одна из эпитафий (текст № 2) может быть датирована более точно, так как этот текст содержит дату по циклическому календарю: «в (год) обезьяны 17-го (дня)». Упоминание месяца сокращено, но, возможно, речь идет о первом месяце, который обычно не называется. Год Обезьяны приходится в упомянутый отрезок времени на 720 и 732 гг.

Кара-тюркешская династия, основанная Сулуком, в енисейской эпиграфике названа «(династией) кара-ханов»¹⁶. В течение долгих лет обитая на восточных рубежах Западнотюркского каганата, тюркешы были соседями Кыргызского государства на Енисее. Именно у восточных соседей они заимствовали обычай создания камнеписных эпитафий покойным князьям и перенесли его в Семиречье. Там этот обычай просуществовал с некоторыми изменениями в типологии надписей до середины VIII в., и нет свидетельств, что он пережил тюркешскую династию.

¹⁴ Джумагулов. Эпиграфика Киргизии.

¹⁵ Библиографию работ, посвященных затрагиваемым проблемам истории Западнотюркского каганата и тюркешей, а также вопросам генеалогии и хронологии, см.: *Классический. Генеалогия*. С. 164–170.

¹⁶ Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 59, 67.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ТЯНЬ-ШАНЕ

В 1998 и 2000 гг. кыргызские археологи Куват Табалдиев и Ораз Солтобаев в ходе археологических работ в Кочкорской долине (Центральный Тянь-Шань) обнаружили новую группу рунических надписей на камнях-валунах. К настоящему времени открыто восемь памятников с девятью текстами разной степени сохранности.

Кочкорская долина расположена на высоте 1900–2200 м, в верховьях р. Чу и обильно орошена многочисленными притоками этой реки. Длина долины около 80 км, ширина до 20 км. Долина замкнута в кольцо снежных хребтов — Киргизского на севере и северо-западе, Джумгала на юге и Терской Ала-Тоо на востоке. К ним примыкают вторгающиеся в долину мелкие горные цепи. Долина р. Чу открывает Кочкорскую равнину к юго-западному берегу Иссык-Куля, туда, где в древности пролежала одна из основных трасс Великого шелкового пути.

Кочкорская долина насыщена погребальными и поминальными памятниками древнетюркского времени (VI–X вв.), в исследовании которых основная заслуга ныне принадлежит К. Табалдиеву¹.

Валуны с руническими надписями обнаружены в юго-восточной части долины, в местности Кок-Сай, у подножья горной цепи Укок, на высоком берегу сухого древнего русла. Кроме камней с текстами, обнаружены камни с многочисленными силуэтными изображениями горных козлов, архаров, двугорбых верблюдов, всадников и пеших охотников, стреляющих в зверей из лука. Надписи выработаны сплошной или точечной выбивкой. Для надписей были использованы наиболее массивные камни. Все надписи сопровождаются одинаковой тамгой, а некоторые из них и наскальными рисунками.

В августе 2000 г. К. Табалдиев передал мне эстампажи надписей и несколько фотографий для изучения и публикации, а также справку о местоположении памятников. Далее я излагаю первые результаты своего исследования. Я следую нумерации текстов, принятой К. Табалдиевым.

Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане

Текст 1. Длина надписи 1 м, высота знаков 15 см. Четко прослеживается 8 знаков, под надписью — тамга.

Транскрипция: *r *r'm *d'γ on *q...

Перевод: Мое мужское имя — Адык («Медведь»). Десять стрел...

Текст 2. На массивном удлиненном камне прослеживается антропоморфный силуэт в длинном одеянии. Слева от него — тамга, аналогичная первой, а также изображения лошади и птицы. Ниже тамги и изображений

¹ Табалдиев. Курганы.

надпись длиной 3 м, высота знаков 25 см. Часть знаков подверглась эрозии, надпись недостаточно разборчива для уверенного чтения.

Текст 3. На массивном камне высотой более двух метров выбито изображение всадника в пластинчатом панцире, с боевым топором за поясом. На правой руке всадника сидит на привязи (изображены свисающие концы веревки) длиннохвостая птица, левой рукой удерживаются поводья узды. Круп лошади покрыт ковровой попоной, седло отсутствует, всадник сидит, свесив ноги, вплотную к шее коня. Конь высокий, с длинной шеей, маленькой головой и поджарым крупом. Справа и выше всадника — руническая надпись длиной 75 см, высота знаков до 17 см. Отчетливо прослеживаются три знака, еще 5 знаков повреждены.

Транскрипция: *r *t'm *d'γ on °q...

Перевод: Мое мужское имя Адык. Десять стрел...

Текст 4. Двухстрочная надпись нанесена точечной выбивкой на восточную поверхность массивного валуна. Длина верхней строки 1,25 м, нижняя несколько короче и сохранилась не полностью, высота знаков до 20 см. Выше надписи — тамга, аналогичная предыдущим.

Транскрипция: (1) munda ilg* rü *b q°š(q°š?)

(2) *r *t'm *d'γ on °q

Перевод: Там впереди (т. е. на востоке) становище (кочевье).

Мое мужское имя Адык. Десять стрел...

Вариант перевода стк. 1: Там, на востоке, граница (кочевья, становища?).

Текст 5. Надпись нанесена сплошной резьбой на боковую поверхность массивного удлиненного валуна. Длина надписи 2,26 см, высота знаков от 17 до 21 см. Сохранилось 18 знаков, однако инициальные и финитные знаки эрозированы и прослеживаются нечетко. Выше начальной части надписи — изображение тамги, аналогичное предыдущим.

Транскрипция: ... (нечетко 4 знака) *r *t'm *d'γ on °q jer j°r°š°m°z

Перевод: Мое мужское имя Адык. Мой (наш?) Ярыш в стране десяти стрел.

Текст 6. На обратной стороне того же камня следы двух знаков. Не разборчиво.

Текст 7. Надпись на валуне удлиненной формы. Длина надписи 2 м, высота знаков 18 см. Прослеживаются 13 знаков. В финитной части надписи видны следы еще одного знака. Выше первого знака надписи — тамга, аналогичная предыдущим.

Транскрипция: *r *t'm *d'γ on °q (словоразделитель) j °r°š°m°z

Перевод: Мое мужское имя Адык. Наш Ярыш (в стране) десяти стрел.

Текст 8. Массивный пирамидальный валун с надписью из 5 знаков. Высота знаков до 22 см.

Транскрипция: j°r°š°m°z

Перевод: Наш Ярыш.

Текст 9. Надпись из 5 знаков по поверхности валуна. Высота знаков до 22 см.

Транскрипция: j°r°š°m°z

Перевод: Наш Ярыш.

Итак, выявлена новая группа рунических памятников, по репертуару знаков и типу письма совершенно идентичная таласской группе надписей. От надписей Таласа новые находки палеографически отличает лишь направленность строк и размеры знаков. В таласских надписях на камнях-валунах принято круговое расположение текста, в кочкорских — горизонтальное линейное, с вертикальным расположением строк. Характерны для кочкорских надписей необычно крупные знаки, это как бы «плакатное» письмо, хорошо видимое сверху с высоты 1,5–2 м, т. е. предназначенное для чтения человеком, сидящем на коне. Тем не менее палеографическая идентичность обеих подгрупп позволяет отнести их к одной письменной традиции и датировать одной эпохой. Время создания таласских надписей уже было установлено мною — 716–739 гг., т. е. вторая половина периода существования в Семиречье и на Тянь-Шане Тюркешского каганата, сохранившего старое название «государство Десяти Стрел»². Кочкорские надписи, как и таласские, являются письменными памятниками Тюркешского эля.

Вместе с тем кочкорские надписи функционально совершенно иные, чем таласские. Памятники Таласа — эпитафии, поминальные надписи, типологически подобные кыргызским эпитафиям Енисея. Среди кочкорских надписей нет ни одной эпитафии, они принадлежат к совершенно иному классу тюркской руники. Впервые этот класс наскальных надписей был выделен мною в 1978 г., при публикации Хэнтэйской надписи из Северо-Восточной Монголии³. Еще несколько подобных надписей были открыты мною в Южной Гоби (готовятся к публикации). Все они привязаны к территории зимних кочевий и содержат три обязательных элемен-

² Klyashtorny. The date; Кляшторный. Рунические памятники.

³ Кляшторный. Наскальные надписи.

та: имя создателя надписи, его родовую тамгу и название местности. Иногда (в Хэнтэйской надписи) вместо названия места указывается год стоянки (по двенадцатилетнему циклу).

Все эти надписи являются своего рода памятниками обычного права кочевников. Согласно существовавшим среди тюркских и монгольских племен нормам землепользования, право на постоянное или преимущественное пользование зимниками определялось сроком давности пользования и свидетельствовалось какими-либо знаками прежнего пребывания. У казахов, например, еще в прошлом веке таким знаком мог быть воткнутый в землю шест или родовая тамга, начертанная на глине вблизи кошары. Очевидно, что наиболее убедительным свидетельством был своего рода камнеписный документ, превращавшийся в часть местного ландшафта и указывающий, кто и когда (или сколько раз) пользовался здешними угодьями. Поэтому одна и та же формула многократно, скорее всего ежегодно, повторялась, а сами надписи высекались на видном месте крупными знаками и были предельно кратки.

Однако кочкорские надписи имеют еще одну особенность. Там, где знаки видны полностью, сохранилось древнее название Кочкорской долины — Ярыш; отмечается ее принадлежность «стране десяти стрел», т. е. государственная отнесенность, и употреблена форма принадлежности множественного числа — «наш Ярыш». Хозяин долины, «муж-воин Адык», говорит как бы от имени государства. Что скрывается за словами Адыка?

В годы создания таласских и кочкорских памятников к западу от Сырдарьи в войнах с арабами решалась судьба Средней Азии. Жители Согды и Хутталя все еще отстаивали свою независимость и свои древние верования. Их союзниками в сопротивлении исламу были тюркешы. Все перипетии борьбы подробно описал великий арабский историограф ат-Табари (IX в.). В его «Истории» среди прочих деталей содержится рассказ о том, как тюркешский каган собирал и готовил к походу свое огромное войско. Вот рассказ ат-Табари:

«Хакан приказал своим готовиться к войне. А у хакана были во владении луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, ибо они были оставлены для (подготовки) к войне. Пространство, которое занимал этот луг, было в три дня (пути) и заповедника в горах — три дня. И люди стали готовиться (к походу). Они выпустили пастись свои стада (на заповедный луг), стали дубить шкуры убитых на охоте животных и делать из них сосуды, стали изготавливать луки и стрелы»⁴.

Сохранилось только одно описание из жизни военного лагеря тюркешей. И хотя место происходившего не указано, нет сомнений, что речь

идет о каганском заповеднике — куруке. В годы правления омейядского халифа Хишама (724–743) была сделана попытка предотвратить войну с тюркешами, обратив тюркешского кагана в ислам. Для этого в ставку кагана было направлено посольство. Точная дата этой дипломатической миссии неизвестна, но сохранился рассказ историка Ибн ал-Факиха (начало X в.), сокращенно изложенный в географическом труде Йакута «Муджам ал-булдан»:

«Посол рассказывает об этом: “Я получил аудиенцию (у кагана), когда тот своею рукой делал седло. Каган спросил толмача: кто это? Тот ответил: посол царя арабов. Каган спросил: мой подданный? Толмач ответил: да. Тогда он велел отвести меня в шатер, где было много мяса, но мало хлеба. Потом он велел позвать меня и спросил: что тебе нужно? Я ему стал льстить, говоря: мой господин видит, что ты находишься в заблуждении, и хочет дать тебе искренний совет — он желает тебе принять ислам. Каган спросил: а что такое ислам? Я рассказал ему о [религиозных] правилах, о том, что ислам запрещает и что поощряет, о религиозных обязанностях и о службе богу...”»⁵.

В тексте Йакута здесь пропуск. В полном тексте Ибн ал-Факиха, сохранившемся в мешхедской рукописи, каган спрашивает: кто мусульмане? И посол отвечает, что они — жители городов, и есть среди них банщики, портные, сапожники.

«Тогда каган велел мне подождать несколько дней. Однажды каган сел на коня, и его сопровождали 10 человек, каждый из которых держал знамя. Он велел мне ехать с ними. (Вскоре) мы достигли окруженного рощей холма. Как только взошло солнце, он приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть свое знамя, и оно засверкало (в солнечных лучах)... И появились десять тысяч вооруженных всадников, которые кричали: чах! чах! И они выстроились под холмом. Их командир выехал перед царем. Один за другим все знаменосцы разворачивали (на холме) свои знамена, и каждый раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников. И когда были развернуты все десять знамен, под холмом стояли сто тысяч вооруженных с головы до ног всадников.

Тогда (каган) приказал толмачу: скажи этому послу и пусть он передаст своему господину: среди (моих воинов) нет ни банщика, ни сапожника, ни портного. Если же они примут ислам и будут выполнять все его предписания, то что же они будут есть?»⁶

Демонстрация войск «десяти стрел» выглядела достаточно убедительно, и арабы больше не пытались склонить кагана к принятию новой веры.

⁴ Ат-Табари. История ат-Табари. С. 242.

⁵ Йакут. Книга муджам ал-булдан. С. 839.

⁶ Цит. по: Marquart. Skizzen zur Völkerkunde. S. 289–291.

О подобных заповедниках-куруках, где тюркские и монгольские владельцы готовили войско к походу, впоследствии рассказал Рашид ад-дин. Где же был курук тюркешского хана? На этот вопрос отвечает надпись Тоньюркука.

В 711 г., после победы над енисейскими кыргызами, Тоньюрук готовился к большой войне с союзниками кыргызов — тюркешами. И он послал на запад своих разведчиков, чтобы те выяснили намерения тюркешского кагана. Вот что донес Тоньюркуку его разведчик: «на равнине Ярыш собралось десять тюменов войска (тюркешей)». А трое других разведчиков донесли, что все войско «десяти стрел» выступило в поход, и тюркешский каган приказал ему собраться на «равнине Ярыш»¹.

Сведения арабского историографа, рассказ Тоньюркука и наскальные надписи Адыка сошлись и совпали. Великим куруком тюркешских каганов, сборным пунктом их армии и отправной точкой походов была Ярышская равнина, ныне именуемая Кочкор. Лишь два конных перехода по долине Чу (через Боамское ущелье) отделяли Ярыш от столицы кагана Суйаба. Таков исторический контекст новой находки кыргызских археологов.

КИПЧАКИ В РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Народы от имен не начинаются, но имена народам дают. Иные от самих себя и от соседей единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных.

Ломоносов. Древняя Российская история

Более тысячи лет назад в сочинениях разноязыких авторов появилось название племени, именовавшегося на Руси половцами, в Центральной Европе — команам, а на Востоке — кипчаками¹. Мусульманские историографы и русские летописцы знают кыпчаков-половцев как племя многочисленное и сильное, именем которого стала называться вся Великая степь — Дешти-и Кыпчак («Половецкое поле»). Нет, однако, ни одного повествования того времени, где бы рассказывалось о прошлом кыпчаков. Даже легенды о происхождении кыпчаков, призванные объяснить сам этноним, возникли, по словам В. В. Бартольда, «в более поздней народной и ученой этимологии»².

Отсутствие каких-либо упоминаний о кыпчаках ранее VIII–IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники³. Для проверки этого предположения вернемся к самому раннему случаю фиксации этнонима *кыпчак*.

В 1909 г., во время своего путешествия по Монголии, Г. Рамстедт обнаружил в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, стелу с руническим текстом. Первооткрыватель назвал памятник «надписью из Шине

¹ О кипчакской этнонимии см.: *Pritsak. The polovcians and Rus.* P. 321–335. Наиболее тщательный этимологический анализ этнических терминов, связанных с кыпчаками, см.: *Кононов. К этимологии этнонимов.* С. 159–166.

² *Бартольд. Кипчаки.* С. 550.

³ Попытка реконструировать название упомянутого Сыма Цянем (II в. до н. э.) племени цюйше как *кыпчак* (*Бернштам. Древнейшие тюркские элементы.* С. 154) не оправдана фонетически (консультация С. Е. Яхонтова).

¹ *Малов. Памятники.*

Усу», или, в другом месте, «Селенгинским камнем». Надпись оказалась частью погребального сооружения Элетмиш Бильге-кагана (747–759), одного из создателей Уйгурского каганата (744–840)⁴. Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с тюркскими каганами в 742–744 гг.

В четвертой строке на северной стороне стелы Рамстедт прочел: *tör... b^ač^q ālig jyl olurmyš*, а в примечании отметил: «возможно и чтение *tür[k]* [qy]bčaq»⁵. В русском переводе надписи автор более уверенно интерпретировал начальную часть строки: «Когда турки-кипчаки властвовали [над нами] пятьдесят лет...»⁶. Действительно, в 691–742 гг. тюрки были сюзеренами токуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

Реконструкция Рамстедтом племенного названия кыпчак в эпитафии Элетмиш Бильге-кагана не вызвала доверия у наиболее осторожных исследователей. Во всяком случае, В. В. Бартольд, П. Пельо и В. Ф. Минорский в своих работах о кыпчаках, игнорируя чтение Рамстедта, предпочли отнести первое упоминание этнонима к списку тюркских племен у Ибн Хордадбека (IX в.)⁷. Позднее, впрочем, чтение Рамстедта безоговорочно принималось многими филологами и историками.

Эстампажи надписи из Шине Усу, изготовленные Рамстедтом, ныне хранятся в Рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Обращение к ним не прояснило чтения начальной части четвертой строки. От предполагаемого *qbčq* (*qybčaq*) сохранились лишь два последних знака: *čq*. Поэтому во время полевых работ в Монголии в 1974–1975 гг. вместе с моим монгольским коллегой М. Шинеху я ревизовал чтение надписи⁸. Мы оба пришли к заключению, что чтение первого слова как *türk*, безусловно, верно, а реконструкция [qy]bčaq, судя по следам знаков, сохранившихся в подвергшейся эрозии части строки, вполне обоснована.

Хотя предложенное Рамстедтом слитное чтение «турки-кипчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случаев слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, семантика каждого этнического имени строго определена

⁴ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften. S. 10–63; Ramstedt. Как был найден Селенгинский камень. С. 34–49. До восшествия на престол герой надписи носил имя, известное по китайским источникам как Молянь-чжо, поэтому появилось еще одно название памятника — «надпись Моюнь-чора». Это название, гибрид китайской транскрипции и реконструированного тюркского титула, во всех отношениях неточно и открывателем памятника не употреблялось.

⁵ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften. S. 13, 44.

⁶ Ramstedt. Как был найден Селенгинский камень. С. 40.

⁷ Бартольд. Кипчаки. С. 550–551; Pelliot. A propos des Comans. P. 148, 149; Minorsky. Hudud al-'Alam. P. 315.

⁸ Клишторный. Эпиграфические исследования. С. 580.

и не имеет расширительного значения. Поэтому, видимо, следует предпочесть обычное для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: «тюрки и кыпчаки (кывчаки)»⁹.

Совместное упоминание тюрков и кыпчаков в контексте, указывающем на их политический союз и военное единство (вместе властвовали над уйгурами), никак не проясняется сведениями других источников. Для поиска объяснения обратимся к тем руническим надписям, где тюрки упомянуты совместно с другими племенами.

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошоцайдамские памятники) называют рядом с *türk bodun* «тюркским племенным союзом» лишь многочисленный и могущественный племенной союз токуз-огузов. Рассказывается о его покорении в 687–691 гг. и о войнах с ним в 714–715 и 723–724 гг.¹⁰ Оба племенных союза никоим образом не отождествляются. В племенном союзе токуз-огузов господствовали «десять уйгурских (племен)» (*on uɣur*)¹¹. Именно вождь «десяти уйгуров» и глава «деяти огузов», Элетмиш Бильге-каган, называет время существования второго Тюркского каганата (681–744) пятидесятилетием господства над уйгурами «тюрков и кыпчаков».

Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трех тюркских каганов, повествующая о тех же событиях, что и Кошоцайдамские тексты, совершенно иначе обозначает правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он, так же как и автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь «тюркский племенной союз». Но с момента восстания тюрков и образования тюркского государства в «земле Отюкен», т. е. после переселения в Хангай, в Северную и Центральную Монголию, обозначение *türk bodun* «тюркский племенной союз» заменяется обозначением *türk sir bodun* «тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)» (Т. 3, 11, 60–62). Коренная территория второго Тюркского каганата, Отюкенская чернь, названа «страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров» (Т. 3, 11, 60), но ее властелин именуется «тюркским каганом» (Т. 58). Вождя сиров в разрушенном контексте упоминает памятник из Ихе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамским текстам. Там он назван *sir irkin* «иркин сиров»¹². В заключи-

⁹ О соотношении *b/v* в рунических текстах см.: Clauson. Turkish and Mongolian studies. P. 77, 78.

¹⁰ Клишторный. Древнетюркская надпись. С. 90–102; Он же. Древнетюркские памятники. С. 41, 42.

¹¹ Hamilton. Toquz-oyuz et on-uyur. P. 39–41.

¹² Clauson, Tryjarsky. The inscription. P. 22; Tekin. A grammar. P. 258, 294.

тельной строке надписи Тоньюкука (Т. 62) «племенной союз тюрков и сиров» и «племенной союз огузов» поименованы как два отдельных объединения¹³.

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает и памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула, впервые правильно прочитанная Т. Текином, содержит обращение кагана к подданным, сохранившееся не полностью: [türk?] [altty] sir toqiz otuz eki ädiz kerekülüg begleri boduny... «...О, живущие в юртах беги и простой народ... [тюрков?], [ше]сти (племен) сиров, девяти (племен) огузов, двух (племен) эдизов!» (БКБ I)¹⁴. Автор надписи в честь Бильге-кагана Йоллыг-тегин в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к «бегам и простому народу» тех племен, чье отношение к династии определяло по меньшей мере целостность эля. Сирь здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племен. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Суммируем сведения рунических памятников о преобладающих в Тюркском эле племенных союзах.

Памятник	Племенные союзы	Политический статус
Памятник Тоньюкука, около 726 г., стк. 3, 11, 60–62	Тюрки и сирь	Господствующая группа племен
	Огузы	Подчиненная группа племен
Памятник Бильге-кагану, 735 г., вся сумма упоминаний названных племенных союзов	Тюрки Шесть сиров Девять огузов, два эдиза	Господствующее племя Второе в иерархии племя Подчиненные племена
Памятник Элетмиш Бильге-кагану из Шине Усу, 760 г., стк. 4	Тюрки и кыбчаки Уйгуры	Господствующая группа племен Подчиненные племена

¹³ Имеющиеся попытки толкования слова *sir* в надписи Тоньюкука как адъектива были убедительно отвергнуты вслед за В. В. Радловым, И. В. Кормушиным и Д. М. Насиловым; см.: Кормушин, Насилов. За научное глубокое изучение. С. 141–142. После выявления того же слова в одном из Кошодайдамских памятников и в надписи из Ихе Хушоту его семантика как этнонима уже не может быть подвергнута сомнению.

¹⁴ Tekin. A Grammar. P. 243. Упомянутые особо племена эдизов, входившие в огузскую конфедерацию, во время восстания тогуз-огузов в 723–724 гг. были опаснейшими врагами тюрков. Битва с ними отдельно оговорена при описании пяти решающих сражений с огузами (КТБ, стк. 44–49). Внутри огузской конфедерации эдизы небезуспешно соперничали с уйгурами, а в 795 г., уже в Уйгурском каганате, на какой-то срок сменили уйгурскую династию Ягларов. См.: Hamilton. Ouighours. P. 140.

Господствующую группу племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские памятники пользуются этнонимом *сир*, а уйгурский памятник — этнонимом *кыбчак*. Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия в их употреблении применительно к известному авторам надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

Представленный вывод требует проверки, т. е. ответа на вопросы: кто были сирь? Когда и где обитал этот племенной союз? Какие обстоятельства привели к слиянию тюрков и сиров в единую этнополитическую группу? Какова судьба сиров-кыбчаков в государствах тюрков и уйгуров?

Еще в 1899 г. Ф. Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена *се* и *яньто*, составившие конфедерацию *сеяньто* и вместе с *теле* и *туцзюэ* часто упоминаемые при описании событий первой половины VII в., по-тюркски именовались сирами и тардушами (*сир-тардуши*)¹⁵. Это предположение получило известное распространение, но уже в 1904 г. было решительно отвергнуто В. В. Бартольд¹⁶. В 1932 г. И. А. Клюкин доказал ошибочность отождествления этнонима *яньто* (*ямтар* орхонских надписей?) с названием военно-административного объединения (крыла) западных племен каганата — *тардуи*¹⁷. А вслед за тем П. Будберг, не отвергая уравнения *се/сир*, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом» (выражение Будберга)¹⁸. Было опровергнуто и другое ошибочное отождествление Хирта, толковавшего название племенного союза *теле* как древнетюркское *тёлис* — общее наименование объединения племен, живших на востоке каганата. Позднее выводы Будберга были подтверждены и развиты Э. Пуллиблэнком и К. Цегледи¹⁹.

Таким образом, было установлено, что: а) этноним, обозначенный в китайской транскрипции как *се* (*siet*), соответствует *sir* тюркского памятника; б) племя, именовавшееся в китайских источниках *сеяньто*, в надписи Тоньюкука названо *сир*.

Первые сведения о племенах *се* и *яньто* весьма фрагментарны. Яньто упомянуты среди гуннских племен, перекочевавших на территорию госу-

¹⁵ Hirth. Nachworte. S. 129–140.

¹⁶ Бартольд. Рецензия. С. 350–351.

¹⁷ Клюкин. Новые данные о племени тардушей и толисов. С. 91–98.

¹⁸ Boodberg. Three notes. P. 5–7.

¹⁹ Pulleyblank. Some remarks. P. 35–37; Czeglédy. Čojay-quzi, Qara-qum, Kök-Öng. P. 66.

дарства Раннее Янь (337–370), т. е. в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочевку подвластных ему 35 тыс. семей, правил, по всей вероятности, в 356–358 гг. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями, племенем се (сир), истребившим правящие роды яньто и подчинившим остальную часть племени. Новую конфедерацию возглавил правящий род сиров, Илиту (*Ильтэр)²⁰. В обозначении названия племенной группировки, существовавшей с IV–VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима и название господствующего племени сиров слилось с названием подчиненного племени. В тюркских памятниках соответственно законам древнетюркской этнонимии это механическое соединение двух имен отсутствует, там названо лишь главенствующее племя — сирь. Нет оснований полагать, что сами сирь сохраняли в самоназвании этнонимическое сочетание, обязанное своим возникновением этимологической тенденции китайской историографии.

После крушения империи жуань-жуаней (551 г.) сеяньто стали вассалами тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другие переселились в горы Тяньшань (Восточный Тянь-Шань). В обеих редакциях «Тан шу» упоминается, что «их (сеяньто) административная система, оружие и обычаи почти такие же, как у тюрков»²¹. В конце VI в., после распада Тюркского каганата, тяньшаньские сеяньто оказались в подчинении у западнотюркских ябгу-каганов. Вместе с некоторыми племенами теле, к числу которых их относит источник, сеяньто кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. Хангайскую группу сеяньто около 600 г. потеснило телеское племя сикер (кит. сыцзынь)²².

В 605 г. западнотюркский Чурын-ябгу-каган (кит. Чуло йеху-кэхань), опасаясь мятежа тяньшаньских сеяньто, «собрал в большом числе и казнил их вождей». Сразу же началось восстание и переселение на восток части племен теле. Несколько неудачных столкновений с западными тюрками понудили сеяньто покинуть Тянь-Шань. Семьдесят тысяч их семей во главе с вождем Инанчу-иркином откочевали на свои древние земли южнее р. Толы и подчинились восточнотюркским каганам. В 619 г. Эль-каган (кит. Хйели-кэхань) назначил для управления сеяньто своего младшего брата, получившего высший после каганского титул шад²³.

²⁰ Переводы разделов из китайских источников, касающихся сеяньто, см.: Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 339–343; Кюнер. Китайские известия. С. 41–48; Chavannes. Documents. P. 94–96; Liu Mau-tsai. I. S. 354–358. Изложение и интерпретацию сведений китайских источников см. также: Позднеев. Исторический очерк уйгуров. С. 53–62; Малявкин. Историческая география. С. 8, 95–96, 102, 109; Он же. Тактика Танского государства. С. 112–114. Реконструкция имени правящего рода сеяньто принадлежит С. Е. Яхонтову.

²¹ Liu Mau-tsai. I. S. 354.

²² Hirth. Nachworte. S. 134.

²³ Chavannes. Documents. P. 89, 95, 96; Liu Mau-tsai. I. S. 354.

После того как наместник кагана собрал с новых подданных «беззаконные подати», те «вышли из повиновения ему». Сильная группировка телесных племен, возглавленная сеяньто и уйгурами, нанесла Эль-кагану столь серьезное поражение, что он бежал в свои южные земли, к Иньшаню, оставив Хангай восставшим племенам (628). Тюркские племена, оставшиеся в Хангае, влились в состав сеяньто. Так было положено начало «племенному союзу тюрков и сиров»²⁴.

В 630 г., после неудачных сражений с танскими войсками, Эль-каган попал в плен. Самостоятельное существование первого Тюркского каганата прекратилось. В Хангае соперничали за власть сеяньто и уйгуры. Уже в 629 г. и те и другие прислали ко двору Тайцзуна отдельные посольства. Поддержку танского двора получили сеяньто, и их вождь Инанчу-иркин провозгласил себя Йенчу Бильге-каганом (кит. Чжэньчжу Бицзя-кэхань). По мнению К. Цегледи, именно в это время произошел раскол внутри союза десяти племен теле, сложившегося в Северной Монголии в начале VII в. Сеяньто, возглавлявшие племена, вышли из союза, и главенствующее положение там заняли уйгуры. Тем самым завершилось формирование могущественной племенной конфедерации токуз-огузов²⁵. После 630 г. токуз-огузы оказались скорее вассалами, чем союзниками сирского кагана, и, очевидно, первоначально смирились с этой ролью. Во всяком случае, в 630–640 гг. они уже не посылали самостоятельных посольств к танскому двору. Нет сообщений и о столкновениях между ними и сеяньто²⁶. В Северной Монголии появилось новое государство — Сирский каганат во главе с династией Ильтэр. Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен²⁷. На севере каган сеяньто подчинил страну енисейских кыргызов и держал там «для верховного надзора» своего наместника — эльтебера²⁸.

Йенчу Бильге-каган принял в своем государстве ту же административную структуру, которая существовала в Тюркском каганате. Возродились два территориальных объединения племен — «западное крыло» тардушей и «восточное крыло» телисов. Во главе тардушей и телисов были поставлены сыновья Йенчу, шадь, получившие затем титулы «малых каганов». Сам Йенчу учредил свою ставку на северном берегу Толы. В центре Отюкенской черны сложился новый племенной союз — объединение сеяньто и тюрков при главенствующем положении сирской династии.

²⁴ Hirth. Nachworte. S. 136–137; Czeglédy. Čojay-quzi, Qara-qum, Kōk-Öng. P. 65, 66.

²⁵ Czeglédy. Zur Stammesorganisation. S. 90–91.

²⁶ А. Г. Малявкин (Тактика Танского государства. С. 112) полагает, что союз уйгуров с сеяньто в 630–646 гг. «был прочным».

²⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 355.

²⁸ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 354.

Тайцзун был серьезно обеспокоен возникновением на северных рубежах империи сильного государства кочевников. Единственным приемлемым для него решением оказалось восстановление вассального и небольшого по размерам государства тюрков, способного прикрыть северную границу. Тюркские племена, переселенные в 630 г. на юг от Хуанхэ, были возвращены в горную область Иншаня (Чугай кузы тюрков) и степи севернее Ордоса (Кара-кум), на южные земли Эль-кагана и в его южную ставку (Хэйшачэн «город Черных песков» — в китайских источниках). Тюрков возглавил близкий родственник Эль-кагана, Ашина Симо, принявший каганский титул. Новый каган был лично предан Тайцзуну и пользовался его полным доверием, но не имел авторитета у своих сородичей²⁹.

Обеспокоенный появлением соперника и опасавшийся за судьбу союза с хангайскими тюрками, Йенчу Бильге-каган принял ответные меры. В декабре 641 г. войско из сеяньто и токуз-огузов во главе с сыном Йенчу, Тардуш-шадом, пересекло Гоби. Ашина Симо успел скрыться за Великой стеной, а сеяньто оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о «мире и родстве», которые тянулись более трех лет.

После смерти Йенчу его младший сын Бачжо (Барс-чор) убил своего брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Их послы жаловались, что Бачжо «жесток и беззаконен, не способен быть нам господином»³⁰. Против кагана сеяньто был заключен военный союз империи с токуз-огузами. В июне 646 г. токуз-огузы во главе с вождем уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду, напали на сеяньто и нанесли им тяжелое поражение. Бачжо бежал, но был настигнут уйгурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род»³¹. Поражение сеяньто в Хангае совершили китайское войско и действовавшие с ним совместно два тюмена уйгурской конницы. Государство сеяньто прекратило существование. Многие роды были истреблены, многие угнаны в Китай.

Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сеяньто легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах³². Приведем более короткий вариант.

²⁹ Czeglédy. Čojay-quzi, Qara-qum, Kōk-Öng. P. 65, 66.

³⁰ Кюпер. Китайские известия. С. 37.

³¹ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 343.

³² Один из вариантов легенды со значительными искажениями изложен Д. Позднеевым (Исторический очерк уйгуров. С. 58–60).

«Прежде, перед тем как [се]яньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя — оказывается, у него волчья голова (волк считался прародителем уйгуров. — С. К.). Хозяин не заметил. После того как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугунь (Отюкенская чернь. — С. К.). Увидели там двух людей. Они сказали: «Мы — духи (боги). [Се]яньто будут уничтожены». Преследовавшие испугались, отступив, убежали. Из-за этого потеряли их. И вот теперь (сеяньто) действительно разбиты под этой горой»³³.

Спасшиеся после разгрома племени сеяньто частью бежали в Западный край, на земли, покинутые двадцать лет назад. В 647–648 гг. там с ними сражался Ашина Шэр, тюркский царевич на танской службе, взявший тогда для Тайцзуна Кучу³⁴. Другая часть сеяньто осталась на прежних кочевьях в Хангае. В 668 г. их попытка возродить свою независимость была подавлена по приказу императора Гаоцзуна тюркским отрядом³⁵. Однако в 679–681 гг. сеяньто поддержали восстание тюрков в Северном Китае. Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в Черных песках и несли тяжелые потери³⁶.

Дальнейшая история сеяньто — это история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам³⁷. Сирь были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских управителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Ильтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отюкенскую чернь, «страну тюрков и сиров». В середине 40-х гг. VIII в., после гибели государства и «племенного союза тюрков и сиров», они разделили судьбу тюрков. Но судьба названий обоих племен была различна. Этноним *тюрк* не только сохранился, но и возродился как политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним *сир* после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в

³³ «Синь Тан шу», 2176 (в переводе С. Е. Яхонтова). Иные варианты сохранились в сунских энциклопедиях X в. «Тайпин гуан цзи» и «Тайпин юй лань».

³⁴ Liu Mau-tsai. I. S. 263.

³⁵ Малавкин. Тактика Танского государства. С. 114.

³⁶ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 266; Liu Mau-tsai. I. S. 211.

³⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло, в целом принявший отождествление *сеяньто* / *сир*-тардуш, тем не менее правильно объяснил, каким образом возникло имя сиров в тюркском памятнике: «...сирь... могли добровольно примкнуть к нему (Кутлугу, Ильтериш-кагану. — С. К.) и образовать вместе с турецкими элементами ту основную массу новых турок, о которой надпись в честь Тоньюкука говорит «турк сир будун» — термин, который иначе не имел бы объяснения» (Грумм-Гржимайло. Западная Монголия. С. 284).

первом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кыбчак*~*хыфчак*³⁸.

Ситуационная однозначность употребления этнонимов *сир* и *кывчак*~*кыбчак* в тюркских и уйгурском рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима, древний и новый, некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров — во всех поддающихся проверке случаях такая терминология совпадает.

Очевидно, что появление нового этнического термина, связанное с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшее на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным ограждением этих событий была семантика нового племенного названия.

Нарицательное значение слова *qyvčaq* ~ *qybčaq* в языке древнетюркских памятников сомнений не вызывает: «неудачный», «злосчастный», «злополучный»; в устойчивом парном сочетании *qyvčaq qovu* ~ *qybčaq qoby* «пустой», «нищеный» (по значению второго компонента); ср. также однокоренное с *qovu* слово *qovıq* — *qobıq* с тем же значением³⁹.

Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа. Труднее определить причины этнонимической субстантивации распространенного адъектива. Связано ли становление названия с изменением этнического самосознания племени, результатом чего и стал новый автоэтноним? Или старый этноним постепенно вытесняется аллоэтнонимом, т. е. названием, полученным извне, из словарного обихода иной племенной группировки?

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления — представлении о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). В частности, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда очень обширный класс имен-оберегов. Так, детям или

взрослым обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье⁴⁰.

Совершенно такая же ситуация применительно к целому племени сложилась у сиров после междоусобиц и резни 646–647 гг., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И, следовательно, надежным мог оказаться только тот путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от места кровожадных духов, отождествленных легендой с предками-прародителями враждебного племени — уйгуров. Средством спасения стало название племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «нищеные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и воспринявшего этнонимические функции прозвища-оберега возникла не сразу. Очевидна зависимость такой оценки от меняющейся ситуации, от соотношения сил разных племенных союзов. В возрожденном Тюркском каганате имя сиров превалировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на владение коренной территорией («земли тюрков и сиров»), право на совластие. Пока сирь, знатнейшие из телекских (огузских) племен, хотя бы де-юре делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма⁴¹. Но в сравнении с сирами никакого превосходства, никакого приоритета знатности князя из рода Яглакар не имели. Принятый ими каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был по меньшей мере сомнительным. Недаром уже на самых первых порах

⁴⁰ См., например: *Жанузаков*. Обычаи и традиции. С. 101, 102; *Шатинова*. К истории алтайских имен. С. 67; *Байчикова*. Брак и семья у монголов. С. 44; *Жуковская*. Заметки о монгольской антропонимии. С. 14; *Сельвина*. Калмыцкие личные имена. С. 88.

⁴¹ В историографических разделах уйгурских Терхинской и Тэсинской надписей не раз отмечается, что уйгурское государство, возникшее в 744 г., возродило уже ранее существовавшие государственные традиции уйгуров. Согласно Терхинской надписи, титул «каган» не присвоен правящим родом уйгуров самозванно, а унаследован ими от предков. См.: *Кляшторный*. Терхинская надпись. С. 82–95; *Он же*. Тэсинская стела. С. 76–90.

³⁸ О датировке списка тюркских племен у Ибн Хордадбега VIII в. см., например: *Воллин*. Извлечения. С. 144, прим. 1; В. И. Беляев относит сведения Ибн Хордадбега к концу VIII — началу IX в. (*Беляев*. Арабские источники. С. 18).

³⁹ ДТС. С. 449, 451, 462, s. v. *qyvčaq*, *qovı*, *qovıq*; *Clauson*. An etymological dictionary. P. 581, 583, s. v. *kovi*, *kivčak*, *kovuk*.

существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать ягларских каганов. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильге-кагану племя, делившее власть с тюрками, названо кывчаками.

Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени кывчак, и его семантика, малопримемая для этнического самосознания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк» (*kok böri*), мифический предок уйгуров, дарует своим ближним бекам имена, ставшие, по легенде, эпонимами огузских племен. Один из беков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом⁴². Иной вариант той же легенды, приведенный Рашид-ад-дином и повторенный Абу-л-Гази, уточняет: имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри деревом, называемым «кабук» (древнетюрк. *qovıq*)⁴³. Абу-л-Гази замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кыпчаком»⁴⁴. Прежнее значение слова *qubçaq~qunçaq* сужается и закрепляется в понятии «пустое, дуплистое дерево». А семантический спектр более употребительного *qovu*, позиционно связанного с *qunçaq* в устойчивом парном сочетании, напротив, получает дополнительное частное значение; ср. также у Махмуда Кашгарского: *qovu juuāc* «трухлявое дерево»; *qovu er* «неудачливый человек»; *qun ayač* «дуплистое дерево» («Кодекс куманикус»); *qovıq neı* «пустая внутри вещь» (Махмуд Кашгарский)⁴⁵.

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из «Отюкенской страны». Северной и западной границами Уйгурского эля стали Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье археологически фиксируется появление во второй половине VIII — первой половине IX в. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX–X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой «сросткинской культуре», приписываемой кимакам и кыпчакам⁴⁶.

Окончилась история сиров. Началась история кыпчаков, одного из племен Кимакского каганата.

«НАРОД АСПАРУХА», ГУННЫ КАВКАЗА И ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ОЛИМП

Три источника, близких по времени создания, но бесконечно далеких в пространстве и культурной традиции, обнаруживают неожиданное сходжение в одном сюжете. Речь идет о верованиях трех кочевых народов — тюрков Центральной Азии, кавказских гуннов и дунайских праболгар. Рассказывают о них рунические стелы Монголии, греческая эпиграфика дунайской Мадары и Мовзес Каганкатвази — историограф Кавказской Албании.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, которого «хан и полководец» Омуртаг почтил жертвоприношением. Имя бога — Тангра¹. Оно сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, в духовный мир орхонских тюрков². Но все же терминологического совпадения в имени верховного божества обоих пантеонов недостаточно для определенных выводов о степени их близости. Ведь праболгарский пантеон из-за крайней скудости сведений о Первом Болгарском царстве остается невыявленным. Это обстоятельство заставляет обратиться к сведениям о племенах праболгарского круга. И самые неожиданные и яркие свидетельства доносит источник, далекий от Дуная и Орхона.

Значительную часть второй книги «История агван» Мовзеса Каганкатвази (X в.) составляет включенная в нее хроника Михранидов, княжеской династии Кавказской Албании в VII в. А частью хроники Михранидов стал текст жития епископа Исразля, повествующий, между прочим, о пребывании албанской христианской миссии во главе с Исразлем в «стране гуннов» (682), находящейся в предгорной долине Дагестана³.

Считается, что страна гуннов известна только из армянских источников. Однако это название упомянуто и византийскими историками.

⁴² Щербак. Огуз-наме. С. 33, 38–39, 45–46.

⁴³ Рашид-ад-дин. Т. 1. Кн. 1. С. 84.

⁴⁴ Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази. С. 43, 86–87, прим. 46.

⁴⁵ Clauson. An etymological dictionary. P. 581, 583.

⁴⁶ Археология СССР. С. 43–44; Савинов. Народы Южной Сибири. С. 103–118; Ахинжанов, Трифионов. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников. С. 156–181. О кыпчаках в составе кимакского племенного союза см.: Кулмек. Государство кимаков IX–XI вв. С. 42–44.

¹ Ваклинов. Формиране на старобългарската култура. VI–XI век. С. 98–103; Бешевлиев. Първобългарски надписи. С. 123.

² Общий очерк верований центральноазиатских тюрков. См.: Кляшторный. Мифологические сюжеты. С. 117–138.

³ История агван. С. 193–194, 197–198, 200–202; The history of the Caucasian Albanians. P. 160–168; Minorsky. A new book. P. 125–126.

Согласно «Хронографии» Феофана (752–819), весной 624 г. император Ираклий во время своего Кавказского похода, избегая столкновения с превосходящим его армию персидским войском, отступает «в страну гуннов». Исследователь маршрутов персидских походов Ираклия академик Я. А. Манандян не опознал здесь известного армянской историографии названия и предложил читать вместо имени народа (гунны) название области — Сюния⁴. Несостоятельность поправки Манандяна была убедительно показана И. С. Чичуровым в его издании текста и перевода Феофана, а также в отдельной статье⁵. Но и сам И. С. Чичуров не нашел решения загадочного упоминания и предположил, что Феофан назвал гуннами тюрков. Тем самым И. С. Чичуров невольно сместил на два года ситуацию, возникшую на кавказском театре военных действий лишь в 626 г.

Между тем сведения о «стране гуннов» в армянской традиции появились задолго до Мовзеса Каганкатвацци. «Царство гуннов» в Дагестане упоминает уже Ананий Ширакаци (VII в.)⁶. Согласно армянским авторам, гунны Северного Дагестана были группой родственных племен, весьма значительной численно, укрепившейся в степях севернее Дербента еще в начале VI в. Они и создали то жизнестойкое государственное объединение, которое Ананий Ширакаци именует «царством». Не без влияния местного ираноязычного сельского и городского населения и начавшейся среди гуннов в первой четверти VI в. систематической миссионерской деятельности христианской церкви (миссии Кардоста и Макария) часть гуннов перешла от «жизни в шатрах» к оседлому и даже городскому быту. Однако значительная часть гуннов, в том числе и их знать, продолжала жить «в лагерях», т. е. сохраняла кочевой быт и скотоводство, прежде всего коневодство, в качестве основного занятия. После утверждения здесь в 80-х гг. VII в. власти хазар гунны сохраняли свою автономию.

Большая часть современных исследователей истории Северного Кавказа придерживается мнения, что гунны Дагестана были частью савирских племен или частью савиров и барсиллов, в свою очередь принадлежавших к болгарским племенам⁷. По мнению других исследователей, в «царстве гуннов» собственно гуннский (тюркский) элемент «растворялся» в ираноязычном окружении и поглощался древним аборигенным на-

⁴ Манандян. Маршруты. С. 133–153.

⁵ Чичуров. О кавказском походе императора Ираклия. С. 261–266; Он же. Византийские исторические сочинения. С. 96–97.

⁶ Ananias of Sirak. The geography.

⁷ Пигулевская. Сирийские источники. С. 87; Артамонов. История хазар. С. 183–184; Плетнева. Хазары. С. 33–34; Гмыря. «Царство гуннов». С. 8–12.

селением»⁸. Так или иначе, тюркоязычные этнические группы, населяющие Прикавказье и Северный Кавказ в конце IV–VI вв., к которым принадлежали гунны Дагестана, неотделимы от основной массы гунно-болгарских племен и надежно связываются с западной миграцией части союза племен *теле* (*tegrez), на основе которого в Центральной Азии сформировались в V–VII вв. новые племенные союзы «девяти огузов» (*токуз-огуз*) и «десяти уйгуров» (*он-уйгур*)⁹, игравшие выдающуюся политическую и культурную роль вплоть до монгольской эпохи.

Имя князя северокавказских гуннов у Мовзеса Каганкатвацци — Алп Илитвер из древнетюркского *alp elteber/iltavar*; в буквальном переводе «герой-эльтебер». Скорее всего, здесь не собственное имя, а титул. Тот же самый титул, как это было правильно установлено еще И. Марквартом, а позднее, после открытий полного текста Ибн Фадлана (X в.) и сочинения Тахира Марвази (XII в.), поддержано В. Ф. Минорским, носили «цари» волжских болгар¹⁰. Титул *эльтебер* не был «царским» (каганским, ханским), он обычен в Центральной Азии тюркского времени для вождей крупных племен и племенных союзов, зачастую сохранявших полную независимость. Так, среди огузских племен, носивших титул *иркин*, лишь самые могущественные вожди уйгуров были эльтеберами. То обстоятельство, что князь гуннов в Дагестане носил титул эльтебера, а не хана, указывает не только на его место в иерархии гунно-болгарских вождей Юго-Восточной Европы, но и на признание им первенствующего положения иных, более значительных объединений племен — таких, как союз болгар-унногундуров при хане Кубрате (Великая Болгария) или Хазарский каганат.

Единственным источником, как-то рассказавшим о внутренней жизни «царства гуннов» на Кавказе в конце VII в., и поныне остается житие епископа Исраэля, сохраненное в труде Мовзеса Каганкатвацци. Автор жития, участник албанской миссии, не поскупился на характеристики «дьявольских заблуждений» и «скверных дел» идолопоклонников, погруженных в «языческую, грязную религию», чтобы еще более значительным выглядел подвиг его патрона, обратившего часть гуннов во главе с Алп Илитвером (алп-эльтебером) в христианскую веру. Именно в этих «разоблачениях» содержатся ценнейшие реальные детали, дающие известное представление о пантеоне, обрядах и обычаях гунно-болгарских племен.

⁸ Гадло. Этническая история Северного Кавказа. С. 152. По мнению проф. К. Цегледы, северокавказские гунны были последним остатком гуннской державы Аттилы (выступление при обсуждении доклада автора данной статьи «Древнетюркская мифология», прочитанного в Обществе Чома де Керёши. Будапешт, 23. XI. 1978 г.).

⁹ Hamilton. Toquz-oyuz et on-uyur. P. 23–63.

¹⁰ См. подробнее: Minorsky. Hudud al-'Alam. P. 461; Id. Sharaf al-Zaman. P. 112.

Христианский клирик прямо не называет в гуннском пантеоне главную фигуру, но упоминает двух особо почитаемых богов — *Куара*, бога «молний и эфирных огней», и *Тенгри-хана*, «чудовищного громадного героя», «дикого исполина». Последнего автор жития именует на иранский манер *Аспендиатом* (среднеперс. *spendijad* — «созданный святым / духом/»), нигде, впрочем, не упоминая, что этим именем его называют и гунны.

В имени *Куар*, как уже отметил В. Хеннинг, очевидно среднеперсидское *xwar* «солнце»¹¹. Поклонение богу-солнцу в скифо-сарматской и сармато-аланской среде хорошо известно. Унаследованный гуннами на Кавказе, бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом «громовержца» Тенгри-хана. Во всяком случае, все дальнейшие упоминания Тенгри-хана (Аспендиата) в тексте жития выделяют его культ как главное зло, с которым боролся христианский миссионер. Упоминаются два рода святилищ, где совершались обряды в честь Тенгри-хана, — капища, т. е. языческие храмы, в которых установлены идолы (изображения Тенгри-хана?), и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяли Тенгри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождались мольбами, обращенными к образу Тенгри-хана. Уничтожение священных деревьев, олицетворявших Тенгри-хана, и сооружение из их стволов гигантского креста стало кульминацией миссионерской деятельности Исаэля, символом его победы над язычеством.

Культ Тенгри-хана, владыки Верхнего мира, сопровождаемый поклонением его символам и ипостасям — солнцу (*Куар*), луне, «громам небесным», высоким деревьям, «кумирам», — и был центральным культом в царстве Алп Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских племен Центральной Азии и Сибири. Так же как кавказские гунны, тюрки VI–VIII вв. совершали регулярные жертвоприношения Небу в священных горных лесах (и в «пещере предков») ¹². Вместе с Небом почитались небесные светила — солнце и луна. А Махмуд Кашгарский, правоверный мусульманин XI в., сокрушался о тюрках — «неверных», которые именем *Тенгри* называют «большие деревья» ¹³. Этнографические свидетельства подтвержда- ют и обряд сожжения туш жертвенных животных.

¹¹ The History of the Caucasian Albanians. P. 156, n. 1.

¹² Pelliot. Neuf notes. P. 219–219.

¹³ Mahmud al-Kashgari. Divani lügati-türk. S. 418.

Наряду с Тенгри-ханом в «царстве гуннов» почиталось, по словам христианского наблюдателя, женское божество, которое автор жития, не чуждый классической образованности, именует Афродитой ¹⁴. Не вызывает сомнений связь гуннской богини с древнетюркской Умай.

Особо упоминаются как объекты почитания гуннами Вода и Земля, т. е. божества (божество) Среднего мира. Отмечается даже особый разряд гуннских «колдунов», «призывающих» Землю ¹⁵. В сущности, речь ведется о древнетюркском культе «священной Земли-Воды» с его «гимнами Земле», о которых пишет Феофилакт Симокатта.

Наиболее характерными персонажами гуннского пантеона, вскользь отмеченными житием, были «некие боги путей» ¹⁶, в которых уверенно узнаются *йол-тенгри*, составляющие весьма специфический разряд древнетюркских божеств. Лишь о божествах Нижнего мира ничего не сказано в описании «языческих заблуждений» гуннов, но зато упомянутые там погребальные сооружения весьма схожи с теми, что известны у тюрков Центральной Азии. Христианина глубоко поразило то, что наряду с проявлением скорби (плача и царапанья щек ножом) на кладбище устраивались конные скачки, игры «по демонскому их обычаю», «предавались разврату». Подобным же образом описывает китайский источник похороны знатного тюрка в VI в. Родственники умершего убивают жертвенных животных, надрезают себе в знак скорби щеки, после чего устраивают конные скачки и игры юношей и девушек, нарядившихся в лучшие одежды. Игры носят эротический характер; после них родители молодых договариваются о браках ¹⁷.

Рассказывая о разрушении гуннских погребальных сооружений, христианский автор отмечает, что они были устроены на «высоком месте», состояли из «капищ», т. е. заупокойных храмов, «идолов», т. е. изваяний, и «скверных кож жертвенных чучел», т. е. вывешенных при храмах шкур жертвенных животных. «Капища» названы «высокими» и уничтожались огнем, т. е. были построены из дерева. Возможно, из дерева изготовлялись «идолы» гуннов ¹⁸. Все эти погребения упоминаются источником и у центральноазиатских тюрков: храм, построенный «при могиле», «изображения покойного» (древнетюркские каменные изваяния), вывешенные на шестах головы и шкуры жертвенных овец и лошадей ¹⁹. Еще один обычай, общий для гуннов и древнеуйгурских племен, заслуживает упомин-

¹⁴ История агван. С. 202.

¹⁵ Там же. С. 193–194.

¹⁶ Там же. С. 194.

¹⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 10.

¹⁸ История агван. С. 206.

¹⁹ Кляшторный. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. С. 238–265.

нения: и те и другие почитали громовые удары и молнию и приносили жертвы на месте, куда молния ударяла²⁰.

Если кавказский гунно-болгарский пантеон обнаруживает генетическое родство с древнетюркской мифологией, то развитие культа Тенгри в политизированную религию раннефеодального государства более ясно показывает процессы, синхронно, хотя и независимо друг от друга, происходившие в VII–VIII вв. в Монголии и на Дунае. Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлениями о Тенгри и Умай как божественной чете, покровительнице династии, этот поздний мифологический цикл носил явственный отпечаток его рождения в классовом обществе и является несомненной частью государственного культа Тюркского каганата. Отдельные составные части этого культа: ежегодные жертвоприношения в «пещере предков», где в роли первосвященника выступал сам каган, почитание умерших предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и стел — все это упомянуто в камнеписных памятниках или сообщениях иноземных наблюдателей.

Те же процессы, и прежде всего гиперболизация культа вождя, образ которого сакрализуется и заменяется образом царя-первосвященника, земной ипостаси небесного владыки, характерны и для истории Первого Болгарского царства²¹. Отмеченное сходство не всегда поддается препарации с целью отделения типологических параллелей от генетических импульсов.

Общность пантеона, мифологии, обрядности, архаических вероисповеданий и суеверий, установленная между тюркско-огузскими племенами Центральной Азии и гунно-болгарскими племенами Северного Кавказа, — эта общность в большей или меньшей степени распространялась на религиозные верования дунайских праболгар с их культом Тангра (Тенгри, Тенгри-хана). Поэтому экстраполяция характерных черт древней центральноазиатской религии на религиозную идеологию праболгар так же обоснованна и закономерна, как и выявление аналогов в других сферах культуры племен Внутренней Азии и «народа Аспаруха».

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Центральноазиатская мифология, впервые осознанная в своем единстве Г. Н. Потаниным, долгое время оставалась предметом весьма обобщенных суждений и малодостоверных оценок из-за скудости надежно фиксированных текстов, а также крайней неравномерности их регионально-хронологического расположения. Лишь в недавнее время, при более тщательном учете имеющихся свидетельств и на ином методологическом уровне, были выявлены действительные исторические взаимосвязи фольклорных традиций народов Центральной Азии¹.

Немаловажным, хотя и частным случаем письменной фиксации мифологических сюжетов в древней Центральной Азии являются некоторые, к сожалению, очень небольшие, части текстов древнетюркских рунических памятников VIII–X вв. Ценность этих свидетельств не подлежит сомнению, несмотря на то что жанровые особенности памятников исключали последовательное и полное изложение какой-либо мифологической фабулы. Однако образ мышления и стиль повествования побуждали создателей памятников к намекам и упоминаниям, за которыми скрывались общеизвестные в той среде представления, верования, идеологические конфликты. Выявление и расшифровка таких глухих ссылок затруднительны, а зачастую и малонадежны. Попытки использования с этой целью описаний шаманских ритуалов и соответствующих им представлений, отраженных в дореволюционном фольклоре тюркских народов Сибири и Средней Азии, хотя и заманчивы, но не всегда правомерны. Прямое использование этнографических свидетельств, не корректируемое на диахроническом уровне, вступает в противоречие с явно реархаизирующей направленностью развития примитивных религиозных систем, сохранившихся на периферии зоны активного воздействия великих религий.

²⁰ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 215–216.

²¹ Бешевлиев. Грыцки и латински извори завъртата на прабългарските. С. 177–178, 180; Плетнева. От кочевий к городам. С. 178–179.

¹ Неклюдов. Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций. С. 192–274; Он же. Мифология тюркских и монгольских народов. С. 183–202.

После работ Ж.-П. Ру², Л. П. Потапова³, И. В. Стеблевой⁴, С. М. Абрамзон⁵ возможности сопоставительного изучения сведений орхонских надписей и этнографических материалов XIX — начала XX в. почти исчерпаны. Главными результатами исследований стали общее описание религии орхонских тюрков VIII в. и выявление ее культурно-исторических связей с традиционными верованиями позднейших тюркских племен и народностей. Степень полноты достигнутых результатов оценивается исследователями по-разному. Так, Ж.-П. Ру считает, что исследователю оказался доступным лишь царский культ орхонских тюрков, а собственно народная религия (т. е. племенные и родовые культы) осталась неизвестной⁶. Решительно оспаривает это мнение Л. П. Потапов, полагающий, что почитание основных божеств — Тенгри, Умай, Йер-Суб — было распространено во всех группах и слоях древнетюркского общества⁷. Не удовлетворила Л. П. Потапова и попытка реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы, предложенная И. В. Стеблевой⁸.

Ниже мы рассмотрим проблемы, касающиеся «орхонского» пантеона, лишь в связи с предполагаемой сюжетной схемой древнетюркской мифологии. Попытки создания такого рода сюжетной схемы на основе свидетельств рунических памятников еще не предпринимались, что сдерживающим образом сказывается на изучении историко-культурного наследия и, в частности, субстратных компонентов фольклорно-мифологической традиции тюркских народов восточноазиатского ареала.

В памятниках рунического письма наряду с верованиями и мифами собственно тюрков нашли отражение аналогичные представления енисейских кыргызов и огузских (уйгурских) племен Монголии и Восточного Туркестана. Полное совпадение пантеона во всех доступных проверке случаях позволяет рассматривать исследуемое на материале всей группы рунических памятников явление как достаточно гомогенное, а источники, его характеризующие, — в единстве, выходящем за границы общности письма и языка. Естественны несовпадения мифологем, касающихся этногонии и генеалогии различных племен, часто даже внутри одного

племенного союза⁹. Впрочем, этногонические мифы нашли очень слабое отражение в надписях и до некоторой степени известны лишь в изложении иноземных источников, синхронных с древнетюркскими памятниками.

Сведения иноземных наблюдателей, имевших прямые или опосредованные контакты с тюрками, часто уникальны, но возможности их использования ограничены недостаточной определенностью, а зачастую и тенденциозностью изложения, так как в сообщениях воспроизводится совершенно чуждый наблюдателю мир, с трудом адаптируемый в рамках иных концепций. При создании сюжетной схемы древнетюркской мифологии в какой-то мере неизбежно использование сообщений иноземных информаторов, но в настоящей статье, на начальном этапе разработки схемы, оно крайне ограничено.

Мы не разделяем уверенности Ж.-П. Ру¹⁰ в закономерности безоговорочного привлечения для характеристики древнетюркской религии текстов и наблюдений, отделенных друг от друга веками и тысячелетиями, относящихся к разным этническим общностям, жившим в различных условиях и находившихся на разных ступенях культурно-хозяйственной деятельности и социального развития. Достижимая при этом полнота картины, к сожалению, не исключает сомнений в ее адекватности. Вместе с тем достаточно генерализованные параллели вполне оправданы, как, например, в случаях описания диахронически разделенных шаманских ритуалов и мировоззрения, генетическая общность которых представляется безусловной¹¹.

Несмотря на очевидную неполноту, приводимая ниже схема обладает достаточными классифицирующими моментами для постановки вопроса о ее корреляции с иными мифотворческими системами. Представляется возможным выделить шесть мифологических сюжетов, соотносенных с тремя мифотворческими циклами.

01. Космогония и космология.

0.01. Миф о сотворении и устройстве мира.

0.001. Миф о космической катастрофе.

02. Пантеон и социум.

0.02. Мифы о богах и божественных силах.

⁹ Ср., например, совершенно различные варианты древнеуйгурского генеалогического мифа, правомерно отнесенные Ж.-П. Ру к разным племенам, входившим в уйгурскую конфедерацию (см.: Roux. Faune et flore. P. 364–366).

¹⁰ Roux. La religion des Turcs. P. 1.

¹¹ Мы не касаемся здесь сложной проблемы древнетюркского шаманизма, подробно освещенной в работах Ж.-П. Ру и Л. П. Потапова; однако нельзя не отметить древнейшие истоки этого религиозного института.

² Roux. L'origine celeste. P. 231–241; *Id.* Tängri; *Id.* La religion des Turcs.

³ Потапов. Умай — божество древних тюрков. С. 265–286; *Он же.* Древнетюркские черты почитания Неба. С. 50–64.

⁴ Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. С. 213–226.

⁵ Абрамзон. Киргизы. С. 275–339.

⁶ Roux. La religion des Turcs. P. 7, 8.

⁷ Потапов. К вопросу о древнетюркской основе. С. 4, 5.

⁸ Там же.

0.002. Миф о божественном сотворении государства и небесном рождении каганов.

03. Этногония и генеалогия.

0.03. Миф о происхождении племен *тюрк*.

0.003. Мифы о первопредках — культурных героях.

Миф о сотворении мира изложен в начальных строках надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (КТб, 1; БК, 2–3) не как самостоятельный сюжет, а только как напоминание общеизвестного в древнетюркской среде текста: «Когда было сотвореноверху голубое небо, а внизу бурая земля, между [ними] обоими были сотворены сыны человеческие». Акт сотворения лишен здесь каких-либо каузальных связей и не содержит намеков на демиурга и предшествующее состояние (хаос?). Косвенным указанием на существование у тюрков представления о творце является сообщение Феофилакты Симокатты (VII в.), что тюрки «поклоняются тому, кто создал небо и землю»¹². Однако, по мнению Ж.-П. Ру, это свидетельство является скорее всего «эхом» собственных убеждений Феофилакты Симокатты; сама же идея о сотворении мира верховным существом начинает утверждаться среди «алтайских» народов лишь в монгольскую эпоху¹³.

Устройство мира представлялось создателям рунических памятников предельно простым: голубой свод неба прикрывает обитаемый мир, т. е. «бурую землю», как «крыша». Именно это сравнение употребляют авторы двух наскальных надписей на береговых утесах по р. Тубе (приток Енисея). Одна из них, так называемый «второй памятник с р. Тубы»¹⁴, может быть прочтена с некоторыми уточнениями в последних двух строках:

(2) *teŋrim öçük bizke [bo]*

(3) *Idil jerim a beŋgü bol*

(2) О мое Небо, да будь крышей над нами!

(3) О моя страна Идиль, вечно существуй!¹⁵

Обязательными атрибутами неба — «крыши» — были каждодневно рождающиеся солнце и луна, так или иначе связанные с земной жизнью. В эпитафийной формуле енисейских памятников часто содержатся слова: «на голубом небе солнце и луну я утратил!»¹⁶ О культе «рождающего солнца» свидетельствует и солярная система ориентации орхонских

¹² Феофилакты Симокатты. История. С. 161.

¹³ Roux. Notes additionnelles à Tängri. P. 43.

¹⁴ Малов. Енисейская письменность. № 36.

¹⁵ Подробнее см.: Кляшторный. Руническая эпиграфика. С. 69.

¹⁶ Малов. Енисейская письменность. № 10, 11, 44, 45.

тюрков, для которых основным, передним направлением было направление «вперед, в сторону, где рождается солнце» (КТм, 2)¹⁷. Двери каганского шатра были открыты на восток «из благоговения к стране солнечного восхождения»¹⁸. Немаловажным свидетельством о древнетюркской картине мира являются строки из письма Ышбара-кагана (Шаболно) суйскому императору, написанные в 585 г. и воспроизведенные в хронике людей, как пишет Ышбара-каган, «укрывает небо, носит земля, освещает семь планет». Совершенно аналогичное упоминание «неба, которое всех укрывает, земли, которая всех носит», содержится и в письме Киминь (Кижинь)-кагана (600)¹⁹.

Небо как часть космоса, именуемое в рунических текстах *kök teŋri*, имеет в синхронных древнетюркских памятниках иных систем обозначения *kök* (МК, 1, 421: *kök çuŋuŋu* «небесная сфера»), *kök qalyq*, *qalyq* «воздух», «небесный свод», «ближнее небо» (от глагольной основы *qaly-* «подниматься, взлетать»; поэтому основное значение термина связано с ближним небом, куда взлетают птицы, ср. *qalyq qušlary* «птицы небесные» у Ахмеда Югнеки, XIII в.)²⁰. Известный разброс значений позволяет предположить, что уже в древнетюркское время сложилось представление о нескольких небесных сферах или по крайней мере о двух — «высоком небе» и «ближнем небе».

Земля представлялась создателям текстов четырехугольным (квадратным) пространством, населенным по краям народами, враждебными тюркам. Для обозначения границ мира в рунике последовательно употреблялся термин *buluŋ* «угол»: *tört buluŋ qor jaŋu ermis* «[все народы, жившие по] четырем углам [света], были [им, т. е. тюркским каганам] врагами» (КТб, 2, ср. БК, 24). В памятниках уйгурского письма наряду с термином *buluŋ* для обозначения стран света употреблялось слово *juŋaq* «сторона», «направление»: *buluŋ juŋaq barça bütiürü qarardy* (Suv., 617) «углы и страны света все стали совершенно мрачными»²¹. Ышбара-каган упоминает в письме «четыре моря», лежащих за пределами обитаемой суши, т. е. окружающий землю абсолютный предел мира²². Возможно, именно та-

¹⁷ См. также: Кононов. Способы и термины. С. 73.

¹⁸ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 230.

¹⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 52, 60; II. S. 528. Полный титул этого кагана восстанавливает А. Бомбачи: Ellig Külüg Šad Baga Yšbara-kaŋan (Bombaci. On the Ancient Turkish Title «Tad». P. 191). В Бугутской надписи он именуется Нивар-каганом (Кляшторный, Лившиц. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских памятников. С. 55–56).

²⁰ ДТС. С. 312, 411–412; Clauson. An etymological dictionary. P. 620, 708–709; Doerfer. Türkische und mongolische Elemente. Bd. II. S. 577–585; Bd. III. S. 640–641.

²¹ Малов. Памятники. С. 183.

²² Liu Mau-tsai. I. S. 52.

ким пределом мыслилось море, упоминаемое как крайний предел тюркских походов на восток (юго-восток) (Тон., 19, КТм, 3). Центром мира была «священная Отыюкенская чернь», населенная тюрками, резиденция тюркских каганов, откуда они ходили походами «вперед», «назад», «направо» и «налево» для покорения «четырех углов света»²³.

Горизонтальная космологическая модель мира, представленного в виде четырехугольного плоского пространства, окруженного морями, вряд ли имманентна в собственно тюркской мифологии, как, впрочем, и описанный памятниками космогенез²⁴. Эта модель, известная в Центральной Азии и Сибири²⁵, имела самое широкое распространение в примитивных и развитых обществах древности и исторически недавнего прошлого²⁶. Ее отражение в надписях — одно из свидетельств многообразия культурных связей древнетюркского общества.

Вместе с описанием макрокосма в надписях существует иная горизонтальная картина мира, излагающая ситуационное (маршрутное) описание ландшафта с его орогидрографией, без указания границ ойкумены. Универсальным обозначением в схеме описания является сочетание *йер суб* «земля-вода» (или *йер* «земля»), выступающее в памятниках как общее (оппозиция «голубому небу»), сакрализованное (см. ниже) и терминологическое понятие. В пределах ландшафтной схемы *йер суб* воспринимается как плоскость, обязательно атрибутируемая вертикалью — сакрализованной горной вершиной (*ыдук баш*) или целой горной системой (*ыдук Отыюкен йыш* «священная Отыюкенская чернь»; *Кёгмен йер суб* «Кёгменская страна»).

С ландшафтным описанием непосредственно соотнесена третья, этнополитическая картина мира, маркированная этно- и, изредка, антропонимией («страна Капаган-кагана и народа тюрков-сиров», «Уйгурская земля», «страна народа аз»). Эта картина отражает неразрывную предметно-чувственную связь людских сообществ, организованных по генетическому принципу, с их «собственной землей». В этнополитической схеме пространство надделено эмоционально активными свойствами: оно может быть враждебным или спасительным в зависимости от того, «свое» оно или «чужое»; оно является единственно пригодным или совершенно непригодным для того или иного племени; оно не только сакрализуется,

²³ О соответствии направлений и стран света см.: Кононов. Способы и термины. С. 74.

²⁴ О бытовании в различных культурах подобного космогонического мифа см.: Eliade. The Myth of Eternal Return.

²⁵ О северных пределах распространения «четырехугольной» модели мира см.: Василевич. Эвенки. С. 210.

²⁶ Мелетинский. Поэтика мифа. С. 215; см. также: Каталог гор и морей. С. 13.

но и определяется как племенное божество («священная Земля-Вода тюрков», КТб, 10–11) — и тем самым вводится в мифологию²⁷.

Миф о космической катастрофе в памятниках Орхона представлен намеками, в постулируемой связи между неурядицами среди людей и потрясениями в окружающем мире. Всякое нарушение мирового порядка влечет за собой потрясения в государстве: *teŋri jer bulyaqyn üdün jayy bolty* (КТб, 44; БК, 29–30) «так как небо и земля пришли в смятение, он (народ токуз-огузов) стал нам врагом». Еще худшие последствия, гибель государства, могут повлечь за собой два события — мятеж бегов и народа или бедствие, когда небо «давит», а земля «разверзается» (КТб, 22). Здесь мятеж приравнен к космической катастрофе, представление о которой выражено традиционной формулой мифологического повествования.

Более полный вариант мифа о космической катастрофе или один из подобных мифов содержится в древнетюркской «Книге гаданий» (XV, 20–22), где говорится, что тогда «наверху была мгла, внизу был прах», звери, птицы и сыны человеческие «сбивались с пути». Такое состояние длилось три года и прекратилось «по милости Неба», из чего следует, что сама катастрофа представлялась небесной карой. Отметим, что здесь, как и в повествовании о сотворении мира, люди названы *kiši oγly* «сыны человеческие». Это редко встречающееся в текстах выражение, по всей вероятности, может быть расценено как архаичное и терминологически шаблонное для стиля космогонического мифа²⁸.

Мифы о богах и божественных силах представлены в памятниках крайне ограниченно; чаще всего упоминается имя божества с указанием на его действия или в связи с определенной ситуацией. В текстах орхонских stel названы лишь три божества: Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб. Явное выделение Тенгри и универсализм его функций побуждают некоторых исследователей к оценке древнетюркской религии как особой, близкой к монотеизму веры, которую можно обозначить термином «тенгризм», оговаривая, впрочем, наличие в ней более древних напластований. Так, по мнению Г. Дёрфера, «древнетюркская религия может быть разделена на три слоя: тотемистический, шаманистический и, sit venia verbo, тенгринистический»²⁹.

В орхонских памятниках нет намеков на специфические функции или сферу власти упоминаемых там божеств, нет прямых указаний на призна-

²⁷ См. также: Кляшторный. Представления древних тюрков о пространстве. С. 29–30.

²⁸ Об общем архаизме языка рунических памятников см.: Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. С. 165. Выражение «сыны человеческие» там же (с. 167) отнесено к «поэтическим формулам».

²⁹ Doerfer. Türkische und mongolische Elemente. Bd. II. S. 580.

ки, классифицирующие пантеон. И. В. Стеблева предприняла попытку соотнести древнетюркские божества между собой, расположив их по «уровням»: высший уровень — Тенгри, следующий уровень — Умай, третий уровень — Йер-Суб, четвертый уровень — культ предков. Отношения между объектами первого и второго, первого и третьего уровней — «верх—низ», «небо—земля»³⁰. Достаточно доказательно здесь лишь помещение Тенгри во главу пантеона³¹.

Между тем в сибирско-центральноазиатской религиозной мифологии существовала своя, органично присущая ей система классификации пантеона, определяющая ее теологию и эсхатологию. В основе этой системы лежит трихотомическое деление макрокосма на Верхний, Средний и Нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи. Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, и ее создание отнесено теперь к глубочайшей древности — в эпоху верхнего палеолита Сибири³². Еще в недавнем прошлом представление о трех мирах было известно у тюркских, монгольских и тунгусских народов, оно достаточно полно описано в этнографических работах³³.

Рунические тексты не содержат прямых указаний на концепцию «трех миров» у тюрков VI–X вв. Если противопоставление неба и земли позволяет с относительной уверенностью предположить существование в древнетюркской мифологии двух групп божественных сил, то все же отсутствие упоминаний Нижнего мира заставляет искать другие указания для проверки гипотезы о связи древнетюркских религиозных воззрений с интересующей нас трехчленной моделью мира. Таким указанием могло бы стать выявление в древнетюркских текстах наиболее важного и ярко персонажа Нижнего мира, его владыки — Эркилига (монгольская форма Эрлик-каган была позже воспринята тюркскими языками Сибири)³⁴.

Владыка преисподней (*tamu* < согд. *tmw* 'ад') древнетюркских буддийских переводных текстов VIII–X вв., Эркилиг-хан, выступает здесь в отличие от других главных божеств в тюркском лексическом обличье, не

³⁰ Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. С. 213–217.

³¹ См. цитированные работы Ж.-П. Ру и Л. П. Потапова.

³² Фролов. Палеолитическое искусство и мифология. С. 114. О трихотомической структуре космоса в сравнительной мифологии см.: Мелетинский. Поэтика мифа. С. 207–208.

³³ См., например: Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. С. 1–16; Каруновская. Представления алтайцев о вселенной. С. 160–183; Алексеев. Традиционные религиозные верования якутов. С. 111–128; Василевич. Эвенки. С. 210–256; Манжигеев. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. С. 52.

³⁴ Clauson. An etymological dictionary. P. 224.

являющемся калькированным переводом иноязычного термина³⁵. Однако этого факта было бы достаточно для утверждения, что Эркилиг присутствует и в собственно древнетюркской мифологии. Однако возможности поиска Эркилига в древнетюркских рунических памятниках отнюдь не безнадёжны.

Самой ранней фиксацией этого мрачного божества пока может считаться упоминание его имени и функций в восьмой строке первого памятника Алтын-кёля; этот текст является эпитафией кыргызского кагана Ынанчу Алп Бильге (Барс-бега, ср. КТб, 20) и достаточно точно датируется 711–712 гг. «Нас было четверо высокородных, — повествует от имени покойного автор эпитафии, — Эркилиг разлучил нас. Увы!»³⁶ Эркилиг, похитив душу кагана, разлучил его с братьями. Наряду с Эркилигом здесь упомянуто другое божество ада, дух внезапной (скорой?) смерти Бюрт и «его младшая братия». Еще одно упоминание Эркилига в памятнике Ихе-Асхета (VIII в.), к сожалению, не может быть интерпретировано, так как надпись повреждена³⁷.

Вновь упомянут Эркилиг лишь в памятнике, созданном через два столетия после стелы с Золотого озера, — в своеобразной «энциклопедии» древнетюркских верований и суеверий «Книге гаданий» («Ырк битиг»), которую правильнее было бы назвать «Книгой притч»³⁸.

Это уникальное произведение древнетюркской словесности было записано руническим письмом на китайской бумаге в марте 930 г. одним из младших клириков манихейской обители Великого облака со слов его наставника для военачальника Ит-Ачука, старшего брата писца³⁹.

Рукопись, обнаруженная А. Стейном в знаменитой пещерной библиотеке Дуньхуана⁴⁰, замурованной в конце X в., ныне хранится в Британском музее (Ог 8212). Впервые она была издана В. Томсеном⁴¹. Его издание, к сожалению, без факсимильного воспроизведения всего текста, до настоящего времени остается единственно приемлемым для изучения

³⁵ Ср., например, в 25-й строке фрагмента Т II V 36 из Яр-хото: *erklig qan-nyu jarlyqu arqulaju turur evijde* «приказ Эркилиг-хана будет сеять раздор в твоём доме» (Bang, Gabain. Türkische Turfan-Texte. P. 246). Пробразом Эркилига в буддизме являлся индийский Яма (см.: Gabain. Alttürkische Grammatik. 3. S. 325).

³⁶ Кляшторный. Стелы Золотого озера. С. 261–264.

³⁷ Ср.: Малов. Памятники Монголии и Киргизии. С. 46.

³⁸ О слове *yrq* и его этимологии см.: Bang, Gabain. Türkische Turfan-Texte. I. S. 242–243. Там же (S. 241–242) о двух других восточнотуркестанских находках того же жанра, относящихся, однако, к древнеуйгурской переводной литературе.

³⁹ Hamilton. Le colophon de l'Irk bitig. P. 7–19.

⁴⁰ Чузевский. Дуньхуановедение. С. 241–259.

⁴¹ Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. S. 226–254. Ниже во всех неоговоренных случаях цитаты приводятся по этому изданию. Ныне см. также: Tekin. Irq Bitig.

памятника, так как, совмещая транслитерацию с транскрипцией и фиксируя пунктуационный знак-разделитель, В. Томсен в то же время сохранил все описки и ошибки писца (переписчика?), частично оговорив их. В новых изданиях транслитерация либо недостаточно последовательна⁴², либо вовсе игнорируется⁴³, несмотря на признанную условность многих мест транскрипционного текста.

«Ырк битиг» по-праву считается одним из труднейших для понимания древнетюркских текстов. Перевод почти каждой из шестидесяти пяти притч, содержащихся в ней, представляет немалую сложность, а во многих случаях и по сей час остается предположительным.

Опыт критического анализа существующих чтений и переводов принят Дж. Клосоном⁴⁴. Поправки к чтению и переводу отдельных притч сделаны С. Тезджаном (притча L)⁴⁵, Ж.-П. Ру (притча V)⁴⁶, Дж. Гамильтоном (колофон, притчи XVI, XL)⁴⁷ и М. Эрдалем (альтернативные чтения отдельных слов по всему тексту)⁴⁸. И. В. Стеблева наряду со стилистической и литературоведческой оценкой текста воспроизводит транскрипцию и дает перевод памятника, основываясь на издании С. Е. Малова (с учетом чтения и перевода Х. Оркуна), но со своей строфической разбивкой каждой притчи, призванной подтвердить ее мнение о стихотворной форме произведения⁴⁹.

Исследователи памятника единодушно указывают на его теснейшую связь с «орхонской» культурной традицией, проявившуюся не только в «шаманском» (по выражению С. Е. Малова) содержании, но также и в языке и композиционно-стилистических особенностях «Книги». В то время как А. фон Габен отмечает воздействие манихейской и даже христианской литературы на формальные элементы текста⁵⁰, И. В. Стеблева видит некоторое, весьма общее влияние манихейских идей также и на содержание памятника, проявившееся в противопоставлении добра и зла⁵¹. Дж. Гамильтон, напротив, полагает, что прототипом древнетюркской «Книги гаданий» были популярные на территории Восточного Туркестана в VIII–

IX вв. тибетские (resp. индийские) наставления о приметах и поверьях, содержащие сентенции того же типа, что «Ырк битиг»⁵². Так или иначе, в «Книге» собраны притчи, распространенные в древнетюркской среде и отражающие простонародные поверья.

Имя Эркига упомянуто в «Книге» трижды (притчи XII, LV, LXV) и во всех трех случаях осталось неопознанным издателями памятника. Наибольший интерес представляет первое из этих упоминаний:

«(XII) (e)r: (a)bqa: b(a)rmuṣ: taγda; q(a)ml(a)muṣ⁵³ t(e)ḡride: (e)rlil(i)g: tir: aṇca: biligl(e)r: j(a)b(y)z: ol»

Перевод С. Е. Малова: «Говорят: Муж пошел на охоту. В горах он колдовал (молился): в небе полновластный! Так знайте — это дурно!»

Явное противоречие между сентенцией («это дурно») и содержанием моления заставило Дж. Клосона предложить весьма натянутый перевод: «...в горах он совершал магические действия и [провозгласил свою] независимость от небес»⁵⁴. Между тем алогичность переводов связана со стремлением перевести по буквальному значению собственное имя божества.

Предлагаемый нами перевод: «Рассказывают: муж-воин отправился на охоту. В горах он камлал, [говоря]: Эркиг — небесный (бог)! (букв.: Эркиг на небе!). Так знайте — это грешно!»

За грех здесь почитается отнесение Эркига, владыки подземного мира, к божествам Верхнего мира, а сама притча ясно указывает на противопоставление Верхнего и Нижнего миров в религиозно-этическом плане.

В притче LV трудность понимания связана, как отметил Дж. Клосон⁵⁵, с прочтением двух слов: *törät-* и *jitiglig*. Первое слово, *törät-* «создавать», С. Е. Малов читает как *türt-* («натирать», «намазывать»⁵⁶), толкуя это слово как «убеждать» (у В. Томсена — «подстрекать»), что семантически неоправданно. Слово *jitiglig* (в сочетании *aty jitiglig*) С. Е. Малов толкует как «лошадь в парадной сбруе» (со ссылкой на чагат. *jetek* < перс. *jadaq*), что малоубедительно⁵⁷. Между тем у Махмуда Кашгарского (III, 18) *jitig-jetik* «умный», «знающий», «зрелый»; *jetik er* «зрелый мужчина»⁵⁸. Слово *at* в этом контексте означает не «конь», а «имя», «репутация», «слава» (ср. *at kü* «слава»; *aty kötrülmiṣ* «прославленный»⁵⁹).

⁵² Hamilton. Le colophon de l'Irk bitig. P. 9–10. Ср. также: Arlotto. Old Turkic Oracle Books. P. 685–696.

⁵³ Так у С. Е. Малова и Дж. Клосона, У. В. Томсена, Х. Оркуна и И. В. Стеблевой: q(a)m(y)lmuṣ, что делает перевод малоубедительным.

⁵⁴ Clauson. Notes on the «Irk Bitig». P. 220.

⁵⁵ Ibid. P. 224.

⁵⁶ ДТС. С. 599.

⁵⁷ Clauson. Notes on the «Irk Bitig». С. 224.

⁵⁸ ДТС. С. 259.

⁵⁹ Там же. С. 65.

⁴² Orkun. Eski türk yazitlari. С. II. P. 73–91.

⁴³ Малов. Памятники. С. 80–92.

⁴⁴ Clauson. Notes on the «Irk Bitig». P. 218–225.

⁴⁵ Tezcan. Tonyukuk. P. 177–178.

⁴⁶ Roux. A propos des osselets. P. 175–178.

⁴⁷ Hamilton. Le colophon de l'Irk bitig; Id. Sur deux présages de l'Irk bitig. P. 247–254.

⁴⁸ Erdal. Irk Bitig. P. 87–119.

⁴⁹ Стеблева. Древнетюркская «Книга гаданий». С. 150–177. О композиции и литературной форме «Книги гаданий» см. также: Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы. С. 115–126.

⁵⁰ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 215–216.

⁵¹ Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. С. 222–223.

Приведем перевод С. Е. Малова (от которого перевод И. В. Стеблевой отличается лишь стилистически):

«Говорят: сын героя-мужа отправился в военный поход. Говорят, что находящиеся на поле сражения ораторы убеждают: если [воин] вернется домой, то сам придет прославленным и радостным, а лошадь его будет ведомой стреманными под уздцы [парадной верховой лошадей]. Так знайте — это очень хорошо».

Уточненное чтение текста позволяет предложить следующую транскрипцию и перевод, весьма отличающийся от цитированных выше:

«(a)lp: (e)r: oγly: süke: b(a)γmyš: sū: jirinte: (e)rklig: s(a)bčy: tör(e)tmiš: tir: (e)biŋ(e)rü: k(e)ls(e)r: özi: at(a)nmyš: ögr(ü)nčülüg: (a)ty: jetiglig: k(e)lir: tir: (a)nča: bilinl(e)ri (a)nyγ: (e)dgü:»

«Рассказывают: сын героя-воина пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал [его своим] посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным со славою [мужа], достигшего зрелости. Так знайте — это очень хорошо!»

Смысл сентенции предельно прост: лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша получает право зваться мужчиною. Герой притчи поразил на поле боя столь много врагов, что назван посланцем владыки преисподней. Здесь фиксируется глухой отзвук древнейшего обычая инициации, отделявшего возрастную группу подростков-юношей от взрослых воинов и охотников.

В притче LXV слово *erklig* упомянуто в заключительной сентенции: (a)nč(i)p: (a)lqu: k(e)ntü: ülügi: (e)rklig: ol:, переведенной В. Томсеном так: «Итак, каждый является хозяином своей судьбы».

С некоторыми стилистическими отличиями этот перевод повторяют Х. Оркун, И. В. Стеблева, Дж. Клосон; близкий перевод находим в ДТС⁶⁰: «все властны [распоряжаться] своей долей»⁶¹. Иначе переводит С. Е. Малов: «Так могущественна различная судьба каждого!»⁶² Перевод С. Е. Малова, несомненно, ближе к древнетюркской концепции судьбы (доли, рока), обозначенной термином *ülüg*.

Именно судьба предрешает успех или гибель героев древнетюркских памятников, и эта судьба связана с волеизъявлением божественных сил. Рассказывая о своих заслугах перед тюрками, Бильге-каган так объясняет их причины: *teγri jarlyqazu qutym bar üčün ülügüm bar üčün ölteči bodunyγ tirigrü igi(d)tim* «по соизволению Неба, так как я обладал [божественной] благодатью и [предначертанной] судьбой, я возродил к жизни готовый

⁶⁰ ДТС. С. 625, статья *ülüg*.

⁶¹ Ср. также: там же. С. 301, статья *alqu*.

⁶² Малов. Памятники. С. 91.

погибнуть народ!» (КТб, 29). Всесилие судьбы, предначертание звучит и в строках эпитафии Кули-чора, заключающих повествование о его гибели: *ülüg anča ermiš erinč* «судьба его, надо думать, была такова!» (КЧ 23)⁶³.

Поэтому наиболее адекватным в контексте «Ырк битиг» и в связи с концептуальным значением термина *ülüg* представляется следующий перевод:

«А участь всех и каждого [в ру:ах] Эрклига! (букв.: есть Эрклиг, т. е. загробный мир)».

Одной из самых важных для понимания древнетюркской мифологии является в «Ырк битиг» притча XIX. Приведем в транскрипции ее начало: *aq: (a)t: q(a)rs(y)syp: üč: boluγta: t(a)lup(a)n: (a)γ(a)nqa: ötügke: ydmyš tir.*

В переводе С. Е. Малова, принятом Дж. Клосоном с оговоркой, что рассказ в целом непонятен⁶⁴, вся притча такова: «Белый конь, выбрав из трех перерождений (?) своего противника (?), направил к покаянию и мольбе. Не бойся! Хорошенько молись. Не ужасайся! Хорошенько умоляй! Так знай: это хорошо!»

Рассказ действительно непонятен и находится в противоречии со всеми притчами о животных, содержащимися в «Ырк битиг».

Вероятнее всего, причиной кажущейся нелепости текста здесь является орфографическая небрежность писца; младший клирик не всегда соблюдал орфографические правила и допускал в письме немало ошибок, что отмечено (и частично исправлено) В. Томсеном и Дж. Клосоном⁶⁵. По принятой в рунике орфографической манере, в то время как инициальные и медиальные гласные *a/e* обозначались на письме факультативно, любой финальный гласный в орфографически отработанных текстах чаще всего был выражен графически. Однако в рукописи «Ырк битиг» наиболее частой ошибкой писца как раз являются немотивированные пропуски и замены знаков (ср., например, в двадцатой притче, стк. 31: *odyur* вместо несомненного здесь *odyur(u)*⁶⁶). Поэтому наряду с чтением *aq: (a)t* возможно и чтение *aq: (a)t(a)*.

Маловероятна предложенная С. Е. Маловым (со знаком вопроса) трактовка термина *boluγ* как «перерождение». Этот буддийский термин часто встречается в текстах из Восточного Туркестана, но он всегда передается словом *azun* ~ *ažun* (согд. **zwn*)⁶⁷. Поэтому предпочтительнее иное толкование слова, более оправданное словообразовательной функцией аффик-

⁶³ Ср.: Clauson. An etymological dictionary. P. 142.

⁶⁴ Clauson. Notes on the «Irk Bitig». P. 221.

⁶⁵ Дж. Клосон полагал, что значительное число ошибок и непоследовательностей в рукописи свидетельствует о том, что имеющийся экземпляр является копией, а не авторским оригиналом. См.: Clauson. Notes on the «Irk Bitig». P. 218–219.

⁶⁶ Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 239.

⁶⁷ ДТС. С. 73–74.

са -γ/-g- «место бытия, существования», т. е. «мир» (< *bol-* «быть, существовать»; ср. *bolmaq* «становление», «бытие», «существование»⁶⁸). С учетом предлагаемых толкований перевод приобретает большую ясность: «Рассказывают: белый отец, выбрав в трех мирах своих противников (по вере?), принудил их к покаянию и молитве, [приговаривая] “Не бойся! Молись хорошенько! Не страшись! Умоляй хорошенько!” (Так) рассказывают, и знай — это хорошо!»

Упомянутый здесь «белый отец» не может быть никем иным, как одним из «чистых» священнослужителей (*aryu dıntar*), «совершенных» (*tükällig*) и «избранных» (*adynčy*), т. е. высших иерархов манихейской общины⁶⁹, одетых, согласно уставу, в белое одеяние и белую митру⁷⁰. Поименование «отец» обыденно в тюркской манихейке для этого круга лиц; ср., например: *adynčy yduq qaṇutuz* «наши избранные святые отцы»⁷¹; *aṇylu atlu qaṇut mani burḡanūt* «О мой почитаемый и именитый отец-проповедник Мани!»⁷² Древнетюркское *qaṇ* «отец» в восточнотуркестанской уйгурике встречается, как правило, лишь в ранних манихейских текстах VIII–IX вв., а позднее было вытеснено синонимичным *ata*⁷³.

В притче, таким образом, содержится своего рода повествование о «борьбе за веру» в самых высших сферах языческого мира древних тюрков; о манихейской миссии, перенесенной в Верхний, Средний и Нижний миры, населенные шаманскими духами и божествами; о подчинении и обращении к новой вере их обитателей — противников религии Мани. Известно, что манихейство охотно включало в свой пантеон «обратившиеся» местные божества, воспринимая вместе с тем и связанные с ними представления. В самом манихействе не существовало понятия «трех миров», его теология и эсхатология базировались на других принципах, главными из которых были «две основы» и «три эпохи», нашедшие терминологическое выражение в древнетюркской лексике (*iki jylytz, üç öd*)⁷⁴.

Таким образом, можно с полной определенностью констатировать, что в древнетюркских рунических текстах неоднократно упоминается владыка Нижнего мира, мира мертвых, Эркилг, «разлучающий» людей и посылающий «вестников смерти» в мир живых людей. Именно Эркилг,

определяя долю каждого, обрывает жизнь и забирает душу. Тем самым независимо от толкования термина *bolu* в «Книге гаданий» представляются достаточно оправданными: а) включение трихотомического деления мира в реконструируемую нами религиозную мифологию древних тюрков и б) классификация древнетюркского пантеона по принципу, присущему самой древнетюркской мифотворческой идеологии.

Верховным божеством древнетюркского пантеона является Тенгри (Небо), божество Верхнего мира. В отличие от неба — части космоса оно никогда не именуется *kok* («голубое небо», «небо») или *qalyq* («небесный свод», «ближнее небо»). Именно Тенгри, иногда вкуче с другими божествами, распоряжается всем происходящим в мире, и прежде всего предопределяет судьбы людей: Тенгри «распределяет сроки (жизни)» (КТб, 50); однако при этом рождением «сынов человеческих» ведаёт Умай, а их смертью — Эркилг; Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, «приказывая» кагану (*jarlyqa-*), решает государственные и военные дела⁷⁵. Согдоязычная Бугутская надпись, эпитафия Таспар-кагана (ум. в 581 г.), упоминает о постоянных вопросах кагана, обращенных к богу (богам?) при решении государственных дел⁷⁶. Тенгри неявно антропоморфизован — он наделен некоторыми человеческими чувствами, выражает свою волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через агентов — «природных агентов» и людей. Более явно персонифицировано Небо в мифологии западнотюркских племен Хазарского каганата. Описывая события 80-х гг. VII в. — крещение албанским епископом Исразлем части хазар⁷⁷, — армянский автор Моисей Каганкатвацци называет главным богом северокавказских хазар Тенгри-хана, которого представляют как «чудовишного громадного героя», «дикого исполина», посвящают ему высокие деревья и приносят в жертву коней⁷⁸. Аналогичные черты почитания Неба наблюдатели отмечали и у восточных тюрков: ежегодно весной на реке Тамир в центре Монголии тюркские кага-

⁷⁵ Подробнее см.: Roux. L'origine celeste; Id. Tängri; Giraud. L'empire des Turcs. P. 102–107.

⁷⁶ Кляшторный, Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. С. 140.

⁷⁷ М. И. Артамонов (История хазар. С. 184) относит дагестанских гуннов, вассалов хазарского кагана, к болгарским племенам (савирам, барсилам). С. А. Плетнева (Хазары. С. 33–34) называет их савирами. По мнению К. Цегледи, северокавказские гунны были последним остатком гуннской державы Аттилы (выступление при обсуждении доклада «Древнетюркская мифология», прочитанного автором этих строк 23.XI.1978 в «Обществе Кёрёши Чома» в Будапеште).

⁷⁸ История агван. С. 193–194, 197–198, 200–202; The history of the Caucasian Albanians. P. 160–168. О дате посольства епископа Исразля (682) см.: Еремян. Моисей Каланкатуи-ский о посольстве албанского князя. С. 129–155; Minorsky. A new book. P. 125–126.

⁶⁸ Там же. С. 112.

⁶⁹ Ср., например, терминологию манихейской покаянной молитвы: Дмитриева. Хуастуанифг. С. 217–228; Asmusse n-Xuastvanifi. Studies in Manichaeism. S. 167–237.

⁷⁰ Maillard. Les religions.

⁷¹ Bang, Gabain. Türkische Turfan-Texte. III. S. 202.

⁷² Ibid. S. 184.

⁷³ Gabain. Das Leben. S. 72.

⁷⁴ Малов. Памятники. С. 118–122. См. теперь иную трактовку цитированного отрывка: Klyachtorny. Manichaen text. P. 42–45.

ны совершали жертвоприношение (заклание лошадей и овец) божеству Небу⁷⁹. А Махмуд Кашгарский, правоверный мусульманин, сокрушается о тюрках-«неверных», которые называют словом «Тенгри» «высокие горы» и «большие деревья»⁸⁰. Именно на высокой горе совершали моления «духу неба» восточнотюркские каганы и «народ»⁸¹.

Другим божеством была Умай, богиня плодородия и покровительница новорожденных, олицетворяющая женское начало. Христианский наблюдатель, албанский епископ Исраэль, именно ее, по всей видимости, именует Афродитой, когда упоминает жрецов этой богини у западных тюрков VII в.⁸² В древнеуйгурских текстах X в. она названа *edgülliğ Umaqatun* «благодетельная Ума-царица» и включена в буддийско-тюркский пантеон⁸³. Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Так же как каган подобен по своему образу Тенгри (*tenriken*), его супруга-царица подобна Умай (*Umajteg ögim qatun* «моя мать-царица, подобная Умай», КТб, 31). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете — Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей⁸⁴. Возможным иконографическим воплощением этого мифа является сцена, изображенная на Кудыргинском валуне, где тюркские воины поклоняются чудовищно громадной и грозной личине (Тенгри-хан), женщине в трехрогом головном уборе и богатом наряде (Умай) и их отпрыску⁸⁵.

⁷⁹ Pelliot. Neuf notes. P. 214–216; Liu Mau-tsai. I. S. 10; II. S. 500–501.

⁸⁰ Mahmud al-Kasghari. Divani. C. III. S. 418.

⁸¹ Pelliot. Neuf notes. P. 213. Детальные совпадения ритуального характера показывают, что албанский епископ и китайский информатор повествуют об одной и той же религии, об одном и том же культе, сохранившемся как в Центральной Азии, так и у западнотюркских племен и носившем черты глубокой (гуннской) древности.

⁸² История агван. С. 202.

⁸³ Müller. Uigurica. II. S. 53. Ср. точное замечание Л. П. Потапова: «В памятниках уйгурской письменности Умай как божество уже не встречается» (Умай — божество древних тюрков. С. 279, примеч. 55).

⁸⁴ Осмысление связей внутри пантеона как кровнородственных (ср., например: «Бюрт и его братия» в надписи Алтын-кёля) или супружеских характерно для мифологического мышления. См., например: Мелетинский. Поэтика мифа. С. 199–201, 207.

⁸⁵ Об изучении и интерпретации изображений на Кудыргинском валуне см.: Длужневская. Еще раз о Кудыргинском валуне. С. 230–237. О типологии и генетических связях древнетюркских трехрогих головных уборов см.: Esin. Bedük Bork. P. 94–184. Возможной иконографической аналогией «кудыргинской Умай» является изображение женской головы в трехрогом головном уборе на обломке каменной плиты, найденное в 1969 г. в Южном Казахстане близ оз. Бийликуль; см.: Медоев. Гравюры на скалах. Табл. 57; Ахинжанов. Об этнической принадлежности каменных изваяний. С. 65–79. Древнетюркские женские изваяния в трехрогих коронах выделены В. П. Мокрыниным (О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня. С. 113–119). Представляется также важным замечание С. В. Иванова о существовании у различных тюркских племен архаических представле-

Главным божеством Среднего мира была «священная Земля-Вода» (*yduq jer sub*). В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособленно, но вместе с Тенгри и Умай (или только с Тенгри) оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. В енисейских надписях герой эпитафии, ушедший в Нижний мир, вместе с атрибутами Верхнего мира — солнцем и луной, от которых он «удалился» и которыми «не наслаждался», называет также «мою Землю-Воду» (*jerim subum*), т. е. Средний мир, покинутый им⁸⁶. По сообщениям иноземных авторов, божество Земли у тюрков было объектом особого культа. Так, Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки «поют гимны земле»⁸⁷. Моисей Каганкатвацци упоминает хазарских «чародеев», «призывающих землю», жертвоприношения земле и воде⁸⁸. В китайских источниках священная гора, почитаемая тюрками VI в., названа «богом земли»⁸⁹. Культ священных вершин был частью общего культа Земли-Воды у древнетюркских племен⁹⁰.

Наиболее трудным является объяснение функций и места в пантеоне двух божеств, упомянутых в «Ырк битиг»: *ala atlyr jol tenri*⁹¹ (притча II) и *qara (atlyr) jol tenri* (притча XLVIII). В буквальном переводе «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном (коне)». Последнее обычно переводится как «черный бог путей» или «бог черного пути», но более вероятно допустить здесь пропуск слова *atlyg*, так как полная модель имени представлена в притче II. Перевод «бог судьбы»⁹² не обоснован аналогиями. Дж. Клосон⁹³ предлагает чтение *jul tenri* «бог ручья», что, однако,

ний о «великой созидательной и жизненной силе, пребывающей на небе». «Эта жизненная сила и была, видимо, олицетворена позже в образе Умай в связи с процессом антропоморфизации различных явлений природы. Обращает на себя внимание, что Умай вооружена луком и стрелой, которой она поражает злых духов, угрожающих жизни и здоровью людей, а может быть, и жилищу» (Иванов. Скульптура алтайцев. С. 68).

⁸⁶ Малов. Енисейская письменность. № 11. С. 31; № 45. С. 81.

⁸⁷ Феофилакт Симокатта. История. С. 161.

⁸⁸ История агван. С. 193–194.

⁸⁹ Liu Mau-tsai. I. С. 10.

⁹⁰ П. Пельо полагал, что божество Земли персонифицируется в древнетюркском божестве Отокенской черни, которое, в свою очередь, идентично Этиген, богине Земли у монголов (Pelliot. Neuf notes. P. 218–219). Развивая ту же гипотезу, Э. Лот-Фальк отождествила Этиген с Умай (Lot-Falk. A grégor d'Altugān. P. 168). Тождество древнетюркского божества Земли и Умай предположил Р. Жиро (Giraud. L'empire des Turcs. P. 106–107).

⁹¹ Ср., однако: Bombaci. Qutlug Bolzun. S. 19; автор, основываясь на семантике монгольского *džol* «счастье, успех», якутского *džol* «счастье», а также на возможном толковании встречающихся в древнеуйгурских буддийских текстах парных сочетаний *ed jol* «изобилие и счастье», *at jol* «слава и счастье», *atlyr jolluq* «знаменитый и счастливый» (ср. ДТС. С. 67: «удачливый»), полагает возможным толковать *jol tenri* как «божество счастья». Ср. также: *jolluq tegin* (КТх, 13) «счастливый принц», «князь», «обладающий счастьем».

⁹² Малов. Памятники. С. 85.

⁹³ Clauson. Notes. P. 223.

мало соответствует подвижности обоих божеств, нелокализованных в каком-либо определенном месте, их связи с конем. Между тем Монсей Каганкатвацци прямо называет среди других божеств западных тюрков VII в. и «неких богов путей»⁹⁴, что решает вопрос о правильности буквального перевода обоих названий в «Ырк битиг». По наблюдению Л. П. Потапова, «шаманский образ божества дорог или путей, едущего на пегом коне, сохранялся у телеутов до начала XX в. под названием *йер йол пайана* 'божество земных дорог (или путей)', причем вместо *пайана* нередко фигурирует в его названии термин *тенгере*»⁹⁵.

Еще одно упоминание *йол тенгри* содержится в древнетибетском памятнике. Распространенным жанром добуддийской тибетской литературы являются тексты, описывающие шаманские ритуалы, и «книги гаданий». В одной из тибетских гадательных книг, обнаруженной в той же дуньхуанской пещере Тысячи будд, что и «Ырк битиг», сохранился фрагмент версии «Каталога княжеств» — полуполюгендарного списка земель и правителей древнего Тибета и его соседей; в их числе названы «восемь северных земель»⁹⁶. Столица тех «северных земель» — замок Шу-балык (тиб. *Šu-ba-ba-leg*), где почитают «бога тюрков» (тиб. *Drug'u-i-lha*) Йол-тенгри (тиб. *Yol-tan-re ~ Yol-ten-re*). Там правят князья Иркин (тиб. *Hir-kin*) и Таркан (тиб. *Dar-kan*); их советники — Тюргеш (тиб. *Dur-gyus*) и Амача (тиб. *A-ma-ča*); их слуги — Черный тюрк (тиб. *Nag-drug*) и Амача⁹⁷.

Несколько строк, сохранивших скорее эпическую, чем историческую традицию, тем не менее доносят до нас и отзвуки реальной этнополитической обстановки в тюркском Притяньшане VIII–IX вв. Город и крепость Шу близ Баласагуна упоминает Махмуд Кашгарский, относя основание крепости к временам Зу-л-Карнейна (Александра Македонского), когда «города и страны вроде Тараза, Испиджаба и Баласагуна и прочих не были построены, все они построены позже»⁹⁸. Титул *иркин* носили вожди племен, составлявших в VII–VIII вв. западное крыло «десятистрельного народа» (*on oq bodun*), т. е. тюркских племен Западнотюркского каганата⁹⁹. Титул *таркан* был одним из высших в военно-административной иерархии тюркских каганатов. Титул *амача* носили царские советники в древних государствах Восточного Туркестана¹⁰⁰. Персонафицированный эт-

⁹⁴ История агван. С. 194.

⁹⁵ Потапов. Конь в верованиях и эпосе. С. 175.

⁹⁶ Lalou. Catalogue. P. 192.

⁹⁷ Ibid.; Uray. The Old Tibetan Sources. P. 299–300.

⁹⁸ Волин. Сведения. С. 85.

⁹⁹ Chavannes. Documents. P. 27–28.

¹⁰⁰ Uray. The Old Tibetan Sources. P. 301.

ноним *тюргеи* позволяет датировать тибетскую запись временем не ранее VIII в. Упоминание *йол тенгри* как главного бога западных тюрков могло бы стать поводом для пересмотра иерархического статуса этого божества, если бы представления тибетского автора о «северных землях» не были столь смутными. Все же можно отметить, что для иноземного наблюдателя образ *йол тенгри* был непосредственно связан с государственным культом тюрков.

Судя по функциям обоих *йол тенгри* в «Ырк битиг», одно из которых дает человеку *кут* («божественную» благодать, душу), а другое восстанавливает и «устраивает» государство (*эль*), они, скорее всего, посланцы небесного божества (Тенгри), непосредственные исполнители его воли. Рунические надписи дают много примеров того, что именно Тенгри ниспосылал благодать или «приказывал» и побуждал к созданию и воссозданию государства (*эля*) тюрков; само государство именуется в енисейской рунике *tenri el* «божественный эль»¹⁰¹. В случае правильности предполагаемой трактовки *йол тенгри* являются младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые, выполняя его волю, постоянно находятся в пути и связывают Верхний и Средний миры, так же как каганы, обращаясь к Небу с вопросами и мольбами (ср., например, цитированную выше Бугутскую надпись), осуществляют «обратную связь» Среднего мира с Верхним.

На шаманские функции каганов, лично общающихся с Небом, обратил внимание М. Мори¹⁰².

Мифы о божественном сотворении государства и небесном рождении каганов, о небесном звере — первопредке династии или племени подробно исследованы Ж.-П. Ру¹⁰³. В дополнение к изложенному там отметим позднее происхождение мифов о небоподобных и неборожденных тюркских каганах. Они возникают не ранее VI в. в уже сложившемся древнетюркском государстве и тесно связаны с мифом о происхождении тюркского эля. Согласно этому позднему мифу, именно Тенгри создал его около 535 г.; о пятидесятилетней давности события упоминает уже цитированное письмо тюркского Ышбара-кагана суйскому императору (585 г.)¹⁰⁴.

Орхонские надписи постоянно декларируют небесное происхождение каганского рода. Вместе с представлением о Тенгри и Умай как бож-

¹⁰¹ Малов. Енисейская письменность. № 1. С. 12; № 3. С. 17.

¹⁰² Mori. Historical Studies. P. 3–5.

¹⁰³ Roux. L'origine celeste. P. 231–241; Id. Faune et flore. P. 227–406.

¹⁰⁴ Аналогичный процесс сложения «политизированной» мифологии можно проследить в ту же эпоху и в соседнем с каганатом Тибете; см.: Macdonald. Une lecture des Pelliot tibétain. P. 166–189.

ственной чете, которая покровительствует каганскому роду, этот поздний мифологический цикл носил явственный отпечаток его рождения в классовом обществе и являлся несомненной частью государственного культа Тюркского каганата. Отдельные составные части этого культа: ежегодные жертвоприношения в «пещере предков», где в роли первосвященника выступал сам каган¹⁰⁵, почитание умерших предков-каганов, освящение каганских погребальных комплексов и каганских стел — все это упомянуто в рунических текстах или в сообщениях иноземных наблюдателей.

Мы не останавливаемся здесь на уже исследованных нами тюркских генеалогических мифах, включающих и повествование о «культурных героях-первопредках» (таков был Надулу-шад, принесший тюркам огонь; сам основатель рода, Ашина, отличавшийся «великими способностями»)¹⁰⁶.

Итак, несмотря на фрагментарность сообщений рунических памятников, все они свидетельствуют о сложной и развитой мифологии древнетюркских племен, содержащей как весьма архаичные (тотемные генеалогические и космогонические мифы), так и сравнительно молодые пласты, формирование которых завершилось в древнетюркских государствах с их четко выраженным элитарным и сакрализованным характером публичной власти.

ЭПИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Четверть века назад в советской тюркологии возникла дискуссия относительно литературной формы и жанра трех больших камнеписных памятников древних тюрков, написанных руническим письмом: надписей в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и надписи Тоньюкука (орхонских надписей). Даже самая краткая характеристика орхонских надписей позволяет отнести их к раннему архаическому типу историко-биографического повествования (в рамках эпитафии), совмещенного не только с политической декларацией и социальной дидактикой, в чем ощущается влияние иной культурной традиции, но и с отзвуками более древней структуры мышления.

Остановимся лишь на определении жанра этих надписей и сравним основные параметры эпического повествования (в оценках признанных исследователей эпоса) с повествованием орхонских надписей¹.

Жанровая трактовка орхонских надписей как историко-героических поэм, созданных в русле дружинного эпоса, нашла отклик и признание в работах некоторых фольклористов и литературоведов². Тюрколог-стиховед И. В. Стеблева определила эти тексты как образцы стихотворной речи, а их жанровую принадлежность обозначила как историко-героические поэмы, созданные в традиции дружинного (героического) эпоса³. Иначе оценил эту гипотезу и другие попытки такого рода В. М. Жирмунский:

¹ Общую характеристику надписей и связанных с ними ритуальных сооружений см.: *Кляшторный. Древнетюркские памятники*. С. 55–56.

² См.: *Трояков. Аналогии*. С. 74–88; *Рахманов. Поэтика памятника Кюль-тегину*. С. 4–5; *Туденов. Роль орхоно-снисейских надписей*. С. 71–86.

³ *Стеблева. Поэзия тюрков*. С. 148–161; *Она же. Поэзия тюрков VI–VIII веков*. С. 61. См. также: *Она же. Еще раз об орхоно-снисейских текстах*. С. 130; *Она же. Поэтика древнетюркской литературы*. С. 6–114. Ныне спор о жанровых и стилистических особенностях орхонских памятников приобрел неожиданную публицистическую заостренность — точка зрения И. В. Стеблевой объявлена единственно верной, а ее оппоненты обвинены в приверженности стереотипам, в боязни новизны и в «общем неуважении к корневым явлениям национальных культур», в результате чего «русскоязычный читатель знанием поэзии древних тюрков был обделен» (*Преловский. Поэзия древних тюрков: долгий путь к нам*).

¹⁰⁵ *Pelliot. Neuf notes*. P. 212.

¹⁰⁶ *Кляшторный. Древнетюркские памятники*. С. 103–114; *Он же. Проблемы ранней истории*. С. 278–281. В источниковедческом аспекте этот сюжет затронут турецким ученым Б. Огелем, см.: *Ögel. Türk mitolojisi*. P. 18–29.

«Рассмотрение этих надписей как образцов в древнетюркской народной эпической поэзии получило у нас в послевоенное время известный авторитет под влиянием романтического понимания народности в фольклористике и истории литературы»⁴. В. М. Жирмунский замечает: «В отличие от И. В. Стеблевой я полагаю, что орхонские и другие древнетюркские рунические надписи представляют тексты не стихотворные, а прозаические. Я думаю, что надписи представляют собой особый литературный жанр, письменный, а не устный»⁵. В другом месте: «Меньше всего следует искать при этом близости с героическим (дружинным) эпосом (как это делает И. В. Стеблева) и соответственно рассматривать надписи как генетический прототип или как отражение тюркского героического эпоса»⁶. Аналогичный вывод был сделан и Е. М. Мелетинским⁷.

В западной литературе, посвященной орхонским памятникам, нет единства относительно их жанровой атрибуции. По мнению А. фон Габен, надгробные надписи древних тюрков «являются для нас богатым историческим источником, хотя они и не были созданы с этой целью. Но, разумеется, богатство содержащегося в письменных текстах повествовательного материала позволяет сделать вывод и о том, что надписи были чем-то вроде государственного архива»⁸. А. Бомбачи в статье, изданной в 1964 г., видел в этих надписях «смещение жанров исторического повествования, политической риторики и эпики», причем с преобладанием последней⁹. А в монографии, вышедшей в 1968 г., он уже определял надписи, опуская характеристику их стилистических особенностей, исключительно как памятники древнетюркской историографии¹⁰. Л. Базен характеризует орхонские памятники как образцы эпитафийного жанра, в которых личные биографии излагаются в связи с событиями «национальной истории»¹¹. Более того, памятники свидетельствуют о «зарождении исторического жанра, в котором органично сочетались личные и государственные интересы»¹².

Все три памятника являются авторскими текстами, написанными либо при жизни их героев, либо сразу после их смерти, причем в двух случаях повествование ведется от имени самих героев эпитафии. Глубокого отрыва от настоящего времени, обязательного для эпоса, в надписях нет.

⁴ Жирмунский. О некоторых проблемах. С. 56. См. также: *Он же*. О тюркском народном стихе. С. 670, 674–680.

⁵ Жирмунский. О некоторых проблемах. С. 61.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Мелетинский. Происхождение героического эпоса. С. 251.

⁸ Gabain. Vorislamische alttürkische Literatur. S. 219.

⁹ Bombaci. The Turkic Literatures.

¹⁰ Bombaci. Histoire de la littérature turque. P. 16.

¹¹ Bazin. La littérature. P. 208–209.

¹² Базен. Человек и понятие истории у тюрков. С. 353.

В этой связи не следует игнорировать блестящее определение эпической диахронии, принадлежащее М. М. Бахтину: «Мир эпопеи — национальное героическое прошлое, мир “начал” и “вершин” национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир “первых” и “лучших”. Дело не в том, что прошлое является содержанием эпопеи. Отнесенность изображаемого мира в прошлое, причастность его к прошлому — конститутивная формальная черта эпопеи как жанра... Эпопея как известный нам определенный жанр с самого начала была поэмой о прошлом, а имманентная эпопее и конституитивная для нее авторская установка (т. е. установка произносителя эпического слова) есть установка человека, говорящего о недостижимом для него прошлом, благоговейная установка потомка»¹³.

Авторы орхонских памятников изображают как раз действительность их дней, не избегая даже вариативных прогнозов будущего своего государства и народа. Историческое в надписях предельно актуализировано, совмещено с настоящим, откровенно дидактично и полемически заострено.

В своей более поздней работе И. В. Стеблева уже не отрицает, что в надписях рассказано и о реальных событиях и их герои вовсе не выдуманы. Надписи неисторичны, по ее мнению, лишь из-за наличия в них «определенной системы описания, которая подчиняет себе способы изображения реально происходивших событий». Итак, по мнению И. В. Стеблевой, именно «система описания», т. е. вторичный для сюжета и содержания надписи признак, лишает текст историчности и превращает его в поэму, выстроенную в соответствии с некоей «этикетной» схемой, присущей, по утверждению И. В. Стеблевой, всем древнетюркским памятникам. Упреки в «неисторичности», которые адресуются авторам памятников, сводятся к обвинениям их в тенденциозности, выборочном отборе одних исторических фактов и в умолчании о других, к ссылкам авторов надписей на волю Неба и формульным описаниям военных событий. Неисторичность надписей И. В. Стеблева усматривает еще и в том, что изложение событий и принцип их отбора у тюркских авторов не совпадают с установками и принципами китайской историографии того времени¹⁴. Здесь И. В. Стеблева во многом права — и тюркская историография не похожа на китайскую, и «современному историку» приходится лишь сожалеть, что в те (только ли в те?) времена не существовало историографии, лишенной селективности и тенденциозности. Надписи действительно не выдерживают проверки на беспристрастие повествования. Нужны ли, однако, такая проверка и такого рода критика для несомненно эпи-

¹³ Бахтин. Эпос и роман. С. 456–457.

¹⁴ Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы. С. 61, 64.

ческого произведения? На этот вопрос ясный ответ дал Б. Н. Путилов: «Эпическая сюжетика не выдерживает проверки на внешнее правдоподобие и, в сущности, такую проверку отрицает»¹⁵.

Каков общий подход к проблеме историчности героического эпоса в современной советской фольклористике? По формулировке Е. М. Мелетинского, героический эпос в отличие от архаического «теряет мифические черты и приобретает исторические, вернее, квазиисторические, поскольку существенным является изменение языка описания, а не правдивое отображение исторических объектов»¹⁶. Более развернуто проблему осветил Б. Н. Путилов: «В героическом эпосе мы всегда имеем дело с вымышленными, то есть созданными народной фантазией по определенным законам эпического творчества, сюжетами и образами». И далее: «Реальность входит в эпическую сюжетику не летописными фактами, не датируемыми определенными событиями — сражениями, осадами, походами, сменами правителей и т. д., а типовыми, устойчивыми явлениями, сторонами жизни, ситуациями, которым свойственна повторяемость, всеобщая значимость и которые определяют быт эпохи»¹⁷.

Между тем орхонские надписи повествуют о подтвержденных другими источниками реальных событиях — сражениях, восстаниях, походах, сменах правителей, точно датированных по годам и месяцам жизни их героев или, иногда, по годам двенадцатилетнего «животного» цикла¹⁸.

Тем не менее, пока и поскольку орхонские памятники до недавнего времени оставались древнейшими текстами, фиксировавшими весьма многослойную письменную традицию тюрков, пока и поскольку поиск аналогов выводил исследователей за рамки имманентной для древней Центральной Азии культурной среды, парадоксальные оценки находили известное оправдание в стремлении увязать первые проявления литературной деятельности с гипотетически реконструируемым фольклорным миром той отдаленной эпохи. Реконструкция, впрочем, была осуществлена простейшим образом — в прошлое опрокинута исторически недавнее эпическое наследие современных тюркоязычных народов. Не менее органичным «для древнетюркского автора», «так же как и для древнерусского», объясняется его безусловная подчиненность нормам общего для обеих культур «литературного этикета»¹⁹.

Остается, правда, загадкой, каким образом огромное общекультурное и литературное наследие, воспринятое древнерусской средой после ее

христианизации и обусловившее вслед за тем проникновение этикетности из сферы социальной жизни в сферу литературную, было усвоено центральноазиатскими кочевыми племенами VIII в. и преобразовано в импульс для еще только зарождавшейся письменности.

Между тем после недавних археологических открытий в Северной Монголии стал доступен письменный памятник, созданный в первом Тюркском каганате за 150 лет до орхонских стел. В 582 г. в местности, которая теперь называется Оленья падь (Бугут), был сооружен поминальный храм в память о Таспар-кагане, четвертом властителе империи тюрков. Там, на каменной черепахе, была воздвигнута стела с эпитафийной надписью. По трем сторонам песчаниковой плиты была вырезана наполовину сохранившаяся надпись по-согдийски. Четвертая сторона несла ныне разрушенный текст на санскрите, письмом брахми²⁰.

Все последствия открытия Бугутского памятника для изучения древнетюркской культуры оценены еще не в должной мере, но определилось основное: по структуре и сюжетам, по политической публицистичности и историографическому фону актуального изложения Бугутская надпись мало чем отличается от позднейших, значительно более обширных орхонских надписей и является их прообразом²¹. И ее язык, и ее содержание свидетельствуют об определяющем влиянии на создателей памятника преломленной через иранское посредство восточноазиатской историко-политической традиции («монументальной пропаганды»), породившей значительную камнеписную литературу в Северной Индии, Афганистане, Средней Азии, Восточном Туркестане, застенном Китае, Корее и Монголии²². Литературная и языковая специфика каждого региона не уничтожала общих черт, порожденных культурно-исторической близостью различных частей этого взаимосвязанного мира, прошитого нитями торговых путей и военных маршрутов, потоками переселенцев и тропами пилигримов. Вращение центральноазиатских тюрков в своеобразную и синкретическую культуру Сериндии относят обычно к становлению Уйгурского государства в Таримском бассейне (IX в.). Как оказалось, начало было положено много раньше.

Не касаясь более культуроведческой тематики, связанной с открытием Бугутской надписи, отмечу, что жанровые истоки орхонской литературной традиции лежат не в гипотетических поэмах, распевавшихся сказителями, и тем более не в некоем подобии древнерусской модели этикетной

¹⁵ Путилов. Методология. С. 234.

¹⁶ Мелетинский. Введение в историческую поэтику. С. 79.

¹⁷ Путилов. Методология. С. 233.

¹⁸ Бартольд. Древнетюркские надписи. С. 284–311.

¹⁹ Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы. С. 90–91.

²⁰ Кляшторный, Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. С. 121–146; Кляшторный. «Государь Китая». С. 44–46.

²¹ Кляшторный, Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. С. 135.

²² См., например: Gabain. Einführung. S. 33–34.

повести, а в мощном пласте многовековой внутриазиатской цивилизации, полиэтнической по генезису, многоязыкой по воплощению, международной по восприятию.

Что же дало повод попыткам приписать орхонским надписям фольклорный характер или искать в них эпическую условность и этикетность? Прежде всего стилистическая близость некоторых использованных в памятниках литературных приемов к повествовательным формам, обычным для эпоса тюркоязычных народов. Особенно заметно сходство устойчивых традиционных формул при описании боевых подвигов героев эпоса и героев надписей, хотя в последнем случае без свойственной эпосу чрезмерной гиперболизации.

Указывает ли эта очевидная близость на эпическую природу повествования в трех орхонских надписях? Ответить положительно можно лишь в том случае, если игнорировать один из важных принципов современной фольклористики, наиболее выразительно сформулированный К. В. Чистовым: «Духовная культура архаического типа еще не знает нефольклорных форм, связанных с языком»²³. Архаичность языка и стиля надписей даже для той эпохи, когда они были созданы, отмечена в работах, посвященных языку памятников²⁴.

Выдающийся алтайский фольклорист С. С. Суразаков, сравнив стилистические особенности орхонских надписей и алтайских эпических сказаний, показал, что между ними есть сходство, но нет тождества, нет прямых совпадений. По объяснению исследователя, для надписей и для эпоса имеется единый источник повествовательных приемов и средств — «высокая, торжественно приподнятая, патетическая речь, которая сложилась в народе еще в глубокой древности» и использовалась в особо важных случаях. Сами же надписи «повествуют о действительных событиях и лицах и в этом смысле представляют исторический документ»²⁵.

Более прагматичен в подходе к той же проблематике И. В. Кормушин: «Стремление во что бы то ни стало убедить тех, к кому обращена надпись... естественно приводило к необходимости воздействовать не только на разум, но и на чувства читателя. Данная установка реализовывалась в особом эмоциональном построении текста, насыщенного метафорами, сравнениями, гиперболами и другими тропами». Жанр надписей И. В. Кормушин определяет «как сочетание историографических повествований

²³ Чистов. Фольклор и культура этноса. С. 5.

²⁴ См., например: Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. С. 165.

²⁵ Суразаков. Алтайский героический эпос. С. 95; Он же. Сходные черты. С. 259.

с этико-политическими прокламациями»²⁶. «Блестящими историческими хрониками» назвал орхонские памятники А. Н. Кононов²⁷.

Хотя весь пафос, весь план изложения орхонских надписей подчинен и посвящен делам и людям, мыслям и устремлениям «сегодняшнего дня», авторы текстов не могли игнорировать мифологические или иные фольклорные мотивы, свойственные «картине мира», выработанной культурной средой их авторов²⁸. Поэтому отказ от определения орхонских надписей как записи цельных эпических поэм не должен повлечь за собой отказ от поисков в репертуаре древнетюркской руники сюжетов, в той или иной степени сохранивших отголоски эксплицитно не обозначенной эпической традиции.

Само наличие обычных для эпоса изобразительных приемов как будто свидетельствует о возможности существования синхронных надписям, но сюжетно не связанных с ними эпических сказаний. Особенное впечатление производят очевидные фольклорные интерполяции, сделанные Йоллыг-тегином, автором двух орхонских надписей, при изложении событий двухсотлетней для него давности. Четыре первых строки больших надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана отмечены смешением достоверных историко-генеалогических деталей, ныне подтвержденных Бутутским памятником, с мифологическими формулами, соотносящими сотворение мира и рождение государства тюрков. Краткое упоминание функций каганской власти дополнено эпической гиперболой о покорении «четырех углов света». Эта гипербола, названная И. В. Стеблевым «некоторым преувеличением»²⁹, очевидно, противоречит тут же приводимой точной фиксации тогдашних границ каганата — Кадырканская чернь (Хинган) на востоке и Железные ворота (северная часть Тохаристана) на западе. В этом пассаже ясно проявляется формально-стилистический характер использования фольклорных тропов в архаичном историографическом тексте.

Свойственные надписям стилистические стереотипы не могут быть прямыми и безусловными аргументами, показывающими существование древнетюркского эпоса. Таким аргументом могла бы стать только прямая фиксация бесспорного эпического сюжета в руническом памятнике.

* * *

Лапидарность орхонских текстов оставляет, казалось бы, мало надежды для поиска эпических сюжетов в композиционно строгих и темати-

²⁶ Кормушин. Текстологические исследования. С. 142.

²⁷ Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 40.

²⁸ Кляшторный. Мифологические сюжеты. С. 117–138.

²⁹ Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы. С. 91–92.

чески ограниченных повествованиях. Репертуар тюркской руники содержит, однако, один достаточно крупный и весьма эклектичный памятник, не лишенный, впрочем, перспективности в интересующем нас аспекте филологического анализа. Речь идет о «Книге гаданий», или, иначе, «Книге предзнаменований» («Ырк битиг»), весьма загадочном и трудном для интерпретации памятнике рукописной литературы.

Рукопись этого уникального произведения древнетюркской словесности, хранящаяся в Британском музее (Ог. 8212), является крупнейшим образцом «рун на бумаге» (58 листов, сшитых в маленькую книжку). Она была обнаружена А. Стейном в 1907 г. близ Дуньхуана (Западный Китай), в знаменитой пещерной библиотеке Тысячи Будд, замурованной в конце X в. Первый издатель и интерпретатор этой находки В. Томсен назвал ее самой замечательной, самой полной и наилучшим образом сохранившейся из всех рукописей, написанных тюркским руническим письмом³⁰. Издание Томсена, по общему признанию, до настоящего времени остается единственно приемлемым для изучения памятника³¹. Ограничив факсимильное воспроизведение рукописи лишь несколькими листами, В. Томсен тем не менее, совмещая транслитерацию с транскрипцией и фиксируя пунктуационный знак-словоразделитель, точно воспроизвел текст, сохранил и частично оговорил все ошибки писца. К сожалению, в последующих изданиях транслитерация либо недостаточно последовательна, либо вовсе игнорируется, несмотря на отсутствие факсимиле и признанную условность многих мест транскрипционного текста³².

«Книга гаданий» была записана на оборотной стороне более старых китайских документов в марте 930 г. одним из младших юлириков манихейской обители Великого Облака, со слов или под диктовку его наставника, для старшего брата писца, военачальника Ит Ачука. Наставник назван *буруа гуру*, т. е. «гуру-предсказатель»³³. Текст состоит из 65 отдельных повествований-предзнаменований и приспособлен для гадания. Перед каждым повествованием выписаны три группы кружков, и в каждой из них насчитывается от одного до четырех кружков. Три бросками игральной кости определялось необходимое сочетание очков для обращения к соответствующему коду в книге. Оптимальное число возможных сочетаний — 64, что и соответствует, с одним дополнением, числу предзнаменований. Возможно, использовалась и разграфленная доска³⁴.

³⁰ Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 226.

³¹ Ibid. P. 226–254.

³² Orkun. Eski türk yazıtları. S. 73–91; Малов. Памятники. С. 80–92.

³³ Hamilton. Le colophon de l'Irg bitig. P. 7–19.

³⁴ Arlotto. Old Turkic oracle Books. P. 685–696.

А. Арлотто окончательно доказал, что техника гадания здесь восходит не к китайской, а к тибетской модели. В тюркологической литературе Дж. Гамильтон первым прямо указал на типологическое сходство «Книги» с тибетскими гадательными книгами, популярными на территории Восточного Туркестана во времена тибетской оккупации (VIII–IX вв.)³⁵. Ранее такого рода структурные совпадения уже были отмечены тибетологами³⁶.

Каждая из 65 «новелл» «Книги» представляет собой или краткое отрывочное повествование, обычно очень схематичное, или фрагмент прямой речи, предельно эмоциональный, но не имеющий контекста и не связанный с двумя соседними «новеллами». Повествование сопровождается сентенцией, содержащей положительную («это хорошо») или отрицательную («это плохо») оценку, что и позволяет определить результат гадания, ибо в самом сюжете предзнаменования оценочные акценты не были расставлены. Если снять эти конечные сентенции, т. е. абстрагироваться от сугубой функциональности «Книги», неизбежен вопрос: чем же являются сами по себе пассажи, включенные в «Книгу»? Составлена ли «Книга» из специально выдуманных фрагментарных и схематичных микросюжетов и столь же фрагментарных обрывков прямой речи или в «Книгу» включены, т. е. вторично использованы, какие-то общеизвестные среди тюркского населения Восточного Туркестана фольклорные либо литературные сюжеты, схематизированные и раздробленные для известной утилитарной цели на мелкие фрагменты?

Хотя подобная альтернатива и не возникала в исследовательской литературе, косвенный выбор первой указанной возможности нашел в ней отражение. Так, по мнению А. фон Габэн, «Книга» состоит из «простых сцен», внутри которых «интересы сосредоточены вокруг охоты, животноводства и домашней жизни»³⁷. Более полную характеристику содержания «Книги» дала И. В. Стеблева, которая выделяет четыре категории повествований: сцены из быта людей и животных, мифические и сказочные сюжеты, описания природы и сентенции. Никакой внутренней связи между отдельными повествованиями она не усмотрела³⁸.

Обратимся к тибетским прототипам «Книги». Тибетские гадательные тексты той же древности, что и «Книга», были обнаружены во время рас-

³⁵ Hamilton. Le colophon de l'Irg bitig. P. 9–10.

³⁶ Thomas. Ancient folk-literature. P. 114; Hoffman. Tibet. P. 193.

³⁷ Gabain. Die alttürkische Literatur. P. 215–216.

³⁸ Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы. С. 116. В другой работе И. В. Стеблева утверждает, что «в древнетюркской "Книге гаданий" нашел отражение принцип бинарных семантических противопоставлений, характерный для стилистической конструкции манихейских сочинений», а сама «Книга» — «сплав манихейской религии с шаманизмом». См.: Стеблева. Синкретизм религиозно-мифологических представлений. С. 53–54.

копок в Восточном Туркестане, главным образом в Турфанском оазисе и в области Хотана. Близкие по характеру тибетские сочинения найдены в пещерной библиотеке Дуньхуана вместе с рукописью «Книги». Более древним прототипом тибетских текстов являются индийские гадательные книги. Все исследователи тибетских текстов отмечают их чрезвычайное сходство с «Книгой». Тибетские книги предзнаменований также включают в себя небольшие сюжетно изолированные друг от друга повествования, обычно связанные с повседневной жизнью; каждая «новелла» завершается оценочной формулой. Повествования чаще смешанные — стихотворные и прозаические, но многие «новеллы» только прозаические или только стихотворные. В самом тексте повествования не содержится каких-либо элементов предсказания или гадания, но формируются образ, сцена или ситуация, сопровождаемые финальной оценочной формулой. Как в тюркском, так и в тибетском варианте предсказаний оценки не имеют этического характера, что уже было отмечено В. Томсеном и Ф. В. Томасом. Конечные формулы лишь указывают на результаты гадания о дальнейшей судьбе вопрошающего, о возможных последствиях его действия. Оценка и повествовательный сюжет, как правило, независимы друг от друга, хотя в отдельных обрисованных образах «могут содержаться эмоционально окрашенные черты, небезразличные для этической оценки ситуации». Особенно важен результат специального исследования Р. Стейна — использованные в этих архаических памятниках стихотворные и прозаические тексты были вырваны из контекстов уже существовавших в древнетибетском фольклоре и письменно зафиксированных повествований³⁹.

В этом способе составления гадательных книг особенно ясно проявляется связь тюркского и тибетского образцов. Но как бы ни было велико структурно-типологическое, а не только функциональное сходство тюркского и тибетского памятников, оно тем не менее не распространяется на содержательный состав отдельных повествований «Книги». Остается вполне правомерным вывод В. Томсена, согласно которому «целый ряд деталей настолько тесно связаны с образом жизни тюрков... что невозможно предположить перевод текста с какого-либо другого языка»⁴⁰.

Очевидно, что в основе 65 микрорассказов, составляющих «Книгу», были немногие собственно тюркские фольклорные или литературные тексты, вполне самодостаточные по сюжетной завершенности. Эти тексты, хорошо известные автору «Книги», анонимному «гуру-предсказателю», он использовал при составлении заказанной ему гадательной кни-

³⁹ Thomas. Ancient folk-literature. P. 113–157; Stein. Etude du monde chinois. P. 440–450.

⁴⁰ Thomas. Ancient folk-literature. P. 232.

ги, применив такой же прием, что и его тибетские собратья по профессии. Иначе говоря, из произведений, входивших в круг чтения или устного исполнения, были выбраны более или менее обширные отрывки, которые или сокращенно пересказаны, или дословно воспроизведены, а затем, после функциональной оценки, произвольно рассредоточены, разбросаны при изложении, что и обеспечивало эффект случайности во время гадания.

В случае, если предложенный вывод правилен, то как бы ни были фрагментарны отдельные «новеллы» «Книги», как бы ни были рассредоточены отрывки, часть их неизбежно восходит к одному и тому же тексту. Иначе пришлось бы предположить, что при составлении гадательной книги использовано 65 полных и независимых друг от друга повествований, что допустимо лишь спекулятивно. Текстом, удостоверяющим гипотезу, должно стать выявление скрытых связей, обнаружение стыков между несколькими рассказами «Книги», способными обеспечить имплицитный макро-сюжет.

Однако сопоставление рассказов, их «сборка» по принципу мозаики возможны только при наличии в двух или нескольких из них общего признака, однозначно маркирующего эти рассказы. В нашем случае, при неизбежном стилистическом разном в эклектическом тексте, таким признаком может быть только основной для любого сюжета показатель — единое главное действующее лицо, общий герой повествования.

Главным действующим лицом девяти рассказов «Книги» является эр («муж-воин»); в одном случае «муж-воин» назван также *бег*, и с этим титулом он уже упомянут еще в двух эпизодах. В шести случаях упомянут *хан*, в одном — «сын Неба». В десяти эпизодах фигурируют мальчик и юноша (*уры*, *огул*, *оглан*), причем в одном случае оговорено, что он «сын мужа-воина», и еще в одном — «сын бедного мужа». Конечно, нельзя исключить перекрещивающихся самостоятельных сюжетов, но и после исключения неоднозначно маркируемых эпизодов одна линия — «ребенок-юноша-муж-воин» выстраивается в единый сюжетный ряд, продолженный линией «хан-сын Неба». Другая линия, впрочем, может быть и самостоятельным сюжетным рядом. Обе линии дополняются иными сюжетами, которые маркируются устойчивыми атрибутами. Например, линия хана дополняется упоминаниями государства (*эль*), а линия бега — линией княгини и линией раба.

Обе главные сюжетные линии увязаны между собой еще одним звеном, имеющим немаловажное значение для развертывания повествования. Речь идет о постоянно присутствующем и все определяющем в развитии сюжета факторе — божестве, божественной силе, которая и предreshает исход событий в критических ситуациях.

Сам герой раскрывает себя прямой речью, выражающей похвальбу, декларацию воинской доблести, мужских достоинств, государственной

мудрости. Впрочем, увязки фрагментов, содержащие самопрославление, с конкретными эпизодами сюжета не могут не быть приблизительными.

Следует еще раз оговорить, что даже увязанные друг с другом рассказы «Книги» не являются полным изначальным текстом. Остается неясным, какая доля изначального текста нашла отражение в рукописи. Возможности реконструкции снижает и схематичность пересказа сюжетного ядра. Тем не менее, со всеми оговорками, опыт восстановления цельных сюжетных линий возможен, и ниже мы предлагаем такого рода попытку, касающуюся только тех рассказов, которые явно или неявно могут быть соотнесены с намеченными здесь сюжетными линиями. Естественно, опускаются вводные и оценочные формулы, предназначенные для гадательных целей и не связанные с изначальным текстом.

Ниже я полностью следую транскрипции В. Томсена, не повторяя ее в тексте статьи и сохраняя предложенную ученым нумерацию разделов. В переводе учтены накопленные в специальной литературе поправки, предложено и собственное понимание текста, хотя по-прежнему некоторые термины остались непонятыми и интерпретированы условно⁴¹.

В качестве пролога к повествованию используется мифологический сюжет о космической катастрофе и восстановлении миропорядка. Затем последовательно разворачиваются сюжеты сказания о герое: встреча с богом судеб сразу после рождения, завет великой судьбы, богатырское детство, непослушание родителям и раскаяние, прелюдия к сватовству (выбор невесты), военный поход, битва, подвиг, наречение мужем-воином, чудесное возвращение из другого, неудачного похода с помощью предка-тотема, изготовление войлоков и устройство юрты для свадьбы, мольбы подземному и небесному божествам о богатстве, потомстве и о княжеской благодати, исполнение завета бога судьбы, нападение врага и гибель ставки, новое вмешательство бога судеб и возведение князя на ханский престол, поход хана, ханская охота, апофеоз хана — «сына Неба».

Реконструкция

(Пролог. Космическая катастрофа и восстановление миропорядка)

XX

Наверху была мгла, внизу был прах.
Птицы летели и сбивались с пути,

⁴¹ Подробно о корректировках текста «Книги» см.: *Кляшторный*. Мифологические сюжеты. С. 126–127.

Звери бежали и сбивались с пути,
Сыны человеческие шли и сбивались с пути.
На третий год, по милости Неба,
Снова увидели друг друга
В здравии и благополучии.
Все радовались и веселились!

XXI

Занялась заря,
Потом осветилась земля,
Потом взошло солнце,
Надо всем засиял Свет!

LIII

Шло серое облако — оно пролилось над народом.
Шла черная туча — она пролилась над всей [землей],
Созрели злаки, выросли травы,
Скот и люди благоденствовали.

(1. Детство и юность героя: встреча с богом судеб вскоре после рождения; завет великой судьбы)

II

«Я — бог судеб! И ночью, и на рассвете скачу я на пегом коне!»
Он скакал навстречу двухмесячному сыну человеческому. Они встретились. Человек испугался.
[Бог] сказал: «Не бойся! Я дам тебе [княжескую] благодать!» Так он сказал!

(Богатырское детство. Непослушание родителям и раскаяние)

XI

Смелый мальчик копьем рассек крутую скалу. Он ходил [вдали от дома] в одиночку. Так отважен он был!

LVIII

Сын, рассердившись на мать и отца, убежал из дому. Потом он одумался и вернулся. «Внемлю-ка я наставлениям моей матери! Да услышу я наставления моего отца!» — [так] он сказал и вернулся.

XXIII

Юноша нашел хвост кукушки (сокола?). Да будет счастлива невеста, украшенная перьями этой птицы!

(Поход, битва, воинский подвиг, юноша становится мужем-воином)

Сын героя-воина пошел в поход. На поле битвы Эркиг (бог мира мертвых. — С. К.) сделал его [своим] посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным, со славою [мужа], достигшего зрелости.

(Чудесное возвращение из неудачного похода)

XXXV

Муж-воин пошел в поход. По дороге его конь отошал [и пал]. Муж-воин с птицей-лебедем повстречался. Птица-лебедь посадила его на свои крылья и, взлетев с ним, отправилась [в путь], к матери и отцу его доставила. Мать и отец очень радовались!

(Изготовление войлоков и устройство юрты для новобрачных?)

XVII

Что за юрта [получилась]! [Хороша] внутри! Что за верх у нее! До чего [хороша] рама дверного проема! До чего красиво кольцо дымового отверстия! Что за веревки ее [обвязывают]!

(Муж-воин просит у богов богатство, потомство и княжескую благодать)

XII

Муж-воин отправился на охоту. В горах он камлал, [говоря]: «Эркиг — на Небе [властелин]!»

(Эркиг отвечает мужу-воину)

XXXVI

«Нет у тебя радости в обладании многими конями! Нет у тебя печали из-за обладания никчемными конями! Нет у тебя высокой благодати!»

(2. Во исполнение божественного завета муж-воин становится бегом)

Муж-воин был опечален, а Небесный Бог (Тенгри) был закрыт тучами. Между ними взошло солнце, пришла радость среди печали!

Муж-воин полз [на коленях] и встретился с Небесным Богом. Он попросил [у него] княжеской благодати и Небесный Бог даровал [мужу-воину] княжескую благодать! И сказал Небесный Бог: «Да будут кони в твоих загонах! Да будет долгой твоя жизнь!»

VII

Муж-воин быстро возвращается домой и приносит добрые вести.

VI

Князь, муж-воин, пошел к своим лошадям. Его белая кобылица ожеребилась. [Жеребенок] с золотыми копытами станет племенным жеребцом!

Он пошел к своим верблюдам. Его белая верблудица принесла верблюжонка. [Верблюжонок] с золотыми бабками станет племенным самцом-верблюдом!

Он пошел в свою юрту. Третья [радость его ждала] — жена-княгиня родила ему сына.

«Годится для княжения!» — сказал он. Радостным был князь, муж-воин.

(3. Прелюдия к теме: нападение, битва, гибель ставки)

Сокол, [охотящийся] у реки, отправься за добычей. Навстречу взлетел хищный орел.

(Похвальба сокола)

IV

«Я — благородный пестрый сокол! Сидя на сандаловом дереве, я радуюсь!»

LXIV

«Я — вольный сокол! Я сижу на красивой скале и оглядываю [все вокруг]! Поселившись на ореховом дереве, я провожу лето!»

(Похвальба орла)

III

«Я — златокрылый хищный орел!
 Добыча для моего тела еще не истощилась!
 Я живу у моря,
 Я хватаю то, что мне по нраву!
 Я ем то, что мне по вкусу!
 Так я силен!»
 «Я — хищный орел!
 Зеленая скала — моя летовка!
 В тех горах я живу и радуюсь!»

(Битва)

VI

Медведь с кабаном на перевале столкнулись,
 У медведя брюхо распорото!
 У кабана клыки сломаны!

(Гибель ставки в отсутствие князя)

IX

Большая (княжеская) юрта сгорела!
 Ее (войлочное) покрытие сгорело без остатка.
 Ее ограда сгорела без остатка!

XIII

[Лишь] благочестивая старуха осталась в развалинах.
 Она лизала край масляного ковша и ожила, избавилась от смерти.

XIV

Кузгуна [враги] привязали к дереву. Они говорили:
 «Покрепче вяжите! Хорошенько вяжите!»
 Речь раба обращена к князю,
 Речь Кузгуна молит Небо!
 Вверху Небо услышало!
 Внизу люди узнали!

XLVIII

(4. Бог судеб спасает князя и делает его ханом)

«Я — бог судеб на вороном [коне]!
 То, что у тебя сломано, я соединяю!
 То, что у тебя разорвано, я связываю!
 Я — устроитель эля (государства. — С. К.)!
 Да будет [эль] благополучен!»

XXVIII

Хан воссел на престол.
 Он воздвиг [новую] ставку.
 Его эль возродился,
 Благородные и могущественные [мужи],
 Со всех четырех углов света собравшись,
 Радовались и веселились!

(Слова хана)

«Тех, кто достиг [многих] лет [жизни],
 да не погублю я!
 Тех, кому еще [мало] месяцев,
 да не доведу до гибели!
 Да будут они в благополучии!»

XXXIV

Хан пошел в поход.
 Он победил [своих] врагов, переселил их [на новые места],
 поселил их [там]. Он сам и его войско возвращались в ставку,
 радуясь и веселясь!

(Похвальба хана)

X

«Я — зевающий тигр!
 Моя голова в камышах!
 Так я храбр!
 Так я отважен!»

XXXI

«Тигр отправился за добычей!
Он нашел много добычи,
А найдя ее, в свое логово возвращается
и радуется».

(Ханская охота)

IXIII

Войско хана вышло на охоту.
В облаву попали косули.
Хан своей рукой ловил их.
Все войско радовалось!

(Похвальба хана)

LXII

«Я — яргун-зверь!
Я поднимаюсь на свои летовки в горах
И там я провожу лето!
Радостен я!»
«Я — благородный жеребец [того] табуна!
Мое летовье в ореховой роще,
Мое зимовье в птичьей роще,
Там я живу и радуюсь!»

IX

«Я — самец-верблюд породы титир!
Я брызжу своей белой пеной!
Вверху она достигает неба,
Внизу она уходит в землю!
Я бегу, пробуждая спящих!
Я бегу, поднимая лежащих!
Так я силен!»
«Я — марал с Девяти островов! Встав на красивые колени, я реву!
Вверху небо услышало, внизу люди узнали. Такой я сильный!»

(Апофеоз)

I

«Я — могущественный владыка! Утром и вечером, сидя на золотом троне, я радуюсь!

XI

Гонцы на буланных конях, послы на гнедых конях приносят [мне]
добрые вести!»

Развертывание реконструированной сюжетной линии, несмотря на условность связи некоторых пассажей, не оставляет тем не менее сомнения, что «Книга гаданий» сохранила, хотя и в крайне фрагментарном виде, одно из эпических сказаний, существовавших в эпоху становления древнетюркских государств.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

Памятниками древнетюркской письменности, или древнетюркской литературой, принято называть обширный репертуар тюркских эпиграфических или написанных на бумаге текстов руническим или уйгурским письмом, а также письмом брахми, согдийским, манихейским и сирийским письмом (эстрангело)¹. Единичные тюркские тексты написаны тибетским письмом². Иногда к древнетюркским памятникам относят некоторые арабографичные тексты на тюркском языке или с тюркскими глоссами³. Более узкое определение древнетюркских памятников охватывает только рунические тексты. Время появления древнетюркских памятников относят обычно к VII–VIII вв., верхняя граница существования древнетюркской литературы менее ясна и колеблется в пределах XI–XV вв.⁴

Язык, на котором написан означенный круг памятников, за исключением арабографичных текстов, называют «древнетюркским». Более корректным было бы выделение двух очень близких языков — языка тюркских рунических памятников и языка древнеуйгурских памятников⁵. Расхождения между обоими языками невелики. Практическое единство языка литературных текстов осознавалось и творцами памятников. Так, создатели памятников древнеуйгурским письмом называют свой язык

«тюркским». Вот как определяют они свой язык в колофонах переводных сочинений: *jana tavyač tilintin bišbalyqlıy Şıñqu seli tutuñ janyrtı türk tilinče evirmiş... namo but namo darm namo san* «Заново перевел с табгачского (китайского. — С. К.) языка на тюркский язык Шынгко Шели-тутунг (Сынгку Сели-тудун) из Бешбалыка. Хвала Будде, хвала дхарме, хвала сангхе!» Это пишет знаменитый уйгурский переводчик и писатель конца X — начала XI в. в колофоне к переводу биографии Сюаньцзана⁶. Ту же формулу он повторяет при переводе других буддийских сочинений с китайского языка. Только при переводе одной из самых значительных буддийских сутр, «Суварнапрабхасы» (Сутра золотого блеска; *Altun jaryq*), Шынгко Шели называет свой язык более подробно: *bosyutluğ bišbalyğ Şıñqu seli tutuñ tavyač tilintin türk uñğur tilinče ikiläñ evirmiş* «Ученый Шынгко Шели-тутунг из Бешбалыка вновь перевел [это] с табгачского (китайского. — С. К.) языка на тюркский уйгурский язык»⁷. Впрочем, в колофоне берлинской рукописи этого сочинения слово «уйгурский» отсутствует⁸.

Из колофона рукописи древнетюркского перевода буддийского сочинения «Майтрейясамити» известно, что текст переведен сначала с санскрита на тохарский А, а с тохарского — на тюркский «священную книгу «Майтрейясамити», которую бодхисатва гуру ачарья Арьячандра, родившийся в стране Агнидеша, перевел с индийского языка на тохарский (*toğry*) и которую гуру ачарья Праджняракшита, родившийся в Ильбалыке, перевел с тохарского языка на тюркский язык (*toğry tilintin türk tilinče evirmiş*)»⁹. Другой буддийский переводчик пишет в колофоне: *Toğry tilintin şilazin prañiki jangyrtı türkçe evirmiş* «С тохарского языка на тюркский заново перевел Шилазин-прашники»¹⁰.

В представлении уйгурских грамотеев-переводчиков, монахов, чиновников, литературно-языковая традиция, восходящая к руническим ste-lam при поминальных храмах тюркских и уйгурских каганов на Орхоне, была непрерывной, независимой от смены веры и обычаев, и она, эта традиция, по праву связывалась с ее творцами и создателями первых письменных текстов, именовавшими свой язык тюркским. Древнетюркская литература представлена в Восточном Туркестане и в прилегающем к нему районе Дуньхуана памятниками всех перечисленных систем письма. Более того, древнетюркские памятники письма брахми, тибетским, согдий-

¹ *Gabain*. Alttürkische Grammatik. 3. S. 1–14.

² *Franke*. Tibetische Handschriftenfunde. S. 5–6; *Gabain*. Einführung. S. 67.

³ *Малов*. Памятники. С. 3.

⁴ С. Е. Малов относит к древнетюркским тексты на тюркском языке (языках) из Средней и Центральной Азии, созданные «приблизительно с V по XV в.» (*Малов*. Памятники. С. 3). Авторы «Древнетюркского словаря» вслед за В. В. Радловым относят к древнетюркским «предпочтительно памятники центральноазиатского ареала» VII–XIII вв. (ДТС. С. 6). Дж. Клоусон определяет «древнетюркский» (Early Turkish) как язык памятников VIII–XII вв. (*Clauson*. An etymological dictionary. С. 6). О. Прицак относит время существования древнетюркского языка к периоду до середины XI в., когда сложился, по его мнению, «исламский литературный язык Караханидского государства» (*Pritsak*. Das Alttürkische. S. 27–28).

⁵ *Кондратьев*. Грамматический строй. С. 3–11. А. Н. Кононов вообще избегает термина «древнетюркский язык», четко отграничивая тем самым язык тюркских рунических памятников от других современных ему тюркских литературных языков (*Кононов*. Грамматика языка тюркских рунических памятников; *Tekin*. A grammar. P. 8–9).

⁶ *Тугушева*. Фрагменты. С. 114–124; *Gabain*. Brief. S. 338. О Шынгко Шели и его переводах см.: *Hamilton*. Les titres. P. 425–437; *Tekin*. Uyğur bilgini. P. 29–33.

⁷ *Radloff*, *Malov*. Suvarnaprabhasa. P. 343.

⁸ *Müller*. Uigurica. S. 14.

⁹ *Müller*, *Sieg*. Maitrisimit. S. 414.

¹⁰ *Müller*, *Gabain*. Uigurica. S. 678.

вариантах, финикийская, арамейская — в ряде вариантов, в том числе парфянская, согдийская, хорезмийская, пехлевийская, «арамейско-тамговая»), наиболее вероятной уже давно признается гипотеза о создании рунического письма на основе согдийского, восходящего, в свою очередь, к арамейскому письму ахеменидского периода»¹⁶. Создатели рунического письма использовали тот же набор букв согдийского алфавита, который представлен и в уйгурской письменности, но отказались от системы обозначения гласных, характерной для согдийского (и лишь модифицированной в уйгурском письме), и разработали силлабарий, который базируется на оппозиции слогов с передними и задними гласными. Многие палеографические особенности знаков древнетюркской руники при сравнении с их согдийскими прототипами хорошо объяснимы, если учитывать монументальный характер рунического письма. Однако это обстоятельство ни в коей мере не умаляет оригинальности замысла творцов руники — они создали на базе согдийского алфавита принципиально новую письменность. По мнению Дж. Клосона, которому принадлежит одна из наиболее интересных гипотез о генезисе знаков рунического письма, при создании древнетюркской руники были использованы помимо согдийского также греческий курсив (в его бактрийско-эфталитской разновидности) и среднеперсидское (пехлевийское) письмо¹⁷. Если учитывать известные ныне данные о согдийском алфавите, который насчитывал не 18 графем, как обычно считалось, а по меньшей мере 22, то для реконструкции пути, которым шли создатели тюркских рун, т. е. для воссоздания исходного комплекса графем и модификаций их начертаний, достаточно одного только согдийского алфавита.

Древнетюркский рунический алфавит пережил свой расцвет в VII — первой половине IX в. Уже в X в. на территории Монголии он сохранился лишь как пережиток. Однако на Енисее и, возможно, на Алтае и северо-востоке Средней Азии руника дожила до X—XI вв. Древнетюркское руническое письмо построено по силлабо-графическому принципу: каждый знак, по терминологии В. М. Наделяева, является силлабограммой-литерой¹⁸, он обозначает слог или отдельную фонему. В орхонском варианте письма 38 знаков (в надписи Тоньюкука — 40), в енисейском — 39. Четыре знака (в енисейском варианте — пять) передают гласные; каждый знак передает две гласные: *a-ä* (е), *i-y* (е), *o-u*, *o-ü*. Большая часть графем служит для передачи согласных фонем, причем отдельными знаками пе-

¹⁶ Лившиц. О происхождении. С. 84–98; Он же. Происхождение древнетюркской письменности. С. 63.

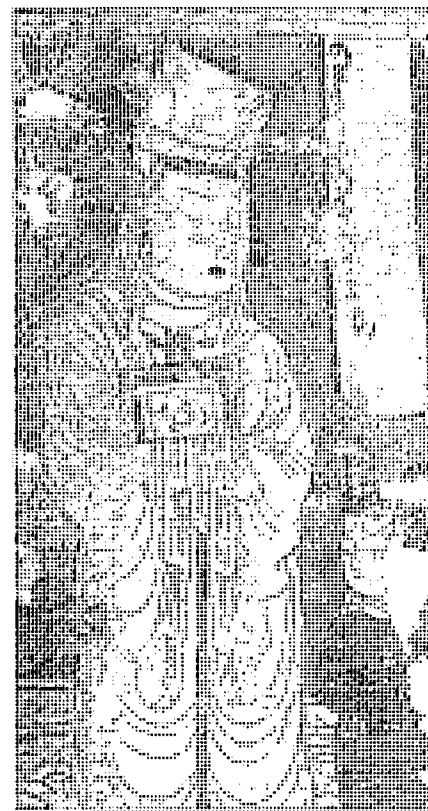
¹⁷ Clason. The origin of the Turkish. P. 651–676.

¹⁸ Наделяев. Древнетюркская руническая надпись. С. 108–110.

редаются их палатальные и веларные варианты; в шести случаях эти варианты не различаются и согласные употребляются как с передне-, так и с заднеязычными гласными. Шесть графем использовались для передачи сочетаний гласного с согласными или согласного с согласным (лигатуры): *oq-uq*, *ök-ük*, *uk-ik*, *lt*, *nt*, *nč*. Только в орхонском варианте имеется отдельный знак для *ič*¹⁹.

В системе письма гласные графемы лишь в некоторых позициях обозначались относительно регулярно; однако наличие в языке гармонии гласных звуков и двух рядов графем для обозначения согласных обеспечивает правильное прочтение слов. Слова отделялись друг от друга двоеточием (в ряде енисейских надписей — одной точкой), но не во всех надписях этот знак употреблялся систематически. Направление чтения знаков — справа налево, но в некоторых енисейских надписях знаки располагались слева направо²⁰.

Памятники рунического письма по своим палеографическим особенностям, в пределах азиатского

Изображение на шелке женщины в манихейском одеянии. Идентифицируется по надписи как «княгиня Бозуш». Кочо, Турфанский оазис. IX в. Восточный Туркестан. Из собрания Музея индийского искусства. Берлин

¹⁹ Расшифровка большинства знаков рунического алфавита является окончательной и общепринятой. Об отдельных уточнениях и пересмотре значений см.: Батманов. Язык енисейских памятников. С. 17–18; Щербак. Енисейские рунические надписи. С. 125–126; Tekin. A grammar. P. 21–24. О консервативном характере различных рунических письменностей см.: Ralph, Elliot. Runes. P. 62.

²⁰ Правила употребления рунических знаков — орфография и пунктуация надписей — рассмотрены Т. Текином (Tekin. A Grammar. P. 30–49). Э. Р. Тенишев отрицает применимость термина «орфография» к древнетюркской рунике, замечая, что «это скорее транскрипция древней тюркской речи, или, точнее говоря, графика, организованная по определенным правилам» (Тенишев. Структура и история тюркских языков. С. 289). См. также: Насилов. Рецензия. С. 189–190.

ареала их распространения, достаточно близки друг к другу, чтобы говорить о существовании единого графического фонда. Все же наблюдаются известные отличия как пространственного, так и временного характера, отражающие еще не вполне ясные пути эволюции всей этой письменной системы. В первом приближении следует выделить центральноазиатский (монгольский) и сибирский (енисейский) варианты руники, а внутри центральноазиатского — два временных подварианта: древнетюркский и древнеуйгурский (последний получил развитие в Восточном Туркестане). Более детальное исследование позволяет выявить наличие значительного числа стилей каллиграфии, степень отличия которых друг от друга весьма различна²¹.

Классификация древнетюркских рунических памятников

В литературном и историографическом отношении рунические памятники не столь едины, как в отношении языка и алфавита. Наиболее существенной для историографического изучения руники является классификация памятников по их региональной, историко-политической (этнической) и жанровой принадлежности. Несмотря на огромный ареал распространения (от Орхона до Дуная, от Якутии до Гоби), известные к настоящему времени памятники группируются в сравнительно ограниченных районах — культурно-политических центрах древнетюркских племенных объединений. По региональному признаку могут быть выделены перечисленные ниже группы памятников.

1. Памятники Монголии, сосредоточенные главным образом в бассейнах Орхона, Толы и Селенги. К этой группе относятся крупнейшие из известных рунических текстов — памятники в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (Кошоцайдамыские стелы), Чойрэнская стела, памятник Тоньюкуку, Онгинская надпись, памятник в честь Кули-чора, Селенгинский камень, Сэврэйский камень, Терхинская стела, Тэсинская стела, Карабалгасунская надпись, Суджинская надпись, 20 надписей Тайхирчулу, две надписи Ихе-Асхете, Хэнтэйская надпись, мелкие надписи с Хангая и Гоби, а также согдоязычная Бугутская надпись. Обычно эту группу надписей называют «орхонскими памятниками».

2. Памятники долины Енисея, подразделяемые на две подгруппы — тувинскую и минусинскую, к которым относится более 150 открытых к настоящему времени надписей на могильных камнях, скалах, золотых и серебряных сосудах, монетах²².

Фрагмент настенной живописи из руин манихейского храма в Кочо (Турфанский оазис). IX в. Изображен предположительно сам Мани в кругу «избранных» — высших манихейских иерархов. Из собрания Музея индийского искусства. Берлин

3. Ленско-Прибайкальская группа памятников, насчитывающая 16 кратких надписей на скалах и бытовых предметах, чтение которых крайне затруднительно. Число наскальных надписей можно увеличить, если приписать к руническим письменам руноподобные знаки, зарегистрированные во многих пунктах Прибайкалья и верхнего течения р. Лены.

4. Алтайские памятники, также немногочисленные. Пока известны лишь одна стела, наскальные надписи и несколько надписей на серебряных сосудах, найденных в захоронениях (всего около 50 надписей).

5. Памятники Восточного Туркестана, включающие четыре надписи на стене древней постройки в Турфане, две надписи в пещерных храмах,

²¹ Васильева. К вопросу. С. 79–82.

²² Васильева. Корпус.

несколько крупных текстов на бумаге из Мирана и Дуньхуана, надпись на бронзовом зеркале.

6. Среднеазиатская группа памятников, подразделяемая на семиреченскую (14 надписей на надгробных камнях из долины Таласа, надписи на монетах, бытовых предметах и деревянной палочке) и ферганскую подгруппы (17 кратких надписей на керамике и металле). В 1998–2000 гг. на Центральном Тянь-Шане была открыта и прочтена еще одна группа кратких рунических надписей (10) на камнях-валунах (С. Г. Кляшторный). Особое положение в ряду среднеазиатских памятников занимает документ на коже из архива с горы Муг. Несмотря на имеющуюся попытку его чтения (А. Н. Бернштам), тюркская языковая принадлежность текста оспаривается (С. Е. Малов).

7. Памятники Восточной Европы, разделяемые обычно на три группы: донецкую (надписи на двух баклажах из Новочеркасска, знаки Маяцкого городища, знаки на кирпичах из Саркела); дунайскую (надписи на серебряных сосудах из г. Надь-Сентмиклош и некоторые мелкие надписи на металле); поволжскую (надпись на черепе быка).

Региональной группировке памятников соответствует их историко-политическая (этническая) классификация.

1. Памятники Восточнотюркского каганата, к которым относится большая часть надписей Северной Монголии (орхонские тексты) и, возможно, памятники Алтая, которые можно определить как собственно тюркские памятники, или, точнее, памятники тюркского племенного союза. Все датируемые надписи относятся к VIII в., но не исключено, что некоторые малые надписи могут быть отнесены к VII в. К концу VII в. относится, например, Чойрэнская стела.

2. Памятники Кыргызского каганата представлены надписями из долины Енисея, несколькими наскальными надписями Монголии и Суджинской стелой, датируемыми VIII–X (XI?) вв.

3. Памятники племенного союза курыканов (VIII–X вв.?) составляют Ленско-Прибайкальскую группу надписей.

4. Памятники Западнотюркского каганата включают как семиреченские, так и ферганские надписи (VIII в.).

5. Памятники Уйгурского каганата в Монголии, к которым принадлежат Селенгинский камень, Карабалгасунская надпись, Сэврэйский камень, Терхинская и Тэсинская надписи, датируются второй половиной VIII — началом IX в.

6. Памятники уйгурских государств в Восточном Туркестане, датируемые IX–X вв., включают как тексты на бумаге, так и настенные надписи из Турфана.

7. Памятники Хазарского каганата распространены на сравнительно обширной территории. К ним относятся восточноевропейская руника, деревянная палочка из Семиречья и, возможно, северокавказские руноподобные надписи.

8. Памятники Кимакского государства IX–X вв. представлены двумя надписями на бронзовых зеркалах.

В свою очередь, жанровая принадлежность памятников весьма разнообразна и позволяет выделить шесть групп надписей.

1. Историко-биографические тексты. К ним относятся как мемориальные, так и прижизненные восхваления деяний виднейших представителей тюркской, уйгурской и кыргызской знати, прежде всего членов каганского рода или близких им лиц, составленные их родственниками или ими самими. Такого рода надписи (Кошоайдамские стелы, Чойрэнская надпись, надпись Тоньюкука, надпись в честь Кули-чора, Онгинская надпись, Селенгинский, Карабалгасунский, Тэсинский, Терхинский и Суджинский памятники) сочетают описание исторических событий, к которым в той или иной степени были причастны герой надписи или его предки, с изложением социальных и политических взглядов автора текста. Это своего рода декларации, программное и в какой-то степени агитационное значение которых несомненно.

2. Эпитафийная лирика включает надгробные надписи долины Енисея и Семиречья, охарактеризованные С. Е. Маловым как «кладбищенская поэзия» древнетюркской эпохи. В этих, как правило, коротких надписях, созданных по определенному стандарту, упоминаются имя и титулы героя, его возраст, несколько важнейших событий его жизни (без описания обстановки, с которой связаны события) и жизненные блага, которыми «не наслаждался» покойный.

3. Памятные надписи на скалах, камнях и строениях, отмечающие какое-либо событие в жизни их автора (надпись Тайхир-чулу, Чарышская надпись, Хэнтэйская надпись, надпись на мавзолее Тоньюкука, некоторые другие мелкие надписи). Иногда такого рода надписи содержат лишь несколько слов, называющих предмет или отмечающих отношение к нему автора (надпись на Сулекской писанице).

4. Магические, религиозные и литературные тексты, к которым относятся восточнотуркестанские «руны на бумаге» — «Книга гаданий», трактат о магических свойствах камней, фрагменты трактата манихейского содержания.

5. Деловые документы на бумаге из Дуньхуана и Мирана.

6. Метки на бытовых предметах — надписи на металлических сосудах и зеркалах, керамике, монетах. Такого рода метки содержат обычно имя владельца или мастера, благопожелания или сведения, связанные с

функциональным назначением предмета, например указание на вместимость сосуда.

Приведенные классификации показывают сюжетную неоднородность и историческую неравноценность памятников рунической письменности. Если благодаря сравнительному единству языка рунические тексты допускают унифицированный лингвистический подход к их изучению, то исследование памятников как исторического источника возможно лишь при выделении таких надписей, которые относятся к одной историко-политической группе и по своим сюжетно-жанровым особенностям дают достаточный для анализа материал.

В наибольшей степени указанным требованиям отвечают орхонские памятники, которые без колебаний можно характеризовать как главный источник для изучения истории второго Восточнотюркского каганата. В отличие от всех других рунических памятников, не исключая и сохранившиеся древнеуйгурские орхонские надписи, древнетюркские орхонские тексты содержат, взаимно дополняя друг друга, связный рассказ об истории второго Восточнотюркского каганата от его создания до начала упадка, изложенный от имени крупнейших деятелей этого государства. Политическая тенденциозность каждого из таких повествований не только не снижает, но, напротив, значительно повышает ценность источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет в некоторых случаях лучше увидеть специфические конфликты и политические противоречия в каганате, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием «исторических происшествий» в китайских анналах.

Историографические аспекты анализа орхонских текстов могут быть различны. К памятникам обращались как к источнику для изучения политической и социальной истории тюркской империи, уделяя главное внимание событиям внутренней истории каганата, а также его отношениям с Китаем и другими соседними государствами. Не менее важен другой, значительно слабее изученный аспект содержащейся в надписях информации. В крупнейших памятниках долины Орхона немалое место занимают упоминания событий среднеазиатской и центральноазиатской истории, анализ которых позволяет наметить пути исследования комплекса историко-географических, историко-политических, этнологических и социальных проблем.

В енисейских памятниках, весьма важных для изучения истории Кыргызского каганата в Южной Сибири, содержатся также некоторые сведения о контактах енисейских кыргызов с тяньшаньскими тюркешами. Основной трудностью использования этих кратких текстов является их хронологическая неопределенность. Наконец, таласские рунические надписи, которые, казалось бы, должны представить наибольший интерес

для изучения истории западнотюркских государств, менее других рунических памятников поддаются историографической интерпретации, прежде всего из-за их слабой изученности в палеографическом и собственно филологическом отношении.

Открытие древнетюркских письменных памятников в Восточном Туркестане

После того как в 1896 г. Русское географическое общество передало Азиатскому музею мешок с обрывками древних рукописей, собранных или купленных в Турфанском оазисе экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1893–1895), эти рукописные обрывки в декабре 1897 г. просмотрел крупнейший русский тюрколог академик В. В. Радлов, выделивший из коллекции четыре древнеуйгурских фрагмента²³. Отметив, что фрагменты слишком малы для идентификации, В. В. Радлов все же указал на наличие двух разных групп текстов — деловых записей, выполненных трудночитаемым курсивом, и буддийских сутр в каллиграфическом исполнении.

За этим в 1898 г. последовала экспедиция в Турфан Д. А. Клеменца. Одним из ее важнейших результатов стало открытие значительного числа эпиграфических и рукописных текстов, в том числе и древнетюркских, копии или оригиналы которых были доставлены в Петербург. Отмечая достигнутые Д. А. Клеменцем «блестящие результаты при очень ограниченных средствах», В. В. Радлов выделяет пять категорий письменных памятников, обнаруженных экспедицией: древнетюркские рунические надписи, процарапанные в пещерных буддийских храмах; древнеуйгурские надписи черной и красной краской на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; фрагменты древнеуйгурских буддийских рукописей; фрагменты буддийских ксилографов; древнеуйгурские хозяйственные документы. По результатам экспедиции В. В. Радлов осуществил первую публикацию древнетюркских письменных памятников Восточного Туркестана — четырех рунических граффити, двух юридических и хозяйственных документов и двух небольших фрагментов буддийских сутр²⁴. Находками В. И. Роборовского, П. К. Козлова и Д. А. Клеменца было положено начало древнеуйгурской коллекции Азиатского музея — СПбФ ИВ РАН, одной из крупнейших в мире. Вплоть до 1915 г. эта коллекция непрерывно пополнялась двояким образом — в ходе экспедиционных исследований и в результате передачи в Азиатский музей

²³ Radloff. Altuigurische Sprachproben. S. 55–56.

²⁴ Ibid. S. 57–83.

частных коллекций, собранных русскими должностными лицами в Восточном Туркестане.

К настоящему времени в Рукописном отделе Института востоковедения хранятся 4228 древнеуйгурских рукописей и фрагментов. Наиболее крупные сборы древнеуйгурских рукописей и их фрагментов передали в Азиатский музей российские дипломаты. В 1907–1909 гг. был принят в музей фонд консула в Урумчи Н. Н. Кроткова, состоявший из 4070 единиц хранения. Сменивший в 1912 г. Н. Н. Кроткова на должности консула А. А. Дьяков передал музею 28 рукописей крупных фрагментов, собранных в Астане (Турфанский оазис). Десять уйгурских рукописей поступили от врача консульства в Урумчи А. И. Кохановского (1907). Экспедиционные фонды представлены сборами уже упомянутых путешественников, а также С. Ф. Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915) и С. Е. Малова (1909–1911, 1913–1914). Один уйгурский фрагмент из Хара-Хото поступил от П. К. Козлова. Основную часть коллекции составляют рукописи и фрагменты буддийских сочинений, в том числе полные тексты сутр «Алтун Ярук», «Дишаствустик», «Куаншиим Пусар». Крайне бедно представлены манихейские тексты. Все же ленинградский список покаянной молитвы манихеев «Хуастуанифт» — один из самых полных²⁵. Важную часть собрания составляют 22 юридических и хозяйственных документа из Турфанского оазиса. Все они относятся к XIII–XIV вв.²⁶

Самая большая коллекция древнеуйгурских рукописей и фрагментов — Турфанское собрание — была собрана немецкими исследователями А. Грюнведелем и А. Лекоком во время четырех экспедиций в Турфанский оазис (1902–1914). Берлинская коллекция насчитывает более 8 тыс. единиц хранения²⁷. Эта по преимуществу религиозная переводная литература — буддийская, манихейская и христианская — содержит вместе с тем немало ценных сведений о культуре и истории уйгурского государства Кочо (850–1250)²⁸. Важной частью берлинской коллекции являются многочисленные юридические и хозяйственные документы.

²⁵ О петербургском древнеуйгурском фонде и его изучении см.: Азиатский музей. С. 34–37; Дмитриева. Древнеуйгурские материалы. С. 222–228; Кляшторный. Об изучении древнеуйгурских памятников в СССР. С. 54–56; Насилов. Изучение памятников. С. 93–110.

²⁶ По подсчетам Р. Арата, в различных коллекциях хранится около 400 древнеуйгурских юридических и хозяйственных документов (*Arat. Eski türk nukuk veşikalari*. P. 38). Несмотря на имеющиеся попытки датировать некоторые из них X–XI вв., по вполне обоснованному заключению Л. Кларка и П. Циме, весь фонд известных уйгурских документов относится к монгольскому времени, т. е. к XIII–XIV вв. (*Zieme. Research on Uigur documents since 1975*. P. 56–61).

²⁷ О современном состоянии коллекции см.: Hazai. Die Turfantexte. S. 236.

²⁸ Gabain. Das uigurische Königreich. S. 61; *Id.* Das Leben; *Id.* Historisches. S. 115–124.

В то время как петербургская и берлинская коллекции давно стали объектами тщательного изучения и источниками многочисленных публикаций древнеуйгурских материалов, другие крупные коллекции — лондонская (коллекция А. Стейна, Британский музей) и парижская (коллекция П. Пельо, Национальная библиотека) — изучены в значительно меньшей степени, и об их полном составе нет определенных сведений. Положение с изучением обеих коллекций изменилось в 1986 г., после публикации Дж. Гамильтоном 36 текстов из Дуньхуана, как правило фрагментарных²⁹. Лучше описаны небольшие коллекции, собранные японскими, шведскими и финскими исследователями. Нет почти никаких сведений о составе древнеуйгурской коллекции, хранящейся в Пекине³⁰. Особую группу памятников, написанных по-тюркски уйгурским письмом, составляют документы и литературные сочинения, созданные в русле мусульманской традиции в различных политических и культурных центрах Восточного Туркестана, Средней Азии, Ирана, Поволжья, Малой Азии (XI–XV вв.)³¹.

Памятники рунического письма в Восточном Туркестане

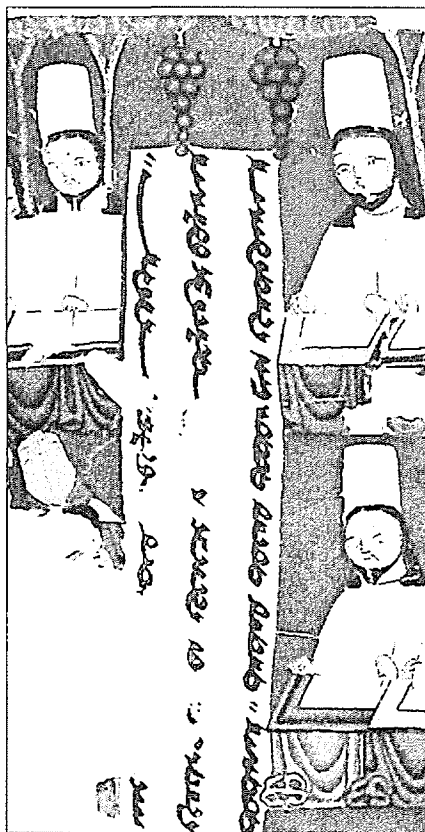
Памятники рунического письма распространены от Восточной Монголии до долины Дуная. Они имеют пяти-шестивековой хронологический диапазон и разную этнополитическую принадлежность. Даже сами значения рунических знаков неадекватны в европейском и центрально-азиатском ареалах их распространения. Объем и сюжетно-жанровая специфика текстов таковы, что очевидное историографическое значение имеют только северомонгольская (орхонская) и хакаско-тувинская (снисейская) группы текстов, созданные в Тюркском, Уйгурском и Кыргызском каганатах³². Памятники из Восточного Туркестана, среди которых нет документов историографического характера, имеют тем не менее первостепенное значение для изучения культуры, в особенности идеологии, древнетюркских племен и народностей.

²⁹ Hamilton. Manuscripts ouïgours du IX-ème – X-ème siècle.

³⁰ Основную библиографию изданий, посвященных исследованию древнеуйгурских материалов из Восточного Туркестана, см.: Gabain. Alttürkische Grammatik. 3. S. 224–270.

³¹ Sertkaya. Islami.

³² Общую характеристику древнетюркских памятников рунического письма, их региональную, этнополитическую и сюжетно-жанровую классификацию см.: Кляшторный. Древнетюркские памятники. С. 44–70; Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 14–22; Васильев. Графический фонд.

Фрагменты миниатюр из древнеуйгурских манихейских рукописей. Найдены в Турфанском оазисе (Кочо). IX в. Восточный Туркестан. Из собрания Музея индийского искусства. Берлин

Первые памятники рунического письма были открыты в Сибири экспедицией Д.-Г. Мессершмидта и Ф.-И. Страленберга в 1721–1722 гг. Но лишь после открытия Н. М. Ядринцевым (1889 г.) в Северной Монголии крупнейших памятников тюркского рунического письма — надписей в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (30-е гг. VIII в.) — стала возможна дешифровка этой загадочной письменности (В. Томсен, 1893), а затем и первое издание орхонских стел (В. В. Радлов, 1894). В течение последующих десятилетий число открытых рунических памятников значительно возросло, что позволило тюркской рунологии выделиться в отдельную отрасль древнетюркской филологии³³.

³³ Об истории открытия, дешифровки и издания памятников см.: *Кляшторный, Лившиц. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских памятников. С. 37–60; Кляшторный. Древнетюркская письменность. С. 254–264; Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников. С. 7–13; Васильев. Памятники. С. 71–81.*

Руническая эпиграфика

Заслуга открытия первых тюркских рун в Восточном Туркестане — граффити на стенах буддийских пещерных монастырей — принадлежит Д. А. Клементцу (1898 г.). В своей отчетной статье он пишет: «В Ярхото, в пещерах без живописи, служивших жилыми помещениями, мы нашли ряды нацарапанных на штукатурке рунообразных надписей. Надписи эти были репродуцированы нами посредством эстампажа. В других местах мы не встречали сколько-нибудь значительных надписей, сделанных этим шрифтом; отдельные буквы встречались нам в других пещерах около Ярхото, в пещере № 28 в Муртуке и на скалах близ Сенгимауза (Сенгим. — С. К.), в ущелье, на правом берегу речки Хараходжай»³⁴. В другом отчет-

³⁴ *Клементц. Краткий перечень. Л. 52; Klementz. Turfan. S. 47.*

Фрагмент настенной живописи из руин буддийского храма в Безеклике (Турфанский оазис). X в. Галерея изображений уйгурских князей. Из собрания Музея индийского искусства. Берлин

ном документе, описывая «развалины Яр», Д. А. Клеменц отмечает: «В шестой и третьей пещерах стены покрыты глиной, и на них, среди разной мази, нашли мы рунические надписи. Они сняты, одна из них скопирована от руки». Далее отмечается, что в пещерах, разрушенных обвалами, были обнаружены обрывки «полностью испорченных рунических надписей» [Клеменц, рукопись б, л. 5 (текст), 3 (рисунок)]. Тут же имеется карандашный рисунок одной из обнаруженных рунических надписей. По фотографиям и эстампам Д. А. Клеменца В. В. Радлов издал четыре рунических граффити, отмечая, что качество остальных копий не позволяет точно воспроизвести надписи. Карандашный рисунок Д. А. Клеменца не был издан,

но благодаря ему установлено, что обнаруженные в 1960 г. сотрудниками Музея СУАР две надписи на стенах двух пещер в развалинах Яр-Хото³⁵ были первоначально открыты Д. А. Клеменцем.

Отмечая трудность изучения даже наиболее отчетливых граффити, В. В. Радлов предложил варианты чтения четырех надписей:

1. ...n: at ešime saqynurmen... «я поминаю моего старшего брата по имени...»;
2. ...yšar bitidim «написал...»;
3. jilig čor sinli qunčijuta «для младшей сестры Йилиг-чора, моей супруги»;
4. Šakjamüni ešitti l... «Шакьямуни услышал» (вариант — «он услышал Шакьямуни»)³⁶.

Копии двух надписей, изданные Фэн Цзяшэном, неудовлетворительны, серьезно затрудняют фиксацию знаков и уверенное чтение. Еще одна руническая граффити была обнаружена экспедицией П. Пельо в восьмом пещерном храме Дуньхуана; надпись процарапана поверх фрески на левой стене и, к сожалению, почти не читается. Сама фреска относится ко второй половине VIII в.³⁷

Наконец, в 1914–1915 гг. находки рунической эпиграфики в Восточном Туркестане были пополнены С. Ф. Ольденбургом, доставившим из Турфана бронзовое зеркало танского времени с процарапанной на нем краткой рунической надписью: *ač aqquytuz... oγiž* «являй нам наши волнения!.. род». Судя по употреблению термина *aqqu* «течение, поток, волнение», надпись имеет специфически буддийское содержание³⁸. Следует отметить, что по своему типу вся руническая эпиграфика из Восточного Туркестана близка енисейской, а не орхонской, и совершенно отличается от «устава» «рун на бумаге»³⁹.

По конфессиональной принадлежности все мелкие надписи созданы в буддийской среде. Тюркские буддийские общины в Монголии и Восточном Туркестане появились не позднее второй половины VI в. Еще до того буддизм утвердился в позднехунских государствах Восточного Туркестана (IV–V вв.), с которыми генетически и исторически связан правящий род Ашина⁴⁰. В самом раннем памятнике тюркской государственно-

³⁵ Фэн Цзяшэн. Изюлунин нянь. С. 145–156. Я благодарен Л. И. Чугуевскому за перевод статьи. — С. К.

³⁶ Radloff. Altuigurische Sprachproben. S. 80–82.

³⁷ Pelliot. Les grottes. Табл. XVIII. Определение даты фрески принадлежит М. А. Пчеллиной.

³⁸ Кляшторный, Лубо-Лесниченко. Бронзовое зеркало. С. 45–48.

³⁹ Там же. С. 47.

⁴⁰ Кляшторный. Древнетюркские памятники. С. 106–114.

Фрагмент уйгурского посетительского граффити на саманной штукатурке. Собрание рукописей СПбФ ИВ РАН, коллекция С. Ф. Ольденбурга

сти, согдоязычной Бугутской надписи (ок. 582 г.), упомянуто создание Таспар-каганом «великой новой сангхи», т. е. буддийской общины⁴¹.

Религиозная жизнь тюрков, в течение двух десятилетий превративших свой племенной союз в мощную державу, к началу 70-х гг. VI в. очень усложнилась. Наряду с традиционными культами Неба и Земли, культом предков и шаманством в этот период сказалось сильное воздействие великих азиатских религий, прежде всего буддизма. Еще многое предстоит исследовать, чтобы в полной мере выяснить значение, которое имели для буддийской миссии у тюрков экономические и политические мотивы. Несомненно, однако, что уже с самого начала существования первого Тюркского каганата (551–630) его правители хорошо понимали роль не только военных, но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской и восточнотуркестанской, так и для дальневосточной сферы их влияния, тюркские каганы видели ту форму универсальной религии, которая могла помочь созданию некоей идеологической общности в весьма гетерогенной державе. Лишь социально-политический кризис

⁴¹ Кляшторный, Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. С. 140; Klyachtorny, Livshic. The Sogdian inscription. P. 86–87.

каганата, начавшийся в 581 г., и последовавший затем распад империи приостановили этот процесс.

Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюрков были сделаны Мухан-каганом (553–572). Однако лишь Таспар-каган придал буддийской миссии размах, который мог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке. При нем были переведены на тюркский язык и записаны некоторые сутры. А. Габен справедливо предположила, что только согдийцы могли создать письменный перевод⁴².

Весьма быстро распространился буддизм и среди уйгурских племен. Бесспорные свидетельства этого относятся к началу второй четверти VII в.⁴³ Попытка восстановить статус буддизма как государственной религии во втором Восточнотюркском каганате (687–744) в конце первого — начале второго десятилетия VIII в. успеха не имела, но постоянное существование в каганате буддийской общины не вызывает сомнений⁴⁴. Новым подтверждением этого вывода стала находка в Восточной Монголии монеты с рунической надписью буддийского содержания⁴⁵. Надпись датируется с наибольшей вероятностью концом VII — первой половиной VIII в., так как для VI — первой половины VII в. отсутствуют надежные свидетельства употребления рунического письма, а после 763 г. в Уйгурском каганате, т. е. на всей территории Монголии, буддизм впервые подвергался преследованию, а предметы буддийского культа — уничтожению⁴⁶. Господствующей религией среди уйгуров буддизм становится лишь в X в., уже на территории Восточного Туркестана; при этом буддийское вероучение оказывало сильнейшее воздействие на северные тюркские племенные объединения⁴⁷. Имеются свидетельства о буддийской миссии среди кимаков⁴⁸ и кыргызов⁴⁹. Последнее особенно интересно в связи с особенностями дукта восточнотуркестанских граффити.

Военное присутствие енисейских кыргызов в Джунгарии и Таримском бассейне во второй половине IX–X в. отмечено разными источниками, однако весьма вероятно, что оно было эпизодическим и не завершилось их переселением на эти земли⁵⁰. Следует иметь в виду, впрочем,

⁴² Gabain. Buddhistische Türkenmission. S. 196.

⁴³ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 300–302; Gabain. Der Buddhismus. S. 506–507.

⁴⁴ Gabain. Der Buddhismus. S. 506–507.

⁴⁵ Кляшторный. Монеты с рунической надписью из Монголии. С. 334–338.

⁴⁶ Gabain. Buddhistische Türkenmission. S. 169.

⁴⁷ Gabain. Der Buddhismus. S. 506–509.

⁴⁸ Арсланова, Кляшторный. Рунические надписи. С. 306–315.

⁴⁹ Thomas, Clauson. Second Chinese text. P. 282–283.

⁵⁰ Кызласов. История Тувы. С. 95.

что руническое письмо в его енисейском варианте представлено в эпиграфике Западной Монголии⁵¹ и использовалось не только кыргызами. Во всяком случае, мы можем засвидетельствовать, учитывая сравнительно позднюю датировку енисейских памятников, наличие в Турфанском оазисе в IX–XI вв. (а возможно, и в Дуьхуане) тюркоязычных буддийских общин, не идентичных уйгурской и, скорее всего, связанных с северными или северо-восточными соседями уйгуров.

Книги рунического письма. Турфанский оазис

Наряду с рунической эпиграфикой в Восточном Туркестане и Дуьхуане обнаружен небольшой фонд рунических текстов на бумаге — документов и книг, большей частью во фрагментах. Первые находки такого рода были сделаны в 1902 г. во время раскопок Турфанской экспедицией А. Грюнведеля на городище Идикутшари. Собственно, из добытых А. Грюнведелем и Г. Хутом семи бумажных фрагментов только один был обнаружен в ходе раскопок, а остальные шесть куплены у местных жителей, добывших их на том же городище. Ряд фрагментов (ТМ-327, ТМ-339) содержали текст хвалебного гимна в честь Мани, написанный тюркскими рунами на среднеперсидском языке; тюркскими были лишь начальные и заключительные слова гимна. Очевидно, эти тексты зачитывались во время литургии в тюркской манихейской общине на основном церковном языке манихейства — среднеперсидском. Для облегчения самого процесса чтения тюркский клирик переписал гимны более удобным для него руническим алфавитом. Четыре рунических фрагмента оказались листами или обрывками листов книги манихейского содержания; еще один фрагмент (ТМ-40) — обрывок параллельного уйгурского текста. Все фрагменты были вскоре после находки изданы и интерпретированы А. Лекоком⁵².

Новые находки манихейских книжных фрагментов рунического письма были сделаны экспедицией А. Лекока (1905–1906). В 15 км к востоку от Идикутшари, на берегу р. Туюк, им было раскопано монастырское здание, и в ходе раскопок обнаружены два книжных листка с рунами. Один из них (Т-20) оказался азбукой — он содержал изображение 19 знаков рунического алфавита и соответствующие им графемы манихейского письма⁵³. Найдки этих текстов указывают на ту конфессиональную среду, которая сохраняла традицию рунической письменности и

принимала меры для обучения древнейшей разновидности тюркского письма.

Другой находкой А. Лекока был листок (Т-14) с 31 строкой руническим письмом. Листок был передан для чтения В. Томсену и им опубликован⁵⁴. Текст оказался фрагментом «мистико-магической минералогии», трактовавшей о волшебных свойствах драгоценных камней. Типологически этот текст близок аналогичным согдийским сочинениям и составлен явно под их влиянием, что выяснилось и при терминологическом анализе⁵⁵. Сам В. Томсен датировал находку второй половиной VIII в., но, по уточненной датировке Л. Базена, рукопись датируется IX в.⁵⁶

В 1908 г. японская экспедиция Отани приобрела в Туюке два небольших бумажных фрагмента с записями руническим письмом (три и две строки). Фотографии обоих фрагментов, хранящихся в Киото, опубликованы⁵⁷. Небольшой фрагмент книги рунического письма (листок с шестью неполными строками) был приобретен в селе Караходжа (Турфанский оазис) в 1909 г. С. Ф. Ольденбургом. Местный крестьянин добыл этот оборванный бумажный листок на городище Идикутшари. Текст, изданный В. В. Радловым, слишком отрывочен и не поддается идентификации. Отчетливо читаются лишь отдельные даты по 12-летнему животному циклу. Упомянут, в частности, «год Змеи»⁵⁸.

Последняя по времени находка рунического текста на бумаге в Турфанском оазисе была сделана А. Стейном во время его третьей восточнотуркестанской экспедиции (1913–1916)⁵⁹. Неполный лист, вырванный из «книжки-тетради», содержит два столбца рунического текста, написанного красными и черными чернилами. Сохранились 15 строк левого столбца и начальные знаки правого. Сохранившийся текст является отрывком из повествования об обращении в манихейство некоего высокогородного лица, Алп Сынкур-тегина, который назван манихейским термином *niyoŋaŋ* «слушатель», т. е. член манихейской религиозной общины, занимающий низшую ступень церковной иерархии. Кроме Алп Сынкур-тегина в тексте упомянуты и другие знатные лица (сохранились лишь обрывки имен и титулов), и среди них — некий *saŋun*, «военачальник». Этот титул написан в форме, не свойственной руническим текстам из

⁵¹ Кляшторный. Наскальные надписи. С. 154.

⁵² Le Coq. Köktürkisches aus Turfan. S. 1047–1061.

⁵³ Ibid. S. 1050.

⁵⁴ Thomsen. Blatt. S. 296–306.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Bazin. Les calendriers. P. 315.

⁵⁷ Haneda, Yamada. Alist. P. 198. Табл. 29.

⁵⁸ Radloff. Alttürkische Studien. 3. S. 1025–1036.

⁵⁹ Thomsen. Fragment. Vol. 2. S. 1082–1089. Tab. XXIV.

Северной Монголии⁶⁰, но совершенно обычной для енисейской руники⁶¹.

На нескольких согдийских и уйгурских рукописях из Турфанского оазиса обнаружены приписки руническим письмом. По сообщению А. Лекока, «краткий тюркский конечный колофон, написанный тюркскими рунами», имеет один из листов согдийской манихейской книги⁶². Вероятно, речь идет о неотождествленном согдийском манихейском фрагменте, изданном Ф.-В.-К. Мюллером, с надписью из двух сохранившихся слов в одной строке руническим письмом на оборотной стороне листа: *...er bitidim* «...[это] я, муж [по имени]... написал»⁶³.

А. Габен сообщает о тюркском руническом колофоне в списке согдийской версии «Алтун Ярук»⁶⁴. Однако в доступных изданиях этот колофон отсутствует⁶⁵. Наиболее известна руническая приписка (колофон?) на оборотной стороне «лондонского свитка» буддийской сутры *Sekiz jükmäk* (Восемь акциденций)⁶⁶. Приписка состоит из двух слов (12 знаков). Поскольку начальный знак второго слова неясен, В. Банг и его соавторы, интерпретируя первое слово как *körüig*, «глазутчик, соглядатай», чтения и перевода всей фразы не дали. Наиболее удачный вариант интерпретации предложил А. Н. Бернштам: «(Это) написал я, Кюрюг»⁶⁷. Датировка списка, а следовательно, и приписки, даются В. Бангом на основании хронологически неточных фонетических фактов. Предложенная им дата — XI–XII вв. — вызывает оправданные сомнения: рукопись «лондонского свитка» вряд ли позднее X в.⁶⁸

Возможно, наиболее поздним руническим текстом на бумаге из Турфанского оазиса является частное письмо (семь неполных строчек), написанное на оборотной стороне официального документа с тюркским курсивным текстом. Письмо открывается обращением *teyrim* «мой господин!» В нем содержится подтверждение получения некоего распоря-

⁶⁰ В рунических текстах из Северной Монголии принято написание *señün*. Эта форма одинакова как для собственно тюркской эпиграфики, так и для руники уйгурской эпохи. См., например, *qınu señün* (памятник Тоньюкука, стк. 9) (Малов. Памятники. С. 57, 61); *taj señün* (Кляшторный. Терхинская надпись. С. 91).

⁶¹ Малов. Памятники. С. 109.

⁶² Le Coq. Türkische Manichäica. 2. S. 4.

⁶³ Müller. Sogdische Texte 2. S. 548.

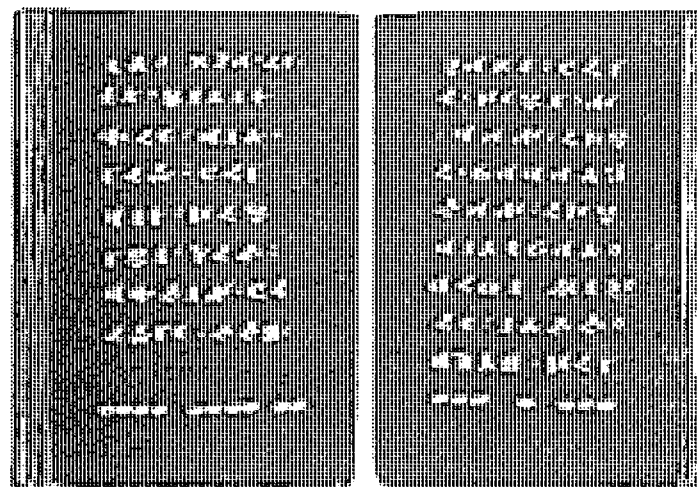
⁶⁴ Gabain. Altürkische Schreibkultur. S. 179.

⁶⁵ Всего насчитывается 34 бумажных фрагмента с руническими знаками, найденных немецкими экспедициями в Турфанском оазисе (*Sertkaya*. Fragmente. P. 136).

⁶⁶ Bang, Gabain, Rachmati. Türkische Turfan-Texte. S. 97.

⁶⁷ Бернштам. Руническая надпись. С. 303–305; ср. также: *Räsänen*. Zu dem Runenschriftentrag. S. 1–2.

⁶⁸ ДТС. С. XXXVI; Кляшторный. Древнетюркские памятники. С. 50–70.

Лист тюркской гадательной книги «Ырк битиг» (X в.) из Дуньхуана.
Собрание Британского музея

жения и заверения в преданности автора письма своему хозяину. Издатель текста С. Тезджан и П. Циме не во всех случаях смогли определить уверенное чтение рунических знаков, крайне небрежно обозначенных адресантом⁶⁹. Другое чтение некоторых мест предложил Дж. Клосон, назвавший письмо «руническими каракулями» и считавший его позднейшим, пережиточным образцом руники⁷⁰.

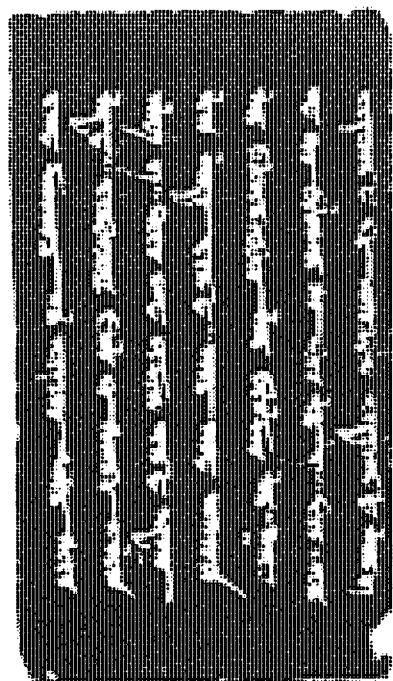
Книги и документы рунического письма. Дуньхуан и Миран

Рукописи руническим письмом были обнаружены второй восточно-туркестанской экспедицией А. Стейна в двух местах — в пещерной библиотеке близ Дуньхуана и при раскопках цитадели Мирана (1906–1908). Всего было найдено 12 фрагментов и полных текстов (Ог. 8212). Ныне эти рукописи составляют часть коллекции А. Стейна в Британском музее. По просьбе А. Стейна все найденные им тюркские рунические тексты были изучены, дешифрованы и изданы В. Томсеном⁷¹. Лишь один небольшой фрагмент рукописи руническим письмом был обнаружен в пещере Тысячи Будд экспедицией П. Пельо (1907); ныне этот обрывок хранится в Нацио-

⁶⁹ Tezcan, Zieme. Uigurische Brief Fragmente. S. 451–460.

⁷⁰ Clauson. Philology and archaeology. P. 218.

⁷¹ Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. S. 181–227.

Лист древнеуйгурской рукописи
из Турфанского оазиса. X в.
Восточный Туркестан

17 марта 930 г.⁷⁷ Л. Базен приводит и альтернативную дату — 4 марта 942 г.⁷⁸ Терминология колофона заставляет предполагать, что сочинение было написано в манихейской среде. Так, слова *manystan* «монастырь» (от ср.-перс. *m'nyst'n*), *dintar* «[манихейский] священнослужитель» (от согд. *dynd'r*), *burua* «[доброе] предзнаменование» (от ср.-перс. *morw*)

нальной библиотеке, в коллекции П. Пельо (РТ 2132)⁷².

Самой важной находкой среди «рун на бумаге» была небольшая книжка из 29 согнутых тетрадью листов, размером 13,2 × 8 см, с текстом из 104 строк⁷³. Текст содержит 65 небольших притч и в конце рукописи — колофон, написанный красными чернилами поверх китайского буддийского текста⁷⁴. Заглавия книга не имела, но непосредственно перед колофоном стояли слова: «Эта книга гаданий (знамений. — С. К.) хороша!» Поэтому памятник стал известен под названием «Ырк битиг» («Книга гаданий»)⁷⁵. Колофон гласит: «В год тигра, вторую луну, пятнадцатого [дня] я, младший клирик из монастыря “Обитель Великого Облака”, выслушав [добрые] предзнаменования [духовного] наставника, написал [это] для нашего старшего брата, исиг-сангуна Ит Ачука»⁷⁶. Указанную в колофоне дату Дж. Гамильтон определяет как

обычны для тюркских манихейских текстов. Вместе с тем санскритский термин *guru* «[духовный] наставник», зарегистрированный в колофоне, характерен более для буддийской среды, нежели для манихейской⁷⁹.

«Ырк битиг» по праву считается одним из труднейших для понимания древнетюркских текстов. Его издание, предпринятое В. Томсенем, до настоящего времени остается единственным приемлемым для изучения памятника, так как, совмещая транслитерацию с транскрипцией и фиксируя пунктуационный знак-словоразделитель, В. Томсен сохранил до некоторой степени графическую основу текста, включая все ошибки и описки автора (переписчика?), и частично оговорил их. В последующих изданиях транслитерация либо недостаточно последовательна⁸⁰, либо вовсе игнорируется⁸¹, несмотря на признанную условность многих мест транскрипционного текста. Перевод почти каждой из 65 притч «Ырк битиг» представляет немалую сложность, а во многих случаях и поныне остается предположительным. Опыт критического анализа существующих чтений и переводов предпринят Дж. Клосоном⁸². Поправки к чтению и к переводу отдельных притч сделаны С. Тезджаном⁸³, Ж.-П. Ру⁸⁴, Дж. Гамильтоном⁸⁵, М. Эрдалем⁸⁶, С. Г. Кляшторным⁸⁷. И. В. Стеблева наряду со стилистической и литературоведческой оценкой текста воспроизводит транскрипцию и дает перевод памятника, основываясь на издании С. Е. Малова (с учетом чтения и перевода Х. Оркуна), но с собственной строфической разбивкой каждой притчи, призванной подтвердить ее мнение о стихотворной форме произведения⁸⁸.

Исследователи памятника единодушно указывают на его теснейшую связь с орхонской культурной традицией, проявившуюся не только в «шаманском», по выражению С. Е. Малова, содержании, но также в языке и в композиционно-стилистических особенностях «Книги гаданий». В то время как А. Габен отмечает воздействие манихейской и в какой-то степени христианской литературы лишь на формальные элементы⁸⁹, И. В. Стеблева усматривает также и общее влияние манихейских идей на содержание

⁷⁹ Hamilton. Nom de lien KCN. P. 17.

⁸⁰ Orkun. Eski türk yazitlari. P. 39–91.

⁸¹ Малов. Памятники. С. 80–92.

⁸² Clauson. Notes. P. 214–225.

⁸³ Tezcan. Tonyukuk. P. 177–178.

⁸⁴ Roux. A propos des osselets. P. 175–178.

⁸⁵ Hamilton. Nom de lien KCN; Id. Sur deux presages de l'Irk bitig. P. 247–254.

⁸⁶ Erdal. Irk Bitig. P. 87–119.

⁸⁷ Кляшторный. Мифологические сюжеты. С. 126–130.

⁸⁸ Стеблева. Древнетюркская «Книга гаданий». С. 150–177; Она же. Поэтика древнетюркской литературы. С. 115–126.

⁸⁹ Gabain. 1964. С. 215–216.

⁷² Hamilton. Les manuscrits turcs. P. 16.

⁷³ Однако факсимильное воспроизведение текста ограничено здесь лишь пятью «страницами» книги. Ср. также фотографии А. Стейна (Stein. Serindia. Vol. 2. P. 921, 924).

⁷⁴ Hamilton. Le colophon de l'Irk bitig. P. 10–11.

⁷⁵ Значение термина достаточно широко; он означает и «гадание», и «знамение, ниспосланное божеством», и высказывание самого божества. См. подробнее: Bang, Gabain. Türkische Turfan-Texte. I. С. 242–243; Hamilton. Les manuscrits turcs. P. 8–9.

⁷⁶ Hamilton. Le colophon de l'Irk bitig. P. 12–13.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Bazin. Les calendriers. P. 296.

памятника, проявившееся в противопоставлении добра и зла⁹⁰. Дж. Гамильтон вслед за А. Франке, Ф. Томасом и Р. Стейном, напротив, полагает, что прототипом древнетюркской «Книги гаданий» были популярные в Восточном Туркестане той эпохи тибетские (resp. индийские) наставления о приметах и поверьях, содержащие оценки-противопоставления (плохо-хорошо) того же типа, что и «Ырк битиг»⁹¹. Так или иначе, в «Ырк битиг» собраны сюжеты, распространенные в древнетюркской среде или связанные с повествованиями, общими для этой среды, и отражающие в той или иной степени народные поверья.

Приведем (в нашем переводе) некоторые из этих кратких повествований, сопровождаемых сентенцией: «(XII) Рассказывают: муж-воин отправился на охоту. В горах он камлал, [говоря]: “Эрклиг — небесный, [бог]!” Так знайте — это грешно!» За грех здесь почитается отнесение Эрклига, владыки подземного мира, к божествам Верхнего мира, а сама притча ясно указывает на обычное для шаманских верований Сибири и Центральной Азии противопоставление Верхнего и Нижнего миров в религиозно-этическом плане.

«(V) Рассказывают: сын героя-воина пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал [его своим] посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным со славою [мужа], достигшего зрелости. Так знайте — это очень хорошо!» Смысл сентенции предельно прост: лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша получает право зваться мужчиной. Герой притчи поразил на поле боя много врагов, за что назван посланцем владыки преисподней. Здесь содержится глухой отзвук древнейшего обычая инициаций, дающих право на переход из возрастной группы подростков-юношей в группу взрослых воинов и охотников. Наиболее логичное объяснение структуры и содержания «Ырк битиг» основано на гипотезе об эпическом характере того первоначального текста, который в виде отрывочных «микросюжетов» был по тибетскому образцу приспособлен для гаданий и предсказаний⁹².

Слабое отражение следов манихейства в таком скорее фольклорном, чем религиозном тексте, как «Ырк битиг», созданном к тому же в манихейской обители, как, впрочем, и сам выбор алфавита для его написания, говорит о явном упадке манихейства среди уйгурского населения Вос-

⁹⁰ Стеблева. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. С. 222–223.

⁹¹ Hamilton. Nom de lien KCN. P. 9–10; ср. также: Arlotto. Old Turkic oracle Books. P. 636–685.

⁹² Клитторный. Мифологические сюжеты.

точного Туркестана уже в первой трети X в., что было отмечено Л. Базеном⁹³. Наряду с постепенным укреплением в государстве Кочо позиций буддизма, достигшего своего подъема несколько позднее, наблюдается как некоторое оживление древних верований и представлений, так и их известная адаптация в новой, по преимуществу городской или, во всяком случае, оседлой жизни, происходившая не без влияния иных этнокультурных массивов.

Оба эти процесса нашли свое отражение еще в одном тюркском тексте на бумаге руническим письмом из пещеры Тысячи Будд, хранящемся в коллекции А. Стейна под шифром Оч. 8212 (78) и (79)⁹⁴. Рукопись состоит из семи фрагментов, большей частью небольших, один из которых сохранил стандартную ширину китайских официальных документов VIII–X вв. — 30 см⁹⁵. Тюркский текст помещен на оборотной стороне уже использованного китайским писцом листа, что не было зафиксировано первоиздателем тюркского памятника В. Томсеном, так как он имел в своем распоряжении фотографию только одной стороны каждого фрагмента. В. Томсен издал несколько наиболее полных отрывков и определил их как тексты религиозного содержания⁹⁶.

Повторно к изучению этого памятника обратились Дж. Гамильтон и Л. Базен. Интерпретация китайского текста самого крупного фрагмента позволила Дж. Гамильтону установить, что этот документ является копией донесений полководца Го Чэнтао императору династии Поздняя Тан Чжуанцзуну и датирован концом декабря 925 г. В январе 926 г. Го Чэнтао был убит, а в 936 г. пала Поздняя Тан. Только после этого события архив, принадлежавший императорским управлениям в Шачжоу (Дуньхуане), был разграблен и бумаги из архива были использованы вторично. Таким образом, определяется время написания тюркского текста — середина или вторая половина X в.⁹⁷

Тщательное изучение тюркского текста фрагментов показало, что в пещерном храме обнаружен самый древний сборник тюркских пословиц⁹⁸. Хотя сохранность текста явно недостаточна для уверенных суждений о древнетюркской паремииологии, все же легко выделить пословицы

⁹³ Bazin. Les calendriers. P. 296.

⁹⁴ Stein. Serindia. Vol. 2. P. 294–295.

⁹⁵ Fujieda. The Tunhuang manuscripts. P. 28.

⁹⁶ Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. P. 215–217; ср. также: Hommel. Zu den alttürkischen Sprichwörtern. S. 182–193.

⁹⁷ Hamilton, Bazin. Un manuscrit. P. 23–28; Bazin. Les calendriers. P. 292. Вход в пещеру Тысячи Будд был замурован в 1002 г.

⁹⁸ Следующая по времени запись пословиц, принадлежавшая Махмуду Кашгарскому, относится к 1070 г.

Фрагмент настенной живописи из руин буддийского храма в Безеклике (Турфанский оазис). X в. Уйгурские монахи, имена которых написаны в верхних картушах письмом брахми. Из собрания Музея индийского искусства. Берлин

и речения, восходящие к более древней традиции, и пословицы, созданные в условиях еще нового для вчерашних кочевников городского быта. К первой группе с известной степенью условности можно отнести всего две пословицы из сохранившихся в тексте: «Хитростью ловят и льва, силой не поймать и мыши»; «Нет огня без дыма, нет молодца без изъяна». Зато вторая группа речений более представительна и ясно свидетельствует о разнообразном влиянии дотюркской этнокультурной среды на изменившийся тюркский быт: «Если не ошибаются, то мудрость не нужна; если не сбиваются с пути, то проводник не нужен. Нет писца, который бы не ошибался, нет проводника, который бы не сбивался [с пути]»; «Речь свидетеля — все равно что грамота с печатью»; «Проситель умер, а хо-

датайство не умерло»; «[Четверо самых ценных] — проводник, который не сбивается, советник, который не ошибается, ходатай, который не забывает [о порученном деле], писец, который не делает ошибок»⁹⁹.

Социальный фон, на котором появляются столь характерные фигуры, как писец, ходатай по чужим делам, проситель, подающий письменное ходатайство, весьма отличен от прежнего общественного устройства степных империй. Новый быт породил новые слова и речения, за которыми — многовековой и нередко мучительный процесс ломки и изменения жизненного уклада и культурных традиций многих тюркских племен Восточного Туркестана.

Два деловых документа рунического письма, один из которых обнаружен в Дуньхуане, а другой — при раскопках цитадели Миран, свидетельствуют о наличии военно-интендантского делопроизводства на тюркском языке и в тюркской среде. Документ из Дуньхуана (IX — начало X в.) сообщает о прибытии (в Шачжоу?) отряда знатных тюркских воинов, сопровождаемых слугами, — всего 30 человек, которым полагалось от местного интендантства довольствие: ежедневно по барану и два кувшина браги каждому¹⁰⁰. Документ подписан одним из воинов, Багатуром-чигши, написан плохо выработанным, неуверенным почерком. Одна из особенностей письма — более частое обозначение гласных, чем в других текстах, в чем, может быть, сказывается влияние уйгурского курсива.

Очень важен другой интендантский документ из трех фрагментов, найденный в Миране. Крепость Мирана контролировала путь из южно-таримских оазисов в Дуньхуан и была разрушена в IX в. Сам документ, по мнению А. Стейна, попал в Миран случайно, его происхождение связано с Дуньхуаном или Кучой¹⁰¹. Такое предположение представляется вполне обоснованным. Дата документа не вызывает особых сомнений — вторая половина VIII — начало IX в., т. е. эпоха существования Уйгурского каганата и борьбы этого государства за господство над северными оазисами Таримского бассейна. Поскольку в документе упоминаются токуз-огузские племена (байырку, кюрабиры) и сообщается о доставке лошадей из родного юрта, то документ, скорее всего, свидетельствует о наличии письменного делопроизводства в войске каганата. В документе речь идет о распределении между воинами воинского снаряжения (доспехов, шлемов, мечей и лошадей).

⁹⁹ Hamilton, Bazin. Un manuscrit. P. 36–42.

¹⁰⁰ Thomsen. Dr. M. A. Stein's manuscripts. S. 218–219.

¹⁰¹ Stein. Serindia. Vol. I. P. 471–476. Публикацию документа см.: Thomsen. Une lettre mésoptique. P. 182–190, табл. 2. К сожалению, во время подготовки документа В. Томсен еще не располагал столь важным лексическим сводом, как словарь Махмуда Кашгарского, что помешало ему раскрыть содержание документа.

Перечисленными выше открытиями и находками исчерпываются известные памятники древнетюркского рунического письма на территории Восточного Туркестана. Несомненно, они составляют лишь малую часть того, что было создано этой разновидностью тюркской письменности. Жанровое разнообразие находок свидетельствует о широком использовании руники в разных сферах жизни — религиозной, деловой, военной, а также, что совершенно уникально для древнетюркской письменности, — для записей фольклорно-литературного характера. Уйгурское письмо для таких целей стало использоваться значительно позднее, не ранее второй половины XI в. Именно в Восточном Туркестане древнетюркское руническое письмо утратило свой узкоэпиграфический характер, вошло в число графических систем, используемых для создания рукописных книг на тюркском языке. Но кульминация тюркской руники обусловила и ее упадок, и исчезновение; руническая графика, не приспособленная для скорого письма, неспособная к эволюции, не могла выдержать и не выдержала конкуренции с курсивной графикой¹⁰². Вряд ли руника использовалась в культурных центрах Восточного Туркестана после X–XI вв. Даже в сочинениях двух великих тюркских литераторов — ученого и поэта, живших в Кашгарии в XI в., Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского, нет упоминаний об этом письме. Лишь персидский историк XIII в. Джувейни, рассказывая о руинах древнеуйгурской столицы Ордубалык на р. Орхон, в Северной Монголии (ныне эти развалины называются Карабалгасун), упоминает о плитах с письменами, которые никто не мог прочесть, т. е. о знаменитой трехязычной Карабалгасунской надписи. Эту надпись будто бы смогли в конце концов истолковать *камы*, т. е. шаманы, однако излагаемый дальше рассказ о содержании надписи не имеет ничего общего с обычными эпиграфическими текстами¹⁰³.

Время существования и функционирования тюркского рунического письма в Центральной Азии вряд ли намного превышает три–три с половиной столетия. Однако в течение этих трех веков была заложена основа письменной культуры древнетюркских народов, и в этом процессе роль древнетюркской руники трудно переоценить.

Памятники курсивного письма в Восточном Туркестане и Ганьсу (VIII–X вв.)

Древнетюркские памятники VII–VIII вв., написанные различными видами письма, были обнаружены исследователями во многих местах

¹⁰² О консервативности и неспособности к развитию всех систем рунической графики см.: *Ralph, Elliot. Runes. P. 62.*

¹⁰³ *Juvaini. The history of the world conqueror. S. 53–61.*

Турфанского оазиса, а также в Дуньхуане, в Сучжоу и в низовьях Эдзин-гола¹⁰⁴. Нигде в других районах Восточного Туркестана и Ганьсу памятники такого рода пока не найдены, хотя достоверно известно о тюркском населении и тюркских административных и религиозных центрах в Беш-балыке, Куче, Хами и других оазисах севернее Алтынтага.

Судя по имеющимся в хранилищах памятникам, использование определенной системы письма для фиксации тюркского языка первоначально было вызвано религиозными нуждами. Именно в VI–VIII вв. обозначались успехи буддийской, манихейской, христианской (несторианской) миссий среди оседлого и кочевого тюркского населения Восточного Туркестана и Ганьсу, оказавшегося в сфере постоянных и тесных контактов с согдийцами, западными иранцами, тохарами, сирийцами, индийцами. Тюрки все более уподоблялись по образу жизни своим соседям. Общие с ними территориальные интересы возобладали над прежними связями. Культура, и прежде всего идеология новых соотечественников, решительно взламывая племенные перегородки и сокрушая прежние культы (но не прежние суеверия), ворвались в быт и сознание тюрков. Прошло немного времени, и согдийское (уйгурское) письмо, сменяя привычную, но неудобную для письма на бумаге рунику, проникло в область административно-политической и хозяйственной жизни тюрков Центральной Азии. Лишь после решающих успехов исламской миссии в тюркской среде (XI–XII вв.) уйгурское письмо постепенно было вытеснено арабским.

Основной фонд древнетюркской письменности Восточного Туркестана и Ганьсу составляют памятники с ясно выраженной конфессиональной принадлежностью. Большая часть их — переводные религиозные сочинения. Впрочем, перевод не всегда отличался точностью и зачастую заменялся переложением сюжета исходного текста с элементами литературной импровизации в прозе и стихах¹⁰⁵.

¹⁰⁴ *Gabain. Altürkische Schreibkultur. S. 171–172.* Библиографию основных изданий тюркских памятников из Восточного Туркестана см.: ДТС. С. 21–38; *Малов. Памятники. С. 35–104, 107, 128–130, 138, 198, 199, 217–218; Gabain. Altürkische Grammatik. 3. S. 224–270.* Все основные тюркские тексты из Восточного Туркестана, изданные в разное время немецкими исследователями, собраны ныне в двухтомный сборник (*Sprachwissenschaftliche Ergebnisse*).

¹⁰⁵ Об отечественных изданиях см.: *Насилов. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников. С. 64–101; Медведева. Хронологический перечень трудов С. Е. Малова. С. 262–276; Щербак. С. Е. Малов — исследователь. С. 69–73.* Имеются лишь две небольшие по объему работы, содержащие квалифицированную оценку и обобщенную характеристику всего фонда древнеуйгурской литературы, переводной и оригинальной, созданной и обнаруженной в Восточном Туркестане и Ганьсу. Одна из них, по словам автора, «может рассматриваться как первая попытка составить некоторое представление о духовной жизни древ-

Фрагмент уйгурской рукописи из Турфана с цветным изображением поединка всадников (XI в.). Собрание рукописей СПбФ ИВ РАН, коллекция С. Ф. Ольденбурга

Наряду с рукописями и ксилографами сохранилось небольшое число памятников оригинальной уйгурской эпиграфики. К числу оригинальных и не связанных с религией текстов следует отнести немногие фольклорные записи и значительный фонд древнеуйгурской дипломатики XIII–XIV вв. Манускрипты написаны на бумаге местного или китайского изготовления (более тонкой), ставшей от времени желтой или темно-коричневой. Текст написан изготовленной из сажи тушью, причем буквы наносились на бумагу кисточкой или каламом. В наиболее тщательно выполненных рукописях для первых строк отдельных глав и для слов, читаемых с особым почтением (например, имен Будды), использовалась красная тушь.

Брошюровка книг и ксилографов выполнялась несколькими способами. Во-первых, книга-тетрадь, брошюровавшаяся по сгибу. Первый лист такой книги расположен справа, строки располагаются перпендикулярно сгибу. Форма книги-тетради заимствована из ирано-сирийской среды и особенно часто использовалась манихеями и христианами. Разновидностью книги-тетради были написанные поздним уйгурским письмом

них тюрков на основании многочисленных литературных фрагментов» (*Gabain. Alttürkische Schreibkultur. S. 213*). Сокращенным вариантом той же работы является статья: *Gabain. Vorislamische alttürkische Literatur. S. 207–208*. В 1956 и 1962 гг. появились два издания «Истории тюркской литературы», написанной крупнейшим итальянским тюркологом А. Бомбачи; мы пользуемся французским переводом этого труда (*Bombaci. Histoire de la littérature turque*), дополненным автором. Специальная глава монографии (с. 17–28) посвящена древнеуйгурской литературе. Оценку древнеуйгурской школы переводчиков см.: *Gabain. Alttürkische Schreibkultur. S. 229–230*.

буддийские рукописи и ксилографы, в которых текст расположен параллельно сгибу, а счет листов начинается слева.

Во-вторых, книга «пальмовых листов» (потхи). Эта форма восходит к образцу древних индийских книг, которые действительно состояли из положенных друг на друга длинных или коротких полос пальмовых листьев, прошитых нитью или шнурком. В Восточном Туркестане обнаружены индийские и тохарские рукописи-потхи из пальмовых листьев или бересты. Уйгурские книги-потхи изготовлены из бумаги малого или большого формата. При письме слева направо (брахми) отверстие для шнура находилось справа, при письме справа налево — слева; отверстие обводилось кругом. Строки располагались вдоль листа, сверху вниз. Книги такой формы бытовали преимущественно в буддийской среде, манихеи и христиане прибегали к ней лишь изредка. В уйгурских буддийских книгах на больших листах текст расположен перпендикулярно длине листа, а отверстие для шнура находится слева. Книги-потхи укладывались между твердыми деревянными крышками и обертывались тканью.

В-третьих, книга-свиток китайского образца, причем нередко уйгурский текст наносился на чистую оборотную сторону китайского свитка. В-четвертых, существовали книги-гармоники, т. е. книги с листами, сложенными гармоникой¹⁰⁶. Многие иранские и тюркские манихейские рукописи украшались миниатюрами на синем или золотом фоне. В буддийских книгах иллюстрации появились позднее; обычно изображался Будда с многочисленным окружением¹⁰⁷.

Переписчики рукописей часто называют себя в колофонах. Обязательно указывалось имя писца (*bitigçi, petkaçi*) в деловых документах. Судя по обилию документов и некоторым сведениям об их создателях, составителями были не только профессиональные писцы, поскольку грамотность была доступна широкому кругу тюрков Восточного Туркестана. Равным образом переписчиками религиозных рукописей были как писцы из монастырской среды, так и миряне, которые, переписывая священные тексты, совершали религиозный подвиг или выполняли обет. В колофонах манускриптов часто упоминаются имена их заказчиков, принадлежавших к высшим кругам тюркской аристократии. Впрочем, сам заказ не всегда выполнялся на тюркском языке. Так, заказчиками двух списков «Майтрисимит», написанных по-тохарски, были тюркские князья, а заказчиком

¹⁰⁶ О древнеуйгурской рукописной и ксилографической книге и видах письменности, употреблявшихся при ее создании, см. подробнее: *Gabain. Alttürkische Schreibkultur. S. 171–191; Id. Die Drucke; Id. Einführung. S. 57–79; Kap. Книги. С. 104–149*.

¹⁰⁷ *Gabain. Alttürkische Schreibkultur. S. 177–178*. Специально о манихейской книжной миниатюре см.: *Klimkeit. Manichaean art. P. 195–219; о буддийской иконографии: Gabain. Das Leben. S. 175–199*.

среднеперсидской рукописи «Махрнамаг» — уйгурский хан. В колофоне последней рукописи имеется, в частности, длинный список тюркских аристократов-манихеев.

Хотя язык написанных курсивным письмом тюркских текстов из Восточного Туркестана принято называть уйгурским, все же он не вполне однороден. Памятники содержат следы по меньшей мере пяти диалектов, которые, однако, нельзя соотносить с какими-либо племенными группами. Наиболее явственные следы двух диалектов — раннего, свойственного руническим памятникам и манихейским рукописям (Н-диалект), и более позднего — диалекта буддийских и христианских памятников. Некоторые рукописи, написанные и на одном, и на другом диалекте, относятся ко времени, предшествующему переселению в Восточный Туркестан основной массы уйгурских племен. Поэтому можно полагать, что оба письменно зафиксированных диалекта не являются только уйгурскими. Очевидно, ими пользовались также собственно тюрки, тюркешы, басмылы, карлуки и некоторые другие тюркские племена, населявшие Восточный Туркестан еще в VII–VIII вв. Вполне удовлетворительные критерии для более определенных дефиниций пока не найдены¹⁰⁸.

Все системы письма, использованные при создании древнеуйгурских текстов, кроме брахми, имеют арамейское происхождение. Тюрки заимствовали эти ближневосточные по происхождению алфавиты через посредство согдийцев. Первоначально манихейское письмо использовалось только в собственной конфессиональной среде; позднее, несколько изменив орфографию, его применяли тюрки-буддисты. Сирийское письмо эстрангело, дополненное несколькими знаками, введенными согдийцами-несторианами, использовали только тюрки-христиане. Согдийское письмо было известно тюркам в двух его разновидностях. Первая характеризуется более крупными и ясными начертаниями — «письмо сутр». Другая, курсивная, имеет образцом согдийское деловое письмо VII–VIII вв.¹⁰⁹ Памятников, написанных согдийским письмом, сохранилось немного. Все они являются фрагментами книг-потхи буддийского содержания. Не исключено, что все рукописи согдийским письмом относятся к самым ранним тюркским памятникам на бумаге. Судя по неразработанности орфографии, это письмо употреблялось в тюркской среде

¹⁰⁸ О языке древнетюркских памятников из Восточного Туркестана см. также: *Gabain*. *Altürkische Grammatik*. 3. S. 1–8 (о диалектах); *Id.* *Altürkische Schreibkultur*. S. 212–213 (опыт этнической атрибуции диалектов); *Id.* *Das uigurische Königreich* (опыт этнографического очерка населения Кочо, характеристика его культуры). Наиболее полным образом культурно-историческое наследие древнеуйгурского государства Кочо охарактеризовано в монографии: *Gabain*. *Das Leben*.

¹⁰⁹ *Henning*. *Mitteliranisch*. S. 22.

недолго¹¹⁰. Наибольшее распространение среди тюрков получила поздняя разновидность согдийского письма, приспособленная к тюркскому языку¹¹¹. В европейской научной литературе письмо получило название уйгурского, так как большая часть памятников этим письмом написана во время существования в Ганьсу и Восточном Туркестане уйгурских государств. Собственное письмо, употреблявшееся во всех сферах религиозной, экономической и политической жизни, стало одной из характернейших черт древнеуйгурской культуры. Индийское письмо брахми было свойственно тохарской и хотанско-сакской буддийской культуре Восточного Туркестана. В алфавит брахми тохары добавили несколько знаков (акшар). В таком виде его заимствовали тюрки-буддисты, приспособившие брахми к своему языку. Письмо брахми использовалось тюрками преимущественно для переписки буддийских сочинений в немногих монастырских скрипториях. Все известные находки — свыше полутора десятка — происходят из Турфана (Сенгим, Муртук)¹¹².

Если начальный этап существования древнетюркской литературы на бумаге относится к VI в. (перевод на тюркский язык «Нирванасутры»), а ее расцвет приходится на IX–XIII вв., то последние памятники уйгурским письмом переписывались в Восточном Туркестане еще в конце XVII — начале XVIII в.¹¹³ Столь длительное существование мало изменившейся письменной традиции указывает на консерватизм и жизнестойкость породившей ее среды. Уйгурское письмо в дальнейшем распространилось далеко за пределы расселения древнеуйгурской народности. От уйгуров оно было заимствовано монголами, а от них — маньчжурами¹¹⁴.

Рукописи манихейского содержания

Появление тюркского манихейства и тюркской манихейской литературы стало естественным результатом теснейших многовековых тюрко-иранских связей в Восточном Туркестане, Ганьсу и Монголии. Манихейская миссия неотделима от деятельности согдийских купцов-манихеев из Семиречья, Турфана и Дуньхуана, донесших свою веру до столицы Танской империи (694)¹¹⁵. Манихейские священные тексты были едва ли

¹¹⁰ *Gabain*. *Altürkische Texte*. S. 69–77.

¹¹¹ *Le Coq*. *Kurze Einführung*. S. 93–109; *Clauson*. *Turkish and Mongolian studies*. P. 175–187.

¹¹² Подробнее см.: *Gabain*. *Die Schreiber*; *Id.* *Altürkische Grammatik*. 3. S. 32–43.

¹¹³ О поздних памятниках уйгурским письмом см.: *Малов*. *Памятники*. С. 139–144.

¹¹⁴ О великой центральноазиатской эстафете уйгурского письма см.: *Кара*. *Книги*. С. 15–20.

¹¹⁵ *Schaefer*. *Der Manichäismus*. S. 26.

не единственными религиозными сочинениями, которые не только поощряли торговлю, но и разрешали взимание ростовщического процента¹¹⁶. Торговой деятельностью и финансовыми операциями занимались не только рядовые согдийцы-манихеи, но и высокие церковные иерархи. Не исключено, что принятию уйгурами манихейства предшествовало их глубокое вовлечение в согдийскую трансконтинентальную караванную торговлю¹¹⁷.

Тюркские манихейские памятники обнаружены пока только в древних городах Турфанского оазиса, в Дуьхуане и на берегах Орхона, где была воздвигнута прославляющая Мани и «учение света» Карабалгасунская стела с надписями на тюркском, согдийском и китайском языках. Хотя в Семиречье и не обнаружены тюркские манихейские тексты, имеются иные письменные свидетельства, позволяющие отнести весь этот регион или, во всяком случае, Таласскую и Чуйскую долины к основным районам сложения и расцвета тюркского манихейства.

Буддизм опередил в тюркской этнической среде иные прозелитические религии, однако, несмотря на несколько попыток упрочения его позиций, даже после принятия этой религии некоторыми тюркскими и уйгурскими государствами буддизм вплоть до X в. не был в регионе государственной религией. Напротив, государственной религией Уйгурского каганата в 762–763 гг. стало манихейство, которое, по крайней мере в течение второй половины IX в., оставалось государственной религией уйгурских государств Кочо и Ганьчжоу.

Манихейство распространилось среди оседлого тюркского населения Восточного Туркестана и, возможно, Семиречья задолго до его принятия уйгурским Бёгю-каганом¹¹⁸. Хотя датировка тюркских манихейских письменных памятников чрезвычайно трудна, а иные свидетельства отсутствуют, все же есть достаточно оснований полагать, что уже к середине VIII в. тюркское манихейство процветало в обоих регионах. В то время как немногие манихейские фрагменты на тюркском языке из Дуьхуана можно датировать только концом X — началом XI в.¹¹⁹, имеются по крайней мере две рукописи из Турфанского оазиса, относящиеся ко второй половине VIII в. Одна из них, в разрушенном контексте, упоминает девиз правления танского императора Суцзуна, приходящийся на 760–761 гг. (Шань-

юань), и датируется 761 г. Другая рукопись содержит в колофоне даты по тюркскому животному циклу (год Свиньи) и по манихейскому календарю (522), что соответствует 795 г. В последнем манускрипте назван глава манихейской церкви, имевший резиденцию в Отюкенской черни, т. е. в центре Уйгурского каганата Ордубалыке¹²⁰.

Центрами манихейской литературной деятельности были монастыри¹²¹. Созданные первоначально по образу и подобию христианских монастырей в Египте, не без влияния коптского манихейства, монастыри вскоре появились и в других краях манихейской диаспоры. Остается неясным, какую роль сыграли аналогичные буддийские институты в Центральной Азии, однако несомненно их влияние на жизнь манихейских общин в регионе от Амударьи до Северного Китая. Известны лишь три письменных памятника, в которых упоминаются места, где в VIII–X (VIII–XI?) вв. существовали манихейские монастыри и имеются некоторые намеки относительно их внутренней жизни. Один из упомянутых памятников факсимильно опубликован Хуан Вэньби и частично интерпретирован П. Циме¹²². В указанном тексте названы манихейские тюркские монастыри в трех крупнейших центрах Турфанского оазиса — Яр-Хото, Кочо и Сольми. Анализ текста свидетельствует, что монастыри существовали на средства, которые они получали — деньгами или товарами — от бедных и богатых жертвователей: упоминается, в частности, пожертвование хлопчатобумажной ткани. Другой текст, гадательная книга «Ырк битиг», написанная руническим письмом, упоминает манихейский монастырь в Дуьхуане, существовавший в начале X в. Наконец, колофон рукописи манихейского сочинения «Йки йылтыз ном» («Священная книга двух основ»), обнаруженной А. Лекоком в сел. Караходжа, содержит целый список манихейских обителей в городах Семиречья. Время перевода книги на тюркский язык (VIII в.) определяется упоминанием ее цели — «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел», т. е. в Западнотюркском каганате. Завершенная «в день, предвещающий удачу, в благословенном месяце, в счастливый год», книга переписывалась в городе «славных и благословенных тюрок-чаруков», в Аргу-Таласе¹²³. Далее следует перечень других городов Семиречья, где были манихейские монастыри, — Йаканкент, Ордукент (Баласагун?), Чигильбалык, Кашу.

На одной из настенных фресок монастыря в Кочо изображен манихейский монастырский скрипторий — ряд писцов с каламами в руках,

¹¹⁶ Adam. Manichäismus. S. 117–119; Lieu. Precept. P. 153–173; Schaeder. Der Manichäismus. S. 248.

¹¹⁷ Об уйгурской торговле см.: Zieme. Zum Handel. S. 235–249.

¹¹⁸ Zieme. Zu einigen Problem. P. 173–174. О манихействе в Семиречье см. теперь: Klyachtny. Manichaean monasteries. S. 374–379.

¹¹⁹ Bazin. Les calendriers. P. 297–308.

¹²⁰ Bazin. Les calendriers. P. 311–313.

¹²¹ О манихейских монастырях в Центральной Азии см.: Asmussen. Studies in Manichaeism. P. 260.

¹²² Zieme. Ein uigurischer Text. S. 331–338.

¹²³ Варианты: Алтун Аргу-Талас-улуш, Аргу-Талас-улуш, Талас-улуш.

сидящих на скамье за узким столом. Перед ними большие бумажные листы. Судя по одинаковой белой одежде и высоким белым колпакам-митрам, все они принадлежат к «избранным»¹²⁴.

Манихейская община имела дихотомическую структуру. Ее большинство составляли верующие, остававшиеся в миру и называвшиеся «слушающими». Уйгуры называли их заимствованным из согдийского языка словом *niyošaḡ*, но иногда переводили это слово на тюркский язык — *äšidtäci*, *äšidšici*. Миряне имели своего главу, которого именовали *niyošaḡpat*. Те же, кто полностью посвятил себя религиозной деятельности, включавшей литературную и переводческую работу, именовались «избранными». В тюркском языке для перевода этого термина употреблялось адаптированное согдийское слово *dintar*. Уйгурские тексты упоминают «динтаров в белых одеяниях» и в белых митрах. В среде «избранных» известны три высшие ступени манихейской церковной иерархии. Первосвященниками манихейской церкви были двенадцать «учителей», один из которых являлся «главой [церкви]». В то время как «учителей» тюрки именовали согдийским словом *toḡaḡ* «архиепископ», для обозначения «главы» специальный термин в тюркских текстах отсутствовал. Возможно, для манихеев-тюрков он был лишь первым из можаков. В одном из уйгурских текстов упоминается «высокопочтимый и именитый божественный наставник Вахманхайар Язд, великий можак “Четырех Тохры”», т. е. архиепископ манихейской церкви в Восточном Туркестане¹²⁵. Престол архиепископа находился в Кочо. Лишь в 719–732 гг. на Дальнем Востоке, в Лояне, был еще один можак, с началом гонений на манихейство в Танской империи покинувший пределы Китая. Резиденцией манихейского архиепископа Востока после этого окончательно стал Кочо. Даже в Ордубалыке не было своего можака, а главой государственной церкви Уйгурского каганата являлся его «ученик»¹²⁶.

Вторую ступень церковной иерархии, согласно уйгурским манихейским текстам, занимали *автаданы* «епископы». В текстах упомянуты *tengri avtadan* «божественный автадан» и *alqyščy avtadan* «автадан-панегирист». В 694 г. носивший этот титул иерарх, иранец по происхождению, именуемый в китайских анналах *фудодань*, положил начало официальной манихейской миссии в Танской империи¹²⁷. Наконец, третью ступень среди манихейских иерархов занимали отмеченные уйгурскими памятниками

¹²⁴ Gabain. Das uigurische Königreich. S. 66–67. О структуре манихейской общины и ее иерархии на основании древнетюркских текстов см.: Tongerloo. La structure. P. 262–288.

¹²⁵ Интерпретацию этого текста и связанных с ним событий см.: Henning. Neue Materialien. S. 10–14; *Id.* Argi and the «Tocharians». P. 551–552; *Id.* «Tocharian» language. P. 158–162.

¹²⁶ Le Coq. Türkische Manichaica. Vol. 1. S. 402.

¹²⁷ Henning. Neue Materialien. S. 10–11.

махистаки (*maḡistaḡ*) «пресвитеры, старейшины», возглавлявшие литургию. Главой манихеев Уйгурского каганата в 795 г. уже упомянутый текст называет «божественного наставника и нового Мани, махистака Айгына»¹²⁸. Тюрки заимствовали у согдийцев не только принципы организации общины и титулатуру иерархов, но и тот круг религиозных сочинений, который динтары из тюрков предназначали для перевода на свой язык. Только в немногих случаях переводы делались непосредственно со среднеперсидского или парфянского оригинала или, еще реже, с тохарского. Именно через посредство согдийцев тюрки-манихеи восприняли характерные для «учения света» сюжеты, образы и литературные формы, определявшиеся нуждами литургии, миссии и экзегетики.

Наиболее распространенным видом сочинений в согдийской и тюркской манихейке были панегирические гимны и покаянные молитвы. Гимны (*küg*, *baš*, *bašik*) распевались в молитвенных домах во время службы, пением руководил динтар, носивший иранский титул *āfrīn sār* «глава гимнов». Заучивание гимнов и их переписка считались наряду с соблюдением поста самыми богоугодными и похвальными деяниями для обучающихся в монастырской школе и стремящихся стать динтарами. Известны не только переводные, но и оригинальные тюркские гимны, являвшие собой превосходные образцы древней тюркской поэзии с ее параллелизмами, обильными аллитерациями, нерегулярной цезурой, позволявшей избежать монотонности. Наиболее известны «Гимн богине утренней зари», «Гимн четырем великим сущностям» (восхваление Бога, его Света, его силы, его мудрости), «Гимн моему отцу Мани, моему Будде»¹²⁹.

Высокая художественная выразительность и яркая эмоциональность «Гимна богине утренней зари» подчеркнута его особой ритмикой, имитирующей бой барабанов:

Taḡ teḡri kelti
Taḡ teḡri ozi kelti
 ...
Taḡ teḡri
Jydlyy jyparlyy
Jaruglyy jašuglyy
Taḡ teḡri
Taḡ teḡri

¹²⁸ Bazin. Les calendriers. P. 312.

¹²⁹ О манихейских гимнах и покаянных молитвах см.: Gabain. Altürkische Schreibkultur. S. 232–234; Asmussen. Studies in Manichaeism. P. 167–261; Bang. Manichäische Hymnen. S. 1–55. О древнеуйгурской поэзии и поэтике см.: Arat. Eski Türk şiiri; Bombaci. The Turkic Literatures. P. 14–18; Gandjei. Überblick. S. 142–156.

Явилась богиня утра,
Явилась сама богиня утра.

...

Богиня утра,
Благоухающая,
Сверкающая,
Богиня утра,
Богиня утра¹³⁰.

В «Большом гимне в честь Мани» сохранилось 123 четверостишия (492 стиха)¹³¹. Этот гимн примечателен тесной связью с основными понятиями и терминологией буддийской литературы. Сам Мани постоянно именуется Буддой, упоминаются, как и в буддийских гимнах, три главных греха — алчность, гнев и невежество, фигурируют и основополагающие понятия буддизма — нирвана, сансара, «четыре рождения». Хотя гимн очень длинен, начальная вертикальная аллитерация выдержана от начала до конца:

*Qutrulyu jol jyñaqlary tilejü
Qoptyn synar il uluſlary keztiñiz
Qotqaryu tynlyrtary taptuqta
Qodmadyñ qamugunu qutqartyñyz*

Ища пути к спасению,
Ты обошел страны всех направлений [стран света]
Найдя существа, подлежащие спасению,
Ты их не покидал и всех освобождал.

«Гимн четырем великим сущностям», «великолепный тюркский гимн» — *adynçy türkçe başık* (сохранилось 27 строф), призывающий следовать учению Мани, по выражению А. Габен, «отшлифован по форме и дидактичен по содержанию»¹³²:

*Töziñ bilge kişiler tirilelim
Tejrinin bitigin biz işidelim
Tört iliy tejrilерке tapynalym
Tört uluy emgekde qurtulalym*

¹³⁰ Транскрипция отрывка по: Тугушева. Поэтические памятники. С. 239.

¹³¹ Bang, Gabain. Der grosse Hymnus. S. 57–79. Транскрипция отрывка по: Тугушева. Поэтические памятники. С. 241.

¹³² Gabain. Altürkische Schreibkultur. S. 232. Транскрипция отрывка по: Тугушева. Поэтические памятники. С. 240.

Благодарные и мудрые люди, давайте соберемся,
Учение бога послушаем,
Четырем главным богам поклонимся,
От четырех великих мук освободимся!

Среди манихейских гимнов известны и оригинальные авторские сочинения на тюркском языке. Их создателями были поэты из уйгурской аристократической среды. Один из них — Тонга Кюль-таркан. Сохранился лишь небольшой фрагмент его «песни». Другой, Арпын-чор-тегин, известен как автор построенного на повторах своеобразного гимна в честь Мани и небольшого стихотворения вполне лирического содержания:

Пусть распорядятся ясные боги,
Чтобы мы с моей благой нравой
Встретившись, не расставались,
Пусть могущественные ангелы придадут силы,
Чтобы мы с моей черноглазой
Жили веселясь!¹³³

Не менее выразительно по своей образности и тесной связи с эпической поэмой небольшое стихотворение, отрывок из гимна (публикация П. Циме):

Серым волком за тобой ходить пусть я стану,
Черным вороном на земле пусть я останусь,
Углем против болезни,
Плевком на точильном камне пусть я стану!¹³⁴

Близки к гимнам по содержанию написанные прозой переводные покаинные молитвы, которые А. Габен относит наряду с предписаниями о поведении к жанру дидактической литературы. Обычно эти мотивы зачитывались на каком-нибудь литургическом языке (скорее всего, на среднеперсидском), но имеются их немногочисленные тюркские переводы. Чтение этих молитв в основном предназначалось для «избранных».

Наиболее известна покаинная молитва «Хуастуанифт», названная так по имени заказчика. Написана молитва на парфянском языке и, как теперь выяснено В. Хеннингом и И. Асмуссеном, переведена на тюркский с несохранившегося согдийского оригинала¹³⁵. Известно более двадцати

¹³³ Перевод отрывка по: Тугушева. Поэтические памятники. С. 242.

¹³⁴ Zieme. Türkçe bir mani şiri. С. 45–51. Перевод отрывка по: Тугушева. Поэтические памятники. С. 242.

¹³⁵ Asmussen. Studies in Manichaeism. S. 235–236; Henning. Ein manichäisches. S. 32–41.

тюркских копий этой молитвы, написанных манихейским и уйгурским письмом¹³⁶. По мнению С. Е. Малова, молитва «написана чрезвычайно хорошим, ясным и строгим языком»¹³⁷. Она была предназначена не только для «избранных», но и для «слушающих». На основе трех копий (лондонской, берлинской и ленинградской) Л. В. Дмитриева составила полный сводный текст сочинения (221 строка) и дала его филологический русский перевод с необходимым текстологическим комментарием¹³⁸. Молитва содержит в форме просьб о прощении и покаянии полный репертуар прегрешений, возможных с точки зрения манихейского вероучения и этики. Ее особая важность для понимания манихейства достаточно полно выявлена в монографии И. Асмуссена¹³⁹.

К дидактическому жанру относится и одна из классических книг манихейства, упомянутая выше «Священная книга двух основ». По мнению В. Хеннинга, ее можно отождествить с одним из семи написанных самим Мани сочинений. Другие дидактические книги, подобно буддийским шастрам, построены в форме диалога: учитель (*baḥṣu*) отвечает на вопросы ученика (*titsi*). В дидактических сочинениях, более чем в произведениях других жанров, отразилось глубокое сращение центральноазиатского манихейства с буддизмом и, правда в меньшей степени, проявляются черты непосредственного воздействия христианства¹⁴⁰.

Та же тенденция прослеживается и в специфическом жанре манихейской литературы — «рассказах»¹⁴¹. По мнению В. Банга, жанр «рассказа» развился из тех поучительных историй, которые манихейские проповедники вплетали в свои проповеди, почерпнув их из литературной сокровищницы буддизма, христианства, из фонда «бродячих сюжетов» Ближнего и Среднего Востока. В своем развитии манихейский жанр назидательного рассказа приобрел известную самостоятельность. Типичным примером такого рода стала библейская «Книга Еноха» — «Книга гигантов» манихейской традиции, одна из семи канонических книг «учения света»¹⁴². Индийские сюжеты нашли отражение в рассказах о принце Шакьямуни, о сверлильщике жемчуга, о брахмане-астрологе и многих других. Через

посредство христиан-сирийцев манихеи знали историю «мудрого Йозипаса» (*bilge Josypas*), т. е. Эзопа. Таков был круг литературных связей манихейской литературы, получивший отражение в тюркских памятниках¹⁴³.

Следует особо отметить наличие в уйгурской манихейке нескольких исторических повествований, связанных с принятием манихейства уйгурами. Эти повествования, разумеется, были отредактированы в духе апологетики «учения света» и его могущественных покровителей. Одним из подобных повествований является письмо некоего согдийца — манихейского динтара, переведенное на тюркский язык. Письмо повествует о принятии манихейства уйгурским Бёгю-каганом, о прибытии четырех согдийских динтаров в ставку кагана, о ночной дискуссии с правителем о вере, о процедуре провозглашения новой государственной религии¹⁴⁴. Другой рассказ, сохраненный во фрагментах уйгурского манихейского памятника, также относится ко времени существования Уйгурского каганата. Уйгурский Букуг-хан, пока не отождествленный сколько-нибудь убедительно ни с кем из известных каганов, прибывает в Кочо, резиденцию можака, где беседует с главой манихеев Востока о поминовении трех махистаков, погибших мученической смертью¹⁴⁵.

Немало исторических или историко-географических сведений содержат колофоны манихейских рукописей¹⁴⁶. К сожалению, общая беда всех манихейских рукописей — крайняя фрагментарность — стала серьезным препятствием на пути их источниковедческой и историографической интерпретации.

Рукописи буддийского содержания

Основную часть коллекции уйгурских рукописных и ксилографических памятников, обнаруженных в Турфанском оазисе и Дуньхуане, составляют фрагменты или относительно полные списки сочинений, входящих в буддийский канон, а также других апокрифических или идеологически связанных с буддизмом сочинений. Все они написаны уйгурским письмом или, в меньшем числе, письмом брахми. Ксилографы появились и получили распространение в относительно позднее время, они выполнены только уйгурским письмом¹⁴⁷.

¹⁴³ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 231–232.

¹⁴⁴ Bang, Gabain. Türkische Turfan-Texte. II. S. 31–42. Текст позднее интерпретирован (Asmussen. Studies in Manichaeism. S. 147–148).

¹⁴⁵ Henning. Neue Materialien. S. 15–17.

¹⁴⁶ Gabain. Historisches. S. 115–124.

¹⁴⁷ Gabain. Vorislamische alttürkische Literatur. S. 221–223.

¹³⁶ Zieme. Beiträge. S. 351–376.

¹³⁷ Малов. Памятники. С. 108.

¹³⁸ Дмитриева. Хуастуанифт. С. 214–232.

¹³⁹ Asmussen. Studies in Manichaeism.

¹⁴⁰ Gabain. Alttürkische Schreibkultur. S. 234–235; Haloun, Henning. The compendium of the doctrines. P. 184–212.

¹⁴¹ Уйгуры обозначили этот жанр среднеперсидским термином *azant* (Bang. Manichäische Erzähler. S. 1–36).

¹⁴² Henning. The Book of the Giants. P. 52–74; *Id.* Ein manichäisches. S. 3–11. В тюркском переводе Енох назван Хунох-бурхан — «Будда Енох» (Bang. Manichäische Erzähler. S. 13; Klimkeit. Der Buddha Henoch. S. 367–377).

Выше отмечалось, что буддизм был известен и распространен в тюркской этнической среде уже в VI в. Еще до принятия манихейства в 762 г. буддизм был весьма популярен и среди уйгурских племен, населявших Монголию и Джунгарию. Тюркские буддийские общины в Восточном Туркестане возникли не позднее VII–VIII вв. Однако успех буддийской миссии в уйгурском государстве Кочо обозначился не ранее X в., а его расцвет приходится на конец X–XII вв. Сунский посол Ван Яньдэ, посетивший Кочо в 981 г., фиксирует полное торжество буддизма: в столице уйгурского государства он насчитал более пятидесяти буддийских храмов, манихейская же обитель была лишь одна¹⁴⁸. Находки манихейских рукописей при раскопках буддийских храмов в Турфанском оазисе свидетельствуют о превращении манихейских богослужебных зданий вместе с их библиотеками в буддийские монастыри¹⁴⁹.

Буддийская переводческая и литературная деятельность на тюркском языке началась весьма рано, однако VII–IX вв. достоверно не представлены в фонде тюркских буддийских памятников¹⁵⁰, если только не отнести к этому периоду два десятка фрагментов, определенно буддийских, написанных согдийским письмом. Впрочем, по мнению А. Габен, вопрос о точной дате тюркских буддийских фрагментов согдийским письмом все еще остается открытым¹⁵¹.

Новый подход к датировке уйгурских буддийских памятников предложен Й. Лаутом¹⁵², выделившим раннюю группу переводных сочинений, которую он назвал «доклассическим слоем». В противовес мнению о китайских истоках тюркского буддизма Й. Лаут полагает, что первые переводы буддийских сочинений на тюркский язык сделаны с согдийского языка и, следовательно, должны были сохранить языковые особенности заведомо более древних тюркских манихейских текстов (VIII–IX вв.). Хотя при позднейших переписках языковые различия нивелировались, все же и в некоторых рукописях XI в. остались следы более древних языковых форм и слов, заимствованных из согдийского языка или, чаще, санскритских слов, адаптированных согдийским языком. К таким «доклассическим» текстам Й. Лаут отнес обнаруженную в 1959 г. в Хами фрагментарную (293 листа) древнетюркскую рукопись «Майтрисимит».

Большая часть поздней буддийской прозаической литературы является переводной, причем в основном с китайского языка. Таковы относящиеся

к концу X — началу XI в. переводы Шынгко Шели-тутунга, едва ли не самого знаменитого из буддийских переводчиков-уйгуров (см. выше). В колофонах других рукописей упомянуты переводы с обоих тохарских языков, а также с санскрита. А. Габен отмечает вероятность поздних переводов с согдийского языка, однако упоминаний об этом в колофонах нет¹⁵³.

Как полагает И. Асмуссен, многообразие языков и письменностей, с которыми оказался связан тюркский буддизм, объясняется тем фактом, что две независимые линии буддийской традиции за пределами Индии, сакско-тохарская и согдо-китайская, слились воедино именно в тюркской среде¹⁵⁴. Основная часть уйгурской буддийской литературы была переведена на тюркский язык после X в. Поэтому ниже мы воспользуемся только ограниченным числом примеров, характеризующих несколько основных жанров, представленных в уйгурской буддике.

Фрагмент с текстом буддийского содержания, весьма предположительно датируемый Л. Ю. Тугушевой VII–VIII вв. (исходя из особенностей бумаги и китайского текста на лицевой стороне), был приобретен Н. Н. Кротковым и ныне входит в состав коллекции древнеуйгурских рукописей СПбФ ИВ РАН¹⁵⁵. 13 вертикальных стихотворных строк уйгурского текста написаны беглым курсивом и обрываются на середине строки. Стихотворение, посвященное восхвалению Будды, является одним из старейших оригинальных поэтических произведений на тюркском языке, записанных на бумаге. Его семисложный размер — древнейший в тюркском фольклоре, особенно в эпосе. Несмотря на краткость сохранившегося текста, в нем уже представлен комплекс приемов, характерный для более поздней древнеуйгурской поэзии: начальная вертикальная аллитерация, начальная и конечная рифма, относительная равносложность, созвучие ритмических звеньев. Вот первое четверостишие¹⁵⁶:

*Burxan atlyr baqşy-qa
Budyyl aryū özinke
Bursan quwray erdinke
Bodumyn tutuşu ynanurmen*

В учителя по имени Будда,
В его чистую [священную] сущность,

¹⁴⁸ *Bombaci*. Histoire de la littérature turque. P. 17–18.

¹⁴⁹ *Gabain*. Alttürkische Schreibkultur. S. 222.

¹⁵⁰ *Bazin*. Les calendriers. P. 287.

¹⁵¹ *Gabain*. Alttürkische Texte. S. 71.

¹⁵² *Laut*. Der frühe türkische Buddhismus.

¹⁵³ *Gabain*. Alttürkische Schreibkultur. S. 221–230.

¹⁵⁴ *Asmussen*. Studies in Manichaeism. S. 145.

¹⁵⁵ Шифр хранения SJ 3 Kr/7 (Тугушева. Древние уйгурские стихи. С. 102–106; Она же. Поэтические памятники. С. 250).

¹⁵⁶ Тугушева. Поэтические памятники. С. 250.

В общину драгоценную
 Всем своим существом я верую.

Полное формальное сходство с этим стихотворением обнаруживают стихи древнеуйгурского поэта по прозвищу Кики (время его жизни неизвестно), посвященное восхвалению Будды Амитабхи¹⁵⁷:

*Abita teŋri burqan-uŋ
 Ajaju saqynmaq ötekig
 Amrylyp oluru djan-uŋ
 Aju söz-leju birelim*

О том, как о божественном будде Амитабхе
 С благоговением думать,
 О дхьяне, где обретают успокоение,
 Давайте же расскажем.

Култ будды Амитабхи и его эманации, бодхисаттвы Авалокитешвары, был весьма популярен в тюркской буддийской среде. Упомянутые в стихах *artuqraq meŋilig uluş-uŋ* «страна полного счастья» (т. е. буддийский «западный рай Сукхавати», созданный Амитабхой), «дхьяна, где обретают успокоение» (т. е. способы созерцания и постижения Будды) свидетельствуют о хорошем знании уйгурскими поэтами основных канонических текстов махаяны, связанных с представлениями об Амитабхе, в том числе с сутрами «Амитаюрдхьяна» и «Сукхавативьюха». В фонде уйгурской буддизма имеются не очень древние списки переводов обеих сутр¹⁵⁸. Упоминания о пути спасения, выходе из сансары, возрождении в «стране Сукхавати» имеются в стихах и других поэтов из Кочо, например Калыма Кейши¹⁵⁹.

Вместе с Амитабхой в буддийской поэзии уйгуров фигурирует популярный в махаянском буддизме бодхисаттва Манджушри. Он назван единственным учеником Шакьямуни, провозглашается столь же мудрым, как и бодхисаттва Вималакирти¹⁶⁰. Другой популярный образ древнеуйгурской поэзии и уйгурского буддизма в целом — будда грядущего Майтрейя, ученик Манджушри, обитающий на небе Тушита до времени сошествия в мир, населенный людьми. Сохранилось 20 стихов неизвестного древнеуйгурского автора, обращенных к Майтрейе. По своей эмоциональной напряженности они близки лучшим образцам тюркской народной лирики:

*Sansarta irinč mini teg
 Saqynsar erti kim me joq
 Saşmaqsyz burqan bolmyş-la
 Saqynıyl mini Majtri*

В круговороте бытия нет никого,
 Кто бы мог подумать обо мне, бедняге!
 Став лишенным суетности буддой,
 Подумай обо мне, Майтрейя!¹⁶¹

Весь сохранившийся фонд буддийской поэзии на тюркском языке — около 1500 стихов — был мощным оружием буддийской миссии среди тюркского населения Восточного Туркестана. Используя привычные и излюбленные формы народного стиха, буддийские проповедники находили психологически наиболее приемлемые способы пропаганды веры, внедрения в сознание неофитов сложных представлений, с трудом воспринимаемых в иных, более абстрагированных формах изложения.

По мнению С. Е. Малова, «почти весь основной священный канон буддийской письменности был переведен уйгурами на свой язык и хранился в монастырских библиотеках»¹⁶². Действительно, части из всех «трех корзин» (Трипитаки) тхеравады в основном фрагментарно представлены в уйгурских переводах¹⁶³. Все уйгурские тексты хинаяны найдены в Ганьсу¹⁶⁴. Но все же самые полные и наиболее распространенные буддийские памятники уйгуров восходят к традиции махаяны, и найдены они главным образом в Турфанском оазисе. Можно предположить, что оба толка буддизма существовали в уйгурской среде одновременно, но были территориально разграничены.

В наименьшей степени представлены уйгурскими переводами тексты Винаи. Само определение фрагментов из этой питаки весьма предположительно. Тексты Винаи, дисциплинарного устава сангхи, рассчитаны на сравнительно узкий круг монашеской общины, к ежемесячному чтению «Пратимокшасутры» миряне не допускались. Поэтому правила и нормы поведения монастырского братства (уйг. *toŋyn, toŋun*) оглашались на каком-либо литургическом языке, санскрите или тохарском, и лишь комментировались по-тюркски¹⁶⁵.

¹⁶¹ Ср. перевод Л. Ю. Тугушевой (Тугушева, Поэтические памятники. С. 245). Об уйгурской буддийской поэзии кроме упомянутых трудов см. также: Hazai. Ein Buddhistische Gedicht. S. 1–12; Zieme. Ein uigurischer Text. S. 187–211.

¹⁶² Малов. Памятники. С. 142.

¹⁶³ Kudara, Zieme. Uigurische Adama-Fragmente. S. 269–318.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 227–228.

¹⁵⁷ Тугушева. Орхон-тюркский и древнеуйгурский языки. С. 244.

¹⁵⁸ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 225–227.

¹⁵⁹ Тугушева. Поэтические памятники. С. 245–246.

¹⁶⁰ Kara, Zieme. Die uigurischen Uebersetzungen. S. 83–116.

В тюркских монастырских общинах сложилась серьезная собственная школа экзегетики «Абхидхармы», в рамках которой проблемы дхармы (уйг. *darma*) рассматривались на метафизическом и этико-психологическом уровнях. Фрагменты уйгурской «Абхидхармакошасутры» имеются в стокгольмском собрании центральноазиатских рукописей¹⁶⁶. Однако основная часть уйгурских буддийских текстов представлена переводами сутр, обращенных к монахам, и к мирянам. Сутры были наиболее читаемой частью буддийского канона, они насыщены не только поучениями, но и легендами (авадана), афоризмами, сентенциями и притчами. К наиболее ранним переводам, выполненным в XI в. Шынгко Шели-тутунга, относится едва ли не самое популярное из буддийских сочинений на тюркском языке — сутра «Алтун Ярук»¹⁶⁷. Несколько меньшей на начальном этапе развития уйгурского буддизма была возросшая впоследствии популярность владыки «рая Сукавати» Ами табхи (уйгурская «Амитаю-сутра») и его эманации, Авалокитешвары, который в «Саддхармапундарики» представлен милосердным бодхисаттвой-спасителем. Он принимает разные образы и, отзываясь на призывы страждущих, проникает для их спасения в разные сферы сансары. В китайской версии «Саддхармапундарики» Авалокитешвара именуется Гуаньшине — «наблюдающий за звуками мира». В уйгурском переводе с китайского сохранилась 25-я глава «Саддхармапундарики», изданная В. В. Радловым по рукописи Азиатского музея¹⁶⁸. Следует отметить, что и среди китайских списков этого сочинения, обычно именуемого «Сутра лотоса благого закона», преобладают переводы 25-й главы об Авалокитешваре, одной из популярнейших фигур махаяны¹⁶⁹. Китайский перевод, к которому восходит уйгурская версия, принадлежит знаменитому Кумарадживе и выполнен в конце IV — начале V в. Петербургский список сутры был изготовлен по заказу некоего мирянина Домогуч Салы, очевидно, купца из Кочо. Особый колорит списку придает вставка на правильном тюркском языке, содержащая обет бодхисаттве, приносимый купцами и караванщиками в момент опасности¹⁷⁰. Очевидно, среди этого слоя древнеуйгурского общества Авалокитешвара стал покровителем торгующих и путешествующих, своего рода центральноазиатским Гермесом, чем и объясняется в

¹⁶⁶ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 222; Kudara. A fragment. P. 325–346.

¹⁶⁷ Две легенды из «Алтун Ярук» (легенда о правителе Кютау и легенда о принце и тигрице) опубликованы с русским переводом С. Е. Маловым (Малов. Памятники. С. 137–199; основную библиографию этой сутры см.: там же. С. 198–199).

¹⁶⁸ Radloff. Kuan-ši-im Pusar.

¹⁶⁹ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 225. В Рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН хранятся 62 фрагмента «Авалокитеш-варасутры».

¹⁷⁰ Radloff. Kuan-ši-im Pusar. S. 21.

немалой степени его особая значимость в оазисах, расположенных на караванных путях.

Тот же свойственный таримским оазисам колорит окрашивает и уйгурскую версию «Дишаствустиксутры»¹⁷¹. Эта небольшая рукопись, написанная уйгурским письмом с подстрочными глоссами брахми, скорее переработка, нежели перевод беседы Будды с двумя торговцами. Стилистически отточенный уйгурский текст хорошей сохранности обеспечивает защиту и покровительство странствующим купцам, снабжает странников магическими формулами защиты. По мнению А. Габен, ни одно другое каноническое сочинение не подвергалось столь же сильной местной переработке в духе простонародного благочестия, нигде столь сильно не проявился центральноазиатский колорит¹⁷². Даже Кубера (Вайшравана), владыка якшей в индуизме и бог богатства в северном буддизме, в «Дишаствустиксутре» назван городским богом Хотана. Популярность культа Майтрейи в оазисах Таримского бассейна уже отмечалась¹⁷³. Не лишенная мистицизма вера в пришествие грядущего Будды одухотворила тюркские переводы как согдийских, так и в основном тохарских текстов. Крупнейшими из них являются переложения «Майтрисимит», тохарского текста о пришествии Майтрейи, в версии школы вайбхашиков¹⁷⁴.

Расцвет уйгурской буддийской литературы относится непосредственно к предмонгольскому и монгольскому периодам существования государства Кочо, которые выходят за хронологические рамки нашего исследования. Отметим только расцвет мистицизма, появление многочисленных апокрифов («Секиз юкмею», «Йитикен-судур»), магических, покаянных, тантрических текстов, ознаменовавших новый этап существования уйгурского буддизма и мало свойственных или даже неизвестных его ранней истории¹⁷⁵.

Утверждению буддизма среди тюрков в большей степени, чем догматические тексты, способствовали авадамы и джатаки, зачастую составлявшие немалую долю сутр махаяны и хинаяны. Героями авадамы выступают не только Будда, бодхисаттвы и архаты, но и обычные люди, а в джатаках фигурируют большей частью звери¹⁷⁶. Описываемые в этих повествованиях события создают особый мир буддийской мифологии, тот фон фольклорной реальности, который только и делал возможным мас-

¹⁷¹ Radloff, Stael-Holstein. Tišastvustik.

¹⁷² Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 224.

¹⁷³ Radloff, Stael-Holstein. Tišastvustik.

¹⁷⁴ Tekin. Die uigurische Weihinschrift.

¹⁷⁵ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 226–227.

¹⁷⁶ Ibid. S. 226–229.

совое восприятие религии в этнической среде, никак не схожей по своей культурной традиции с индийской культурной ойкуменой. По словам С. Ф. Ольденбурга, «легенда, даже внесенная в канон, выражает своей повествовательной формой жизненного наблюдения противовес догматическому утверждению»¹⁷⁷.

Особо следует оговорить наличие в уйгурских переводах таких сведений, которые имеют определенное значение для истории и географии Тяньшаньского региона, всего Восточного Туркестана. Так, в одной из древнеуйгурских храмовых надписей, опубликованной Ф.-В.-К. Мюллером и датированной Л. Базеном 17 марта 899 г., упоминается государь Алп Арслан Кутлуг-кюль-бильге-тенгри-хан¹⁷⁸. Власть этого хана простиралась, согласно надписи, от Шачжоу (Дуньхуана) до Нуча и Барсхана, т. е. до Шаша и Иссык-Куля. Нет никаких иных сведений, подтверждающих столь широкие пределы власти уйгурских идикутов Турфана, но несомненно их политическое и культурно-идеологическое влияние на обширной территории за пределами Таримского бассейна. Важным историко-географическим источником является уйгурский перевод описания путешествия Сюаньцзана, сделанный в Бешбалыке Шынгко Шели-тугунгом. Перевод, сохранившийся только во фрагментах, не является точной версией оригинала VII в. Шынгко Шели сделал немало вставок, а в некоторых случаях вместо топонимов VII в. ввел в текст топонимы IX–XI вв. Среди прочих — первое упоминание оз. Иссык-Куль под этим названием, Памиро-Алай (в китайском оригинале — Цунлин) назван Кёзарт, г. Ош — Ушарбалык, Кашгар — Кашбалык, Черчен — Дирбарбалык. Упомянут также «древний город тохаров», имеются многие другие сведения, заслуживающие специального рассмотрения¹⁷⁹.

Уже в первые века буддийской миссии среди уйгуров вместе с возвышением Амидабхи в буддийском пантеоне труднодостижимое понятие нирваны, лишенное силы утешения, было вытеснено идеей посмертного воздаяния на «чистой земле», в «западном рае Сукавати». Рост популярности культов Майтрейи и Авалокитешвары привел к усилению веры в действительность воззвания к милости божества, в особую силу покаяния и обрядов, обетов и магических формул, в ритуальные действия ради помощи небесного покровителя в выходе из сансары. Все эти существенные преобразования идеологии, означавшие структурное изменение доктрины раннего буддизма, возобладали в оазисах Тарима не позднее XI в. Модифи-

¹⁷⁷ Ольденбург. Буддийские легенды. С. 228.

¹⁷⁸ Bazin. Les calendriers. P. 318–326. Дж. Гамильтон отнес текст к началу XI в. (Hamilton. Manuscrits ouïgours du IX-ème-X-ème siècle. C. XVII–XVIII).

¹⁷⁹ Тузиева. Фрагменты.

фицированное учение «Пробужденного», значительно упрочившее свое влияние, стало стержнем поздней уйгурской культуры (XII–XIV вв.), обусловило укрепление буддизма как государственной религии. Только упадок и гибель государства Кочо, утрата буддизмом политической опоры привели в конечном счете к его постепенному вытеснению восторжествовавшим исламом.

Рукописи христианского содержания

В предгорьях Тянь-Шаня, на севере Турфана, в местностях Булайик и Куртка, при раскопках монастырского комплекса экспедиция А. Лекока обнаружила большое количество бумажных фрагментов с рукописными текстами на сирийском, среднеперсидском и согдийском языках. Вместе с ними найдено несколько фрагментов уйгурским и сирийским письмом на тюркском языке. Все тексты были написаны христианами-несторианами. Малое число тюркских фрагментов объясняется тем, что богослужение велось на сирийском языке, тюркские же тексты использовались для миссионерских целей¹⁸⁰.

Самый крупный фрагмент, изданный Ф.-В.-К. Мюллером, содержал тюркскую версию о поклонении волхвов младенцу Иисусу. Основой текста было апокрифическое Евангелие от Иакова. Повествование Иакова уже в центральноазиатской среде было дополнено еще одним эпизодом, известным только уйгурской версии: младенец Иисус отламывает кусок каменных яслей и вручает его волхвам. Волхвы бросают слишком тяжелый камень в колодезь, и над колодезем поднимается сияние. Волхвы затем каются в содеянном, и «от того случая причиной почитания огня волхвами (магами. — С. К.) служит это обстоятельство»¹⁸¹.

Другой фрагмент — молитва из жития св. Георгия — издан А. Лекоком¹⁸². Еще один небольшой фрагмент, изданный А. Лекоком, повторно издал В. Банг, определив его как отрывок из неизвестной гадательной книги¹⁸³. Однако А. Арлотто интерпретировал текст как отрывок из

¹⁸⁰ О христианских памятниках Восточного Туркестана см.: Asmussen. The Sogdian and Uighur-Turkish Christian literature. S. 11–29. О древнетюркских христианских текстах см. также: Пизулевская. Сирийские и сиротюркские фрагменты. С. 213–214; Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 237; 1979. S. 48–49. О несторианской миссии среди тюрков см.: Кляиторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. С. 121–137; Spuler. Die nestorianische Kirche. S. 139–141; Uray. Tibet's connections. P. 399–429.

¹⁸¹ Уйгурский текст и русский перевод см.: Малов. Памятники. С. 131–138; Müller. Uigurica. S. 5–10.

¹⁸² Bang. Bruchstücke. S. 41–75; Le Coq. Türkische Manichaica. 3. P. 48–49.

¹⁸³ Bang, Gabain. Türkische Turfan-Texte. I. S. 241; Le Coq. Ein christliche Manuskriptfragment. S. 1202–1218.

Уйгуры-несториане. Настенная роспись из несторианской церкви в Кочо.
Музей индийского искусства, коллекция А. Лекока. Берлин

апокрифических речений¹⁸⁴. Несколько мелких фрагментов христианского содержания, выявив их в берлинском Турфанском собрании, издал П. Циме¹⁸⁵. Датировка христианских рукописей из Турфанского оазиса затруднительна. Следует отметить явное влияние буддизма, в частности культа Амитахи на тюркские версии христианских текстов¹⁸⁶.

Фольклорные записи в древнеуйгурских рукописях

При переводе или переложении на тюркский язык религиозных текстов уйгурские переводчики нередко передавали живую речь персонажей буддийских авадан привычными выражениями и пословицами (*sav*), явно восходящими к обиходной речи читателей-тюрков. Небольшой список пословиц, свидетельствующий о существовании даже отдельных сборников «мудрых речений», издал Р. Арат¹⁸⁷. Список открывается словами *Yime türk savynda bar* «из тюркских пословиц имеются еще». Далее сле-

дуют восемь пословиц. Приведем три из них: *Er quty belin, suv quty terin* «Достоинство мужа — в страхе, [который он виушает], ценность воды — в [ее] глубине»; *Qoçu tayynta qaplan joq, quduy suvynda balyq joq* «В горах Кочо нет тигров, в колодезной воде нет рыбы»; *tayta uz joq, saj jasyta bel joq* «В горах нет прохода, на равнине нет холма».

В ряде тюркских версий назидательных буддийских повествований пассажи, выражающие скорбь об умерших и погибших, включают плачи, явно восходящие к тюркской фольклорной основе. Обычно они именуются *taysur* «стих» или *ur (jur)* — «песня». Таков плач о погибшем сыне в «Алтун Ярук», написанный Шынгко Шели явно в русле фольклорной традиции¹⁸⁸.

*Ne ada erti adajym
Körkle kja ogüküm
Ölmek emgek neçükin
Öyre kelip ertürdi
Syntyda öyre ölmekig
Bulajin ni künki am
Körmejin erti muny teg
Uluy açyur emgekig*

Что за беда случилась, мой любимый?
О мое прекрасное дитяtko!
Так почему же смертные муки
Прежде [меня] погубили [тебя]?

Мне бы быть в могиле
Прежде тебя! Что за день!
Тогда не терзалась бы я
Великой тяжкой болью!

Уже в монгольское время появились записи, сохранившие образцы древней народной поэзии. Вот один из таких образцов:

*Adaylarym qaçma qulun
Atam qayda termü erki
Amraq toymuş ni kelin
Aâam qajda termü erki
Belde turğan beş on oylan
Begim qajda termü erki
Bezeklikte qyzlar qyrqyn
Berterlermü könglin erki*

¹⁸⁸ Тюркский текст см.: Малов. Памятники. С. 178–179. Перевод С. Г. Кляшторного.

¹⁸⁴ Arlotto. The so-called Christian oracle book. P. 693–696.

¹⁸⁵ Zieme. Zu einigen Problem. S. 661–668; *Id.* Zwei Ergänzungen. S. 271–272; *Id.* Research on Uigur documents since 1975. S. 221–232.

¹⁸⁶ Gabain. Die alttürkische Literatur. S. 237; *Klimkeit.* Christentum. S. 208–219.

¹⁸⁷ Arat. 1936. S. 340–341.

Мои дети, умчавшиеся жеребята,
Спросят ли: «Где наш отец?»
Мои любимые младшие братья и невестки
Спросят ли: «Где наш старший брат?»

Пятьдесят молодцов, стоящих дозором на холмах,
Спросят ли: «Где наш князь?»
Цветущие девушки-молодушки
Разобьются ли ваши сердца?¹⁸⁹

Наиболее значительный из ранних фольклорных жанров — эпос — также нашел отражение в древнеуйгурской письменности. Именно уйгурская традиция сохранила древнейшую версию сказания об Огуз-хане, подвергнувшись в дальнейшем очень значительной переработке в мусульманской среде. К сожалению, уйгурская (собственно огузская) легенда сохранилась в единственной записи. Дошедший до нас список уйгурским письмом представлен уникальной рукописью Национальной библиотеки в Париже, датируемой началом XIV в. или, по другой оценке, XV в.¹⁹⁰

Древнеуйгурская эпиграфика Восточного Туркестана и Ганьсу

Эпиграфические памятники уйгурским письмом в регионе весьма многочисленны. Самый ранний из них, каменная стела с восемью строками надписи, был обнаружен Ц. Доржсурэном в местности Хара-Ус, близ Улангома (Западная Монголия). Надпись была датирована С. Г. Кляшторным 712 г., и эта дата в ходе оживленной дискуссии не была опровергнута. В тексте упомянуты походы некоего Богаз-тегина (Барс-тегина?) в Ордос и Восточный Туркестан, а также сражение с тюркешами в Джунгарии, у р. Болучу¹⁹¹.

В 1912 г. в 10 км севернее Идикутшари была найдена стела с надписью из 24 строк. В 1954 г. она стала известна по факсимильной публикации Хуан Вэньби, а в 1976 г. ее издал Ш. Текин. Надпись посвящена вос-

¹⁸⁹ Тюркский текст (*Bang, Rachmati, Arat. Lieder aus Alt-Turfan*. S. 132). Перевод С. Г. Кляшторного.

¹⁹⁰ Парижский список датируется по весьма зыбким предположениям, и эта датировка ненадежна. Рукопись утраченного оригинала была написана, по мнению П. Пельо (*Pelliot. Sur la légende d'Oughouz-Khan*. P. 247–358), в Турфане в конце XIII — начале XIV в. См. также: *Кононов*. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази. С. 82–84.

¹⁹¹ *Гумилев*. По поводу интерпретации Уланкомской надписи. С. 295–298; *Кляшторный*. Уланкомская надпись. С. 26–28; *Он же*. По поводу интерпретации. С. 292–293; *Щербак*. Надпись. С. 23–25; *Scherbak. De l'alphabet ouïgour*. P. 469–474.

становлению заброшенного буддийского храма в Туяке. Среди лиц, на покровительство которых надеются донаторы, названы «великий и мудрый идук-кут» Тенгри Бёгю-тенгрикен и правитель Кочо Тенгрикен Тёзлюк. Если верно отождествление издателем первого из этих августейших лиц с третьим уйгурским государем, ревнителем манихейства, Бёгю-каганом (759–780), то надпись может быть датирована 80-ми гг. VIII в.¹⁹²

Третья по дате создания эпиграфическая находка, серебряная чаша с задравной надписью, обнаружена на левом берегу Енисея, при раскопках кыргызского могильника близ сел. Батени. По мнению А. А. Гавриловой, чаша изготовлена в Турфане и стала добычей кыргызского воина в IX в.¹⁹³ Две небольшие посетительские граффити обнаружены экспедицией П. Пельо в одной из пещер Дуньхуана. Обе надписи изданы Д. Кара, который отнес их к эпохе Юань¹⁹⁴. Тем же временем датируется опубликованная в 1980 г. стела с надписью правителя (даругачи) Сучжоу¹⁹⁵. Небольшую настенную надпись, обнаруженную в Ганьсу и посвященную постройке храма, издал в 1957 г. Фудзизда Акира¹⁹⁶. Наконец, великолепную двуязычную (китайскую и уйгурскую) стелу из Увэя (Лянчжоу, Ганьсу), поставленную в память одного из последних идикутов Кочо в ноябре 1334 г., издали Гэн Шиминь и Дж. Гамильтон¹⁹⁷.

Перечисленными находками исчерпывается круг древнеуйгурской эпиграфики, из которого мы исключили монетные надписи, тексты на деревянных палках в Турфане¹⁹⁸, а также уйгурские надписи, найденные далеко за пределами исследуемого региона (например, Карсакпайскую надпись Тимура).

¹⁹² *Tekin. Die uigurische Weihinschrift*. S. 225–230.

¹⁹³ *Гаврилова*. Новые находки. С. 24–30; *Щербак*. Древнеуйгурская надпись. С. 31–33.

¹⁹⁴ *Kara. Petites inscriptions*. P. 55–59.

¹⁹⁵ *Geng Shimin, Hamilton. L'inscription*. P. 10–11.

¹⁹⁶ *Fujieda. Kin-yong Koman*. P. 270–278.

¹⁹⁷ *Geng Shimin, Hamilton. L'inscription*. P. 10–54.

¹⁹⁸ Об одной из трех таких надписей см. выше в настоящей статье.

ХУННЫ И ТЮРКИ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

Территория Восточного Туркестана никогда не была однородной в хозяйственно-культурном отношении. Здесь соседствовали оседлоземледельческое хозяйство оазисного типа и экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство. Оба типа экономики не только не были изолированы друг от друга, но и достигли известных форм симбиоза¹, получившего также отражение в культуре и политической жизни. Наиболее ярко сращение двух хозяйственно-культурных типов проявилось на севере страны, где богатые оазисные города-государства Таримского бассейна на протяжении всей их истории поддерживали самые тесные связи с кочевниками Семиречья, Восточного Тянь-Шаня, Джунгарии и Западной Монголии.

Ранние кочевники на границах Восточного Туркестана

В начале I тыс. до н. э. племена, населявшие Центральную Азию, включая горно-степные районы Восточного Туркестана и нынешней провинции Ганьсу, создали кочевническую культуру скифского типа. Они освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество. Жилищем им служила полусферическая войлочная кибитка с коническим верхом, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками. Свойственный скифам тип вооружения и конской сбруи, характерная «скифская» одежда, «звериный» стиль в искусстве засвидетельствованы раскопками по соседству с Восточным Туркестаном (в Семиречье, на Алтае, в Туве и Монголии) так же хорошо, как и в Причерноморье². Такая культура скифского типа была распространена и в Восточном Туркестане³.

Облик скифской культуры Центральной Азии, восстановленный по археологическим материалам, мало дополняется письменными источника-

ми. Возможно, сами кочевники уже в VI–V вв. до н. э. знали письмо, как о том свидетельствует загадочная надпись на серебряном сосуде из скифского погребения в Иссыке (V–IV вв. до н. э.)⁴. Однако поиск памятников этой предполагаемой скифской письменности, как и ее дешифровка, — дело будущего. Пока же единственные письменные свидетельства о тогдашнем населении Центральной Азии, свидетельства крайне скудные, сохранились лишь в китайской письменной традиции.

В иньских надписях на панцирях черепах и лопаточных костях животных (XIV–XI вв. до н. э.) северо-восточные соседи протокитайских племен обычно именуются цянами, или, позднее, уже в исторических трактатах, жунами. Они названы в текстах «лошадиными цянами» и «во множестве разводящими лошадей цянами»⁵. Северные соседи китайских государств VIII–VII вв. до н. э., именовавшиеся *ди*, также относились к кругу скифоидных по культуре и образу жизни племен, что археологически засвидетельствовано находками так называемых «ордосских бронз» — великолепных памятников скифского искусства Центральной Азии⁶.

Ранние рассказы о «северных варварах» собрал в «Шицзи» Сыма Цянь (135–67 или 140–90 гг. до н. э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, несистематичны, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах. Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII–VI вв., именуются Сыма Цянем *жун* и *ди*; позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *шаньжун* (горные жуны) и *дунху* (восточные варвары). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских государств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом царств и получая за это вознаграждение⁷.

Сыма Цянь ярко описывает «варварский» образ жизни и общественное устройство северных племен. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и, хотя нередко собиралось свыше ста [племен] жунов, они не сумели объединиться в одно целое»⁸. В источниках упомянуты посевы проса у жунов и дунху, но главным их занятием было кочевое скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку

¹ Литвинский. Исторические судьбы. С. 22.

² Руденко. Культура населения; Грач. Древние кочевники.

³ Восточный Туркестан. Гл. 4.

⁴ Акишев. Курганы Иссык. С. 53–60.

⁵ Крюков, Софронов, Чебоксаров. Древние китайцы. С. 175.

⁶ Andersson. Selected Ordos bronzes; Крюков, Софронов, Чебоксаров. Древние китайцы. С. 183–184.

⁷ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 3–45; Таскин. Материалы. С. 34–37.

⁸ Таскин. Материалы. С. 36.

в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей. Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемника у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину. От старейшин до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение. В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают. Войну ставят важным делом»⁹.

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, не знавшего классового расслоения. По словам китайского историографа, у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям. — С. К.), руководствуясь искренностью и преданностью»¹⁰. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. Но даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской конницы, а иногда перенимали одежду и оружие своих противников.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен *сюнну* (хунны) и *юэчжи*, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель¹¹. В IV в. до н. э. китайцы впервые называют хуннов среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом; за это время в составе хуннского объединения оказались те хуннские племена, которые прежде были независимыми. На западе соседями хуннов были юэчжи — по-видимому, восточноскифские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, обнаруженные на базальтовых скалах ущелья Цагангол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель¹².

⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 142–143.

¹⁰ Таскин. Материалы. С. 123.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Вайнберг, Новгородова. Заметки. С. 66–74.

В последние десятилетия III в. до н. э. союз хуннских племен, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Государство хуннов, выросшее из военной аристократии жунских племен VIII–IV вв. до н. э., сложившееся в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами, государство, цель которого его создатели и их преемники видели в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми землепашцами), — такое государство могло существовать и существовало до тех пор, пока оно оставалось централизованной империей, организованной на военно-административных принципах. Основатель хуннской державы Маодунь в ходе победоносных войн сумел принудить Ханьскую империю не только к признанию его полного суверенитета, но и к уплате ежегодной дани. В 203–202 гг. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея; в 176–165 гг. он и его наследник Лаошан, одержав над юэчжами победу и вытеснив их в Среднюю Азию, установили контроль над богатыми оазисными государствами бассейна Тарима.

Хунны в Восточном Туркестане

Письмо, отправленное Маодунь-шаньюем в 176 г. до н. э. императору Вэнь-ди, подробно повествует китайскому двору о разгроме юэчжей и покорении других племен на Западе: «Благодаря милости Неба командиры и воины были в хорошем состоянии, лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжей, которые были истреблены или сдались. Я усмирил также лоуланей, усуней, хуцзе и двадцать шесть других соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну»¹³. Маодунь явно преувеличивает свои успехи — ни юэчжи, ни усунь не были тогда разгромлены и покорены, хотя и понесли тяжкие поражения. Но в этом письме впервые упоминается о вторжении хуннов в Восточный Туркестан и начале утверждения там их власти.

Княжество Лоулань, расположенное близ оз. Лобнор¹⁴, оставалось во власти хуннов около столетия и лишь в 77 г. до н. э., после окончательного утверждения там ханьской администрации, было переименовано в Шаньшань. Хуцзе, одно из племен, соседствовавших с усунями на их

¹³ Таскин. Материалы. С. 43.

¹⁴ Stein. Serindia. Vol. I. P. 414–415; Enoki. The location of capital. P. 147; Clauson. The geographical names. P. 303.

первоначальных территориях в Ганьсу, локализовалось северо-западнее Гуачжоу, т. е. в северо-восточной части Восточного Туркестана¹⁵. Локализация остальных 26 владений, обычно относимых к бассейну Тарима, все же неясна¹⁶.

Безраздельное политическое влияние хуннов в Восточном Туркестане и западной части нынешней провинции Ганьсу длилось более полувека. Формы проявления и экономические последствия этого влияния до настоящего времени не исследованы. Политический авторитет хуннских шаньюей в Западном крае на протяжении почти столетия был очень велик: «Всякий раз, как посланник сюнну с верительными знаками от шаньюя прибывал в одно из государств [Западного края], его сопровождали в пути из государства в государство, снабжали продуктами и никто не осмеливался задержать его или чинить ему помехи»¹⁷. Трепет, который внушала власть шаньюей их западным соседям, заставлял владельцев малых государств Таримского бассейна признавать сюзеренные права хуннских владык и блюсти их интересы даже после фактического подчинения ханьскому двору. Так было, например, с лоуланьским князем в 90-х гг. I в. до н. э.: «Как скоро владение Лэулань (Лоулань. — С. К.) поддастся Китаю, то обязалось представлять дань. Хунны, узнав о сем, произвели нападение: почему лэуланьский владетель послал одного сына в заложники хуннам, другого Китаю. Владетель на упреки государя (императора У-ди) дал следующий ответ: «Небольшое государство, лежащее между двумя сильными державами, если не будет под зависимостью обеих, то не может наслаждаться спокойствием». Государь нашел сей ответ справедливым»¹⁸. Ситуация двоевластия, сложившаяся в Западном крае в первой половине I в. до н. э., сохранялась до распада хуннской державы и подчинения шаньюя южных хуннов Хухань власти ханьского императора в 53 г. до н. э.¹⁹

Успех или неудача соперников отражали общее соотношение сил между ними²⁰. Особенно драматичными были эпизоды борьбы за овладение

¹⁵ Groot. Chihesische Urkunden. S. 79; Liu Mau-tsai. Kutscha und seine Beziehungen. T. 1. S. 218. Й. де Гроот считает хуцзе предками уйгуров. Э. Пуллибланк без каких-либо аргументов помещает хуцзе «в область Алтая» (Pulleyblank. The Wu-sun. P. 156).

¹⁶ Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 108; Pulleyblank. The Wu-sun. P. 156. Эноки Кадзуо полагает, что число «двадцать шесть» здесь ошибочно поставлено переписчиком вместо числа «тридцать шесть», которое синонимично обозначало «Западный край при Ранней Хань» (Enoki. The location of capital. P. 125).

¹⁷ Hulsewé. China in Central Asia. P. 137.

¹⁸ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 174.

¹⁹ Hulsewé. China in Central Asia. P. 138.

²⁰ О китайско-хуннских отношениях в этот период см.: Думан. Внешнеполитические связи. С. 37–50.

богатым Турфанским оазисом (Чэши); так, между 99 и 74 гг. до н. э. власть несколько раз попеременно захватывали то ханьцы, то хунны, создавшие там свой военный аванпост²¹. Экономическое значение оазисов и пастбищ Восточного Туркестана для хуннов было, очевидно, весьма значительным. Сразу после утверждения там власти Маодуня и его наследников Жичжу, «князь западной границы» сюнну, учредил должность «воеводы покоренных [земель] (тунбу дувэй) для управления Западным краем. Воевода постоянно пребывал в Яньци (Карашаре. — С. К.) и взывал богатства и подати с тех государств»²². Система даннической эксплуатации хуннами таримских оазисов продержалась до 59 г. до н. э.: «Жичжу-князь восстал против шаньюя и во главе своих людей подчинился [ханьскому наместнику]. С этого времени и впредь должность «военачальника покоренных [земель]» была упразднена. Сюнну очень ослабели и оставили Западный край»²³.

Таким образом, в середине I в. до н. э. хунны были отрезаны от земледельческих и ремесленных центров на западе. Их политическая слабость в этот момент усугублялась экономической зависимостью от поставок из Китая, ставшего для хуннов монопольным обладателем столь важной для кочевников земледельческой продукции. Самые неблагоприятные последствия, во всяком случае для западных хуннов, имела утрата пастбищ в Западном крае. Когда в 121 г. до н. э. ханьский полководец Хо Цюйбин вытеснил хуннов из горного района Цилян, где когда-то находились коренные земли юэчжей, хунны сложили песню об этой утрате, содержание которой изложил ханьский комментатор: «Потеря наших гор Цилян привела к тому, что шесть видов нашего скота перестали размножаться»²⁴.

Большая часть Хэси (Ганьсу) до конца I в. н. э. была населена хуннскими и юэчжийскими племенами. Так, ханьский город Гуцзан²⁵, согласно «Цзиньшу», был построен хуннами, а сам топоним — хуннского происхождения²⁶. Территория уезда Чжанье (Хэси), согласно «Ханьшу», была подчинена хуннскому князю Кунье (хуннского племени кунье-хунье); там же жило еще одно хуннское племя, сючу. В конце II в. до н. э. оба племе-

²¹ Liu Mau-tsai. Kutscha und seine Beziehungen. T. 1. S. 48.

²² Hulsewé. China in Central Asia. P. 134; Yü Ying-shih. Trade and expansion in Han China. P. 134.

²³ Hulsewé. China in Central Asia. P. 78. О месте титула жичжу в хуннской иерархии см.: Думан. Расселение. С. 48.

²⁴ Таскин. Материалы. С. 147–148, 179, 183.

²⁵ КС'п в содгийском письме 313 г., Кечин (Кечен) в древнетюркских памятниках, Ку-чан в «Худуд ал-'Аалам».

²⁶ Малайкин. Историческая география. С. 35, 199. О локализации Гуцзана и его иных названиях см.: Hamilton. Autour du manuscrit Stael-Holslein. P. 130, 150.

ни были подчинены ханьской военной администрации в Цзюцюани. Хуннскими по происхождению являются и многие другие топонимы в Хэси: Лудэ (название, происшедшее от хуннского титула), Яньчжи (горы, поросшие, как следует из хуннского топонима, растением сафлор), Дайлинь (от хуннского названия места для проведения осеннего праздника)²⁷. Позднейшее китайское название Бешбалыка, города в Джунгарии, Бэйтин, восходит к хуннскому термину, означающему «северная ставка шаньюя»²⁸.

Северные хунны восстановили свое политическое влияние в Восточном Туркестане в начале I в. н. э. Какая-то часть хуннов переселилась на Восточный Тянь-Шань; их кочевья поблизости от Чэши и Ю (Хами) разгромил в 90 г. н. э. ханьский полководец Доу Сянь²⁹. Ожесточенная борьба между хуннами и Китаем за обладание Западным краем возобновилась в 73–94 гг.³⁰ Успех ханьских войск, нанесших хуннам в 91 г. тяжелое поражение, предопределил временное подчинение империи всего Восточного Туркестана. Однако в начале II в. общее ослабление Ханьской империи привело к исчезновению на сотни лет всякого влияния Китая в Западном крае.

Поздние хунны и племя ашина (тюрк) в Восточном Туркестане

Вышедшие из среды поздних хуннских племен, переселившиеся в Восточный Туркестан, тюрки оказали особенно значительное влияние на судьбы Восточного Туркестана. Утвердившись в конце I тыс. н. э. в Таримском бассейне и Джунгарии, один из тюркоязычных племенных союзов, уйгуры, стал основным населением региона, полностью воспринял и обогатил хозяйственную и культурную традиции, сложившиеся в иной этнической среде.

Исторические сведения, относящиеся к «доалтайскому» периоду существования племен тюрк, наиболее полно сохранены в «Суйшу»: «Предками туцзюэ были смешанные ху Пинляна. Их родовое прозвание было ашина. Когда северовэйский император Тай У-ди уничтожил Цзюйцюй (439 г. — С. К.), Ашина (вождь племени) с пятьюстами семей бежал к жужу (жужаням). Они (племя ашина. — С. К.) жили из рода в род у гор Цзиньшань (Алтай) и занимались обработкой железа»³¹. Сообщение «Суй-

шу» тесно связывает раннюю историю племени тюрк (ашина) с историей поздних хуннских государств, существовавших на территории Китая в 308–460 гг.³²

После распада Ханьской империи в 220 г. н. э. во внутренние районы Китая началось массовое переселение варварских племен: хуннов (преимущественно тюркоязычные племена)³³, сяньби (конгломерат тюркоязычных и монголоязычных племен с преобладанием последних)³⁴, ди и цянов (тангуты-тибетские племена)³⁵, цзе (вероятно, одно из ираноязычных юэчжйских племен)³⁶. Только между 276 и 289 гг. в провинции Хэ-

кочевавших в Пинь-ляне» (перевод: Зуев. К этнической истории усуней. С. 14). В других династийных хрониках подчеркивается генеалогическое родство туцзюэ (тюрков) с сюнну (хуннами). Термин ху широко применялся в III в. до н. э. — IV в. н. э. для обозначения хуннов. «Смешанные ху», по объяснению Лю Мао-цзя (Liu Mao-tsai. Т. II. С. 519), — «варвары, смешанные в этническом отношении с другими варварами». Судя по контексту приведенного сообщения, речь идет о хуннах, смешавшихся с местным населением Ганьсу.

³² Cordier. Histoire. Vol. I. P. 340–384; Franke. Geschichte. Bd. 2. S. 117–250; McGovern. The early empires. P. 311–355.

³³ О языке поздних хуннских племен Центральной Азии см.: Ramstedt. Stellung des Tschuwassischen. S. 30–31; Bazin. Texte prototurc. P. 208–219; Gabain. Alttürkische Grammatik. S. 244–246; Benzing. Das Hunnische. S. 685–687. Ср. также: Nemeth. Hunlari dili. P. 106–114; Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie. P. 141–188; Constantine. Were the «Hiung-nu». P. 317–323. О происхождении этнонима см.: Pritsak. Hun. P. 27–34; Maenchen-Helfen. Ethnic name Hun. P. 223–298; Id. Archaistic names. P. 249; Maenchen-Helfen. The world. P. 376–443.

³⁴ Eberhard. Çin' in şimal komşuları. P. 45–46; Bazin. Appartenances linguistiques. P. 129–138; Franke. Geschichte. Bd. 3. S. 170–171. Существуют и крайние точки зрения; так, Г. Шрейбер полагает, что сяньби были в целом тюркоязычны (Schreiber. Das Volk der Hsionpi. S. 145–203); напротив, монгольский исследователь Г. Сухбаатар относит сяньби к группе монголоязычных племен (Сухбаатар. Сяньби).

³⁵ Morse, Jen. Ancient groups. P. 102–137; Thomas. Nam. P. 52, 57.

³⁶ Яо Вэй-юань. Бэй чао хусин као. С. 355–358. Это племя, часто ошибочно отождествляемое с хуннами (Грум-Гржимайло. Западная Монголия. С. 15; Maenchen-Helfen. Huns. P. 222–243; Id. The world. P. 372–373). Высказывалась точка зрения о тохароязычной принадлежности этого племени (Pulleyblank. The consonantal system. P. 247–248; критику этого утверждения см.: Maenchen-Helfen. The world. P. 372–373). Племя цзе было почти поголовно уничтожено в 349 г. по приказу князя государства Позднее Чжао (Северная Хэнань) Ши Миня, причем «воины цзе опознавались по высоким носам и густым бородам». Перенесение отмеченных соматических признаков на хуннов послужило одним из оснований шаткой гипотезы о «европеоидности» азиатских хуннов в отличие от «монголоидности» хуннов, появившихся на западе в IV–V вв. Антропологические исследования, осуществленные Л. Бартуцем, З. Такатом (Takacs. On the Hsiung-nu figure. P. 274–276) и Г. Ф. Дебецем (Дебеч. Палеоантропология СССР. С. 120–123; там же — о результатах работ Л. Бартуца), продемонстрировали единство иконографического типа и палеоантропологического материала из хуннских погребений Венгрии, Забайкалья и Монголии, принадлежность которых к палеосибирскому типу азиатского расового ствола, по мнению специалистов, не вызывает сомнений. Исследования выявили также наличие европеоидной примеси. Новейшую антропологическую характеристику см.: Гохман. Антропологическая характеристика; Он же. Антропологическое изучение Забайкалья; Мамонова. К антропологии гуннов; Алексеев, Гохман. Антропология. С. 68–69.

²⁷ Малавкин. Историческая география. С. 36–37, 145–146, 150, 151, 153.

²⁸ Там же. С. 176.

²⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 237.

³⁰ Васильев. Бань Чао. С. 108–121.

³¹ «Суйшу», цз. 84; Liu Mao-tsai. Т. I. С. 40. Ср. также «Цзычжи тунцзянь ганму», цз. 159: «Предки тюркского дома Ашина произошли от смешанных хуских родов, прежде

бэй, Шаньси и Шэньси переселилось более 400 тыс. хуннов и сяньби; в Гуаньчжуне поселилось более 500 тыс. ди и цянов, что составило половину населения этого района³⁷. Переселившиеся в Китай племена сохранили свою военную и племенную организацию, свой образ жизни, язык и обычаи, хотя сильнейшее китайское влияние на их общественный строй и культуру несомненно. Они активно участвовали в политической борьбе, происходившей в Китае, а в начале IV в. выступили как самостоятельная сила.

В 308 г. шаньюй хуннских племен Шаньси, Лю Юань, носивший до 304 г. титул князя Хань, провозгласил себя императором³⁸. В 311 г. его сын, «китайский Атила», Лю Цун осадил столицу империи Западная Цзинь (280–316) — Лоян. Драматические события, последовавшие за взятием города, нашли отражение в одном из интереснейших документов, написанном очевидцем, — письме согдийского купца Нанайвандака³⁹. Вскоре империя Западная Цзинь перестала существовать, хотя лишь на юге страны, в бассейне Янцзы, родственник правящего дома Сыма Жуй удержал власть и основал империю Восточная Цзинь (317–420). Созданное Лю Юанем государство Раннее Чжао (316–329) было уничтожено юэчжийским племенем цзе (государство Позднее Чжао, 319–350). На территории Северного Китая возникло несколько эфемерных варварских государств, находившихся в состоянии постоянной войны друг с другом. Время с 304 по 439 г. в традиционной китайской историографии получило название периода «шестнадцати государств пяти племен»⁴⁰.

В конце IV в. усилилось одно из сяньбийских племен на северо-востоке Китая — табгачи (кит. *тоба*, др.-тюрк. *tabgač*, араб. *тамгадж*)⁴¹. В 386 г. их вождь Тоба Гуй основал государство Северное Вэй (386–532), объединившее в 439 г. под своей властью весь Северный Китай⁴². К концу V в. правящая династия и само племя табгачей почти полностью ассимили-

³⁷ Очерки. С. 134.

³⁸ Eberhard. *Čin' in šimal komšulari*. P. 72; Franke. *Geschichte*. Bd. 2. S. 40–59.

³⁹ Henning. *The date*. P. 601–615. В этом документе племена, захватившие Лоян, названы *хун* (*-xūn ~ hun*). Поскольку тождество этих племен с сюнну китайских источников несомненно, согдийские «старые письма» впервые воспроизвели имя центральноазиатских хуннов, записанное не иероглифическим, а алфавитным письмом (Henning. *Sogdian ancient letters*. P. 3–4). В согдийских текстах с горы Муг этноним *хун* обозначает восточных тюрков (Лившиц. *Согдийский брачный контракт*. С. 103).

⁴⁰ Очерки. С. 134; Крюков, Малявин, Софронов. *Китайский этнос*. С. 25–28.

⁴¹ Bazin. *Recherches*. P. 228–239; Moravcsik. *Byzantinoturcica*. II. S. 302–303; Minorsky. *Sharaf al-Zaman*. P. 18, 62, 96; Prijsak. *Karachaniden*. P. 20.

⁴² Eberhard. *Das Toba-Reich*.

ровались в китайской этнической среде. В рунических надписях этим именем называлось коренное население Китая⁴³. В 431–439 гг. вэйский император Тай У-ди (424–452) овладел двумя последними хуннскими государствами на территории Китая — царством Ся (407–431) в Шэньси и Пинляне и царством Северное Лян (401–439) в Хэси⁴⁴. С этими двумя царствами связано первое упоминание племени ашина в китайской историографической литературе⁴⁵.

Проникновение хуннов в Пинлян и Хэси началось в первой половине II в. до н. э. Оттеснив на запад, в Семиречье и Среднюю Азию, автохтонное население — юэчжей и усуней, хунны, однако, не удержались на захваченной территории. Миграция юэчжийских и усуньских племен не была полной — еще в V в. н. э. некоторые из них упоминаются в пределах древней племенной территории⁴⁶. В 25–55 гг. в Хэси под защиту Великой стены бегут многие роды разгромленных хуннами динлинов, ухуаней и сяньби⁴⁷. Массовое переселение хуннских племен в этот район началось в 265 г., когда «на границе за Великой стеной [роды] Дашуй, Сайни, Хэнаньские и другие, 20 тыс. с лишком семейств, приняли [китайское] подданство. Император, приняв их, отправил на местожителство в Хэси под древний город Иян, и затем снова [они] смешались с цзиньскими людьми. Затем в Пинъяне, Сихэ, Тайюане, Синьсине, Шандине, Лопине — повсюду не было [округа], где не было бы хуннов» («Цзиньшу», цз. 97)⁴⁸.

После распада Цзиньской империи в Хэси и Гаочане возникло китайское государство Раннее Лян. В 376 г. Северный Китай на несколько лет был объединен династией Ранняя Цинь, но уже в 385 г. полководец этой династии Люй Гуан создал в Хэси независимое государство Позднее Лян (385–403), под протекторат которого подпали Гаочан и некоторые другие

⁴³ Thomsen. *Inscription de l'Orkhon*. P. 139–140.

⁴⁴ Franke. *Geschichte*. Bd. 2. S. 180–200.

⁴⁵ Gabain. *Hunnisch-türkische Beziehungen*. P. 14–18; Ögel. *Doğu göktürk*. P. 92–93. Несколько обоснована гипотеза М. Кеймена, связывающего происхождение племени тюрк с одним из наиболее известных хуннских племен — *туэ* (*t'uko*); самоназвание этого племени М. Кеймен рассматривает как вариант этнонима тюрк (*Köymen*. *T'u-ko rabilesi*. P. 51–59). Это племя, переселившееся в Северный Китай в IV в., вскоре было причислено, как и некоторые табгачские племена (роды?), к числу китайских аристократических фамилий. В VII в. вожди *туэ* находились в родственных отношениях с танским императорским домом (618–907); отдельные роды *туэ* упоминаются в источниках эпохи Сун (960–1279). По мнению О. Прицака (*Prijsak*. *Bulgarische Fürstenliste*. P. 64), этноним *туэ* тождествен *доулу* болгарского княжеского имени.

⁴⁶ Haloun. *Zur Üe-tsi-Frage*. S. 280, 284–285, 293–297; *Id.* *Liang chou rebellion*. P. 119–132; Chavannes. *Les livres chinois*. P. 527–528.

⁴⁷ Chavannes. *Les livres chinois*. P. 525.

⁴⁸ Цит. по: Бернштам. *Очерк истории гуннов*. С. 220.

княжества Таримского бассейна. К началу V в. хунны Ордоса, возглавленные племенем хэлян, захватили северную часть Шэньси и Пинлянь. Их вождь Хэлян-бобо создал здесь царство Ся (407–431), последний государь которого погиб в борьбе с сяньбийским племенем тугухунь, а земли захвачены северовэйским императором Тай У-ди. Племя хэлян и примыкавшие к нему хуннские племена частью подчинились табгачам, частью бежали на запад, в Хэси, где в 397–401 гг. хуннским князем Цзюйцюй Мэнсюнем⁴⁹ было основано государство Северное Лян (территория Хэси и Гаочан). В 439 г. Тай У-ди захватил Хэси, но двое из сыновей Мэнсюна — Ухуэй и Аньчжоу — с 10 тыс. семейств бежали в Шаныпань, а затем в Гаочан, где, опираясь на союз с жужанями, продержались до 460 г. В 460 г. этот союз был нарушен: по сообщению «Цзычжи тунцзянь ганьму», «жуаньжуани (жужане. — С. К.) напали на Гаочан, убили Цзюйцюй Аньчжоу и истребили род Цзюйцюй»⁵⁰.

Исторические сообщения о ранних тюрках коррелируются с их генеалогической легендой. Источники сохранили несколько ее вариантов⁵¹, причем один из них нашел неожиданное иконографическое подтверждение. Открытый в Монголии единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата — Бугутская стела с согдийской надписью — имеет на вершине барельефное изображение волчицы, стилизованной под императорского дракона.

Согласно данному варианту легенды, предки тюрков, жившие на краю большого болота, были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изувеченный врагами (ему отрубили руки и ноги) десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших мальчика, волчица бежит в горы севернее Турфана. Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, которые женятся на женщинах из Турфана. Один из них, Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавив местные племена, принимают имя «тюрк». Таким образом, легенда связывает происхождение тюрков с Восточным Туркестаном.

⁴⁹ Имя Цзюйцюй восходит к хуннскому титулу, наследственному в роду Мэнсюна (McGovern. The early empires. P. 353–354). Опыт этимологии и реконструкции титула см.: Hirth. Hunnenforschungen. S. 88; Miller. Addenda. P. 281.

⁵⁰ Franke. Geschichte. Bd. 3. S. 298–299; Miller. Account of Western nations. P. 5, 17–19. Детально история турфанских Цзюйцюй рассмотрена в работе В. Фукса (Fuchs. Turfan-gebiet. S. 138–142).

⁵¹ Liu Mau-tsai. Kutscha und seine Beziehungen. Bd. 1. S. 40; Bd. 2. S. 488. Подробнее см.: Клишторный. Древнетюркские памятники. С. 103–106.

Сведения о связях племени ашина с хуннскими племенами Пинляня и Хэси, в сопоставлении с тюркской генеалогической легендой, делают весьма вероятным предположение, что это племя иммигрировало в Ганьсу после 265 г., в период массового переселения за Великую стену хуннских и зависимых от хуннов племен Центральной Азии и Южной Сибири. За время обитания в Пинляне и Хэси племя ашина восприняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного некитайского и нехуннского населения страны («смешанные ху»; ср. мотив женитьбы на турфанских женщинах в первой легенде). После разгрома государства Северное Лян в Хэси ашина вместе с Ухуэем и Аньчжоу бежали в Гаочан, где вскоре подпали под власть жужаней и были переселены к южным отрогам Алтая. Согласно обеим легендам, только после переселения на Алтай племя приняло наименование *тюрк*, а старое название племени стало династийным именем правящего рода.

Несколько иную реконструкцию событий предлагает Ма Чан-шоу, который отмечает лишь два этапа миграции племени ашина: разгромленное сяньбийцами племя бежало в район Гаочана и позднее вошло в состав государства Северное Лян. За время пребывания в Гаочане, славившемся своими рудными разработками, племя овладело навыками добычи и обработки металлов. Жужани, захватившие на короткий срок власть в Гаочане (460), переселили ашина в богатый железными рудами район Алтая. Племя, принявшее наименование *тюрк*, выплачивало железом дань своим новым сюзеренам. Сведения, содержащиеся в «Суйшу», Ма Чаншоу не считает возможным использовать без дополнительных подтверждений⁵².

Независимо от предпочтения, которое может быть отдано той или иной из изложенных здесь гипотез, следует решительно отказаться от традиционной реконструкции ранней истории племени ашина (тюрк), согласно которой все события, имевшие место до образования Тюркского каганата, связаны только с территорией Алтая и Южной Сибири, а специфические особенности социальной организации и культурные традиции тюркского общества не выходили за пределы сугубо региональных норм и представлений. Эта гипотеза построена на вероятном толковании лишь одной из генеалогических тюркских легенд и, таким образом, недостаточно обоснована. Попытка подкрепить предположение об «алтайской древности тугю» материалами Кудыргинского могильника основана на датировке этого памятника временем более ранним, «чем время сложения древнего государства алтайских тугю во главе с ханом (каганом) Бумынем»⁵³. Од-

⁵² Ма Чаншоу. Туцзюэ гоцзя шэжуэй фачжань. С. 16–18.

⁵³ Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 497.

нако, как показали исследования А. А. Гавриловой, *terminus post quem* погребений тюркского времени определяется китайской монетой с девизом правления Цяньдэ (575–577)⁵⁴. Не отрицая возможной связи племени ашина с Алтаем и Сибирью до момента миграции в район к югу от Великой стены, мы должны отметить, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племен, возглавленная вождями Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем (460–553), которая в 551–555 гг. нанесла сокрушительный удар Жужаньскому каганату⁵⁵.

Этому событию предшествовали начало непосредственной торговли тюрков с Китаем и установление дипломатических отношений с государством Западное Вэй⁵⁶. В 545 г. посол западновэйского императора Тайцзу согдиец из Цзюцюаня (Ганьсу) Аньнопанто прибыл в ставку князя туцзюэ, а на следующий год ответное посольство Бумыня «представило местные произведения» императорскому двору⁵⁷. Одновременно Бумынь вмешался на стороне жужаней в их войну с племенным союзом теле и, усилившись за счет разгромленных племен этого союза, прервал связь с жужанями. Формальным предлогом для этого акта послужил оскорбительный отказ жужаньского кагана Анахуаия «установить брачное родство» с домом Ашина. В результате начавшейся войны (551–555) жужани были разгромлены и в большей части физически истреблены. На их землях в Северной Монголии возникла новая центральноазиатская империя — Тюркский каганат (551–744).

Первый Тюркский каганат. Термин тюрк

В 551 г. основатель тюркского государства Бумынь принял титул кагана; в 552 г. он умер. Ему наследовали Кара-каган (552–553) и Муган-каган

(553–562), которые довершили разгром жужаней. Именно во второй половине VI в. термин *тюрк* как название союза племен и государства получил самое широкое распространение.

Письменно этот термин был впервые зафиксирован в согдийских и китайских текстах. В согдоязычной надписи из Монголии, Бугутском памятнике (582), этноним передан в форме согдийского множественного числа: *tr 'wkt*⁵⁸. Согдийскую форму, очевидно, обычную в согдийской дипломатике, заимствовали китайские историографы⁵⁹. Вслед за тем термин *тюрк* фиксируется византийцами, арабами, сирийцами, попадает в санскрит, в различные иранские языки, в тибетский⁶⁰. До создания каганата термин *тюрк* означал лишь союз 10 (10 сыновей волчицы), позднее 12 племен, сложившийся вскоре после 460 г. на Алтае⁶¹. Это значение термин сохранял и позднее, оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении *türk bodun*. Слово *bodun* (*bod* «племя») как раз и означает совокупность, союз племен, народ, состоящий из отдельных племен. Этим же термином обозначено и государство, созданное тюркским племенным союзом, — *Türk el*. Оба значения термина отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и китайских источниках. Наряду с этим термин стал обозначать, в чисто политическом значении, принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками⁶². В этом смысле его употребляли византийцы и иранцы (например, в «Шахнаме» Фирдоуси), но не сами тюрки.

Дальнейшее развитие последнее значение термина получило у арабских историков и географов IX–XI вв., у которых «слово *тюрк* появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства»⁶³. Именно в арабской научной литературе появилось общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен. Вне сферы мусульманской образованности столь широкая трактовка термина нигде не проявлялась. Так, в русских летописях под 985 г. упоминается племя торков (т. е. тюрков), но это лишь одно

⁵⁴ Гаврилова. Могильник. С. 43. Монета определена А. А. Быковым.

⁵⁵ О Жужаньском каганате см.: Chavannes. Documents. P. 221–223; Franke. Geschichte. T. 3. S. 283–285; Olbricht. Uchida's Prolegomena. P. 90–100. Характеристику общественных отношений в Жужаньском каганате см.: Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 256–259. Особый круг литературы посвящен выдвинутой Э. Шаванном (вслед за Ж. Дегинем) проблеме отождествления жужаней с аварами; критику гипотезы Дегиня–Шаванна см.: Boodberg. Marginalia. P. 230; Id. To-ra Wei. P. 21–43; Haussig. Quelle. S. 62–65.

⁵⁶ Liu Mau-tsai. I. S. 6–7. В 534 г. государство табгачской династии — Северное Вэй — распалось на Восточное Вэй (534–550) и Западное Вэй (535–557). В 550 г. власть в Восточном Вэй перешла в руки полководца Гао Яна, основавшего княжество Северное Ци (550–577). В 557 г. окитаившийся сяньбийский аристократ Юйвэнь Цзяо узурпировал западновэйский трон, основав государство Северное Чжоу (557–581); в 577 г. это государство уничтожило Северное Ци и объединило Северный Китай под своей властью. Подробнее об этих событиях см.: Franke. Geschichte. Bd. II. S. 228–250.

⁵⁷ Liu Mau-tsai. I. S. 6; III. S. 490–491.

⁵⁸ Klyachtny, Livshic. The Sogdian inscription. P. 85.

⁵⁹ Harmatta. Irano-Turcica. P. 263–273. Напомним, что первоначальные дипломатические контакты Китая с тюрками осуществлялись при согдийском посредстве. В китайском написании (*туцзюэ-тюркю*) данный этноним очень часто употребляется в русской и советской научной литературе (тюрки = *тукю*, *тузю*). См., например: История Сибири. С. 267–268.

⁶⁰ Сводку древних фиксаций термина *тюрк* см.: Кляшторный. Древнетюркские памятники. С. 18.

⁶¹ Czegledy. On the numerical composition. P. 275–281.

⁶² Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Т. 6. С. 579.

⁶³ Там же. Т. 5. С. 584.

Сэврэйский камень. Южная Гоби. VIII в. Монголия. Фото 1982 г.

из многих кочевых объединений Дикого поля, упоминаемое вместе с берендеями, печенегами, черными клобуками, половцами. Среди самих тюркоязычных племен, несмотря на древнее языковое родство, никакого «тюркского» этнического самосознания не было, как и не было общности их исторических судеб или единства созданных ими в древности и средневековье государственных образований. Само использование термина *тюрк*, утратившего в середине VIII в. реальный этнополитический смысл⁶⁴, имеет значение лишь для лингвистических и историко-этнографических классификаций. Как конкретный этнополитичес-

кий термин он возродился в огузской племенной среде Передней Азии и позднее стал самоназванием турецкого народа.

Муган-каган окончательно утвердил господство Тюркского зля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в Юго-Западной Маньчжурии и тюркоязычных кыргызов на Енисее (в Туве и Минусинской котловине). По словам китайской летописи, он «привел в трепет все владения, лежащие за границей (Великой стеной. — С. К.). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря (Каспия. — С. К.) до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи (пустыни Алашань и Гоби. — С. К.) на север до Северного моря (Байкал. — С. К.) от пяти до шести тысяч ли, — все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству»⁶⁵. Последнее утверждение не вполне точно: каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась эта зависимость при наследнике Муган-кагана — Таспар-кагане (572–581). По словам китайского историографа, «он имел намерение разгромить Срединное государство, но двор (Северное Чжоу. — С. К.) поспешил заключить с ним союз мира и родства и ежегодно давал ему 100 тыс. кусков шелка. Дом Ци страшился их набегов и грабительств и также истощал свои казнохранилища для платы им. Тобо (Таспар. — С. К.) в счастии очень превозносился и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика (Северное Чжоу и Северное Ци) были покорны нам — тогда не нужно бояться бедности»⁶⁶. Успешными для тюрков были и их западные походы. К концу 60-х гг. VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, сасанидского Ирана, Китая — и ведет борьбу за контроль на торговом пути, связывающем Дальний Восток со странами Средиземноморья.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581–588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581–618), ряд реформ привел к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков прежде всего в самом династийном племени ашина и со страшным голодом в степи — «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости»⁶⁷. Территориальное расширение государства, рост

⁶⁵ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 228.

⁶⁶ Там же. С. 233.

⁶⁷ Там же. С. 236.

⁶⁴ Там же. С. 563; Кононов. Опыт анализа термина турк. С. 40–47.

влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными землями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн и лишившихся средств к существованию вследствие джута 581–583 гг., новая политическая обстановка, не дававшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах, — все это привело каганат к острейшему социально-политическому кризису и междоусобице. В 582–603 гг. окончательно завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части; между Восточнотюркским и Западнотюркским каганатами велись все это время изнурительные войны.

Лишь при Шиби-кагане (609–619) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъем его политического могущества. Гражданская война в Китае (613–618) и падение династии Суй, которую сменил дом Тан (618–907), позволили Шиби и его младшему брату Эль-кагану (620–630) возобновить войны на южной границе. Однако к этому времени обстановка в каганате существенно изменилась. Давно минули времена, когда весь племенной союз тюрк, стоявший на высшей ступени варварства, видел в грабительских походах нормальный и доходный промысел. 80-летний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям в обществе. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роде и племени. Война становилась выгодной только для правящей прослойки каганата, которой доставалась львиная доля добычи и дани. Основная же масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства, часть продукции которого обменивалась на продукты земледелия и ремесленные изделия. Рядовые кочевники были заинтересованы не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле. Иногда тюркские каганы считались с насущными нуждами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с просьбой разрешить меновой торг. Но на протяжении чуть ли не двух тысячелетий пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над «варварами», монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Суть китайской политики четко сформулирована одним из китайских историографов: «Нет дани (т. е. подчинения. — С. К.) — нет торговли, есть дань — есть и вознаграждение»⁶⁸. Поэтому на опре-

⁶⁸ Мартынов. Особенности торговли. С. 234.

деленном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на южной границе. Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, страдали от этого китайские земледельцы и тюркские скотоводы.

В 620–629 гг. Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границы. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромного войска каганата, постоянного ремонта конского состава и многих других затрат. В поисках выхода из этого положения Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственного народа. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута и голода 627–629 гг. Противоречия между народными массами и правящей верхушкой ярко выразились в изменении форм управления. Эль-каган, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к методам осуществления власти, свойственным социально более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, представители которых были в какой-то степени связаны родоплеменными традициями, каган сместил прежних должностных лиц с ключевых постов гражданского управления, заменив их китайцами и согдийцами.

В глазах народа обострение социального неравенства и классового угнетения было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки чужаков. Недовольство угнетенных и обездоленных превратилось в ненависть к иноземцам. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников, наблюдения которых резюмировал историограф: «Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хэли (Эль-каган. — С. К.) имел при себе одного китайского ученого, Чжао Дзяня. Он уважал его ради его талантов и питал к нему полное доверие, так что Чжао Дзянь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хэли доверил правление ху (согдийцам. — С. К.), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход, так что его народ не смог более переносить эти тяготы. Год за годом [в стране] был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отворачивались от Хэли»⁶⁹.

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шэньси. Сразу же против него восстали токуз-огузские племена. Воспользовавшись обстановкой, императорская армия вторглась на территорию каганата, и, покинутый всеми, Эль-каган попал в плен (630). Так завершилась история первого Тюркского каганата.

⁶⁹ Liu Mau-tsai. I. S. 194.

Этнолингвистическая ситуация в евразийских степях в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.

В I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. оседлое население и кочевые племена в полосе степей и гор севернее Восточного Туркестана были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем уже тогда в результате интенсивных и постоянных миграций населения в евразийских степях на территорию Средней и Центральной Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья и так называемых «алтайских» племен из Восточной Сибири и восточной части Центральной Азии. «Алтайскими» эти племена названы условно; первоначально они формировались значительно восточнее Алтая, на огромной территории Южной Сибири, между Енисеем и Тихим океаном, в Монголии и Маньчжурии, а также в нынешних провинциях Северного Китая. Во II—I тыс. до н. э. в среде «алтайских» племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине I тыс. до н. э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков, причем племена — носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена — носители прототюркских языков расселялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково — на многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно, причем в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н. э. преобладали ираноязычные юэчжи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними.

Такова была в самых общих чертах этнолингвистическая карта Средней и Центральной Азии до образования первой кочевнической «империи» в Центральной Азии, которую создал племенной союз хуннов, оттеснивший юэчжи и другие сакские племена в Среднюю Азию. Хотя язык собственно хуннов неизвестен, внутри хуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках; следует учесть, что в лингвистическом отношении кочевые племена, входившие в состав хуннской «империи», никогда не были однородны⁷⁰.

⁷⁰ Сейчас сложились две новые точки зрения на собственно хуннский язык, т. е. язык ранних хуннов. Согласно Э. Пуллибланку, подвергнутому обоснованной критике гипотезу об «алтайской» принадлежности «нуклеарного» хуннского языка, язык хуннов принадлежал к палеоенисейской языковой группе. Г. Дёрфер, рассмотревший все существующие гипотезы языковой атрибуции хуннов, пришел к выводу, что хуннский язык не принадле-

Проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад началось рано — уже у приаральских ираноязычных саков антропологи фиксируют монголоидную примесь, а ведь именно «алтайские» племена были носителями монголоидного физического типа. Степи на севере Средней Азии в I тыс. до н. э. были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и «алтайских» племен. Однако, вероятно, лишь после начавшегося на рубеже новой эры движения на запад хуннских племен в степной зоне Центральной Азии начинают складываться крупные тюркоязычные общности.

В IV–V вв. в Поволжье и Западном Казахстане консолидируются *огузские* племена, самым крупным из которых были булгары. Они говорили на одном из очень архаичных тюркских языков. По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках, отразивших язык волжских и дунайских булгар (до славянизации последних), установлено, что язык булгар был предшественником современного чувашского языка; его элементы сохранены также в языках татар Поволжья, гагаузов, кумыков и некоторых других тюркоязычных народностей. Во II–V вв. в Восточном Казахстане существовало довольно значительное хуннское государство. Иноземные наблюдатели называли его Юэбань, а язык его населения сближали с языком племен гаогюй, предков уйгуров, т. е. относили к тюркским языкам.

Языковая ситуация в степной зоне, примыкающей к Восточному Туркестану, начала существенно меняться в середине VI в., когда после возникновения Тюркского каганата началось массовое переселение сюда древнетюркских племен. В VI–VII вв. на севере Средней Азии и в Поволжье складывается несколько древнетюркских языковых групп: булгарско-хазарская, западнотюркская (огузская), карлукская. Конечно, все указанные этнические группы были весьма неоднородными по определяющим их языковым признакам из-за постоянного изменения состава входивших в них племен, а также постоянного скрещения и взаимовлияния самых различных племенных диалектов. Так, именно в среде западных тюрков и карлуков существовали племена, говорившие на «джекающих» диалектах; об этом свидетельствуют иноязычные письменные источники. В армянских источниках содержится рассказ о походе в Закавказье в 627 г. западнотюркского *Джебу-хакана*; здесь явно отражена тюркская диалектальная «джекающая» форма титула государей Западнотюркского кага-

жит ни к одной из известных языковых семей и входил в некую полностью вымершую и очень древнюю языковую группу. Впрочем, оба исследователя полагают, что хуннский племенной союз не был однородным в языковом и этническом отношении (*Pulleyblank. Consonantal system. P. 233–265; Doerfer. Zur Sprache. S. 1–50*).

ната ябгу-каганов. Известно также (по арабским и персидским источникам), что государи семиреченских (алтайских) и тохаристанских (бадахшанских) карлуков именовались в VII–VIII вв. то *ябгу*, то *джабгу*. В этом чередовании отразился гетерогенный племенной состав карлукского и, вероятно, огузского союзов племен, а также различия племенных диалектов. Середина и вторая половина I тыс. н. э. стали периодом постепенной тюркизации населения горно-степных районов к западу от Алтая. Процессы распространения древнетюркских языков и диалектов по всей территории, включающей Восточный Туркестан и Среднюю Азию, происходили как в результате миграции с востока тюркских племен, так и в результате ассимиляции в тюркоязычной среде части местного населения, говорившего на индоевропейских языках.

Тюркские завоевания в Средней Азии и Восточном Туркестане (V–VI вв.)

Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: «Вперед (т. е. на восток), вплоть до Кадырканской черни, назад (т. е. на запад), вплоть до Железных ворот, они расселили свой народ»⁷¹. Кадырканская чернь — это горы Большого Хингана, а Железные ворота — проход Бузгала в горах Байсунтау, по дороге из Самарканда в Балх, в 30 км к югу от Шахрисабза. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Восточного Туркестана, Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумынь-кагана, Истеми (Сильзибул, или Дизавул, византийских и Синджибу арабских исторических сочинений); он носил титул ябгу-кагана⁷², в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Именно при Истеми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пределов своего военного могущества. Уже в 555 г. тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели большей частью Восточного Туркестана, Семиречья и всей степной зоной Средней Азии, вплоть до Сырдарьи и Приаралья.

⁷¹ Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, строка 2 (Малов. Памятники. С. 36).

⁷² Военный титул *ябгу* (*явуза*) заимствован тюрками из кушанской политической традиции, сохраненной эфталтами.

Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере Восточного Туркестана и востоке Средней Азии. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, либо были включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв их этническое имя и значительно усилив военный потенциал аваров. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору Феофилакт Симокатте, писавшему в первой половине VII в., назвать этих беглецов «псевдоаварами»⁷³. Однако сами тюрки, судя по свидетельству другого византийского историка, Менандра (конец VI в.), именовали бежавших от них врагов именно аварами⁷⁴, в форме *анар* этот этноним упомянут древнетюркскими руническими памятниками⁷⁵.

Нет никаких сведений об изменении тюрками социально-экономического и политического строя завоеванных ими земель с городским и оседлым земледельческим населением. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоеваний тюркский каган ограничился утверждением здесь своего сюзеренитета и получением дани. Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз». Именно так Западнотюркский каганат и его население именуются орхонскими надписями: *он ок бодун*, *он ок эли* «государство десяти стрел» или просто *он ок* «десять стрел». Подобная организация была вполне аналогична военно-административной системе, существовавшей и у восточных тюрков⁷⁶. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племен».

Однако «стрела», судя по позднейшим сообщениям, была формой военно-административной, а не родоплеменной организации. Возможно, что в состав такой «стрелы» входило несколько племен, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставила один тумен, т. е. 10-тысячное конное войско во главе с «великим предводителем» (шадом), и имела свой боевой стяг⁷⁷. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. «Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров. Западная сторона называлась пять племен нушиби. Во главе их стояли пять великих иркинов. Позднее каждая стрела стала называться пле-

⁷³ Феофилакт Симокатта. История. С. 159–161.

⁷⁴ Менандр Византиец. 1860. С. 374.

⁷⁵ Климентий. Древнетюркские памятники. С. 71–75.

⁷⁶ Chavannes. Documents. P. 219; Czeglédy. On the numerical composition. P. 278.

⁷⁷ Marquart. Skizzen. S. 289–291.

менем, а великим вождям стрел было дано звание великих предводителей. Пять племен дулу обитали к востоку от Суяба; пять племен нушиби обитали к западу от Суяба»⁷⁸.

Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям древности и средневековья. Таков хуннский племенной союз с его «восточной» и «западной» сторонами, такова огузская конфедерация, полумифический прототип которой улус Огуз-хана делился на бузуков и учуков⁷⁹. Символом власти младшей ветви огузской конфедерации, учуков, была стрела. Отметим, что ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшей линией каганского рода и находились в том же отношении к каганам восточной ветви, что и учуки к бузукам в легендарных генеалогиях «Огуз-наме». В VII в. «десятистрельная» система в Восточнотюркском каганате была сменена системой «12 племен», делившихся на две конфедерации — тэлисов и тардушей (восточное и западное крыло). Ту же систему в VIII в. унаследовал Уйгурский каганат, причем сам уйгурский племенной союз состоял из десяти племен. Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на восточных территориях, но не объединенная с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего разделения каганата.

Освоение новых владений сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были тюрками подчинены. Враждебность, сразу же проявившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, в течение пяти-семи лет, однако, не приводила к их разрыву. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские вожди считали своей главной целью завершение разгрома аваров, которые ушли за Волгу. К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстиниан I принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего обширными землями к западу от Волги, а также Северным Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более что набеги аваров на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

⁷⁸ Chavannes. Documents. P. 27–28. Суяб (ныне городище Акбешим близ г. Токмак, Киргизия) был столицей западнотюркских каганов; их летняя резиденция находилась в урочище Минг-булак (близ современного г. Туркестан, Казахстан).

⁷⁹ Щербак. Огуз-наме. С. 57–63.

Вместе с тем в конце 40-х гг. VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана Хосров I Ануширван (531–579), прекративший выплату дани эфталитам и готовившийся к войне с ними, уже в 557 г. развязал себе руки на западе, возобновив перемирие с Византией. Хотя окончательная договоренность о прочном мире была достигнута только в 561–563 гг., Хосров I предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключен и скреплен брачным договором — дочь Истеми стала женой шаха и впоследствии матерью наследника престола Хормизда IV. Этот союз определил направление новых походов тюрков. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождем одного из племен нушиби Эскиль Кюль-иркином, которое прибыло туда в 563 г. с целью добиться от императора прекращения поддержки аваров⁸⁰. А тюркские армии, поддержанные ударом иранских войск на Балх, в том же году вторглись в эфталитские земли. Согласно «Шахнаме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифара подверглось разгрому. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова I, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Амударьи.

Трения между Хосровом I и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы обеих держав⁸¹. После завоевания значительной части Средней Азии тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайкенда до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество драгоценных шелковых тканей. В одной из своих неопубликованных работ В. В. Бартольд отмечает, что Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Именно этот аспект внешней политики константино-

⁸⁰ Harmatta. Byzantinoturcica. P. 140–143.

⁸¹ О включении Средней Азии в состав Тюркского каганата и тюрко-ирано-византийских отношениях см. подробнее: Гафуров. Таджики. С. 215–225.

польского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения⁸².

Тюркское посольство во главе с Маниахом было с почетом принято при императорском дворе, и между тюрками и Византией было заключено военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх. Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы» на Тянь-Шане⁸³ и сразу же предложил византийскому послу сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. тюркское войско вернулось в Согд.

В 575–576 гг. на короткий срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились. После смерти Истеми-кагана один из его сыновей, Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата, недовольный мирными переговорами, которые Юстин II вел с аварами, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым. Вскоре, однако, тюрки покинули полуостров. Второй поход тюрков в Иран относится к 588–589 гг. Согласно ирано-арабской традиции, тюркское войско, возглавленное «царем тюрков» Савэ (Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чубин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и между тюрками и персами был заключен мир. В 616–617 гг. полководец Сасанидов Сambat Багратуни сделал попытку повторить успех Бахрама, но его поход не имел политического результата⁸⁴. Вплоть до разгрома Сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Таков исторический контекст краткого упоминания орхонских надписей о расселении тюрков в эпоху основания их государства «вплоть до Железных ворот».

Последовательность подчинения тюрками государств Восточного Туркестана неизвестна. Вплоть до 640–647 гг. восточнотуркестанские оазисные владения сохраняли известную степень независимости, хотя и признавали время от времени сюзеренитет своих могущественных западных, восточных и северных соседей. В 460–550 гг. многие из восточнотуркес-

танских государств стали ареной соперничества на Великом шелковом пути между эфталитами, жужанями и непокорным вассалом последних — племенным союзом теле. Особенно ожесточенной эта борьба была в Гаочане (Турфане), где ставленники жужаней и эфталитов сменялись ставленниками одного из племен теле — уйгуров. В дела Хотана, Карашара и Гаочана постоянно вмешивались эфталиты, пытаясь утвердить у власти свои креатуры. В 560–570 гг., после гибели жужаней и разгрома эфталитов, их место заняли тюрки. В конце VI в. их сюзеренитет над Восточным Туркестаном был достаточно очевидным. По сообщению «Суйшу», в это время «все владения в Западном крае подчинились» тюркским каганам⁸⁵. Однако более, чем западных или восточных тюрков на севере Восточного Туркестана, боялись племен теле, прежде всего уйгуров. В то время как с тюрками поддерживали тесные политические связи, подкрепляемые династийными браками (в конце VI в., например, старшей женой правителя Турфана была дочь тюркского кагана)⁸⁶, уйгурам, своим непосредственным соседям, тот же турфанский владетель платил немалую дань. Так, уйгуры получали большую часть того, что в Турфане взыскивалось в виде пошлин с караванов, идущих по Великому шелковому пути, причем регулярность и точность выплат⁸⁷. К началу VII в. уйгуры вместе с городами Восточного Туркестана стали подданными западнотюркских ябгу-каганов.

Западнотюркский каганат

Междоусобная война конца VI в. в Тюркском каганате, раздиравшем сепаратистскими тенденциями и борьбой за уделы внутри правящего дома, длилась более 20 лет и завершилась в 603 г. окончательным распадом империи на два государства — Западнотюркский каганат в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточнотюркский каганат в Монголии. Кратковременный расцвет Западнотюркского каганата при каганах Шегуе (610–618) и Тон-ябгу (618–630) стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства, быстрого обогащения и роста влияния военно-племенной знати, объединившей силы племен под эгидой каганской власти для почти не прерывавшихся и всегда успешных походов. Уже Шегуй сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье. Тон-ябгу, возродивший активную за-

⁸² Бартольд. Очерк истории Туркестана. Л. 33.

⁸³ В греческом тексте эта гора названа Эктаг (Актаг, т. е. Белая гора. — С. К.). Скорее всего, речь идет о горах, именуемых в китайских источниках Ацзетань или Бэйшань, — Восточном Тянь-Шане, севернее Кучи (*Chavannes. Documents. P. 8, 115, 237*).

⁸⁴ Гафуров. Таджики. С. 221.

⁸⁵ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 216–219; Т. 2. С. 278–280.

⁸⁶ *Chavannes. Voyage. P. 13–14.*

⁸⁷ Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 280.

падную политику каганата, перенес свою зимнюю резиденцию в Суяб — крупный торгово-ремесленный центр в долине р. Чу (г. Токмак), а летнюю ставку — в Мингбулак близ Исфиджаба. Новые походы в Тохаристан и Капису раздвинули границы каганата до верховьев Амударьи и Гиндукуша. Управление Тохаристаном Тон-ябгу передал своему сыну Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

При Тон-ябгу-кагане был установлен более строгий политический контроль каганата над практически независимыми от него среднеазиатскими государствами, чей вассалитет ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения — от Исфиджаба и Чача на севере до территорий Южного Афганистана и современного Северо-Западного Пакистана — были посланы уполномоченные кагана — тудуны, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владельцам были пожалованы тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Вместе с тем Тон-ябгу стремился укрепить с крупнейшим из местных владельцев личные связи; так, он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владельца — правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, «Синь Таншу» замечает: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны»⁸⁸.

Деспотический характер власти Тон-ябгу, который, «полагаясь на свое могущество и богатство, стал немилостив к подданным»⁸⁹, скоро оказался в противоречии с возросшим сепаратизмом разбогатевшей в ходе победоносных войн племенной знати. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя Тон-ябгу Кюлюг Сыби-багатур убил племянника и провозгласил себя каганом. Однако часть племен поддержала другого претендента, и возобновилась межплеменная война. Уже в 630–634 гг. каганат утратил все свои среднеазиатские владения к юго-западу от Сырдарьи. Каганат вступил в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого стала борьба за власть между знатью двух конфедераций, составлявших западнотюркский племенной союз, — дулу и нушиби.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Хилаш-каган, опиравшийся на нушиби. Он попытался возродить действенность военно-административной системы «десяти стрел». Новые реформы превращали племенных вождей (иркинов и чоров) в назначенных или утвержденных каганом «управляющих», зависимых лично от него. Для того чтобы сделать эту зависимость более реальной, в каждую «стрелу» направлялся член каганского рода — шад, никак не связанный с племенной знатью и руководствовал-

шийся интересами центральной власти. Тем самым политическая инициатива местных вождей резко ограничивалась. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племен в повиновении. Уже в 638 г. дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался «на два царства», граница между которыми проходила по р. Или⁹⁰. Хилаш-каган был низложен и бежал в Фергану.

Межплеменная и династическая усобицы, продолжавшиеся вплоть до 657 г., вызвали в конце концов вторжение в Семиречье китайских войск, в основном наемников. Танское войско нанесло поражение ополчению «десяти стрел», а последний независимый правитель каганата, Нивар Ышбара-ябгу-каган (Ашина Хэлу), был захвачен в плен и в 659 г. умер. Танская империя пыталась управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода⁹¹. Некоторое время эти методы были эффективными, но непрекращавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Тюркская государственность была восстановлена на западе вождем племени тюркешей Уч-элигом, создавшим Тюркешский каганат. К тому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, ознаменованная возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии.

Западнотюркский каганат весьма существенно отличался от Тюркского каганата в Монголии. Если на востоке преобладали кочевники, то на западе значительная часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслами и торговлей. Социальная структура Западного каганата была несравненно сложнее, и его с большим правом, нежели Восточнотюркский каганат, можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями. Раннесредневековая городская земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана согдийцами, поселившимися в Семиречье, Джунгарии и Таримском бассейне.

В городах Восточного Туркестана западные тюрки стремились прочно утвердиться со времени возникновения своего государства. Особенно усилились их позиции в 30–40-х гг. VII в., когда угроза китайского военного вторжения стала реальной. Китайский источник отмечает, что после 630 г. турфанский владетель «вступил в связь с тукюесцами (западными тюрками. — С. Г.)», после чего «китайские посольства в Гаочан терпели притеснение». Более того, тюркский ябгу-каган и турфанский князь «со-

⁸⁸ *Chavannes. Documents. P. 24.*

⁸⁹ *Ibid.*

⁹⁰ *Ibid.*

⁹¹ *Малаякин. Marionетки.*

единенными силами напали на Иу», владетель которого пытался порвать связи с тюрками, опасаясь Китая⁹². Отмечаются «дружба» владетеля Карашара с западнотюркским Хилаш-каганом и участие Карашара в междоусобных войнах в каганате⁹³. В 640 г. тюркам подчинилась Куча, а владетель Кашгара скрепил союз с ними женитьбой на дочери кагана⁹⁴.

После создания в Восточном Туркестане сети китайских гарнизонов (40-е гг. VII в.) тюргешское политическое влияние там, естественно, ослабло. Однако Тюргешский каганат не только в течение более чем полувека (90-е гг. VII — 40-е гг. VIII в.) сдерживал танскую экспансию, но и успешно противостоял войскам двух китайских наместничеств (Аньси и Бэйтин), отстаивая свои интересы на юго-восточной границе.

Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюргешский каганат

В 679–687 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы с Танской империей за независимость восстановили свое государство в Монголии. Его первым каганом стал Кутлуг Ильтерес-каган; его ближайшим помощником и советником был Тоньюкук, оставивший описание своих деяний, запечатленное на каменной стеле древнетюркским руническим письмом. Центр каганата находился в Отыкене (Хангайские горы), а его западной границей уже при Ильтерес-кагане был Алтай. В 691 г., после смерти Ильтерес-кагана, на престол сел его брат Капаган-каган (Мочжо) (691–716), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества Второго Восточнотюркского каганата. Несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгром киданей (696–697), подчинение Тувы и разгром государства енисейских кыргызов (709–710) сделали Капагана господином Центральной Азии. Состояние дел в Западнотюркском каганате дало ему повод для военного вмешательства.

В 90-х гг. VII в., как уже отмечалось, против последних западнотюркских каганов — ставленников китайского двора — выступил вождь племенного союза тюргешей, входивших в конфедерацию дулу, Уч-элиг (Учжилэ). В 699 г. он вытеснил в Китай претендента на власть в каганате и танскую креатуру Хосрова Бёри-шада и установил свою власть на всей прежней территории Западнотюркского каганата от Чача до Турфана и Бешбалыка. Вместе с Хосровом Бёри-шадом в Бешбалык, где в 702 г.

было возрождено китайское наместничество Бэйтин, ушло 60–70 тыс. человек подвластных ему западнотюркских племен⁹⁵. Грозным врагом тюргешей стало наместничество Бэйтин, где кроме крупного китайского гарнизона пребывали все подчинившиеся империи вожди из рода Ашина, претенденты на место кагана «десяти стрел». В 704 г. один из претендентов Ашина, Сянь, вместе с Бёри-шадом совершил глубокий рейд в Семиречье. Тюргешаи предприняли несколько ответных нападений и начали подготовку к большому походу в Восточный Туркестан⁹⁶.

В Суябе и Кюнгюте (на р. Или) Уч-элиг учредил каганские ставки, разделил страну на 20 областей (во главе с тутуками), каждая из которых выставляла 7 тыс. воинов. При наследнике Уч-элига Сакале (Согэ) начались первые мятежи племенной аристократии, поддержанной танскими войсками. Сакал нанес поражение восставшим и разбил отряд китайского наместника в Куче.

Поход 708 г. на Кучу (Аньси) готовил еще Уч-элиг, его задачей было покончить с вторжениями в Семиречье, постоянно организуемыми танскими наместниками. В полевых сражениях китайские войска понесли сокрушительные поражения, погиб сам наместник Аньси Ню Шицзян, а вместе с ним и многие другие высшие китайские военачальники. Остатки гарнизона Кучи отсиделись в крепостях наместничества⁹⁷. Угроза с юга на некоторое время исчезла. Однако вслед за этим поднял восстание младший брат Сакала, обратившийся за помощью к Капаган-кагану.

В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого стояли сын Капаган-кагана Инэль и апатаркан (главнокомандующий) Тоньюкук, разбило войско Сакала на р. Болучу в Джунгарии. Оба враждовавших между собой брата были по приказу Капаган-кагана казнены, и на некоторое время (711–715) Тюргешский каганат перестал существовать. Остатки тюргешских войск, собранные полководцем Чабыш-чором Сулуком, отступили за Сырдарью и ушли в Тохаристан. Преследуя их, в 712–713 гг. отряды восточнотюркского войска, которыми командовали Тоньюкук и сыновья Ильтерес-кагана, будущий Бильге-каган и Кюль-тегин, оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне царя Согда Гурека, но, разбитые арабским полководцем Кутейбой б. Муслимом, отступили и в 714 г., преодолевая сопротивление восставших на Алтае карлуков, возвратились в Монголию.

В Семиречье вернулся Сулук (Сулу), провозгласивший себя тюргеш-каганом и восстановивший тюргешское государство. Сулуку приходилось

⁹² Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 290.

⁹³ Там же. С. 296.

⁹⁴ Там же. С. 300.

⁹⁵ Малявкин. Историческая география. С. 9–10, 41.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 12.

вести борьбу на два фронта. На западе ему серьезно угрожали победоносные арабские армии, в 714–715 гг. не раз переходившие Сырдарью, на востоке же танский двор поддерживал реваншистски настроенных князей из рода Ашина, обосновавшихся в Восточном Туркестане.

Сулук прежде всего попытался нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую поездку в Чанъань, столицу Танской империи. Вслед за тем он заключил брачные союзы с тремя опасными для него владетелями: он женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина и тем легитимизировал свою власть; второй женой он сделал дочь Бильге-кагана, сменившего в 716 г. Капагана на троне второго Восточнотюркского каганата; третьей женой Сулука стала дочь цэнпо Тибета. Своего сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана, после чего дружественные отношения между обоими каганатами ни разу не нарушались. Сулук решительно пресекал попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет каганата. В 726 и 727 гг. тюргешское войско дважды (во второй раз — вместе с тибетцами) осаждало Кучу и опустошало округу⁹⁸.

Однако основная военная активность Сулука с 20-х гг. VIII в. была направлена на запад, где он активно включился в антиарабскую борьбу государств Средней Азии. В 720–721 гг. полководец Сулука, вождь сары-тюргешей Кули-чор (Курсуль арабских источников) вел успешные боевые действия против арабов в Согде⁹⁹.

В 728–729 гг., во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары, согдийцы обратились за помощью к тюргешскому кагану. Вторжение тюргешей привело на короткий срок к почти полному освобождению Согда от арабов, которые удерживали лишь Самарканд и Дабусию. В 730 г. арабы сумели одержать известные успехи, но некоторое время спустя (в 731 или 732 г.) были вновь разбиты тюргешами в горах между Кешем и Самаркандом и затем под Кермине. Лишь в конце 732 г. арабский наместник Джунейд б. Абдаллах разбил тюргешей под Тавависом и вошел в Бухару¹⁰⁰. Арабы прозвали Сулука Абу Музахим (букв. «ударяющий, бодающийся») и видели в нем главную угрозу своей власти в Согде. Прошло около пяти лет после взятия Бухары, и тюргешская армия вновь появилась в Мавераннахре, откликнувшись на призыв о помощи осажденного арабами ябгу Тохаристана (сам ябгу принадлежал к тюркской знати). Кагана поддержали и согдийцы. В короткий срок тюргешы вытеснили из Тохаристана армию арабского

наместника Асада б. Абдаллаха, но вслед за тем рассеялись мелкими отрядами по стране. Каган с небольшими силами атаковал арабов и потерпел сокрушительное поражение. Эта неудача стоила Сулуку жизни. По возвращении в Невакет (737) он был убит своим полководцем (китайцы именуют его по титулу — Бага-таркан)¹⁰¹. Новый арабский наместник в Хорасане Наср б. Сайяр в 739 г. вторгся в каганат, нанес тюргешам поражение и казнил захваченного в плен их вождя Кули-чора.

Гибель Сулука положила начало двадцатилетней борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами и привела к распаду и деградации Тюргешского каганата. Междоусобица среди тюргешей дала возможность китайским наместникам в Восточном Туркестане вмешаться в дела кочевой державы. Сначала в Семиречье появляется китайский ставленник, хан «десяти стрел» Ашина Сянь, но в 742 г. он был убит в Кулане. Затем в 748 г. танские войска штурмом берут Суяб, а в 749 г. — Шап. Однако в 751 г. арабская армия Зияда б. Салиха в союзе с карлуками нанесла танскому полководцу Гао Сяньчжи сокрушительное поражение под Таласом. Территория Семиречья была очищена от войск империи Тан. Усилившиеся в Семиречье после 746 г. карлуки к 766 г. покончили с враждовавшими между собой тюргешскими вождями, и карлукский ябгу создал здесь свое государство, подготовившее рождение Караханидского каганата.

Тюрки Монголии и Восточный Туркестан

После гибели Капаган-кагана (716) Восточнотюркский каганат пережил тяжелый кризис. Наследовавший Капагану его племянник Бильге-каган лишь в 718 г. сумел подавить восстание уйгуров и других токуз-огузских племен. И сразу же ему пришлось столкнуться с китайской угрозой.

При императоре Сюаньцзуне (712–755) династия Тан достигла вершины могущества. Однако в 712–718 гг. положение империи было нелегким. В 714 г. возобновилась ожесточенная война с тибетцами, военные действия в Ганьсу и Восточном Туркестане развивались не всегда благоприятно для китайских войск. В 714 г. на западной границе империи появляется новый враг — арабы, заключившие союз с тибетцами. В 715 г. наместник Западного края Чан Сяосун с трудом ликвидирует их ставленника в Фергане, а в 717 г. арабы оказывают поддержку тибетцам, вторгшимся в наместничество Аньси¹⁰². Тем не менее Сюаньцзун не принял

⁹⁸ Chavannes. Documents. P. 81–82, 284.

⁹⁹ Бартольд. Древнетюркские надписи. С. 306.

¹⁰⁰ Бартольд. Древнетюркские надписи. С. 308.

¹⁰¹ Беленицкий. Историко-географический очерк Хутталя. С. 114–116.

¹⁰² Liu Mau-tsai. I. S. 171–172, 224.

предложения заключить мир, которое сделало в Чанъане посольство Бильге-кагана (718), и повелел создать большой экспедиционный корпус, пригодный для наступательных операций против тюрков¹⁰³. Судя по перечню командиров отдельных частей этого войска, ее главной ударной силой была кавалерия федератов, прежде всего басмылов, киданей и татабов, а также тюркские отряды под командованием бежавшего в Китай сына Капаган-кагана Бег-тегина. Войско возглавил Ван Цзунь, командовавший военным округом Шофан¹⁰⁴.

Осенью 720 г. Ван Цзунь двинул на север конницу басмылов, базировавшуюся на Бэйтин, с востока намечалось наступление киданей и татабы. Этим войскам предписывалось захватить врасплох Бильге-кагана в его ставке. Вслед за басмылами основные силы Ван Цзуня должны были довершить разгром тюркской державы. Однако Бильге-кагана и Тоньюкука своевременно осведомили о плане Ван Цзуня, и они успели подготовиться. Тюркское войско выступило навстречу басмылам и обратило их в бегство. Тоньюкук двинулся вслед за басмылами, обошел их, внезапно взял Бэйтин и встретил отступавшего противника там, где тот рассчитывал найти убежище. Победа была полной. Зима 720/21 г. оказалась роковой для танского войска.

Той же зимой был совершен самый крупный поход восточных тюрков в Ганьсу и Восточный Туркестан. Вторжение было осуществлено двумя отрядами, одним из которых командовал Бильге-каган, другим — Тоньюкук. После овладения Бешбалыком отряд Тоньюкука двинулся на юго-восток, к Чыктыму и далее через Комул (Хами) на Ланьчжоу. Отряд Бильге-кагана через пустыню Гоби также вышел к Ланьчжоу, где оба отряда соединились и нанесли поражение уже не союзникам танской армии, а самим танским гарнизонам. Этот поход несколько раз упоминается в древнетюркских рунических памятниках. Вот как рассказывает о нем сам Бильге-каган: «Я прошел с войском, увязая в грязи, через [реку] Кёк-онг (совр. Онгин-гол. — С. К.). Семь дней [я шел] днем и ночью и пересек безводную пустыню. Я пришел на солончаковые земли. Так как добыча [выкуп]... [я достиг] Кечина (Ланьчжоу. — С. К.)»¹⁰⁵. За семь суток войско Бильге-кагана пересекло Гоби, затем прошло солончаковую пустыню Эдзин-гола и по долинам притоков этой реки, преодолев укрепления Великой стены, достигло Кечина. «В первый же день я разгромил семнадцатитысячную китайскую конницу. На второй день

¹⁰³ Cordier. Histoire. P. 454.

¹⁰⁴ Liu Mau-tsai. I. S. 225.

¹⁰⁵ Tekin. A grammar. P. 245. Тюркский текст памятников. Ср.: Hamilton. Nom de lien KCN. P. 294–303.

я [разгромил] их бесчисленную пехоту»¹⁰⁶. Так описывает Бильге-каган генеральное сражение под Ланьчжоу. Одним из героев этой битвы был Кули-чор Тардушский, сражавшийся во главе всадников-тардушей с туменом танского войска¹⁰⁷. Отряд Кули-чора Тардушского входил в войско Тоньюкука, до того штурмовавшее Бешбалык, как это видно из надписи одного из его воинов на скале Тайхир-чулу, что на р. Хойто-тамир в Центральной Монголии: «С Кули-чором Тардушским мы идем на Бешбалык, там удачлив пусть он будет!»¹⁰⁸. А другая надпись указывает и дату: «В год обезьяны, на девятый месяц... (т. е. в августе 720 г. — С. К.) мы пошли на Бешбалык, сто благословенных героев»¹⁰⁹. Герой Онгинской надписи, также, вероятно, состоявший в войске Тоньюкука, повествует: «Я достиг города Камыла (Хами. — С. К.), там остановился, взял добычу; их (китайцев. — С. К.) войско пришло. Я рассеял всех их людей [и подчинил их]. Их бег бежал. Китайцев я разбил, разгромил, уничтожил, рассеял!»¹¹⁰.

Победа над китайскими армиями в Западном крае была полной. «После сего, — пишет китайский историограф, — тукюесцы сделались страшными и покорили весь народ, бывший под державою Мочжо»¹¹¹. Новые мирные предложения Бильге-кагана в 721 г. император Сюаньцзун сразу же принял¹¹². В древнетюркских источниках нет более упоминаний о походах восточных тюрков в Джунгарию и бассейн Тарима. Лишь в надписи Тоньюкука упомянут Кордан (Хотан) как один из возможных пределов планировавшихся военных походов¹¹³. Возможно, тот же топоним упомянут в более поздней Терхинской надписи¹¹⁴.

Уйгурский каганат в Монголии

Уйгуры являются одним из древнейших тюркоязычных племенных союзов Центральной Азии, генетически связанным с позднехунскими государствами¹¹⁵. В III–IV вв. уйгуры входили в племенное объединение,

¹⁰⁶ Tekin. A grammar.

¹⁰⁷ Ibid. P. 257.

¹⁰⁸ Малов. Памятники. С. 47.

¹⁰⁹ Там же. С. 48.

¹¹⁰ Tekin. A grammar. P. 225–256.

¹¹¹ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 226.

¹¹² Кляшторный. Древнетюркские надписи. С. 40–41.

¹¹³ Clauson. Some notes. P. 127–128.

¹¹⁴ Кляшторный. Терхинская надпись. С. 90.

¹¹⁵ Ранняя история уйгурских племен разработана совершенно недостаточно. См.: Позднеев. Исторический очерк уйгуров; Радлов. Опыт словаря тюркских наречий; Gabain. Die Frühgeschichte. S. 18–32; Pulleyblank. Some remarks. P. 35–42; Hamilton. Toquz-oyuz et on-uyur. P. 23–63.

которое в китайских династийных хрониках носило название *гаогюй* (букв. «высокие телеги»). В конце V — начале VI в. один из уйгурских вождей, Афучжило, и его наследники успешно соперничали с аварами (жужанями) за власть над оазисами Таримского бассейна.

В V в. в китайских источниках появляется новое название племенного союза, куда входили и уйгурские племена, — *теле* (*tegrer). Значительная группа этих племен мигрировала на запад в степи Юго-Восточной Европы и на Северный Кавказ, но большая часть осталась в Центральной Азии. После сложения Тюркского каганата племена теле вошли в его состав, но примерно с 600 г. и до падения первого Тюркского каганата (630 г.) теле находились в состоянии почти непрерывного мятежа против своих сюзеренов. В 605 г., после предательского избиения западнотюркским Чурин-каганом нескольких сотен вождей теле, уйгурский вождь, принявший титул *иркин*, увел часть племен в Северную Монголию, где они составили обособленную орду, получившую в китайских источниках название «девять племен». В орхонских надписях они известны как токуз-огузы (букв. «девять огузов»). С 630 г. токуз-огузы выступают в китайских династийных хрониках как заметная политическая и военная сила. В 40-х гг. VII в. преобладание внутри объединения токуз-огузов окончательно перешло к уйгурам, точнее к группе из десяти уйгурских племен во главе с племенем яглакар¹¹⁶.

Вождь токуз-огузов, уйгурский эльтебер Тумиду, около 647 г. создал свое государство на севере Монголии со ставкой на р. Тола. Китайские хроники сообщают: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими [должностями]»¹¹⁷. Танский двор не признал вновь созданное государство. Более того, в 660–663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла безуспешная для Китая война. Конфликт был вскоре урегулирован мирными средствами¹¹⁸.

В начале 80-х гг. VII в. токуз-огузы потерпели поражение в боях с восточными тюрками, возродившими свое государство¹¹⁹. Часть токуз-огузских племен, не желая примириться с господством тюрков, ушла в низовья Эдзин-гола и поселилась, признав танский протекторат, в округах Ганьчжоу и Ланьчжоу (Ганьсу). Впоследствии, после 843 г., эта группа

¹¹⁶ Об этом имени и его формах в китайских, тюркских, иранских и хотано-сакских текстах см.: *Кляшторный*. Древнетюркская руническая надпись. С. 159–164; *Müller*. Uigurische Glossen. S. 310–311; *Pelliot*. A propos des Comans. P. 142; *Bailey*. Khotanese Buddhist texts. P. 17; *Hamilton*. Ouighours. P. 160.

¹¹⁷ *Маливкин*. Тактика Танского государства. С. 118.

¹¹⁸ Там же. С. 117–120.

¹¹⁹ *Кляшторный*. Древнетюркские памятники. С. 31–34.

уйгурских племен составила ядро уйгурского Ганьчжоуского княжества¹²⁰. В 727 г. часть токуз-огузов, спровоцированная на мятеж действиями китайского наместника, вынуждена была бежать в Монголию под власть тюрков. Именно из этой группы племен выдвинулись впоследствии вожди нового Уйгурского каганата¹²¹.

В 744–745 гг. объединенные силы уйгуров, басмылов и карлуков сокрушили Восточнотюркский каганат. В 746–747 гг. уйгуры нанесли поражение своим союзникам и подчинили басмылов. Карлуки большей частью бежали в Семиречье и Джунгарию, где после 766 г. заняли первенствующее положение среди западнотюркских племен. События, связанные с образованием Уйгурского каганата в Монголии, подробно излагаются в двух древнеуйгурских рунических памятниках — Терхинской надписи (около 556 г.)¹²² и надписи из Могон Шине-усу (около 760 г.)¹²³. Обе надписи написаны от имени Элетмиш Бильге-кагана, именуемого в китайских источниках Мояньчжо (747–759).

Именно в годы правления этого кагана, а также его сына и наследника Тенгри Эльтутмыш Алп Кюлюг Инги Бильге-кагана (Идигянь Мэуюй) (759–779) произошло событие, коренным образом изменившее ситуацию в Центральной Азии. В 755 г. китайский военачальник, выходец из знатного тюрко-согдийского рода Ань Лушань поднял мятеж против императора Сюаньцзуна. Армия Ань Лушаня, состоявшая главным образом из конницы тюркских федератов империи, одерживала над императорскими войсками победу за победой. Император бежал на юг, а обе столицы, Лоян и Чанъань, перешли в руки мятежников. В этот критический момент танский двор обратился за помощью к уйгурскому кагану. Уйгурская конница во главе с наследником престола нанесла поражение войскам Ань Лушаня и, получив обещанное вознаграждение, вернулась обратно, чтобы принять участие в походе против кыргызов (758). Однако междоусобица в Китае продолжалась. В 757 г. погибшего в результате заговора Ань Лушаня сменил опытный полководец, согдиец Ши Сымин, а с апреля 761 г. — старший сын последнего Ши Чаои. Северный Китай был опустошен военными действиями, императорские войска терпели неудачи, но и их противник уже не был способен одержать решающую победу. В этой обстановке любое внешнее вмешательство могло решить дело, и танский двор вновь обратился к уйгурам. С 14-тысячным отрядом уйгурский Тенгри-каган перешел границу. В ноябре 762 г. мятеж был

¹²⁰ *Pulleyblank*. Some remarks. P. 38–39.

¹²¹ *Ibid.*

¹²² *Кляшторный*. Терхинская надпись. С. 82–95.

¹²³ *Ramstedt*. Zwei uigurische Runeninschriften. S. 1–63.

подавлен, а в 763 г. Ши Чаои казнен. «Эти двое согдийцев (Ань Лушань и Ши Чаои. — С. К.) опустошили весь Китай, и только к исходу восьмого года [восстания] в стране воцарился мир», — заключает свое повествование китайский автор «Жизнеописания Ань Лушаня»¹²⁴. По справедливой оценке Р. де Ротура, восстание Ань Лушаня — Ши Чаои стало началом конца Танской империи, которая так и не смогла оправиться от потрясений¹²⁵. Решающую роль в разгроме мятежных армий сыграли уйгуры¹²⁶.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами уйгурский Бёгю-каган увозил в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения — согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне. Уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и способствовало возникновению в оазисах Восточного Туркестана своеобразной культуры и искусства, письменной традиции на тюркском и согдийском языках. Эта рукописная литература сохранила память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины. В одном из тюркских манихейских фрагментов, найденных в Турфанском оазисе, Бёгю-каган именуется «великим каганом», «мудрым уйгурским каганом», «эманацией Мани»¹²⁷. После 763 г. и почти до конца VIII в. уйгуры являлись решающей политической силой в делах Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы.

Уйгурский Бёгю-каган и овладение уйгурами Восточным Притяньшаньем

Созданию Уйгурского государства в Восточном Туркестане предшествовал длительный период тесных связей между уйгурами, переселившимися после 679 г. в Лянчжоу и Ганьчжоу (Ганьсу), и городами-оазисами на трассе Великого шелкового пути. Во главе ганьсуских уйгуров была та самая яглакарская династия, которая в 744 г. установила свою власть в Отукенской черни. В тюркских турфанских общинах хорошо помнили князя, возглавившего обратное переселение уйгуров на север после 727 г. и создавшего там в 744 г. Уйгурский каганат. Селенгинская надпись именуется основателя династии Кюль Бильге-каганом¹²⁸. Бёгю-каган унаследо-

вал не только учрежденный дедом престол, но и особые отношения с восточнотуркестанскими городами.

При Бёгю-кагане уйгурское влияние в Восточном Притяньшанье приняло форму открытого протектората, который, однако, не исключал ни китайского присутствия, ни автономии оазисных государств и кочевых племен. Степень возрожденного политического влияния Уйгурского каганата помогают уточнить только тюркские манихейские и буддийские тексты из Турфана; китайские нарративные источники по понятным причинам о нем умалчивают.

Тюркский манихейский текст ТМ-301, опубликованный А. Лекоком, датирован временем, когда «снаружи», т. е. за пределами Кочо, в степи, правил Эльгутмыш Улуг Бильге Тенгри-[каган], т. е. Бёгю-каган. А «его возлюбленным сыном» назван «правитель города Кочо» иль-огеси Тюзлюг-бег¹²⁹. Ныне издан еще один документ — буддийская вотивная надпись на стеле из монастыря в Тойоке, в которой донаторы называют своими покровителями «нашего божественного Бёгю-тенгрикена» и «правителя Кочо» Тюзлюг-бега. Надпись датируется 767–780 гг.¹³⁰

Таким образом, с первых лет правления уйгурского Бёгю-кагана, еще до принятия им манихейства, тюркские манихейские и буддийские общины Турфанского оазиса признали его своим покровителем. Один из текстов, найденных в Кочо, сообщает, что власть кагана простирается «от Сачиу (Дуньхуана) на востоке до Нуч-Барсхана на западе»¹³¹. По всей вероятности, и здесь речь идет о покровительстве тюркским манихейским и буддийским общинам в Дуньхуане, Таримском бассейне и в какой-то части Семиречья. Вскоре после 767 г. государем Кочо стал сын или вассал Бёгю-кагана, которого тот именуется «возлюбленным сыном».

Терхинская надпись — первый из известных памятников уйгурских каганов из династии Яглакаров¹³². Он создан вскоре после 753 и до 756 г., при правлении фактического основателя Уйгурского каганата Элетмиш Бильге-кагана. Содержащиеся в нем сведения относятся к начальным годам существования каганата, они фиксируют военные и политические меры, принятые Элетмиш Бильге-каганом и его ближайшим окружением для укрепления безопасности рубежей и расширения зоны влияния нового государства. К числу такого рода военно-политических акций относятся и те, о которых сообщает четырнадцатая строка Терхинской надписи¹³³.

¹²⁴ Rotours. Histoire de Ngan-Lou-chan. P. 352.

¹²⁵ Ibid. P. 2; Lévy. Biography of An Lushan; Pulleyblank. Background.

¹²⁶ Некоторое отражение описываемые события получили в открытом в 1969 г. в пустыне Гоби тюрко-согдийском памятнике. См.: Кляшторный, Лившиц. Сэврэйский камень. С. 106–112.

¹²⁷ Müller. Uigurica. II. S. 95; Chavannes, Pelliot. Un traité manichéen. P. 213.

¹²⁸ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften. S. 13.

¹²⁹ Le Coq. Türkische Manichaica. 3. S. 43.

¹³⁰ Tekin. Die uigurische Weihinschrift. S. 228–229.

¹³¹ Müller. Ein Psalmenbruchstück. S. 26.

¹³² Кляшторный. Терхинская надпись.

¹³³ Там же. С. 91–92.

(14) «...buny jaratyγma Bilge Qutluγ tarqan seγün bunča, bodunyγ atyn jolyn jaγma lun čysy (вар.: čiši) eki jarytdy Qutluγ Bilge seγün Urušu qutluγ tarqan seγün eki jor (15) jarlyqady».

(14) «Тот, кто соорудил этот (памятник), Бильге Кутлуг таркан-сенгун, столь многие народы со славой (победил): [против] ягма и лум чышы двоих послал. Кутлуг Бильге-сенгуну и Урушу Кутлуг-таркан-сенгуну, тем двоим — “Идите!” (15) — он повелел».

В следующей строке следует перечень вождей, подчинившихся после этого похода уйгурскому кагану. Названы главы (*baš*) байарку, ягма, китайцев, согдийцев. Непосредственную инициативу похода приписывает себе автор Терхинской надписи, сын и наследник Элетмиш Бильге-кагана Бильге Кутлуг таркан-сенгун, будущий Бёгю-каган.

Определение направления и конечных пределов похода двух уйгурских военачальников, состоявшегося в 753–756 гг., зависит от интерпретации двух наименований — ягма и лум чышы.

Тюркский этноним *ягма*, известный прежде всего по двум персидским географическим сочинениям — анониму «Худūd ал-‘Алам» (X в.) и «Зайн ал-ахбар» Гардизи (XI в.), — упоминается в рунической письменности впервые. Согласно «Худūd ал-‘Алам», ягма объединили многочисленные племена, обитающие между токуз-огузами на востоке, кочевьями карлуков на западе и притоками «реки Кучи» на юге, т. е. на той части территории Восточного Тянь-Шаня, что расположена к северу от Кучи и Карашара. На западе ягма контролировали округ и город Кашгар. В X в. правящий род ягма был ветвью правящего рода токуз-огузов, и некоторые их роды жили тогда смешанно с токуз-огузами, на одной территории¹³⁴. Гардизи, чьи источники в данной части его труда восходят к середине VIII в.¹³⁵, называет ягма «богатыми людьми, владеющими большими табунами лошадей», живущими в стране протяженностью «в один месяц пути»¹³⁶. Оба сочинения сообщают о непрерывных стычках ягма с карлуками и кимаками, об их зависимости от западнотюркских каганов. Последнее обстоятельство датирует источники информации авторов обоих сочинений, поскольку Западнотюркский каганат распался в 766 г. Тем самым время похода двух уйгурских военачальников в страну ягма совпадает со временем, когда источники фиксируют расселение ягма на обширной территории предгорий Восточного Тянь-Шаня. Такое направление похода вполне оправдывает совместное поименование в числе единовременно подчинившихся «народов» (пятнадцатая строка Терхинской надписи)

¹³⁴ Klyashtorny. The Terkhin inscription. P. 95–96, 277–281.

¹³⁵ Cseglédy. On the numerical composition. P. 257–267.

¹³⁶ Бартольд. Извлечение. С. 45–46.

байарку, ягма, китайцев, согдийцев — все они принадлежали к числу основного населения горно-степных пастбищ Восточного Тянь-Шаня и расположенных в его предгорьях городов и селений Таримского бассейна¹³⁷.

Обозначение *лум чышы* осталось не понятым нами в цитированных публикациях надписи. Значение второго компонента словосочетания устанавливается без особого труда — это стандартная тюркская транскрипция китайского титула *чыши* «правитель округа». Вне пределов собственно Китая титул *чыши* носили правители «малых округов», созданных специально для «варваров», т. е. для вождей и правителей зависимых от империи племен и владений. Поскольку театром военных действий был Восточный Туркестан, очевидно, что речь идет об одном из зависимых от империи Тан вождей или правителей региона. В китайских описаниях Западного края¹³⁸ такой владетель назван — государи Карашара, вассалы империи, которым был пожалован китайский титул *чыши*, носили родовое имя Лун. Передача зафиксированного в тюркском тексте тохарского *lum* через *лум* с заменой конечного *-ит*, невозможного для среднекитайского, на наиболее близкое *-ун* вполне закономерна (консультация С. Е. Яхонтова).

Карашар (санскр., тох. Агни, кит. Яньци) в I тыс. н. э. был одним из важнейших оазисных государств Таримского бассейна, наряду с Кучой и Гаочаном (Турфаном) контролировал широтную и меридиональную ветви Великого шелкового пути и южные склоны Восточного Тянь-Шаня с их обильными водотоками и пастбищами. Местная тохарская династия Лум, впервые упомянутая китайскими источниками в связи с событиями начала IV в., ослабленная в 30–40-х гг. VII в. войнами с Гаочаном и внутренними неурядицами, в 645 г. после вторжения в Карашар армии Тайпзуна, признала вассальную зависимость от Танской империи. В годы правления Шаньюань (674–675), когда Карашар был под властью тибетцев (670–693), императорское правительство подтвердило эдикт 661 г., по которому в Яньци было создано наместничество (дудуфу). Однако на территории Карашара не были учреждены округа (чжоу), что предопределило сохранение за владетелем Яньци прежнего титула *чыши*. Обе танские династийные истории отмечают, что до конца правления Тяньбао (742–755) владетель Яньци выражал двору вассальную покорность. Восстание Ань Лушаня заставило танский двор в 756–758 гг. после нового вторжения тибетцев в Ганьсу, вывести оттуда имперские гарнизоны. Однако в Западном крае, в Аньси (Куче) и Бэйтине (Бешбалыке), еще располагались и оказывали упорное сопротивление тибетцам имперские войска¹³⁹.

¹³⁷ Henning. Argi and «Tocharians». P. 553, 558.

¹³⁸ Chavannes. Documents. P. 110–114.

¹³⁹ Китайские сведения о Карашаре см.: Бичурин. Собрание сведений. Т. 2. С. 255–256, 294–296; Chavannes. Documents. P. 110–114.

Именно этой сложной обстановкой и воспользовались уйгуры. Подчинив около 756 г. тюркские племена Восточного Тянь-Шаня и установив сюзеренитет над Карашаром, они поддерживали китайские гарнизоны в Куче и Бешбалыке против тибетцев и взяли под свой контроль все северные ветви Великого шелкового пути и расположенные вдоль него богатейшие оазисные государства. Таков непосредственный исторический контекст упомянутого Терхинской надписью западного похода двух уйгурских военачальников, о котором до сих пор не было известно.

В 80-х гг. VIII в. отношения между правящей верхушкой Уйгурского каганата и населением Восточного Притяньшанья резко ухудшились. Вот свидетельство «Цзютаншу»: «Первоначально Бэйтин и Аньси для представления докладов ко двору (для посылки торговых караванов. — С. К.) пользовались дорогой, идущей через Уйгурское государство. Поэтому и подчинялись (уйгурам). Варвары были жадны и свирепы, в своих требованиях не знали предела. Бэйтин находился близко к варварам. Они брали силой одежду, пищу, другие ценности, у людей ничего не оставалось для жизни. Кроме того, более 6 тыс. аилов шато были тесно связаны с Бэйтином и также находились в подчинении у уйгуров. Уйгуры по своему произволу грабили их, и народ выражал недовольство»¹⁴⁰. А вот как выглядела ситуация с уйгурской точки зрения: «[Подданные], согласившись с негодными караванными грабителями, стали недоплачивать дань» (Карабалгасунская надпись, китайская версия, XVII)¹⁴¹.

Недовольство в таримских городах вызвал и антиманихейский переворот в Ордубалыке. В 779 г. уйгурский Бёгю-каган стал жертвой мятежа в своей ставке. Мятеж возглавил самый влиятельный его сановник и отдаленный родственник Тон бага-таркан. В Терхинской надписи он именуется «глава внутренних буюруков Ынанчу бага-таркан». Тон бага-таркан возглавлял антиманихейскую оппозицию при уйгурском дворе и пользовался поддержкой Китая. В числе убитых кроме Бёгю были два его сына, ближайшие советники и множество согдийцев, в том числе и манихейские вероучители из окружения кагана. Сам Тон Бильге-таркан был провозглашен Алп Кутлуг-бильге-каганом (780–789). К власти пришла боковая ветвь династии Яглакаров, и ближайшие наследники Алп Кутлуг Бильге-кагана — Кюлюг Бильге-каган (789–790) и Кутлуг Бильге-каган (790–795) — продолжили политику отца и деда¹⁴².

Договорные принципы союза и протектората, благодаря которым Бёгю-кагану удалось утвердиться в Таримском бассейне, были нарушены. Выго-

дам торговли новые уйгурские каганы предпочли прямое налоговое ограбление согдийских и тюркских общин в притяньшаньских городах, где манихейство тогда было едва ли не господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские общины являлись главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до собственно Китая. Частью этой трассы был путь через Ордубалык, закрытый Алп Кутлугом.

Последствия не заставили себя ждать. Как сообщает «Цзютаншу», «карлуки и туцзюэ в белой одежде (манихеи. — С. К.) жили в согласии с уйгурами, но также жаловались на их грабежи. Тибетцы с помощью дорогих подарков подкупили и завлекли их, и они присоединились к тибетцам. И тогда тибетцы во главе карлуков и [тюрков] в белой одежде в предшествующем году (788–789. — С. К.) вторглись в район Бэйтина. Главный министр уйгуров Иль Угеси возглавил войска для оказания помощи. Потерпел несколько сильных поражений. Тибетцы атаковали и прочно обложили (Бэйтин). Жители Бэйтина страдали от уйгуров и в этом году (в 790-м. — С. К.) всем городом сдались тибетцам. Шатоские племена также сдались»¹⁴³. Вместе с уйгурами бежали их китайские союзники. Новое уйгурское войско численностью 50–60 тыс. человек осенью 791 г. попыталось изменить неблагоприятное развитие событий, но также потерпело поражение. После этого поражения карлуки, союзники тибетцев, захватили уйгурские кочевья по р. Ступы в Северо-Западной Монголии, и уйгуры эвакуировали последний свой форпост на западе — Турфанский оазис¹⁴⁴.

Неудачи не прошли бесследно для каганской ставки — Кюлюг Бильге-каган в смутной обстановке был убит своим младшим братом, который и сам погиб в ходе мятежа. Продолжалась тяжелая война с тибетцами и карлуками, ход которой неясен. Уйгуры известили танский двор о своей победе под стенами Бешбалыка (осень 791 г.), но правдивость этого сообщения оспаривается¹⁴⁵. В 795 г. к власти в Ордубалыке пришла новая, Эдизская династия. Каган Алп Кутлуг (795–805) круто изменил западную политику своих предшественников.

В 795 г. в Ордубалыке во всех правах было восстановлено «учение света», и манихейский пресвитер вновь сделал своей резиденцией столицу каганата. Будучи по происхождению представителем Эдизской династии, каган принял «прозвание Иологэ [Яглакар]»¹⁴⁶, отождествив себя тем самым с прежней династией. Нанеся поражение кыргызам, каган, как

¹⁴⁰ Цит. по: *Малаякин. Уйгурские государства*. С. 138.

¹⁴¹ *Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках*. С. 25.

¹⁴² *Кляшторный. Тэсинская стела*. С. 83–84.

¹⁴³ Цит. по: *Малаякин. Уйгурские государства*. С. 138–139.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 141–143.

¹⁴⁶ *Бичурин. Собрание сведений*. Т. 1. С. 330.

сообщает Карабалгасунская надпись, вернул под свою власть Бешбалык и Кучу. Тибетцы и карлуки были разгромлены, уйгурское войско дошло до Ферганы¹⁴⁷.

Хронология описанных событий неясна. Племена шато вернулись под власть уйгуров около 797 г. Согласно изданному А. Лекоком уйгурскому манихейскому тексту, «божественный уйгурский Букуг-каган прибыл в Кочо, и в год Овцы он посоветовался с можаком относительно назначения трех махистаков [в его государстве]»¹⁴⁸. Как теперь ясно, «год овцы» соответствует 803 г., а Букуг-хан тождествен «небесному кагану» Алп Кутлугу, герою Карабалгасунской надписи¹⁴⁹. Союзные и договорные отношения с главой манихейской церкви на Востоке после 15-летнего перерыва были возобновлены, вновь стала эффективной уйгурская власть над оазисами Тарима. По всей вероятности, были урегулированы споры о налогах и поборах и, по словам Карабалгасунской надписи, каган повелел подданным «заниматься [своими обычными] делами»¹⁵⁰. «Тюрки в белых одеждах», тюркские манихейские общины Восточного Притяньшанья вновь приняли покровительство и власть каганов из Ордубалыка. Согласно колофону¹⁵¹ «Махр-намака» (этот сборник манихейских гимнов на среднеперсидском языке был составлен между 808–821 гг.), в городах Таримского бассейна воцарились близкие родичи нового уйгурского кагана. Так, Яглакар Инал правил в Чинанчкенде, т. е. в Кочо, а двое других — в Карашаре¹⁵².

Уйгурское государство Кочо в Восточном Туркестане

В 840 г. после жестоких междоусобиц Уйгурский каганат рухнул. Тера по пути отставших и отчаявшихся, остатки 15 племен токуз-огузов во главе с Яглакаром Панле-тегином (будущим Менглик-каганом)¹⁵³, оставив родину енисейским кыргызам, пришли в Восточное Притяньшанье, на свои прежние пограничные земли. Менглик-каган, претендуя на верховную власть, занял Кучу. Очевидно, общее руководство было вскоре утрачено, но сильнейшая уйгурская группа укрепились в Бешбалыке. Ее

¹⁴⁷ Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках. С. 25. Автор главы разделяет точку зрения В. Хеннинга по поводу даты Карабалгасунского памятника и относит выбитые на нем надписи к 805–806 гг.

¹⁴⁸ *Le Coq*. Manichäische Buchfragment. S. 147.

¹⁴⁹ *Moriyasu*. Qui des Öügours. P. 198–199.

¹⁵⁰ Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках. С. 25.

¹⁵¹ Колофон относится к годам правления уйгурского кагана Баои (808–821).

¹⁵² *Moriyasu*. Qui des Öügours. P. 198–199.

¹⁵³ *Hamilton*. Öügours. P. 142.

вождь Буку Чин в 866 г. «захватил Сичжоу (Турфан. — С. К.) и подчинил все племена»¹⁵⁴. Разгромив тибетцев, Буку Чин стал господином положения во всем Восточном Притяньшанье. Так было положено начало новому уйгурскому государству Кочо, первой столицей которого был Бешбалык.

О раннем периоде истории княжества Кочо в источниках нет достаточной информации. Отдельные сведения о «стране тугузгузов» содержатся в упоминавшемся выше сочинении Гардизи «Зайн ал-ахбар»¹⁵⁵. Некоторые сведения о стране и ее населении дает отчет сунского посла Ван Яньдэ, посетившего Кочо в 981–983 гг.¹⁵⁶ Небольшой раздел об «области тугузгузов и ее городах» имеется также в упоминавшемся географическом сочинении «Худūd ал-'Алам». Лишь немногие фрагменты древнеуйгурских текстов имеют историографическое значение.

В указанных мусульманских историко-географических трудах соседями уйгуров названы Китай (Чин) на востоке, на юге и юго-западе — Тибет и карлуки, на западе и на севере — кыргызы и кимаки. Столицей государства является Чинанджкет (Кочо), а летней ставкой «царя» — Банджикет (Бешбалык). Страна тугузгузов, по «Худūd ал-'Алам», — наиболее обширная и густонаселенная среди других областей тюрков, а жители ее — в основном кочевники, чье главное достояние — «овцы, коровы и лошади» и охотничья добыча. Вместе с тем источник упоминает два города и пять больших селений¹⁵⁷.

По сообщению Гардизи, первой столицей «хакана» — «царя тугузгузов» — был Арк¹⁵⁸, т. е. Карашар, а Пенджикент (Бешбалык) — лишь одним из городов страны. В результате кровопролитной войны между правителем Пенджикента и хаканом к власти пришла бешбалыкская ветвь династии. В целом страна описывается как земледельческая, с развитым виноградарством и виноделием, со многими городами и селениями. Однако сами тугузгузы, точнее та их часть, которую источник называет «простоим народ», «весь состоит из степняков, живущих в шатрах». Даже в качестве штрафа взимается «крытый шатер из нового войлока». Сам хакан живет во дворце, «низком строении», полы которого устланы войлоком, прикрытым китайской парчой. Одежда правителя, однако, шита не из шерсти и кож, а из шелка и хлопчатой ткани, которую носит «народ». Очевидно, что переход пришедших из Монголии племен к оседлости произошел не сразу и не повсеместно.

¹⁵⁴ *Малевкин*. Уйгурские государства. С. 143–159.

¹⁵⁵ Ниже «Зайн ал-ахбар» цитируется по переводу В. В. Бартольда (*Бартольд*. Извлечения. С. 41–62); о ранних источниках Гардизи см.: *Czeglédy*. Gardizi on the history. P. 257–267.

¹⁵⁶ *Малевкин*. Материалы по истории уйгуров. С. 87–91; *Julien*. Les Öügours. P. 50–56.

¹⁵⁷ *Hudūd al-'Ālam*. A Persian geography. P. 94–95.

¹⁵⁸ В соответствии с вариантом чтения, предложенным В. В. Бартольдом, — Азал.

Не произошла в первые десятилетия после переселения и смена веры: и сам хахан, и назначаемые им правители, и их многочисленное окружение были динаверийцами, т. е. манихеями. Так, перед дворцом правителя Чинанджжета, т. е. бека Кочо, «ежедневно собираются 300 или 400 человек из динаверийцев, громкими голосами читают сочинения Мани». Вместе с тем упоминается, что «в городе и владениях есть христиане, зороастрийцы и буддисты»¹⁵⁹.

Описываемая система управления не отличается от той, что сложилась в Уйгурском каганате в Монголии. Государь является не только верховным правителем, но также верховным судьей и верховным военачальником. В походе его сопровождает гвардейский тумен тяжеловооруженных копейщиков¹⁶⁰. Личность правителя была, по всей вероятности, сакрализована. Он редко показывался народу, всегда окруженный блестящей свитой и стражей, облаченный в одежды из парчи, увенчанный золотой диадемой, перепоясанный золотым поясом. Народ падает на колени не только перед хаханом, но даже перед его конем, когда того выводят из дворца. Высшим правительственным органом был совет «девяти везиров»¹⁶¹. О нем известно и из ранних источников. В «Синьтан шу» упоминаются «шесть внешних и три внутренних министра» уйгурских каганов¹⁶². Более четко характеризует данный институт Терхинская надпись, согласно которой кагана окружали девять «великих буюруков» — «внутренних» и «внешних», причем и те и другие имели своего «главу»¹⁶³. Одновременно буюруки командовали войском кагана. Отмечены случаи, когда реальная власть полностью переходила к одному из «великих буюруков», а в двух случаях, в 780 и 795 гг., они смещали каганов и сами занимали престол. Однако престиж династии Яглакаров в VIII–IX вв. был еще столь высок, что даже в случае, когда узурпатор был из другого племени, он принимал династийное имя прежнего правящего рода.

Немногие сохранившиеся фрагменты некоторых колофонов манихейских и буддийских уйгурских памятников позволили установить, что уйгурские государи Кочо, очевидно, через какое-то время после завоевания, перестали именовать себя каганами или ханами. Их полный титул восстанавливается как *arslan bilge tengri ilig yduq-qui*¹⁶⁴. Не исключено, что слово *арслан* «лев» осознавалось позднее как родовое имя турфанской династии. Во всяком случае, имя Яглакар встречается только у кага-

нов уйгурского Ганьжоуского княжества и последний раз упоминается около 1000 г.¹⁶⁵

Другим сокращенным вариантом титула государя турфанских уйгуров, полностью сакрализованным, было поименование *yduq-qui tengriken*¹⁶⁶. Судя по некоторым соответствиям, именно титул *тенгрикен* — «божественный, богоподобный» заменял титул *хан* и был сравним с ним. Династия турфанских Арсланидов, утратив самостоятельность, сохранила власть, мирно подчинившись Чингис-хану и его наследникам. Последним турфанским владельцем, носившим титул идикут, был Токлуг-Тэмюр (1347–1365)¹⁶⁷.

Если полагаться на сведения «Сунши» о «гаочанских уйгурах», то еще в 965 г. их владетель именовался каганом. Во главе посольства в императорскую столицу Кайфэн он поставил тогда буддийского монаха, а в дар преподнес зуб Будды¹⁶⁸. Очевидно, это одно из первых косвенных свидетельств о смене веры в государстве Кочо.

В 981 г. произошло первое изменение в титуле владетелей Кочо. Один из них «впервые наименовал себя племянником китайского императора, львиным царем Арслан-ханом области Сичжоу»¹⁶⁹. Здесь фиксируется попытка упредить отношения с Сунской империей и новое династийное имя хана. Остается неясным, было ли появление нового имени и последующее исчезновение титула хан связано со сменой династии. В отчете сунского посла Ван Яньдэ Кочо описано как процветающее государство, где даже бедняки едят мясо, а знать не ведает счета конским табунам. Важное место в хозяйстве принадлежит орошаемому земледелию, обработке металлов, другим ремеслам. Совсем нет упоминаний о военном потенциале страны, сообщается лишь о любви жителей к верховой езде и стрельбе из лука. Об упорядоченном делопроизводстве свидетельствует существование специального здания государственного архива. Ближайшим вельможей хана, управлявшим делами в его отсутствие в столице, был дядя владетеля, занимавший пост «главного министра» (*ана öge*). Совершенно определенно сообщается о возвышении буддизма и упадке манихейства, которое связывалось только с «персидскими монахами»¹⁷⁰.

Информацией Ван Яньдэ исчерпываются сведения о ранней истории государства Кочо. Хозяйственный и культурный подъем княжества достиг апогея несколько позже и вполне определился к началу XIII в.

¹⁵⁹ Бартольд. Извлечение. С. 52–53.

¹⁶⁰ В Терхинской надписи они названы *тургак* — «стража».

¹⁶¹ Бартольд. Извлечение. С. 52.

¹⁶² Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 305.

¹⁶³ Кляиторный. Терхинская надпись. С. 90–92.

¹⁶⁴ Arat. Der Herrschertitel. S. 155.

¹⁶⁵ Hamilton. Ouïghours. P. 144.

¹⁶⁶ Arat. Der Herrschertitel. S. 155.

¹⁶⁷ Ibid. S. 153.

¹⁶⁸ Малявкин. Материалы по истории уйгуров. С. 88.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же. С. 88–89.

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (КОНЕЦ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. — I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н. Э.)

Социальная зависимость является исторически наиболее важным проявлением социальных взаимодействий, охватывает все их формы, обусловленные принадлежностью к экономическим, политическим, религиозным и другим системам (в рамках структурно-функциональных связей), и в не меньшей мере касается зависимостей, вытекающих из моральных, установленных обычаями норм, регулирующих социальные отношения. Наиболее развитую и прогрессивно-усложненную структуру социальных зависимостей порождает государство.

Классовая природа государств древнейших цивилизаций с развитыми социальными структурами изучена достаточно полно и порождает для исследователей меньше неопределенностей, нежели классовая природа государственных образований, возникавших на их периферии, в которых отсутствуют четкие формы социальной зависимости. Существующие здесь социальные отношения и порожденные ими формы эксплуатации как бы размыты, сглажены или деформированы сохранившими свою актуальность институтами предшествующей формации и воздействием генетически не присущих раннеклассовому обществу норм и процессов, существующих в исторически более развитых государствах.

Сказанное в полной мере относится к одному из обширнейших регионов Старого Света — Центральной Азии, где в конце II — начале I тыс. до н. э. сложился хозяйственно-культурный тип экстенсивного кочевого скотоводства, определивший на несколько тысячелетий историческую судьбу степной зоны Евразии¹.

В начале I тыс. до н. э. племена, населявшие Центральную Азию, создали кочевническую культуру скифского типа. Они освоили металлур-

гию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и верховую езду. Жилищем им служила полусферическая кибитка с коническим верхом, которую при перекочевках укрепляли на большой повозке. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы раскопками на Алтае, в Монголии так же хорошо, как и в Причерноморье².

Черты скифской культуры Центральной Азии, восстановленные по археологическим материалам, мало дополняются письменными источниками. Возможно, сами кочевники уже тогда, в VI–IV вв. до н. э., знали письмо, как о том свидетельствует загадочная надпись на серебряном сосуде из скифского погребения в Иссыке (V–IV вв. до н. э.)³. Однако поиски памятников этой предполагаемой скифской письменности, как и ее дешифровка, — дело будущего. Пока же немногие свидетельства о тогдашнем населении Центральной Азии сохранились лишь в китайской письменной традиции.

Ранние рассказы о «северных варварах» собрал в своих «Исторических записках» Сыма Цянь (135–67 гг. до н. э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, не систематизированы, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах. Кочевники, населявшие Монголию в VII–VI вв., именуются Сыма Цянем *жун* и *ди*; позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *шаньжуны* (горные жуны) и *дунху* (восточные «варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских государств, то сражаясь с ними, то присоединяясь к союзам воюющих друг с другом царств и получая за это вознаграждение⁴.

Сыма Цянь ярко описывает «варварский» образ жизни и общественное устройство северных племен. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и, хотя нередко собиралось свыше ста [племен] жунов, они не сумели объединиться в одно целое»⁵. Источники отмечают, что жуны и дунху сеяли просо, но главным их занятием было кочевое скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и спосо-

¹ О понятии «хозяйственно-культурный тип» см.: *Левин, Чебоксаров*. Хозяйственно-культурные типы; *Марков*. История хозяйства. С. 22–25. О формах скотоводческого хозяйства в Центральной Азии см.: *Вайнштейн*. Историческая этнография тувинцев. С. 11–37.

² *Грач*. Древние кочевники; *Руденко*. Культура населения.

³ *Акишев*. Курганы Иссык.

⁴ *Бичурин*. Собрание сведений. Т. 1. С. 39–45; *Таскин*. Материалы. С. 34–37.

⁵ *Таскин*. Материалы. С. 36.

бен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейших до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают. Войну ставят важным делом»⁶.

Трудно нарисовать более выразительную картину жизни родоплеменного общества, не знавшего классового расслоения. По словам китайского историографа, у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям. — С. К.), руководствуясь искренностью и преданностью»⁷. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. Но даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах «варварской» конницы, а иногда перенимали одежду и оружие своих противников.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403–221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (хуннов) и юэчжи, а о дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н. э. китайцы впервые называют хуннов своими противниками; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом; за это время в составе объединения хуннов оказались те хуннские племена, которые прежде были независимыми. На западе соседями хуннов были юэчжи — восточноскифские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на скалах ущелья Цаган-гол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

В последние десятилетия III в. до н. э. союз хуннских племен, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного

варварского государства. Основатель хуннской державы Маодунь в ходе победоносных войн сумел принудить Ханьскую империю не только признать ее суверенитет, но и уплачивать ежегодную дань. В 203–202 гг. до н. э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея; в 174–165 гг. до н. э. его наследник Лаошан, одержав над юэчжи победу и вытеснив их в Среднюю Азию, установил контроль над богатыми городами — оазисами бассейна р. Тарима.

Социальный строй Хуннского государства до настоящего времени остается предметом дискуссии. По мнению А. Н. Бернштама, уже при Маодуне оформились основные военно-демократические институты, существование которых все сильнее опосредствовалось развивающимся рабовладельческим укладом⁸. Л. Н. Гумилев определил общественный строй, сложившийся при первых хуннских шаньюях, как «геронтократию — власть старейшин в роде», а Хуннскую державу — как «родовую империю»⁹. К I в. н. э. этот родовой строй, по мнению Л. Н. Гумилева, преобразовался в орду — военную демократию, да и то только для части хуннского общества — «северное Хунну» из родовой державы превратилось в военно-демократическую¹⁰. Таким образом, по мнению Л. Н. Гумилева, развитие Хуннского государства происходило в рамках первобытнообщинного строя.

Государство хуннов, выросшее из военной демократии хуннских племен V–IV вв. до н. э., сложившееся в жестокой борьбе с соседними племенами, союзами племен и китайскими царствами, государство, цель которого его создатели и их преемники видели в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми земледельцами)¹¹, — такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах.

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли Сыном Неба и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий хуннский шаньюй»¹². Его власть определялась его функциями и правами: а) правом распоряжаться всей территорией, принадлежавшей хуннам, и функцией охраны этой терри-

⁸ Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 51–54.

⁹ Гумилев. Хунну. С. 82.

¹⁰ Там же. С. 215.

¹¹ Таскин. Материалы. С. 43, 46.

¹² Там же. С. 45.

⁶ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 142–143.

⁷ Таскин. Материалы. С. 123.

тории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи.

Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонение восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне»¹³. Шаньюю окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решение всегда принималось шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т. е. западный и восточный) «мудрые князья», сыновья или ближайшие родственники шаньюя. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крылом армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией, — все они носили различные титулы и именовались «начальниками над десятью тысячами всадников» (темниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частью империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темников назначал сам шаньюй. Он же выделял для управления каждому темнику территорию вместе с ее населением; любое перемещение населения без приказа шаньюя строго запрещалось. Наибольшее значение для определения статуса военачальника, его власти и силы имела не территория, а именно численность ее населения. Число в 10 тысяч воинов, находившихся под командой темников, было условным. Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 военачальников имел от 10 тысяч до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений темник подобно шаньюю назначал тысячников и десятников, отводил им землю вместе с кочующим на ней населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, права выбора — власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение в период полного ослабления Хуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый хунн считался воином, и малейшее уклонение

¹³ Таскин. Материалы. С. 40.

от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Каждый с детства и до самой смерти был приписан к строго определенному воинскому подразделению и сражался под командованием своего темника.

Вместе с тем военно-административный характер организации хуннов отнюдь не уничтожил родо-племенные отношения. Верхушку хуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными союзами (мужчины любого из этих родов брали себе жен из трех других знатных родов). Шаньюй мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в хуннском обществе немаловажную роль, причем на низшей ступени иерархической лестницы находились покоренные племена, адаптированные в хуннской родоплеменной системе. Еще ниже них стояли покоренные племена, не включенные в состав собственно хуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации.

Высшие посты в системе управления государством занимали, как правило, представители четырех аристократических родов. Трижды в год они съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — для «подсчета и проверки количества людей и домашнего скота»¹⁴.

Все участники этих совещаний были родичами или свойственниками шаньюев.

Таким образом, правящая элита Хуннской империи сложилась из родоплеменной знати. Отношения родства определяли социальное положение и политическую роль каждого, кто принадлежал к высшим слоям хуннского общества. Вместе с тем хуннская знать, сохраняя внутривидовые и внутривидовые связи, выступала и как патриархальная верхушка общества, связанная кровно с другими соплеменниками.

Военная структура хуннского общества, завоевательные походы и набеги, управление покоренными племенами и странами открывали перед хуннской знатью широкие возможности для приобретения материальных благ за счет эксплуатации зависимого или подвластного населения. Основными формами эксплуатации оставались военный грабеж, контрибуция и дань. Естественно, что внутри хуннского общества практиковались иные формы эксплуатации, которые определялись неизменными способами хозяйственной деятельности и застойными социальными отношениями. Именно военный характер приобретения материальных благ, не производимых в самом хуннском хозяйстве, вынуждал верхние слои общества

¹⁴ Таскин. Материалы. С. 40.

к сохранению родоплеменных традиций, сплачивающих общество и определяющих военную мощь государства, к предельному сохранению консерватизма в отношении уже сложившихся социальных институтов, к сдержанности в использовании возможностей эксплуатации соплеменников. Всякое усиление социального расслоения и отчуждения в собственном хуннском обществе неизбежно влекло за собой ослабление военной мощи государства, а вслед за тем — отпадение покоренных племен, военные поражения, прекращение притока продуктов, поставляемых в виде дани, и в конечном счете распад империи, ставший реальностью в первых веках нашей эры.

Таким образом, хуннское общество является примером социальной организации раннего типа, лишенной потенций внутреннего развития, в ходе которого могли бы выкристаллизоваться более определенные и развитые классовые отношения. Архаичные формы рабства и личной зависимости, возникшие на заре хуннской государственности, получили лишь незначительное развитие.

Все же было бы неосторожно полностью отрицать наличие рабовладельческого уклада в государстве хуннов¹⁵. О том, что рабовладельческий уклад существовал, хотя и недостаточно глубоко проник в систему общественных отношений, убедительно свидетельствует (на фоне общей бедности дошедших до нас сведений) сообщение, содержащееся в «Вэй люй», об одном событии после распада первого (древнего) Хуннского государства. Тогда, в 25–85 гг. н. э., в Северный Китай, на земли от Шачжоу до гор Хэланьшань, переселились племена *цзылу*, которые насчитывали несколько десятков тысяч человек. Источник сообщает: «*Цзы* было словом, которым сюнну обозначали рабов... Они не одной расы. Среди них имеются дунху, динлины и множество цянов, которые живут вместе с ними. И это потому, что первоначально они были рабами сюнну»¹⁶.

Отсутствие достаточных свидетельств о характере производственного использования рабов в хуннском обществе и удельном весе рабского труда не позволяет определить это государство как военно-рабовладельческую державу, что уже делалось в литературе. Столь же малоубедительна и атрибуция хуннского государства как родоплеменного. Следует лишь отметить, что хунны стали создателями первого, еще очень архаичного государства кочевников Центральной Азии, внутри которого социальная поляризация не приобрела законченных форм, но все же выявила, с одной стороны, знать, основывающую свое могущество, свои привилегии и престиж на неразвитых формах эксплуатации соплеменников и

иноземных рабов, и, с другой стороны, зависимую от знати в военно-административном отношении массу лично-свободных скотоводов-кочевников. Низшим слоем общества после создания империи стали рабы-иноплеменники.

Вряд ли в настоящее время возможны значительные уточнения в определении социального характера хуннского общества; однако возникшие в его недрах социальные и политические структуры с большей полнотой проявляются и фиксируются в государствах кочевников Центральной Азии — преемников хуннов.

Становление государственности на территории Центральной Азии и Южной Сибири в раннем средневековье, через несколько веков после распада Хуннской империи, связано с образованием Тюркского каганата (первый Тюркский каганат, 551–630 гг.; второй Тюркский каганат, 681–744 гг.), традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом (745–840). Ни в этнокультурном, ни в социально-экономическом отношении не отличалось от них Кыргызское государство на Верхнем Енисее, возникшее, по всей видимости, вскоре после упадка хуннской государственности и просуществовавшее до времени монгольского завоевания. На короткий срок оно стало гегемоном всей Центральной Азии (840 г. — начало X в.)¹⁷. Единство социально-экономического строя, этнокультурное родство и сходство политической организации всех трех государств позволяют рассматривать время их существования и преобладания в Центральной Азии как относительно цельный историко-культурный период, который по названию первого из этих государств можно назвать «древнетюркское время» или «древнетюркская эпоха», подобно тому как предшествующие периоды именуются «скифским» — и «гуннским» (у С. В. Киселева — «гунно-сарматское время», у Л. Р. Кызласова «гунно-шурмакская эпоха»)¹⁸, а последующий период — «монгольским периодом»¹⁹; для соседних с Центральной Азией территорий Дальнего Востока древнетюркское время синхронно «эпохе тунгусских государств»²⁰.

Определение социальной природы древнетюркских государств, обладающих одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречиво. Так, Л. Н. Гумилев полагает, что социальный строй древнетюркского общества, заменившего племенную организацию

¹⁷ Бартольд. Двенадцать лекций. С. 19–58; Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 487–635; История Сибири. С. 266–302.

¹⁸ История Сибири. С. 227; Киселев. Древняя история Южной Сибири. С. 307; Кызласов. История Тувы. С. 79.

¹⁹ Левин, Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы. С. 130.

²⁰ История Сибири. С. 307; Грач. Хронологические и этнокультурные границы. С. 188–193.

¹⁵ Семенюк. К проблеме рабства. С. 57.

¹⁶ Chavannes. Les pays d'Occident. P. 525–526.

ордой, может быть определен как военная демократия²¹. Венгерская исследовательница И. Эчеди, напротив, пишет о родовой и племенной организации каганата²². Японский ученый М. Мори выделяет три общественных класса древнетюркского общества: класс крупных скотовладельцев (бегов), ограниченно зависимый от него класс мелких скотовладельцев (бодун) и класс рабов. Устройство каганата определяется им как феодальное, но сам феодализм понимается как политическое явление, не связанное с определенным социально-экономическим процессом²³. Л. Р. Кызласов пишет о становлении феодализма в тюркских каганатах VI–VIII вв. и расцвете феодализма в «древнехакасском государстве»²⁴, т. е. в государстве кыргызов. Л. П. Потапов сохраняет в определении социального строя каганата термин «патриархально-феодальные отношения»²⁵.

Общеизвестная скудность источников побуждает авторов работ, посвященных названной теме, руководствоваться скорее генерализованными представлениями, чем анализом очень немногочисленных и зачастую весьма неясных свидетельств, ценность которых, однако, определяется тем, что они адекватно отражают ситуацию. Это обусловлено как синхронизмом, так и обыденностью регистрируемого факта, исключающего возможность его тенденциозной переработки. Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные самим кочевым обществом. Редкую возможность проникновения в систему представлений раннесредневековых кочевников Центральной Азии открывают древнетюркские эпиграфические памятники Монголии (VIII–IX вв.) и долины Верхнего Енисея, т. е. Тувы и Хакасии (VIII–XI вв.). Наибольшую ценность в качестве исторических источников имеют надписи в честь Кюль-тегина (732) и Бильге-кагана (735), называемые также Кошоцайдамскими памятниками; оба текста написаны от имени Бильге-кагана его родичем (внуком?) Йоллыг-тегином. Вместе с надписями Тоньюкука (надпись из Баин-Цокто), Кули-чора (надпись из Ихе Хушоту), Бильге Ышбара Тамган-таркана (Онгинская надпись), которые датируются вторым десятилетием VIII в., Кошоцайдамские надписи входят в группу так называемых «орхонских памятников» и являются своего рода энциклопедией истории и культуры древних тюрков. К ним примыкают три рунические памятники уйгурской династии (50–60-е гг. VIII в.) — Терхинская надпись, Тэсинская надпись и надпись из Могон Шине Усу,

написанные от имени Элетмиш Бильге-кагана и его наследника²⁶. Особо следует отметить первый по времени древнетюркский памятник на согдийском языке, воздвигнутый около 581–582 гг. в честь Таспар-кагана²⁷.

Хотя географические и этнографические представления авторов древнетюркских текстов были достаточно широки, их социально-политическое мышление ограничивалось племенными рамками. Центром мира для них была «священная страна тюрков» — гора Отюкен, сердцевина всех древнетюркских государств Центральной Азии, а сами тюрки именовали себя «народом священной Отюкенской горы» (КТб, 23). Два акта творения — порождение людей «голубым небом» и «бурой землей» и появление тюрков «между ними обоими» — отождествлены между собой Кошоцайдамскими памятниками; перволюди (*kishi oghly* — «сыны человеческие») и составили ту тюркскую общину, над которой сразу же «воссели на царство» предки правящей династии — каганы Бумын и Истеми (по Онгинской надписи — Йамы-каган, по Терхинской — каганы Бумын, Йоллыг и Истеми). Вместе с ними возникли и другие народы (что только подразумевается, но прямо не сообщается), населяющие «четыре угла [света]», однако они были изначально враждебны тюркам, и потому тюркские каганы покорили их (КТб, 2)²⁸.

В глазах автора Кошоцайдамских памятников все человечество изначально было разделено на тюрков, имеющих свое государство (*el*) и свои установления (*törü*), и их врагов, предназначение которых — подчиниться тюркским каганам, т. е., как говорят надписи, «стать рабами и рабынями». Непокорных ждало уничтожение. Такова постулируемая политическая и социальная концепция, воплощенная в картине идеального исторического прошлого. Таковым представлялось и актуальное настоящее в столь же идеальном политическом воплощении: «Живущие по четырем углам [света] народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными себе. Все они мне подчинились!» Этими словами оценивает свои военные успехи Бильге-каган (КТб, 29–30).

Ядро политической философии памятников, в сущности, может быть сведено к одному тезису: устройство «мира людей» столь же инвариантно, как и устройство «четыреугольной» Вселенной. Его абсолютным императивом является стремление каждого народа к подчинению иноплеменников и господству над ними (или стремление к освобождению от

²¹ Гумилев. Хунну. С. 63–66.

²² Ecsedy. Tribe and Society. P. 245–262.

²³ Mori. Historical Studies.

²⁴ Кызласов. Древняя Тува. С. 53–55, 121–125.

²⁵ История Сибири. С. 280.

²⁶ Кляшторный. Терхинская надпись; Малов. Памятники; Он же. Памятники Монголии и Киргизии; Orkun. Eski türk yazitlari; Tekin. A grammar.

²⁷ Klyachtorny, Livshich. The Sogdian inscription.

²⁸ Кляшторный. Древнетюркские памятники. С. 71–77; Он же. Представления древних тюрков о пространстве.

власти иноплеменников). Поэтому все народы или господствуют над другими, или подчиняются, а отношения между ними — это отношения борьбы за сохранение господства или избавление от него.

Столь же инвариантна структура самой тюркской общины, т. е. тюркского племенного союза (*türk qara qamagh bodun* «весь целиком тюркский народ»), состоящего из отдельных племен (*bod*) и родов (*oghush*); все они политически организованы в эль. Родоплеменная организация (бодун) и военно-административная (государственная) организация (эль) взаимно дополняли друг друга. Хан «держал эль и возглавлял бодун» (Е, 45, стк. 4). Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате дани и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов — таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом, в свою очередь опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служилое сословие», т. е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!») — требует Бильге-каган, КТм, 2), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди «внимающих» им два сословия — знать и народ. В согдоязычной Бугутской надписи конца VI в. эти два сословия именуются куркапыны, т. е. «обладающие саном», и стоящие ниже их «сородичи и народ» (стк. 12). В надписях второго Тюркского каганата равноценный стереотип обращения — беги и народ (*türk begler bodun* «тюркские беги и народ»). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии древнеуйгурских рунических памятников середины VIII в.: *atlygh* «именитые» и *qara igil bodun* «простой народ».

В памятниках отчетливо проявляется двуступенчатый характер социальных оппозиций внутри регистрируемой текстами структуры «каган-беги-народ»:

каган и беги ↔ народ,
каган ↔ беги и народ.

Описываемые в надписях ситуации выявляют различия в поведении, а также различие интересов бегов и народа. Так, в Онгинской надписи

рассказывается о битве, в ходе которой «простой народ» сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя (Оа 1). Уйгурский каган Элетмиш Бильге противопоставлял интересы изменивших ему «именитых» интересам «своего простого народа», призывал отколовшиеся племена вновь подчиниться (МШУ, 17). В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот «не отделялся» от своих бегов (БК, Хб 13). Здесь проявляется та же тенденция, что и в «аристократическом фольклоре», сохраненном Махмудом Кашгарским (МК, I, с. 466):

jer basruqy tagh
bodun basruqy beg
Опора земли — гора,
Опора народа — бег.

Самая суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии-завете одного из кыргызских бегов: «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!» (Е, 10, стк. 7).

Другая оппозиция, напротив, объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Попрекая бегов и народ за былые измены, за стремление откочевать и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях Тюркского эля, требует раскаяния в прошлых проступках и постоянной верности кагану (КТм, 10–11, КТб, 6–7). В некоторых вариантах политических сентенций упомянут только «тюркский народ», «провинившийся» перед каганом (Т, 1–4), но контекст явно указывает на то, что беги не отделяются здесь от народа (КТб, 6–7, 22–24). Призывы к покорности бегов и народа кагану, к совместному противопоставлению враждебному окружению выражены орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе оппозиции, столь отчетливые в древнетюркских памятниках, оставаясь социальными оппозициями, не стали зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, составляющих общину, они отражают скорее борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомленного иноземного историографа о возвышении и гибели тюркского кагана Сулу (Сулука): «В начале (своего правления. — С. К.) Сулу хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он почувствовал скудность, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда

и подчиненные начали отделяться от него... Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его»²⁹.

Беги были высшим сословием древнетюркской общины, аристократией по крови, по праву рождения, особый статус рода которых в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли верхушку своих общин, особое, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывала идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каганы с помощью своих родичей и свойственников способны «вскормить народ». В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (553–572) сказано, что он «хорошо вскормил народ» (В II 4). Бильге-каган постоянно напоминает «слушателям», что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», «сделал богатым бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью» (КТм, 9–10, КТб, 26–27, БК, 33, 38, БК, Ха 10. БК, Хб 11–12). Бильге Тоньюкук напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, [тот] оказался бы бездельником, что за горе бы у того [народа] было!» (Т, 57).

Единство, которого требовали каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятие такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно, и богатство, добываемые путем внеэкономического принуждения, войной, угрозой войны, принадлежали бы аристократии по крови, которая, в свою очередь, выделяла бы остальной общине долю добычи и дани, установленную традицией. Свое социальное и правовое

²⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 298–299.

проявление единство общины находило в применении ко всем ее членам единого названия — *er* («муж-воин»). «Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший *er aty* «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании *bash biy er bashi* «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» (Терхин, 7) термином *er* обозначен каждый воин пятитысячного отряда. «Мужем-воином» стал по исполнению десяти лет и сын Эльтериш-кагана — Кюльтегин (КТб, 30–31).

Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с этим обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги ее героя: «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (ИХ, 18). Не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, — после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространенном варианте инициации упоминает сравнительно поздний рунический текст на бумаге (X в.) — «Ырк битиг» («Книга гаданий»): «Рассказывают: сын героя-воина (*alp er oghly*) пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал его своим посланцем. И говорят, когда он возвращается домой, то сам приходит знаменитым, радостным, со славой [мужа], достигшего зрелости. Так знайте — это очень хорошо!» (притча LV). Лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша (*er oghly*) «достигает зрелости».

Подобная же ситуация, рисующая сам обряд инициации, описана в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута». Сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, но «в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови». Речь идет не об отсутствии имени вообще (мальчика звали Басам), а об отсутствии «мужского имени». Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов; вместе с беками «пришел... дед Коркут, дал юноше имя... "Ты зовешь своего сына Басамом; (теперь) пусть его имя будет Бамси-Бейрек, владелец серого жеребца!"»³⁰.

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывавшие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего зром, «мужем-воином», т. е. полноправным членом тюркской общины.

Вместе с тем Тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра

³⁰ Книга моего деда Коркута. С. 33–34.

определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Место эра в обществе определял его титул, сан, являвшийся частью его «мужского имени», неотделимый, а часто и неотличимый, от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Яркий пример наследования титула и положения содержит надпись на Ихе Хушоту, где рассказано о судьбе сразу трех поколений Кули-чоров, наследственных вождей, и «бегов народа тардушей»³¹. Именно титул указывал на место эра в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Монголии и на Енисее, в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают на его родственные связи, но чаще просто воспроизводят его родовую тамгу с добавочными (диакритическими) знаками, фиксирующими место героя в счете поколений. Вот пример сравнительно полной по указаниям на положение в эле надписи (памятник с Уюк-Тарлака, Е 1):

(1) С вами, мой эль, мои жены, мои сыновья, мой народ —
О, жаль мне! — я расстался в свои шестьдесят лет.

(2) Мое имя Эльтоган-тутук. Я был правителем моего божественного эля. Я был бегом моему шестисоставному народу.

Для положения и престижа эра немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты (*eb*, *kegegü*) и постройки (*baŋq*), но прежде всего собственности на скот, проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определенностью. Имущественная дифференциация внутри тюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвалы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. «Я был богат. У меня было десять загон для скота. Табунов у меня было бесчисленное [множество]!» — этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг бага-таркан, знатный кыргызский бег, живший на территории Северной Монголии во второй половине IX в. (Е 47, стк. 5). Другой кыргызский бег упоминает 6 тыс. своих коней

(Е 3, стк. 5), т. е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом он владел более чем 20 тыс. голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот «в бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием: «Да будет у тебя скот в твоих загонах!» («Ырк битиг», XLVII).

Богатым (*baj*, *bajbar*, *jylsygh*) противопоставлены в надписях «бедняки», «неимущие» («*čyghaj*, *joq čyghaj*»)³². Для автора Кошоцайдамских надписей бедный люд, «не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи», — «жалкий, ничтожный, низкий народ» («*jabyz jablaq bodup*», КТБ, 26). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием добывает себе богатство: «В мои пятнадцать лет я пошел (походом) на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл [себе] в [китайском] государстве золото, серебро, одnogорбых верблюдов, людей (вариант: жен)!» (Е 11, стк. 9)³³.

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, которые сооружали сотни людей и для украшения которых приглашались иноземные мастера, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином в полном вооружении лежал его боевой конь под седлом. Но в погребениях беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы, в Монгун-Тайге, где раскопано несколько из находящегося там множества тюркских курганов VI–IX вв., два захоронения привлекают особое внимание. Одно из них — захоронение богатого и знатного эра из далекого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду: с конем, в одежде из дорогих китайских шелков. Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом «*aŋhu*» — «драгоценность, сокровище». Рядом лежало китайское металлическое зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, одно из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками Центральной Азии и иногда упоминались в эпитафии (Е 26). Десять золотых бляшек, украшавших конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В соседнем кургане был погребен мужчина лет 30–35, основным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпругенный баран³⁴.

³² Самойлович. «Богатый» и «бедный».

³³ Щербак. Енисейские рунические надписи. С. 118.

³⁴ Грач. Археологические раскопки. С. 18–40.

³¹ Clauson, Tryjarsky. The Inscription.

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: «Эр стал на колени перед бегом» (МК, II, 21). Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот (за отработку и службу) или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировались постоянная дружина бега и его челядь, ходившие с ним в набег и поход, защищавшие его стада и имущество, прислуживавшие бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них «qulsygh er» — «эр, подобный рабу» (МК, III, 128).

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и сберечь богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгарский сохранил поговорку-двустипие, бытовавшее в древнетюркской среде (МК, I, 362):

*Tavar kiming iiklise beglik
angar kergejür
Tavarsyzyn qalyp beg erensizin
emgejür*

У кого приумножается имущество, тому и подобает
быть бегом.

Оставшись без богатства, бег страдает из-за
отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависящих от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезгающий подаянием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу³⁵. И какими бы противоречиями ни характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым человеком», бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль, — полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Рассказывая о могуществе тюрков в царствование Капаган-кагана, автор Кошоцайдамских надписей перечисляет тех, чье благополучие достигло предела; возвышение государства сказалось на благосостоянии

каждой семьи; в перечне членов семьи названы самые близкие родственники — отцы и сыновья, старшие и младшие братья. А вместе с ними упомянуты рабы и рабыни, сами ставшие «имеющими рабов и имеющими рабынь». Выявление семантического спектра терминов, означающих несвободного мужчину (*qul*) и несвободную женщину (*küñ*), образующих в совокупности слой несвободного населения (*qul küñ*), может быть осуществлено в результате анализа соответствующих пассажей рунических текстов и синхронных им источников. Обратимся прежде всего к Кошоцайдамским памятникам.

После тяжелой для тюрков зимы 723/24 г. (из-за гололедицы и снежных заносов они потеряли скот) возобновилось восстание огузских племен. Один из огузских отрядов напал на ставку Бильге-кагана во время отсутствия там главных сил тюрков. Но врагов встретил младший брат жагая Кюль-тагин: «Враждебные нам огузы напали на ставку. Кюль-тегин, сев на белого [коня] Огсиза, заколол девять мужей и не отдал ставки! Моя мать-катун, а вместе с ней и мои сводные матери, мои тетки и невестки, мои жены — все вы могли (или), оставшись в живых, стать рабынями, (или) убитыми лежать на земле и на дороге! Если бы не было Кюль-тегина, все бы вы погибли!» (КТб, 48–49).

Описание типичной для межплеменных войн ситуации указывает на основной источник невольничества — захват людей во время набега, войны. Вместе с тем отчасти проясняется статус рабыни (раба): в чужеродной среде невольник лишен каких-либо родственных связей, а следовательно, и защиты. Он попадает во власть захвативших его иноплеменников. Недаром положение уведенных в плен сравнивается с участью убитых, валявшихся на земле. «Речь раба с мольбой обращается к бегу, а слово ворона с мольбой возносится к Небу» — эта сентенция, сохраненная самым значительным текстом из восточнотуркестанских «рун на бумаге», «Книгой гаданий» («Брк битиг»), ярко характеризует правовые возможности невольника.

Сообщения о захвате тюрками полна обычны для надписей, как и для других источников того времени. «Народ тангутов я победил, — повествует Бильге-каган, — их юношей и девиц, их скот и добро я тогда забрал» (БК, 24). Настигнув бежавших от него огузов, Бильге-каган захватывает «их сыновей и дочерей, их женщин» (БК 38). То же происходит и во время похода на татабийцев (БК, Ха 3). Отряд тюрков в Согде получает в качестве контрибуции среди прочих ценностей «женщин и девушек» (Т, 48). Уйгурский каган Элетмиш Бильге отнимает у восставших и побежденных им племен скот, женщин и девушек (МШУ, 15). Византийский историк рассказывает, что каган Дизавул (Истеми) «почтил» посла Зимарха пленницей «из народа так называемых херхисов (кыргы-

³⁵ Ковалевский. Путешествие. С. 63.

зов. — С. К.)»³⁶. Наиболее многочисленные сообщения о захвате людей, главным образом женщин, содержат китайские источники. Так, в рассказе об одной из войн начала VII в. упомянут следующий эпизод: «Були-ше (Бёри-шад. — С. К.), младший брат Чуло-хана (Чурын-кагана. — С. К.), с двумя тысячами конницы присоединился к последнему в Бинчжеу. В продолжение трех дней он забрал в городе всех женщин и девушек и ушел»³⁷. В других сообщениях упоминается взятие десятков тысяч невольников.

Именно к этому слою населения каганатов отнесены в первую очередь термины *qul* («невольник», «раб») и *küng* («невольница», «рабыня»). Рабы и рабыни были людьми, насильственно уведёнными с мест их обитания, вырванными из их этнической среды, лишёнными своего прежнего социального статуса, отданными во власть своих хозяев. Они были чужаками в тюркской общине. Рабство становилось их пожизненным состоянием; более того, даже соплеменники, попавшие в рабство, а затем вернувшиеся в родное племя, не возвращали себе прежнего статуса. Важным свидетельством последнего является приводимый арабским автором конца IX — начала X в. Ибн ал-Факихом рассказ некоего Саида б. ал-Хасана ас-Самарканди об обычаях тюрков, которые тот хорошо знал: «Говорит Саид б. ал-Хасан ас-Самарканди: среди тюрков есть кочевники, которые перекочевывают с места на место, ищут непотравленные пастбища, нуждаясь в корме для скота, как и те, кто кочует в стране ислама. Они не признают царской власти и никому не подчиняются, нападая друг на друга и захватывая женщин и детей. Время от времени какая-либо группа [из этих кочевников] покидает свое племя и переходит в другое племя. А вместе с ними в другое племя переходят и те женщины, которые раньше вышли [из этого племени], а также дети тех женщин, которые [также] были сделаны рабами. И племя, принявшее пришельцев, не наказывает их за [своих сородичей, ставших рабами], а считает последних такими же [рабами], как и своих рабов, согласно их обычаю и тому, в чем у них есть согласие»³⁸. Даже кровное родство, согласно источнику Ибн ал-Факиха, не могло разорвать новых социальных связей, возникших в результате захвата в плен и превращения в рабыню свободной женщины.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе окажется весьма неполной из-за отсутствия в текстах прямых указаний на участие невольников в повседневном труде или на другие формы их эксплуатации. Здесь неминуемо осторожное использование письменных свидетельств и этнографических аналогий, относящихся к племенам,

в какой-то мере унаследовавшим экономический быт и социальные традиции тюркских каганатов.

За пределами внимания исследователей древнетюркского общества все еще остается тот немаловажный факт, что надписи фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда — мальчиков и юношей, но никогда — взрослых мужчин. Женщин и девушек уводили в неволю во время набегов и походов — они всегда упомянуты как основная добыча; их требовали в качестве контрибуции; их отнимали у подчиненных родов и племен, если те поднимали мятеж или не выплачивали дань в установленный срок; наконец, за нанесение увечья виновный был «повинен отдать дочь» в рабство своим же соплеменникам³⁹. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на домашний характер рабства в древнетюркских государствах или, во всяком случае, на преобладание домашнего рабства, которое представляло собой разновидность патриархального рабства. Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьей, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен или наложниц своего владельца или в положении рабыни-служанки.

Для всех древних и средневековых кочевых обществ Центральной Азии было свойственно многоженство, практиковавшееся, во всяком случае, среди наиболее состоятельной части общества. О многих женах гуннских шаньюев пишут Сыма Цянь и другие китайские историки⁴⁰. Отмечается также, что «[сюнну] берут за себя жен отцов и братьев после смерти последних, опасаясь, что иначе прекратится их род»⁴¹. Марко Поло пишет о монголах: «Всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать... Женятся они на двоюродных сестрах; умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; по смерти брата — на его жене»⁴². Подобным образом описывает брак у монголов Плано Карпини: «Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать... иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, другой меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственниками, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого

³⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 230.

⁴⁰ Таскин. Материалы. С. 39, 131.

⁴¹ Там же. С. 46.

⁴² Марко Поло. Книга. С. 88.

³⁶ Дестунис. Византийские историки. С. 379.

³⁷ Бичурин. Собрание сведений. Т. I. С. 246.

³⁸ Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан. Л. 173а–173б.

или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого»⁴³.

Наблюдения Платона Карпини особенно примечательны. Как и Марко Поло, он ставит в прямую связь состоятельность мужа, т. е. объем и продуктивность его семейного хозяйства, с «количеством его жен», к числу которых, вероятно, отнесены и наложницы, нигде отдельно не упоминаемые.

Затем фиксируется, что после смерти мужчины его вдовы сохраняются в роду покойного через брак с его сыном (исключая инцест), братом или кем-либо из младших родичей (обычай левирата). Наконец, сватовство к соплеменнице влекло за собой значительные расходы для семьи будущего мужа.

Судя по немногим сведениям источников, брачные обычаи и семейные отношения в древнетюркских обществах не отличались в основном от тех, что описаны у Платона Карпини и Марко Поло. Надпись в честь Кюль-тегина наряду со старшей женой его отца Эльтериш-кагана Эльбильге-катун упоминает и младших жен — сводных матерей Кюль-тегина, а также многих жен (*quncuylar*) его старшего брата — Бильге-кагана (КТб, 49). В енисейских эпитафиях постоянно упоминаются жены героя надписи (*qunčuj*; Е 18: *kishi*; Е 43: *jutuz*), с которыми тот «расстался». В одной из притч «Книги гаданий» упомянута третья жена бега, родившая ему сына-наследника («Ырк битиг», V). Там же («Ырк битиг», XXXVIII) упомянут термин, обозначающий рабыню-наложницу: *abynčy* (< *abyn...* «удовольствие»); в других памятниках того же времени — *qyrqyn*; ср., например: *jincke qyrqynlar* — «изящные наложницы» (Uig., III, 42).

В «Книге гаданий» содержится притча о наложнице, которая, будучи в немилости, скрывается в камышах, но вскоре становится госпожой (старшей женой князя); притча сопровождается словами: «Это хорошо!» («Ырк битиг», XXXVIII). Очевидно, что между женой и наложницей у древнетюркских племен, как и у позднесредневековых тюркских и монгольских племен, не всегда была резкая грань.

Существовавший у тюрков обычай левирата сохранял в роду мужа овдовевших женщин⁴⁴. А женитьба на соплеменнице, как и у монголов, сопровождалась для семьи жениха крупными расходами на сговорные дары и выкуп; у кыргызов упоминаются выкупы от сотни до тысячи голов скота⁴⁵. Подобные же обычаи описывает Ибн Фадлан у огузов начала X в.,

переселившихся из Центральной Азии на Сырдарью и в Приаралье в V–VII вв.: «Правила женитьбы у них такие: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, дочь или сестру его или кого-либо из тех, кем он владеет, он одаряет его на столько-то и столько-то хорезмийских одежд. И когда он заплатит это, то везет ее к себе. А иногда калымом бывают верблюды или лошади, или иное подобное. А если умирает человек, имеющий жену и детей, то старший из его детей женится на жене его, если она не была его матерью»⁴⁶.

В горах Монгольского Алтая. Откочевка на зимние пастбища. 1969 г.

Все эти обстоятельства — многоженство, сохранение вдов в семье и роду умершего, крупный выкуп за невесту — затрудняли эндогамные внутриплеменные браки и приводили к тому, что захват женщин у иных племен и в чужих землях стал важным побудительным мотивом для набегов и походов.

Во-первых, часть мужчин, преимущественно из беднейших родов, не могли создать свою семью при неизбежной нехватке невест и дороговизне брачного выкупа иным способом, чем женитьба на пленнице. По вполне оправданной догадке А. Н. Бернштама, адаптация пленных девушек и женщин в тюркских семьях была распространенным обычаем⁴⁷. Подводя итог успешным походам, принесшим тюркам богатую добычу и полон, Бильге-каган обращается к соплеменникам: «Бедный народ я сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным!» (КТм, 10). Рост населения сразу же после успешных походов может быть объяснен только обычаем адаптации полона, т. е. девушек, женщин и детей, в семьях господствующего племени.

Во-вторых, угон скота у враждебных племен при большем отвлечении для войны взрослых мужчин повышал нужду в рабочих руках. Если в основной сфере труда — выпасе скота — количество занятых всегда было ограниченным и спрос на работников удовлетворялся за счет внутриплеменных ресурсов⁴⁸, то значительно менее обеспечено рабочей силой было трудоемкое домашнее производство кочевников. Возможность

⁴³ Платон Карпини. История монголов. С. 26–27.

⁴⁴ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 230.

⁴⁵ Там же. С. 35.

⁴⁶ Ковалевский. Путешествие. С. 61.

⁴⁷ Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков. С. 61.

⁴⁸ Семенов. К проблеме рабства. С. 64–67.

использования здесь труда жен и домашних рабынь (ev jutuzu, ev quzu — «дворовые (букв. домашние) женщины и девушки», Uig, II, 7, 85) определялась сферой применения женского труда в кочевом хозяйстве.

Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в хозяйственной деятельности значительно превышала трудовой вклад мужчин. Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и несколько утрированно обрисовал столь незаурядный наблюдатель жизни монголов в эпоху первых чингизидов, каким был Плано Карпини: «Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры». Кроме того, «девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях... а некоторые и стреляют, как мужчины».

Сведения Плано Карпини подтверждает и дополняет его современник Гильом Рубрук: «Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут (курут, т. е. сушеный творог. — С. К.), готовить шкуры и сшивать их, а сшивают они их ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки, сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье... Они делают также войлок и покрывают дома. Кроме того, женщины участвуют в выпасе овец и коз»⁴⁹. Таким же образом оценивает соотношение мужского и женского труда в монгольском быту Марко Поло: «Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют. Мужья ни о чем не заботятся, воюют, да с соколами охотятся на зверя и птицу»⁵⁰. Согласно «Ясе» Чингис-хана, во время походов женщины «исполняли труд и обязанности мужчин»⁵¹.

Для оценки значения женского труда в семейном хозяйстве кочевников Центральной Азии важны этнографические материалы, относящиеся к недавнему прошлому монголов, тувинцев, бурят, тьяншаньских киргизов. Так, у монголов «дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивкой одежды, приготовлением пищи и другими мелкими домашними работами целиком заняты женщины». Вместе с тем женщины активно участвуют в выпасе мелкого скота — овец и коз⁵².

⁴⁹ Рубрук. Путешествие. С. 36–37, 100–101.

⁵⁰ Марко Поло. Книга. С. 98.

⁵¹ Владимирцов. Общественный строй монголов. С. 56.

⁵² Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. С. 146.

У монголов, тувинцев, бурят, казахов женщины занимались и такими тяжелыми работами, как выделка (катание) войлоков, обработка шкур, выделка кож, шитье кожаных изделий⁵³.

Любопытно описание быта большой семьи тьяншаньских киргизов: «Снохи выполняли сообща все домашние работы: готовили пищу, таскали воду, топили печи, пряли нитки, доили коров, овец и кобылиц, занимались изготовлением шерстяных тканей, выделкой кожи, катанием войлоков, разборкой и собиранием юрты при перекочевках, приготовлением постелей для всех членов семьи. Они же обшивали членов семьи, приготавливая всю мужскую и женскую одежду, кроме сапог»⁵⁴. Естественно, на женщинах лежала и забота о малолетних детях.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и в не меньшей степени от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства. Во всем этом женский труд играл основную роль. Поэтому в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, в стойком сохранении у них левирата и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность — стремление обеспечить дополнительной рабочей силой семейное хозяйство, основную производственную ячейку кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве женского труда, в том числе и подневольного, вместо труда сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин действительно диктовалось также, а может быть, и в первую очередь, соображениями безопасности. Концентрация рабов, т. е. недавних воинов враждебных племен, в аилах, рассеянных по степям и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени — все это было попросту невозможно ради простого самосохранения. Уже в «Истории» Геродота (IV, 3–4) содержится полуполюгендарный рассказ о войне скифов, вернувшихся из похода, против взбунтовавшихся рабов, захвативших тем временем их ставки. Не менее яркие события такого рода знает сравнительно недавняя история кочевников. Один из случаев подобного восстания рабов описывает по

⁵³ Вяткина. Очерки культуры. С. 82–84; Потанов. Очерки. С. 204; Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. С. 263.

⁵⁴ Агаджанов. Очерки истории огузов. С. 245.

русским архивным материалам Г. И. Семенюк: «Когда в 1755–1756 гг. в Казахстане на территории Младшего жуза скопилось несколько тысяч захваченных в плен и обращенных в рабство людей, они убивали своих хозяев, угоняли их скот, убегали в сопки и камышовые заросли, создавали там шайки и своими набегами терроризировали население целого ханства (жуза), заставив аулы скучиваться для защиты, что привело к бескормице, заболеваниям и массовому падежу скота. Хозяйство и безопасность самих кочевников жуза были поставлены... под угрозу»⁵⁵.

Концентрация невольниц, часть которых становились женами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас мелкого скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин и освобождало от тяжелого физического труда наиболее привилегированных женщин господствующего племени.

Были у кочевников и рабы-мужчины. Некоторые из них, если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольской эпохам, а также к раннесредневековым племенам тюрков Средней Азии, становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли⁵⁶. В первые десятилетия истории Тюркского каганата практиковались жертвоприношения рабов во время похорон их господина. Так, при погребении Дизавула (Истеми-кагана) в 576 г. «четверо скованных военнопленных хуннов приведено было... для принесения их в жертву вместе с конями их»⁵⁷. Однако позднее этот обычай не упоминается. При погребении воина-тюрка сооружались курган или оградка, к которым с востока примыкала цепочка камней-балбалов, каждый из которых знаменовал образ врага, убитого воином; души убитых принуждались, таким образом, служить своему победителю в загробном мире, а надобность в человеческих жертвоприношениях на свежей могиле отпадала⁵⁸.

Шире, чем у тюрков Монголии, труд рабов применялся енисейскими кыргызами. Кыргызы наряду с ведением экстенсивного скотоводства выращивали зерновые культуры, практиковали ирригационное земледелие, строили оседлые укрепленные поселки. Потребность в рабочей силе была поэтому у кыргызов выше той, что обычна для других скотоводческих племен Центральной Азии. Китайский источник сообщает,

что кыргызы «ловят и употребляют в работу» своих соседей из таежных племен⁵⁹. В погребальной надписи одного из кыргызских ханов также упомянуты рабы-мужчины, которые во время тризны прислуживали гостям: «Из-за своей рыцарской храбрости мой старший брат вознесся (умер). Увы! Поэтому теперь его рабы предлагают [поминальную] трапезу» (Е, 32)⁶⁰. Концентрированное поселение в укрепленных «городках» значительно снижало опасность восстания рабов и позволяло кыргызской знати иметь рабов-мужчин в необходимом для их хозяйства количестве.

Таким образом, хотя личное рабство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило в основном за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и ее боевая сила были связаны с эксплуатацией невольников и в еще большей степени невольниц. Захват в плен — одна из основных целей войн, которые вели тюрки.

Возможно, что часть захваченных в межплеменных войнах пленников тюрки продавали в Китай. Во всяком случае, как установил Э. Шеффер, в Китае были покупные рабы из тюрков, которые использовались в качестве табунщиков, конюхов, ездовых, кучеров, личных телохранителей⁶¹. Однако таких масштабов работорговли, которая велась захваченными в плен тюрками в Средней и Передней Азии, Центральная Азия никогда не знала.

Военнопленные китайцы возвращались за выкуп. Так, Ли Шимин выкупил у тюрков в 630 г. за золото и шелковые ткани «80 тыс. душ обо-его пола»⁶². Вместе с тем часть китайского полона селилась тюрками, как до того хуннами, на своих землях создавались ремесленно-земледельческие слободы, население которых работало на своих хозяев. Подобные слободы, а позднее и города создавали в Тюркском и Уйгурском каганатах и согдийцы. Поселенцы из Согда основали в Семиречье и Восточном Туркестане, на землях западных тюрков, которые именовали их «татами», а также в Восточнотюркском каганате значительное число колоний, обладавших известной военно-политической независимостью. Но таты, хотя и считались вассалами «народа десяти стрел» (западных тюрков), никогда не были их рабами⁶³. Иные категории зависимости не всегда, однако, выделялись в текстах особой терминологией.

⁵⁹ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 351–352; Савинов. О длительности пребывания. С. 38–39.

⁶⁰ Кляшторный. Храм, изваяние и стела. С. 250–252.

⁶¹ Schafer. The Golden Peaches. P. 42–44.

⁶² Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 256.

⁶³ Кляшторный. Храм, изваяние и стела. С. 78–135.

⁵⁵ Семенюк. Проблемы истории. С. 35.

⁵⁶ Агаджанов. Очерки истории огузов. С. 110; Рашид-ад-Дин. Кн. 1. С. 145.

⁵⁷ Дестунис. Византийские историки. С. 422.

⁵⁸ Кляшторный. Храм, изваяние и стела. С. 238–265.

В 576 г. посольство императора Тиберия, возглавленное мечником Валентином, отправилось к недавнему и могущественному соседу Византии, тюркскому кагану, чтобы уговорить его помочь империи в войне с персами. По прибытии в ставку Турксанфа, одного из сыновей кагана, ромеи узнали о кончине Дизавула. В ответ на просьбу о союзе Турксанф обрушил на послов град упреков, главным из которых было обвинение в покровительстве аварам-вархонитам. Незадолго до этого авары были разбиты тюрками и часть их бежала в византийские владения. Теперь же Турксанф, именуя аваров не иначе как «рабы мои, бежавшие от господ своих», требовал лишить беглецов поддержки⁶⁴.

В какой мере византийский историк Менаандр, описавший этот эпизод, был точен, приписав Турксанфу слова о «рабстве» целого племени, потерпевшего поражение? Иначе говоря, насколько правильно передали константинопольские сановники, вступившие в спор с тюркским князем, его манеру политического мышления?

Ответить на этот вопрос позволяют тексты, созданные самими тюрками. Деяния своих предков Бумына и Истеми (Дизавула — византийского историка) Йоллыг-тегин оценивает краткой патетической формулой, рожденной эпохой завоеваний: «Все народы, жившие по четырем углам света, они (каганы) покорили и принудили их всех к миру! Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени!» (КТ, 2). Минуло полвека после смерти Истеми. Повествуя о конце первой тюркской державы, Йоллыг-тегин пишет: «Народу табгач стали они (тюрки) рабами своим крепким мужским потомством, стали рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские беги сложили с себя свои тюркские титулы и, приняв титулы табгачских бегов, подчинились кагану народа табгач» (КТб, 7). Это случилось в монгольских степях в 630 г. Главной повинностью стала для тюрков «дань кровью» — обязанность участвовать в войнах Танской империи (КТб, 23–24). Йоллыг-тегин напоминает о тех горьких днях: «Весь без изъятия тюркский народ так [тогда] говорил: “Я был народом, имеющим свой эль, где теперь мой эль? Я был народом, имеющим кагана, где теперь мой каган? Для какого кагана я отдаю теперь труды и силы?”» (КТб, 8–9)⁶⁵.

Во всех случаях, когда речь идет о новом состоянии тюркского племенного союза (народа), употреблены выражения *qul bolty* и *kün bolty* — «стал рабами (невольниками)» и «стал рабынями (невольницами)» или парное глагольное сочетание *qullad küned* — «делаться рабами и рабынями» (КТб, 13). «Рабское состояние» целого племенного союза определя-

ется в памятниках следующими признаками: во-первых, утратой собственного кагана; во-вторых, утратой своей государственной организации — эля; в-третьих, утратой установлений, определявших прежнюю жизнь племен (КТб, 13); в-четвертых, утратой возможности трудиться и служить ради своих интересов; в-пятых, утратой своих племенных земель.

В то же время тюрки сохранили племенное единство и межплеменные связи, знать, военную организацию и прежний образ жизни, что позволило им выиграть освободительную войну и в 681–682 гг. возродить каганат. И вот после провозглашения вождя восстания Эльтериш-каганом, после возрождения эля и прежних установлений Йоллыг-тегин фиксирует выход «народа тюрков» из «рабского состояния».

Таким видели тюрки свое недавнее прошлое. Но как же оценивает Йоллыг-тегин современные ему политические отношения? В 710–711 гг. тюрки перевалили Саяны и сокрушили Кыргызский эль, убив кагана кыргызов Барс-бега. «Каган был убит, а народ его стал рабынями и рабами... — сообщает Йоллыг-тегин. — Мы дали устройство племенным союзам азов и кыргызов» (КТб, 20). Был уничтожен кыргызский эль, убит каган, но сохранен племенной союз (*bodun*) кыргызов на его коренных землях, где, впрочем, кыргызов и азов потеснили тюркские поселенцы⁶⁶. Власть оказалась в руках тюркского правителя; однако уже в 732 г. упоминается новый кыргызский каган, дружественный тюркам (КТб, 53). В тот период, когда, лишившись своего государя, кыргызы попали под прямое управление тюркского кагана, они названы Йоллыг-тегином «рабынями и рабами».

Существует и третья группа источников, подтверждающая приведенную выше трактовку тюрками любых форм непосредственного подчинения какого-либо племени (племенного союза) иноплеменному властителю. Согласно «Чжоу шу», еще до того, как тюрки создали свое государство, они поселились на Алтае, в землях жужан, которым и стали выплачивать дань добываемым там железом. Это дало основание жужанскому кагану назвать вождя тюрков Бумына своим «рабом-плавильщиком» (551 г.)⁶⁷. Еще более интересен рассказ «Суй шу» об Ышбара-кагане (Шаболио), который в ходе междоусобных войн конца VI в. запросил помощь империи. Ему было предложено признать себя вассалом суйского императора. «Шаболио спросил у своих сановников, что такое значит слово: вассал? В ответ ему сказали: вассал в царстве Суй значит то же, что у нас (тюрков. — С. К.) слово раб»⁶⁸.

⁶⁴ Дестунис. Византийские историки. С. 416–422.

⁶⁵ Кляшторный. Древнетюркские памятники. С. 20–34.

⁶⁶ Худяков. Кок-тюрки на среднем Енисее. С. 199–206.

⁶⁷ Бичурин. Собрание сведений. Т. 1. С. 228.

⁶⁸ Там же. С. 237.

Сравнение сообщений всех трех групп источников, в особенности же показания рунических текстов, позволяет сделать вывод: теми же терминами, что и личное рабство, обозначались в древнетюркском обществе иные формы социальной зависимости, возникшие в результате военного и политического подчинения каких-либо этнических групп, не входивших первоначально в господствующий племенной союз. Такого рода «рабские» племена принуждались к уплате дани и военной службе своим новым сюзеренам, как это было с самими тюрками во время «подчинения» жужанам и Танской империи. Формулой подчинения, зафиксированной Кошо-цай-дамскими памятниками, было выражение «отдавать свои труды и силы» иноплеменникам.

Как правило, подчиненное племя или племенная группа лишались своего главы (хана, кагана) или же этот глава признавал свою «рабскую» зависимость от кагана господствующего племенного союза. Знать подчиненных племен, сохраняя власть внутри своего племени, включалась в политическую организацию господствующих племен и подчинялась главе этой организации, который осуществлял над ней контроль через своих уполномоченных (тудунов). Земли «рабских» племен можно было отнять у покоренных, переселив их на иную территорию.

Наконец, как «рабскую» древнетюркские памятники определяли еще одну форму коллективной зависимости, изначально существовавшую внутри господствующей группы племен. Особенно ярко она выявлена надписью из Могон Шине Усу.

Становление власти уйгурской династии (744–840) было трудным. Сокрушив тюрков и разгромив прежних союзников — карлуков, Элетмиш Бильге-каган столкнулся с противодействием в собственных племенах, часть которых, возглавленная Тай Бильге-тутуком и другими «именитыми», восстала. Возможно, в мятеже был замешан старший сын Элетмиша, казненный в те же годы отцом. Трижды каган сражается с восставшими, трижды выигрывает сражения. Об исходе первого сражения Элетмиш говорит: *qılym küngim bodunygh tengri jer aju berti anča sančdym* (стк. 13–14) — «Моими рабами и рабынями, этим народом Небо и Земля распорядились (решили их участь). Я их тогда победил». Наказав именитых зачинщиков бунта, каган не тронул остальных: *qara igil budunygh joq qylmadym ebin barqun jylqysyn julmadym* (стк. 14) — «их простой народ я не уничтожил, их юрты и постройки, их скот я не отнял». Далее каган называет восставших *kentii bodunygh* — «мой собственный народ».

Лишь после проявленного «простым народом» неповиновения и нового сражения каган отнял у непокорных «их табуны, их добро, их женщин и девиц» (стк. 15). Часть восставших племен бежала. Настигнув беглецов, каган требует: «Снова служи мне и работай!»

В эпизодах гражданской войны внутри Уйгурского каганата, войны за право безраздельной эксплуатации «собственного народа», ясно проявились противоречия, свойственные всему древнетюркскому обществу, включая противоречия между каганом и племенной знатью, между каганом и «простым людом», между «простым людом» и «именитыми». «Простой народ», «свой собственный народ», сохранивший свои «юрты и постройки», свои земли, свой скот, свое добро и свои семьи, Элетмиш Бильге-каган называет «рабами и рабынями». Но в личное рабство он обращает на следующем этапе восстания только часть «женщин и девушек» мятежников. Остальные были возвращены в прежнее состояние («Снова служи мне и работай!»), состояние, которое Элетмиш назвал «рабским». «Невольниками» названы собственные племена кагана, обязанные ему военной службой и частью своих доходов.

Таким образом, анализ древнетюркских памятников приводит к выводу, что внутри древнетюркского общества VI–X вв. существовало рабство и другие формы социальной зависимости, основанные на внесудном принуждении и определяемые авторами памятников в тех же терминах, что и личное рабство. Последнее обстоятельство свидетельствует как о том, что коллективное социальное мышление древнетюркских племен носило более архаичный характер, чем актуальный для той среды социальный быт, так и о том, что рабовладельческие отношения, несмотря на их невсеобъемлющий характер, неизбежно опосредовали все другие формы социальной зависимости.

Вместо заключения

ИМПЕРСКИЙ ФОН ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Фактор имперской традиции в истории сложения древнетюркской цивилизации еще ждет исследовательского внимания. Между тем всё, что мы можем определить как признаки, присущие цивилизации, и прежде всего достаточно развитая письменность и запечатленная в этой письменности историческая память, явилось прямым следствием создания Тюркского эля. Так сами тюрки называли свое государство, которое мы называем Тюркским каганатом, или Тюркской империей. Если считать временем основания государства тюрков время его международного признания, то можно отметить 1450-летие начала тюркской государственности.

Динамика возникновения центральноазиатских империй, а все они созданы кочевниками, казалось бы, проста и прозрачна. Уже первоначальный завоевательный импульс направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение стран с иным хозяйственно-культурным укладом. Степные племена консолидируются под властью одного вождя, одного рода, одной династии. Подчинив племена, соперничающие во власти над степью, завоеватель стремится поставить в зависимость от себя страны и народы с многообразными типами хозяйственной деятельности и, как правило, с развитой государственностью. Зависимость реализуется либо в форме непосредственного подчинения новой династии, либо выплатой обусловленной дани. Именно на этой стадии государство, созданное кочевниками, преобразуется в империю.

Тенденция к образованию империи прослеживается уже у гуннов в III в. н. э. Однако первой евразийской империей стал Тюркский каганат, распространившийся к 576 г. от Маньчжурии и Желтой реки до Кавказа и Босфора Киммерийского (Керченского пролива). Именно в Тюркском каганате впервые обозначилось преобладание имперских традиций над партикулярными устремлениями, что проявилось и в материальной культуре, и в формах социальной и политической организации, и в идеологии, и, наконец, в языковой ситуации. На обширнейшем евразийском пространстве, главным образом в его степной зоне, складывается тот облик

культуры и жизнедеятельности, который мы вправе, пусть и с некоторыми оговорками, обозначить как древнетюркскую цивилизацию. И ярчайшим показателем общего уровня этой цивилизации является письменность, причем не только воспринятая и адаптированная из иного культурного мира, но и оригинальная, порожденная самой древнетюркской средой.

В год Барса по степному календарю, а по нашему летосчислению в году 582 от Р. Х., в Оленьем урочище на берегу реки Баин-Цаган, в центре Хангайской горной страны, над местом поминовения четвертого тюркского кагана Таспара была воздвигнута стела с надписью, прославляющей деяния усопшего и его предшественников. Стела была написана на согдийском языке, *лингва франка* древней Центральной Азии; а на задней плоскости стелы сохранились следы санскритской надписи письмом брахми — на языке и письмом центральноазиатского буддизма. С этой стелы начинается отсчет тысячелетней истории древнетюркской письменности. Минет полтора века, и на тюркских поминальных курганах появятся надписи на тюркском языке и тюркским руническим письмом. В этих надписях апология усопших вождей соседствовала с царским хроником и актуальной декларацией, а дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Эпитафии становились средством монументальной пропаганды. Они отражали, формировали и формулировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Памятники манифестировали идею вечного эля, божественного эля (*beñü el tenriken el*), а это была имперская идея, слитая с историей и неотделимая от нее: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращурь — Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль и установили Тёрю народа тюрков... Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени! На восток и на запад они расселили свой народ. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы!»

Так повествует о прошлых веках, о начале Тюркского эля и его первых каганах их далекий потомок Йоллыг-тегин, «принц счастливой судьбы», первый тюркский летописец, имя и труд которого сохранились. Он начертал тюркским руническим письмом на «вечном камне» *beñü taş* на двух стелах, увенчанных фигурами драконов, поминальные строки почившим родичам — Бильге-кагану и Кюль-тегину — и не забыл упомянуть основателей державы. Он повторил этот текст дважды — в 732 и 735 гг. Две каменные плиты с надписями, повествующими о бурной истории народа тюрков, и поныне лежат в одной из межгорных котловин

Хангая, близ р. Орхон, там, где ставили юрты и строили дворцы власти-тели могущественных империй. Отзвуки рожденных степью легенд заместили действительность той жизни, но сохранили парадигму власти — Бодун—Эль—Төрю, «народ—государство—закон». Осознание триединства, понимание слитности слов и того, что стояло за ними, проявилось и отлилось в формуле нового бытия.

Еще большую глубину исторической памяти показывают фрагменты, посвященные прошлому, в исследованных и опубликованных мною двух уйгурских рунических памятниках — Терхинском и Тэсиском, отражающих огузскую (огурскую) историографическую традицию. В середине VIII в. летописцы Уйгурского эля повествуют о двух предшествующих огузских царствах и о двух периодах упадка и чужеплеменного господства. Особенно насыщен эмоционально окрашенной информацией рассказ о первом Огузском эле, просуществовавшем 80 лет и погибшем из-за внутренних распрей и смут, из-за предательства вождей бузуков, в особенности двух «именитых» — Беди Берсила и Кадыр Касара. Реальная глубина памяти, исторической памяти уйгурского историографа, опирается на традицию по меньшей мере двухсотпятидесятилетней давности, что, впрочем, совершенно не исключает обычной при устной передаче событий их «фольклоризации». Тем не менее глухой отзвук потрясений V в., когда менялась этническая карта евразийских степей, прорвался в систему представлений о прошлом уйгуров VIII века и получил отражение в письменном тексте. Так вместе с другими компонентами древнетюркской цивилизации рождалась тюркская историография.

Главное направление политики степных империй направлено вовне, за пределы своего юрта, своих племенных территорий. Мотив войны ради добычи и завоевания настойчиво звучит в рунических текстах Орхона и Селенги, Енисея и Таласа. «Я постоянно ходил походами на близких и на дальних!» — похваляется Бег-чор, один из тюркешских князей 30-х гг. VIII в. Через несколько столетий в Кашгаре, столице Караханидской державы, государства, уже вовлеченного в сферу исламской цивилизации, но еще сохранившего архаичные институты древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Ее автор, государственный деятель и политический теоретик XI в. хасхаджиб Юсуф Баласагунский, обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, тесно коррелирующие с представлениями древнетюркского времени. Общество, конструируемое Юсуфом как идеальное, строго иерархично. Личность в нем, полностью лишенная индивидуальности, выступает только как воплощение сословных черт. Ее поведение определено исключительно сословными функциями. Все, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится

к двум категориям — должного и недолжного. Конечно же, должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий и покушение на эти разграничения почитается абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из памятников тюркского средневековья столь же полно отражает образ мышления имперской аристократии. И ни один из памятников не перекликается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами в формулировании политической доктрины. И тут и там абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплеменников и господству над ними.

Каковы были социальная и политическая структуры Тюркского эля? Тюркский племенной союз (*türk qara qamay bodun*), состоявший из племен (*bod*) и родов (*oyuś*), был политически организован в эль. Родоплеменная организация (*bodun*) и военно-административная организация (*el*) взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. По терминологии одного из рунических памятников, хан «держал эль и возглавлял бодун» (Е 45, стк. 4). Он осуществлял функции главы внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя эль, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и страны, вынуждавшего их к уплате дани и податей.

Хан опирался на племенную аристократию — бегов. Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!» — требует Бильге-каган), тюркские каганы выделяют среди внимающих им два сословия — знать и народ. Стереотип обращения — *тюрк беглер бодун* «тюркские беги и народ». Наиболее резкое противопоставление знати и народа — в уже цитированных памятниках уйгурской эпохи: *atlyu* «именитые» и *igil qara bodun* «простой народ». Беги были аристократией по крови, по праву происхождения из того рода, особый статус которого в делах правления считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общезвестна и общепризнанна, они составляли особое, наиболее привилегированное сословие. Из них формировалась высшая имперская аристократия, правившая элем, — *ajgičü* «советники», *apa tarqan* «высшие командиры армии», девять «великих буюруков» (три «внешних» и шесть «внутренних»), составлявших верховную администрацию эля, другие военно-административные руководители государства.

Обязанностью кагана и его окружения была забота о благосостоянии соплеменников. Во всех надписях каганов и их сподвижников настойчи-

во повторяется, что только каган с помощью своих родственников и свойственников способен «вскормить народ». В уцелевших фрагментах Бугутской надписи эта формула повторена трижды. Про Муган-кагана (552–572) сказано, что он «хорошо вскормил народ». Бильге-каган постоянно напоминает, что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ», благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа он и его младший брат Кюль-тегин “не сидели без дела днем и не спали ночью”». Бильге Тоньюкук, айгучи трех каганов, напоминает о неустанных «приобретениях», ради тюркского народа осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, и сопровождает свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, тот оказался бы бездельником, то горе было бы у того народа!»

Все приведенные социально-политические дефиниции оказываются достаточно универсальны в древнетюркское время на всей территории евразийских степей, и я вполне солидарен с выводом проф. Питера Голдена, утверждавшего, что «со времени основания Тюркского каганата и до конца хазарского периода в X в. основным признаком идентификации и источником политического единства тюркских кочевников Западной Евразии было династийное и структурное наследие Тюркской империи и ассоциируемые с нею традиции».

Несмотря на явное преобладание военных устремлений, в политических программах правителей Тюркского эля просматриваются и иные мотивы. Было и стремление к симбиотическим связям с иной цивилизацией и иными духовными ценностями, которыми она обладает. Уже четвертый тюркский каган Таспар свою главную заслугу видит в создании новой буддийской сангхи, т. е. в заимствовании и распространении буддизма в тюркской кочевой среде — вспомним санскритскую надпись на Бугутской стеле, начертанную, вероятно, индийским миссионером Чинагуптой. Десять лет Чинагупта и его ученики прожили при дворе Таспара, склонив его к принятию новой веры, но еще более, чем проповедь индийского монаха, Таспара побуждала к смене веры потребность духовной связанности мировой империи, созданной дедом и отцом. Только жестокая междоусобная война и последующий распад единого эля остановили начавшуюся конверсию. В 20-е гг. VIII в. Бильге-каган, победоносной войной с Китаем решивший проблему южных караванов, т. е. китайской платы за мир на северной границе, резко меняет политическую линию отца и дяди, Эльтериш-кагана и Капаган-кагана. Он пишет в своей *самоапологии*, начертанной на посмертной стеле младшего брата: «Я связал свою жизнь и жизнь своего народа с народом табгач!», т. е. с Китаем. Внешним выражением смены курса Бильге избрал смену веры — он решил провозгласить государственной религией столь популярный тогда в Китае буддизм.

Китаефильская политика встретила столь жесткое сопротивление элиты каганата, что Бильге вынужден был отказаться от своей идеи.

Минуло сорок лет, тюркскую династию уже сменила в ставке на Орхоне уйгурская династия; ее основатель Элетмиш Бильге-каган избирает новое направление имперской экспансии — оазисные царства Восточного Туркестана. И сын Элетмиша Бёгю-каган обращает свой народ в манихейство. Он не скрывает, что свой акт выбора веры совершил в результате соглашения с городами-государствами Таримского бассейна, где влияние и власть были в руках согдийских манихейских конгрегаций.

Опыт заимствования и распространения чужой веры не был единственным путем создания общеимперской идеологии. Исследования последних лет именно в религиозно-мифологическом слое древнетюркской культуры выявили системные совпадения в столь отдаленных друг от друга регионах, как долина Орхона, Кавказ и Дунайская Мадара.

Одна из надписей Мадарского святилища упоминает верховного бога праболгар, которого «хан и полководец» Омуртаг почтил жертвоприношениями. Имя бога — Тангра. Оно сразу вводит исследователя в мир древнейшей религии центральноазиатских кочевников, в мир орхонских тюрков. Но все же терминологического совпадения в имени верховного божества праболгар и древних тюрков недостаточно для более определенных выводов о степени их близости. Праболгарский пантеон из-за крайней скудости сведений о самих дунайских болгарах времен Первого Болгарского царства остается невыявленным, и это обстоятельство заставляет обратиться к племенам праболгарского круга. Неожиданные и яркие сведения такого рода содержит источник, далекий от Дуная и Центральной Азии. В «Истории албан» Моисея Каланкатуйского содержится текст «Жития епископа Исфаэля», главы албанской христианской миссии, которая посетила в 682 г. «страну гуннов» в предгорной долине Дагестана. Здесь еще в VI в. группа тюркоязычных гунно-болгарских племен создала жизнестойкое государственное объединение, которое в VII в. Ананий Ширакаци именовал «царством гуннов». Автор «Жития», албанский клирик, не поскупился на яркие характеристики «дьявольских заблуждений и скверных дел» идолопоклонников, погруженных, как он пишет, в языческую грязную религию». Именно из этих разоблачений становятся известны ценнейшие реалии, дающие представление о пантеоне, обрядах и обычаях праболгарских племен. Высшее божество этого пантеона — Тенгри-хан. Среди других — божество Земли-Воды (орхонское Йер-Суб), оно же некое божество плодородия, которое албанский клирик называет Афродитой (орхонская Умай), и «некие боги путей» (древнетюркские Йол-тенгри). Как очевидно, гунно-болгарский пантеон VII в. детально совпадает с пантеоном рунических текстов Монголии и Восточного Тур-

кестана. Учитывая несомненное тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз теле-огузов), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V в., возможно полагать, что та сложная религиозно-мифологическая система, которую мы называем «древнетюркской», сформировалась еще до середины I тыс. н. э. Но в эпоху существования Тюркского каганата эта система пережила существенную трансформацию — возникает политизированный общеимперский культ каганской четы, «рожденной на Небе и поставленной Небом», культ кагана и катун, государя и государыни, ставшими земной ипостасью четы небесной — Тенгри и Умай, покровительствующей династии. И наряду со «священной пещерой предков», с ее ежегодными ритуалами и жертвоприношениями, появляются храмы каганов-предшественников, главным из которых в VI в. был храм основателя империи — Бумына. Именно после моления в этом храме и «совета» с духом обожествленного кагана Таспар, как о том упоминает Бугутская надпись, принимал важнейшие государственные решения и объявлял их как волю кагана-основателя.

Таким образом, рассмотрение свидетельств рунических памятников и сообщений иных источников позволило обратиться к проблеме сложения социокультурных и идеологических представлений, существовавших накануне появления раннетюркской государственности азиатской ойкумены. С рождением Тюркского эля унаследованная традиционная культура была преобразована в новую цивилизацию, в рамках которой появились качественно новые формы бытия и новые коммуникативные средства: седентеризация и урбанизация части населения, строительство городов в местах степных княжеских ставок, религиозные искания и, вершина достигнутого, — письменность, прошедшая путь от камнеписных стел до рукописей на бумаге, письменность, породившая в VIII–XIII вв. богатую и разнообразную литературную традицию. Все это позволяет охарактеризовать древнетюркскую цивилизацию Центральной Азии как систему, включавшую в себя наряду с архаичными и консервативными прогрессирующие и подвижные структуры, определившие сравнительно высокий, хотя и кратковременный, динамизм ее развития. Эта цивилизация была неотделима или, во всяком случае, генетически связана с Тюркским элем — первой евразийской империей, созданной кочевыми племенами Центральной Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ ЛО ИВАН	— Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР
АзГУ	— Азербайджанский государственный университет
АН	— Академия наук
Бюллетень САГУ	— Бюллетень Среднеазиатского государственного университета
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВИМК	— Вестник истории мировой культуры
ВЯ	— Вопросы языкознания
ДАН	— Доклады Академии наук СССР
ДТС	— Древнетюркский словарь
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖС	— Живая старина
ЗАН	— Записки Академии наук
ЗВО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИВ АН	— Записки Института востоковедения Академии наук СССР
ЗКВ	— Записки коллегии востоковедов
ИАН	— Известия Академии наук СССР
ИБ АН СССР	— Институт востоковедения Академии наук СССР
Изв. АН СССР	— Известия Академии наук СССР
ИГО	— Известия Географического общества
Изв. АН Каз ССР	— Известия Академии наук Казахской ССР
Изв. ГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. ООИ АН	— Известия отделения общественных наук Академии наук
Тадж. ССР	— Таджикской ССР
Изв. ТФАН СССР	— Известия Туркменского филиала Академии наук СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии СССР
КСИВАН	— Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НАА	— Народы Азии и Африки
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмени
ОГН	— Отделение гуманитарных наук

ОЛЯ	— Отделение литературы и языка
ООН	— Отделение общественных наук
ПВ	— Проблемы востоковедения
ППыПИКНВ	— Памятники письменности и проблемы истории и культуры народов Востока
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РИЖ	— Русский исторический журнал
СА	— Советская археология
СВ	— Советское востоковедение
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
СТ	— Советская тюркология
СТОЭ	— Сборник трудов Орхонской экспедиции
СЭ	— Советская этнография
ТБНИИ	— Труды Бурят-Монгольского комплексного научно-исследовательского института
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР
ТИИ АЭ АН ТаджССР	— Труды Института этнографии Академии наук СССР
ТИЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТОВЭ	— Труды Тр. Кирг. арх.-этно. экспедиции
Тр.	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
Тр. АН ТаджССР	— Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. КазГУ	— Труды Казахского государственного университета
ТТКО ИРГО	— Труды Троице-Кяхтинского отделения Императорского Русского Географического общества
ТТУ	— Труды Ташкентского государственного университета
ТС	— Тюркологический сборник
ТУГУ	— Труды Узбекского государственного университета
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции
УЗ АН	— Ученые записки Академии наук СССР
УЗ ИВ АН	— Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР
УЗ ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
УЗ СГПИ	— Ученые записки Самаркандского государственного педагогического института
УЗ ТНИИЯЛИ	— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
УЗ ХГУ	— Ученые записки Харьковского государственного университета
УЗ ХНИИЯЛИ	— Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ФАН	— Филиал Академии наук СССР
ЭВ	— Эпиграфика Востока
ЯМ	— Язык и мышление
ADAM	— Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AGWG	— Abh. der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-hist. Kl. N. F.
AKM	— Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes

AM	— Asia Major
AO	— Archiv Orientalni
AOH	— Acta Orientalia Hungarica
APAW	— Abhandlungen der Preussische Akademie der Wissenschaften
ATIM	— Altürkischen Inschriften der Mongolei
AUDTCFD	— Ankara Üniversitesi. Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi
BAHuG	— Bibliotheca der Arabischen Historiker und Geographen
BEFEO	— Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient
BGA	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum
BMFEA	— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
BSOS	— Bulletin of the School of Oriental Studies
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CAJ	— Central Asiatic Journal
ChDHT	— Chinese Dynastic Histories Translations. East Asia Studies. Institute of International Studies, University of California
EI	— Encyclopedie de l'Islam
ESA	— Eurasia Septentrionalia Antiqua
FUF	— Finnisch-Ugrische Forschungen
GMNS	— E. J. W. Gibb Memorial. N. S.
HO	— Handbuch der Orientalistik
HJAS	— Harvard Journal of Asiatic Studies
JA	— Journal Asiatique
JAOS	— Journal of American Oriental Society
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
JSFOu	— Journal de la Société Finno-Ougrienne
KCSA	— Kőrösi Csoma-Archivum
KP	— см.: Pelliot. Version ouigoure
KSz	— Keleti Szemle
MK	— <i>Mahmud al-Kasgarî</i> Divanı lûgat-it-türk. C. I-V. Ankara, 1940-1957
MRAL	— Memoria della Reale Accademia dei Lincei
MS	— Monumenta Serica: Journal of Oriental studies of the Catholic University of Peking
MSFOu	— Mémoires de la Société Finno-Ougrienne
MSOS	— Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen
MTB	— Memoirs of the Toyo Bunko
OLZ	— Orientalistische Literatur Zeitung
OZ	— Ostasiatische Zeitschriften
PhTF	— Philologiae Turcicae Fundamenta
PWRE	— Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der classischen Altertums
RHR	— Revue de l'histoire de religions
RO	— Rocznik Orientalistyczny
RRIL	— Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di scienze e lettere
RSO	— Rivista degli studi orientali
Saml. Afh.	— <i>Thomsen V. Sumlede afhandlinger</i> . Bd. 1-3. Kobenhavn, 1919-1922.
SO	— Studia Orientalia
SDAW	— Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.
SETF	— Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutsche Turan-Forschung
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.

TAPhS	— Transactions of the American Philosophical Society
TDAYB	— Turk dili araştırmaları yilligi. Belleten
TP	— T'oung Pao
TPhS	— Transactions of the Philological Studies
TTKB	— Turk Tarih Kurumu Belleten
UAJ	— Ural-Altaische Jahrbücher
UJ	— Ungarische Jahrbücher
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft
ZRGG	— Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte

СИГЛЫ ПАМЯТНИКОВ*

БК	—	памятник Бильге-кагану
БК6	—	памятник Бильге-кагану (большая надпись)
БКм	—	памятник Бильге-кагану (малая надпись)
ИХ	—	памятник из Ихе Хушоту
КТ	—	памятник Кюль-тегину
КТ6	—	памятник Кюль-тегину (большая надпись)
КТм	—	памятник Кюль-тегину (малая надпись)
КЧ	—	памятник Кули-чору
МК	—	Махмуд Каштарский
МЧ	—	памятник Моюн-чору
МШУ	—	памятник Могон Шине Усу
Тон.	—	памятник Тоньюкуку
К6	—	памятник Кюль-тегину (боковая сторона)
Х6	—	памятник Бильге-кагану (боковая сторона)
Он	—	Онгинская надпись (сторона а)

* Цифра, следующая за сиглом, обозначает соответствующую строку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев. Историко-этимологический словарь. — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Абаев. Скифский быт. — Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра // АО. 1956. Т. XXIV.
- Абдаллах-наме. — «Абдаллах-наме». Рукопись ИАН. Д-88.
- Абрамзон. Киргизы. — Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Абу Дулаф. — см.: Rohr-Sauer. Abu Dulaf Bericht.
- Абуладзе. Древнеармянский перевод. — Абуладзе И. В. Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. Тбилиси, 1953 (груз. яз.).
- Агаджанов. Очерки истории огузов. — Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Агеева, Пацевич. Из истории оседлых поселений. — Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5.
- Азиатский музей. — Азиатский музей Российской Академии наук. 1818–1918. Краткая памятка. Пг., 1920.
- Ал-Азраки. — См.: Wüstenfeld. Geschichte...; Михайлова. Новые эпиграфические данные.
- Ал-Балазори. — Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
- Ал-Баттани. — См.: Nallino. Al-Battani.
- Ал-Бируни. Индия. — Бируни Абу Рейхан. Индия // Избранные сочинения. Т. 2. Ташкент, 1963. Арабский текст см.: Alberuni's India, an account of the religion, philosophy, literature, chronologie, astronomy, customs, laws, astrology of India about 1030 / Ed. in the Arabic Original by E. Sachau. London, 1887.
- Ал-Бируни. Памятники. — Бируни Абу Рейхан. Памятники минувших поколений / Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1957.
- Ал-Бируни. Собрание сведений. — Бируни Абу Рейхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. М., 1963.
- Ал-Бируни. Тахдид нихайат ал-амакин ли-тасхих. — См.: Волин. К истории древнего Хорезма.
- Ал-Идриси. Книга Руджер. Рукопись ГПБ (Ар. н. С. 176).
- Ал-Йа'куби. — Ibn Wadhih qui dictur al-J'aqubi, Historiae / Ed. M. Th. Houts-ma. Vol. I–II. Lugduni Batavorum, 1883.
- Ал-Йа'куби. Книга ал-булдаи. — «Kitab al-Boldân auctore Ahmed ibn abi Jakub ibn Wadhih al-Kâtib al-Jakubi» / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII).
- Ал-Мас'уди. Книга ат-танбих ва-л-ишраф. — Ал-Мас'уди. Kitâb at-tanbih wa-l-ishraf... / Ed. Goeje. Lugduni Batavorum, 1894 (BGA, VIII).
- Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб. — Ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир / Macoudi, Les prairies d'or, Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Vol. I–IX. Paris, 1861–1877.
- Ал-Мукаддаси. — Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим // Descriptio Imperii Moslemici auctore Schamso'd-dîn Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddaso / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1906 (BGA, III).
- Ал-Фаргани. — См.: Golius. Muhammedis Fil.
- Ал-Хоризми. Книга сурут ал-ард. — См.: Nallino. Al-Hûwarizmi.
- Ас-Са'алиби. — Aboû Mansour: 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'âlibi // Histoire des rois des perses / Trad. par H. Zotenberg. Paris, 1900.
- Ат-Табари. История ат-Табари. — Ат-Табари. История ат-Табари. Ташкент, 1987.
- Ат-Табари. — Ат-Табари. Та'рих ар-русул ва-л-мулук // «Annales quos scripsit Abu Djafar ibn Djarir at-Tabari» / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901 (série I–III).
- Аш-Шахрастани. Книга ал-милал ва-н-нихал. — Mohammed al-Chahrestani. Book of religions and philosophical sects / Ed. Cureton. Vol. I–II. London, 1846.
- Алексеев. Традиционные религиозные верования якутов. — Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975.
- Алексеев, Гохман. Антропология. — Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.
- Акишев. Археологическая наука. — Акишев К. А. Археологическая наука в Казахстане // Наука Советского Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Акишев. Курган Иссык. — Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978.
- Алексеев. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. — Алексеев М. П. Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. К истории поисков морского пути в Китай и Индию в XVII веке // Сергеем Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научной общественной деятельности. Л., 1934.
- Алексеев. Сибирь в известиях. — Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Т. 1. Ч. II. Иркутск, 1936.
- Аманжолов. К генезису тюркских рун. — Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун // ВЯ. 1978. № 2.
- Аманжолов. Проблема происхождения. — Аманжолов А. С. Проблема происхождения тюркского рунического алфавита // Тр. Каз. ГУ (Казахский язык и литература). Алма-Ата, 1976. Вып. 8.
- Андреев. Очерки. — Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М., 1960; Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965.
- Андреев. Труды Семена Ремезова. — Андреев А. И. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVI–XVIII вв. // Проблемы источниковедения. Сб. 3. 1940.
- Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. — Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924 (СМАЭ. Т. 4. 2).
- Аранчин. Сайгынская плита. — Аранчин Ю. Л. Сайгынская плита с древнетюркской надписью // ЭВ. 1951. Т. V.
- Аристов. Заметки. — Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ЖС. 1896. Вып. 3–4.

- Аристов. Опыт. — Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов // ЖС. 1894. Вып. 3–4.
- Арсланова, Кляиторный. Рунические надписи. — Арсланова Ф. Х., Кляиторный С. Г. Рунические надписи на зеркале из Верхнего Прииртышья // ТС. 1973. М.; Л., 1975.
- Артамонов. История хазар. — Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Археологическая карта. — Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Археология СССР. — Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Ауэзов. Киргизский героический эпос «Манас». — Ауэзов М. Киргизский героический эпос «Манас» // Киргизский героический эпос Манас: Сб. М., 1961.
- Ахинжанов. Об этнической принадлежности каменных изваяний. — Ахинжанов С. М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Ахинжанов, Трифонов. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников. — Ахинжанов С. М., Трифонов Ю. И. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Прииртышья XIII–X вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
- Базен. Человек и понятие истории у тюрков. — Базен Л. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII веке // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986.
- Бамбаев. Предварительный отчет. — Бамбаев Б. Предварительный краткий отчет Бамбаева Бальджи о работе в этно-лингвистическом отряде экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Тувы, состоявшейся в 1927 г. Рук. Архива Института истории АН МНР. № 31. Л. 26.
- Банчиков. Брак и семья у монголов. — Банчиков Г. Г. Брак и семья у монголов. Улан-Уде, 1964.
- Бартольд. Двенадцать лекций. — Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.
- Бартольд. Древнетюркские надписи. — Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.
- Бартольд. Извлечение. — Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII.
- Бартольд. История изучения Востока. — Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925.
- Бартольд. История культурной жизни Туркестана. — Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
- Бартольд. К истории арабских завоеваний. — Бартольд В. В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии // ЗВО. 1907. Т. XVII.
- Бартольд. К истории орошения. — Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.
- Бартольд. Кипчаки. — Бартольд В. В. Кипчаки // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.
- Бартольд. Новые исследования. — Бартольд В. В. Новые исследования об орхонских надписях // ЖМНП. 1899. № 10.
- Бартольд. Новый труд о половцах. — Бартольд В. В. Новый труд о половцах // РИЖ. 1921. Т. VII.

- Бартольд. О христианстве в Туркестане. — Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // ЗВО. 1893. Т. VIII.
- Бартольд. О языках согдийском и тохарском. — Бартольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран: Сб. Т. 1. Л., 1926.
- Бартольд. Отчет о поездке. — Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966. Т. IV.
- Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию. — Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893–1894 // ЗАН. 1897. Сер. 8. Т. I. № 4.
- Бартольд. Очерк истории Семиречья. — Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Изд. 2-е. Фрунзе, 1943.
- Бартольд. Очерки истории Туркестана. — Бартольд В. В. Очерки истории Туркестана. Домонгольский период (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 23).
- Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа // Туркмения: Сб. Т. 1. Л., 1929.
- Бартольд. Памяти И. Маркварта. — Бартольд В. В. Памяти И. Маркварта // ИАН. ООИ. 1931.
- Бартольд. Рецензия. — Бартольд В. В. [Рец. на кн.:] Chavannes E. Documents sur les Tou-Küe (Turks) occidentaux // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.
- Бартольд. Система счисления орхонских надписей. — Бартольд В. В. Система счисления орхонских надписей в современном диалекте // ЗВО. 1907. Т. XVII.
- Бартольд. Современное состояние. — Бартольд В. В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей. Баку, 1926.
- Бартольд. Сочинения. — Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. I–V. М., 1963, 1965, 1968, 1973.
- Бартольд. Томсен и история Средней Азии. — Бартольд В. В. Томсен и история Средней Азии // Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти: Сб. Л., 1928 (АН СССР. Очерки по истории знаний, IV).
- Бартольд. Тохаристан. — Бартольд В. В. Тохаристан // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1965. Т. III.
- Бартольд. Туркестан. — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. I–II. СПб., 1800.
- Бартольд. Ф. Хирт. Некролог. — Бартольд В. В. Ф. Хирт. Некролог // ИАН. ОГН. 1928. № 1.
- Бартольд. Хлопководство в Средней Азии. — Бартольд В. В. Хлопководство в Средней Азии с доисторических времен до прихода русских // Хлопководство. 1924. № 111–112.
- Бартольд. Худуд ал-'Алем. — Бартольд В. В. Худуд ал-'Алем. Рукопись Туманского. Л., 1930.
- Бартольд, Ольденбург. Э. Шаванн. Некролог. — Бартольд В. В., Ольденбург С. Ф. Э. Шаванн. Некролог // ИАН. 1918.
- Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.
- Баскаков. Предисловие. — Баскаков Н. А. Предисловие к книге Г. И. Рамстедта «Введение в алтайское языкознание». М., 1957.
- Баскаков. Тюркские языки. — Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
- Батманов. Язык енисейских памятников. — Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

- Батманов, Арагачи, Бабушкин. Современная и древняя енисейка. — Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.
- Бахрушин. Русское продвижение за Урал. — Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал // Научные труды. Т. III. Ч. I. М., 1955.
- Бахтин. Энос и роман. — Бахтин М. М. Энос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Беленицкий. Историко-географический очерк Хутталя. — Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // МИА. 1950. № 15.
- Беленицкий. Хуттальские лошади. — Беленицкий А. М. Хуттальские лошади в легенде и историческом предании // СЭ. 1948. № 4.
- Беленицкий, Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. — Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи») // СА. 1961. № 2.
- Беленицкий, Бентович, Большаков. Средневековый город Средней Азии. — Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беляев. Арабские источники. — Беляев В. В. Арабские источники по истории туркмен и Туркмени IX–XIII вв. // МИТТ. 1939. Т. 1.
- Бернштам. Араванские наскальные изображения. — Бернштам А. Н. Араванские наскальные изображения и даванская (ферганская) столица Эрши // СЭ. 1948. № 4.
- Бернштам. Археологические работы. — Бернштам А. Н. Археологические работы в Южном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. 26.
- Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. — Бернштам А. Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ. 1939. № 4.
- Бернштам. Археологический очерк. — Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
- Бернштам. Древнейшие тюркские элементы. — Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // СЭ. 1947. Вып. VI–VII.
- Бернштам. Древнетюркские рунические надписи. — Бернштам А. Н. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы // ЭВ. 1956. Т. XI.
- Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. — Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда // ЭВ. 1951. Т. V.
- Бернштам. Древнетюркское письмо на р. Лене. — Бернштам А. Н. Древнетюркское письмо на р. Лене // ЭВ. 1951. Т. IV.
- Бернштам. Древний Отрар. — Бернштам А. Н. Древний Отрар // Изв. АН КазССР. Сер. археологии. 1951. Вып. 3.
- Бернштам. Истоки киргизской литературы. — Бернштам А. Н. Истоки киргизской литературы // Труды Ин-та языка, литературы и истории КирФАН СССР. 1945. Вып. 1.
- Бернштам. Новые работы. — Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме // ВДИ. 1947. № 2.
- Бернштам. Новые эпиграфические находки. — Бернштам А. Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья // ЭВ. 1948. Т. II.
- Бернштам. Новый тип. — Бернштам А. Н. Новый тип тюркешских монет // ТС. М.; Л., 1951.

- Бернштам. Обзор. — Бернштам А. Н. Обзор археологических исследований в 1938–1940 гг. // МИА. 1950. № 14.
- Бернштам. Основные этапы. — Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. Т. IX.
- Бернштам. Очерк истории гуннов. — Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бернштам. Очерки Памиро-Алая. — Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Памиро-Алая и Центрального Тянь-Шаня // МИА. 1952. № 26.
- Бернштам. Памятники старины. — Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.
- Бернштам. Руническая надпись. — Бернштам А. Н. Руническая надпись в уйгурской рукописи // ЗИВ АН. 1939. Вып. 7.
- Бернштам. Согдийская колонизация. — Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья // КСИИМК. 1940. Вып. 6.
- Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. — Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946.
- Бернштам. Тюркешские монеты. — Бернштам А. Н. Тюркешские монеты // ТОВЭ. 1940. Т. II. С. 105–112.
- Бернштам. Чуйская долина. — Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // МИА. 1950. № 14.
- Бертельс. История персидско-таджикской литературы. — Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы // Бертельс Е. Э. Избранные труды. Т. I. М., 1960.
- Бертельс. К вопросу о традиции. — Бертельс Е. Э. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // СВ. 1947. Т. IV.
- Бешевлиев. Първобългарски надписи. — Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979.
- Бешевлиев. Гръцки и латински извори за българите на прабългарските. — Бешевлиев В. Гръцки и латински извори за българите на прабългарските // Известия Народни етнографски музеи в София. София, 1929. Т. VIII–IX.
- Бичурин. История Тибета и Хухунора. — Бичурин Н. Я. История Тибета и Хухунора. Ч. I–II. СПб., 1833.
- Бичурин. Собрание сведений. — Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М.; Л., 1950.
- Богданова. Киргизская литература. — Богданова М. Киргизская литература. Очерк. М., 1947. С. 7–14.
- Боголюбов, Смирнова. Согдийский документ Б-1. — Боголюбов М. Н., Смирнова О. И. Согдийский документ Б-1 из Мугского собрания // Вестник ЛГУ. Сер. ист., яз. и лит. 1962. Вып. 3. № 14.
- Богословский. Очерк истории. — Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа (Становление классового общества). М., 1962.
- Большаков, Якубовский. Средняя Азия в VII–IX вв. — Большаков О. Г., Якубовский А. Ю. Борьба народов Средней Азии против арабского завоевания // Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958.
- Боргояков. О некоторых терминах. — Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // УЗ ХНИИЯЛИ. 1959. Вып. VII.
- Борисов. Сирийская надпись. — Борисов А. Я. Сирийская надпись на сосуде из Тараза // Изв. АН КазССР. Сер. археологии. 1948. Вып. I. № 46.

- Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. — Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
- Букишан. К истории древних тюркских государственных образований. — Букишан А. С. К истории древних тюркских государственных образований // Известия Восточного факультета АзГУ. 1928. Вып. 3.
- Бурдуков. В старой и новой Монголии. — Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969.
- Буряков, Зильнер. Археологические наблюдения в 1957 г. — Буряков Ю. Ф., Зильнер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте // ТТУ. Нов. сер. 1960. Вып. 172. Исторические науки. Кн. 37.
- Вайнберг, Новгородова. Заметки. — Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. — Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
- Ваклинов. Формиране на старобългарската култура. VI–XI век. — Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура. VI–XI век. София, 1977.
- Василевич Г. М. Эвенки. — Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969.
- Васильев. Графический фонд. — Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983.
- Васильев. К вопросу. — Васильев Д. Д. К вопросу о культурно-письменных центрах Тюркского каганата // И. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 2. М., 1977.
- Васильев. Корпус. — Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
- Васильев. Памятники. — Васильев Д. Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // СТ. 1976. № 1.
- Васильев. Археологические исследования. — Васильев К. Археологические исследования во Внутренней Монголии // ВДИ. 1959. № 3.
- Васильев. Бань Чао. — Васильев Л. С. Бань Чао в Западном крае // ВДИ. 1955. № 1.
- Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках. — Васильев В. П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне // СТОЭ. 1897. Вып. III.
- Васильева. Связь ханьского Китая. — Васильев Л. С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // ВИМК. 1958. № 5.
- Веселовский. Орхонские открытия. — Веселовский Н. И. Орхонские открытия // ЖМНП. 1894. Т. 292. Вып. 4.
- Виттик. Новые эпиграфические памятники. — Виттик Д. Ф. Новые эпиграфические памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Винокурова. Ткани из замка на горе Муг. — Винокурова М. П. Ткани из замка на горе Муг // Изв. ООИ АН ТаджССР. 1957. Вып. 14.
- Витт. Лошади Пазарыкских курганов. — Витт В. О. Лошади Пазарыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI.
- Владимирцов. Географические имена орхонских надписей. — Владимирцов Б. Я. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // ДАН-В. 1929.

- Владимирцов. Заметки. — Владимирцов Б. Я. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам // ДАН-В. 1929.
- Владимирцов. Небольшая тюрко-енисейская надпись. — Владимирцов Б. Я. Небольшая тюрко-енисейская надпись на р. Тесе (Западная Монголия). Б. м., б. д. (отд. оттиск).
- Владимирцов. Общественный строй монголов. — Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. М., 1934.
- Владимирцов. По поводу древнетюркского Отыкен. — Владимирцов Б. Я. По поводу древнетюркского Otyken üiṣ // ДАН-В. 1929.
- Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования. — Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия: Сб. Т. II. Л., 1927.
- Владимирцов. Mongolica. — Владимирцов Б. Я. Mongolica I // ЗКВ. 1920. Т. I.
- Волин. Извлечения. — Волин С. Извлечения из «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик» Ибн Хордадбека // МИТТ. М.; Л., 1939. Т. I.
- Волин. К вопросу о замке на горе Муг. — Волин С. Л. К вопросу о замке на горе Муг // Тр. Тадж. базы АН СССР. 1938. Т. IX.
- Волин. К истории древнего Хорезма. — Волин С. Л. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1.
- Волин. Сведения. — Волин С. Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960.
- Волков. Основные проблемы изучения. — Волков В. В. Основные проблемы изучения бронзового и раннего железного века МНР // Олон Улсын Монголч Эрдэмтний II их хурал. I б. Улаанбаатар, 1972.
- Ворошина. Раннесредневековый город. — Ворошина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии // СА. 1959. № 1.
- Восточный Туркестан. — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С. Л. Тихвинского и Б. А. Литвинского. М., 1988.
- Вяткина. Кэнтэйская руническая надпись. — Вяткина К. В. Кэнтэйская руническая надпись // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Владимирцова: Сб. М., 1958.
- Вяткина. Очерки культуры. — Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969.
- Гаврилова. Могилиник. — Гаврилова А. А. Могилиник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Гаврилова. Новые находки. — Гаврилова А. А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // КСИА. 1968. Вып. 114.
- Гадло. Этническая история Северного Кавказа. — Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гай Юлий Солин. — См.: Латышев. Известия древних писателей.
- Гардиш. Украшения известий. — Цит. по изд. и пер. В. В. Бартольда (см.: Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию).
- Гафуров. История таджикского народа. — Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Изд. 2-е. Т. I. М., 1952.
- Гафуров. Таджики. — Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Гибб. Арабская литература. — Гибб А. Р. Х. Арабская литература. Классический период. М., 1960.

- Гмыря. «Царство гуннов». — Гмыря Л. Б. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане (IV–VII вв.). М., 1980.
- Гозиев. Турк-руник ёзувидаги белгиларига дойр. — Гозиев Х. Турк-руник ёзувидаги белгиларига дойр // Узбек тили адабисти масалалари. 1958. № 2.
- Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов. — Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 гг. М., 1965.
- Гордлевский. Что такое «босый волк»? — Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? // ИАН. ОЛЯ. 1947. Т. 6. Вып. 4.
- Гохман. Антропологическая характеристика. — Гохман И. И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // ТБНИИ. Вып. 3. Улан-Удэ, 1960.
- Гохман. Антропологическое изучение Забайкалья. — Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 7. Л., 1977.
- Грач. Археологические раскопки. — Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве // Труды комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М.; Л., 1960.
- Грач. Вопросы датировки и семантики. — Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // ТС. 1972. М., 1973.
- Грач. Древнетюркские изваяния. — Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- Грач. Древние кочевники. — Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грач. Каменные изваяния. — Грач А. Д. Каменные изваяния Западной Тувы (К вопросу о погребальном обряде тугю) // СМАЭ. 1955. Т. XVI.
- Грач. Петроглифы Тувы. — Грач А. Д. Петроглифы Тувы, I // СМАЭ. 1957. Т. XVII.
- Грач. Хронологические и этнокультурные границы. — Грач А. Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // ТС. М., 1966.
- Грум-Гржимайло. Западная Монголия. — Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
- Грязневич, Болдырев, О двух редакциях. — Грязневич П. А., Болдырев А. Н. О двух редакциях «Та'рих-и Табарн» Балами // СВ. 1957. № 3.
- Гузев. К вопросу о слоговом характере. — Гузев В. Г. К вопросу о слоговом характере тюркского рунического письма // ВЯ. 1994. № 5.
- Гузев. К вопросу об увлечении внешней формой. — Гузев В. Г. К вопросу об увлечении внешней формой письма в тюркской рунологии // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII: Сб. ст. СПб., 2000.
- Гузев. Основные положения. — Гузев В. Г. Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники. (В печати.)
- Гульбин. К статье «Г. И. Спасский» — Гульбин Г. Г. К статье «Г. И. Спасский» // ИГО. 1940. Т. 72.
- Гумилев. Древние тюрки. — Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев. По поводу интерпретации Уланкомской надписи. — Гумилев Л. Н. По поводу интерпретации Уланкомской надписи // СА. 1963. № 1.
- Гумилев. Удельно-лестничная система. — Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI–VIII вв. // СЭ. 1959. № 3.
- Гумилев. Хунну. — Гумилев Л. Н. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М., 1960.

- Гуссейнов. Сирийские источники XII–XIII вв. — Гуссейнов Р. Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960.
- Дебец. Палеоантропология СССР. — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л., 1948. Т. IV.
- Дестунис. Византийские историки. — Дестунис С. Византийские историки. СПб., 1860.
- Джалилов. Согд. — Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. // ТИИАЭ АН ТаджССР. 1961. Т. XXX.
- Джамаль Карши. — См.: Бартольд. Туркестан. Т. I (тексты).
- Джумагулов. Эпиграфика Киргизии. — Джумагулов Ч. Д. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987.
- Джумангулов, Кляшторный. Наскальная эпиграфика. — Джумангулов Ч. Д., Кляшторный С. Г. Наскальная древнетюркская эпиграфика в Таласском Ала-Тоо // СТ. 1983. № 3.
- Длужневская. Еще раз о Кудыргинском валуне. — Длужневская Г. В. Еще раз о Кудыргинском валуне (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // ТС. 1974. М., 1978.
- Дмитриева. Древнеуйгурские материалы. — Дмитриева Л. В. Древнеуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения АН СССР // Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1959.
- Дмитриева. Хуастуанифт. — Дмитриева Л. В. Хуастуанифт (Введение, текст, перевод) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.
- Доржсүрен. Изучение. — Доржсүрен Н. Изучение историко-археологических памятников Монголии. Улан-Батор, 1954 (монг. яз.).
- Думан. Внешнеполитические связи. — Думан Л. И. Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I–III вв. // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
- Думан. О труде Н. Я. Бичурина. — Думан Л. И. О труде Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 2. М., 1977.
- Думан. Расселение. — Думан Л. И. Расселение не китайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III–IV вв. н. э. // Китай: история, культура и историография. М., 1977.
- Дьяконов. Образ Сиявуши. — Дьяконов М. М. Образ Сиявуши в среднеазиатской мифологии // КСИИМК. 1951. Вып. 10.
- Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. — Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М.; Л., 1952 (МИА, № 24).
- Еремян. Армения. — Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацулу» (армянской географии VII в.). Ереван, 1961.
- Еремян. Монсей Каланкатуйский о посольстве албанского князя. — Еремян С. Т. Монсей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илтиверу // ЗИВ АН. Т. 7. Л., 1939.
- Жанузаков. Обычаи и традиции. — Жанузаков Т. Ж. Обычаи и традиции казахской антропонимии // Этнография имен. М., 1971.

- Жданко. Очерки. — Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков // ТИЭ. Нов. сер. 1950. Т. IX.
- Жирмунский. О некоторых проблемах. — Жирмунский В. М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // ТС. 1970. М., 1970.
- Жирмунский. О тюркском народном стихе. — Жирмунский В. М. О тюркском народном стихе. Некоторые проблемы теории // Тюркский героический эпос. Л., 1974.
- Жордания. Хроники. — Жордания Ф. Д. Хроники и другие материалы по истории и литературе Грузии. Тбилиси, 1893 (на груз. яз.).
- Жуковская. Заметки о монгольской антропонимии. — Жуковская Н. Л. Заметки о монгольской антропонимии // Ономастика Востока. М., 1980.
- Замечания китайского Цзун-ли ямыня. — См.: Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках.
- Захарова. Двенадцатилетний животный цикл. — Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8.
- Заходер. Хорасан. — Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков // ВИ. 1945. № 5–6.
- Зуев. К этнической истории усуней. — Зуев Ю. А. К этнической истории усуней // ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8.
- Зуев. Китайские известия о Суябе. — Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 3(14).
- Зуев. О взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами. — Зуев Ю. А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I в. до н. э. // Изв. АН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права. 1957. Вып. 2(5).
- Зуев. Тамги лошадей. — Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо. Т. III 72. С. 1305–1308) // ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. 8.
- Зяблин. Второй буддийский храм. — Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.
- Ибн ал-Асам ал-Куфи. — См.: Kurat. Kuteybe bin Müslim.
- Ибн ал-Асир. — Ибн ал-Асир. Ал-хамил фи-т-тарих // Ibn al-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C. J. Tornberg. Vol. I–XIV. Lugduni Batavorum, 1851–1876.
- Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан. — Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан // Фотокопия Мешхедской рукописи (ИБ АН СССР. ФВ-202).
- Ибн Фадлан. — См.: Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана.
- Иванов. Тохарские языки. — Иванов В. В. Тохарские языки: Сб. ст. / Под ред. В. В. Иванова. М., 1959.
- Иванов. Тохары. — Иванов В. В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1992.
- Иванов. Скульптура алтайцев. — Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979.
- Иностранцев. Сасанидские этюды. — Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.
- Иосиф Флавий. — См.: Латышев. Известия древних писателей.
- Ислямов. Строй предложения в языке древнетюркских памятников. — Ислямов А. Строй предложения в языке древнетюркских памятников // УЗ СГПИ. 1959. Вып. 3.
- Ислямов. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников. — Ислямов А. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников // УЗ СГПИ. 1957. Вып. 2.

- История агван. — История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1861.
- История Сибири. — История Сибири. Т. I: Древняя Сибирь. Л., 1968.
- Йакут. — Jacut's Geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin. St. Petersburg und Paris / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I–VI. Leipzig, 1866–1873.
- Йакут. Китаб муджам ал-булдан. — Йакут. Китаб муджам ал-булдан // МИТТ. 1937. Т. 1.
- Казакевич. Намогильные статуи в Дариганте. — Казакевич В. А. Намогильные статуи в Дариганте. 1930.
- Какабадзе. О передвижениях печенегов. — Какабадзе С. Н. О передвижениях печенегов в VII–VIII вв. (Резюме доклада) // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. 1931. № 8.
- Капанцян. Историко-лингвистические работы. — Капанцян Гр. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия. Ереван, 1956.
- Кара. Книги. — Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972.
- Карпов. Туркмены-огузы. — Карпов Г. И. Туркмены-огузы // Изв. ТФАН СССР. 1945. № 1.
- Каруновская. Представления алтайцев о вселенной. — Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (Материалы к алтайскому шаманству) // СЭ. 1935. № 4–5.
- Касевич. Фонологические проблемы. — Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Каталог гор и морей. — Каталог гор и морей (Шань хай пзин) / Предисл., пер. и коммент. Э. М. Япшиной. М., 1977.
- Катанов. Голландский путешественник Ник. Витсен. — Катанов Н. Ф. Голландский путешественник Ник. Витсен и труды его о России и Азии // Изв. Об-ва археол., истории и этнографии Каз. ун-та. Казань, 1901. Т. XVII. Вып. 4.
- Катанов. Швед Филипп-Иоганн Страленберг. — Катанов Н. Ф. Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его о России и Сибири (начала XVII в.) // Изв. Об-ва археол., истории и этнографии Каз. ун-та. Казань, 1903. Т. XIX.
- Киселев. Древняя история Южной Сибири. — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Киселев. История Тувы. — Киселев С. В. История Тувы. М., 1959.
- Клеменц. Археологический дневник. — Клеменц Д. А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году // СТОЭ. 1985. Вып. II.
- Клеменц. Краткий перечень. — Клеменц Д. А. Краткий перечень главнейших сведений о состоянии культуры в Восточном Туркестане (рукопись) // АВ ЛО ИВАН, ф. 2, оп. 1, л. 126.
- Клеменц. Отдельная экскурсия. — Клеменц Д. А. Отдельная экскурсия в Восточную Монголию // ИАН. 1896. Т. 4. Вып. 1.
- Клеменц. Письмо. — Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова // СТОЭ. 1892. Вып. I.
- Клишчицкий. Название Согдианы. — Клишчицкий С. И. Название Согдианы в топонимике Таджикистана // ЗИВ АН. 1937. Вып. 6.
- Клюкин. Новые данные о племени тардушей и толисов. — Клюкин И. А. Новые данные о племени тардушей и толисов // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932. № 1–2.

- Кляшторный. Генеалогия. — Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западно-тюркских и тюркешских каганов // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985.
- Кляшторный. «Государь Китая». — Кляшторный С. Г. «Государь Китая» в Бугутской надписи // ППИПИКНВ. Вып. 20. М., 1986.
- Кляшторный. Д. А. Клевец. — Кляшторный С. Г. Д. А. Клевец и открытие памятников древнетюркской письменности // Пигмаллон музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца. СПб., 1998.
- Кляшторный. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье. — Кляшторный С. Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1964.
- Кляшторный. Древнетюркская надпись. — Кляшторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. Кн. 2.
- Кляшторный. Древнетюркская письменность. — Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // ТС. 1972. М., 1973.
- Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись. — Кляшторный С. Г. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом нерстие из Ферганы // Археологические работы в Таджикистане в 1957 году. Вып. V. Сталинабад, 1959. (ТИИАЭ АН ТаджССР. Т. СIII).
- Кляшторный. Древнетюркская цивилизация. — Кляшторный С. Г. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // СТ. 1987. № 3.
- Кляшторный. Древнетюркские памятники. — Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный. Из истории борьбы. — Кляшторный С. Г. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам) // ЭВ. 1954. Т. IX.
- Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // ПВ. 1959. № 5.
- Кляшторный. К вопросу о подлинности надписи. — Кляшторный С. Г. К вопросу о подлинности древнетюркской надписи с именем Чингиз-хана // ПВ. 1960. № 1.
- Кляшторный. Кангюйская этнопонимика. — Кляшторный С. Г. Кангюйская этнопонимика в орхонских текстах // СЭ. 1951. № 3.
- Кляшторный. Мифологические сюжеты. — Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // ТС. 1977. М., 1981.
- Кляшторный. Монеты с рунической надписью из Монголии. — Кляшторный С. Г. Монеты с рунической надписью из Монголии // ТС. 1972. М., 1973.
- Кляшторный. Наскальные надписи. — Кляшторный С. Г. Наскальные рунические надписи Монголии // ТС. 1977. М., 1978.
- Кляшторный. Новые эпиграфические работы в Монголии. — Кляшторный С. Г. Новые эпиграфические работы в Монголии // История и культура Центральной Азии. М., 1983.
- Кляшторный. Об изучении древнеуйгурских памятников в СССР. — Кляшторный С. Г. Об изучении древнеуйгурских памятников в СССР // Исследования по уйгурскому языку. Вып. 2. Алма-Ата, 1970.
- Кляшторный. По поводу интерпретации. — Кляшторный С. Г. По поводу интерпретации Уланкомской надписи // СА. 1963. № 4.

- Кляшторный. Представления древних тюрков о пространстве. — Кляшторный С. Г. Представления древних тюрков о пространстве // ППИПИКНВ. 1975. Ч. 1.
- Кляшторный. Проблемы ранней истории. — Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии. Памяти С. И. Киселева. М., 1965.
- Кляшторный. Руническая надпись. — Кляшторный С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби // Studia Turcica. Budapest, 1971.
- Кляшторный. Руническая эниграфика. — Кляшторный С. Г. Руническая эниграфика Южной Сибири (на скальных надписи Тепсея и Турана) // СТ. 1976. № 1.
- Кляшторный. Рунические памятники. — Кляшторный С. Г. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999.
- Кляшторный. Согдийцы в Семиречье. — Кляшторный С. Г. Согдийцы в Семиречье // СЭ. 1959. № 1.
- Кляшторный. Согдийцы в Центральной Азии. — Кляшторный С. Г. Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам) // ЭВ. 1961. Т. XIV.
- Кляшторный. Стелы Золотого озера. — Кляшторный С. G. Стелы Золотого озера // Turcologica. К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976.
- Кляшторный. Терхинская надпись. — Кляшторный С. Г. Терхинская надпись // СТ. 1980. № 3.
- Кляшторный. Титул согдийского владетеля. — Кляшторный С. Г. Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте // ПВ. 1960. № 6.
- Кляшторный. Тэсинская стела. — Кляшторный С. Г. Тэсинская стела // СТ. 1983. № 6.
- Кляшторный. Уланкомская надпись. — Кляшторный С. Г. К историографической оценке Уланкомской надписи // ЭВ. 1961. Т. XIV.
- Кляшторный. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. — Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // ТС. 1974. М., 1978.
- Кляшторный. Эпиграфические исследования. — Кляшторный С. Г. Эпиграфические исследования в Монголии // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.
- Кляшторный. Эпиграфические работы. — Кляшторный С. Г. Эпиграфические работы в Монголии // Studia archaeologica. Т. IX, Fasc. 3. Ulan Bator, 1980.
- Кляшторный. Яксарт — Сыр-Дарья. — Кляшторный С. Г. Яксарт — Сыр-Дарья // СЭ. 1953. № 3.
- Кляшторный, Лившиц. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских памятников. — Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Кляшторный, Лившиц. Согдийская надпись из Бугута. — Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971.
- Кляшторный, Лившиц. Сэврэйский камень. — Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Сэврэйский камень // СТ. 1971. № 3.
- Кляшторный, Лубо-Лесниченко. Бронзовое зеркало. — Кляшторный С. Г., Лубо-Лесниченко Е. И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // СГЭ. 1974. Т. 30.

- Кляшторный, Савинов. Пазаракская узда. — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Пазаракская узда. К предыстории гунно-юэчпетских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. СПб., 1998.
- Книга моего деда Коркута. — Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.; Л., 1962.
- Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана. — Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Ковалевский. Путешествие. — Ковалевский А. П. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
- Ковалівський. Абу-л-Хасан 'Алі ал-Мас'уді. — Ковалівський А. П. Абу-л-Хасан 'Алі ал-Мас'уді як учений // УЗ ХГУ. 1957. Т. 78.
- Кожемяко. Оседлые поселения. — Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Кожемяко. Раннесредневековые города. — Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
- Козлов. Монголия и Амдо. — Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Харакхото. М., 1947.
- Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. — Козьмин Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934.
- Козьмин. Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина. — Козьмин Н. Н. Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников // С. Ф. Ольденбург: Сб. Л., 1934.
- Кон. Исторический очерк. — Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902) Казань, 1902.
- Кондратьев. Грамматический строй. — Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. Л., 1981.
- Кондратьев. Материалы к характеристике деспричастий в языке памятников. — Кондратьев В. Г. Материалы к характеристике деспричастий и формы на -дук в языке памятников тюркской рунической письменности // УЗ ЛГУ. Сер. востоковедных наук. Вып. 12. № 305.
- Кондратьев. Очерк грамматики. — Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.
- Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников. — Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Кононов. История изучения. — Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дюктябрьский период. Л., 1972.
- Кононов. К истории русской тюркологии. — Кононов А. Н. К истории русской тюркологии (до XIX в.) // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960.
- Кононов. К этимологии этнонимов. — Кононов А. Н. К этимологии этнонимов кыпчак, куман, кумык // UAI. 1976. Bd. 48.
- Кононов. Опыт анализа термина түрк. — Кононов А. Н. Опыт анализа термина түрк // СЭ. 1947. № 1.
- Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази. — Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.
- Кононов. Снособы и термины. — Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // ТС. 1974. М., 1978.
- Константин Багрянородный. Об управлении государством / Пер. В. В. Латышева и Н. В. Малицкого // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 91.

- Коржавин, Мирзоев, Яновский. К характеристике сибирского областничества. — Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. К характеристике сибирского областничества // Сибирские огни. 1971. № 12.
- Кормушин. К основным понятиям тюркской палеографии. — Кормушин И. В. К основными понятиями тюркской рунической палеографии // СТ. 1975. № 2.
- Кормушин. Текстологические исследования. — Кормушин И. В. Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам. I // ТС. 1977. М., 1981.
- Кормушин, Насилов. За научное глубокое изучение. — Кормушин И. В., Насилов Д. М. За научное глубокое изучение древнетюркских рунических памятников // СТ. 1972. № 5.
- Кори. Древнейший народный стих. — Кори Ф. Е. Древнейший народный стих турецких племен // ЗВО. 1909. Т. XIX.
- Котвич. В Хушо-цайдаме. — Котвич В. Л. В Хушо-цайдаме // ТТКО ИРГО. 1912. Т. XV. № 1.
- Крачковский. Арабская географическая литература. — Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л., 1957.
- Крачковский, Крачковская. Древнейший арабский документ. — Крачковский И. Ю., Крачковская В. А. Древнейший арабский документ из Средней Азии // Согдийский сборник. Л., 1934. С. 52–90.
- Крюков, Малавин, Софронов. Китайский этнос. — Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.) М., 1984.
- Крюков, Софронов, Чебоксаров. Древние китайцы. — Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
- Ксенофонт. Расшифровка. — Ксенофонт Г. Расшифровка двух памятников орхонской письменности М. Рясаненом // ЯМ. 1933. Вып. I.
- Кузнецов. Тибетская летопись. — Кузнецов Б. И. Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных». Л., 1961.
- Кузнецов. Аланские племена. — Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.
- Кулаковский. Аланы. — Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- Кумеков. Государство кимаков IX–XI вв. — Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Кызласов. Древняя Тува. — Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979.
- Кызласов. История Тувы. — Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов. Начало сибирской археологии. — Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник «А. В. Арциховскому. К 60-летию со дня рождения». М., 1962.
- Кызласов. Новая датировка. — Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3.
- Кызласов. О датировке памятников. — Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.
- Кызласов. О значении термина балбал. — Кызласов Л. Р. О значении термина балбал древнетюркских надписей // ТС. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966.
- Кызласов. Остатки замка. — Кызласов Л. Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим // СА. 1958. № 3.

- Кызласов. Работы Чуйского отряда. — Кызласов Л. Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953–1954 гг. // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI.
- Кызласов. Тува в период Тюркского каганата. — Л. Р. Кызласов. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник МГУ. Сер. IX. 1960. № 1.
- Кызласов. Смирнова, Щербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим. — Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953–1954 гг. // УЗ ИВ АН. 1958. Т. XVI.
- Кычанов. К вопросу о происхождении тангутов. — Кычанов Е. И. К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам) // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961.
- Кычанов. Китайский рукописный атлас. — Кычанов Е. И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина // Страны и народы Востока. Л., 1959. Вып. 1.
- Кюннер. Библиография китайской и маньчжурской литературы. — Кюннер Н. В. Библиография китайской и маньчжурской литературы по истории Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т. VIII.
- Кюннер. Китайские известия. — Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Кюннер. Работа Н. Я. Бичурина над китайскими источниками. — Кюннер Н. В. Работа Н. Я. Бичурина (Иакнифа) над китайскими источниками для «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.
- Лазарь Парбский. — См.: Langlois. Collection.
- Латышев. Известия древних писателей. — Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Ч. I–II. СПб., 1904–1906.
- Лебедев. География в России XVII века. — Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.; Л., 1949.
- Левин, Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы. — Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4.
- Левшин. Описание. — Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. Изв. Географические. СПб., 1832.
- Лелке. Ядринцев. Биографический очерк. — Лелке М. Я. М. Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины (1894–1904). СПб., 1904.
- Лившиц. О происхождении. — Лившиц В. А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ. 1978. № 4.
- Лившиц. Согдийский брачный контракт. — Лившиц В. А. Согдийский брачный контракт начала VIII в. н. э. // СЭ. 1960. № 5.
- Лившиц. Согдийский документ В-4. — Лившиц В. А. Согдийский документ В-4 с горы Муг // ПВ. 1959. № 6.
- Лившиц. Согдийский посол. — Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг) // СЭ. 1960. № 2.
- Лившиц. Три письма. — Лившиц В. А. Три письма с горы Муг // ПВ. 1960. № 6.
- Лившиц, Кауфман, Дьяконов. О древней согдийской письменности. — Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары // ВДИ. 1954. № 1.

- Лигети. [Рец. на кн.:] Сравнительная грамматика. — Лигети Л. [Рец. на кн.:] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков // ВЯ. 1955. № 5.
- Литвинский. Изучение курумов. — Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. // Тр. АН ТаджССР. 1959. Т. 103.
- Литвинский. Исторические судьбы. — Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.
- Ловягин. Посольство Кунраада фон Кленка. — Ловягин А. М. Посольство Кунраада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.
- Лувсандэндэв. Шинээр олдсон. — Лувсандэндэв А. Шинээр олдсон нэг тюрк битээсийн тухай. Улан-Батор, 1956 (монг. яз.).
- Лубсандендыб. Об одной вновь найденной тюркской надписи. — Лубсандендыб А. Об одной вновь найденной тюркской надписи. Уланбатор, 1956.
- Майдар. Архитектура и градостроительство Монголии. — Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии. № 89. М., 1971.
- Малицкий. О связи тюркских тамг. — Малицкий Н. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами // ПТКЛА. 1897–1898. Т. III.
- Малов. Древнетурецкие надгробия. — Малов С. Е. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // ИАН. ОГН. 1929.
- Малов. Енисейская письменность. — Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Малов. Новые памятники. — Малов С. Новые памятники с турецкими рунами // ЯМ. 1936. Вып. VI–VII.
- Малов. Памятники. — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Малов. Памятники Монголии и Киргизии. — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Малов. Таласские эпиграфические памятники. — Малов С. Е. Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариса. 1936. Вып. 6–7.
- Малов. [Рец. на кн.:] Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. — Малов С. Е. [Рец. на кн.:] Бернштам Л. Н. Древнетюркский документ из Согда // ИАН СССР. ОЛЯ. 1954. Т. XIII. № 2.
- Малов. [Рец. на кн.:] Nemeth J. Die Inschriften des Schatzes von Nage Szent-Miklos. — Малов С. Е. [Рец. на кн.:] Nemeth J. Die Inschriften des Schatzes von Nage-Szent-Miklos // Библиография Востока. 1937. Вып. 10.
- Малов. [Рец. на кн.:] Orkun. Eski turk yazitlari. 1940. — Малов С. Е. [Рец. на кн.:] Orkun H. N. Eski turk yazitlari // ЯМ. 1940. Вып. IX.
- Малов. [Рец. на кн.:] Orkun. Eski turk yazitlari. 1948. — Малов С. Е. [Рец. на кн.:] Orkun H. N. Eski turk yazitlari // ВДИ. 1948. № 2.
- Малаявкин. Историческая география. — Малаявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981.
- Малаявкин. Марионетки. — Малаявкин А. Г. Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. М., 1984.
- Малаявкин. Материалы по истории уйгуров. — Малаявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.

- Малаявкин. Тактика Танского государства. — *Малаявкин А. Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
- Малаявкин. Уйгурские государства. — *Малаявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.
- Мамонова. К антропологии гуннов. — *Мамонова Н. Н.* К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемухова Падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
- Манандян. Маршруты. — *Манандян Я. А.* Маршруты персидских походов императора Ираклия // Византийский вестник. 1950. Т. III.
- Мандельштам. Материалы. — *Мандельштам А. М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. // ТИИАЭ АН ТаджССР. 1957. Т. LIII.
- Мандельштам. О значении термина «чакир». — *Мандельштам А. М.* К вопросу о значении термина «чакир» // Изв. ООА АН ТаджССР. 1954. Вып. 5.
- Мандельштам. Сложение таджикской народности. — *Мандельштам А. М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье // СА. 1954. Т. XX.
- Марко Поло. Книга. — *Марко Поло.* Книга. М., 1955.
- Марков. История хозяйства. — *Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979.
- Марков. Кочевники Азии. — *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1975.
- Мартынов. Особенности торговли. — *Мартынов А. С.* Особенности торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
- Массон. Ахангеран. — *Массон М. Е.* Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Массон. Из истории распространения шелкопряда. — *Массон М. Е.* Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда *Bombux moti* // Белек. Сб. в честь С. Е. Малова. Фрунзе, 1946.
- Массон. К истории открытия. — *Массон М. Е.* К истории открытия древнетюркских рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. Вып. 6–7. М.; Л., 1936.
- Массон, Ромодин. История Афганистана. — *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. I. М., 1964.
- Махмутов. Как возник древнетюркский алфавит. — *Махмутов А.* Как возник древнетюркский алфавит // Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969.
- Ма Чаншоу. Туцзюэ гоцзя шэхуэй фачжань. — *Ма Чаншоу.* Туцзюэ гоцзя шэхуэй фачжань (Социальная эволюция Тюркского каганата). Пекин, 1958.
- Медведева. Хронологический перечень трудов С. Е. Малова и литература о нем // ТС. 1975. М., 1978.
- Медоев. Гравюры на скалах. — *Медоев А. Г.* Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. I. Алма-Ата, 1979.
- Мелетинский. Введение в историческую поэтику. — *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
- Мелетинский. Поэтика мифа. — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976.
- Мелетинский. Происхождение героического эпоса. — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.

- Меликсет-бек. Публикация письменных источников. — *Меликсет-бек Л. М.* Публикация письменных источников по истории Грузии. Каталог. Т. I. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Мелиоранский. Два серебряных сосуда. — *Мелиоранский П. М.* Два серебряных сосуда с енисейскими надписями // ЗВО. 1902. Т. XIV.
- Мелиоранский. Небольшая орхонская надпись. — *Мелиоранский П. М.* Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея // ЗВО. 1904.
- Мелиоранский. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках. — *Мелиоранский П. М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках // ЖМНП. 1898. Т. 6.
- Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — *Мелиоранский П. М.* Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВО. 1899. Т. XII.
- Мелиоранский. [Рец. на кн.:] *Vambery. Noten.* — *Мелиоранский П. М.* [Рец. на кн.:] *Vambery H. Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens* // ЗВО. 1899. Т. XII.
- Менандр Протектор. История. — См.: *Дестунис.* Византийские историки.
- Мецкерский. История Иудейской войны. — *Мецкерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
- Минаев. Сведения. — *Минаев И.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879.
- Мирзоев. Историкография Сибири. — *Мирзоев В. Г.* Историкография Сибири (Домарксистский период). М., 1970.
- Михайлова. Новые эпиграфические данные. — *Михайлова А. И.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // ЭВ. 1951. Т. V.
- Могилевский. Памяти Д. А. Клеменца. — *Могилевский Н.* Памяти Д. А. Клеменца // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914.
- Мокрынин. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня. — *Мокрынин В. П.* О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Принссыкулля. Фрунзе, 1975.
- Мункуев. Рец. на: *Чэнь Чжун-лянь.* Дополнения к «Материалам по истории западных тюрков». — *Мункуев Н. Ц.* [Рец. на кн.:] *Чэнь Чжун-лянь.* Дополнения к «Материалам по истории западных тюрков» и исследования. Пекин, 1958 // СВ. 1960. № 1.
- Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. — *Муратов С. Н.* Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
- Мурзаев. Монгольская Народная Республика. — *Мурзаев Э. М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М., 1948.
- Наделяев. Древнетюркская надпись. — *Наделяев В. М.* Древнетюркская надпись из Ховд-сомона, МНР // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Наделяев. Древнетюркская руническая надпись. — *Наделяев В. М.* Древнетюркская руническая надпись на Кош-Агача // Изв. СО АН СССР. 1973. Сер. обществ. наук. Вып. 2.
- Наршахи. — См.: *Frye. History of Bukhara.*
- Насилов. Изучение памятников. — *Насилов Д. М.* Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // ТС. 1970. М., 1970.
- Насилов. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников. — *Насилов Д. М. В. В.* Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // ТС. 1972. М., 1973.
- Насилов. Рецензия. — *Насилов Д. М.* [Рец. на кн.:] *Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic* // НАА. 1971. № 4.

- Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. — Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Насилов, Кормушин. За научное, глубокое изучение. — Насилов Д. Н., Кормушин И. В. За научное, глубокое изучение древнетюркских рунических памятников // СТ. 1972. № 5.
- Неклюдов. Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций. — Неклюдов С. Ю. Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций и проблема восточных влияний в европейском эпосе // Тинология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
- Неклюдов. Мифология тюркских и монгольских народов. — Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // ТС. 1977. М., 1981.
- Нидерман. Историческая фонетика. — Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949.
- Новлянская. Даниил Готтлиб Мессершмидт. — Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
- Новлянская. Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири. — Новлянская М. Г. Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири // ИГО. 1962. Т. 94. Вып. 3.
- Новлянская. Филипп Иоганн Страленберг. — Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
- Новые эпиграфические находки в Киргизии. — Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Фрунзе, 1962.
- Обручев. Ордос. — Обручев В. А. Ордос. Орографический и геологический очерк // Сб. памяти И. В. Мушкетова. СПб., 1905.
- Обручев. Центральная Азия. — Обручев В. А. Центральная Азия, Северный Китай и Наньшань. Т. I–II. СПб., 1900–1901.
- Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству. — Окладников А. П. Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. Т. I. М.; Л., 1955.
- Ольденбург. Буддийские легенды. — Ольденбург С. Ф. Буддийские легенды и буддизм // Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962.
- Открытия русских землепроходцев. — Открытия русских землепроходцев и поларных мореходов XVII века. Сборник документов. М., 1951.
- Очерки. — Очерки по истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959.
- Ошанин. Китайско-русский словарь. — Ошанин И. М. Китайско-русский словарь. М., 1952.
- Памяти В. Томсена. — Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928.
- Патканов. Армянская география. — Патканов К. П. Армянская география VII в. по Р. Х., приписываемая Моисею Хоренскому. СПб., 1877.
- Певцов. Проблемы дешифровки. — Певцов А. М. Проблемы дешифровки чжурчженской письменности // ВЯ. 1992. № 1.
- Певцов. Очерки путешествия по Монголии. — Певцов М. В. Очерки путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951.
- Петрушевский. Земледелие в Иране. — Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960.

- Пигулевская. Авары. — Пигулевская Н. В. Авары и славяне в сирийской историографии // СВ. 1941. Т. II.
- Пигулевская. Византия и Иран. — Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946.
- Пигулевская. Византия на путях в Индию. — Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л., 1951.
- Пигулевская. Города Ирана. — Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956.
- Пигулевская. Мар Абба. — Пигулевская Н. В. Мар Абба I. К истории культуры VI в. н. э. // СВ. 1948. Т. V.
- Пигулевская. О городах Ирана. — Пигулевская Н. В. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // СВ. 1955. № 6.
- Пигулевская. Сирийская легенда. — Пигулевская Н. В. Сирийская легенда об Александре Македонском // Палестинский сборник. 1958. Вып. 3.
- Пигулевская. Сирийские источники. — Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
- Пигулевская. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты. — Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // СВ. 1940. Т. I.
- Плано Карпини. История монголов. — Плано Карпини. История монголов. М., 1967.
- Плетнева. От кочевий к городам. — Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
- Плетнева. Печенеги, торки и половцы. — Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
- Плетнева. Хазары. — Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.
- Плиний Младший. — См.: Латышев. Известия древних писателей.
- Позднеев. Исторический очерк уйгуров. — Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.
- Поливанов. Идеографический мотив. — Поливанов Е. Д. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита // Бюллетень САГУ. 1929. № 9.
- Поливанов. Ту-кюз. — Поливанов Е. Д. Ту-кюз китайской транскрипции — турклар // ИАН. 1927.
- Попов. Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность. — Попов И. И. Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность // Клеменц Д. А. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925.
- Попов. Замечания по поводу нового перевода. — Попов П. Замечания по поводу нового перевода надписи на памятнике Цюе-Тегина // ЗАН. 1894–1895. Т. 75.
- Попов. Мэн-гу-ю-му-цзи. — Попов П. С. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
- Потанин. Тангуты-Тибетская окраина. — Потанин Г. Н. Тангуты-Тибетская окраина Китая и Восточная Монголия. Т. I. СПб., 1893.
- Потанов. Волк в старинных поверьях. — Потанов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. 1958. Вып. 30.
- Потанов. Древнетюркские черты почитания Неба. — Потанов Л. П. Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Потанов. К вопросу о древнетюркской основе. — Потанов Л. П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

- Потанов. Конь в верованиях и эпосе. — Потанов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.
- Потанов. Новые данные. — Потанов Л. П. Новые данные о древнетюркском Ötüken // СВ. 1957. № 1.
- Потанов. Новые материалы. — Потанов Л. П. Новые материалы о древних этногенетических связях народностей Саяно-Алтайского нагорья // Доклады советской делегации на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
- Потанов. Очерки. — Потанов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Потанов. Очерки по истории алтайцев. — Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
- Потанов. Умай — божество древних тюрков. — Потанов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // ТС. 1972. М., 1973.
- Преловский. Поэзия древних тюрков: долгий путь к нам. — Преловский А. Поэзия древних тюрков: долгий путь к нам // Литературная газета. 1991. 26.VI.
- Пржевальский. Монголия и страна тангутов. — Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. М., 1946.
- Птицын. О географии «Шахнам». — Птицын Г. В. К вопросу о географии «Шахнама» // ТОВЭ. 1947. Т. IV.
- Путешествие через Сибирь. — Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этнографии. Т. X. Вып. 1. СПб., 1882.
- Путилов. Методология. — Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.
- Пытин. История русской этнографии. — Пытин А. Н. История русской этнографии. Т. IV. СПб., 1892.
- Пэрлэ. Тахир чулуу. — Пэрлэ Х. Тахир чулуу. Улаанбаатар, 1960.
- Радлов. Атлас древностей Монголии. — Радлов В. В. Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1–4. СПб., 1892–1899.
- Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. СПб., 1893, 1899, 1905, 1911.
- Радлов, Мелиоранский. Древнетюркские памятники. — Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // СТОЭ. 1897. Вып. IV.
- Радлов. Сибирские древности. — Радлов В. В. Сибирские древности. Вып. 1. СПб., 1888.
- Рамstedt. Как был найден Селенгинский камень. — Рамstedt Г. И. Как был найден Селенгинский камень // ТТКО ИРГО. СПб., 1914. Т. IV. Вып. 1.
- Рамstedt. Перевод надписи Селенгинского камня. — Рамstedt Г. Перевод надписи Селенгинского камня // ТТКО. ИРГО. 1912. Т. XV. Вып. 1.
- Распопова. Гончарные изделия согдийцев. — Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // Тр. Кирг. арх.-этно. экспедиции. 1960. Т. IV.
- Рахманов. Поэтика памятника Кюль-тегину. — Рахманов Н. А. Поэтика памятника Кюль-тегину. Автореф. ... канд. дис. Ташкент, 1983.
- Рашид-ад-Дин. — Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I–III. М.; Л., 1946–1960.
- Ремпель. Археологические памятники. — Ремпель Л. И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата, 1956.

- Розен. Об арабских переводах «Худай-наме». — Розен В. Р. К вопросу об арабских переводах «Худай-наме» // Восточные заметки. СПб., 1895.
- Розен. Suum cuique. — Розен В. Р. Suum cuique // ЗВО. 1894. Т. VIII.
- Розен. [Рец. на кн.:]. — Розен В. Р. [Рец. на кн.:]. Inscriptions de l'Jenissei // ЗВО. 1883. Т. IV.
- Розенберг. Согдийские «старые письма» // Розенберг Ф. А. Согдийские «старые письма». К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии // ИАН СССР. ООИ. 1932. № 5.
- Ромасевич. Персидские источники. — Ромасевич А. А. Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X–XV вв. // МИТТ. 1939. Т. I.
- Рубрук. Путешествие. — Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Маленпа. М., 1957.
- Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства. — Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках // Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961 (Географическое общество СССР).
- Руденко. Культура населения. — Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Рудо. О вооружении Согда. — Рудо К. Г. К вопросу о вооружении Согда VII–VIII вв. // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР. 1952. Вып. I.
- Рулянцева. Киргизский народ. — Рулянцева П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.
- Рыбаков. Русские карты Московии XV — начала XVI веков. — Рыбаков Е. А. Русские карты Московии XV — начала XVI веков. М., 1974.
- Рыгдылон. Новые рунические надписи. — Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи Минусинского края // ЭВ. 1951. Т. IV.
- Рыгдылон. О знаках на плитах с руническими надписями. — Рыгдылон Э. Р. О знаках на плитах с руническими надписями // ЭВ. 1954. Т. IX.
- Рыгдылон, Хороших. Новые рунические надписи Прибайкалья. — Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья // ТБНИИ. Историко-филологическая сер. 1961. Вып. 6.
- Савинов. Народы Южной Сибири. — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов. О длительности пребывания. — Савинов Д. Г. О длительности пребывания енисейских кыргызов в Центральной Азии // Вестник ЛГУ. 1978. № 14.
- Самойлович. «Богатый» и «бедный». — Самойлович А. Н. «Богатый» и «бедный» в тюркских языках // ИАН СССР. 1936. № 4.
- Самойлович. Вильгельм Томсен и тюркология. — Самойлович А. Н. Вильгельм Томсен и тюркология // Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928.
- Самойлович. Материалы для указателя. — Самойлович А. Н. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности // ТТКО ИРГО. 1912. Т. XV. Вып. 1.
- Самойлович. Новые тюркские руны из Монголии. — Самойлович А. Н. Новые тюркские руны из Монголии // ИАН СССР. ООИ. 1934. № 8.
- Самойлович. Памяти П. М. Мелиоранского. — Самойлович А. Н. Памяти П. М. Мелиоранского // ЗВО. 1907. Т. XVIII.
- Сборник памяти Д. А. Клеменца. — Сборник памяти Д. А. Клеменца // Изв. Вост.-Сиб. отдела Географ. об-ва. Т. XIV. Иркутск, 1916.

- Севортян. Этимологический словарь. — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Сельвина. Калмыцкие личные имена. — Сельвина Р. Л. Калмыцкие личные имена // Этническая ономастика. М., 1984.
- Семенов. К проблеме рабства. — Семенов Г. И. К проблеме рабства у кочевых народов // Изв. АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1958. Вып. 1.
- Семенов. Проблемы истории. — Семенов Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов в период феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974.
- Сесюнина. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. — Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). Томск, 1974.
- Смирнова. Заметки. — Смирнова О. И. Заметки о среднеазиатской титулатуре (по монетным данным) // ЭВ. 1961. Т. XIV.
- Смирнова. Из истории арабских завоеваний. — Смирнова О. И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии // СВ. 1957. № 2.
- Смирнова. К истории Самаркандского договора. — Смирнова О. И. К истории Самаркандского договора 712 г. // КСИВАН. 1960. Вып. XXVIII.
- Смирнова. Карта верховьев Зеравшана. — Смирнова О. И. Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII века // Страны и народы Востока. 1961. Вып. II.
- Смирнова. Материалы. — Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет // ЭВ. 1932. Т. VI.
- Смирнова. Монетные находки. — Смирнова О. И. Монетные находки на Пенджикентском городище (Предварительное сообщение по материалам 1955–1936 гг.) // Тр. АН ТаджССР. 1959. Т. 91. Вып. 4.
- Смирнова. Согдийские монеты. — Смирнова О. И. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии // СВ. 1949. Т. VI.
- Смирнова. Согдийские монеты Эрмитажа. — Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа // ЭВ. 1951. Т. IV.
- Соколов. Авестийский язык. — Соколов С. Н. Авестийский язык. М., 1961.
- Соколов. О башкирских тамгах. — Соколов Д. Н. О башкирских тамгах. Оренбург, 1904.
- Спаский. Восточная библиография. — Спаский Г. И. Восточная библиография // Азиатский вестник. 1825. Кн. 4.
- Ставиский. Исторические сведения. — Ставиский Б. Я. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины // История материальной культуры Узбекистана: Сб. Вып. 1. Ташкент, 1959.
- Ставиский. О международных связях Средней Азии. — Ставиский Б. Я. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII вв. // ПВ. 1960. № 5.
- Стариков. Фирдоуси. — Стариков А. А. Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» // Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. М., 1957.
- Стеблева. Древнетюркская «Книга гаданий». — Стеблева И. В. Древнетюркская «Книга гаданий» как произведение поэзии // История, культура, языки народов Востока. М., 1970.
- Стеблева. Еще раз об орхоно-енисейских текстах. — Стеблева И. В. Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии // НАА. 1969. № 2.
- Стеблева. Реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // ТС. 1971. М., 1972.

- Стеблева. Поэзия тюрков. — Стеблева И. В. Поэзия орхоно-енисейских тюрков // НАА. 1963. № 1.
- Стеблева. Поэзия тюрков VI–VIII веков. — Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. М., 1966.
- Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы. — Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.
- Стеблева. Синкретизм религиозно-мифологических представлений. — Стеблева И. В. Синкретизм религиозно-мифологических представлений домусульманских тюрков // НАА. 1989. № 4.
- Суразаков. Алтайский героический эпос. — Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М., 1985.
- Суразаков. Сходные черты. — Суразаков С. С. Сходные черты стиля в орхонских надписях и эпосе тюркоязычных народов (на примере алтайского эпоса) // Типология народного эпоса. М., 1975.
- Сухарева. К истории городов. — Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958.
- Сухбаатар. Сяньби. — Сухбаатар Г. Сяньби. Улан-Батор, 1971.
- Сухраб. Книга 'аджа'иб ал-акалим ас-саб'а. — См.: M'zik. Kitab Ağa'ib.
- Сэроджав. Шинэ олдсон. — Сэроджав Н. Шинэ олдсон туурэг бичээсийн тухай. Улаанбаатар, 1960.
- Ся Най. Сасанидские серебряные монеты. — Ся Най. Сасанидские серебряные монеты, найденные в Синин, пров. Цинхай // Каогу сюебао. 1958. № 19. (на кит. яз.).
- Табалдиев. Курганы. — Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
- Та'рих-и Вассаф. — 'Абдаллах ибн Фазлуллах Вассаф. Та'рих-и Вассаф [Бомбей, 1853].
- Таскин. Материалы. — Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968.
- Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. — Тенишев Э. Р. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976.
- Тенишев. Руническая надпись. — Тенишев Э. Р. Руническая надпись на утесе р. Чарыша (Алтай) // ЭВ. 1958. Т. XII.
- Тенишев. Структура и история тюркских языков. — Тенишев Э. Р. Структура и история тюркских языков. М., 1971.
- Тенишев, Новгородова. Новые рунические надписи. — Тенишев Э. Р., Новгорова Э. А. Новые рунические надписи в горах Монгольского Алтая // История и культура Центральной Азии. М., 1976.
- Тизенгаузен. Сборник материалов. — Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. М.; Л., 1941.
- Титов. Сибирь в XVII веке. — Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М., 1890.
- Толстов. Генезис феодализма. — Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Проблемы генезиса и развития феодализма: Сб. Л., 1934.
- Толстов. Города гузов. — Толстов С. П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3.
- Толстов. Древний Хорезм. — Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. — Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1.

- Толстов. К истории хорезмийских Сиявушидов. — Толстов С. П. К истории хорезмийских Сиявушидов // ИАН. Серия истории и философии. 1940. № 4.
- Толстов. О происхождении каракалпакского народа. — Толстов С. П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. 1947. Вып. II.
- Толстов. Огузы, печенеги и море Даукара. — Толстов С. П. Огузы, печенеги и море Даукара. Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья // СЭ. 1950. № 4.
- Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. — Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Толстов. Приаральские скифы. — Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи) // СЭ. 1961. № 4.
- Толстов. Работы Хорезмийской экспедиции в 1949–1953 гг. — Толстов С. П. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // ТХАЭЭ. 1958. Т. II.
- Толстов. Работа Хорезмийской экспедиции в 1954–1956 гг. — Толстов С. П. Работа Хорезмийской экспедиции в 1954–1956 гг. // Материалы Хорезмийской экспедиции. 1959. Вып. I.
- Толстов. Тирания Аброя. — Толстов С. П. Тирания Аброя // Исторические записки. 1938. Т. III.
- Тревер. Кушаны, хониты и эфталиты. — Тревер К. В. Кушаны, хониты и эфталиты по армянским источникам IV–VII вв. // СА. 1954. Т. 21.
- Трояков. Аналогии. — Трояков П. А. Аналогии героическому эпосу тюркоязычных народов в орхоно-енисейских памятниках // Фольклор и историческая этнография. М., 1963.
- Трыярки. Новые исследования. — Трыярки Э. Новые исследования по древнетюркским памятникам в Монголии и методология издания рунических надписей // Олон улсын монголч эрдэмтний I их хурал. Т. II. Улаанбаатар, 1973.
- Тугушева. Древние уйгурские стихи. — Тугушева Л. Ю. Древние уйгурские стихи (рукопись из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР) // СТ. 1970. № 2.
- Тугушева. Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки. — Тугушева Л. Ю. Орхоно-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие // ТС. 1974. М., 1978.
- Тугушева. Поэтические памятники. — Тугушева Л. Ю. Поэтические памятники древних уйгуров // ТС. 1972. М., 1973.
- Тугушева. Фрагменты. — Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюаньцзана. М., 1980.
- Туденов. Роль орхоно-енисейских надписей. — Туденов Г. О. Роль орхоно-енисейских надписей в истории развития художественного сознания народов Центральной Азии и Южной Сибири // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1986.
- Умняков. Тохарская проблема. — Умняков И. И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. № 3–4.
- Умняков. Тохары. — Умняков И. И. Тохары и тохарский вопрос // ТУГУ. Нов. сер., сер. ист.-филол. наук. 1946. Вып. I. № 31.
- Унговичкая. Памятники енисейской письменности. — Унговичкая М. А. Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов // СТ. 1971. № 5.
- Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. — Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.

- Феофилакт Симокатта. История. — Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957.
- Фирдоуси. Шах-наме. — Фирдоуси. Шах-наме / Пер. И. В. Бану-Лахути. Т. II. М., 1960.
- Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. — Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. I / Под ред. Е. Э. Бертельса. М., 1960.
- Флуг. История китайской печатной книги. — Флуг К. К. История китайской печатной книги Суинской эпохи X–XIII вв. М.; Л., 1959.
- Формозов. Очерки по истории русской археологии. — Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
- Фрейман. Древнейшая согдийская надпись. — Фрейман А. А. Древнейшая согдийская надпись // ВДИ. 1939. № 3.
- Фрейман. Тохарский вопрос. — Фрейман К. А. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // УЗ ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. 1952. Вып. 3. № 128.
- Фрейман. Три согдийских документа. — Фрейман А. А. Три согдийских документа с горы Муг // Согдийские документы с горы Муг. Вып. I. М., 1962.
- Фридрих. История письма. — Фридрих И. История письма. М., 1979.
- Фролов. Палеолитическое искусство и мифология. — Фролов Б. А. Палеолитическое искусство и мифология // У истоков творчества. Новосибирск, 1978.
- Фэн Цзяшэн. Ицзюлюин нянь. — Фэн Цзяшэн. Ицзюлюин нянь цзай Тулуфань синь чу ту гу туцзюэ ды вэньшу (Древнетюркские тексты, вновь найденные в Турфане в 1960 г.) // ВИ. 1963. № 3.
- Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из Восточной Монголии. — Фэн Цзя-шэн. Руническая надпись из Восточной Монголии (Опыт расшифровки) // СЭ. 1959. № 1.
- Хенниг. Неведомые земли. — Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. М., 1961.
- Худуд ал-'Алам. — См.: Бартольд. Худуд ал-'Алам; Minorsky. Hudud al-'Alam.
- Худяков. Кок-тюрки на среднем Енисее. — Худяков Ю. С. Кок-тюрки на среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
- Чистов. Фольклор и культура этноса. — Чистов К. В. Фольклор и культура этноса // СЭ. 1979. № 4.
- Чичуров. Византийские исторические сочинения. — Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофаия, «Бревиарий» Никифора. Текст, перевод, комментарий. М., 1980.
- Чичуров. О кавказском походе императора Ираклия. — Чичуров И. С. О кавказском походе императора Ираклия // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Чугуевский. Дуньхуановедение. — Чугуевский Л. И. Дуньхуановедение // ППВ. 1968. М., 1970.
- Чэнь Чжун-мянь. Дополнение к «Материалам по истории западных тюрков». — Чэнь Чжун-мянь. Дополнение по истории «западных тюрков» и исследования. Т. I–II. Пекин, 1958 (на кит. яз.).
- Чэнь Чжун-мянь. Собрание исторических сведений о тюрках. — Чэнь Чжун-мянь. Собрание исторических сведений о тюрках. Т. I–II. Пекин, 1958 (на кит. яз.).
- Шавкунов. О письменности бохайцев. — Шавкунов Э. В. К вопросу о письменности бохайцев // ПВ. 1958. № 6.
- Шан Юэ. Очерки истории Китая. — Шан Юэ. Очерки истории Китая с древности до «ониумных» войн / Под ред. Шан Юэ. М., 1959.

- Шатинова. К истории алтайских имен. — Шатинова И. И. К истории алтайских имен // Этнография имен. М., 1971.
- Шер. Каменные изваяния. — Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Шидловский. Григорий Иванович Спасский. — Шидловский А. Ф. Григорий Иванович Спасский // ИГО. 1939. Т. 71.
- Шифнер. Об этнографической важности. — Шифнер А. А. Об этнографической важности знаков собственности // УЗ АН. I и III отделение. 1855. Т. 3.
- Шишкин. К вопросу о древних культурных связях. — Шишкин В. А. К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии: Сб. М.; Л., 1959.
- Щербак. Грамматический очерк. — Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.
- Щербак. Древнеуйгурская надпись. — Щербак А. М. Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника Над поляной // КСИА. 1968. Вып. 114.
- Щербак. Енисейские рунические надписи. — Щербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // ТС. 1970. М., 1970.
- Щербак. Знаки на керамике. — Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела — Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов) // МИА. 1959. № 75.
- Щербак. Надпись. — Щербак А. М. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // ЭВ. 1961. Т. XIV.
- Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей. — Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА. 1954. Т. XIX.
- Щербак. Новая руническая надпись на камне. — Щербак А. М. Новая руническая надпись на камне // УЗ ТННН. 1961. Вып. 9.
- Щербак. О чтении легенд. — Щербак А. М., Кыласов Л. Р., Смирнова О. И. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953–1954 гг. // УЗ ИВАН СССР. 1958. Т. XVI.
- Щербак. Об алтайской гипотезе в языкознании. — Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании // ВЯ. 1959. № 6.
- Щербак. Огуз-наме. — Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.
- Щербак. П. М. Мелноранский и изучение памятников. — Щербак А. М. П. М. Мелноранский и изучение памятников тюркской письменности.
- Щербак. С. Е. Малов — исследователь. — Щербак А. М. С. Е. Малов — исследователь древнетюркских и древнеуйгурских памятников // СТ. 1975. № 5.
- Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы. — Щербак А. М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // НАА. 1961. № 2.
- Штернберг. Кастрен. — Штернберг Л. Л. Кастрен — алтаист и этнограф // Памяти М. А. Кастрена, к 75-летию со дня смерти. Л., 1927.
- Энгельс. Происхождение семьи. — Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
- Яворский. Н. М. Мартыанов. — Яворский Г. Н. Мартыанов. Краткий очерк жизни и деятельности. Красноярск, 1969.
- Ядринцев. Древние памятники и письмена в Сибири. — Ядринцев Н. Древние памятники и письмена Сибири // Лит. сб.: Собрание научных и лит. статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885.

- Ядринцев. Отчет и дневник. — Ядринцев Н. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 году // СТОЭ. 1901. Вып. V.
- Ядринцев. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. — Ядринцев Н. М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. по поручению Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества // СТОЭ. 1892. Вып. I.
- Ядринцев. Предварительный отчет. — Ядринцев Н. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хангае // СТОЭ. 1892. Вып. I.
- Ядринцев. Путешествие на верховья Орхона. — Ядринцев Н. М. Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракурма // Изв. Вост.-Сиб. отдела Географ. об-ва. 1889. Т. XXXVI. Вып. 4.
- Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен. — Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII–IX в. // СЭ. 1947. № 3.
- Якубовский. К вопросу об этногенезе. — Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза узбекского народа. Ташкент, 1941.
- Якубовский. О русско-хазарских отношениях. — Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т. III. № 5.
- Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе. — Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе // КСИИМК. 1946. Вып. 12.
- Якубовский. Развитие городов Средней Азии. — Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии // Тр. Тадж. ФАН СССР. 1951. Т. XXIX.
- Яо Вэй-юань. Бэй чао хусин као. — Яо Вэй-юань. Бэй чао хусин као. (О фамилиях [варваров]-ху в эпоху Северных династий). Пекин, 1958 (на кит. яз.).
- Aalto. G. I. Ramstedt und die Inschrift von Tonjukuk. — Aalto P. G. I. Ramstedt und die Inschrift von Tonjukuk // Jean Deny Armagani. Ankara, 1958.
- Aalto. Materialien. — Aalto P. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei // JSFOu. 1958. Vol. 60.
- Aalto. Oriental, studies in Finland. — Aalto P. Oriental, studies in Finland. Helsinki, 1971.
- Aalto. Zu den Pferdnamen der Orchon-Inschriften. — Aalto P. Zu den Pferdnamen der Orchon Inschriften // FUF. 1946. Bd. 129. H. 1–3.
- Adam. Manichäismus. — Adam A. Manichäismus // HO. 1961. Bd. 8. Abt. 1.
- Alberuni's. India. — Alberuni's. India / Ed. by E. Sachan. London, 1887.
- Altheim. Aus Spätantike. — Altheim F. Aus Spätantike und Christentum. Tübingen, 1951.
- Altheim. Ein asiatischer Staat. — Altheim F. Ein asiatischer Staat. Wiesbaden, 1954.
- Altheim. Geschichte der Hunnen. — Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. I. Berlin, 1959; Bd. II. Berlin, 1960.
- Altheim. Hunnische Runen. — Altheim P. Hunnische Runen. Halle, 1948.
- Altheim, Stihl. Finanzgeschichte. — Altheim F., Stihl R. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main, 1957.
- Ananias of Širak. The geography. — Ananias of Širak. The geography: the long and the short recensions / Introd., trad., comment. by R. H. Hewsen. Wiesbaden, 1992.
- Andersson. Selected Ordos bronzes. — Andersson G. Selected Ordos bronzes // BMFEA. 1933. N 4.
- Andrews. The new conquest of Central Asia. — Andrews R. Ch. The new conquest of Central Asia. A narrative of the explorations of the Central-Asiatic expeditions in Mogolia and China, 1921–1930. New York, 1932.

- Appelgren-Kivalo*. Altaische Kunstdenkmäler. — *Appelgren-Kivalo*. Altaische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931.
- Arat*. Der Herrschertitel. — *Arat R.* Der Herrschertitel Idi-qut // UAJ. 1964. Bd. 35.
- Arat*. Eski türk nukuk veşikalari. — *Arat R.* Eski türk nukuk veşikalari // Türk kültürü arastirmalari. T. I. Ankara, 1964.
- Arat*. Eski Türk siiri. — *Arat R.* Eski Türk siiri. Ankara, 1965.
- Arendt*. Studien zur chinesischen Inschriften. — *Arendt C.* Studien zur chinesischen Inschriften // MSOS. 1901. Bd. IV.
- Arlotto*. Old Turkic oracle Books. — *Arlotto A.* Old Turkic oracle Books // MS. 1970–1971. Vol. 29.
- Arlotto*. The so-called Christian oracle book. — *Arlotto A.* The so-called Christian oracle book // MS. 1070–1971. Vol. 29.
- Asmussen*. Studies in Manichaeism. — *Asmussen Xuastvanift Y. P.* Studies in Manichaeism. Copenhagen, 1965.
- Asmussen*. The Sogdian and Uighur-Turkish Christian literature. — *Asmussen J.* The Sogdian and Uighur-Turkish Christian literature in Central Asia before the rise of Islam // A Survey of Indological and Buddhist studies. Volume in honour of Professor Y. W. de Yong on his sixtieth birthday. Canberra, 1982.
- [*Aspelin, Donner*]. Inscriptions de l'Jenissei. — [*Aspelin J. R., Donner O.*] Inscriptions de l'Jenissei recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889.
- Babinger*. Hans Dernschwams Tagebuch. — *Babinger F.* Hans Dernschwams-Tagebucheiner Reise nach Konstantinopel und Kleinasien. Leipzig, 1923.
- Bacot*. Reconnaissance. — *Bacot J.* Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouïgours au VIII siècle // JA. 1956. Vol. 254. N 2.
- Bacot, Thomas, Toussaint*. Documents de Touen-Houang. — *Bacot J., Thomas P. W., Toussaint Ch.* Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire dit Tibet. Paris, 1940–1946.
- Bagchi*. Deux lexiques. — *Bagchi P. Ch.* Deux lexiques sanskrit chinois. Vol. II. Paris, 1929.
- Bagchi*. India and Central Asia. — *Bagchi P. Ch.* India and Central Asia. Calcutta, 1955.
- Bailey*. A Khotanese text. — *Bailey H. W.* A Khotanese text concerning the Turks in Kantsou // AM. N.S. 1949. Vol. I. Pt. 1.
- Bailey*. Analecta Indoscythica. — *Bailey H. W.* Analecta Indoscythica. II // JRAS. 1954.
- Bailey*. Ariaca. — *Bailey H. W.* Ariaca // BSOS. 1953. Vol. XV. Pt. 3.
- Bailey*. Dictionary. — *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
- Bailey*. Iranian studies. — *Bailey H. W.* Iranian studies // BSOS. 1932. Vol. VI. Pt. 4.
- Bailey*. Khotanese Buddhist texts. — *Bailey H. W.* Khotanese Buddhist texts // Cambridge Oriental series. Vol. 3. London, 1951.
- Bailey*. Languages of the Saka. — *Bailey H. W.* Languages of the Saka // HO. Bd. IV. Leiden, 1958.
- Bailey*. Recent work. — *Bailey H. W.* Recent work in «Tokharian» // TPhS. 1947.
- Bailey*. Seven princes. — *Bailey H. W.* The seven princes // BSOS. 1948. Vol. XII. Pt. 3–4.
- Bailey*. Six Indo-Iranian notes. — *Bailey H. W.* Six Indo-Iranian notes // TPhS. 1952.
- Bailey*. Stael-Holstein miscellany. — *Bailey H. W.* The Stael-Holstein miscellany // AM. N. s. 1951. Vol. II. Pt. 1.
- Bailey*. Taugara. — *Bailey H. W.* Taugara // BSOS. 1937. Vol. VIII. Pt. 4.
- Bailey*. Turks in Khotanese texts. — *Bailey H. W.* Turks in Khotanese texts // JRAS. 1939. Pt. 1.

- Bailey*. Turkish proper names. — *Bailey H. W.* Turkish proper names in Khotanese // T. V. Togan'a Armagan. Istanbul, 1954.
- Bang*. Bruchstücke. — *Bang W.* Bruchstücke einer Nestorianischen Georgspassion // Le Muséon. 1926. Vol. 39.
- Bang*. [Peu. на кн.:] *E. Sieg*. Ein einheimischer Name für Toxri. — *Bang W.* [Peu. на кн.:] *E. Sieg*. Ein einheimischer Name für Toxri // KSz. 1918. Bd. XVIII.
- Bang*. Manichäische Erzähler. — *Bang W.* Manichäische Erzähler // Le Muséon. 1931. Vol. 44.
- Bang*. Manichäische Hymnen. — *Bang W.* Manichäische Hymnen // Le Muséon. 1925. Vol. XXXVIII.
- Bang*. Über die türkischen Namen. — *Bang W.* Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen // KSz. 1917. Bd. XVII.
- Bang*. Volksnamen besenyö. — *Bang W.* Ueber den Volksnamen besenyö // Turan. 1918. N 6–7.
- Bang, Gabain*. Analytischer Index. — *Bang W., Gabain A. v.* Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte // SPAW. Phil.-hist. kl. 1931. Bd. XVII.
- Bang, Gabain*. Der grosse Hymnus. — *Bang W., Gabain A. v.* Der grosse Hymnus auf Mani // SETF. Bd. 2. Leipzig, 1972.
- Bang, Gabain*. Türkische. — *Bang W., Gabain A. v.* Türkische Turfan-Texte. V // SPAW. 1931. Bd. XIV.
- Bang, Gabain, Rachmati*. Türkische Turfan-Texte. — *Bang W., Gabain A. v., Rachmati G. R.* Türkische Turfantexte. 6. Das Buddhistische Sutra Säkiz Yükmäk // SPAW. 1934. Bd. X.
- Bang, Gabain*. Türkische Turfan-Texte. I. — *Bang W., Gabain A. v.* Türkische Turfan-Texte. I // SPAW. 1929.
- Bang, Gabain*. Türkische Turfan-Texte. II. — *Bang W., Gabain A. v.* Türkische Turfan-Texte. II // SETF. Bd. 2. Leipzig, 1972.
- Bang, Gabain*. Türkische Turfan-Texte. III. — *Bang W., Gabain A. v.* Türkische Turfan-Texte. III // SEDTF. Bd. 2. Leipzig, 1972.
- Bang, Rachmati, Arat*. Lieder aus Alt-Turfan. — *Bang W., Rachmati, Arat G. B.* Lieder aus Alt-Turfan // AM. 1933. Vol. 9.
- Barthold*. Allan. — *Barthold W.* Allan // EI. Vol. I.
- Barthold*. Caghaniyan. — *Barthold W.* Caghaniyan // EI. Vol. I.
- Barthold*. Histoire des Turcs. — *Barthold W.* Histoire des Turcs d'Asie Centrale. Paris, 1945.
- Barthold*. Historische Bedeutung. — *Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // ATIM. N. F. 1897.
- Barthold*. Karluk. — *Barthold W.* Karluk // EI. Vol. II.
- Barthold*. Quellen. — *Barthold W.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen // ATIM. Z. F. 1899.
- Barthold*. Sür-Darja. — *Barthold W.* Sür-Darja // EI. Vol. IV.
- Barthold*. Tokhäristän. — *Barthold W.* Tokhäristän // EI. Vol. IV.
- Barthold*. Turkestan. — *Barthold W.* Turkestan down to the Mongol invasion. London, 1958.
- Barthold*. 12 Vorlesungen. — *Barthold W.* 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Deutsche Bearbeitung von T. Menzel. Berlin, 1935.
- Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch. — *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. 2. Aufl. Berlin, 1961.
- Bazin*. Appartenances linguistiques. — *Bazin L.* Appartenances linguistiques des envahisseurs altaïques de la Chine du Nord aux IV-ème et V-ème siècles A. D. // Cahiers d'histoire mondiale. 1953. Vol. I. N 1.

- Bazin*. La littérature. — *Bazin L.* La littérature épigraphique turque ancienne // PhTF. 1964. Vol. 2.
- Bazin*. Les calendriers. — *Bazin L.* Les calendriers turcs anciens et medievux. Lille, 1974.
- Bazin*. Les systèmes chronologiques. — *Bazin L.* Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest, 1991.
- Bazin*. Les Turcs et les Sogdiens. — *Bazin L.* Les Turcs et Les Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie) // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. Paris, 1975.
- Bazin*. L'inscription. — *Bazin L.* L'inscription d'Uyug-Tarlig // Acta Orientalia. Kopenhagen, 1957. T. XXII.
- Bazin*. Recherches. — *Bazin L.* Recherches sur les parlers T'o-pa // TP. 1950. T. 99. Fasc. 4–5.
- Bazin*. Structures. — *Bazin L.* Structures et tendances communes des langues turques // PhTF. Bd. I.
- Bazin*. Texte prototurc. — *Bazin L.* Un texte prototurc du IV-ème siècle du distique Hiong-nou de Tsing-chou // Oriens. 1948. Vol. I. Pt. 2.
- Bazin*. Turcologie: bilan provisoire. — *Bazin L.* La turcologie: bilan provisoire // Diogene. 1956. N 24.
- Beal*. Si-yu-ki. — *Beal S.* Si-yu-ki. Buddhist records of the Western world. Translated from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629). Vol. I–II. London, 1884 (Trübner's Oriental series).
- Beckwith*. The Tibetan empire. — *Beckwith Ch. J.* The Tibetan empire in Central Asia. Princeton, 1987.
- Benveniste*. L'Erän-Vež. — *Benveniste E.* L'Erän-Vež et l'origine légendaire des Iraniens // BSOS. 1934. Vol. VII.
- Benveniste*. Nom sogdiens. — *Benveniste E.* Nom sogdiens dans un texte pehlévi de Turfan // JA. 1930. Vol. 217.
- Benveniste*. Textes. — *Benveniste E.* Textes sogdiens. Paris, 1940.
- Benveniste*. Vessantara Jātaka. — *Benveniste E.* Vessantara Jātaka. Paris, 1946 (Textes Sogdiens. Vol. IV).
- Benzing*. Das Hunnische. — *Benzing J.* Das Hunnische, Donaubulgarische und Wolgabulgarische // PhTF. 1959. Bd. I.
- Benzing*. Einführung. — *Benzing J.* Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. Wiesbaden, 1953.
- Bloch*. Inscriptions. — *Bloch E.* Les inscriptions turques de l'Orkhon // Revue archéologique. III sér. 1898. Vol. 32, 38.
- Bombaci*. Histoire de la littérature turque. — *Bombaci A.* Histoire de la littérature turque. Paris, 1968.
- Bombaci*. On the Ancient Turkish Title «Šad». — *Bombaci A.* On the Ancient Turkish Title «Šad». Guru-rajamanjrika. Napoli, 1974.
- Bombaci*. Qutlug Bolzun. — *Bombaci A.* Qutlug Bolzun! A Contribution to the History of the Concept of «Fortune» Among the Turks. P. 2 // UAJ. 1966. Bd. 38.
- Bombaci*. The Turkic Literatures. — *Bombaci A.* The Turkic Literatures. Introductory Notes on the History and Style // PhTF. Vol. 2. Wiesbaden, 1964.
- Boodberg*. Marginalia. — *Boodberg P. A.* Marginalia to the histories of the Khotanese dynasties // HJAS. 1939. Vol. II.
- Boodberg*. Selected Works. — *Boodberg P. A.* Selected Works. Berkeley; Los Angeles, 1979.
- Boodberg*. Three notes. — *Boodberg P. A.* Three notes on the T'u-chueh (Turcs) // Publications in Semitic Philology University of California. Berkeley, 1951. T. XI.

- Boodberg*. To-pa Wei. — *Boodberg P. A.* The language of the To-pa Wei // HJAS. 1963. Vol. I.
- Boodberg*. Two notes. — *Boodberg P. A.* Two notes on the history of the Chinese frontier. I. Hu colonies in Northwestern China under the Han // HJAS. 1936. Vol. I. N 2.
- Bretschneider*. Mediaeval researches. — *Bretschneider E.* Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources: fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th centur. Vol. I–II. London, 1910 (Trübner's Oriental series, 57).
- Brockelmann*. Geschichte. — *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Literatur. Bd. I–II. Weimar, 1898–1902; I suppl. Bd. Leiden, 1943–1944.
- Brockelmann*. Zu den alttürkischen Inschriften. — *Brockelmann C.* Zu den alttürkischen Inschriften aus der Jenisseigebiet // UAJ. 1952. Bd. XXIV. H. 1–2.
- Brosset*. Histoire de la Géorgie. — *Brosset M.* Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. Part I. St.-Petersbourg, 1849.
- Bury*. Treatise. — *Bury J. B.* The treatise De administrando imperio // BZ. 1906. Bd. 15.
- Bushell*. The early history of Tibet. — *Bushell S. W.* The early history of Tibet // JRAS. 1888. Vol. VII.
- Bussagli*. Note. — *Bussagli M.* Note sulla forma sogdiana tjwrk // RSO. 1947. Vol. XXII. Fasc. 1.
- Çagatay*. Zur Wortgeschichte. — *Çagatay S.* Zur Wortgeschichte des Anatolisch-türkischen // UAJ. 1960. Bd. XXXII. H. 1–2.
- Campbell*. Report. — [Mr. C. W. Campbell]. Report by Mr. C. W. Campbell. His Majesty's Consul at Wuchow on a journey in Mongolia. London, 1904.
- Candjei*. Ueberblick über den vor- und frühislamischen türkischen Verabau. — *Candjei T.* Ueberblick über den vor- und frühislamischen türkischen Verabau // Der Islam. 1957. Bd. 33. Hf. 1–2.
- Carles*. Ordos. — *Carles W. R.* Problems in exploration. II. Ordos // The Geographical journal. 1909. Vol. XXXIII.
- Chavannes*. Documents. — *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiuë (turks) occidentaux // CTO. 1903. Вып. VI.
- Chavannes*. Les livres chinois. — *Chavannes E.* Les livres chinois avant l'invention du papier // JA. 1905.
- Chavannes*. Les pays d'Occident. — *Chavannes Ed.* Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou // TP. Sér. II. 1907. Vol. 8.
- Chavannes*. Les pays d'Occident d'après le Wei-liu. — *Chavannes Ed.* Les pays d'Occident d'après le Wei-liu // TP. Sér. II. 1905. Vol. 6.
- Chavannes*. Notes additionnelles. — *Chavannes Ed.* Notes additionnelles sur les Tou-kiuë (turks) occidentaux // TP. 1904. Vol. 5.
- Chavannes*. Voyage. — *Chavannes E.* Voyage de Song Yun dans l'Udyāna et le Gandhara (518–522 p. Ch.) // BEFEO. 1903. Vol. 3. N 3.
- Chavannes, Pelliot*. Un traité manichéen. — *Chavannes Ed., Pelliot P.* Un traité manichéen retrouvé en Chine // JA. Sér. X. 1912. Vol. 18; Sér. XI. 1913. N 1.
- Chen Yuan*. A comparative daily calendar. — *Chen Yuan.* A comparative daily calendar for Chinese, European and Mohammedan history. Peking, 1926.
- Christensen*. Études. — *Christensen A.* Etudes sur le zoroastrisme de la Perse antique // Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser. København, 1928. Bd. XV. N 2.
- Christensen*. Les Kayanides. — *Christensen A.* Les Kayanides // Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser. København, 1931. Bd. XIX. N 2.

- Christensen*. Le premier chapitre du Vendidad. — *Christensen A.* Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes // Kgl. Danske Videnskaberne Selskab. Historisk-filologiske Meddelelser. København, 1943. Bd. XXIX. N 4.
- Christensen*. L'Iran. — *Christensen A.* L'Iran sous les Sasanides, 2e ed. Copenhagen, 1944.
- Clauson*. Akbeshim-Suyab. — *Clauson G.* Akbeshim-Suyab // JRAS. 1961. Pt. 1–2.
- Clauson*. A note on Qapqan. — *Clauson G.* A note on Qapqan // JRAS. 1956. Pt. 1–2.
- Clauson*. A propos du manuscrit Pelliot. — *Clauson G.* A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // JA. 1957. Vol. 255. N 1.
- Clauson*. An etymological dictionary. — *Clauson G.* An etymological dictionary of the pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972.
- Clauson*. Notes. — *Clauson G.* Notes in the Irk Bitig // UAJ. 1961. Bd. XXXIII. H. 3–4.
- Clauson*. Philology and archaeology. — *Clauson G.* Philology and archaeology // Antiquity. 1973. Vol. 47.
- Clauson*. Some notes. — *Clauson G.* Some notes on the inscription of Tonuquq // Studia Turcica. Budapest, 1971.
- Clauson*. The geographical names. — *Clauson G.* The geographical names in the Stael-Holstein scroll // JRAS. 1931. Pt. 4.
- Clauson*. The Ongin inscription. — *Clauson G.* The Ongin inscription // JRAS. 1957. Pt. 3–4.
- Clauson*. The origin of the Turkish. — *Clauson G.* The origin of the Turkish «Runic» alphabet // Acta Orientalia. 1970. T. 32.
- Clauson*. Turkish and Mongolian studies. — *Clauson G.* Turkish and Mongolian studies. London, 1962 (Prize publication fund. Vol. XX).
- Clauson*. Turkish elements. — *Clauson G.* The Turkish elements in 14th century Mongolian // CM. 1960. Vol. V. N 4.
- Clauson*. Turk. — *Clauson G.* Turk, Mongol, Tungus // AM. N.S. 1960. Vol. VII. Pt. 1.
- Clauson*, *Tryjarsky*. The Inscription. — *Clauson G.*, *Tryjarsky E.* The Inscription at Ikne Khu-shotu // RO. 1971. Vol. XXXIV. Z. 1.
- Constantin*. A late Kök-Turkish. — *Constantin G. I.* A late Kök-Turkish runic inscription on a semi-precious stone, found in Mongolia // AO. 1959. T. 27. N 3.
- Constantin*. The first mention. — *Constantin Ch. I.* The first mention of the Jenessei old-Kirghis inscriptions: the diary of the Rumanian traveller to China Nicolaie Milescu (Spathary) // Tercica. T. II. Paris, 1972.
- Constantin*. Were the «Hiung-nu». — *Constantin G. I.* Were the «Hiung-nu» Turk's or Mongols? Regarding some etymologies proposed by K. Shiratori // Studia et Acta Orientalia. Bucarest, 1958. T. I.
- Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio. — *Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando Imperio, Greeks text / Ed. by Moravcsik; English transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949 (Magyar — Görög tanul-manyok, 29).
- Cordier*. Histoire. — *Cordier H.* Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie mandchoue. Vol. I–IV. Paris, 1920–1921.
- Cowley*. Unknown language. — *Cowley A.* Another unknown language from Eastern Turkestan // JRAS. 1911.
- Cressey*. Ordos desert. — *Cressey G. B.* The Ordos desert of Inner Mongolia // Denison University bulletin. 1933. Vol. XXXVIII. N 8.
- Csongor*. Chinese in the Uighur script. — *Csongor B.* Chinese in the Uighur script of the Tang-period // AOH. 1952. T. II. Fasc. 1.

- Czaplicka*. The Turks of Central Asia. — *Czaplicka M.* The Turks of Central Asia in history and the present day. Oxford, 1918.
- Czebe*. Miszellen. — *Czebe Gy.* Turco-byzantinische Miszellen, Konstantinoas Porphyrogenetos. De administrando imperio. 37. Kapitel. Über die Petschenegen // KCsA. 1921–1925. Bd. I.
- Czeglédy*. Bahrām Cöbin. — *Czeglédy K.* Bahrām Cöbin and the Persian apocalyptic literature // AOH. 1958. T. VIII. Fasc. 1.
- Czeglédy*. Gardizi on the history. — *Czeglédy K.* Gardizi on the history of Central Asia // AOH. 1973. T. XXVII. Fasc. 3.
- Czeglédy*. Kaukázusi hunok. — *Czeglédy K.* Kaukázusi hunok, kaukázusi avarok // Antik Tanulmányok. 1955. T. II. N 1–3.
- Czeglédy*. Monographs. — *Czeglédy K.* Monographs on Syriac and Muhanmadan sources in the literary remains of M. Kmosko // AOH. 1954. T. IV. Fasc. 1–3.
- Czeglédy*. On the numerical composition. — *Czeglédy K.* On the numerical composition of the ancient Turkish tribal confederation // AOH. 1972. T. XXV.
- Czeglédy*. Steppen. — *Czeglédy K.* IV–IX. századi népmozgalmak a steppén. Budapest, 1964.
- Czeglédy*. Čojay-quzi, Qara-qum, Kök-Öng. — *Czeglédy K.* Čojay-quzi, Qara-qum, Kök-Öng // AOH. 1962. T. XV. Fasc. 1–3.
- Czeglédy*. Zur Stammesorganisation. — *Czeglédy K.* Zur Stammesorganisation der türkischen Völker // AOH. 1982. T. XXXVI.
- Darmesteter*. Zend-Avesta. — *Darmesteter J.* Le Zend-Avesta. Paris, 1892.
- Deb*. Scythian tribal names. — *Deb H. K.* Scythian tribal names in a Mathura epigraph // Indian historical quarterly. 1933. Vol. IX. N 3.
- Deer*. Chapitre 38. — *Deer J.* Le problème du chapitre 38 du *De administrando imperio* // Mélanges Henri Grégoire. Vol. IV. Bruxelles, 1952.
- Deguines*. Histoire générale des Huns. — *Deguines J.* Histoire générale des Huns, Turcs, des Mongols etc. Vol. 1–2. Paris, 1756.
- Devéria*. Transcription, analyse et traduction. — *Devéria G.* Transcription, analyse et traduction des fragments chinois du 2nd et du 3me monument // [Heikel A.] Inscriptions de l'Orkhon. P. XXVII–XXXVIII.
- Doblhöfer*. Byzantinische Diplomaten. — *Doblhöfer E.* Byzantinische Diplomaten und ostlich Barbaren. Graz, 1995 (Byzantinische Geschichtschreiber, Bd. IV).
- Doerfer*. Türkische und mongolische Elemente. — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen. Bd. I–III. Wiesbaden, 1965.
- Doerfer*. Zur Sprache. — *Doerfer G.* Zur Sprache der Hunnen // CAJ. 1973. Vol. XVII.
- Donner*. Die ural-altaischen Sprachen. — *Donner O.* Die ural-altaischen Sprachen // FUF. 1901. Bd. 1. H. 1.
- Donner*. Origine de l'alphabet turc. — *Donner O.* Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie // JSFOu. 1896. Vol. XV. N 1.
- Donner*. Wörterverzeichnis. — *Donner O.* Wörterverzeichnis zu den «Inscriptions de l'Ieniséi» // MSFOu. 1892. Vol. 4.
- Donner*, *Räsänen*. Zwei neue türkische Runeninschriften. — *Donner K.*, *Räsänen M.* Zwei neue türkische Runeninschriften // JSFOu. 1932. Vol. XLV. N 2.
- Drouin*. Mémoires. — *Drouin E.* Mémoires sur les Huns Ephthalites dans leurs rapports avec les rois Perses Sassanides. Louvain, 1895.
- Dunlop*. The history of the Jewish Khazars. — *Dunlop D. M.* The history of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

- Eberhard*. Çin'in şimal komşuları. — *Eberhard W.* Çin'in şimal komşuları. Bir Kaynak kitabı. Ankara, 1942.
- Eberhard*. Das Toba-Reich. — *Eberhard W.* Das Toba-Reich. Leiden, 1949.
- Eberhard*. Kultur und Siedlung. — *Eberhard W.* Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas. Leiden, 1942.
- Eberhard*. Liu Yuan ve Liu Ts'ung. — *Eberhard W.* Çin toprağında lik Hiung-nu hanedaninin hükümdarları Liu Yüan ve Liu Ts'ung'un biyografileri. Ankara, 1942.
- Eberhard*. Šato. — *Eberhard W.* Šato Türklerin kültür tarihine dair notlar // TTKB. 1947. C. XI.
- Eberhard*. The origin of the commonners. — *Eberhard W.* The origin of the commonners in ancient Tun-huang // Sinologica. 1956. Vol. IV.
- Ecsedy*. Tribe and Society. — *Ecsedy H.* Tribe and Society the 6th Century Turk Empire // AOH. 1972. T. XXVI.
- Egami, Mizuno*. Inner Mongolia. — *Egami N., Mizuno S.* Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Tokyo, 1935 (Archaeologia Orientalis. Ser. B. Vol. I).
- Eliade*. The Myth of Eternal Return. — *Eliade M.* The Myth of Eternal Return. N. Y., 1954 (Bollingen Series. T. 46).
- Elöve*. Bir yazı meselesi. — *Elöve A. U.* Bir yazı meselesi üzerine // TDAYB. 1958.
- Emre*. Menseği. — *Emre A. C.* Eski türk yazısının menseği. Istanbul, 1938.
- Emre*. Sur l'origine. — *Emre A. C.* Sur l'origine de l'alphabet vieux-turc (dit alphabet runique de Sibirie). Istanbul, 1938.
- Enoki*. On the nationality of the Ephthalites. — *Enoki K.* On the nationality of the Ephthalites // Memoirs of the Research department of the Toyo Bunko. 1959. N 18.
- Enoki*. S'ogdiana. — *Enoki K.* S'ogdiana and the Hsiung-nu // CAJ. 1956. Vol. I. N 1.
- Enoki*. The lokation of capital. — *Enoki*. The location of capital of Loulan and the date of the Kharosthi documents // MRDTB. 1963. Vol. 22.
- Erdal*. Irk Bitig. — *Erdal M.* Irk Bitig üzerine yeni notlar // TDAY. 1977. Ankara, 1978.
- Esin*. Bedük Bork. — *Esin E.* Bedük Bork. The Iconography of Turkish Honorific Headgears // Proceedings of the IX-th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Naples, 1970.
- Esin*. Tös and Moncuk. — *Esin E.* Tös and Moncuk. Notes on Turkish Flag-Pole Finials // CAJ. 1972. Vol. XVI. N 1.
- Fang-kuei Li*. Notes on Tibetan sog. — *Fang-kuei Li*. Notes on Tibetan sog // CAJ. 1957. Vol. III. N 2.
- Fitzgerald*. Son of Heaven. A biography of Li Shih-min. — *Fitzgerald C. P.* Son of Heaven. A biography of Li Shih-min, founder of the T'ang dynasty. Cambridge, 1933.
- Franke*. Geschichte. — *Franke O.* Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. II–III. Berlin, 1936–1937.
- Franke*. Tibetische Handschriftenfunde. — *Franke A.* Tibetische Handschriftenfunde aus Turfan // SPAW. 1924. Bd. III.
- Frye*. History of Bukhara. — *Frye R.* The history of Burkhara / Translated from a Persian abridgment of the Arabic original by Narshakhi. Cambridge; Massachussets, 1954 (The Mediaeval Academy of America. Publication N 61).
- Frye*. Notes. — *Frye R.* Notes on the history of Transoxiana // HJAS. 1956. Vol. XIX. N 1–2.
- Frye*. Tarxün. — *Frye R.* Tarxün ~ Türxün and Central Asian history // HJAS. 1951. Vol. XIV. N 1–2.

- Fuchs*. Turfangebiet. — *Fuchs W.* Das Turfangebiet. Seine äusseren Geschichte bis in die Tangzeit // OZ. 1926. Bd. III.
- Fujieda*. Kin-yong Koman. — *Fujieda Akira*. Kin-yong Koman. Kyoto, 1957.
- Fujieda*. The Tunhuang manuscripts. — *Fujieda Akira*. The Tunhuang manuscripts. A general description. Pt. 1 // Zinbun. Vol. 9–10. Kyoto, 1966–1969.
- Gabain*. Altürkische. — *Gabain A. v.* Das Altürkische // PhTF. 1959. Vol. 1. 1959.
- Gabain*. Altürkische Datierungsformen. — *Gabain A. v.* Altürkische Datierungsformen // UAJ. 1955. Bd. XXVII. H. 3–4.
- Gabain*. Altürkische Grammatik. — *Gabain A. v.* Altürkische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. 2. Aufl. Leipzig, 1950 (Porta Linguarum Orientalium. XXIII).
- Gabain*. Altürkische Grammatik. 3. — *Gabain A. v.* Altürkische Grammatik. 3. Aufl. Wiesbaden, 1974.
- Gabain*. Altürkische Schrifttum. — *Gabain A. v.* Altürkische Schrifttum. Berlin, 1950 (SDAW. 1948. N 3).
- Gabain*. Altürkische Schreibkultur. — *Gabain A. v.* Altürkische Schreibkultur und Druckerei // PhTF. 1964. Vol. 2.
- Gabain*. Altürkische Texte. — *Gabain A. v.* Altürkische Texte im sogdischen Schrift // Hungaro-Turcica. Studies in honour of Julius Nümeth. Budapest, 1976.
- Gabain*. Beziehungen. — *Gabain A. v.* Hunnisch-türkische Beziehungen // Zeki Velidi Togan Armaganı. Istanbul, 1950–1955.
- Gabain*. Brief. — *Gabain A. v.* Brief der uigurischen Hüen-tsang-Biographie // SPAW. 1938.
- Gabain*. Buddhistische Türkenmission. — *Gabain A. v.* Buddhistische Türkenmission // Asiatica. Festschrift Fr. Weller. Leipzig, 1954.
- Gabain*. Das Leben. — *Gabain A. v.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo 850–1250). Wiesbaden, 1973.
- Gabain*. Das uigurische Königreich. — *Gabain A. v.* Das uigurische Königreich von Chotscho (850–1250) // SPAW. 1961. Bd. 5.
- Gabain*. Der Buddhismus. — *Gabain A. v.* Der Buddhismus in Zentralasien // HO. 1961. Abt. 1. Bd. 8. H. 2.
- Gabain*. Die altürkische Literatur. — *Gabain A. v.* Die altürkische Literatur // PhTF. 1964. Vol. 2.
- Gabain*. Die Drucke. — *Gabain A. v.* Die Drucke der Turfan-Sammlung // SDAW. 1967. N 1.
- Gabain*. Die Frühgeschichte. — *Gabain A. v.* Die Frühgeschichte der Uiguren: 607–745 // Nachrichten des Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. Hamburg, 1952. N 72.
- Gabain*. Die Schreiber. — *Gabain A. v.* Die Schreiber des altürkischen Brāhmī-Texte // HO. 1964. Vol. 28. H. 5.
- Gabain*. Einführung. — *Gabain A. v.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979.
- Gabain*. Fu-lin Frage. — *Gabain A. v.* Ein Beitrag Fu-lin Frage // Sinica. 1933. Bd. VIII.
- Gabain*. Historisches. — *Gabain A. v.* Historisches aus den Turfan. Handschriften // AO. 1970. T. 32.
- Gabain*. Hunnisch-türkische Beziehungen. — *Gabain A. v.* Hunnisch-türkische Beziehungen // Z. V. Togan's Armagan. Istanbul, 1951.
- Gabain*. Inhalt. — *Gabain A. v.* Inhalt und magische Bedeutung der altürkischen Inschriften // Antropos. 1953. Bd. 48. N 3–4.

- Gabain*. Steppe und Stadt. — *Gabain A. v.* Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken // *Der Islam*. 1949. Bd. 29. H. 1–2.
- Gabain*. Über Ortsbezeichnungen im Altürkischen — *Gabain A. v.* Ueber Ortsbezeichnungen im Altürkischen // *SO*. 1950. Vol. XIV. № 5.
- Gabain*. Vorislamische altürkische Literatur. — *Gabain A. v.* Vorislamische altürkische Literatur // *HO*. Abt. I. Bd. 5. Leiden, 1963.
- Gabain*. Willi Bang-Kaup. — *Gabain A. v.* Nachruf auf Willi Bang-Kaup 1869–1934 // *UJ*. 1934. Bd. 14. H. 4. S. 335–339.
- Gabain*. [Рец. на кн.:] *Bazin L.* Un texte prototurc. — *Gabain A. v.* [Рец. на кн.:] *Bazin L.* Un texte prototurc // *Der Islam*. 1948. Bd. 29. H. 2.
- Gabain*. [Рец. на кн.:] *Liu Mau-tsai*. — *Gabain A. v.* [Рец. на кн.:] *Liu Mau-tsai* // *ZDMG*. 1959. Bd. 109.
- Gabain*, *Winter*. Türkische Turfantexte IX. — *Gabain A. v.*, *Winter W.* Türkische Turfantexte IX. Ein Hymnus an der Vater Mani auf «Tocharisch» B, mit altürkischer Uebersetzung. Berlin, 1968 (ADAM, Je-1956. N 2).
- Gabelentz*. L'inscription chinoise du I-r monument. — *Gabelentz G. v. d.* L'inscription chinoise du I-r monument.
- Gandjei*. Überblick. — *Gandjei T.* Überblick über den vor- und frühislamischen türkischen Versban // *Der Islam*. 1956. Bd. 33.
- Gauthiot*. Essai. — *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne. I. Phonétique. Paris, 1914–1923.
- Gauthiot*. Note. — *Gauthiot R.* Notes sur la langue et l'écriture inconnues des documents Stein-Cowley // *JRAS*. 1911.
- Geng Shimin*, *Hamilton*. L'inscription. — *Geng Shimin*, *Hamilton G.* L'inscription ouïgoure de la stèle commémorative des Idiquits de Qoço // *Turcica*. 1981. T. 13.
- Gershevitch*. Grammar. — *Gershevitch I.* A grammar of Manichaean Sogdian. Oxford, 1954.
- Ghirschman*. Chionites — Hephtalites. — *Ghirschman R.* Les Chionites — Hephtalites. Le Caire, 1948. Mémoires de l'Institut Français d'archéologie orientale du Caire. Vol. LXXX; Mémoires de délégation archéologique français en Afghanistan. Vol. XIII).
- Gibb*. Arab conquests. — *Gibb I. A. R.* The Arab conquests in Central Asia. London, 1923.
- Giles*. Chinese geographical text. — *Giles L.* A Chinese geographical text of the ninth century // *BSOS*. 1930. Vol. VI.
- Giraud*. L'empire des Turcs. — *Giraud R.* L'empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilga (680–734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. Paris, 1960.
- Giraud*. L'inscription de Bain Tsokto. — *Giraud R.* L'inscription de Bain Tsokto' Edition critique. Paris, 1961.
- [*Glaübitz*]. Japanische Arbeiten. — [*Glaübitz J.*]. Japanische Arbeiten über Zentralasien // *Der Islam*. 1960. Bd. 35.
- Golius*. Muhammedis Fil. — *Golius J.* Muhammedis Fil. Ketiri Ferganensis, qui vulg // *J Alfraganus dicitiir*, Elementa astronomica, Arabice et Latine. Amstelodami, 1669.
- Gombocz*. Volksnamen besenyö. — *Gombocz Z.* Ueber den Volksnamen besenyö // *Turan*. 1918. N 4.
- Göbl*. Documente zur Geschichte. — *Göbl R.* Documente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. 2. Wiesbaden, 1967.
- Granö*. Über die geographische Verbreitung und Forman. — *Granö J. G.* Über die geographische Verbreitung und Forman. T. XXVIII. 1912.

- Grousset*. Histoire de l'Arménie. — *Grousset R.* Histoire de l'Arménie. Paris, 1947.
- Grousset*. L'empire des steppes. — *Grousset R.* L'empire des steppes. Attila. Gengis-khan. Tamerlan. 4-e éd. Paris, 1960.
- Groot*. Chihesische Urkunden. — *Groot J. de.* Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Bd. 1. Berlin; Leipzig, 1921.
- Gutschmid*. Geschichte Irans. — *Gutschmid A. v.* Geschichte Irans und seiner Nachbarland von Alexander dem Großen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.
- Haloun*. Liang chou rebellion. — *Haloun G.* The Liang-chou rebellion. 184–221. A. D. // *AM*. N. S. 1949. Vol. I. Pt. 1.
- Haloun*. Zur Üe-tsi-Frage. — *Haloun G.* Zur Üe-tsi-Frage // *ZDMG*. 1937. Bd. 91.
- Haloun*, *Henning*. The compendium. — *Haloun G.*, *Henning W.* The compendium of the doctrines and the styles of the teaching of Mani // *AM*. 1952. N. S. Vol. III.
- Hambis*. Notes sur Käm. — *Hambis L.* Notes sur Käm, nom de l'Ienissei supérieur // *JA*. 1956. Vol. 244. N 31.
- Hamilton*. Autour du manuscrit Stael-Holstein. — *Hamilton J. R.* Autour du manuscrit Stael-Holstein // *TP*. 1958. Vol. 46. Livr. 1–2.
- Hamilton*. Le colophon de l'Irq bitig. — *Hamilton J.* Le colophon de l'Irq bitig // *Turcica*. 1975. T. 7.
- Hamilton*. Les manuscrits turcs. — *Hamilton J.* Les manuscrits turcs anciens de la grotte murale de Touen-Houang // *JA*. 1981. T. 269. Fasc. 1–2.
- Hamilton*. Les titres. — *Hamilton*. Les titres šäli et tutung en ouïgour // *JA*. 1984. T. 272. N 3–4.
- Hamilton*. Manuscrits ouïgours du IX-ème – X-ème siècle. — *Hamilton J.* Manuscrits ouïgours du IX-ème – X-ème siècle de Touen-Houang. Textes établis, traduits et commentés. T. 1–2. Paris, 1986.
- Hamilton*. Nom de lien KCN dans les inscriptions turques runiformes // *TP*. 1974. Vol. 60. Fasc. 4–5.
- Hamilton*. Ouïghours. — *Hamilton J. R.* Les Ouïghurs à l'époque des Cinq Dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Études Chinoises. Vol. X).
- Hamilton*. Sur deux présages de l'Irq-bitig. — *Hamilton J. R.* Sur deux présages de l'Irq-bitig // «Quand le crible était dans le paille...». Hommage à Pertev Naili Boratav. Paris, 1977.
- Hamilton*. Toquz-oyuz et on-uyyur. — *Hamilton J.* Toquz-oyuz et on-uyyur // *JA*. 1962. T. 250.
- Hamilton*, *Bazin*. Un manuscrit. — *Hamilton J.*, *Bazin L.* Un manuscrit chinois et turc runiforme de Touen-houang // *Turcica*. 1972. T. 4.
- Haneda*, *Yamada*. A list. — A list of the manuscrits remains in Uigur script preserved in the Ryukoky library // *MS*. Vol. IV. Pt. 1. Kyoto, 1961.
- Hansen*. Zur soghdischen Inschrift. — *Hansen O.* Zur soghdische Inschrift auf dem drei sprachigen Denkmal von Karabalgasun // *JSFOu*. 1930. Vol. XLIV. Pt. 3.
- Harmatta*. Byzantinoturcica. — *Harmatta J.* Byzantinoturcica // *AA*. 1962. T. 10. Fasc. 1–2.
- Harmatta*. Irano-Turcica. — *Harmatta J.* Irano-Turcica // *AOH*. 1972. T. XXV.
- Haussig*. Beschreibung. — *Haussig H. W.* Die Beschreibung des Tarm Beckens bei Ptolemaios // *ZDMG*. 1959. Bd. 109. H. 1.
- Haussig*. Byzantinische Quellen. — *Haussig H. W.* Byzantinische Quellen über Mittelasien in ihrer historischen Aussage // *Prolegomena to the sources on the history of pre-Islamic Central Asia*. Budapest, 1979.

- Haussig*. Quelle. — *Haussig H. W.* Die Quelle über die zentralasiatische Herkunft der europäischen Awaren // CAJ. 1956. Vol. II.
- Hazai*. Die Turfantexte. — *Hazai G.* Die Turfantexte und ihre Erforschung // Das Altertum. 1974. Bd. 20.
- Hazai*. Ein Buddhistische Gedicht. — *Hazai G.* Ein Buddhistische Gedicht aus der Berliner Turfan-Sammlung // AO. 1970. T. 23.
- Heikel*. Altertümer aus dem Tale des Talas. — *Heikel A.* Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918 (Société de Finno-Ougrienne. Travaux ethnographiques. N 7).
- [*Heikel*]. Inscriptions de l'Orkhon. — [*Heikel A.*]. Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.
- Henning*. Älteste persische Gedichthandschrift. — *Henning W. B.* Die älteste persische Gedichthandschrift: eine neue Version von Barlaam und Josaph // Akten des 24. Internationalen Orientalisten-Kongress. München, 28. August bis 4. September 1957. Wiesbaden, 1959.
- Henning*. Argi and the «Tocharians». — *Henning W. B.* Argi and the «Tocharians» // BSO(A)S. 1938. Vol. IX. Pt. 3.
- Henning*. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch // APAW. 1936. Bd. 10.
- Henning*. Ein manichäisches Henochbuch. — *Henning W.* Ein manichäisches Henochbuch // SPAW. 1934.
- Henning*. Farewell to the khagan. — *Henning W. B.* A farewell to the khagan of the Ak-Āqatārān // BSOS. 1952. Vol. XIV. Pt. 3.
- Henning*. Mitteliranisch. — *Henning W. B.* Mitteliranisch // HO. 1958. Bd. 4. Abt. I.
- Henning*. Neue Materialien. — *Henning W. B.* Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus // ZDMG. 1936. Bd. 9.1.
- Henning*. Sogdian «ancient letters». — *Henning W. B.* The date of the Sogdian «ancient letters» // BSOS. 1948. Vol. XII. Pt. 3–4.
- Henning*. Sogdian loan-words. — *Henning W. B.* Sogdian loan-words in New Persian // BSOS. 1939. Vol. X. Pt. 1.
- Henning*. Sogdian texts. — *Henning W. B.* The Sogdian texts of Paris // BSOS. 1946. Vol. XI. Pt. 4.
- Henning*. Sogdica. — *Henning W. B.* Sogdica. London, 1940 (James G. Forlong Fund. Vol. XXI).
- Henning*. The Book of the Giants. — *Henning W.* The Book of the Giants // BSO(A)S. 1943. Vol. II. Pt. 1.
- Henning*. «Tocharian» language. — *Henning W. B.* The name of the «Tocharian» language // AM. N. S. 1949. Vol. I. Pt. II.
- Henning*. Two Central Asian words. — *Henning W. B.* Two Central Asian words // TaPhS. 1945–1946.
- Henning*. Zoroaster. — *Henning W. B.* Zoroaster, politician or witch-doctor? Oxford, 1951.
- Herrmann*. Atlas. — *Herrmann A.* Historical and commercial atlas of China. Cambridge; Massachussets, 1935.
- Herrmann*. Jaxartes. — *Herrmann A.* Yaxartes // PWRE. 1914. Bd. IX. S. 1181–1189.
- Herrmann*. Das Land der Seide. — *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig, 1939.

- Herrmann*. Die alten Seidenstrassen. — *Herrmann A.* Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien. Berlin, 1910.
- Hess*. Miscellanea. — *Hess J. J.* Miscellanea // ZDMG. 1915. Bd. 69.
- Hirth*. Hunnenforschungen. — *Hirth F.* Hunnenforschungen // KSz. 1901. Bd. II. N 4.
- Hirth*. Nachworte. — *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. I. Zeit des Ku-tulu (Ilteris khan) // ATIM. Z. F. 1899.
- Hirth*. Story of Chang K'ien. — *Hirth F.* The story of Chang K'ien, Chinas-pioneer in Western Asia // JAOS. 1917. Vol. 37.
- Hirth*. Ueber den Verfasser und Abschreiber. — *Hirth F.* Ueber den Verfasser und Abschreiber der chinesischen Inschrift am Denkmal des Köl-Tägin // TP. 1896. Vol. 7.
- Hoffmann*. Auszüge. — *Hoffmann G.* Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer // AKM. 1880. Bd. 7. H. 3.
- Hoffmann*. Qarluq. — *Hoffmann H.* Die Qarluq in der tibetischen Literatur // Oriens. 1950. Vol. 3. N 2.
- Hoffman*. Tibet. — *Hoffman H.* Tibet. A Handbook. Bloomington, 1975.
- Hoffmann*. Tibets Eintritt. — *Hoffmann H.* Tibets Eintritt in die Universalgeschichte // Saeculum. 1950. Bd. 1. H. 2.
- Hommel*. Zu den alttürkischen Sprichwörtern. — *Hommel F.* Zu den alttürkischen Sprichwörtern // AM. F. Hirt Festschrift. Hambourg, 1922.
- Horn*. Grundriss. — *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
- Hřebíček*. Are the old-Turkic inscriptions written in verses? — *Hřebíček L.* Are the old-Turkic inscriptions written in verses? // AO. 1967. T. 35.
- Hübschmann*. Armeniaca. — *Hübschmann H.* Armeniaca // Indogermanisch Forschungen. 1904. Bd. XVI.
- Hudūd al-'Ālam*. A Persian geography. — *Hudūd al-'Ālam*. A Persian geography 372 B. — 982 A. D. L., 1937.
- Hulsewé*. China in Central Asia. — *Hulsewé A.* China in Central Asia. Leiden, 1979.
- Inscriptions de l'Jenessei. — Inscriptions de l'Jenessei recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie. Helsingfors, 1889.
- Jäger*. Leben und Werk des P'ei Kü. — *Jäger F.* Leben und Werk des P'ei Ku, ein Kapitel aus der chinesischen Kolonialgeschichte // OZ. 1920–1922. Bd. IX.
- Jisl*. Vorbericht. — *Jisl L.* Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-tegin-Denkmal durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahre 1958 // UAJ. 1960. Bd. XXXII. H. 1–2.
- Jisl*. Vyzkum. — *Jisl L.* Vyzkum Külteginova pamätniku v Mongolske Lidove Republice (1958) // Archeologické rozhledy. 1960. Roc. XII. N 1.
- Julien*. Documents. — *Julien S.* Documents historiques sur les Tou-kioeu (Turcs). Extraits du Pien-i-tien, et traduits du chinois // JA. 6 sér. 1864. Vol. III, IV.
- Julien*. Les Ouïgours. — *Julien S.* Les Ouïgours. Kao-tch'ang — Lingki. La relation d'un voyage dans le pays des Ouïgours (de 981 à 983) par Wang-Yen-té // JA. 1847.
- Julien*. Mémoires. — *Julien S.* Mémoires sur le contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648 par Hiouen-Tsang, et du chinois en français par Stanislas Julien. Vol. 1–2. Paris, 1857–1858.
- Junker*. Iranica. — *Junker H.* Iranica // OLZ. 1926. Bd. 29. N 10.
- Justi*. Grundriss. — *Justi F.* Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden // Grundriss der Iranischen Philologie. Bd. II. Strassburg, 1896–1904.

- Justi*. Iranisches Namensbuch. — *Justi F.* Iranisches Namensbuch. Marburg, 1895.
- Jutaka Joshida*. Some new readings. — *Jutaka Joshida*. Some new reading of the Sogdian version of the Karabalgasun inscription // Documents et archives provenant de l'Asie Centrale. Edite par Akiza Haneda. Kyoto, 1990.
- Juvaini*. The history of the world conqueror. — *Juvaini Ala-ad-din Ata-Malik*. The history of the world conqueror. T. 1. 1958.
- Kara*. Petites inscriptions. — *Kara G.* Petites inscriptions ouïgoures de Touen-houang // Hungaro-Turcica. Budapest, 1976.
- Kara, Zieme*. Die uigurischen Uebersetzungen. — *Kara G., Zieme P.* Die uigurischen Uebersetzungen des guruyogas «Tiefer Weg» von Sa-skya Paṇḍita und der Mañjuśrīnāmasam-gīti // Berliner Turfantexte. Vol. 8. Berlin, 1977.
- Karlgren*. Grammata Serica. — *Karlgren B.* Grammata Serica, script and phonetics of Chinese and Sino-Japanese // BMFEA. 1940. N 12.
- Klaproth*. Sur quelques antiquités de la Sibirie. — *Klaproth J.* Sur quelques antiquités de la Sibirie // JA. 1823. T. II.
- Klementz*. Turfan. — *Klementz D.* Turfan und seine Alterthümer // Nachrichten über die von Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. SPb, 1899.
- Klimkeit*. Christentum. — *Klimkeit H.-J.* Christentum und Buddhismus in der innerasiatischen Religionsbewegung // ZRGG. 1981. Bd. 32.
- Klimkeit*. Der Buddha Henoch. — *Klimkeit H.-J.* Der Buddha Henoch: Qumran und Turfan // ZRGG. 1982. Bd. 32. H. 4.
- Klimkeit*. Manichaean art. — *Klimkeit H.-J.* Manichaean art and calligraphy. Iconography of religions. Section 20. Leiden, 1982.
- Klyachorny*. A propos des mots. — *Klyachorny S. G.* A propos des mots Soyð bärcäkär buqaraq ulys de Kul téghin // CAJ. 1958. Vol. III. N 4.
- Klyachorny*. Chinesischen Nachrichten. — *Klyachorny S.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken // UAJ. 1962. Bd. XXXIV. H. 1-2.
- Klyashorny*. Manichaean monasteries. — *Klyashorny S. G.* Manichaean monasteries in the Land of Arhu // Studia manichaica. Berlin, 2000. P. 374-379.
- Klyachorny*. Sur les colonies sogdiennes. — *Klyachorny S. G.* Sur les colonies sogdiennes de la Haute Asie // UAJ. 1991. Bd. XXXIII. H. 1-2.
- Klyachorny*. The date. — *Klyachorny S. G.* The date of the ancient inscriptions of Semirechie // Altaica Osloensia. Oslo.
- Klyashorny*. The Terkhin inscription. — *Klyashorny S. G.* The Terkhin inscription // AOH. 1983. T. XXXVI. Fasc. 1-3.
- Klyashorny, Livşis*. Buguttaki Sogdiça kitabegge yeni bir bakiş. — *Klyashorny S. G., Livşis V. A.* Buguttaki Sogdiça kitabegge yeni bir bakiş // Turk Dili Araştırmaları. Jilgi. Ankara, 1992.
- Klyachorny, Livşič*. The Sogdian inscription. — *Klyachorny S., Livşič V.* The Sogdian inscription of Bugut revised // AOH. 1972. T. XXVI. Pt. 1.
- Kollautz*. Awarē. — *Kollautz A.* Die Awarē // Saeculum. 1954. Bd. 5.
- Köprülü*. Alttürkischen Titulatur. — *Köprülü M. F.* Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur // KCsA. 1938. Bd. I.
- Kotwicz*. Quelques remarques. — *Kotwicz W.* Quelques remarques encore sur les statues dites «baba» dans les steppes de l'Eurasie // RO. 1937. Vol. XIII.
- Kotwicz, Samoilowitch*. Le monument turc. — *Kotwicz W., Samoilowitch A.* Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale // RO. 1928. Vol. IV.

- Kowalski*. Die ältesten Erwähnungen der Türken. — *Kowalski T.* Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur // KCsA. 1926-1932. Bd. II.
- Kowalski*. Ze studjów nad formą poezji. — *Kowalski T.* Ze studjów nad formą poezji ludów tureckich. I. Kraków, 1921.
- Köymen*. T'u-ko kabilesi. — *Köymen M.* Hsiung-nu'larin Tuku T'u-ko kabilesi // AUDTCFD. 1944. N 1.
- Kudara*. A fragment. — *Kudara Kogi*. A fragment of an Uigur version of the Abhidharmakośakara // JA. 1981. Vol. 269.
- Kudara, Zieme*. Uigurische Adama-Fragmente. — *Kudara K., Zieme P.* Uigurische Adama-Fragmente // Altorientalische Forschungen. 1983. Bd. 10. N 2.
- Kurat*. Abu Muhammad bin A'sam. — *Kurat A. N.* Abu Muhammad bin A'sam al-Kūfi'nin «Kitāb al-futuh'» // AUDTCFD. 1949. P. VII. N 2.
- Kurat*. Kuteybe bin Müslim. — *Kurat A. N.* Kuteybe bin Müslim'in Hvarizm ve Semerkand zabti // AUDTCFD. 1948. P. VI. N 5.
- Kurat*. Peçeneg tarihi. — *Kurat A. N.* Peçeneg tarihi. Istanbul, 1937.
- Lacoste*. Au pays sacré. — *Lacoste B. de.* Au pays sacré des anciens Turcs et des Mongols. Paris, 1911.
- Lalou*. Grand Tibet au VIIIe siècle. — *Lalou M.* Revendications des fonctionnaires du Grand Tibet au VIIIe siècle // JA. 1955. Vol. 243. N 2.
- Lalou*. Catalogue. — *Lalou M.* Catalogue de principautés du Tibet ancien // JA. 1965. Vol. 253. Fasc. 2.
- Langlois*. Collection. — *Langlois V.* Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. Vol. I-II. Paris, 1869.
- Lattimore*. Desert road. — *Lattimore O.* The desert road to Turkestan. London, 1928.
- Lattimore*. Inner Asian frontiers. — *Lattimore O.* Inner Asian frontiers of China, 1940 // American Geographical Society. Research series. N 21.
- Laude-Cirtautas*. Der Gebrauch der Farbbezeichnungen. — *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Turkdialekten. Wiesbaden, 1961.
- Laufer*. Sino-Iranica. — *Laufer B.* Sino-Iranica. Chicago, 1919 («Field Museum Publications». N 201).
- Laut*. Der Buddhismus. — *Laut J.* Der frühe türkische Buddhismus und seine literarischen Denkmäler. Wiesbaden, 1986.
- Le Coq*. Ein christliche Manuskript-fragment. — *Le Coq A.* Ein christliche und ein manichäische Manuskript-fragment in türkischer Sprache aus Turfan // SPAW. 1909.
- Le Coq*. Köktürkisches aus Turfan. — *Le Coq A.* Köktürkisches aus Turfan. Manuskript-fragmente in köktürkischen Runen aus Toyog und Idikut-Schähari, Oase von Turfan // SPAW. 1909.
- Le Coq*. Kurze Einführung. — *Le Coq A. v.* Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde // MSOS. 1919. Bd. XXII.
- Le Coq*. Manichäische Buchfragment. — *Le Coq A. v.* Ein manichäische Buchfragment aus Chotscho // Festschrift für V. Thomsen. Leipzig, 1912.
- Le Coq*. Türkische Manichäica. — *Le Coq A. v.* Türkische Manichäica aus Chotscho. 1. Ergebnisse. Bd. 1. Berlin, 1972.
- Le Coq*. Türkische Manichäica. 2. — *Le Coq A.* Türkische Manichäica aus Chotscho. 2 // APAW. 1919. N 3.
- Le Coq*. Türkische Manichäica. 3. — *Le Coq A.* Türkische Manichäica aus Chotscho. 3 // APAW. 1922. N 2.

- Lévy*. Biography of An Lushan. — *Lévy H. S.* Biography of An Lushan. Berkeley; Los Angeles, 1960 (ChDHT. N 8).
- Lewicki*. Źródła arabskie. — *Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów Słowian. T. I. Wrocław; Kraków, 1956.
- Lieu*. Precept. — *Lieu S.* Precept and practice in Manichaean monasticism // Journal of theological studies // NC. 1981. T. 32.
- Ligeti*. Mots de civilisation de Haute Asie. — *Ligeti L.* Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // AOH. 1950. T. I. Fasc. 1.
- Liu Mau-tsai*. — *Liu Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kü). Bd. I–II. Wiesbaden, 1958 (Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. X).
- Liu Mau-tsai*. Kutscha und seine Beziehungen. — *Liu Mau-tsai*. Kutscha und seine Beziehungen zu China. Wiesbaden, 1969. Bd. I, II.
- Loewenthal*. The Turkic languages and literatures. — *Loewenthal R.* The Turkic languages and literatures of Central Asia. A bibliography. Cravenhage, 1957 (Central Asiatic Studies. I).
- Lohuizen de Leeuw*. «Scythian» period. — *Lohuizen de Leeuw J. E. van*. The «Scythian» period, an approach to the history, art, epigraph and palaeography of North India. Leiden, 1949.
- Lot-Falk*. A propos d'Ätügän. — *Lot-Falk E.* A propos d'Ätügän, déesse mongole de la Terre // RHR. 1956. T. 149.
- Lömmel*. Yašt — *Lömmel H.* Die Yašt des Awesta. Göttingen; Leipzig, 1927.
- Macartney*. Magyars. — *Macartney C. A.* The Magyars in the ninth century. Cambridge, 1930.
- Macartney*. On the Greek sources. — *Macartney C. A.* On the Greek sources for the history of the Turks in the sixth century // BSOS. 1944. Vol. XI. N 2.
- Macdonald*. Une lecture des Pelliot tibétain. — *Macdonald A.* Une lecture des Pelliot tibétain 1286, 1287, 1038, 1047 et 1290: Essai sur la formation et l'emploi des mythes politiques dans la religion royale de Sron-bcan Bgarn-po // Etudes tibétaines dédiées à la mémoire de Marcelle Labou. Paris, 1971.
- Maenchen-Helfen*. [Ред. на кн.:] *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. — *Maenchen-Helfen O.* [Ред. на кн.:] *Altheim F.* Geschichte der Hunnen // JAOS. 1959. Vol. 74. N 4.
- Maenchen-Helfen*. Archaistic names. — *Maenchen-Helfen O.* Archaistic names of the Hsiung-nu // CAJ. 1961. Vol. VI. N 4.
- Maenchen-Helfen*. Ethnic name Hun. — *Maenchen-Helfen O.* The ethnic name Hun // Studia Serica Bernhard Karlgren dedicata. Copenhagen, 1959.
- Maenchen-Helfen*. Huns. — *Maenchen-Helfen O.* Huns and Hsiung-nu // Byzantion. 1944–1945. Vol. XVII.
- Maenchen-Helfen*. Yüeh-chih problem. — *Maenchen-Helfen O.* Yüeh-chih problem re-examined // JAOS. 1945. Vol. 45.
- Maenchen-Helfen*. The world. — *Maenchen-Helfen O.* The world of the Huns. Studies in their history and culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.
- Maillard*. Les religions. — *Maillard M.* Les religions de salut occidentales // L'Asie Centrale. Histoire et civilisation. Paris, 1977.
- Mahmud al-Kasğari*. Divani. — *Mahmud al-Kasğari*. Divani lügat-it-türk. C. III. Ankara, 1941.
- Maringer*. Gräber und Steindenkmäler. — *Maringer J.* Gräber und Steindenkmäler in der Mongolei. Zu den Funden der letzten Sven-Hedin Expedition in der Inner Mongolei (1927–1935) // MS. 1955. Vol. 14.

- Maringer*. Mongolia. — *Maringer J.* Contribution to the prehistory of Mongolia. Stockholm, 1950 (Sino-Swedish expedition, publ. N 34).
- Maringer*. Vorposten. — *Maringer J.* Vorposten chinesischer Kolonisation in der Mongolei der Steinzeit // Studies on Inner Asia. Kyoto, 1955.
- Marquart*. Analekten. — *Marquart J.* Kultur und sprachgeschichtliche Analekten // UJ. 1929. Bd. IX.
- Marquart*. Historische Glossen. — *Marquart J.* Historische Glossen zu dem alttürkischen Inschriften // WZKM. 1898. Bd. XII.
- Marquart*. Iberer und Hyrkanier. — *Marquart J.* Iberer und Hyrkanier // Caucasica. 1931. Fasc. 8.
- Marquart*. Komanen. — *Marquart J.* Ueber das Volkstum der Komanen // AGWG. 1914. Bd. XIII. N 1.
- Marquart*. Provincial capitals of Eranshahr. — *Marquart J.* A catalogue of the provincial capitals of Eranshahr. Pahlavi text, version and commentary / Ed. by G. Messina. Roma, 1931 (Analecta Orientalia, 3).
- Marquart*. Skizzen. — *Marquart J.* Skizzen zu historischer Topographie vom Kaukasus. Vienna, 1928.
- Marquart*. Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde. — *Marquart J.* Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde vom Mittelasiens und Sibirien // OZ. 1920. Bd. VIII.
- Marquart*. Sogdiana. — *Marquart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios // Orientalia. 1946. Vol. 15.
- Marquart*. Streifzüge. — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- Marquart*. Wehrot und Arang. — *Marquart S.* Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938.
- Marquart*. Chronologie. — *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.
- Marquart*. Ērānšahr. — *Marquart J.* Ērānšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen // AGWG. 1901. Bd. III. N 2.
- Marquart*. Ğuwaini's Bericht. — *Marquart J.* Ğuwaini's Bericht über die Bekehrung der Uiguren // SPAW. 1912. Bd. 27.
- Marquart, De Groot*. Das Reich Zäbul. — *Marquart J., De Groot*. Das Reich Zäbul und der Gott Zün vom 6–9. Jahrhundert // Festschrift Sachau zum siebenzigsten Geburtstag. Berlin, 1910.
- Massé*. La chronique d'Ibn A'tham. — *Massé H.* La chronique d'Ibn A'tham et la conquête de l'Ifriqiya // Mélanges Gauthier-Demombynes. Le Caire, 1935–1945.
- Maspéro*. Chine antique. — *Maspéro H.* La Chine antique. Paris, 1955.
- Maspéro*. Etudes historiques. — *Maspéro H.* Etudes historiques. Mélanges posthumes. Paris, 1950.
- Mather*. Biography of Lu Kuang. — *Mattier R.-B.* Biography of Lu Kuang. Berkeley-Los Angeles, 1959 (GhDHT. N 7).
- Mayrhofer*. Kurzgefasstes. — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch. Bd. II. Heidelberg, 1963.
- McGovern*. Early empires. — *McGovern W. M.* The early empires of Central Asia. Chapel Hill, 1939.
- Menges*. Altaic elements. — *Menges K. H.* Altaic elements in the Proto-Bulgarian inscription // Byzantion. 1951. Vol. XXI. Fasc. I.

- Menges*. Altaische Studien. — *Menges K. H.* Altaische Studien // Der Islam. 1961. Bd. 37.
- Menges*. Etymological notes. — *Menges K. H.* Etymological notes on some pāčānāg names // Byzantion. 1945. Vol. XVII.
- Menges*. Problemata etymologica. — *Menges K. H.* Problemata etymologica: Džürčen bogi-ljā, bejie. Mandžu bejie, Orchon — Türkisch beola, Proto Bulgarish БОҢЛАС, Türkisch bāg // Studia Sino-Altaica, Festschrift für E. Haenisch zum 80. Geburtstag. Wiesbaden, 1961.
- Menges*. The Turkic languages and peoples. — *Menges K. N.* The Turkic languages and peoples. An introduction to Turkic studies. Wiesbaden, 1968.
- Messerschmidt*. Forschungsreise. — *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. T. I. Tagebuchaufzeichnungen. Januar 1721–1722. Berlin, 1962.
- Miller*. Account of Western nations. — *Miller R. A.* Account of Western nations in the history of the Northern Chou dynasty. Berkeley; Los Angeles, 1959 (ChDHT. N 6).
- Miller*. Addenda. — *Miller R. A.* Addenda et corrigenda to volume 14 // BSO(A)S. 1952. Vol. 15. N 1–2.
- Miller*. Ein iranischer Sprachdenkmal. — *Miller F. W. K.* Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei // SAW. 1909.
- Minorsky*. A new book. — *Minorsky V.* A new book on the Khasars // Oriens. 1958. T. XI. Pt. 2.
- Minorsky*. Gardizi on India. — *Minorsky V.* Gardizi on India // BSOS. 1948. Vol. XII. Pt. 3–4.
- Minorsky*. Hudūd al-'Alam. — *Minorsky V.* Hudūd al-'Alam // The Region of the World. A Persian Geography 372. A. H. — 982 A. D. London, 1937 (GMS. XI).
- Minorsky*. Sharaf al-Zaman. — *Minorsky V.* Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary. London, 1942 (J. G. Forlong Fund. Vol. XXII).
- Minorsky*. Tat. — *Minorsky V.* Tat // EI. Vol. IV.
- Mohl*. Le Livre de Rois. — *Mohl J.* Le Livre de Rois par Abou'l Kasim Firdousi. Vol. I–VII. Paris, 1838–1878.
- Moravcsik*. Byzantinoturcica. — *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. 1. Aufl. Bd. I–II. Berlin, 1958.
- Mori*. Historical Studies. — *Mori M.* Historical Studies of the Ancient Turkic Peoples. Tokyo, 1967.
- Moriyasu*. Qui des Oüigours. — *Moriyasu Takao.* Qui des Oüigours ou des Tibétains ont gagné en 789–792 à Beš-Balig? // JA. 1981. Vol. 269.
- Morse*. Yen. Ancient ethnic groups. — *Morse W. R., Yen J.* Ancient historical aboriginal ethnic groups of Szechuan province. West China // Journal of the West China border. 1956. Vol. VIII.
- Mostaert*. Ordosica. — *Mostaert A.* Ordosica // Bulletin of the Catholic University of Peking, 1934. N 9.
- Moule*, *Pelliot*. Marco Polo. — *Moule A. C., Pelliot P.* Marco Polo. The description of the World. Vol. II. London, 1938.
- Müller*. Uigurica. — *Müller F.-W.-K.* Uigurica // APAW. 1908. N 2.
- Müller*. Uigurica. II. — *Müller F.-W.-K.* Uigurica. II (Fr. T. III. M. 225, 4–5) // APAW. 1911. N 3.
- Müller*. Hofstaat. — *Müller F.-W.-K.* Der Hofstaat eines Uiguren-Königs // Festschrift Vilhelm Thomsen. Leipzig, 1912.

- Müller*. Mahrnāmag. — *Müller F.-W.-K.* Ein Doppelblatt aus einem Manichäischen Hymnenbuch (Mahrnāmag). Berlin, 1913 (APAW. 1912).
- Müller*. Sogdische Texte 2. — *Müller F.-W.-K.* Sogdische Texte 2. // SPAW. 1934. Bd. XXI.
- Müller*. Uigurische Glossen. — *Müller F.-W.-K.* Uigurische Glossen // Festschrift für Fr. Hirth. Berlin, 1929.
- Müller*, *Gabain*. Uigurica. — *Müller F.-W.-K., Gabain A. v.* Uigurica 4 // SPAW. 1931.
- Müller*, *Sieg*. Maitrisimit. — *Müller F.-W.-K., Sieg G.* Maitrisimit und «Tocharisch» // SPAW. 1916. Bd. XVI.
- Mzik*. Kitāb 'Agā'ib. — *Mzik M. v.* Das Kitāb 'Agā'ib al-Akalim as-Sab'a des Suhrab. Leipzig, 1930 (BAHuG, V).
- Nagasawa*. Traité sur la situation du T'ing-chou. — *Nagasawa K.* Traité sur la situation du T'ing-chou // Palaeologia. 1960. Vol. IX. N 1–2.
- Nallino*. Al-Battani. — *Nallino C. A.* Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum. Arabice editum, Latine versum. Milano, 1899–1907. Vol. I–III.
- Nallino*. Al-Hüwarizmī. — *Nallino C. A.* Al-Hüwarizmī e il suo rifacimento della geografia di Tolomeo // MRAL. Ser. V. 1894. Vol. II. N 1.
- Németh*. Hunlari dili. — *Németh Gy.* Hunlari dili // Turk dili. Ser. III. 1949. N 12–13.
- Németh*. Inschriften des Schatzes. — *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nage-Szent-Miklos. Leipzig, 1932 (Bibliotheca Orientalis Hungarica, II).
- Németh*. Köktürkischen Grabinschriften. — *Németh J.* Die köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan // KCsA. 1926. Bd. II. H. 1–2.
- Noldeke*. Iranische Nationalepos. — *Noldeke Th.* Das iranische Nationalepos // Grundriss der iranischen Philologie. 1896–1904. Bd. II.
- Nyberg*. Hilfsbuch des Pehlevi. — *Nyberg H. S.* Hilfsbuch des Pehlevi. Bd. II. Glossar. Uppsala, 1931.
- Ögel*. Dogu göktürk. — *Ögel B.* Dogu göktürk leri hakkında vesikalar ve notlar // TTKB. 1957. N 81.
- Ögel*. «Fu-lin» problemi. — *Ögel B.* Göktürk yazıtların «apurim» leri ve «fu-lin» problemi // TTKB. 1945. N 33.
- Ögel*. Şine Usu yazıtının önemi. — *Ögel B.* Şine Usu yazıtının önemi, Kutluk Bilge Kulkagan ve Moyuncur // TTKB. 1951. C. XV.
- Ögel*. Türk mitolojisi. — *Ögel B.* Türk mitolojisi. Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar. Cilt I. Ankara, 1971.
- Olbricht*. Uchida's prolegomena. — *Olbricht P.* Uchida's prolegomena zu einer Geschichte der Lou-lan // UAJ. 1954. Bd. XXVI. H. 1–2.
- Onogawa*. Ongin inscription. — *Onogawa H.* Ongin inscription // Asiatic studies in honour Toru Haneda. Kyoto, 1950.
- Orkun*. Eski türk yazıtları. — *Orkun H. N.* Eski türk yazıtları. C. I–IV. İstanbul, 1936–1941.
- Parker*. [Рец. на кн.:] *Thomsen V.* Inscription de l'Orkhon. — *Parker E. H.* [Рец. на кн.:] *Thomsen V.* Inscription de l'Orkhon // Journal of the China branch of the RAS. 1896–1897. Vol. XXXI.
- Parker*. L'inscription chinoise du monument. — *Parker E. H.* L'inscription chinoise du monument I // MSFOu. 1896. Vol. V.
- Parker*. Thousand years of the Tartars. — *Parker E. H.* A thousand years of the Tartars. Shanghai, 1895.
- Pauthier*. Le livre de Marco Polo. — *Pauthier G.* Le livre de Marco Polo... rédigé en français sous sa dictée en 1298 par Rusticien de Pisk. T. I. Paris, 1855.

- Pelliot*. A propos des Comans. — *Pelliot P.* A propos des Comans // JA. Ser. 11. 1920. Vol. XV.
- Pelliot*. Colonie sogdienne. — *Pelliot P.* Le «Cha tchcou tou tou fou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région du Lob Nor // JA. 1916. Vol. 7.
- Pelliot*. Fille de Mo-tch'o qaghan. — *Pelliot P.* La fille de Mo-tch'o qaghan et ses rapports avec Kül-tegin // TP. 1912. Vol. 13.
- Pelliot*. Horde d'Or. — См.: *Pelliot P.* Quelques noms turcs.
- Pelliot*. Kao-tch'ang. — *Pelliot P.* Kao-tch'ang, Qoço, Houotcheou et Qara-Khodja // JA. Ser. XI. 1912. Vol. XIX.
- Pelliot*. L'édition collective. — *Pelliot P.* L'édition collective des oeuvres de Wang Kuo-wei // TP. 1929. Vol. 26.
- Pelliot*. Les grottes. — *Pelliot P.* Les grottes de Touen-houang. Peintures et sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song. Vol. 1. Paris, 1920.
- Pelliot*. Les systèmes d'écriture. — *Pelliot P.* Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens mongols // AM. 1925. Vol. II.
- Pelliot*. Neuf notes. — *Pelliot P.* Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale // TP. 1929. Vol. 26.
- Pelliot*. Nom de Chine. — *Pelliot P.* L'origine du nom de Chine // TP. 1912. Vol. 13.
- Pelliot*. Nom de Fou-lin. — *Pelliot P.* Sur l'origine du nom de Fou-lin // JA. Ser. IX. 1914. Vol. III. N 2.
- Pelliot*. Notes on Marco Polo. — *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959.
- Pelliot*. Origine de T'ou-kiue. — *Pelliot P.* L'origine de T'ou-kiue; nom chinois des Turcs // TP. 1915. Vol. XVI.
- Pelliot*. Quelques noms turcs. — *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or; suivi de: Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar». Paris, 1949 («Oeuvres posthumes de Paul Pelliot». Vol. II).
- Pelliot*. Sur la légende d'Oughourz-Khan. — *Pelliot P.* Sur la légende d'Oughourz-Khan en écriture ouïgoure // TP. 1930. Vol. 27.
- Pelliot*. Tokharien et Koutchéen. — *Pelliot P.* Le tokharien et le koutchéen // JA. 1934. Vol. 234.
- Pelliot*. Version ouïgoure. — *Pelliot P.* La version ouïgoure de l'histoire des princes Kalydnamkara et Papamkara // TP. 1914. Vol. 15.
- Pelliot*, *Hambis*. Histoire des campagnes. — *Pelliot P.*, *Hambis L.* Histoire des campagnes de Gengis Khan. Vol. I. Leiden, 1951.
- Pertsch*. Die arabischen Handschriften. — *Pertsch W.* Die arabischen Handschriften der herzoglich Bibliothek zu Gotha. Bd. III. Gotha, 1881.
- Pestalozza*. Il manicheismo. — *Pestalozza U.* Il manicheismo presso i Turchi occidentali ed orientali (rilievi I chiarimenti) // RRIL. Ser. II. 1937. Vol. LXVII. Fasc. XI–XV.
- Pritsak*. Bulgarische Fürstenliste. — *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955 («Ural-Altaische Bibliothek», I).
- Pritsak*. Das Altürkische. — *Pritsak O.* Das Altürkische // Handbuch der Orientalistik. Bd. V.
- Pritsak*. Karachaniden. — *Pritsak O.* Die Karachaniden // Der Islam. 1954. Bd. 31. H. 1.
- Pritsak*. Karluk. — *Pritsak O.* Von den Karluk zu den Karachaniden // ZDMG. 1951. Bd. 101.
- Pritsak*. Stammesnamen. — *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker // UAJ. 1952. Bd. XXIV. H. 1–2.

- Pritsak*. The polovcians and Rus. — *Pritsak O.* The polovcians and Rus // Archivum Eurasiae Mediaevi. Wiesbaden, 1982. Vol. 2.
- Pritsak*. Turkology. — *Pritsak O.* Turkology and the comparative study of Altaic languages // Journal of Turkish Studies / Harvard Univ. 1980. Vol. 4.
- Pritsak*. Xun. — *Pritsak O.* Xun der Volksname der Hsiung-nu // CAJ. 1959. Vol. V. N 1. Provisional report et researches. — Provisional report et researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 / Ed. by T. Moriyasu and L. Ochir. Tokyo, 1999.
- Pulleyblank*. [Рец. на кн.:] Liu Mau-tsai. — *Pulleyblank E. G.* [Рец. на кн.:] Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Türküe) // BSOS. 1959. Vol. XXII. Pt. 2.
- Pulleyblank*. Background. — *Pulleyblank E. G.* The background of the rebellion of An Lu-shan. London, 1955 (London Oriental series. Vol. 4).
- Pulleyblank*. Consonantal system. — *Pulleyblank E. G.* The consonantal system of Old Chinese // AM. N. S. 1962. Vol. IX. Pt. 2.
- Pulleyblank*. Sogdian colony. — *Pulleyblank E. G.* A Sogdian colony in Inner Mongolia // TP. 1952. Vol. 41.
- Pulleyblank*. Some remarks. — *Pulleyblank E.* Some remarks on the Toquz-oghuz problem // CAJ. 1956. Vol. XXVIII.
- Pulleyblank*. The Wu-sun. — *Pulleyblank*. The Wu-sun and Sakas and the Yüch-chih migration // BSO(A)S. 1970. Vol. 33. Pt. 1.
- Radloff*. Altürkische Studien. III. — *Radloff W.* Altürkische Studien. III. Ein Fragment in türkische Runenschrift // ИАН. СПб., 1910.
- Radloff*. Altürkische Studien. IV–VI. — *Radloff W.* Altürkische Studien. IV–VI // ИАН. СПб., 1911–1912.
- Radloff*. Altugurische Sprachproben. — *Radloff W.* Altugurische Sprachproben aus Turfan // Nachrichten über die der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. SPb., 1899.
- Radloff*. Aus Sibirien. — *Radloff W.* Aus Sibirien. Bd. I–II. Leipzig, 1884.
- Radloff*. Chuastuanit. — *Radloff W.* Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer. SPb., 1909.
- Radloff*. Das Denkmal am Ongin. — *Radloff W.* Das Denkmal am Ongin // ATIM. 1895.
- Radloff*. Denkmäler. — *Radloff W.* Die Denkmäler von Koscho-Zaidam // ATIM. 2. Lief. 1894.
- Radloff*. Die alttürkischen Inschriften. — *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften aus dem Flussgebiete des Jenissei // ATIM. 1895.
- Radloff*. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Lief. 1–3. St. Petersburg, 1894–1895; N. F., 1897; Zw. F., 1899.
- Radloff*. Die Inschrift. — *Radloff W.* Die Inschrift vom Ichi-Chanyn-Nor // ATIM.
- Radloff*. Die Inschriften vom Ujbat. — *Radloff W.* Die Inschriften vom Ujbat // ATIM. 1895.
- Radloff*. Inschrift des Tonjukuk. — *Radloff W.* Die Inschrift des Tonjukuk // ATIM. Zw. F. 1899.
- Radloff*. Inschriften von Koscho-Zaidam. — *Radloff W.* Die Denkmäler von Koscho-Zaidam // ATIM. 2. Lief. 1894.
- Radloff*. Kuan-ši-im Pusar. — *Radloff W.* Kuan-ši-im Pusar. Ein türkische Uebersetzung des XXV Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika. SPb., 1911.
- Radloff*. Vorislamitischen Schriftarten. — *Radloff W.* Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben // ИАН. 1908. T. II.

- Radloff, Malov.* Suvarnaprabhāsa. — *Radloff W., Malov S.* Suvarnaprabhāsa. Das Goldglanz-Sūtra // Bibliotheca Buddhica. T. 17. SPb., 1913–1917.
- Radloff, Stael-Holstein.* Tišastoutik. — *Radloff W., Stael-Holstein A.* Tišastoutik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sutra. SPb., 1910.
- Ralph, Elliot.* Runes. — *Ralph W., Elliot M.* Runes. Cambridge, 1969.
- Ramstedt.* Stellung des Tschuwassischen. — *Ramstedt G. I.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // JSFOu. 1922–1923. Vol. XXXVIII.
- Ramstedt.* Zwei uigurische Runeninschriften. — *Ramstedt G. I.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // JSFOu. 1913–1918. Vol. XXX. N 3.
- Räsänen.* Beiträge. — *Räsänen M.* Beiträge zu den türkischen Runenschriften // SO. 1952. Vol. XVII. N 6.
- Räsänen.* Ein Ueberblick über die ältesten Denkmäler. — *Räsänen M.* Ein Ueberblick über die ältesten Denkmäler der türkischen Sprachen // SO. 1946. Vol. XIII. N 1.
- Räsänen.* Zu dem Runenschrifteintrag. — *Räsänen M.* Zu dem türkischen Runenschrifteintrag in der uigurischen Uebersetzung des buddhistischen Sufrā Säkiz Yükmäk // SO. 1936. Vol. VI. N 1.
- Reichelt.* Avesta reader. — *Reichelt H.* Avesta reader. Strassburg, 1911.
- Reichelt.* Die sogdischen Handschriftenreste. — *Reichelt H.* Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. Bd. I–II. Heidelberg, 1928–1931.
- Rinčen.* Les inscriptions inconnues. — *Rinčen Y.* Les inscriptions inconnues sur pierre et les plaques d'or ornementées du Harnais de Tonyoucouc // CAJ. 1959. Vol. IV. N 4.
- Rintchen.* Les dessins. — *Rintchen B.* Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie. Oulan-Bator, 1968.
- Rintchen.* La mention. — *Rintchen B.* La mention du nom de Činggis Qagan en écriture des turcs d'Orkhon // XXIV International Orientalisten-Kongress. Arbeitsplan und Mitglieder-Verzeichniss. München, 1957.
- Rohr-Sauer.* Abu Dulaf Bericht. — *Rohr-Sauer A. v.* Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien. Stuttgart, 1933.
- Rona.* On the development. — *Rona Tas A.* On the development and origin of the East Turkic «Runic» script // AOH. 1987. T. XLI. Pt. 1.
- Rosenthal.* History of the Muslim historiography. — *Rosenthal F.* History of the Muslim historiography. Leiden, 1952.
- Ross.* On nomadic movements. — *Ross E. D.* On nomadic movements in Asia. London, 1929.
- Rosthorn.* Die Hochburg von Zentralasien. — *Rosthorn A. v.* Die Hochburg von Zentralasien // F. Hirth anniversary volume. London, 1923.
- Rotours.* Histoire de Ngan-Lou-chan. — *Rotours R.* Histoire de Ngan-Lou-chan. Paris, 1962.
- Rotours.* Traité des examens. — *Rotours R. des.* Le traité des examens. Traduit de la Nouvelle histoire des Tang (chap. 44–45) Paris, 1932 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Études Chinoises. Vol. II).
- Roux.* A propos des osselets. — *Roux J.-P.* A propos des osselets de Gengis Khan // Tractata Altaica. Wiesbaden, 1976.
- Roux.* Faune et flore. — *Roux J.-P.* Faune et flore sacrées dans les sociétés altaïques. Paris, 1966.
- Roux.* La mort chez les peuples. — *Roux J.-P.* La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux. Paris, 1963.
- Roux.* Le nom du chaman. — *Roux J. P.* Le nom du chaman dans les textes turco-mongols // An thropos. 1958. T. 58.

- Roux.* La religion des Turcs. — *Roux J.-P.* La religion des Turcs de l'Orkhon des VIIe et VIIIe siècles // RHR. 1962. T. 161. N 1, 2.
- Roux.* L'origine celeste. — *Roux J.-P.* L'origine celeste de la souveraineté dans les inscriptions paléo-turques de Mongolie et de Sibérie // Studies in the History of Religions. Leyde, 1959.
- Roux.* Notes additionnelles à Tängri. — *Roux J. P.* Notes additionnelles à Tängri, le Ciel-Dieu des peuples altaïques // RHR. 1958. T. 154. N 1.
- Roux.* Tängri. — *Roux J.-P.* Tängri. Essai sur le Ciel-Dieu des peuples altaïques // RHR. 1956. T. 149. N 1, 2; 1957. T. 150. N 1, 2.
- Salemann.* Zur Handschriftenkunde. — *Salemann C.* Zur Handschriftenkunde al-Biruni's al-Atar al-baqiah // IAH. 1912. N 14.
- Samolin.* Some notes. — *Samolin W.* Some notes on the Avar problem // CAJ. 1957. Vol. III. N 1.
- Sarasin.* Die Seidenstrassen. — *Sarasin A.* Die Seidenstrassen von China nach dem Römischen Kaiserreich // Sinologica. 1947. Vol. I. N 1.
- Ščerbak.* De l'alphabet ouïgour. — *Ščerbak A.* De l'alphabet ouïgour // AOH. 1982. T. XXXVI.
- Ščerbak.* Inscriptions inconnues. — *Ščerbak A. M.* Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des Turcs Occidentaux // AOH. 1962. T. XV. Fasc. 1–3.
- Schaeder.* Der Manichäismus. — *Schaeder H. H.* Der Manichäismus und ein Weg nach Osten // Glaube und Geschichte. Festschrift für Fr. Gogarten. Giessen, 1948.
- Schaeder.* Ein partischer Titel im Sogdischen. — *Schaeder H. H.* Ein partischer Titel im Sogdischen // BSOS. 1935. Vol. VIII. Pt. 2–3.
- Schaeder.* Iranica. — *Schaeder H. H.* Iranica // AGWG. 3. F. 1934. N 10.
- Schaeder.* Wilhelm Thomsen. — *Schaeder H. H.* Wilhelm Thomsen Gesammelte Abhandlungen // UJ. 1935. Bd. 5. H. 1.
- Schafer.* The Golden Peaches. — *Schafer E. H.* The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics. Berkeley; Los Angeles, 1963.
- Schafer, Wallacker.* Local tribute products. — *Schafer E. H., Wallacker B. E.* Local tribute products of the T'ang dynasty // Journal of Oriental studies. 1957–1958. Vol. IV. N 1–2.
- Scharlipp.* An introduction. — *Scharlipp W. E.* An introduction to the old Turkish runic inscriptions. Engelschaff, 2000.
- Schlegel.* La stèle funéraire du Teghin Giogh. — *Schlegel G.* La stèle funéraire du Teghin Giogh et ses copistes et traducteurs chinois, russes et allemands // MSFOu. 1892. Vol. III.
- Schreiber.* Das Volk der Hsien-pi. — *Schreiber G.* Das Volk der Hsien-pi zur Han Zeit // MS. Tokyo, 1947. Vol. 12.
- Sertkaya.* Fragmente. — *Sertkaya O.* Fragmente in alttürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funde-Runen. Tamgas und Graffiti aus Aisen und Osteurope. Wiesbaden, 1985.
- Sertkaya.* Islami. — *Sertkaya O.* Islami devrenin uygur harfli eserlerine toplu bir bakış. Bochum, 1977.
- Shepherd, Henning.* Zandaniji identified? — *Shepherd D., Henning W. B.* Zandaniji identified? // Aus der Welt der islamischen Kunst. Festschrift für Ernst Kühnel. Berlin, 1959.
- Shiratori.* Fu-lin problem. — *Shiratori K.* A new attempt at the solution of the Fu-lin problem // MTB. 1956. N 15.
- Shiratori.* Study on Su-t'ê. — *Shiratori K.* A study on Su-t'ê or Sogdiana // MTB. 1928. N 2.

- Sinor*. Autour d'une migration. — *Sinor D.* Autour d'une migration des peuples au V siècle // JA. 1946–1947. Vol. 235.
- Sinor*. Introduction. — *Sinor D.* Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963.
- Sinor*. Qapqan. — *Sinor D.* Qapqan // JRAS. 1954. Pt. 3–4.
- Sinor*. The historical role. — *Sinor D.* The historical role of the Turk empire // Cahiers d'histoire mondiale. 1953. Vol. I. N 2.
- Sinor*. The legendary origin. — *Sinor D.* The legendary origin of the Türks // Folklorica: Festschrift for Felix J. Oinas. Bloomington, 1982.
- Slusiewicz*. Indo-aryen Turuska — *Slusiewicz E. V.* Indo-aryen Turuska // RO. 1953. Vol. XVII.
- Sprengling*. Tonyukuk's epitaph. — *Sprengling M.* Tonyukuk's epitaph: an old Turkish masterpiece // The American journal of Semitic languages and literatures. 1939. Vol. 56. N 1.
- Spuler*. Die nestorianische Kirche. — *Spuler B.* Die nestorianische Kirche // HO. 1961. Bd. 8.
- Stael-Holstein*. Brahmiglossen. — *Stael-Holstein A. v.* Bemerkungen zu den Brahmiglossen des Tišastvustik-Manuscripts // Radloff W. Tišastvustik. SPb., 1910 (Bibliotheca Buddhica. T. XII).
- Stein*. A Contribution. — *Stein M. A.* A Contribution to the History of the Šahis of Kabul // East and West. N. S. 1973. Vol. 23. N 1, 2.
- Stein*. Ancient Khotan. — *Stein A.* Ancient Khotan. Detailed report on archaeological explorations in Chinese. Turkestan. Vol. I. Oxford, 1907.
- Stein*. Étude du monde chinois. — *Stein R. A.* Étude du monde chinois: Institutions et concept II. Problème de littérature tibétaine dans les manuscrits de Touen-houang // L'Annuaire du College de France. 71 année. Paris, 1972.
- Stein*. Innermost Asia. — *Stein M. A.* Innermost Asia. Detailed report of explorations in Central Asia, Kansu and Eustern Iran. Vol. I–IV. Oxford, 1928.
- Stein*. Mi-ñag et Si-hia. — *Stein M. A.* Mi-ñag et Si-hia. Géographie historique et légendes ancestrales // BEFEO. 1951. Vol. XLIX.
- Stein*. On ancient Central-Asian tracks. — *Stein M. A.* On ancient Central-Asian tracks. London, 1933.
- Stein*. Serindia. — *Stein M. A.* Serindia. Vol. I–III. Oxford, 1921.
- Strahlenberg*. Das nord- und Ostliche Theil. — *Strahlenberg K. I.* Das nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. Tab. V. XII. (Studia Uralo-Altaica. T. VIII. Szegei, 1975.).
- Storey*. Persian literature. — *Storey C. A.* Persian literature. A bio-bibliographical survey. London, 1927–1938.
- Takacs*. On the Hsiung-nu figure. — *Takacs Z.* On the Hsiung-nu figure at the tomb of Huo Chü-ping // MS. 1938. Vol. 3.
- Tarn*. Greeks in Bactria. — *Tarn W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
- Tarn*. Seleucid Parthian studies. — *Tarn W.* Seleucid Parthian studies // Proceedings of the British Academy. 1930. Vol. XVI.
- Tavadia*. Literatur der Zarathustrier. — *Tavadia J. C.* Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig, 1956.
- Tekin*. A grammar. — *Tekin T.* A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.
- Tekin*. Die uigurische Weihinschrift. — *Tekin T.* Die uigurische Weihinschrift eines buddhistischen Klosters aus den Jahren 767–790 in Tuyuq // UAJ. 1976. Bd. XLVIII.

- Tekin*. Irk Bitig. — *Tekin T.* Irq Bitig. The Book of Omens. Wiesbaden, 1993.
- Tekin*. On a Misinterpreted Word. — *Tekin T.* On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions // UAJ. 1964. Bd. XXXV. Fasc. B.
- Tekin*. Uygur bilgini. — *Tekin S.* Uygur bilgini Singku Seli Tutung'un bilinmeyen yeni bir çevirisi üzerine // TDAYB. 1966.
- Tezcan*. Tonyukuk. — *Tezcan S.* Tonyukuk yazitmda birkaç düzeltme // TDAYB. 1975–1976.
- Tezcan*, Zieme. Uigurische Brief Fragmente. — *Tezcan S., Zieme P.* Uigurische Brief Fragmente // Studia Turcica. Budapest, 1971.
- The history of the Caucasian Albanians. — The history of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci / Transl. by G. J. F. Dowsett. London, 1961.
- Thomas*. Ancient folk-literature. — *Thomas F. W.* Ancient folk-literature from North-Eastern Tibet. Berlin, 1957.
- Thomas*. Nam. — *Thomas F. W.* Nam. An ancient language of the Sino-Tibetan borderland. London, 1948.
- Thomas*. Tibetan literary text. — *Thomas F. W.* Tibetan literary text and documents concerning Chinese Turkestan. London, 1935.
- Thomas*, Clauson. Chinese Buddhist text. — *Thomas F. W., Clauson G. A.* A Chinese Buddhist text in Tibetan writing // JRAS. 1926.
- Thomas*, Clauson. Second Chinese text. — *Thomas F. W., Clauson G. A.* Second Chinese Buddhist text in Tibetichfn characters // JRAS. 1927.
- Thomsen*. Alttürkische Inscriften. — *Thomsen V.* Alttürkische Inscriften aus der Mongolei // ZDMG. 1924–1925. Bd. 78.
- Thomsen*. Blatt. — *Thomsen V.* Ein Blatt in türkischer «Runenschrift» aus Turfan // SPAW. 1910.
- Thomsen*. Déchiffrement. — *Thomsen V.* Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Jenisséi. Notice préliminaire // Bulletin de l'Académie des sciences et des lettres de Danemark. 1893.
- Thomsen*. Dr. M. A. Stein's manuscripts. — *Thomsen V.* Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish «Runic» script from Miran and Tun-huang // Sam. Afh. Bd. 3. Kobenhavn, 1922.
- Thomsen*. Dr. M. A. Stein's manuscripts 1912. — *Thomsen V.* Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang // JRAS. 1912. Pt. 1.
- Thomsen*. Fragment. — *Thomsen V.* Fragment of a runic Turkish manuscript Kao 0107 from Kara-Khova // Innermost Asia. Vol. II. Oxford, 1928.
- Thomsen*. Gammel-tyrkiske Indskrifter fra Mongoliet. — *Thomsen*. Gammel-tyrkiske Indskrifter fra Mongoliet // Sam. Afh. Bd. 3. Kobenhavn, 1922. (Пер. на нем. яз. Г. Шедера: ZDMG. 1924–1925. Bd. 78).
- Thomsen*. Inscription de l'Orkhon. — *Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1896 (MSFOu, V).
- Thomsen*. Inscriptions runiques. — *Thomsen V.* Inscriptions runiques turques de Mongolie et de Sibérie // Sam. Afh. Kobenhavn, 1922.
- Thomsen*. Turcica. — *Thomsen V.* Turcica. Études concernant l'interprétation des inscription turques de la Mongolie et de la Sibérie // Sam. Afh. Bd. 3. Kobenhavn, 1922.
- Thomsen*. Une lettre méconnue. — *Thomsen V.* Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénisséi // JSFOu. 1913–1918. Vol. XXX. N 4.

- Togan*. Ibn Fadlan's Reisebericht. — *Togan A. Z. V.* Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939. (AKM. Bd 24. H. 3).
- Togan*. Nordvölker bei Birüni. — *Togan A. Z. V.* Nordvölker bei Birüni // ZDMG. 1936. Bd. 90.
- Togan*. Völkerschaften des Chazarenreiches. — *Togan A. Z. V.* Völkerschaften des Chazarenreiches im neunten Jahrhundert // KCsA. 1940. Bd. III. H. I.
- Tomaschek*. Alani. — *Tomaschek*. Alani // PWRE. Bd. I.
- Tongerloo*. La structure. — *Tongerloo A.* La structure de la communauté manichéenne dans le Turkestan Chinois à la lumière des emprunts moyen-iraniens en ouïgour // CAJ. 1982. Vol. XXVI. N 3–4.
- Trivedi*. Agni-Purana. — *Trivedi H.* The study of ancient geography (Agni-Purana) // Indian historical quarterly. 1933. Vol. IX. N 2.
- Tryjarsky*. L'inscription turque. — *Tryjarsky E.* L'inscription turque runiforme d'Arkhanen en Mongolie // UAJ. 1965. Bd. XXXVI. H. 3–4.
- Tryjarsky*. The present state. — *Tryjarsky E.* The present state of preservation of old Turkic relics in Mongolia and the need for their conservation // UAJ. 1966. Vol. XXXVIII.
- Tryjarsky*, *Hamilton*. L'inscription turque runiforme. — *Tryjarsky E.*, *Hamilton J. H.* L'inscription turque runiforme de Khutuk-ula // JA. 1975.
- Tuna*. Köktürk yazılı belgelerinde uzun vokaller. — *Tuna O. N.* Köktürk yazılı belgelerinde uzun vokaller // TDAYB. 1960.
- Turan*. Ideal of world domination. — *Turan O.* The ideal of world domination among the medieval Turks // Studia Islamica. 1956. Vol. IV.
- Turan*. On iki takvimi. — *Turan O.* On iki hayvanlı türk takvimi. Istanbul, 1941.
- Uray*. The Old Tibetan sources. — *Uray G.* The Old Tibetan sources of the History of Central Asia up to 751 A. D.: A survey // Prolegomena to the sources on the History of pre-Islamic Central Asia / Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1979.
- Uray*. Tibet's connections. — *Uray G.* Tibet's connections with Nestorianism and Manicheism in 8th – 10th centuries // Wiener Studies zur Tibetologie und Buddhismus-Kunde. H. 10. Wien, 1983.
- Vambéry*. Noten zu den alttürkischen Inschriften. — *Vambéry H.* Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibériens, 1898 (MSFOu. XII).
- Vambéry*. Türkenvolk. — *Vambéry H.* Das Türkenvolk in seinen ethnologischen Beziehungen. Leipzig, 1885.
- Waley*. The heavenly horses. — *Waley A.* The heavenly horses of Ferghana. A new view // History today. 1955. N 2.
- West*. Pahlavi literature. — *West E. W.* Pahlavi literature // Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg, 1904. Bd. II.
- Widengren*. Xosrau Anōšurvān. — *Widengren G.* Xosrau Anōšurvān, les Hephtalites et les peuples turcs // Orientalia Suecana. 1952. Vol. I.
- Wieger*. Textes historiques. — *Wieger L.* Textes historiques. Vol. 1–4. Hien-Hien, 1905–1907.
- Wittfogel* and *Fêng Chia-shêng*. History of Chinese society. — *Wittfogel K. A.* and *Fêng Chia-shêng*. History of Chinese society Liao (907–1125). Philadelphia, 1949 (TAPhS. N. S. Vol. 36).
- Wüstenfeld*. Geschichte der Stadt Mekka. — *Wüstenfeld F.* Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka von Abul-Walid ben Abdallach el Azraki. Bd. I. Leipzig, 1859.
- Yetts*. The horse. — *Yetts P. W.* The horse. A factor in early Chinese history // ESA. 1934. Vol. IX.

- Yü Ying-shih*. Trade and expansion in Han China. — *Yü Ying-shih*. Trade and expansion in Han China. A study in the infrastructure of Sino-Barbarian economic relations. Berkeley; Los Angeles, 1967.
- Yule*. Cathay. — *Yule H.* Cathay and the way thirther. New edition revised... by H. Cordier. Vol. I–IV. London, 1915–1916 (The Hakluyt Society. Second series. N 33, 37, 38, 41).
- Yule*. The Book. — *Yule H.* The Book of ser Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and marvels of the East. Vol. I. 3-rd éd. London, 1903.
- Zieme*. Beiträge. — *Zieme P.* Beiträge zur Erforschung des Xuastvanit // MIO. 1966. Bd. 12.
- Zieme*. Ein uigurischer Text. — *Zieme P.* Ein uigurischer Text über die Wirtschaft manichäischer Klöster im Uigurischen Reich // Researches in Altaic languages. Budapest, 1975.
- Zieme*. Research on Uigur documents since 1975. — *Zieme P.* Research on Uigur documents since 1975 // JA. 1981. T. 269. Fasc. 1–2.
- Zieme*. Türkçe bir mani siri. — *Zieme P.* Türkçe bir mani siri // TDAYB. 1968.
- Zieme*. Zu einigen Problem. — *Zieme P.* Zu einigen Problem des Manichäismus bei den Türken // Traditions religieuses et parareligieuses des peuples altaïques. Paris, 1972.
- Zieme*. Zwei Ergänzungen. — *Zieme P.* Zwei Ergänzungen zu der christlichtürkischen Handschrift. T. 2. Bd. 1. // Altorientalischen Forschungen. Bd. 5. Berlin, 1977.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Часть I

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глава I. ОТКРЫТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	11
Знаки на скалах	11
Руны Сибири	14
Орхонская билингва	16
Создание тюркской рунологии	21
Согдийская эпиграфика тюрков	30
Глава II. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ	35
Руническое письмо	35
Памятники древнетюркской рунической письменности и их классификация	42
Орхонские тексты — стихи или проза	46
Историографическое значение орхонских памятников	48
Глава III. ЭПОХА РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	90
Первые сведения о тюрках	90
Первый каганат	92
Под властью империи	95
Восстание в Шаньюевом наместничестве	98
Война на границе	107
Отюкенская чернь	109
Время Мочжо	112
Кризис каганата	114
Токуз-огузы	118
Последнее десятилетие	120
Глава IV. СОГДИЙЦЫ И ТЮРКИ	122
Согдийцы	122
Тюрки	147
Страна Аргу	168

Глава V. ВОСТОЧНОТЮРКСКИЙ КАГНАТ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ	182
Западный поход	182
Кангу Тарбан	203
Кенгересы	209

Часть II

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки)	231
Представление о времени и пространстве в древнетюркских памятниках	237
Образ кагана в орхонских памятниках	243
Царский род «голубых тюрков»	246
Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни	249
Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи)	253
Наскальные рунические надписи Монголии	271
К вопросу о подлинности древнетюркской надписи с именем Чингиз-хана	278
К историографической оценке Уланкомской надписи	282
По поводу интерпретации Уланкомской надписи	285
Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии	289
Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане	294
Кипчаки в рунических памятниках	301
«Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп	313
Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках	319
Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках	339
Памятники древнетюркской письменности в Восточном Туркестане	358
Хунны и тюрки в Восточном Туркестане	414
Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.)	460
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	
Имперский фон древнетюркской цивилизации	490
Список сокращений	497
Сиглы памятников	501
Список использованной литературы	502

6

Научное издание

Сергей Григорьевич Кляшторный
**ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И ПАМЯТНИКИ РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА**

Ответственный редактор *В. В. Яковлев*

Редактор *О. С. Капполь*

Корректоры *Н. И. Васильева, Д. Е. Стукалин,*

М. К. Одинокова, В. О. Кондратьева

Технический редактор *И. К. Иванова*

Художник *С. В. Лебединский*

Компьютерная обработка текста *О. А. Герасимова,*

И. В. Герасименко, И. К. Иванова

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 16.05.2003 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 32. Тираж 1000 экз. Заказ № 306.

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «ИПК «Бионт»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86, тел. (812) 320-52-85.

История

центральной

Азии

и памятники
рунического письма

Сергей Григорьевич
Кляшторный —
историк-тюрколог, профессор,
заведующий сектором
тюркологии и монголистики
Санкт-Петербургского
филиала Института
востоковедения РАН с 1964 г.
и по настоящее время.
В 1947–2000 гг. участник,
а затем и руководитель ряда
археологических
и эпиграфических экспедиций
в Средней Азии, Казахстане,
Киргизии, Туве, Южной
Сибири и Монголии.
Автор более 280 научных
работ по истории и культуре
тюркских народов и древней
истории Центральной Азии.

ISBN 5-8465-0106-0

9 785846 501065